ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра археологии, этнологии, истории древнего мира

ГОУ ВПО ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОУ ВПО ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО НАУКЕ И ИННОВАЦИЯМ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УЧРЕЖДЕНИЕ РАН ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии

ВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Иркутская школа 1918 – 1937 гг.

Всероссийский семинар,

посвященный 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри

Иркутск
2009

УДК 902/904(571.53)(063)
ББК Т4(2Р-4Ир)лО
В88

Рецензенты:
д.и.н., профессор Н.И.Дроздов
д.и.н., профессор А.И.Харинский

В88

Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3-6 мая 2009 г. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. — 390 с.
ISBN

Сборник содержит материалы докладов всероссийского семинара, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося археолога и этнолога Б.Э.Петри, основателя иркутской школы археологии и этнологии, и представляет результаты исследований в области истории отечественной археологии и этнологии, археологии, этнологии с привлечением современных методов смежных наук, вузовского преподавания.

Издание предназначено археологам, этнологам, преподавателям вузов и всем, интересующимися проблемами истории народов Северной Азии.

УДК 902/904(571.53)(063)

ББК Т4(2Р-4Ир)лО

Ответственный редактор:
д.и.н., профессор Г.И.Медведев

Редакционная коллегия:
Н.А.Батракова, Н.Е.Бердникова, Т.Н.Кононова,
к.и.н. Е.А.Липнина, Г.Н.Михнюк, к.и.н. М.Г.Туров

В статьях сохранена авторская стилистика

ISBN

© ГОУ ВПО Иркутский государственный университет
© Институт археологии и этнографии СО РАН
©Авторы статей
© Е.В.Меньшагин, портреты Б.Э.Петри
© И.М.Бердников, дизайн обложки

…Память человека — специфический класс волн мышления, связанный с памятью биосферы, способный к накоплению, сохранению, воспроизведению информации…

Ю. Волков, В. Поликарпов

Память — способность к мысленному воспроизведению и моделированию в уме прошлого индивидуального опыта… Различают память *кратковременную* — от долей секунды и до десятков минут и *долговременную* — сопоставимую по длительности с продолжительностью жизни индивида.

Н. Реймерс

Человек — единственное существо на земле, испытывающее постоянную потребность «оглядываться» — обращать свою память к прошлому и отыскивать там, в ее хранилищах необходимые ориентиры к разным своим поступкам и оценкам их в настоящем.

В наименовании семинара и сборника материалов к нему — «Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг.» — к 125-летию со дня рождения Б.Э. Петри, — соблюдены основные методологические требования, предъявляемые к любому научному знанию, которое можно взять в пример: глобальный, региональный, местный аспекты рассмотрения проблемы. Они присутствуют, взаимно связаны и обогащены данными из коллективной памяти.

В предлагаемом тематическом варианте они столь тесно переплетены исторически, что, порой, трудно дифференцировать составляющие части, или элементы. Причинные основания такого положения заложены, конечно же, самой личностью Бернгарда Эдуардовича Петри, пусть даже недостаточными еще знаниями о жизни и труде этой личности, которые нам доступны. Бернгард Эдуардович Петри — ученый и общественный деятель национально-государственной значимости, личность, состоявшаяся от прирожденных свойств таланта, благоприобретенных качеств интеллекта, идейной, нравственной цельности и устремленности. Фигура Б.Э. Петри занимает необходимое почетное место в рядах многих подвижников Сибириведения, Байкаловедения, практического народоведения и для нескольких поколений исследователей служит надежным ориентиром. Образ ученого очерчен трагическим контуром бессмысленной, жестокой гибели в 1937 г. от рук временщиков — преходящих управителей людскими жизнями и судьбами громадной Страны России, которую любил этот неординарный человек и, который беззаветно служил до конца…

Объемы, формы, окрасы знания о предметах и явлениях всегда определялись, и будут впредь определяться фондами памяти. Память о Б.Э. Петри на истфаке Иркутского университета (ИРГОСУН'а) никогда не исчезала, но долгое время ее старательно индивидуально, «по частям», прятали. Причины очевидны, и у каждого была своя память об ученом.

«Реабилитация» имени и жизни Б.Э. Петри активизировалась после 1953 г. Известность ученого из семейных фольклорных и бытовых фотографических архивов, преподавательских воспоминаний ушла в достаточно широкую студенческую среду и надежно там обустроилась. Первыми, наверное, были рассказы И.В. Арембовского, а первыми их слушателями являлись студенты — геологи ИГУ. На истфаке Иркутского университета огромную роль сыграли пове-

ствования М.М. Герасимова в экспедиционных вечерних беседах у костров 1957-1959 гг. на раскопках в Мальте. Они дополнялись оригинальными рассказами Л.Н. Иваньева, постоянно сопоставлявшего Б.Э. Петри, Н.Я. Ходукина, В.И. Подгорбунского в жизненной практике каждого, их отношениях, их личных характерах. Серьезными и содержательными были воспоминания С.В. Шостаковича, бывшего много раз свидетелем и участником бесед отца В.Б. Шостаковича и Б.Э. Петри.

Образ Б.Э. Петри в повествованиях, репликах, шутках М.М. Герасимова, Л.Н. Иваньева, С.В. Шостаковича и других превратился в портрет интереснейшей личности, обладавшей массой разных достоинств. В собрании черт характера личности Б.Э. Петри легко можно было разглядеть и достоинства ученого, и умения руководителя, организатора — исследователя, черты сугубо мужского характера, поведенческие наклонности категоричности и компромиссных поступков, мастерового на все руки, азартного охотника, и стабильного «любимца дам». Сергей Владимирович Шостакович интересно рассказывал о почти телесных ощущениях «флюидов значимости», исходивших от Петри — собеседника. Последний, по всей видимости, знал о такой своей особенности и с интересом наблюдал за произведенным впечатлением. С.В. Шостакович говорил о Б.Э. Петри, как о явлении неординарном и в науке, и в общеуниверситетском общежитии. По словам Сергея Владимировича, Б.Э. Петри вызывал, порой, робость у коллег одним своим присутствием.

В 1968 г. Георгий Францевич Дебец, единственный, кто называл себя учеником Б.Э. Петри в археологии «документально», и постоянный «визави» ученого, сдержанно и осторожно рекомендовал не увлекаться идеализацией личности своего учителя в целом. Он определил Б.Э. Петри, человека, исследователя, тематического партнера неоднозначным, с большим запасом противоречивости в характере и действиях. Были, разумеется, и другие источники сведений о жизни и деятельности Б.Э. Петри — инициативные личные, доступные письменные, косвенные из всего тогдашнего объема информации.

В начале 70-х годов прошлого века исподволь родилась, утвердилась тема личности Б.Э. Петри, его деяний и его «детища» — «иркутской школы». Специально тема не утверждалась, ни за кем не закреплялась протоколом. Она была как бы «коллективной». Но, неявно, сотрудники кафедры всеобщей истории и Лаборатории археологии и этнографии при кафедре — Н.А. Савельев и В.В. Свинин — образовали ее авторское начало. Можно сказать, что Б.Э. Петри, символически, вернулся в Иркутский университет, на исторический факультет, который сам создавал в 1918 г., на кафедру всеобщей истории, которую тогда и возглавил, и где создал археологическое — этнологическое научно-практическое направление. Возвратился памятью, образом, примером, многими полезными сведениями и рекомендациями. Н.А. Савельев и В.В. Свинин «достучались» до следственных материалов Б.Э. Петри и его соратников — В.И. Сосновского, П.Г. Полтораднева… Ими были собраны интересные архивные данные. Все, что в разных авторских версиях было запущено в печать в 80-х-90-х гг. XX в., все, что публикуется сегодня о Б.Э. Петри, есть результат того, давнего уже «возвращения». Введенные в научный и общественный оборот сведения о Б.Э. Петри до сего дня и неполны и еще мало аналитичны. Такая ситуация на рубеже двух тысячелетий документирует, прежде всего, масштабность личности, которую трудно объять однозначной оценкой. Она подтверждает надобность постоянного возвращения к опыту жизни этого удивительного ученого человека, который, возможно, и не следовал разработанной для себя методике действий и, наверно, вовсе не разрабатывал таковую, и даже не думал о ней, но именно он создал вузовскую научную этнологию и ее палеонтологическую ветвь — археологию. Он смог замкнуть на деятельности смонтированного им университетского изыскательского организма академический исследовательский и ВСОРГОвский краеведческий вектора, он вывел иркутскую Вузовскую археологию и этнографию в ряд народно-хозяйственных предприятий государственного масштаба.

Бернгард Эдуардович Петри в сибирский вузовский мир ввел методику специального кабинетно-экспериментального обучения, базу которого составляли: наглядное документирование лекционных текстов и семинарских упражнений; прямое общение с вещественными материалами в аналитических операциях; практика организованного изыскания, извлечения, фиксации, правил формирования фонда данных. Позже, в советской высшей школе, эту методу назвали «лабораторным методом обучения». Конечно, Б.Э. Петри проходил ее в своем студенчестве. По сути дела, эта метода родилась всего на несколько десятилетий ранее Бернгарда Эдуардовича — около 1815 г. одновременно в Гетингенском и Санкт-Петербургском университетах [К.А. Ланге «Организация управления научным исследованием», 1971]. Это были «профессорские чаи» когда за одним столом у мэтра и сам мэтр, и разномастное, разновозрастное студенчество становились одинаково коллаборантами науки. Там царила мораль равностороннего уважения и взаимной ответственности. Несомненно, от этой традиции, через педагога — наставника Б.Э. Петри, его школу, утвердилась неколебимая рабочая позиция М.М. Герасимова: «не руководить, но советовать». Этот же принцип и «благородная фронда» в деяниях Г.Ф. Дебеца. Но от Петри — учителя они воспитали в себе и потребность постоянной градации собственного уровня квалификации, активной позиции высококлассного специалиста — «делай как я». Петринская научно-педагогическая школа подарила миру знания трех «генераторов» науки — И.В. Арембовского, М.М. Герасимова, Г.Ф. Дебеца; одного великого организатора науки, теоретика — интерпретатора — А.П. Окладникова. Другие приобрели на всю оставшуюся жизнь мощную энергетику непременного научного функционирования. Кто-то погиб вместе с учителем, кто-то потускнел в репрессиях….

Хорошее знакомство с основами наукознания в семейной традиции и на базе ведущих школ Москвы и Санкт-Петербурга — Петрограда, собственный опыт наблюдения и организации научных изысканий в Санкт-Петербургском университете с прямым участием во многих интересных начинаниях — все это обеспечило Б.Э. Петри органическое вхождение в междисциплинарную атмосферу нового, и единственного в Северной Азии, Биолого-географического Института при Иркутском государственном университете, организованного в 1922 г. Следуя исторической традиции, «отцом» БГНИИ принято считать В.Ч. Дорогостайского. Петри и Дорогостайский были дружны. И хотя, в общем климате этой дружбы было много дней с переменной погодой, эти два ученых создали надежные основания междисциплинарных научных взаимодействий. Им удалось создать удивительный по результативности в организации научного функционирования треугольник: Директор — биолог и математик Б.А. Сварчевский, генератор идей — зоолог В.Ч. Дорогостайский, координатор изысканий — археолог, этнограф, религиовед — Б.Э. Петри. Стремление быть в этой среде испытывали многие факультеты в ИРГОСУНе. Тяга к общению с коллективом института в 50-е — 60-е гг. XX в. в Иркутском университете еще имела межфакультетский характер. Она есть и сейчас, как память традиции, и, видимо, будет всегда, но слишком уж велик крен узкой специализации этого уникального Вузовского организма в наши дни.

В публикациях настоящего издания предложены сюжеты, посвященные живой работе Б.Э. Петри. Если 125 лет спустя от рождения этого человека есть коллективное осознание органической надобности конструктивной памяти о нем и его делах, значит можно поздравить всех участников нашего «домашнего» семинара с достаточно верным совпадением в нынешнем понимании пути развития науки о Человеке и теми — «петринскими» — видениями ее будущего, которые вынашивал патриарх — профессор.

Совпадение сегодняшних оценок деятельности ученого на различных поколенческих уровнях, разработка многих новых сюжетных эпизодов его былой жизни радует своей энергетикой, целенаправленностью, бескорыстностью. Будем надеяться, что в этих инициативах работают «флюиды» петринского «обаятельного наследия», что это залог предстоящих научных успехов не одного еще поколения исследователей. Валерий Павлович Алексеев как-то сказал, вторя предостережениям Г.Ф. Дебеца: «Вы, иркутяне, склонны многих, в прошлом, идеализировать». Вероят-

но, это так, и, наверное, выглядит со стороны достаточно откровенно. Но в таком подходе есть глубокий смысл. Детей надо баловать, память о необходимых людях следует идеализировать, иначе не будет модели жизненных действий. Она, эта модель, крайне необходима всегда и всем тем, кто растет.

Процесс познания Б.Э. Петри — археолога, можно смело сказать, не завершился и по сей день, и, слава богу, его продолжают молодые специалисты. Наверное, о лучшей форме памяти ученому трудно мечтать при жизни.

Итак, предлагаемый читателю сборник научных статей приурочен к 125-летию со дня рождения Б.Э. Петри и к юбилею создания в марте 1919 г. при кафедре истории первобытной культуры Иркутского университета студенческого научного кружка «Народоведение», основателем которого и его руководителем он был.

Б.Э. Петри — человек незаурядных способностей, круг научных интересов которого сформировался еще в его Петербургской юности. Он получил образование в Петербургском университете на географическом отделении естественного факультета. Этнография в те времена преподавалась в рамках естественнонаучных дисциплин. Именно с этой дисциплиной, а также сопряженными с нею научными направлениями, и будет связана научно-изыскательская и педагогическая деятельность Б.Э. Петри на протяжении всей его жизни. Конкретика же этой деятельности выразилась и началась с глубокого интереса к изучению жизни сибирских народов. Его интересовало все: проблемы истории семьи, брака, возникновение и становление религиозных убеждений, происхождение народов Сибири и по сути — сам человек и его культурные традиции, а значит не только сугубо этнографические изыскания, но и в огромной степени археологическая и антропологическая проблематика.

Тематически сборник представлен широким разнообразием публикаций. Открывается он разделом «Иркутская школа археологии: люди и судьбы», в котором объединены статьи, где речь идет, так или иначе, о личности Б.Э. Петри и его научной деятельности. Назван он так не случайно, поскольку включает в себя публикации разноплановые: и о самом ученом, и о результатах его деятельности в области, как археологии, так и этнографии, и о судьбах и научных достижениях его учеников и соратников. Биографический очерк «По делам их узнаете их» (А.Д. Калихман, Т.П. Калихман) представляет в сжатой форме жизнеописание и научные достижения создателя «иркутской школы археологии». В достаточно эмоциональной форме авторы выражают свое отношение к произвольной, с их точки зрения, оценке, которая уделяется заслугам Петри в научных изданиях, и сетуют на некоторое забвение его имени. Большая часть статей этого раздела касается деятельности ученого, связанной с археологическими и этнографическими экспедициями: материалы об экспедициях Петри в Восточные Саяны по линии комитета Севера (Л.Р. Павлинская), раскрывающие его личность не только как высоко эрудированного ученого, но и как человека «безгранично преданного своему делу», искренне желающего помочь отстоять права малочисленных народов Восточных Саян и сохранить их самобытную культуру; статья об исследованиях Б.Э.Петри Байденских пещер в Приольхонье (А.В. Харинский), большинство материалов которых за 1916 г. ранее не были опубликованы, и в которой автор излагает и концепцию Петри по поводу «культуры курумчинских кузнецов» и свой собственный взгляд на эту проблему; исследование работ Петри на Южном Байкале (Е.О. Коршунов), где автор довольно подробно и скрупулезно анализирует все сохранившиеся архивные данные — коллекции и дневниковые записи за период с 1916 г. по 1936 г; публикации, вводящие в научный оборот информацию о полном перечне имеющихся в Иркутском краеведческом музее археологических коллекций, собранных Б.Э. Петри (Д.Л. Шергин) и описание его же коллекции изделий из бронзы (Г.Л. Иванов).

Значительный объем занимает информация о различных страницах биографии и научной деятельности учеников Б.Э. Петри — Г.В. Ксенофонтова, (В.М. Дьяконов), о деятельности и сотрудничестве которого с Петри и о влиянии Бернгарда Эдуардовича и его комплексного научно-

го подхода к изучению культурных традиций на него, автор рассказывает в сжатой и достаточно емкой форме, используя материалы архива Ксенофонтова; Е.П. Титова (М.В. Константинов), о котором автор публикует новые архивные материалы, связанные с его трагической судьбой и который был расстрелян в 1938 г.; Г.П. Сосновского (Л.Ю. Китова), о котором, пожалуй, впервые дается такой объемный биографический очерк с основными вехами его жизненной и научной составляющей, и, к большому сожалению, так рано ушедшего из жизни; П.П. Хороших (Н.А. Савельев, А.С. Пержакова), о котором также до сих пор не было написано биографической сводки. Кроме того, авторы приоткрывают некоторые страницы жизни этого человека, относиться к которым можно по-разному: как к объективной реальности — с пониманием тех сложных революционно-перестроечных событий 20-х — 30-х гг., а можно относиться и субъективно — с некоторой долей неприятия. Особый интерес представляет объемная работа С.В.Алкина, посвященная уже упомянутому Е.И. Титову. Она на сегодняшний день является, пожалуй, наиболее подробным жизнеописанием талантливейшего ученика Б.Э.Петри, который разделил участь своего учителя в далекие смутные времена 30-х годов XX в. В статье по новым архивным данным детально освещается деятельность Титова, связанная с его исследованиями коренного населения Сибири.

Также в этом разделе помещены статьи, освещающие некоторые страницы эпистолярного творчества Б.Э. Петри через его письма Г.К. Мергарту (В.Е. Детлова), А.М. Тальгрену (А.С. Вдовин, С.В. Кузьминых), П.К. Козлову (М.Ф. Матвеева, А.А. Сирина). Это творчество имеет совершенно особую окраску, тем более, что современные отношения практически исключили подобную деятельность из жизни человека. А именно строчки письма, порой, открывают совершенно новый взгляд на жизненные, а в нашем случае и научные позиции автора.

Второй раздел «История археологических и этнологических исследований в Северной Азии» содержит также разноплановые с точки зрения историографического экскурса в ту или иную тематику. Имеются статьи, которые представляют некоторый итог продолжительных археологических исследований определенной территории в целом (С.П. Нестеров; Е.В. Акимова). Есть ряд публикаций, где авторы касаются в рамках этой же тематики исследований конкретного историко-археологического среза определенной территории с глубоким анализом уже имеющихся материалов и дающих перспективы на будущие исследвания (А.Н. Толкацкий — средневековые памятники Канского района; Е.В. Подзюбан — мезолит Северного Казахстана; В.С. Зубков — энеолит и бронзовый век Хакасско-Минусинского края). Обзор П.В. Мандрыки сообщает о большом вкладе археологов 20-х — 30-х гг. XX в. — Г. Мергардта, Б.Э. Петри, В.Г. Карцова — в изучении некоторых проблем эпохи металла. Исследование А.Г. Марочкина является историографическим эссэ в связи с упорядочиванием подходов к выделению погребальных памятников эпохи энеолита по материалам лесостепной зоны Западной Сибири. По архивным данным М.И. Гантимурова дает новые сведения, уточняющие материалы о деятельности ЗОРГО и краевого музея г. Чита в 1917-22 гг., когда в России, и в частности на территории Забайкалья, происходили значительные социальные изменения, что влияло на структурные и организационные моменты их деятельности. Весьма интересна статья Л.Г. Ярославцевой, где впервые дается читателю возможность увидеть довольно подробную биографическую сводку о жизненном и творческом пути Э.Р. Рыгдылона — человека незаурядного, от природы талантливого и совершенно увлеченного своими этнологическими изысканиями, прожившего удивительную жизнь с чередой, как сложных жизненных перипетий, так и значительных творческих достижений. Оригинальные взгляды на проблему формирования бохайской культуры изложены О.В. Дьяковой. Автор полагает, что привлечение новых археологических источников позволит вывести исследование бохайской проблемы на новый качественный уровень, исключив некоторую однобокость трактовки как самобытного этногенеза бохайцев, так и влияния государства Бохай на формирование корейской и китайской государственности, основанные лишь на средневековых китайских источниках.

Третий раздел сборника «Археология Северной Азии. Человек в палеообстановке верхнего кайнозоя» включает наибольшее число публикаций. Основная их часть носит информационно-аналитический характер, вводит в научный оборот данные по результатам исследований, открытых в последние годы и ранее известных геоархеологических объектов. Авторские материалы этой части раздела условно группируются в два подраздела, описывающие материальные остатки деятельности древнего человека в широком хроностратиграфическом диапазоне позднего плейстоцена — голоцена. Первый подраздел включает описания результатов исследования палеолитических местонахождений (Е.В. Акимова и др., В.В. Краснощеков, А.Г. Новиков, В.И. Ташак, С.Н. Пержаков, А.В. Тетенькин, Е.О. Роговской и Г.И. Медведев, П.В. Афанасьев). Следующий подраздел содержит материалы по результатам исследований археологических местонахождений и комплексов стоянок эпохи неолита — ранней бронзы (Н.В. Цыденова, Д.В. Лохов, А.И. Поселянин). Среди публикаций этого раздела, пожалуй, следует особо выделить статью Н.Е. Бердниковой и Г.А. Воробьевой, основной целью которой является попытка обратить более пристальное внимание на «возможности интерпретации геоархеологических контекстов», в которой авторы предлагают оригинальный взгляд на решение актуальной проблемы распознавания и возможностей интерпретации археологических следов и остатков деятельности человека, единственных и, как правило, «обезличенных, предельно усеченных» информационных источников о перешедших в «ископаемое» состояние живых культурах древности. Также хотелось бы отметить оригинальную публикацию материалов исследований И.М. Бердникова «Изучение декора керамических сосудов в археологии (проблемы терминологии и описания)». Интерес читателя, на наш взгляд, будет обусловлен тем, что, опираясь на серию теоретических разработок отечественных и зарубежных авторов, И.М. Бердников предлагает свое видение оптимальных вариантов терминологии и методики археологического описания орнаментики керамических сосудов. Определенный интерес представляют материалы публикаций В.М. Ветрова, который, обсуждая результаты раскопок стоянки Усть-Каренга I (Читинская обл.) и не ограничиваясь введением в научный оборот сведений об археологическом материале, анализирует перспективы дальнейшего тематического исследования данного наиболее древнего для локального субрегиона Забайкалья геоархеологического объекта. Несомненный интерес читателя вызовет работа Ю.Е. Антоновой, которая, оперируя материалами стоянки Били (Юг Западного Забайкалья), предлагает пересмотреть бытующую датировку переходного этапа эпохи финального мезолита — неолита в сторону её омоложения. Отдельный интерес представляет собой публикация Ю.В. Серикова. Где наряду с описанием материалов из археологических пещерных местонахождений Северного Урала, автор предлагает свой подход к датировке этого рода комплексов и к оценке характера использования пещер древним человеком. Несколько особняком в разделе «археология» стоит оригинальная публикация А.М. Клеменьтьева, содержащая описание результатов исследования фаунистических остатков из Фофановского могильника, которые, по мнению автора, являются важным источником реконструкции промысловой деятельности оставившего могильник населения. Совершенно новый, уникальный материал, связанный с конкретным воплощением эстетического восприятия древнего человека через художественное оформление необычных предметов из камня, публикуется в статье В.Е.Ларичева. Во введении автор коротко, но очень емко и поразительно точно анализирует значимость личности Б.Э.Петри как своеобразного «медиума», сконцентрировавшего в себе знания своих учителей и сумевшего, в свою очередь, передать их бесценный опыт, а также свое выдающееся умение комплексного подхода к изучению любого исторического объекта деятельностью педагога и организатора «иркутской школы археологии и этнологии».

Четвертый раздел сборника «Теория, практика и современное состояние этнологических исследований в Северной Азии» содержит два тематически различающихся и одновременно объединенных общей этнологической направленностью блока материалов авторских исследований. Так, представленный В.А. Данилейко, историографический очерк вводит в информационное поле, по существу неизвестные или же мало известные, страницы деятельности ряда сотрудников Красноярского краевого краеведческого музея, посвятивших свою жизнь этнографическому

изучения и описанию коренного населения бассейна Подкаменной Тунгуски. Очерк охватывает огромный период деятельности ученых края от конца XIX века до наших дней. Тематически, с очерком В.А. Данилейко связана статья А.А. Сириной и А.О. Акулич, как бы продолжающая популярную сегодня серию публикаций о малоизвестной для молодого поколения деятельности отечественных этнологов — «репрессированных этнографов». В частности, она повествует о творчестве и судьбе таких, так и ли иначе связанных с Б.Э. Петри, ученых — сибириеведов, как К.Н. Миротворцев, И.П. Копылов, М.К. Азадовский, Г.С. Виноградов и др. Оригинальные, апеллирующие к данным ряда смежных наук, не бесспорные взгляды на ранние этапы этногенетической истории монголоязычных народов содержит публикация Б.Б. Дашибалова.

Безусловный научно-познавательный интерес представляют материалы совместной публикации А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова, вводящие в научный оборот неизвестные ранее этнографические материалы из путевых заметок участников российского посольства в Китай 1805—1806 гг. — Й. Реемана и А. Теелеффа.

Пятый, самый небольшой в сборнике, раздел «Современные тенденции преподавания археологии и этнологии в высшей школе» представлен двумя статьями. Одна из них, принадлежит перу Л.В. Лбовой и представляет собой научно-исследовательское эссэ — своеобразный отчет деятельности и одновременно программу развития организованной ею «Сибирской полевой археологической школы». В этом же программном стиле выполнена и представлена к публикации статья Г.В. Любимовой «Разработка спецкурса по этнической экологии Сибирского региона для студентов гуманитарных специальностей».

Сборник содержит 52 авторских исследования, собранных из 13 городов России (С-Петербург, Москва, Нижний Тагил, Новосибирск, Кемерово, Абакан, Красноярск, Якутск, Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Владивосток) и из Белоруссии (Минск). Большинство авторов из Иркутска и Красноярска, на втором месте — из Улан-Удэ и Кемерово. В предлагаемом издании участвуют 6 академических научных подразделений (Институт археологии РАН, Институт Этнологии и антропологии РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН, Институт экологии человека СО РАН, Институт географии СО РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), 12 университетских учебных образовательных учреждений из разных городов, 5 музеев различного статуса, Архив РГО и Центр по сохранению историко-культурного наследия.

Всех представителей этой широкой научной аудитории собрал воедино замечательный юбилей 125-летия основателя «иркутской школы» БернгардаЭдуардовича Петри, чтобы отметить эту дату новыми интересными исследованиями и научными обобщениями в области археологии, этнологии и сопутствующих им дисциплин.

Г. И. Медведев, Т. Т. Кононова

ИРКУТСКАЯ ШКОЛА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

С. В. Алкин
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ЕЛПИДИФОР ИННОКЕНТЬЕВИЧ ТИТОВ

Если в начале нового тысячелетия приходилось говорить о Е.И. Титове как о незаслуженно забытом этнографе и археологе, то сегодня история жизни и трудов Елпидифора Иннокентьевича стала предметом заинтересованного изучения, восстановления по архивным материалам, в т.ч. ранее исследователям недоступным. Опубликованы воспоминания родственников и отдельные работы самого Е.И. Титова, он отмечен в энциклопедиях [100 лет со дня рождения, 1996; Алкин, 2001; Синицина, 2002; Алкин, Алферина, Васильев, 2006 и др.].

Конечно, было бы неверным утверждать, что один из наиболее успешных учеников Б.Э. Петри был забыт своими коллегами. Но очевидно, что репрессированный советской властью он на многие десятилетия превратился в фигуру малоизвестную, что и было целью его гонителей. Более двух десятилетий назад, когда мне впервые встретилась статья Е.И. Титова среди работ русских археологов по древностям Маньчжурии, а затем когда удалось познакомиться с некоторыми его этнографическими публикациями в периодике 1920-х гг. [Титов, 1923, 1924, 1924а], коллеги-этнографы в своих комментариях ограничивались лишь краткими общими сведениями о круге интересов Титова в области изучения эвенков. Лингвисты были более конкретны, т.к. продолжали использовать его словарные материалы [Аникин, 1997, с .45]. Потребовалось немало усилий для того, что бы сегодня имя Е.И. Титова вновь по достоинству вошло в когорту самоотверженных исследователей коренных народов Восточной Сибири.

Личность Елпидифора Титова интересна уже тем, что он был первым исследователем забайкальских эвенков, происхождением своим связанный с коренным населением этого края. Точных анкетных данных на этот счёт обнаружить не удалось. Но есть слова о нём А.К. Кузнецова: «природный тунгус с высшим образованием» (ГАЧО, ф. Р110, оп.1, ед. хр. 447, л.8.). Да и сохранившиеся фотографии донесли облик человека, в жилах которого, несомненно, текла кровь если не эвенка, то гурана — забайкальца-старожила (рис. 1). По воспоминаниям его дочери Марии, сам Титов полагал, что тунгусы были его предками по линии матери [Сутурин, 1991, с. 104].

Наиболее полные биографические данные о Е.И. Титове содержатся в датированной 1976 г. рукописи его младшей сестры Поликсены Иннокентьевны, которая была врачом в Ленинграде (Архив Литературного музея Забайкалья при Читинской областной научной библиотеке, фонд Е.И. Титова, дело № 3). В сокращенном виде эти воспоминания были дважды опубликованы [100 лет со дня рождения, 1996; Сутурин, 1991, с. 105-109]. Рукопись содержит сведения о детских годах и жизненном пути исследователя. В ходе исполнения совместного с сотрудниками Читинского областного краеведческого музея С.Г. Васильевым и М.И. Алфериной проекта нам удалось

не только уточнить отдельные факты его биографии, но и выявить комплекс материалов исследователя в Чите.

Елпидифор Титов родился 4 июля 1896 г. в Верхнеудинском уезде Забайкальской области в селе Тугнуй на берегу одноимённой речки — правого притока Хилка, воды которого, сливаясь ниже Усть-Тугнуя с Селенгой, впадают в озеро Байкал. Сейчас этот населённый пункт относится к Мухоршибирскому району Республики Бурятия. Родители Титова были сельскими интеллигентами. Мать Александра Ивановна (урождённая Стукова) преподавала в начальной школе (рис. 2), а отец Иннокентий Петрович служил православным священником-миссионером (рис. 3). В доме имелась хорошая библиотека. С детьми, а их всего было семеро, родители много занимались чтением и музыкой. Было бы заманчиво предположить, что интерес к первобытным насельникам края появился у Елпидифора уже в Тунгуй. К 8-10 км северу от села находятся несколько могильников бронзового и раннего железного веков, поселение и скалы с петроглифами [Лбова, Хамзина, 1999, с. 139]. В 1899 г. Иннокентия Петровича перевели на работу в Урульгу — железнодорожную станцию примерно на середине пути из Читы в Шилку. Александра Ивановна была родом из этого старинного забайкальского села в родовых землях князя Гантимура.

В детстве Еля, как звали его в семье, много болел. С пяти лет у него прогрессировал туберкулез правого коленного сустава. Операция в Иркутске спасла ногу, но хромота осталась на всю жизнь. В школе Елпидифор учился очень успешно. Ещё он хорошо рисовал и вместе с братьями брал уроки игры на скрипке. Затем он поступил в Иркутскую семинарию, откуда в 17 лет на втором году обучения при отличной успеваемости на год был за вольнодумство отчислен. Попытки продолжить обучение в семинариях Благовещенска и Красноярска власти встретили отказом. Весной 1914 г. Титов экстерном сдал экзамен за пропущенный год, однако не получил перевода в четвертый класс. Руководство семинарии пошло на это для того, «чтобы разъединить с товарищами». После окончания семинарии Елпидифор два года работал сельским учителем.

После установления советской власти в Забайкалье, служил в Забайкальском областном комитете по народному образованию и в газете «Советская власть». Осенью 1918 г., он приезжает из Читы в Иркутск. Произошло это не позднее октября, когда Читу заняли войска атамана Семёнова. В Иркутске был открыт университет. Титов поступил на его историко-филологическое отделение, где молодого человека привлекла этнология. Его учителем стал Б.Э. Петри, который с 1918 года переехал из Петрограда в Иркутск и стал профессором нового университета. Под началом Бернгарда Эдуардовича Титов работал в лаборатории народоведения и посещал знаменитый теперь кружок по изучению малых народностей Севера, из которого вышли многие известные исследователи Северной Азии XX столетия. Именно в этот период сформировался круг научных интересов Е.И. Титова, который включал как археологические, так и этнографические исследования. Роль Б.Э. Петри в становлении молодых учёных его кружка была исключительно велика. Сам он, подводя итоги свой работы по подготовке научной смены, писал: «Оглядываясь на прошедшие десять лет, я с радостью вспоминаю моменты возвращения из первых научных поездок наших молодых исследователей, их волнение, когда они разворачивали пакеты с находками и захватывающий интерес начинающих (младших) товарищей, которые слушали их доклады. В нашей маленькой семье создавалась та коллективная работа, которая особенно ценна в области наук, требующих коллективных усилий многих исследователей» [Петри, 1928, цит. по: Константинов, 1994, с. 25]. В отличие от других учеников Б.Э. Петри Титов свой основной интерес направил на этнологические исследования. Летом 1919 г., зимой и летом 1920 г. и 1921 года состоялись его первые самостоятельные экспедиционные поездки на север Прибайкалья в Усть-Баргузин, Нижнеангарск, в бассейн Верхней Ангары. Когда Титов вернулся в Иркутск, там уже окончательно установилась Советская власть. Привезенные коллекции, в числе которых были предметы шаманского культа и краниологические материалы, были переданы в Иркутский краеведческий музей [Сирина, 2001]. Уже после этих первых экспедиций у Елпидифора Иннокентьевича обнаружили туберкулёз лёгких.

В 1919 г. в читинском журнале «Театр и искусство» появилась первая публикация стихов Елпидифора Титова. С 1920 г. он входит в Иркутское литературно-художественное объединение, известное как «Барка поэтов». Это был кружок литераторов, идейно-эстетические представления которых весьма отличались от зарождавшегося тогда советского направления [Трушкин, 1981, с. 24]. Е.И. Титов в 1921 г. стал вторым после уехавшего в европейскую Россию А. Анчарова председателем этого Объединения. Проводились еженедельные Четверги в здании Общественного Собрания, где выступали поэты и читались доклады на различные литературные темы.

С 1921 г. Е.И. Титов работает в Чите преподавателем Государственного института народного образования при Минпросе ДВР и учителем в школе (рис. 4). Его поэтические опыты опубликованы в известном читинском сборнике «Камены». Е.И. Титов принял самое деятельное участие в его создании. Им написано предисловие, помеченное 15 августа 1922 г. Кроме лирики (в т.ч. стихотворение с характерным названием «Неолит»), там были помещены «Песни тунгусов Амурского бассейна» и материалы для биобиблиографии «поэта-забайкальца Н.М. Литвинова [Камены, 1922, с. 11-16.]. Ранее в 1921 г. «Баркой поэтов» в Иркутске был выпущен сборник «Отзвуки», сборы от которого предназначались для помощи голодающим Поволжья, где также помещены стихи Титова. В 1923 г. в Иркутске опубликован единственный авторский поэтический сборник Е.И. Титова «Стихотворения» (с посвящением жене), который был вполне типичен для эстетической платформы «Барки поэтов». В него вошли около 20 произведений 1918-1922 гг. В основном это интимная лирика, стихи о природе, произведения, навеянные его интересом к коренному населению Забайкалья и его древней истории. В.П. Трушкин отмечает «налёт тонкого эстетизма и экзотики» в этих стихах и явное влияние акмеистов на творчество Титова. Обращение же к социальным мотивом у него редко, как и у других поэтов «Барки» [Трушкин, 1981, с .34, 38].

В ноябре 1922 г. в Иркутске Елпидифор Иннокентьевич женился на Марии Александровне Тумановой, которая в тот момент заканчивала медицинский факультет Иркутского университета. По совету врачей Титов с женой уезжает к родителям в Урульгу. Как сообщает сестра Поликсена, отец Марии Александровны с 1922 г., а мать с 1923 г. жили в Харбине, куда она вскоре и уехала. Там в середине 1924 г. у Титовых родилась дочь. После отъезда жены Е.И. Титов (возможно, он провожал её до Харбина) через Читу и Урульгу отправляется в экспедицию на Олёкму к орочонам. Прежде всего, он собирает там материалы для тунгусско-русского словаря, начало работы над которым было положено во время первых полевых выездов к эвенкам Северного Прибайкалья. После этой экспедиции Титов едет в Хабаровск и Владивосток. Ранее, вероятно в апреле — июне 1924 г. в Чите произошли его встреча и знакомство с В.К. Арсеньевым [См.: Тарасова, 1985, с. 308]. Позднее два исследователя опубликовали три совместных статьи [Арсеньев, Титов, 1926-1928]. Но подтверждения данных о совместном путешествии по Уссурийскому краю, о котором сообщает П.И. Титова, нами пока не найдено. Сам Титов писал о полугодовом знакомстве в Арсеньевым в 1925 г., которое было прервано отъездом в забайкальскую экспедицию [См.: Сутурин, с. 115].

В Чите Елпидифор Иннокентьевич продолжал работать учителем и весной 1924 во время экскурсии со школьниками обнаружил несколько археологических местонахождений эпохи каменного века на юго-восточном склоне Титовской сопки. Результаты работы этой работы и рассуждения на тему привлечения краеведческих материалов для преподавания в школе курса первобытной истории он представил в специальной статье [Титов, 1924]. Эта статья Е.И. Титова является весьма примечательной для характеристики его педагогического таланта и представлений о методике проведения археологических разведок. Экскурсии с учениками школы 1-й ступени проводились в окрестностях г. Читы, по левой террасе реки Ингоды у современного посёлка Засопка — месте одного из ранних поселений русских казаков в районе современной Читы. Судя по описанию места и состава собранной коллекции находок, можно предположить, что Титов и его ученики были первооткрывателями целого ряда археологических памятников, в т.ч. известной верхнепалеолитической мастерской на Титовской сопке и поселения Сохатино. Ими были

произведены пробная шурфовка и съемка местности. Затем был заложен небольшой раскоп, который Титов разбил на квадраты со стороной в один метр. Всё участники раскопок занимались своим делом: мальчики «стояли на лопатах», девочки разбирали слой ножами, остальные мыли находки и упаковывали их в пакеты из мягкой обёрточной бумаги со специальными регистрационными карточками. Нельзя не заметить, что в этой методике просматривается школа учителя Титова Б.Э. Петри. Исследователь отметил, что кроме артефактов были обнаружены остатки двух древних кострищ. Собранные находки были сравнены с коллекциями, представленными в экспозиции местного краеведческого музея. Елпидифор Иннокентьевич называет имена наиболее отличившихся школьников и сообщает, что один из его учеников после обретённого опыта самостоятельно обнаружил стоянку неолитического времени в окрестностях своей родной деревни Каштак на противоположной окраине города. Подчеркивая, что условия Забайкалья, изобилующего памятниками доисторических культур, позволяют расширять подобную экскурсионную работу со школьниками, Титов снабдил свою заметку «Практическими указаниями для проведения археологических экскурсий в окрестностях г. Читы». В ней он специально указал на геоморфологический аспект поисков памятников в этом районе и подробно описал последовательность работы исследователя по фиксации новых местонахождений и обращению с найденными артефактами. В литературе имеются сообщения о том, что Титов высказывался за необходимость издания специального журнала по вопросам школьного краеведения [Мясников, 1999, с. 49].

В 1924 г., оставив шестимесячную дочку с родителями в Харбине, к Титову приезжает жена. Теперь они жили в Хабаровске, где Елпидифор Иннокентьевич работал в газете «Тихоокеанская звезда» и продолжал обработку материалов своих экспедиционных исследований.

В ноябре — декабре 1925 г. состоялась новая экспедиция Е.И. Титова к северобайкальским эвенкам. Проходила она в Ленско-Киренском районе по маршруту Иркутск-Качуг и в Северо-Байкальском районе [Титов, 1926, с .5-6].

Приезжая в Читу Е.И. Титов принимает активное участие в работе Забайкальского отдела Географического общества. Там ещё осенью 1922 г. появилась инициативная группа из сотрудников краеведческого музея по созданию секции Общества для «изучения и улучшения быта туземцев Дальнего Востока» и с целью объединения всей работы по изучению коренного населения региона (ГАЧО, ф. Р1545, оп.1, ед.хр.1, л.58-60). Такое подразделение было официально образовано в 1923 г. [Кузнецов, 1926, с. 3]. Не позднее 1925 г. (вероятно, в конце 1924 г.) по инициативе директора читинского музея А.К. Кузнецова начинается подготовка экспедиции для полномасштабного обследования орочон. По первоначальному плану её проведение предполагалось в 1925 г. Судя по собранным архивным данным, подготовка шла сложно. Экспедиция так и не состоялась.

В феврале 1926 г. на заседании президиума Забайкальского губплана слушался доклад А.К. Кузнецова о подготовке экспедиции. Были приняты решения об её финансировании. Решено провести экспедицию осенью текущего года одновременно с проведением статистического обследования орочон губернским статистическим бюро (имелась в виду назначенная на 1927 г. всесоюзная перепись населения). На заседании обсуждался и вопрос, который так волновал Е.И. Титова: «проработать и предоставить на рассмотрение президиума губплана в двухнедельных срок вопрос о продаже спиртных напитков в местностях, населённых инородцами» (ГАЧО, ф.110, оп.1, ед.хр.447, л.9).

В письме А.К. Кузнецова в секретариат губисполкома от 17 марта 1926 г. в ответ на запрос московского Комитета содействия народностям Севера сообщается, что им уже подана записка с отчётом о проделанной подготовительной работе для организации экспедиции к орочонам. Как ясно из письма, на тот момент уже было получено согласие председателя Комитета П.Г. Смидовича на продолжение начатой «частичной экспедиции» (вероятно, имелась в виду работа Титова в Прибайкалье в 1925 г.) и на издание словаря Титова (ГАЧО, ф.110, оп.1, ед.хр.447, л.8). В докладной записке на имя Смидовича, датированной днём ранее, А.К. Кузнецов информиру-

ет московского чиновника о проведённой исследовательской работе. В музее был прочитан ряд докладов об орочонах, кооперативном движении в районах их проживания, болезнях оленей и т.д. Приезжающие в Читу орочоны приглашались в музей, где их подробно опрашивали в т.ч. о маршрутах перекочевок и расстояниях на местности, данные о чём картографировались. Несколько специальных карт были вычерчены прибывшими из Ленинграда практикантками из Географического института. По предварительным данным было известно, что в районе, который совершенно не исследован, проживает около 4000 орочон. Но любые экспедиционные работы возможны только зимой и в исключительно тяжелых условиях. В другое время года это было невозможно из-за многочисленных болот. Учитывая потребность проведения переписи, решено объединить усилия со статистиками и начать экспедицию в октябре 1926 г. А.К. Кузнецов сообщает о возвращении в Читу Е.И. Титова, кандидатура которого намечена на должность руководителя экспедиции. Елпидифор Иннокентьевич сделал доклад, на котором присутствовали представители губплана и губстатуправления. На этом заседании было решено направить Титова в Зильдинский район, «в заброшенную местность никем не обследованную, где орочоны не испорчены пагубным влиянием», что было важно для пополнения материалов для изучения языка и фольклора этого народа. Видно, что подготовка экспедиции шла очень трудно. Именно из-за отсутствия практической помощи из Центра и, возможно, противодействия местных чиновников экспедиция не состоялась в 1925 г. Понимая, что она может сорваться и на этот раз, А.К. Кузнецов пишет, что есть положительное в том, что работа была отложена: прошедший год был очень сложен из-за происходившего процесса «советизации» (районирование, наделение землёй, открытие факторий и т.д.) района. Это привело к большой напряжённости среди местного населения, которое было выбито из обычной колеи. «Огромной помехой и позором» было то, что при факториях велась массовая торговля водкой. «Полное уничтожение кабаков у орочон и на приисках, где также спаивают орочон, уничтожило бы сказку о вымирании орочон, этого драгоценного племени незаменимого в тайге для СССР с экономической точки зрения» (ГАЧО, ф.110, оп.1, ед.хр.447, л.11-12).

Скорее всего, А.К. Кузнецов имел в виду доклад «Очередные задачи тунгусоведения», с которым выступил Е.И. Титов на заседании Совета Забайкальского отделения ГО 1 марта 1926 г. Кратко перечислив результаты своей работы в данной области за период с 1919 г. Титов поставил задачу стационарного изучения тунгусов бассейна р. Витим, особенно по его правым притокам, а также северо-енисейских, олёкминских, охотских и амгунских тунгусов. Подчеркнув то, что первоначально изучение туземного населения Сибири «возникло на началах науки и частной любознательности», Титов охарактеризовал современный этап, как время, когда сама государственная национальная политика стимулирует этнографическое изучение народов Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, по его мнению, вопрос становится ещё более острым в связи с тем, что стремящиеся к гегемонии на Дальнем Востоке японцы «устами своих учёных говорят о родстве языка и физического типа тунгусов и японцев». Доклад Титова вызвал оживлённое обсуждение. Помимо прочего звучали пожелания как можно скорее опубликовать тунгусско-русский словарь, подготовленный докладчиком (ГАЧО, ф. Р1545, оп.1, ед.хр.1, л.62) [Титов, 2002]. Сообщение о заседании и докладе Титова было опубликовано в газете «Забайкальский рабочий» (1926, №52). Тогда же Елпидифор Иннокентьевич подготовил «Отчёт о работе по изучению оленных тунгусов», машинописный экземпляр которого, подписанный «Урульга, 27/VI/ 1926 года», хранится в фондах Читинского областного краеведческого музея (ЧОКМ, ф.5, оп.1, ед.хр.15319; основная часть этого отчёта вошла в содержание вводной главы Словаря Е.И. Титова). В отчёте содержится информация о маршрутах экспедиций 1919 и 1920 гг. в Прибайкалье, зимы 1925 г. в верховьях Лены и Киренги и весенней экспедиции 1926 гг. по Киренге, Витиму и Нерчи. Кроме того, приведены сведения о расселении и количестве орочон в этих районах. Отдельная часть отчёта посвящена данным о характере хозяйства и быте орочон обследованных районов Прибайкалья и Среднего Витима. Сам отчёт и весь архив (в нём содержатся документы 1926-1934 гг.), хранящиеся в ЧОКМ, временно недоступны из-за капитального ремонта музея. Он будет

полностью обработан и подготовлен к публикации, как только это станет возможным. Здесь же упомяну о выводе Титова по вопросу о современном положении дел в жизни орочон, который не попал в его печатные работы. Для исследователя было совершенно ясно, что расширение осёдлости среди орочон связано с деградацией их оленеводческого хозяйства. Переход к этой новой форме жизнедеятельности не является осознанным выбором, а есть «выбор наименьшего зла: за осёдлость принимается вконец разорившийся оленевод. Пока он встаёт на ноги [на новом месте] умирают дети, которые родятся с «червоточиной в сердцевине». Титов приводит данные о том, что именно у осёдлых орочон наиболее велика смертность среди детей и молодых женщин. «Переход к осёдлости можно было бы приветствовать, если бы на смену тунгусской юрты пришла гигиеническая осёдлость, а не грязная, душная курная изба нашего крестьянина, больше похожая на мухоловку, чем на жилище, достойное человека». Обозревая взаимоотношения тунгусов с соседями (русскими, якутами и бурятами), автор отчёта делает вывод о том, что влияние в основном негативное: орочоны теряют национальный характер, среди них распространяются новые болезни, пришельцы наносят большой урон тайге, что подрывает основу жизнедеятельности её коренных жителей.

Даты написания имеющихся в фондах ЧОКМ отчета Е.И. Титова (ноябрь 1926) и его автобиографии (первая половина 1927 г.) вызывают сомнение в том, что экспедиция состоялась в намеченные сроки или позже. Нигде более не встречены и какие-либо материалы, которые могли быть получены Титовым в ходе предполагавшейся экспедиции к орочонам Зильдинского района. Крушение блестяще задуманного и скрупулезно подготовленного плана работ, можно предположить, стало одной из причин отъезда Е.И. Титова в Маньчжурию. Но до этого он подводит итоги своей многолетней этнографической работы. В заявлении Отделу истории науки и философии АН СССР от 2 февраля 1927 г. он писал: «с 1919 по 1926 г. мне удалось собрать некоторый материал по словарю и фольклору тунгусов», «я располагаю собранием тунгусского фольклора». В нём им перечислены: сказания о героях (18 записей), сказки бытовые и о животных (25), песни (25), загадки (40). Все тексты с переводом на русский язык. Всего 150-200 страниц. Титов отмечает, что его исследованиями были охвачены те районы, в которых до этого не бывал ни один лингвист, т.к. единственная до того времени академическая экспедиция С.М. Широкогорова в 1912-13 гг. прошла южнее (Архив Литературного музея Забайкалья при Читинской областной научной библиотеке, фонд Е.И. Титова, дело №5). Можно предположить, что перечисленные материалы тогда же были отправлены в Академию наук. Скорее всего именно они были использованы Г.М. Василевич при подготовке сборника эвенкийского фольклора [Титов, 1936]. Составитель уточнила переводы текстов, предоставленных Е.И. Титовым, переписала их в транскрипции, общей для всего сборника, дав для удобства читателей табличку соответствий этой транскрипции и той, которой пользовался Титов. Во введении к текстам Елпидифор Иннокентьевич дал список всех своих информаторов, а в приложении — прекрасные графические портреты пятерых из них и нотные записи образцов мелодий к шести текстам.

Ещё осенью 1926 г. Титов отправил жену обратно к родителям в Маньчжурию. Мария Александровна первое время была мобилизована в отряд по борьбе с холерой, а затем работала врачом на КВЖД. Известно сообщение сестры о том, что в декабре 1927 г. семья воссоединилась в Харбине, где произошла и первая встреча отца с дочерью. Однако в фондах ЧОКМ имеется письмо Е.И. Титова из Харбина от 25 марта 1927 г., где сообщается о начале совместной работы с профессором Е.М Чепурковским и о планировании экспедиции к даурам Северной Маньчжурии (архив ЧОКМ, ф.5, оп.1, ед.хр.15319, л.35). В Харбине Титов поступает на службу в Центральную библиотеку КВЖД, где он работал (с 1927 по 15 декабря 1930 г., исключая период конфликта на КВЖД 1929 г., когда был уволен как советский гражденин) под началом Н.В. Устрялова, известного лидера сменовеховства (рис. 5). Там Елпидифор Иннокентьевич приступает к изучению китайского и японского языков.

В 1930-1931 гг. вёл кружок советской молодёжи при механических мастерских КВЖД [Сутурин, 1991, с. 113]. Несмотря на то, что нужда, прежде всего, заставляла заботиться о заработке для семьи, Титов продолжает свою научную работу. До сих пор не удалось обнаружить достоверных сведений о членстве Е.И. Титова в Обществе изучения Маньчжурского края. Скорее всего, как советский гражданин он не имел формального членства. Но участие в мероприятиях Общества принимал. Известны две научных публикации Титова харбинского периода. Первая из них — тезисы доклада памяти М.А. Кастрена, прочитанного 10 мая 1927 г. на заседании Секции языковедения ОИМК [Титов, 1927]. Помимо обзора жизненного пути финского путешественника и общей характеристики вклада в науку основателя урало-алтайского языкознания Е.И. Титов в своём выступлении указал на достижения и недостатки современной алтаистики. Среди первоочередных задач тунгусоведения он назвал: 1) необходимость полевого стационарного изучения живого маньчжурского языка в комплексе с фольклором и бытом его носителей, поскольку «слово неотделимо от вещи, носителем которой оно является»; 2) изучение других тунгусоязычных народов Маньчжурии, которые уже находятся в «состоянии культурной деградации», а через 10-15 лет вообще могут потерять свою культуру; 3) сбор, охрана и научная обработка остатков маньчжурской письменности. Весьма примечательны заключительные слова опубликованных тезисов доклада: «Кастрен написал первые страницы культурной истории Азии. Маньчжурским учёным предстоит дописать одну из важнейших глав этой истории. Перед китайским и русским исследователем — ещё один повод к дружной совместной работе». На тот момент ОИМК было авторитетной организацией российских исследователей в Маньчжурии. Контакты же с представителями современной китайской науки по объективным, а, возможно, и субъективным причинам, в то время практически отсутствовали.

Вторая работа Титова, написанная в соавторстве с В.Я. Толмачёвым [1928], вошла в золотой фонд российского периода археологического изучения Маньчжурии. И именно её имел в виду А.П. Окладников при написании рецензии на книгу М.М. Герасимова о Мальте [Окладников, 1932].

Весной 1928 г. Е.И. Титов на выдувах к западу от г. Хайлар собрал коллекцию каменных изделий неолитического облика. Это положило начало специальному изучению целого археологического микрорайона с достаточно хорошо атрибутируемыми неолитическими памятниками. Это стало первым подобным исследованием на территории Северной Маньчжурии. Место находки было затем обследовано вместе с членами ОИМК В.Я. Толмачевым, А.Я. Авдощенковым и М.С. Тюниным. К изучению материалов были привлечены специалисты других наук: почвовед Т.П. Гордеев, геолог Э.Э. Анерт, ботаник И.В. Козлов и метеоролог П.А. Павлов. Район Хайлара весьма интересен в археологическом плане. То, что он находится при впадении реки Имингол в реку Аргунь — в чуть более ста километрах от линии прохождения российско-китайской границы — делает возможным и логичным сравнение найденных там материалов с забайкальскими, которые обоим авторам статьи были хорошо известны [См.: Алкин, 1999]. Для выяснения особенностей обнаруженных местонахождений и культурно-хронологической атрибуции находок авторы привлекли широкий круг археологических материалов из более отдалённых сопредельных территорий Байкальской Азии, что позволило им значительно расширить возможности анализа и попытаться выйти на уровень широких обобщений. Оставив на будущее вопрос об абсолютной датировке обнаруженных местонахождений, авторы на основе технико-типологического анализа каменных артефактов отнесли их к неолитической эпохе. В приложении к статье приводился обширный список литературы и примечания касательно степени изученности восточносибирского неолита и существовавших тогда теорий о происхождении неолитических культур Евразии. Отдав дань популярной теории об азиатском происхождении европейских неолитических культур, авторы представили в высшей степени квалифицированную публикацию археологических материалов из района Хайлара. Сам факт появления этой статьи является интересным результатом сотрудничества двух российских археологов, принадлежавших к разным поколениям. В ней можно видеть не только высокую профессиональную подготовку В.Я. Толмачёва, полученную им

в Петербурге и Екатеринбурге и уже бывшего на момент приезда в Харбин известным археологом, но и результат хорошей археологической подготовки Е.И. Титова в иркутском кружке Б.Э. Петри.

В феврале 1932 г., оставив жену с больной дочерью в Харбине, Титов возвращается в Хабаровск. Семья приезжает к нему только в 1933 г. Вновь став сотрудником «Тихоокеанской звезды» Елпидифор Иннокентьевич руководил в редакции литературным и международным отделами. Дружил с работавшим в той же редакции Аркадием Гайдаром, с которым они делили одну комнату в общежитии. В ноябре 1933 г. был назначен первым ответственным редактором журнала «На рубеже» (в дальнейшем издавался под названием «Дальний Восток»). В 1935 г. Е.И. Титов принят в члены Союза писателей.

Последний период жизни Титова, когда он после возвращения из Харбина обосновался в Хабаровске и полностью отдался литературному труду и журналистике, насколько это возможно подробно описан А. Сутуриным [1999, с. 96-102]. Им опубликован и ряд документов. Среди них донос литератора С.М. Бытового, который был в июле 1934 г. вместе с Титовым был рекомендован Дальневосточным правлением Союза советских писателей к принятию в члены Союза, и подробное письмо Титова в Далькрайком ВКП(б) по существу предъявленных ему обвинений с изложением биографии и своей научной и литературной деятельности. Интересные зарисовки к портрету Елпидифора Иннокентьевича можно найти в книге его молодого коллеги по редакции «Тихоокеанской звезды» В. Королёва [1967].

11 марта 1936 г. Е.И. Титов был исключен из партии за «связь с чуждым элементом». Имелись в виду родители Тумановой, проживавшие в Харбине. Первый раз за связи с родственниками-белоэмигрантами Титов был исключён из партии ещё во время чистки 1933 г., но затем был восстановлен как кандидат в члены партии. За этим последовал арест, который был произведён 4 августа 1937 г. в редакции журнала «На рубеже». Елпидифор Иннокентьевич был обвинен в связях с «организатором и вдохновителем контрреволюционных групп и организаций на Дальнем Востоке Арсеньевым». Без сомнений материалы дела Титова имелись в виду при подготовке дела против А. Гайдара, которое, впрочем, так и не было приведено в действие. Следствие было коротким. Казнь состоялась 21 января 1938 г. Мария Александровна была арестована 25 сентября 1937 г., приговорена к 10 годам лагерей. Осталась жива и была освобождена в 1943 г. Проживала в г. Красноуфимск Свердловской области, где проработала 20 лет врачом. Заболев глаукомой, ослепла и покончила с собой в 1963 г. Реабилитированы оба в 1957 г. В Союзе писателей Е.И. Титов был восстановлен посмертно 15 октября 1989 г.

Следует упомянуть и то, что сам Е.И. Титов в ответ на обвинения в связях с «контрреволюционером» Арсеньевым в письме в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) полностью их отверг, заявляя о том, что никаких сведений о такой деятельности В.К. Арсеньева не имеет [Сутурин, 1991, с. 115].

Личный архив Титова пока не найден. По воспоминаниям дочери на момент ареста он хранил переписку с Аркадием Гайдаром и архив В.К. Арсеньева, которые передала ему незадолго до своего ареста вдова исследователя Маргарита Николаевна. Что касается архива известного дальневосточного исследователя, то вероятность того, что какая-то значительная его часть была у Титова невелика. М.Н. Арсеньева была арестована во Владивостоке 2 июля 1938 г. и погибла 21 августа 1938 г. [Дьяченко, 1995]. Но это был уже второй арест. Первый раз супругу Арсеньева арестовали весной 1934 г. и освободили 31 января 1936 г. При втором аресте архива в доме уже не было. Вероятнее всего, все бумаги Владимира Клавдиевича были изъяты ранее. В принципе, Титов мог встретиться с Арсеньевой, но вряд ли она могла ему передать какие-то значительные архивы. Судьбе личного архивного фонда путешественника посвящена глава в книге А.И. Тарасовой [1995, с. 60-65]. Действительно, это сложная и запутанная история. Е.И. Титов, как и многие коллеги и друзья В.К. Арсеньева был обеспокоен судьбой тех документов, которые хра-

нились в рабочем кабинете на квартире Арсеньевых во Владивостоке. В 1933 году он писал: «И теперь, когда Арсеньев уже умер, даже ещё не привели в порядок его литературного наследства, не разобрали рукописей» [Тарасова, 1995, с. 71]. Если часть этого архива и попала на хранение к Титову, то их следы следует искать в архивах ФСБ, т.к. всё его бумаги были изъяты в ночь на 6 августа 1937 г., когда пришли за ним самим. Место нахождения архива Титова, если он не был уничтожен, остается неизвестным.

В настоящее время совместно с читинскими коллегами нами проводится изучение фондов ЧОКМ. Основной задачей является выявление и анализ творческого наследия Е.И. Титова [Алкин, Алферина, Васильев, 2006]. Наибольший интерес представляет документальный архив Е.И. Титова, включающий его переписку с директором музея А.К. Кузнецовым, отчет о работе по изучению оленных тунгусов-орочонов в 1919-1926 гг., автобиографию и несколько черновых записок, так или иначе, имеющих отношение к теме. Но и дальнейший поиск в документальном фонде музея оставляет надежды на новые открытия. Так, совсем недавно был обнаружен небольшой рукописный словарь, озаглавленный «Орочонские слова к музейским коллекциям». Почерк, которым он написан, в сравнении с почерком в известных письмах позволяет предположить авторство Титова.

Основанием для поиска в фонде изобразительного искусства стала известная работа В.К. Арсеньева и Е.И. Титова «Быт и характер народностей Дальневосточного края», изданная в 1928 году. В ней опубликованы фотографии шести этнографических картин, каждая из которых представляет определенную народность Дальнего Востока. Живописная этнографическая серия была передана в музей В.К. Арсеньевым после экспонирования их на выставках в Чите (1923 г.) и Москве (1924 г.). Все 10 произведений находятся в фондах Читинского областного краеведческого музея в полной сохранности. Они представляют собой оформленные в одном стиле монтажные картонные листы. Центральную часть каждого листа занимает акварельный рисунок, изображающий представителя определенной народности в национальной одежде. В нижней части — черно-белая фотокопия карты Дальнего Востока, на которой обозначены территории, заселенные данным народом. Рядом — краткие машинописные аннотации В.К. Арсеньева. Композицию обрамляют акварельные прорисовки характерных орнаментов. По подписям известны художники, оформившие полотна. Это К.П. Трофимов и А.Н. Клементьев.

Обстоятельство публикации этих иллюстраций в работе Арсеньева и Титова позволяет продолжить поиск сведений об участии последнего в создании этнографических картин. В частности, есть предположение, что среди вещей, сданных Е.И. Титовым в фонды музея, могут оказаться предметы, изображенные на них. Они могли быть привезены им из Хабаровского музея или поступить в порядке обмена этнографическими экспонатами между Читинским и Хабаровскими музеями, который, как известно, осуществлялся в 1920-е годы. Так в книге поступлений ЧОКМ 11 июля 1926 г. были зафиксированы предметы, поступившие от Е.И. Титова: «1. «Дошкан» — берестяная табакерка северо-байкальских тунгусов»; 2. «Каптугай» — кисет для табаку, сверху нашит кармашек для спичек. На кармашке вышито изображение лиственницы. Орочоны среднего Витима. Гатчинский род»; 3. «Шилтык» — сумочка для спичек. Орочоны Киндигинского рода с р. Кичеры»; 4. «Коколдо» — рукавица. Орочоны Киндигинского рода с р. Кичеры; 5. «Гильбасун» — пластинка из кости с резьбой для привязи оленя за заднюю луку оленьего седла. Орочоны Катчинского рода района Среднего Витима»; 6. «Аун» — ламутская шапка».

Очевидно, что первые пять предметов были собраны Е.И. Титовым во время его экспедиций в ноябре-декабре 1925 г. к северобайкальским эвенкам в Ленско-Киренский и Северо-Байкальский районы. Ламутская (эвенская) шапка привезена Титовым с Дальнего Востока.

В книге изданной вместе с В.К. Арсеньевым имеется четыре фотографии, автором которых является Титов. Подлинник одной из них, изображающей «оленную тунгуску Северного Прибайкалья», обнаружен в фотофонде ЧОКМ (рис. 6). Там же находится и вторая фотография, также

женский портрет, по сюжету, технике исполнения и фоновому интерьеру аналогичный опубликованному, что подтверждает авторство Е.И. Титова. Обнаружение этих снимков позволяет продолжить выявление работ Титова в фотофонде музея, среди старых фотографий, изображающих эвенков и их быт.

После того, как Государственный музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова посвятил два тома своих Записок литературному творчеству Е.И. Титова [Сподвижники.., 2005], на очереди стоит задача публикации его научных трудов, значение которых нам ещё предстоит оценить в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

Алкин С.В. Археолог Владимир Яковлевич Толмачев // На пользу и развитие русской науки. — Чита: Изд-во Забайкальского государственного педагогического университета, 1999.

Алкин С.В. Забайкальский этнограф и археолог Елпидифор Иннокентьевич Титов // Традиционная культура Востока Азии. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. — Вып.3. — С. 258-269.

Алкин С.В., Алферина М.И., Васильев С.Г. Научное наследие Е.И.Титова — поиск и новые факты // Пятые Гродековские чтения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Амур-дорога тысячелетий» / под ред. С.В. Гончаровой. — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006. — Ч. II. — С. 184-189.

Арсеньев В.К., Титов Е.И. Население как производительный фактор // Экономика Дальнего Востока. — М., 1926.

Арсеньев В.К., Титов Е.И. Население Дальнего Востока как производительный фактор // Производительные силы Дальнего Востока. — Хабаровск, 1927. — Том V.

Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск — Владивосток, 1928.

Дьяченко Б. Ордер на арест № 927 // Рубеж. — 1995. — № 2. — С. 306-312.

Камены. Сборник Историко-литературного кружка при государственном институте народного образования. — Чита, 1922 , — весенний семестр. — С. 11-16.

Королёв В. Гайдар шагает впереди. — Владивосток: Дальневосточное книжн. изд-во, 1967. — С. 43.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. — Улан-Удэ — Чита: БИОН БНЦ, ЧГПИ, 1994.

Кузнецов А.К. Предисловие // Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь. — Иркутск: Издание Читинского краевого государственного музея им. А.К. Кузнецова, 1926.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. — С. 139.

Мясников А.В. Школьное краеведение: истоки и современность // Наука. Молодость. Прогресс. Доклады международной научной молодёжной конференции. — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999.

Окладников А.П. За методологию диалектического материализма в истории доклассового общества //Сообщения ГАИМК. — 1932. — № 3-4. — С. 67-70.

Петри Б.Э. Далёкое прошлое Прибайкалья. Научно-популярный очерк. — Иркутск, 1928. — С. 4. — (Цит.по: Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. — Улан-Удэ — Чита: БИОН БНЦ, ЧГПИ, 1994. — С. 25).

Синицина Л.Ф. Новые материалы Е.И. Титова — соавтора В.К. Арсеньева // Записки Гродековского музея. — Хабаровск: Государственный музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова, 2002. — Вып. 4. — С. 50-51.

Сподвижники В.К. Арсеньева. Елпидифор Титов. Хабаровск / Записки Гродековского музея. — Хабаровск: Государственный музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова, 2005. — Вып. 10, ч. I — 236 с., ч. II — 208 с.

100 лет со дня рождения Е.И. Титова — этнографа, поэта и литературного критика (1896 — 1937) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1996 год. — Чита: Читинская областная научная библиотека, 1996. — С. 80-86.

Сутурин А. Дело краевого масштаба. О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке. — Хабаровск: Хабаровское книжн. изд-во, 1991.

Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / Русские путешественники и востоковеды — М.: Наука, 1985.

Титов Е.И. К изучению бесписьменных языков Маньчжурии (По поводу 75-летия со дня смерти М.-А. Кастрена) // Библиографический бюллетень Центральной библиотеки КВЖД. — Харбин, 1927. — № 1-6. — С. 84-85.

Титов Е.И. Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья // Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. — Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. — С. 162-214.

Титов Е.И. Научные открытия учащихся школы I ступени (из заметок руководителя экскурсии) // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке. — Хабаровск, 1924. — Кн. 5. — С. 76-80.

Титов Е.И. Основные задачи тунгусоведения // Записки Гродековского музея. — Хабаровск: Государственный музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова, 2002. — Вып. 4. — С. 51-64.

Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь. С приложением книги М.А. Кастрена «Основы изучения тунгусского языка» / Экспедиция по изучению оленных и оседлых тунгусов в Забайкалье — Иркутск: Издание Читинского краевого государственного музея им. А.К. Кузнецова, 1926.

Титов Е.И., Толмачёв В.Я. Остатки неолитической культуры близ Хайлара // Вестник Маньчжурии. — Харбин, 1928. — № 7. — С. 63-68.

Трушкин В.П. Литературный Иркутск. — Иркутск: Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1981.

Рис. 1. Е.И. Титов. Иркутск. 1911-1912 гг. [Сподвижники…, 2005, ч. 2].

Рис. 2. А.И. Титова (Стукова). 1920-е годы. Ст. Урульга. Забайкалье. [Сподвижники…, 2005, ч. 2]

Рис. 3. И.П. Титов. 1920-е годы. Ст. Урульга. Забайкалье [Сподвижники…, 2005, ч. 2].

Рис. 4. Е.И.Титов. Чита. Нач. 1920-х гг. [фонд ЧОКМ].

Рис. 5. Е.И. Титов. Нач. 1930-х гг. [Сподвижники…, 2005, ч. 2].

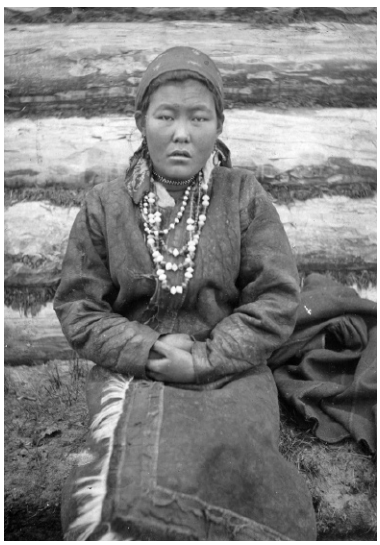


Рис. 6. «Оленная тунгуска Северного Прибайкалья». Фото Е.И. Титова. [фонд ЧОКМ].

А.С. Вдовин[1], С.В. Кузьминых[2]
[1]Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
[2]Москва, Институт археологии РАН

«ОБЕЩАЮ ВАМ ОТ ИМЕНИ СИБИРИ ПОЛНОЕ СОДЕЙСТВИЕ»: (письма Б.Э. Петри А.М. Тальгрену)*

Герои нашего повествования – Бернгард Эдуардович Петри и Арне Микаель (или как величали его коллеги в России, Михаил Маркович) Тальгрен – не нуждаются в подробном представлении[1]. Их жизненные и научные судьбы сложились по-разному, но они оба занимают своё прочное место в истории сибирской археологической и этнографической науки. Петри по праву считается основоположником иркутской палеоэтнологической школы, для которой был характерен «широкий диапазон научных интересов, работа на границе смежных дисциплин» [Сирина, 2002, с. 78]. Тальгрен, один из ведущих европейских археологов первой трети XX в., награжденный в 1940 г. лондонским Обществом любителей древности золотой медалью «за выдающееся служение археологии», «…не был теоретиком, и его собственные исследования не следовали какому-либо четкому и определенному методу. Однако в целом его подход можно назвать цивилизационным» [Kivikoski, 1954a, p. 111]. В методологическом отношении и Петри, и Тальгрен, безусловно, были эволюционистами: и если первый сознательно[2], то второй, скорее всего, стихийно, исходя из давней традиции изучения финно-угорских народов, сложившейся в Финляндии к началу XX в.

Было бы удивительно, если бы жизненные и научные пути Бернгарда Эдуардовича и Михаила Марковича не пересеклись. Они были сверстниками, рано проявили себя в науке, с Сибирью связана деятельность их учителей – выдающихся исследователей В.В. Радлова и Й.Р. Аспелина. Но прежде всего и Петри, и Тальгрена роднит одна важнейшая черта: оба до забвения были преданы науке[3], и рано или поздно знакомство между ними состоялось бы. Заочно Бернгард Эдуардович мог знать о финском исследователе, по крайней мере, с 1911 г., когда вышел диссертационный труд Михаила Марковича о бронзовом веке центра, севера и востока Европейской России [Tallgren, 1911], получивший высокую оценку в России, в том числе корифеев русской археологии А.А. Спицына и В.А. Городцова[4]. В 1908 и 1909 гг., в свои первые поездки с научной целью в Россию, Тальгрен посещал Кунсткамеру и работал с ее коллекциями. В 1911 г. экземпляр книги был подарен в библиотеку Музея антропологии и этнографии[5] и вряд ли прошел мимо внимания Петри, годом раньше принятого на службу в музей. Но нельзя исключить, что его знакомство с финским коллегой состоялось до начала мировой войны и не на профессиональной археологической почве. В начале века среди питерского студенчества, особенно сибирского землячества, были популярны экскурсии в Финляндию. Их организаторы нередко обращались к Тальгрену за содействием[6]. Участником одной из таких экскурсий мог быть и Петри.

Наконец, очное знакомство ученых могло состояться в Кунсткамере в 1915 г. во время третьего, самого длительного путешествия финского археолога в Россию[7]. Тогда же между ними завязалась и переписка. В Рукописном отделе библиотеки университета Хельсинки сохранилось 5 писем и 2 почтовых карточки Петри, адресованных Тальгрену (колл. 230). К сожалению, личный архив Бернгарда Эдуардовича не сохранился [Сирина, 2002, с. 58]. Остается неизвестным, сохранил ли он письма Михаила Марковича после 1929 г.

Публикуемые письма делятся на два блока. Первый (2 письма и открытка) охватывает 1915-1917 гг., когда Петри работал в МАЭ, второй – 3 письма и открытка 1926 г., адресованные Тальгрену из Иркутска.

Инициатором переписки, как следует из письма № 1, выступил осенью 1915 г. финский исследователь. Вероятно, это было, связано с поиском возможных этнографических параллелей археологическим изделиям, обнаруженным в ходе его раскопок двух тагарских курганов близ с. Усть-Абаканское в августе того года в Хакасско-Минусинской котловине [Tallgren, 1917, p. 13-18] или, не исключено, для предметов, приобретенных во время экспедиции. Петри подходит к запросу Тальгрена со всей тщательностью, пытаясь, с одной стороны, найти в фондах МАЭ все имеющиеся предметы, которые Михаил Маркович называет «топорами-кинжалами», а с другой - вступает в полемику по поводу функционального назначения и самого названия предметов, приводя свои аргументы: «Все противоречит Вашему термину! Да и большинство из них тупые».

Второе письмо Петри адресует Тальгрену год спустя, в октябре 1916 г. Из него следует, что они обменялись собственными публикациями. Подобный обмен был, безусловно, важен для самих молодых ученых. Но не менее важно и то, что тальгреновские работы переданы Петри в библиотеку музея, для общего пользования. Бернгард Эдуардович сообщает также о работе над обзором литературы о том, что «сделано по орнаменту финских народностей финляндскими учеными». Судя по всему, Михаил Маркович не был единственным финским коллегой, к кому Петри обращался за помощью. Его корреспондентами были известные этнографы Гейкель и Сирелиус.

В почтовой открытке № 3, написанной в мае 1917 г., Петри, вероятно, в продолжение работы над обзором финской этнографической литературы, заинтересовался исследованиями известного этнографа Уно Харвы (Холмберга). В этой связи он даже просит у Тальгрена содействия в получении музеем хорошего и подробного финско-русского или финско-немецкого словаря.

В целом петроградские письма Петри важны информацией о музейной деятельности и его становлении как этнографа.

События гражданских войн в России и Финляндии прервали нормальное почтовое сообщение между странами, к тому же в 1918 г. Бернгард Эдуардович покинул Петроград. Начиная с 1924 г. между РСФСР и Финляндией наладилась почтовая связь. В том же году Тальгрен совершил первую послереволюционную поездку в Россию. В Петрограде и Москве он восстановил прерванные научные связи со Спицыным и Городцовым. Михаил Маркович старался укрепить контакты не только с давними коллегами, но и с молодым поколением археологов, надеясь привлечь российских ученых к сотрудничеству в журнале «Eurasia Septentrionalis Antiqua», с планом издания которого он выступил публично в апреле того года [Tallgren, 1924]. Его радовало возобновление археологических исследований в новой России, фактически прерванных в годы Гражданской войны. Тальгрен по-прежнему интересовался материалами раскопок памятников различных эпох и новыми изданиями по археологии [Tallgren, 1925].

В МАЭ и ГАИМКе финский ученый, по всей вероятности, не только познакомился с новыми публикациями Петри, но и разузнал о его судьбе и получил иркутский адрес коллеги. Инициатива возобновления переписки, судя по первому иркутскому письму (№ 4), исходила от Михаила Марковича. Вероятно, в 1925 г. он послал Бернгарду Эдуардовичу ряд своих брошюр и оттисков, в том числе связанных с сибирской тематикой, с надеждой получить в ответ работы российского коллеги, вышедшие уже в Иркутске.

Содержательная сторона переписки 1926 г. в основном как раз связана с вопросами обмена археологической литературой. Подобный обмен был, безусловно, взаимовыгоден для обоих ученых и крайне необходим для развития науки. Просьбы и сообщения об обмене литературой присутствуют в каждом письме этого года, причем Петри интересуется также работами О.Х. Аппельгрена-Кивало, Ю.Э. Айлио, К.А. Сойккели и других финских археологов и этнологов. Он просит помощи в приобретении таких известных трудов, как 1-й том «Manuel d´Archeologie Prehistorique» Дешеллета. В итоге российский ученый получил основные базовые труды своего финского коллеги, в том числе «Collection Zaouissaïlov», «Collection Tovostine», «La Pontide

préscythique», оттиски его статей, имеющих отношение к урало-сибирской археологии, а Тальгрен, соответственно, познакомился с результатами интересовавших его работ Петри.

Бернгард Эдуардович сознавал, что их обмен не вполне адекватен с точки зрения качества изданий, и для него было крайне важно сообщить Михаилу Марковичу, что они обзавелись в Иркутске цинкографией и теперь смогут издавать работы с иллюстрациями. Элла Кивикоски отмечала, что Тальгрена отличали благородство и щедрость в книжном обмене с коллегами [Kivikoski, 1954a, p. 117] - и в их ряду Петри не исключение. Финский ученый, безусловно, ценил обмен с Петри, благодаря которому он располагал новейшей информацией об археологических и этнографических исследованиях в Восточной Сибири. Тальгрен не только использовал ее в своих обобщающих трудах, статьях для «Reallexikon der Vorgeschichte» Макса Эберта и обзорах советской археологической литературы [Tallgren, 1927; 1928a], но и делился информацией с коллегами на западе.

В письмах 1926 г. чувствуется дух и атмосфера творческой жизни Петри. Он пишет Тальгрену о том, что занят теперь больше этнографией и в то же время сообщает об открытии новых памятников палеолита и неолита, издании материалов ангарского палеолита. Примечателен в письме № 5 пассаж о хорошем профессорском жаловании – и это в письме западному профессору. Отсутствие средств на раскопки и печатание литературы компенсируется, по словам Бернгарда Эдуардовича, экономией, что позволяет ему направить до трети заработка на научные цели – раскопки и печатание. Кроме того, в письмах кроется интересная информация по истории основанного им студенческого краеведческого кружка. Петри надеется при содействии коллеги вступить в переписку и обмен изданиями с такими же народоведческими кружками в Финляндии.

Сдержанный в проявлении чувств, Бернгард Эдуардович завершает письмо № 6 такими строками: «Я всегда с особой нежностью вспоминаю годы, проведенные в Финляндии, и Ваш народ, который я научился глубоко уважать». В этой связи можно предположить, что, как и многие питерские профессорские семьи, родители Петри снимали на лето дачу на Карельском перешейке в финляндских пределах, и у него был опыт общения с финнами. В этих строках заключен также и опыт этнографа-наблюдателя.

Последнее письмо Петри Тальгрену заканчивается строкой, вынесенной в заглавие статьи, – откликом на полученную книгу о бронзовом веке Северного Причерноморья [Tallgren, 1926]. Он выражает надежду, что финскому археологу удастся создать такую же полную сводку о бронзовом веке севера Азии. Михаилу Марковичу, однако, не удалось реализовать этот замысел.

Остается загадкой, почему столь активно возобновившаяся в 1926 г. переписка не получила продолжения в последующие годы. Связано ли это с тем, что Петри в конце 1920-х гг. с головой окунулся в социалистическое переустройство малых народов Сибири [Сирина, 1992, с. 68-74] и фактически отошел от археологических исследований, можно только гадать. Но до 1929 – года «великого перелома – оставалось еще три года. Год этот был рубежным в контактах Тальгрена с археологами СССР. После открытого письма в адрес советских властей с критикой преследования ученых («дело» академика С.А. Жебелева)[8] он до 1935 г. стал персоной non grata в Советском Союзе [Kivikoski, 1954a, p. 113, 114]. После этого многие его корреспонденты в России, Украине, Белоруссии, Грузии и Азербайджане замолчали. Вряд ли переписка была прервана по инициативе финского ученого, который весьма дорожил контактами с советскими археологами.

Письма Б.Э. Петри публикуются, за исключением письма № 1 (см. факсимиле его первой страницы), по современной орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей оригинала. Встречающиеся в письмах сокращения, пропущенные слова, а в ряде примечаний римская нумерация страниц заключены в квадратные скобки. Текст писем сопровождается комментариями и примечаниями. Авторы благодарят коллег из Рукописного отдела библиотеки университета Хельсинки за возможность публикации писем Б.Э. Петри, а профессора Ю.А. Янхунена и д-ра Тимо Салминена – за ряд биографических и библиографических справок.

**Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ (проекты № 08-01-00024а и 09-01-00510а)*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА Б.Э. ПЕТРИ К А.М. ТАЛЬГРЕНУ

№ 1

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Музей Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго

Петроградъ 29/X 1915 г.

Многоуважаемый Доктор Тальгренъ

Очень рад исполнить Ваше порученіе. Предмета, нарисованного у Миддендорфа[9] на стр. 574[10], у нас Музее нет, но есть совершенно аналогичные предметы, по которым можно точно установить, что предмет Миддендорфа сделан из металла. Кроме того, у нас есть такіе же лыжные палки съ крючком, сделанным из кости и богато орнаментированымъ. Далее есть рядъ палок без кольца внизу, которыя служат для подсаживанія женщинам, при езде на оленяхъ. Эти палки все съ утолщением на концах и без колец. По словам Э.К. Пекарского[11], – большого знатока якутов, у последних тоже имеется подобный инструмент, но он служит при езде на саняхъ по узкой тропинки для стряхивания снега с сучков и веток, преграждающих дорогу.

Привожу Вам таблицу имеющихся у нас предметов, если хотите, я могу прислать и их фотографии и сделать описание ихъ.

№ коллекции	Народ	съ кольцом или без	материал
330-20	Тунгусы	без для оленей	металлъ
733-1От Маака[12]	Тунгусы	без для оленей	металлъ
1048-151 От В.И. Анучина[13]	Енисей-остяки	с кольцом для лыж	металлъ
2216-45 С.М. Широкогоровъ[14]	Забайкальские тунгусы	без кольца для оленей	металлъ
1524-32 Рычковъ[15]	Тунгусы туруханские	без кольца для оленей	металлъ
637-1	Тунгусы	съ кольцом для лыж	кость
1070-87 ?	Долгано-якуты	бз кольца для оленей	металлъ
147-29	Тунгусы	без кольца для оленей	металлъ

Кроме этих в музее имеются еще несколько, но я их еще не разыскал.

Рад буду еще услужить Вам.

С уважением Б. Петри.

[Вставка ниже написана поперек на правом поле 2-й страницы письма – С.К., А.В.] Кстати: Вы называете ихъ «топорами-кинжалами»? См. стр. 575, III строка сверху и мое описание. Все противоречитъ Вашему термину! Да и большинство из них тупые.

№ 2

11.X.1916

Глубокоуважаемый Доктор Тальгрен.

Примите выражения моей глубокой признательности за присланные Вами Ваши работы. Из них особенно меня заинтересовал «Русско-шведские отношения»[16], кот[орую] я просил себе перевести, т.к. не знаю шведского языка. Все Ваши работы я передал на хранения в библиотеку Музея, что я делаю со всеми своими книгами – это мой принцип. Благодаря этому у нас в библиотеке скопилось достаточное количество Ваших работ[17]. Посылаю Вам свою последнюю работу о неолите Байкала[18].

Далее у меня к Вам просьба: я написал обзор-заметку о том, что сделано по орнаменту финских народностей финляндскими учеными[19]. У меня оказались в распоряжении следующие книги:

1. Blomstedt m. Sucksdoff. Karelische Gebäude[20].

2. Heikel A.O. Die Volkstrachten in den Ostseeprov[inzen und in Setukesien][21].

3. Schwindt Th. Finnische Ornamente I-II[22].

4. Heikel A.O. [Mordvalaisten pukuja ja kuoseja.] – Trachten und Muster der Mordvinen[23].

5. Sirelius M.E. Ornamente auf Birkenrinde…[24]

6. Schwindt Th. Kansanvalis Tuseuran Kalenteri 1892 г.[25]

7. Appelgren-Kivalo. Finnische Trachten aus der jüngeren Eisenzeit[26].

8. Tikkanen J.J. Finnische Textilornamentik[27].

9. Wichmann Julie. Beiträge zur Ethnologie der Tscheremissen[28].

10. Heikel A.O. Die Stickmuster der Tscheremissen[29].

Кроме этих книг 10-ти трудов я не знаю больше. Я просил доктора А.О. Гейкеля[30] сообщить мне: быть может есть еще какой-нибудь труд по орнаменту финских народов, а также выслать мне № 6, 7, 8, 9, кот[орых] у меня нет. Др.[31] Гейкель любезно ответил мне, что им дано распоряжение выслать мне недостающие труды, но не пишет, полный ли у меня список или есть пропуск. Поэтому обращаюсь к Вам с просьбой показать этот список доктору M. Sirelius'у[32] и спросить у него, не сделал ли я пропуск. С доктором Sirelius'ом я не знаком лично. Если есть пропуск, благоволите сообщить мне точное название труда и дать распоряжение в книжный магазин, чтобы мне выслали эту книгу по адресу Музея, для пересылки бесплатно прилагаю бланк.

Буду Вам очень признателен за исполнение просьбы. Т.к. меня торопят с печатью, то прошу не «класть в далекий ящик». Надеюсь быть Вам полезным, если что понадобиться в Петрограде.

С почтением Б. Петри.

№ 3

Почтовая карточка

[Штемпель Петрограда – 8.05.1917, штемпель Гельсингфорса – 24.05.1917]

Доктору А.М. Тальгрену, Музей, Гельсингфорс

от Б.Э. Петри, Академия Наук, П[етроград].

Дорогой доктор Тальгрен,

Обращаюсь к Вам с просьбой сделать перевод заглавий 2-х книг:

1. Tscheremissian uskonto; kirjattanut Uno Holmberg[33].

2. Permalaisten uskonto; kirjattanut Uno Holmberg[34]. Werner söderström osakeyhtiö, Porvoossa.

Кроме того, очень прошу Вас при случае распорядиться, чтобы нам выслал Акад[емический] Кн[ижный] Маг[азин] хороший и подробный финский словарь с переводом или на русский или на немецкий яз[ыки].

С уважением Б. Петри.

№ 4

24. II [19]26

№319

Многоуважаем[ый] Collega Тальгрен.

Простите, что так задержался с исполнением Вашей просьбы о высылке моих работ. Дело в том, что из далекой Сибири очень трудно угадать, как переслать книги в соседнюю страну, чтобы избежать потерь в связи с не совсем налаженными дипломатическими отношениями. Иркутская почтовая контора по моей просьбе навела справки и объявила мне, что я могу послать посылку, а не бандероль, что и делаю.

Вашу бандероль с мелкими брошюрами я получил. Приношу Вам за них большую благодарность. Все, что касается Сибири я уже прочитал и использовал. Очень нуждаюсь в Вашей капитальной работе по Сибири «Collection Tovostin[e]»[35], о которой много слышано лестного, но не имел возможности прочесть, т[ак] к[ак] ее в Иркутске нет. Кроме того, прошу выслать «о сибирских писаницах и курганах», если она вышла после Вашей последней посылки. Я также очень просил бы др. Аппел[ьгрена-Кивало][36] выслать мне свои работы, если он писал что-либо о Сибири[37]. Я не останусь в долгу.

Я сейчас очень занят этнографией, но все же буду копать нынешнее лето: палеолит и неолит. Здесь нам удалось найти еще одну палеолитическую стоянку[38] и неолитический некрополь[39].

Все, что выйдет в ближайшем будущем – перешлю Вам. Очень Вас прошу меня известить о получении этой посылки.

С уважением проф. Б. Петри.

P.S. К одной работе приложен список моих трудов. Если Вам что нужно – сообщите: охотно вышлю.

Мой адрес: Иркутск, Университет, профессору Бернгарду Эдуардовичу Петри.

№ 5

29.III [19]26

№363

Глубокоуважаемый коллега.

Позвольте Вам принести глубокую благодарность за Вашу работу: «Коллекция Товостина»[40]. Очень рад, что посылка за №316 до Вас дошла, и я таким образом сумел отплатить ½ своего долга. Посылаю Вам сегодня посылку за №362, в которой вложено 12 моих работ: это вторая ½ моего долга Вам.

Теперь я хочу сделать опять долг – попросить у Вас «Коллекцию Заусайлова»[41], кот[орой] у меня тоже нет, и без которой мне затруднительно работать. В ближайшем будущем я выпускаю в Иркутске 1 вып. «Доисторической Сибири»[42], «Сибирский неолит»[43] и атлас «Ангарский палеолит»[44]. Надеюсь, что мои скромные сибирские издания, если не своей внешностью (мы по роскоши не можем сравниться с Вами), то хоть по материалу будут компенсировать Ваши ценные посылки. Мы работаем здесь в неизведанной стране; она очень интересна, но зато приходится копать на свой счет. Хотя наше правительство и не дает нам средств на раскопки и на печатание, но зато платит хорошее жалование. Так[им] образом я могу, скромно живя в домашней обстановке, уделять 1/3 своего жалования (100 рублей в месяц) на свои научные затеи – раскопки и печатание. Поэтому не взыщите, что мы так жалеем деньги на рисунки.

С уважением проф. Б. Петри.

№ 6

26.X.[19]26

№499

Глубокоуважаемый коллега.

Я очень счастлив, что могу послать Вам свой привет в виде небольшой посылки моих separata[45], чтобы хоть этим выразить Вам свою признательность за Ваши ценные для меня книги, из которых я особенно дорожу Collection Tovostine. Посылаю Вам 1. Сибирский неолит[46]; 2. Древности Косогола[47]; 3. Карагасский суглан[48]; 4. Степени посвящения[49]; 5. Внутри-родовые отношения[50]; 6. Краеведение №3[51]. Очень Вас прошу сообщить мне, получили ли Вы эти книги (посылка №498).

Последняя книжка – небольшой орган студенческого краеведческого кружка в Сибири. Быть может Вы оповестите Ваши краеведческие или родиноведческие кружки о существовании нашего и мы бы вступили с ними в переписку и обмен изданиями.

Передо мной лежит Ваше письмо от 7.4.[19]26, в котором Вы любезно обещаете мне в недалеком времени выслать Ваш труд Collection Zaouissaïlov[52]. Я его до сих пор не получил, и меня беспокоит: быть может она потерялась в дороге.

Я нынче опять много копал и выкопал очень интересные вещи по палеолиту. Нынче я приступаю к изданию ангарского палеолита. Мы в Иркутске оборудовали цинкографию и теперь можем издавать с иллюстрациями.

Мне очень нужен Дешеллет-Manuel... т. I.[53]

Если Вы имеете желание помочь college`e, который работает в далекой окрайне, помогите мне его выписать. Я никак не могу его получить, несмотря на неоднократные заказы.

Очень хотелось бы узнать, что делает др. Айлио[54], др. Сойкелли[55] и др. Аарне[56].

Я сохраняю о них лучшие воспоминания. Если бы я знал, что они обо мне не забыли и узнал бы их адреса, я бы им послал свои печатные работы.

Примите мои наилучшее пожелания в успехе Ваших исследований. Я всегда с особой нежностью вспоминаю годы, проведенные в Финляндии, и Ваш народ, который я научился глубоко уважать.

С уважением Б. Петри.

Адрес: Иркутск, Университет, профессору Бернгарду Эдуардовичу Петри.

№ 7

Почтовая карточка

[Штемпель Ленинграда – 04.12.1926, штемпель Хельсинки неразборчив]

Professor Tallgren, Universitet, Helsinki. Университет, Тальгрену, Гельсингфорс от проф. Б. Петри, Иркутск, университет.

25.XI.[19]26

№526

Глубокоуважаемый collega!

Благодарю Вас за присылку Eurasia Septentrionalis [Antiqua] с Вашей работой «La Pontide Préscythique»[57]. Не скрою, что с завистью смотрел на Ваше чудное издание и массу иллюстраций. Ведь это энциклопедия! Теперь, я думаю, Вы сделаете такую же полную сводку о севере Азии[58]. Обещаю Вам от имени Сибири полное содействие.

Б. Петри.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1]О биографии, научной и педагогической деятельности Петри написано немало (см. работы А.А. Сириной, Л.Ю. Китовой, А.В. Жука и др.). Наиболее полный биографический очерк о Тальгрене принадлежит перу Эллы Кивикоски [Kivikoski, 1954a].

[2]«Я… натуралист по образованию и дарвинист по методам исследования» [Цит. по: Сирина, 2002, с. 61].

[3]По свидетельству биографа, «Тальгрен работал безостановочно, работа была его жизненной необходимостью, наркотиком, по словам матери» [Kivikoski, 1954a, p. 117].

[4]Свидетельством тому строки из писем Спицына и Городцова Тальгрену в РОБХУ (колл. 230).

[5]Судим об этом по списку рассылки, вложенному Тальгреном в рабочий экземпляр книги, находящейся в его архиве в Музейном ведомстве Финляндии.

[6]В 1911 г. организатором экскурсии сибирских студентов был А.С. Лебедев, издатель тальгреновской книги «Родиноведение в Финляндии. СПб., 1913»; см. о его переписке с А.М. Тальгреном: [Кузьминых, Мельникова, Ванюшева, 2009]. В рукописном архиве Тальгрена, помимо лебедевских, сохранилось немало других благодарственных писем за помощь в организации экскурсий.

[7]В ходе трехмесячной поездки Тальгрен посетил Петроград, Москву, Нижний Новгород, Казань, Сарапул, Пермь, Екатеринбург, Омск, Красноярск, Минусинск. В большинстве из этих городов он провел по нескольку дней, работал в музеях, посетил наиболее интересные археологические памятники [Kivikoski, 1954a, p. 96]. На обратном пути Тальгрен останавливался с той же целью в Красноярске, Томске, Барнауле, Омске и Екатеринбурге, но в Петрограде уже не задержался. Сохранились краткие дневниковые записи Тальгрена о каждом дне этого путешествия – с момента отъезда из Гельсингфорса 19 мая и возвращения в Турку 14 августа (PAT, папка “Tallgren 25”, конверт 1). В газете “Helsingin Sanomat” были опубликованы его путевые очерки – выдержки из писем родным [Tallgren, 1915].

[8]См.: [Tallgren, 1928b].

[9]Миддендорф Александр Федорович (1815–1894), академик Петербургской АН (1860), натуралист и естествоиспытатель, исследователь арктической части Сибири. Автор многотомного труда «Путешествие на север и восток Сибири»; см. о нем: [Нордега, Рахимбеков, 1996].

[10]См.: [Миддендорф, 1860–1878].

[11]Пекарский Эдуард Карлович (1858–1934), чл.-корр. АН СССР (1927), языковед, фольклорист, этнограф. Автор известного «Словаря якутского языка».

[12]Маак Ричард Карлович (1825–1886), географ, натуралист, этнограф, исследователь Сибири и Дальнего Востока. В 1852–1855 гг. руководил экспедицией Сибирского отделения ИРГО на Вилюй.

[13]Анучин Василий Иванович (1875–1943), этнограф, совершил ряд археологических и этнографических экспедиций в Сибири, в т.ч. в Туруханский край; см. о нем: [Шиловский, 2007, с. 35–42].

[14]Широкогоров Сергей Михайлович (1887–1939), этнолог, лингвист, социолог, археолог и антрополог, исследователь Сибири и Дальнего Востока; см. о нем: [Ревуненкова, Решетов, 2003].

[15]Рычков Константин Михайлович (1882–1923), этнограф, лингвист, исследователь Сибири.

[16]См.: [Tallgren, 1916b].

[17]См. перечень работ Тальгрена, вышедших до 1916 г. и связанных с проблематикой российской археологии в библиографическом указателе Э. Кивикоски [Kivikoski, 1954b, p. 125–128].

[18]См.: [Петри, 1916б].

[19]Нам осталось неизвестным, вышел этот обзор или нет. Петри сотрудничал с журналом отделения этнографии ИРГО «Живая старина» [Петри, 1917], в котором публиковались его библиографические обзоры; см. к примеру: [Петри, 1914а].

[20]См.: [Blomstedt & Sucksdoff, 1901].

[21]См.: SUSKJ. 1909. B. IV. [9] + 184 p. + 31 pl.

[22]Речь идет о работах: [Schwindt, 1895; 1903].

[23]См.: SUSKJ. 1899. B. I. [5] + XXVII + 43 + 63 p. + CXCIX pl.

[24]См.: [Sirelius, 1904]. Петри ошибся в написании инициалов исследователя.

[25]См.: [Schwindt, 1891].

[26]См.: [Appelgren-Kivalo, 1907].

[27]См.: [Tikkanen, 1901].

[28]См.: SUSKJ. 1899. B. I. . [5] + XXVII + 43 + 63 p. + CXCIX pl.

[29]См.: SUSKJ. 1913. B. V. 126 p. + 20 pl. Петри ошибся в написании работы: должно быть «Ethnographie».

[30]Гейкель Аксель Олай (1851–1924), финский этнограф, археолог, музейный деятель. Организатор и руководитель целого ряда археолого-этнографических экспедиций в Поволжье, Прибалтику, Сибирь и Туркестан (1883–84, 1890–91, 1893, 1897–99 гг.). В 1889 г. в составе третьей экспедиции Аспелина провел исследования в Минусинской котловине (Ташеба) и в Монголии (памятники орхоно-енисейской письменности, Каракорум) и в 1912 г. издал материалы этой экспедиции. Гейкель по праву считается основоположником этнографических исследований финно-угров. Им был создан в Хельсинки музей Сеурасари - этнографический музей под открытым небом. Докторская диссертация посвящена сравнительному анализу построек финнов, эстонцев, марийцев и мордвы, ряд работ - об одежде и орнаменте финно-угорских народов. В России особенно популярна книга Гейкеля о древностях, хранящихся в музеях Урала и Западной Сибири [Heikel, 1894]; см.: об археологических и этнографических исследованиях Гейкеля: [Tallgren, 1936, s. 232; Nordman, 1968, p. 43–44; Niiranen, 1987; Шлыгина, 1995, с. 49–51; Salminen, 2003, p. 88–109, 112–115].

[31]«Др.» здесь и далее «доктор».

[32]Сирелиус Уно Таави (1872–1929), один из основоположников финно-угорской этнографии в Финляндии. Сотрудник, а позже заведующий Этнографического отдела Национального музея. Основал кафедру финно-угорской этнографии в Хельсинском университете (1921). Работы Сирелиуса о рыболовстве и охоте, ремесле, постройках и жилищах, орнаменте, одежде финно-угорских народов основаны на материалах, собранных в России в 1898–1911 гг. у хантов, манси, коми-зырян, удмуртов, татар, карелов и др. Наряду с А.М. Тальгреном был редактором журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua»; См.: подробнее о биографии, научной и экспедиционной деятельности Сирелиуса: [Tallgren, 1930; Lehtonen, 1972; Шлыгина, 1995, с. 51–54; Сирелиус, 2001].

[33]См.: [Holmberg, 1914a]. Название книг Уно Холмберга (с 1927 г. Уно Харва), известного финского этнографа, переводится как «Религия черемис».

[34]См.: [Holmberg, 1914b]. Название переводится как «Религия пермских народов».

[35]См.: [Tallgren, 1917].

[36]Аппельгрен-Кивало Отто Хьялмар (1853–1937), финский археолог и музейный деятель, специалист по финно-угорским и древнетюркским древностям, председатель Археологической комиссии (вслед за Й.Р. Аспелиным), руководитель археологического отдела Государственного (с 1918 г. Национального) музея Финляндии, профессор (с 1922 г.) университета Хельсинки, редактор журналов «Suomen Museo» и «Finskt Museo».

[37]Основная работа исследователя о Сибири вышла в 1931 г. [Appelgren-Kivalo, 1931], но Петри он мог выслать ряд более ранних работ; см.: [Appelgren-Kivalo, 1912a; 1912b].

[38]Падь Ушканка, открыта в 1926 г. Я.Н. Ходукиным [Ларичев, 1969, с. 180].

[39]Неолитический могильник «Локомотив» [Стратиграфия…, 1990, с. 79].

[40]См.: [Tallgren, 1917].

[41]См.: [Tallgren, 1916a].

[42]См.: [Петри, 1923].

[43]См.: [Петри, 1926а].

[44]См.: [Петри, 1927].

[45]Separat (нем.) – отдельный, т.е. имеется в виду – отдельных работ.

[46]См.: [Петри, 1926а].

[47]См.: [Петри, 1926б].

[48]См.: [Петри,1926в].

[49]См.: [Петри, 1926г].

[50]См.: [Петри, 1925].

[51]См.: [Краеведение…, 1926].

[52]См.: [Tallgren, 1916a].

[53]См.: [Dechelette, 1908].

[54]Айлио Юлиус Эдвард (1872–1933), известный финский археолог и политический деятель; в то время ассистент (с 1916 г. консерватор, с 1920 г. руководитель) отдела доистории Национального музея, доцент Хельсинкского университета (1910–1926); см.: о нем: [Tallgren, 1933; 1936б, s. 239–242; Filip, 1966, s. 13; Nordman, 1968, p. 50–53].

[55]Сойккели Карл Август (1871–1932), финский историк и музейный работник; См.: о его археологических исследованиях: [Tallgren, 1936, s. 242; Nordman, 1968, p. 55–56; Filip, 1969, s. 1333]. В те годы сотрудник Национального музея Финляндии. При его участии была куплена и перевезена в Хельсинки коллекция В.И. Заусайлова.

[56]Речь идет об известном финском фольклористе Антти Аарне (1867–1925), создателе классификации народных сказок («метод Аарне»). После ее развития американцем Томпсоном она известна как «система Аарне-Томпсона»; см. об Аарне: [Mansikka, 1925].

[57]См.: [Tallgren, 1926].

[58]А.М. Тальгрен действительно планировал создать сводный труд о бронзовом веке Северной Евразии, однако этот план остался неосуществленным.

ЛИТЕРАТУРА

Краеведение в Иркутской губернии. - 1926. - № 3.

Кузьминых С.В., Мельникова О.М., Ванюшева К.В. «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрену // Вестник УдмГУ. – 2009 (в печати).

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1. – 390 с.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. – СПб., 1860-1878. – Ч. I и II.

Нордега И.Г., Рахимбеков Р.У. Александр Федорович Миддендорф. 1815-1894 // Творцы отечественной науки. Географы. – М.: Изд-во «АГАР», 1996. - С.168-179.

Петри Б.Э. Библиография за 1911 год по этнографии, религии, языкознанию и фольклору // ЖС. - 1914а. – Вып. 3-4. – С. 441–468.

Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье // ИРКИСВА. Сер. 2. – 1914б. – № 3. – С. 89-106.

Петри Б.Э. Отчёт о командировке на Байкал для археологической разведки // Отчёт о деятельности Имперской Академии Наук по отделениям физико-математических наук, истории и филологии за 1916 г. - СПб., 1916а. - С. 142-143.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки «Улан-Хада» // СМАЭ. - 1916б. - Т. 3. - С. 113-132.

Петри Б.Э. Бурятская игра «Бехер» (кушаки) // ЖС. - 1917. - Вып. 2-3.

Петри Б.Э. Сибирский палеолит. - Иркутск, 1923. - 47 с.

Петри Б.Э. Внутриродовые отношения у северных бурят. - Иркутск, 1925. - 72 с.

Петри Б.Э. Сибирский неолит. - Иркутск, 1926а. - 40 с.

Петри Б.Э. Древности озера Косогола (Монголия). - Иркутск, 1926б. - 31 с.

Петри Б.Э. Карагасский суглан. - Иркутск, 1926в. - 40 с.

Петри Б.Э. Степени посвящения монголо-бурятских шаманов. - Иркутск, 1926г. - 16 с.

Петри Б.Э. Сибирский палеолит: Атлас. - Иркутск, 1927. - 20 с.

Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // ЭО. - 2003. - № 3. - С. 100-119.

Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. - Томск: Изд-во ТГУ, 2001. - 344 с.

Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. - М.: Вост. лит., 2002. - Вып. 1. - С. 57-80.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. К XIII конгрессу ИНКВА (Китайская народная республика, 1991). - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. - 165 с.

Шиловский М.В. Судьбы связанные с Сибирью. Биографические очерки. - Новосибирск: ИД «Сова», 2007. - 376 с.

Шлыгина Н.В. История финской этнологии. - М.: ИЭА, 1995. - 239 с.

Appelgren-Kivalo H. Suomalaisia pukuja myöhemmältä rautakaudelta. Finnische Trachten aus der jüngeren Eisenzeit. - Helsinki, 1907.

Appelgren-Kivalo H. Die Grundzüge des skythisch-permischen Ornamentstiles // SMYA. - 1912a. - T. XXVI.

Appelgren-Kivalo H. Vogelkopf und Hirsch als Ornamentsmotive in der Vorzeit Sibiriens // FUF. - 1912b. - B. XII.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. - Helsingfors, 1931.

Blomstedt Y. & Sucksdoff V. Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja keskisestä Venäjän Karjalasta. - Helsinki, 1901.

Déchelette J. Manuel d´Archeologie Prehistorique, celtique et gallo-romaine (Paläolithikum-Neolithikum). - Paris, 1908. - T. I.

Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. - Prag, 1966. - T. 1. - XV + 664 s. + XL pl.

Filip Jan. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. - Prag, 1969. - T. 2. - S. 665-1758 + XCII pl.

Heikel A. Antiquités de la Sibérie occidentale // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. - Helsingfors, 1894. - T. VI. - X + 111 p. + 30 pl.

Holmberg Uno. Permalaisten uskonto // Suomensuvun uskonnot. - Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1914a. - T. IV. - 208 s.

Holmberg Uno. Tsheremissien uskonto // Suomensuvun uskonnot. - T. V. - Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1914b. - 128 s.

Lehtonen J.U.E. U.T. Sirelius ja kansatiede // Kansatieteellinen arkisto. - Helsinki, 1972. - T. 23.

Kivikoski Ella. A. M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. - 1954a. - P. 77-121.

Kivikoski Ella. The Bibliography of A. M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. - 1954b. - P. 122-145.

Mansikka V.J. Antti Aarne // FUF, Anzeiger. - 1925. - B. XVII. - S. 61-64.

Niiranen T. Axel Olai Heikel. Suomalais-ugrilaisen kansatieteen ja arkeologian tutkija // Snellman-instituutin julkaisuja. - Helsinki, 1987. - T. 4.

Nordman C.A. Archaeology in Finland before 1920 // The History of Learning and Science in Finland 1828-1918. - Helsinki, 1968. - T. 14a.

Salminen Timo. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870-1935 // SMYA. - 2003. - T. 110 (Summary: Lands of conquest. Russia and Siberia in Finnish archaeology 1870-1935).

Schwindt Th. Nauhakoristeita. - Helsinki, 1903.

Schwindt Th. Suomalaisista esiliinoista - Kansanvalistusseuran Kalenteri 1892. - Helsinki, 1891.

Schwindt Th. Suomalaisia koristeita. T.I. Ompelukoristeita ja kuoseja // SKST. - 1895. - Vol. 85.

Sirelius U.T. Ostjakkien ja vogulien tuohija nahkakoristeita. - Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen // SUSKJ. - 1904. - B. II. - XVI + [3] + XLVI p.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland // SMYA. - 1911. - T. XXV:1. IX + 129 s.

Tallgren A.M. Urallile ja Altaille // Helsingin Sanomat. - 17. 7., 20. 7., 22. 7., 23. 7. 1915.

Tallgren A.M. Collection Zaouissaïlov au Musée histirique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. - Helsingfors, 1916a. – 47 p. + XVI pl.

Tallgren A.M. Sveriges förbindelser med Russland under bronsåldern // Finsk Tidskrift. - Helsingfors, 1916b. - T. 53. - S. 362-374.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. – Helsingfors, 1917. - 93 p. + XII pl.

Tallgren A.M. Muinais- ja kansatieteellinen suunnitelma (Eurasia) // Helsingin Sanomat. - 13. 4. 1924.

Tallgren A.M. Neues über russische Archäologie // FUF, Anzeiger. 1925. - B. XVII. - S. 1-40.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux // ESA. - 1926. - T. II. - 248 p.

Tallgren A.M. Besprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa // ESA. – 1927. - T. I. - S. 139-188.

Tallgren A.M. Sibirien: Bronzezeit // Reallexikon der Forgeschichte. Herausgegeben von Max Ebert. - Berlin, 1928a. - T. XII. - S. 70, 71, Taf. 12-16.

Tallgren A.M. Tiedemiesten vaino Neuvosto-Venäjällä [Репрессии ученых в Советской России] // Helsingin Sanomat. - 16. 12. 1928b.

Tallgren A.M. U.T. Sirelius // ESA. - 1930. - T. V. - P. 5-8.

Tallgren A.M. Julius Ailio: Muistopuhe // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaft. - Helsinki, 1933. - S. 123-131.

Tallgren A.M. Geschichte der antiquarischen Firschung in Finland // ESA. - 1936. - T. X. - S. 199-261.

Tikkanen J.J. Finnische Textilornamentik - Finnische Rundschau. - Helsingfors, 1901.

Императорская Академія Наукъ.
Музей Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго.

№

Петроградъ 29/X 1915 г.

Многоуважаемый Доктор Талгренъ.

Очень рад исполнить Ваше порученіе. Предмета нарисованнаго у Миддендорфа на стр. 574. у насъ въ Музеѣ нѣтъ, но есть совершенно аналогичные предметы, по которым можно точно установить что предметъ Миддендорфа сдѣланъ изъ металла. Кромѣ того у насъ есть такія же лыжныя палки съ крючкомъ, сдѣланнымъ изъ кости и богато орнаментированнымъ. Далѣе есть рѣдкія палки безъ сошка вниз, которыя служатъ для подсаживанія женщинамъ, при ходѣ на оленяхъ. Эти палки всѣ съ утолщеніемъ на концахъ и безъ колецъ. По словамъ Э. К. Пекарскаго, - большого знатока якутовъ, у послѣднихъ тоже имѣется подобный инструментъ, но онъ служитъ при ходѣ на санкахъ по узкой тропинкѣ для стряхиванія снѣга съ сучковъ и вѣтокъ, преграждающихъ дорогу.

Провожу Вам таблицу имѣющуюся у насъ недвѣдей, если хотите, я могу прислать и их

Е.В. Детлова, Н.П. Макаров
Красноярск, Красноярский краевой краеведческий музей

КРАСНОЯРСК — ИРКУТСК. К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ Б.Э. ПЕТРИ И Г.К. МЕРГАРТА*

После первых академических экспедиций в Сибири Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, М.А. Кастрена, В.В. Радлова ведущими в археологических исследованиях региона постепенно становятся местные научные учреждения. В конце XIX — начале XX вв. формируются некоторые из них, среди которых археологи Иркутска и Красноярска долгие годы занимали лидирующие позиции. В Иркутске в изучении древностей Восточной Сибири выделяются имена И.Д. Черского, Н.И. Витковского, Н.И. Попова, М.П. Овчинникова и других исследователей [Окладников, 1950, с. 30-37]. В красноярской группе археологов оказались И.Т. Савенков, А.С. Еленев, А.П. Ермолаев, М.Е. Киборт, П.С. Проскуряков, группирующиеся вокруг местного городского Музея Приенисейского края и Учительской семинарии [Макаров, 1989, с. 139-142]. Все перечисленные личности целенаправленно занимались изучением древнейшего прошлого Сибири и сделали немало выдающихся открытий. С другой стороны, никто из них не был профессиональным археологом и занимался наукой в свободное от основной работы время. Только к началу двадцатых годов XX столетия судьба забросила в Сибирь двух выдающихся ученых, которые оказались едва ли не единственными профессиональными археологами на огромной территории, равной нескольким европейским государствам. В Иркутске таким ученым и основателем своей научной школы стал Бернгард Эдуардович Петри, а в Красноярске — Геро фон Мергарт [Савельев, 1991, с. 75-93; Гольберт и др., 1987, с. 70-73]. Оба исследователя оказали огромное влияние на своих более молодых партнеров, а также и на развитие всей сибирской археологии [Белокобыльский, 1986, с. 119-132; Китова; 2007, с. 164-170]. В связи с этим в данной публикации отражены взаимоотношения этих ученых и их научные связи, столь важные для понимания становления археологии в Сибири.

Благодаря зарубежным и российским коллегам[1] в нашем распоряжении оказалась часть их переписки. К сожалению, переписка по большей части односторонняя, мы располагаем в основном письмами Б.Э. Петри Г. Мергарту и, таким образом, не можем со всей полнотой судить о многих нюансах их деловых и личных контактов. Однако деятельность и Мергарта, и Петри неоднократно становилась предметом исследования и обстоятельного анализа со стороны многих российских археологов и историографов [Белокобыльский, 1986, с. 119-132; Детлова, 2005, с. 268-270; 2006, с. 414-416; Китова, 1995, с. 44-48; Китова, 2007, с. 51-59, 164 — 170; Kitova, 1998, s. 483-487; Ларичев, 1969, с. 148-159, 216-220; Макаров, 1989, с. 131-189; Мартынов, 1992, с. 21-24; Матющенко, 2001, с. 38, 79-81; Савельев, 1991, с. 75-93]. Особую ценность для раскрытия темы представляет, на наш взгляд, статья Н.А. Савельева [Савельев, 1991], многими положениями которой мы руководствовались при подготовке данной публикации.

Первые контакты Б.Э. Петри и Г. Мергарта относятся к 1919 г. Инициатором знакомства выступил австрийский археолог. Геро фон Мергарт, бывший офицер австро-венгерской армии, находился в то время в лагере для военнопленных в Красноярске и был прикреплен к Музею Приенисейского края (ныне Красноярский краевой краеведческий музей). Но работа в Красноярске, вернее, невозможность в силу бюрократических проволочек к ней подступиться, не вполне соответствовала представлениям Мергарта о научно-исследовательском поприще. Единственным в Сибири местом, где он мог бы найти достойное применение своим профессиональным навыкам, ему представлялся Иркутск, точнее — кафедра древней истории Иркутского университета, которой руководил профессор Петри. К тому времени австрийский ученый был уже наслышан о русском коллеге как о единственном специалисте в области археологии в Сибири, и можно с уверенностью предположить, что среди немногочисленных «русских отчетов» [Merhart, 1959, s.

27], благодаря которым происходило знакомство Мергарта с сибирскими древностями, была и работа Петри [Петри, 1916].

Среди материалов из личного архива Мергарта в Марбурге сохранились черновики его первого письма к Петри, в котором он обращается с просьбой предоставить ему возможность работать в Иркутске:

«Не знаю, захотите ли Вы или найдете возможность использовать меня в качестве рабочего. Я ищу работу и знания, а не денежное вознаграждение, и пока я могу жить и питаться в лагере, а днем работать у Вас, я буду совершенно счастлив. Я беспричинно потерял 5 лет жизни и учения, так как в Сибири нашлось бы достаточно материала, чтобы все эти 5 лет изучать что-то новое и при этом еще исполнять полезную для музея работу …Я готов трудиться бесплатно, чтобы служить науке…» [АМУ, Личный архив Геро ф. Мергарта].

Это письмо вызвало живой интерес Петри к персоне и деятельности Мергарта, о чем он незамедлительно сообщает своему корреспонденту (письмо № 1). К сожалению, в Иркутске не находится возможности оплатить услуги Мергарта или хотя бы обеспечить ему минимальные средства к существованию. Мергарт остается в Красноярске, где в конце концов получает возможность приступить к занятиям в музее. За полгода ему удается провести колоссальную по масштабам того тяжелого времени работу. В первую очередь, это классификация, атрибуция, систематизация, реставрация фонда древностей музея. Помимо кабинетной работы, Мергарт с коллегами (А.Я. Тугариновым, В.П. Ермолаевым, Г.П. Сосновским) также совершает ряд разведочных экскурсий в окрестностях Красноярске и экспедиции на юг и север края.

В результате работы в музее, изучения коллекций и собственных полевых наблюдении, а также под влиянием отчетов его предшественников, у Мергарта складывается вполне определенное представление о сибирских древностях. Своими наблюдениями он спешит поделиться с Петри. В архиве Мергарта в Германии имеется черновик еще одного его письма к Петри, в котором австрийский археолог описывает итоги летней работы 1920 г. и излагает ряд предположений относительно древних культур Сибири. Содержание черновика вкратце:

- В результате рекогносцировки дюнных стоянок установлен палеолитический слой и найден ценный палеолитический материал на стоянках Бузунова, Лепешкина, Аешки, Кокорево, Батени, подробнейшим образом описывается стратиграфия этих памятников. Кроме того, раскопки И.Т. Савенкова и содержимое фондов Минусинского музея позволили констатировать присутствие палеолита также в области стоянок на реках Тесь и Туба. Всего учеными (Г. Мергартом и Г.П. Сосновским) было обследовано «30 стоянок, 20 из них — лично мной» [там же]. По мнению Мергарта, найденный инвентарь соответствует палеолиту афонтовского типа, характерного и для иркутских стоянок;

- Со стороны Мергарта предпринимается попытка определить границу распространения неолитических культур по территории края, очертить ареал существования «северного» неолита. Также ученый высказывает предположение о пережиточности его существования вплоть до железного века.

- На юге края, как считает Мергарт, существует особая провинция бронзового века. Разницу бронзы Красноярского и Минусинского очагов можно проследить путем сравнения керамики и бронзового инвентаря, в первую очередь топоров.

С некоторыми из этих предположений Петри соглашается, другие встречают вполне оправданную критику с его стороны [Савельев, 1991, с. 84, 89, также письмо № 3]. В частности, большой ошибкой Мергарта иркутский ученый считает «заключения об одновременности северного неолита с культурами железного века» [см. приложение 3], которое объясняет слишком глубоким погружением австрийского коллеги в музейный материал.

В течение 1920-1921 гг. ученые продолжают общаться эпистолярно. К сожалению, в нашем распоряжении не было писем Мергарта, однако ход переписки и обсуждаемые темы из ответов Петри вполне ясны. Они обмениваются мнениями по вопросам сибирской археологии, как то: хронология и периодизация сибирского неолита, определение очагов и путей распространения неолитических культур по территории Прибайкалья и Приенисейского края, особенности «северной» и «южной» бронзы, и.т.д. В публикациях 1920-х гг. Петри часто обращается к работе и статьям Мергарта [Петри, 1923, с. 17-18; Петри, 1926, с. 33]. Для Мергарта же основным источником сведений по каменному веку Сибири на долгое время остаются труды Петри. Не случайно свою публикацию 1924 г. о каменном веке Сибири [Merhart, 1924] он предваряет словами: «В «Сибирском палеолите» профессора Петри представлен заслуживающий всяческой благодарности обзор известных до 1923 г. памятников, их содержимого и важнейшей литературы на данную тему….» [Merhart, 1924, S. 139].

Плодотворная работа иркутских и красноярских ученых и переписка с ними и в более поздние годы позволяет Мергарту оставаться в курсе открытий и достижений сибирской археологии. В 1925 г. Макс Эберт предлагает ему принять участие в подготовке очередного тома своего знаменитого «Лексикона» [РОБХУ, коллекция 230–9 Переписка Г. Мергарта и А.М. Тальгрена[2], письмо от 2.03.1925]. Мергарт, находясь вдали от Сибири и не имея возможности опираться на собственный материал, оперирует данными и фактами, почерпнутыми из исследований иркутских ученых, прежде всего, Петри и его учеников. Благодаря этому, его «Sibirien B. Neolithikum» [Merhart, 1928] выгодно отличается и по объему, и по содержательности от, например, предшествующей мергартовской, статьи в «Лексиконе» Г. Обермайера о палеолите [Obermeier,1928] и представляет собой вполне законченное исследование, выходящее за рамки энциклопедической статьи. По мнению Н.А. Савельева, в свою очередь, взгляды Мергарта также оказали определенное влияние на некоторые теоретические построения и концепции Петри [Савельев, 1991, с. 79, 82, 84, 87, 89].

Еще одним связующим Петри и Мергарта звеном является личность Георгия Петровича Сосновского. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно раскрыть эту не менее важную в плане контактов красноярских и иркутских археологов линию, поэтому ограничимся лишь рассмотрением аспекта, связанного непосредственно с взаимоотношениями этих трех ученых.

Заниматься первобытной историей Сосновский начал под руководством Петри. Попав в Красноярск, в 1920 г. Сосновский становится ассистентом Мергарта в Красноярском музее. Полгода работы под руководством австрийского ученого позволили ему совершенствовать уже имеющиеся и приобрести новые необходимые практические навыки кабинетной и полевой работы, познакомиться с принятой в Европе техникой раскопок, методикой описания предметов и т.д. В лице же Георгия Петровича Мергарт приобрел не только «замечательного помощника в поле» [Merhart, 1958, s. 228], за которым видел и признавал большое будущее в российской археологии, но и надежного товарища. В августе 1920 г. Сосновский приезжает в Иркутск, где под руководством Петри продолжает изучение древней истории. Помимо занятий в университете он также исполняет обязанности хранителя в губернском и в университетском музеях и принимает активное участие в работе кружка «Народоведение». С Мергартом он продолжает поддерживать тесную связь в переписке. В письмах молодой ученый сообщает о своей жизни в Иркутске, описывает доисторические коллекции иркутских музеев и вводит Мергарта в курс проводимых им исследований в Забайкалье и Приенисейском крае.

С первых же писем обнаруживаются разногласия между Сосновским и Петри. Несогласие вызывают взгляды Петри на археологию Забайкалья и Приенисейской Сибири («классификация неолитических культур Восточн[ой] Сибири, выработанная проф. Петри, на мой взгляд, к Енисейской губернии в целом не применима. В основу ее положены раскопки на Улан-Хаде», «проф. Петри — хороший человек, и мы с ним друзья, но в вопросах археологии частенько держимся с ним противоположных взглядов» [АМУ, Личный архив Геро ф. Мергарта, письма Г.П. Сосновского

Г. Мергарту от 8.09.1920 и 25.10.1920]). Критике подвергается также методика проведения раскопок Петри («вся раскопка свелась к чисто механическому процессу копания» [там же, письмо Г.П. Сосновского Г. Мергарту от 25.10.1920]). С течением времени напряженность в отношениях с Петри нарастает и сказывается уже на личных взаимоотношениях ученых. Сосновский упрекает Петри в том, что тот «напечатал «Сибирский палеолит»[3], взяв некоторые сведения о находках в Енисейской губ[ернии] из моей рукописи, не получив на это разрешения» [там же], сетует, что «отношения у меня с ним [Петри — Е.Д., Н.М.] не такие, какие были раньше» [там же, письмо Г.П. Сосновского Г. Мергарту от 1.06.1923]. Единственным авторитетом в археологии для молодого ученого остается Геро Мергарт, о чем он неоднократно признается в письмах австрийскому коллеге. Однако такая не вполне справедливая позиция Сосновского по отношению к Петри никоим образом не отражается на общении его учителей. Петри искренне благодарен Мергарту за то, что под его опытным руководством его ученик многому научился: «путешествия и практические работы «в поле» были хорошим фундаментом, на котором теория пустила прочные корни» (письмо № 3).

К сожалению, в переписке Мергарта и Петри, которая сохранилась в личном архиве австрийского археолога, после 1921 г. существует значительный перерыв, причины которого неизвестны. Общение ученых возобновляется в 1927 г. Примечательно в первую очередь то, что если свои письма 1919-1921 гг. к Мергарту Петри пишет на превосходном немецком языке, то 6 лет спустя он переходит на русский, лишь изредка вкрапляя в ткань писем немецкие слова и фразы. Объясняет он это тем, что делает ошибки «в немецком правописании, и это меня стесняет» [АМУ, Личный архив Геро ф. Мергарта, письмо Б.Э. Петри Г. Мергарту от 10.09.1927]. Также обращаясь к Мергарту с просьбой сделать резюме на немецком языке для атласа по сибирскому палеолиту, Петри вновь ссылается на свое незнание немецкой терминологии в области археологии.

Если говорить в целом о содержании писем 1927 г., то можно выделить следующие темы:

Во-первых, это традиционные для переписки русских и заграничных ученых просьбы о присылке профессиональной литературы. Петри высылает Мергарту ряд своих произведении, вышедших за эти годы. Ответно просит прислать известное руководство по технике проведения раскопок Дешелета [Dechelette, 1908-1914], а также благодарит Мергарта за присланное им произведение «Бронзовый век на Енисее» [Merhart, 1926], «откровение», которое читают «все иркутские археологи, кто со словарем, кто без словаря» [АМУ, Личный архив Геро ф. Мергарта, письмо Б.Э. Петри Г.Мергарту от 18.10.1927].

Во-вторых, это просьбы иного характера. В одном из писем Мергарт, вероятно, спрашивает Петри о приобретении археологического материала в России, либо о возможности сделать гипсовые слепки с особо важных экспонатов. На первое Петри отвечает, что вывоз находок за рубеж категорически запрещен. Второй вариант представляется Петри более вероятным и выполнимым. Но он реализован, по-видимому, не был. Петри в качестве ответного дара просит прислать ему качественные кисточки «для раскрашивания диапозитивов» известной немецкой фирмы «Пеликан» [АМУ, Личный архив Геро ф. Мергарта, письмо Б.Э. Петри Г. Мергарту от 23.10.1927]. Чем закончилась эта история, также неясно, так как письмо Петри от 23 октября 1927 г. оказалось последним в эпистолярной коллекции Мергарта.

В-третьих, это научные интересы обоих ученых, которые за эти годы претерпевают значительные изменения. Петри сообщает, что сейчас мало занимается археологией, т.к. все больше переносит «все внимание на этнографию» [АМУ, Личный архив Геро ф. Мергарта, письмо Б.Э. Петри Г. Мергарту от 10.09.1927]. С другой стороны, Мергарт в эти годы все дальше отходит от сибирской тематики, погружаясь в «местный материал», то есть археологию альпийских областей. Но, в отличие от палеоэтнолога Петри, ни в Сибири, ни позднее за границей, Мергарт не занимался вопросами этнографии. Это было обусловлено и особенностью школы, принципов которой он придерживался, и его личным стремлением.

Помимо археологии, объединяет ученых еще их известность как преподавателей, основателей научных школ. В 1928 г. Мергарт возглавил первую в Германии кафедру древней истории в Марбурге и за 17 лет преподавания стал родоначальником нескольких поколений профессиональных археологов Германии, Австрии и других европейских стран. В Иркутске, благодаря исследовательской и педагогической деятельности Петри также формируется первая в Сибири школа палеоэтнологического направления. Из нее вышла целая плеяда талантливых учеников, которые достигли не только обще-сибирской, но и всесоюзной и даже мировой известности. Уже тогда Учитель разглядел в них задатки больших ученых, которым он прочил большое будущее. Об этом он с гордостью сообщает Мергарту в последнем в их переписке послании:

«Вашу «Bronzezeit» я получил. Ее сейчас читает П.П. Хороших. Он по-прежнему много работает и этим летом был на реке Баргузин, где нашел много интересного по археологии.

Он сейчас занимает самостоятельное место ассистента по кафедре краеведения (Landeskunde ungef.[4]) при Иркут[ском] ун-те, но сохраняет со мной самый прочный контакт[5]. Теперь он уже самостоятельный (вполне) исследователь. Из моих новых учеников выделяются Герасимов, Окладников и Ходукин. Герасимов копает на Амуре, Окладников на Лене. Я очень доволен своим учеником Г.Ф. Дебец, который копает на р. Селенге. Сейчас Сосновский и Дебец пополняют свои знания в Ленинграде у Ефименко, Теплоухова и Дуженко. Т[аким] обр[азом] я каждому ученику даю одну великую сибирскую реку, а Хороших отдал Байкал. У нас получается плановое исследование Сибири»…

Сегодня, в канун 125-летия Б. Э. Петри, остается лишь с горечью признать, что так удачно начатое археолого-этнографическое изучение Восточной Сибири было прервано трагическими репрессиями тридцатых годов, а сам исследователь был вырван из жизни пулями НКВД, так и не успев выполнить многое, из запланированного им самим.

**Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 09-01-00510а*

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1[6].

Письмо Б.Э.Петри Г. Мергарту от 8.11.1919

Уважаемый господин!

Для меня было большой радостью получить от вас письмо. Действительно: во всей Сибири нас, археологов, только двое. Для такой колоссальной и такой загадочной области это слишком мало. Тем настоятельнее необходимость нам объединиться. Второе, что меня привлекает в Вас, что Вы — ученик профессора Обермайера[7], то есть следуете той же самой школе и тем же принципам, которым следую я сам. Профессора Ранке[8] как археолога я ценю не очень высоко.

Я надеюсь, что мне удастся перевести Вас в Иркутский лагерь для военнопленных. Господа в штабе очень интересуются моими работами и до сих пор делали все, что мне было необходимо. И потом, после нашего более близкого знакомства, мы увидим и придумаем, что нужно делать дальше.

С уважением,

Б. Петри

Иркутский Государственный университет

P.S. Напишите мне Ваш адрес, должность и как Вам написать в лагерь заказным.

№ 2.

Письмо Б.Э. Петри Г. Мергарту от 25.06.1920

Уважаемый господин доктор!

Ваше письмо от 22.11.19 я получил только сегодня. 6 месяцев я был в пути, и многое изменилось за это время.

Меня очень радует, что Вы приводите в порядок доисторические коллекции в Красноярском музее и что мой ученик Сосновский сможет чему-нибудь научиться под Вашим руководством. Первая работа очень важна для сибирской доистории, и вторая — также, для той же самой науки.

Ваше письмо доставило мне большую радость, потому что неясный красноярский палеолит стал для меня ясен, и я совершенно спокойно могу сказать, что Иркутск и Красноярск представляют одну и ту же эпоху, а именно, мадлен. Вещи те же самые (тех же самых типов). Почти все Ваши наброски будто бы сделаны с моих находок, так поразительно сходство. Не забывайте, что в Сибири нет хорошего кремня, и поэтому вещи намного грубее. Это объяснение тому, почему мустьерские типы находятся в мадленских. У Вас есть полный «начальнический жезл», у меня — гарпуны. Микролитическая культура выполнена исключительно из хорошего кремния и также относится к мадлену. Наконечники копей (у меня есть 5 штук) солютрейские, но это может быть особенностью сибирской культуры. Вообще у нас здесь много особенного.

Теперь о Вас. То, что Вы остались в Красноярске, меня очень радует. Я не знаю, был бы я в состоянии здесь в Иркутске изыскать достаточно средств, чтобы Вам оплатить минимум. Но на лето у меня нет больших планов, как и надежды на то, чтобы совершить несколько поездок и раскопок. Средств (денег) у меня достаточно, но нет возможности что-либо выполнить.

Я просил бы Вас еще выслать мне схематический план окрестностей Красноярска с обозначением местонахождений. Во-вторых, я интересуюсь, из какого материала выполнен № 570. В-третьих, я бы просил сделать для моей книги «Первобытная история Сибири»[9] рисунки с №№ 110-48, 110-52, 110-47, 570, 76 — 8, 110 — 72, 110 — 24, 110 — 74, 110 — 32 и 66.2.

Эти 10 рисунков будут напечатаны (литографически) и приложены в качестве иллюстраций. Если у Вас нет свободного времени для подробных рисунков, то я прошу о разрешении напечатать Ваши эскизы из Вашего письма. Ваше достойное имя я, конечно, помещу под ними. Напишите мне о Вашей летней работе.

С уважением,

Б. Петри

№ 3.

Письмо Б.Э. Петри Г. Мергарту от 5.05. 1921

Глубокоуважаемый господин доктор!

Пожалуйста, извините, что я так долго не отвечал на Ваше интересное письмо. Во-первых, я невозможный лентяй в отношении писания писем, во-вторых, я вообще должен был так много писать, что сам цвет чернил стал мне противен, в-третьих, мы живем в такое время, что имеем так мало времени, чтобы выполнить хотя бы самую неотложную работу. К счастью, сейчас Пасха, и я принимаюсь за то, чтобы ответить на дюжину писем.

Мои раскопки на Верхоленской горе закончены. Конечно, можно еще копать и копать и находить снова новые сокровища, но когда-то надо ставить точку. Сейчас я сижу за обработкой раскопанного и готовлю описание, которое выйдет в свет при первой же возможности. Я убежден, что речь идет о мадлене, впрочем, со многими странностями и особенностями. Раскопки на Байкале опубликованы — оттиск я прилагаю[10]. Важнейшая часть статьи основана на проведении параллелей между Сибирью и Европой. Меня интересует Ваше мнение об этом. О работах по реорганизации музея Вы, конечно, наслышаны от Сосновского. Мой курс «Первобытная история Сибири» снова переработан, но у меня, увы, не нашлось возможности напечатать эту чересчур большую для наших скудных типографических средств работу. Это все, как мне кажется, что может заинтересовать Вас в моих работах. Другие мои работы чисто этнографического характера.

Теперь я хотел бы написать Вам о моих летних планах. Этим летом я буду главным образом заниматься этнографией и среди прочего планирую закончить работу, которая Вас также может заинтересовать — «Роль животного в шаманизме». По моему мнению, этот вопрос тесно связан с фантастической орнаментикой бронзовой культуры Минусинского края и может объяснить смысл этого оригинального искусства. В русле этих исследований я предприму путешествие в Бурятию. А весной совершу три археологические экскурсии. I — раскопки курганов на «Уде», II — исследования в окрестностях города Балаганска (палеолит, неолит, железный век), III — продолжение наблюдений на левом берегу Ангары и северном побережье Байкала. Мне было бы очень интересно узнать что-нибудь о Ваших летних планах.

Теперь я хочу ответить на различные пункты Вашего письма.

I. Я надеюсь, Вы не забыли об обещании выслать мне схематические наброски основных типов палеолитической коллекции Енисея. Эскизы должны быть выполнены в натуральную величину и в технике, в которой, например, их выполнял д-р Р. Шмидт[11]. Но прошу Вас об этом, только если у Вас достаточного свободного времени. II — Я очень благодарен Вам за моего ученика Г. Сосновского. Моя система: «обучаться нужно в работе». Сосновский очень хорошо учился этой зимой и получил хорошее развитие: путешествия и практические работы «в поле» были хорошим фундаментом, на котором теория пустила прочные корни. Этим летом он уже может сделать свои первые самостоятельные шаги, хотя простое задание, которое я ему дам, я считаю только упражнением. Моя большая просьба к Вам состоит в том, чтобы в чем-то ему помочь в музее, если он столкнется с препятствиями. III — Что Вы не нашли «ясного неолита», меня не удивляет. В Сибири это очень непростое дело, и нужно, чтобы воистину очень посчастливилось. Я нашел только две «чисто неолитические культуры» и одну «чисто железную»; все прочее — смешение, потому что на поселениях неолитиков позднее осели хозяева железного века. Если Вы не потеряете терпения, тогда Вы также найдете чистые культуры, которые опрокинут Ваши заключения об одновременности северного неолита с культурами железного века. Эти Ваши выводы я считаю большой ошибкой, в которую Вы впали оттого, что слишком глубоко погрузились в музейный материал: последний не имеет самостоятельной научной ценности. Нужно раскопать свой собственный материал и оперировать им. Тогда Вы найдете подходящее место и для бронзовой культуры. Распространение минусинской бронзовой культуры достигает Иркутской и даже Якутской губерний. Носители бронзовой культуры были кочевниками, поэтому мы не находим стоянок, только курганы и отдельные вещи. Более точно Вы, конечно, сможете сами прочитать в моем курсе «Первобытная истории Сибири», но для этого Вы должны приехать в Иркутск. Там также приведены все доказательства. Промежуток между неолитом и железным веком для Сибири представляется примерно так[12]:

Железный век	500-1500 н.э.	1000
Переходный период	Р.Х. — 500	500
Бронза	1000 — Р.Х.	1000

Неолит	поздний	2000 — 1000	1000
	средний	6000 — 2 до н.э.	4000
	ранний	9000 — 6000 до н.э.	3000

Вы, конечно, понимаете, что я пишу Вам так резко, потому что уверен — Вы интересуетесь моим мнением, и потому что Вы сами меня об этом спрашивали и этого желали. Вы, конечно, ожидали услышать от меня не только приятное, а то, что я об этом думаю.

У меня еще одна просьба к Вам — выслать мне небольшую заметку о скульптурах рыб. Этот вопрос меня очень интересует — к сожалению, у меня сейчас нет возможности приехать на Енисей.

С глубоким уважением,

Б. Петри

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]За предоставленные материалы благодарим г-на Клауса Добиата, декана факультета древней истории университета г. Марбург-на-Ланне (Германия), и С.В.Кузьминых (ИА РАН, Москва).

[2]Арне Михаель Тальгрен (Aarne Michaël Tallgren) (1885 — 1945) — известный финский археолог, профессор университетов в Дорпате (Дерпте), Хельсинки, автор фундаментальных работ по бронзовому веку Северной и Восточной России, близкий друг и респондент Мергарта на протяжении многих лет.

[3]Петри, 1923

[4]«Приблизительно краеведения»

[5] Ссылка в письме Б.Э. Петри «Он мой сотрудник по Биолого-географическому институту».

[6]Все публикуемые письма в оригинале написаны на немецком языке.

[7]Гуго Обермаейр (Hugo Obermeier) (1877 — 1946) — немецкий археолог, известный исследователь палеолита, один из учителей Г. Мергарта.

[8]Иоганнес Ранке (Johannes Ranke) (1836 — 1916) — известный немецкий психолог, антрополог, основатель Мюнхенского антрополого-исторического государственного собрания. Под его началом работал Г. Мергарт после окончания Мюнхенского университета.

[9]См. ссылку в статье Н.А. Савельева [Савельев, 1991, с. 77]

[10]Петри, 1921

[11]Роберт Рудольф Шмидт (Robert Rudolf Schmidt) (1882 — 1950) — немецкий археолог, специалист по нижнему и среднему палеолиту, причисляется к основателями так называемой «археологии поселений».

[12]Первая графа — наименование периода, вторая — его хронологические рамки, третья — продолжительность.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Г.П. Сосновский (1899-1941) и проблемы палеолита Северной Азии // СА. — 1981. — № 1. — С. 109-117.

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований XVIII — первой трети XX вв. — Новосибирск: Наука, 1986. — 168 с.

Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П. К столетию Г.П. Сосновского. Начало научной деятельности (1918-1920 гг.) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. Всерос. науч. конф. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. — С. 26-27.

Гольберт В.В., Генералов А.Г., Савельев Н.А. Г. Мергарт и сибирская археология // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: Тез. докл. науч. конф. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1987. — С. 70-73.

Детлова Е.В., Макаров Н.П., Эренфрид А. Г. Мергарт и Красноярский музей // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. — Красноярск: Изд-во КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. — С. 268-270.

Детлова Е.В. Письма Геро фон Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция. — Красноярск, 2007. — Вып. 3. — С. 76-87.

Китова Л.Ю. К вопросу о вкладе Г. Мергарта в изучение сибирской археологии эпохи палеометалла // III исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск, 1995. — Ч. 1. — С. 44-48.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920-1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. — 272 с.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — С. 160-174.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1969. — Ч. I. — 390 с.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. — Красноярск: Кн. изд-во, 1989. — С. 131-189.

Мартынов А.И. Мерхарт и археология Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. — Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. — Т. I — С. 21-24.

Матющенко В.И. Триста лет сибирской археологии. — Омск: Изд. ОмГУ, 2001. — Т. I. — 179 с.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (автореферат) // Известия Краснояр. отдела РГО. — Красноярск,1923. — Т. III, вып. 1. — С. 29–36.

Обермайер Г. Доисторический человек. — СПб: Брокгауз-Ефрон, 1913. — 516 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 412 с.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ АН. — Петроград, 1916. — Т. 3. — С. 113-132.

Петри Б.Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета, отдельный оттиск. — Иркутск, 1921. — Вып. 2. — 10 с.

Петри Б.Э. Сибирский палеолит. — Иркутск, 1923. — Вып. 5 — 47 с.

Петри Б.Э. Сибирский неолит // Известия Биолого-географического научно-исследовательского института. — Иркутск, 1926 — Вып. 6. — Т. 3 — 39 с.

Савельев Н.А. Вклад Б.Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. — С. 75-93.

Detlowa K., Swozilek H. Briefe des Gero von Merhart nach Krasnojarsk und ein «Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei-Gebietes» // Sonderdruck aus dem

Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins — Freunde der Landeskunde 2005. — Bregenz, 2006. — S. 7-45.

Dechelette J. Manuel d'archeologie prehistorique et gallo-romaine. — Paris: A. Picard et fills, 1908-1914, 2 tomes en 6 vol.

Kitova L. Gero von Merhart und die Archäologie Sibiriens in den zwanziger Jahren // Eurasia Antiqua. — Helsinki, 1998. — T. IV. — S. 483-487.

Merhart G. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens. // Wiener Prähist. Zeitschr. — Wien, 1924. — B. 11. — S. 139-148.

Merhart G. Sibirien, B: Neolithikum // Reallexikon für Urgeschichte — Berlin: Verlag von Max Ebert, 1928. — B. 12. — S. 57-70.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. — Osaka, 1958. — V. 7 — S. 227-229.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. — Innsbruck o.J.: Privatdruck, 1959 — 209 s.

Obermeier H. Sibirien A: Paläolithikum // Reallexikon für Urgeschichte. — Berlin: Verlag von Max Ebert, 1928 — S. 55-57.

В.М. Дьяконов
Якутск, Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г.В. КСЕНОФОНТОВА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ (по материалам архива Г.В. Ксенофонтова)

Г. В. Ксенофонтов в молодом возрасте

В 2008 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Гавриила Васильевича Ксенофонтова — ярчайшего представителя якутской интеллигенции начала XX века, человека, оставившего неизгладимый след в истории и науке Якутии и России (см. фото). Его жизнь, полная перипетий и превратностей судьбы, была яркой и насыщенной, но глубоко трагичной. Гавриил Васильевич разделил судьбу многих талантливых представителей интеллигенции России первой половины XX в., отдавших свою жизнь во благо науки, народа и Отечества.

Многогранная деятельность Г.В. Ксенофонтова как учёного и общественно-политического деятеля лишь спустя много лет после его смерти была должным образом оценена, а его научные труды по этнографии и фольклору народов Сибири вошли в золотой фонд науки. Многие научные идеи Г.В. Ксенофонтова живы и развиваются, и по сей день. Исследователями отмечается, что широта его кругозора, многогранный талант исследователя позволяли ему на высоком профессиональном уровне заниматься историей, этнографией и фольклором народов Сибири [См., например, Дьячкова, 2000, с. 200]. В этом плане, ещё недостаточно полно оценён вклад учёного в археологическое изучение Сибири, которым он также с успехом занимался.

Интерес к этнографии и археологии у Г.В. Ксенофонтова проявился ещё в годы учёбы в Томском университете в 1908-1912 гг. Здесь он — студент юридического факультета посещал научный кружок «Сибириеведение», возникший под влиянием ближайших учеников известного сибирского этнографа и путешественника Г.Н. Потанина [Дьячкова, 2008, с. 22-25]. Однако

первоначальное становление Г.В. Ксенофонтова как профессионального учёного происходило в 1920-1923 гг. в стенах Иркутского университета на кафедре истории первобытной культуры, которой руководил общепризнанный основоположник «иркутской школы» археологии — профессор Бернгард Эдуардович Петри. В школе Б.Э. Петри в начале 1920-х гг. занимались известные в дальнейшем учёные (археологи, этнографы, антропологи, геологи, палеонтологи), такие как Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, П.П. Хороших, В.И. Арембовский, В.И. Подгорбунский, М.М. Одинцов, Н.А. Флоренсов, Э.Р. Рыгдылон и др. Каждый из них оставил позднее глубокий след в различных отраслях естественных и гуманитарных наук, но, как было точно отмечено В.В. Свининым, — «археология оказалась той синтезирующей наукой, которая объединила в единое целое такой разнородный по своим частным интересам коллектив тогда ещё молодых учёных, привила интерес к комплексным исследованиям» [Свинин, 2004, с. 8]. Г.В. Ксенофонтов, безусловно, сохранил дух и стиль работы научной школы Б.Э. Петри, привлекая для решения задач этнографии, материалы по археологии, антропологии, языкознанию и фольклору. Как отметила А.Н. Дьячкова [2008, с. 81-82] — «на формирование Ксенофонтова как учёного повлияла научная среда в Иркутске, где с интересом изучали историю, быт и культуру народов Восточной Сибири. Иркутск, с открытием здесь университета, стал крупным научным центром». Гавриил Васильевич, работая на кафедре первобытной истории ассистентом, принимал активное участие в работах студенческого научного кружка «Народоведение», возглавляемого профессором Б.Э. Петри, а также Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества, где он прочитал ряд докладов, получивших высокую оценку специалистов [Там же, с. 82]. Доброжелательная творческая атмосфера, созданная Б.Э. Петри в его коллективе в Иркутском университете, во многом способствовала тому, что большинство учеников профессора добились в дальнейшем значительных научных результатов.

Летом 1921 г. Г.В. Ксенофонтов в качестве члена экспедиции Б.Э. Петри был командирован в Якутскую область для сбора материалов по дохристианским верованиям якутов [Дьячкова, 2000, с. 82]. Побывав в родных местах, Г.В. Ксенофонтов зарисовал и описал наскальные изображения левобережья р. Лена, расположенные на участке от устья р. Кэтэмэ и до оконечности скальной гряды Мохсоголлох-Хая [Кочмар, 1994, с. 15]. Результаты данных работ исследователь опубликовал в 1927 г. в виде краткого автореферата под названием «Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа» [Ксенофонтов, 1927]. В этой работе, как было указано Н.Н. Кочмаром [1994, с. 15], «Г.В. Ксенофонтов с присущей ему широкой эрудицией произвёл всесторонний анализ наскальных рисунков, используя при том привлекательные в убедительности этнографические сопоставления». Так, он, при интерпретации сюжетов писаниц, подобрал аргументы этнографические и фольклорные, связанные с традиционными культурами якутов, тунгусов, уйгуров и бурят [Там же].

В северной части ленской долины Эркээни (современный Хангаласский улус Республики Саха (Якутия) — родина Г.В. Ксенофонтова) в тот же год Г.В. Ксенофонтов открыл и впервые исследовал стоянку Куллаты, датируемую в настоящее время различными культурами от мезолита до позднего средневековья. В 1940-х гг. на этой стоянке будет работать Ленская историко-археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова, на которой она проведёт наиболее значительные раскопочные работы [Окладников, 1950, с. 21-79].

В 1923 г. Г.В. Ксенофонтов увольняется из Иркутского университета, чтобы продолжить систематический сбор материалов в Якутии для своих трудов. В 1925 г. он совершает беспрецедентную для тех времён по масштабу и охвату территории экспедицию по центральным и западным районам Якутии, а также северу Красноярского края [Дьячкова, 2000, с. 84]. В тот же год он посещает Хакасию, где за короткий промежуток времени (около месяца) собирает большой материал по минусинским тюркам и археологии Минусинского края, который он образно назвал «Жемчужиной Востока» [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 1, ед. хр. 16б, в, дело 46а]. В архиве Г.В. Ксенофонтова, хранящемся в Якутском научном центре СО РАН, сохранились дела, отражающие резуль-

таты этих работ. Здесь есть фотографии, рисунки, карты, схемы и другой материал, собранный Ксенофонтовым. Большой интерес представляют детальные описания курганных групп, петроглифов, каменных изваяний разных эпох, а также соображения учёного об особенностях расположения этих памятников на местности. В частности, заслуживают самого пристального внимания круговые схемы, выполненные учёным, и его интерпретация курганов, изваяний и петроглифов, как культово-религиозных центров-святилищ, а, возможно, и целых обсерваторий. Эти материалы, хранящиеся в архиве Г.В. Ксенофонтова, безусловно, представляют огромный интерес для археологов, занимающихся первобытным искусством, верованиями и религиями. В современной археологической науке успешно развиваются такие направления, как астроархеология и палеоинформатика [См., например, Древние культуры Северо-Восточной Азии…, 2003]. Это, например, труды новосибирского учёного В.Е. Ларичева. Ценность работ, проведённых Г.В. Ксенофонтовым в Хакасии, повышается ещё и тем, что исследователям-археологам, работающим ныне в этом регионе, можно будет уточнять расположение и сохранность тех или иных объектов историко-культурного наследия, часть из которых могла и не сохраниться до наших дней. Вместе с тем, нужно отметить, что, скорее всего, учёные-археологи, работавшие в Хакасии в последующие годы, не знали о существовании этого архива, т.к. ссылки на исследования Г.В. Ксенофонтова даже в последних обобщающих работах по истории изучения древностей Минусинской котловины в их работах отсутствуют [См., например, Советова, 2005]. Но это и не удивительно, в связи с тем, что Ксенофонтов стал после репрессии человеком «вне закона», а его рукописный архив долгое время был предан забвению. Кроме того, считается, что часть рукописей Г.В. Ксенофонтова, в том числе и второй том его главного труда «Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов», после ареста учёного были изъяты сотрудниками НКВД и до сих пор не обнаружены [Попов, 2005, с. 148].

С 1928 г. по 1937 г. Г.В. Ксенофонтов жил в Иркутске, обрабатывая собственные материалы и издавая свои труды [Пестерев, 2001, с. 180]. В эти годы, много работая в библиотеках страны, он продолжал работать над трудами по этногенезу и этнической истории якутов, собирал фольклорные материалы и материалы по шаманизму народов Сибири, а также занимался и археологическими раскопками. В 1933 г. во время командировки в Якутию Г.В. Ксенофонтов вместе с директором Якутского областного краеведческого музея им. Ярославского М.И. Ковининым провёл археологическую экспедицию в Западно-Кангаласском улусе Якутии, в результате которой было раскопано 13 древних погребений, в том числе могилы известных исторических личностей, таких как, например, князца Мазары Бозекова — члена двух делегаций якутских князцов к царю Фёдору Алексеевичу в 1676 г. и в 1680 г. или избранного якутского областного головы Софрона Сыранова — депутата екатерининской комиссии по сочинению нового уложения законов. В архиве Г.В. Ксенофонтова сохранилось небольшое дело со сравнительными материалами по этим раскопкам [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 1, ед. хр. 28]. Итогом этих раскопок стало получение ценной информации по погребальному обряду якутов XVII-XIX вв. Как верно отметил П.В. Винокуров в специальной статье, посвящённой этой экспедиции [1999], — Г.В. Ксенофонтов и М.И. Ковинин в свое время обратили взоры на археологические памятники, как к ещё не востребованному важнейшему историческому источнику. Собранный материал (фрагменты одежды, обувь, домашняя утварь, луки, стрелы, копья, элементы снаряжения верхового коня) был выставлен на обозрение в экспозиции Якутского областного музея. Люди получили возможность воочию увидеть то, во что одевались, чем пользовались, что умели и ценили их далекие предки. Этому ещё в большей степени способствовали зарисовки находок в натуральную величину, мастерски выполненные народным художником Якутии М.М. Носовым.

Резюмируя вышеизложенное, нужно отметить, что становление Г.В. Ксенофонтова как учёного проходило в иркутской школе археологии, которую возглавлял Б.Э. Петри — человек особого дара и чутья. Б.Э. Петри первым привлёк археологические материалы (курумчинская культура) для обоснования «гипотезы южного происхождения якутов» [Федосеева, 1999, с. 24]. Эту гипотезу Г.В. Ксенофонтов развивал в теорию и доказывал на собственном материале в своих основ-

ных трудах [1977, 1992а,б,в]. Для решения такой сложной проблемы, как этногенез и этническая история народа, нельзя ограничиваться данными только одной науки, поэтому Г.В. Ксенофонтов привлекал данные археологии, этнографии, антропологии, фольклористики, лингвистики, топонимики и других наук, причём не только по Якутии, но и по сопредельным регионам и по разным народам Сибири. В настоящее время существуют целые школы этноархеологов, такие как, например, омская школа, возглавляемая Н.А. Томиловым. Современные учёные решают сложнейшие научные проблемы путём интеграции целых комплексов методов различных наук. Такой подход прослеживался ещё в 1920-30-х гг. в трудах Г.В. Ксенофонтова. Мультидисциплинарный подход являлся основой его археологической концепции. Можно сказать, что он намного опередил своё время.

В судьбе Г.В. Ксенофонтова, как и в судьбе его учителя Б.Э. Петри, отразилась трагедия российской исторической науки, подвергшейся разгрому в условиях формирования тоталитарной политической власти [Константинов, 1992, с. 33; 1997, с. 52]. Оба они были репрессированы и расстреляны в 1937 и 1938 гг. Тем не менее, научные идеи Г.В. Ксенофонтова, в том числе и его археологическая концепция, были развиты в трудах А.П. Окладникова [1949, 1955] и других исследователей. Имя Г.В. Ксенофонтова для нас, молодых учёных Якутии, является, можно сказать, священным, а его жизнь и подвижническая научная деятельность — примером для подражания и образцом чести и достоинства Человека и Учёного.

ЛИТЕРАТУРА

Винокуров П.В. Экспедиция на бычьей подводе // Илин. — 1999. — № 3-4. — С. 38-42.

Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика: Сб. науч. тр. — Новосибирск: Наука, 2003. — 247с.

Дьячкова А.Н. Г.В. Ксенофонтов: учёный и общественно-политический деятель. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2000. — 203 с.

Дьячкова А.Н. Г.В. Ксенофонтов: учёный, политик, юрист. — Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2008. — 204 с.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. — 262 с.

Константинов М.В. Исследователи древнего Забайкалья. — Чита: Изд-во Чит. пед. ин-та, 1992. — 53 с.

Константинов М.В. Оракулы веков. Этюды об исследователях Сибири. — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1997. — 70 с.

Ксенофонтов Г.В. Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа // Бурятиеведение. — 1927. — № 3-4. — С. 64-71.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Отв. ред. акад. А.П. Окладников. — М.: Наука, 1977. — 248 с.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1928-1929 гг.). — Якутск: «Север-Юг», 1992а. — 318 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. — Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992б. — Т. 1, книга 1-я. — 416 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. — Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992в. — Т. 1, книга 2-я. — 320 с.

Окладников А.П. История Якутии. — Якутск: Якут. гос. типогр., 1949. — Т. I. — 436 с.

Окладников А.П. Ленские древности. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Вып. 3. — 242 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. I. — 430 с.

Пестерев В.И. История Якутии в лицах. — Якутск: Бичик, 2001. — 464 с.

Попов Г.В. Гавриил Васильевич Ксенофонтов // Якуты: легендарные и исторические личности. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. — С. 142-150.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. — 140 с.

Свинин В.В. Предисловие // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. — Вып. 2. — С. 8-9.

Федосеева С.А. Археология Якутии и её место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества. Очерки по дописьменной истории Якутии: труды ПАЭ / Отв. ред. Ю.А. Мочанов. — Якутск: ООО «Литограф», 1999. — 132 с.

Г.Л. Иванов
Иркутск, Иркутский областной краеведческий музей

БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ — НАХОДКИ Б.Э.ПЕТРИ (ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДОВ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Петри упоминает о первых своих находках бронзовых предметов в Прибайкалье в 1913 г. при раскопках стоянки «Улан-Хада», которым он на тот момент не придает серьезного значения, но затем бронза начинает встречаться ему постоянно, практически на всех поздненеолитических стоянках Прибайкалья [Петри, 1926 г.].

Как известно, Б.Э. Петри считал, что в силу природно-географических условий (таежный ландшафт), Прибайкалье в своем развитии миновало эпоху бронзы, шагнув напрямую из неолита в железный век. Ученый основывал свою теорию на отсутствии достаточного числа бронзовых предметов, следов меднолитейной индустрии (шлаков, форм для литья и т.п.) и неразрывной связи сибирского бронзового века с кочевым скотоводством, не возможным в тайге [Петри, 1926, с. 34]. Признавая возможность производства бронзы, Петри говорил о возможности импорта отдельных бронзовых предметов путем грабежа погребений кочевников (в Минусинской котловине), осуществлявшихся «таежными археологами» [Петри, 1928, с. 54]. Данное утверждение ученый основывал том факте, что все обнаруженные в Прибайкалье бронзовые предметы имеют сходство с минусинскими. Впервые Петри говорит об отсутствии эпохи бронзы в 1921 г. при обзоре раскопок в бухте Песчанной [Петри, 1921, с. 75], затем данная мысль развивается в следующих работах [Петри, 1922, 1923, 1926, 1928.], где публикуются и анализируются находки, собранные предыдущим поколением иркутских ученых — в первую очередь это касается Метляевского клада и коллекции котлов из Иркутского краеведческого музея (далее ИОКМ). Большая часть же бронзовых находок самого Бернгарда Эдуардовича до сих пор не отражена в литературе и не известна широкой аудитории.

Все сборы Петри в ИОКМ это — 49 коллекций, в составе 17052 предметов, из них всего 6 штук — это бронзовые находки. Эти коллекции — результаты работ на Байкале и озере Косогол, а так же в Тунке.

Самые ранние сборы бронзовых предметов — это коллекция из бухты Колокольной [Инв. № 364], в её составе 749 экспонатов, среди которых керамика, каменная индустрия и 3 бронзовых ножа, на которых остановимся поподробнее:

1. кольчатый нож со слегка выгнутым лезвием, рукоятка обломана [№ 364-751];

2. лезвия ножа прямой формы [№ 364-752];

3. лезвие кованого ножа, серповидной формы, сильно коррозировано [№ 364-753].

Петри упоминает о находках бронзовых предметов в бухты Песчанной в работе «Сибирский неолит» [Петри, 1926 с. 34], говоря о них в контексте своей теории о переходе из неолита в железный век, в таежной полосе Сибири. Кольчатый и серповидные ножи характерны для Тагарской культуры, № 751 более близок к карасукским предметам.

Коллекция разнообразных предметов с озера Косогол (Хубсугул) [Инв. № 760], станет результатом поездки туда, осенью 1923 г. [Петри, 1926], здесь будет обнаружено большое число предметов, относящихся к периоду неолита-эпохе бронзы, из бронзовых предметов Петри описывает наконечник, относимый им к минусинским типам и кольчатый нож. Последний, по мнению Б.Э. Петри, относится к забайкальской культуре. Этот нож, к сожалению, не был обнаружен во вре-

мя последней сверки, и поэтому мы можем судить о нем лишь по авторской публикации [Петри, 1926, рис. 3]. Петри описывает нож следующим образом: «имеет выделенную рукоятку (параллелепипед), лезвие его заточено только с одной стороны, весь нож довольно массивный» [Петри, 1926, с. 9-10], автор относит его к забайкальской бронзе. Интересен, тот факт, что Петри относит территорию вокруг озера Косогол к «Байкальской неолитической провинции» (определение Б.Э. Петри), то есть и здесь неолит, по его мнению, сменяется железным веком [Петри, 1926, с.15].

Самое позднее поступление бронзовых изделий — сборы 1927 г., а именно два предмета из Тункинской долины:

- тонкая изогнутая пластина, являющаяся, скорее всего фрагментом сосуда [Инв. № 194-145];

- пуговица, небольших размеров [Инв. № 194-152].

Пуговица сильно коррозирована, пластина, же, наоборот, в относительно полной сохранности, но определить их культурную принадлежность и датировка не представляется возможным, можно лишь предположить, что пластина — это фрагмент сосуда, возможно котла миниатюрных размеров.

В целом нужно признать, что доля бронзовых предметов, обнаруженных Б.Э. Петри в Прибайкалье действительно очень мала, и в глазах ученого его теория перехода от неолита к железному веку выглядела неоспоримой, но уже тогда П.П. Хороших, долгое время поддерживающий означенную теорию, замечает, что отсутствие памятников эпохи бронзы в Прибайкалье — результат отсутствия их целенаправленных поисков [П.П. Хороших, 1924, с. 40]. Последующие исследования показывают существование самостоятельного бронзового века Прибайкалья, который, однако, до сих пор, сохраняет множество белых пятен.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Н.Д. Археологические исследования Б.Э. Петри в Прибайкалье // СА. — 1986. — № 2. — С. 273-277.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 642 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Бурятского края. — Иркутск, 1922. — 43 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928. — 73 с.

Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Наука и школа. — 1923. — №1. — С. 21-39.

Петри Б.Э. Древности озера Косогол. — Иркутск, 1926 — 31 с.

Петри Б.Э. Неолитическая колония в бухте Песчаной // Сборник трудов ИГУ, 1921. — Т. I, вып. 2. — С. 56-85 (Отд. оттиск).

Петри Б.Э. Сибирский неолит. — Иркутск, 1926 — 39 с.

Савельев Н.А. Вклад Б.Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991 — С. 75-93.

Свинин В.В. К вопросу о таежной бронзе Прибайкалья // Изв. / ВСОГО СССР. 1970. Т. 67. С. 65-73. (Отд. оттиск).

Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. / БГНИИ при ИГУ. — 1924. — Т. 1.- Вып. 1. — 50 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. — М. Наука, 1967. — 300 с.

А.Д. Калихман[1], Т.П. Калихман[2]
[1]Иркутск, Иркутский государственный технический университет
[2]Иркутск, Институт географии СО РАН

ПО ДЕЛАМ ИХ УЗНАЕТЕ ИХ

К 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри
(17.09.1884 — 25.11.1937)

Введение. Так случилось, что имя Петри относительно редко упоминается в научной литературе. Бернгард Эдуардович Петри, 125-летие которого отмечается в этом году, в начале прошлого века — профессор Иркутского государственного университета, создавший всемирно известную «Иркутскую школу археологии», состоявший членом Русского географического общества (активный деятель ВСОРГО), членом-корреспондентом Английского Антропологического общества и Государственной академии истории материальной культуры СССР, действительным членом Американского антропологического общества. За сравнительно короткий период (1912-1932 гг.), в условиях непредсказуемых политических переустройств, неоднозначно воспринимаемых и сейчас, Б.Э. Петри удалось организовать и провести 15 экспедиций, абсолютно успешных в осуществлении заранее продуманных, поставленных и решенных научных и социальных задач. Результаты работ были опубликованы в 44, очень кратких по объему но предельно содержательных по сути трудах — статьях и брошюрах, изданных зачастую отдельными оттисками. Подобные результаты кажутся невероятными, требующими дополнительного осмысления и анализа. Можно предположить, что нежелание или невозможность Б.Э. Петри завершить свои исследования одной или несколькими большими научными монографиями, обобщающими и раскрывающими его идеи, усложняют для нас понимание полученных им результатов.

Современные исследователи территорий, условий и истории проживания коренных малочисленных народов горных районов Восточного Саяна, Прибайкалья и Прихубсугулья, в полной мере использующие сохранившиеся и ставшие доступными после долгого периода запретов результаты научных и экспедиционных работ Б.Э. Петри, нередко допускают произвольные и весьма критические оценки его вклада в судьбу малочисленных народов Восточного Саяна и Прибайкалья. Такая ситуация вызывает исключительно чувство сожаления. Поэтому крайне важно возвратить из забвения это имя.

Из биографии. Б.Э. Петри родился 17.09.1884 г. в Берне (Швейцария) в семье известного доктора медицины, впоследствии антрополога и географа Эдуарда Юлиевича Петри, шведа по национальности, гражданина Российской империи, бежавшего из страны после ареста и ссылки с лишением прав и состояния за деятельность во всероссийской организации революционеров «Земля и Воля». Весной 1887 г. Э.Ю. Петри возвратился в Петербург, после чего последовала амнистия по инкриминируемому делу, получение чина статского советника и личное дворянство. Сразу по приезду Э.Ю. Петри выступил на заседании Русского географического общества с докладом, в котором изложил свое понимание географии и систему ее преподавания [Петри, 1890, 1892, 1897], а уже 29 июля по инициативе министра народного просвещения он был назначен профессором кафедры географии и этнографии Петербургского университета. На атласах Э.Ю. Петри («Учебный географический атлас», «Большой всемирный настольный атлас Маркса», который был закончен русским географом Ю.М. Шокальским [Петри, 1898, 1903]), положивших начало систематическому отечественному географическому образованию, выросли два поколения географов. 2009 год так же знаменательный для Э.Ю. Петри — 155 лет со дня рождения.

После ранней смерти отца опеку семьи взял на себя академик В.В. Радлов, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук, хорошо

знавший Э.Ю. Петри. Он же способствовал устройству на работу в музей Евгении Львовны Петри, матери Бернгарда Эдуардовича, на должность заведующей отделом Океании, а также, вероятно, повлиял и на выбор специализации во время обучения сына.

Б.Э. Петри получил в Санкт-Петербургском университете очень глубокую подготовку в области антропологии, археологии, этнографии и географии, а также познакомился со многими учеными, в частности, с выдающимся этнографом Львом Яковлевичем Штернбергом (его работу «Сахалинские гиляки» комментировал даже Фридрих Энгельс). Поэтому вполне естественным для Б.Э. Петри выглядело окончание университета с дипломом первой степени в 1910 году и продолжение научной работы у В.В. Радлова в Музее антропологии и этнографии.

За семь лет работы в должности младшего этнографа Б.Э. Петри смог полностью оправдать возлагаемые на него надежды и превратиться в сложившегося исследователя, не разделявшего строго занятия археологией, антропологией, географией и этнографией в поисках свидетельств ранних периодов человеческой истории и определения исторического прошлого и настоящего сохранившихся малочисленных народов. Достойны упоминания его молодые коллеги по Музею, с которыми он поддерживал связь после революции, такие как С.М. Широкогоров, исследователь тунгусо-манчжурских народов, давший в своей теории определение понятий «этноса» и «этнического равновесия», А.М. и Л.А. Мерварт, проводившие исследования в Индии, ставшие основоположниками отечественного цейлоноведения и дравидологии.

Школа Б.Э. Петри. Бернгард Эдуардович Петри к началу 1918 года осознавал проблемы продолжения работы в Петрограде, знал положение своих не вернувшихся из экспедиций коллег и принял, по-видимому, наиболее приемлемое решение отправиться в Иркутск учитывая, что там, у родителей жены, оставался их маленький сын Олег. Знакомый по делам организации предыдущих экспедиций Иркутск был и ближайшим пунктом к местам его успешных археологических и этнографических исследований. Требовали обобщения и подготовки к публикации работы по семейной и родовой структуре кудинской, верхоленской, балаганской и аларской групп так называемых северных бурят. Необычайно интересным представлялось продолжение археологических экспедиций в Прибайкалье.

Вполне прогнозируемым для Б.Э. Петри явилось приглашение в том же году ректора создаваемого Иркутского университета — профессора М.М. Рубинштейна — возглавить кафедру истории первобытной культуры, на историко-филологическом факультете. Чтение лекций по различным разделам этнографии сибирских народов в должности приват-доцента, а затем и профессора, не ограничивали серьезную работу по формированию при кафедре кабинета археологии и этнографии с библиотекой и музеем, разработке большой программы археологических и этнографических исследований. Но главным делом, как оказалось впоследствии, стала организация и невероятная по научной и методической эффективности десятилетняя работа скромного по названию студенческого научного кружка краеведения (первоначально народоведения) [Петри, 1928б]. Результаты деятельности кабинета и кружка позволили говорить о возникновении иркутской школы археологии, которую теперь нередко называют школой профессора Бернгарда Эдуардовича Петри. В числе членов кружка Б.Э. Петри стали впоследствии широко известные Е.И. Титов — первый председатель кружка, П.П. Хороших — его второй председатель, П.Г. Полтораднев, В.Г. Ксенофонтов, Я.Н. Ходукин, Г.М. Константинов, Г.С. Виноградов, Г.П. Сосновский, Г.Ф. Дебец, М.М. Герасимов, а также избранные в советскую академию наук А.П. Окладников, М.М. Одинцов, Н.А. Флоренсов.

Приход Б.Э. Петри в Иркутский университет, несомненно, стал этапным в прежде не очень знакомой для него педагогической деятельности. Можно признать, что им блестяще были использованы все полученные от учителей знания, и полезными, видимо, оказались навыки, приобретенные в студенческом научном кружке при Музее антропологии и этнографии, куда его для чтения лекций по народоведению привлекал в 1912-1913 гг. Л.Я. Штернберг. Наверняка со-

хранялись в памяти приемы и методы работы отца в должности профессора кафедры географии и антропологии Петербургского университета, создавшего для студентов при кафедре кабинет географии и этнографии с музеем для коллекций и библиотекой.

Оставаясь действующим, крайне разносторонним практикующим исследователем, находившим удивительно гармоничное сочетание в знании антропологии, археологии, географии и этнографии, Б.Э. Петри в максимальной степени удалось адаптировать, перенести на процесс обучения и общения со студентами свою глубокую научную эрудицию. То же самое проявилось в общении с широким кругом уже знакомых по годам экспедиций и вновь обретенных коллег из ученых, которые включились в формирование профессорского состава Иркутского университета.

Б.Э. Петри в истории Саянского перекрестка. В настоящее время любое описание уникального по своей природе и истории района в Восточных в Саянах, называемого Саянским перекрестком, невозможно без упоминания имени Б.Э. Петри [Иванов и др., 2008]. Именно в его делах как общественного деятеля и научных трудах впервые были сделаны попытки изменить жизнь малочисленных народов и отношение государства к условиям их существования. Саянский перекресток — территория проживания четырех разделенных государственными и административными границами малочисленных народностей: духа в Хубсугульском аймаке Монголии, а в России — тоджинцы в Тоджинском кожууне Республики Тыва, тофы в Нижнеудинском районе Иркутской области, сойоты в Окинском районе Республики Бурятия (рис. 1). Эти народности, по сути, являются единым этносом с оленеводческой культурой. Территория расположена в Восточном Саяне с его уникальными природными условиями и интересными геологической историей и историей народов.

Самые известные и продолжительные экспедиции, организованные и осуществленные под руководством Б.Э. Петри в 1925 и 1926 годах, проходили по территории Саянского перекрестка [Петри, 1927а, 1927б]. Экспедиционные этнографические исследования касались тофов (называемых в то время карагасами), сойотов (окинских сойотов) и частично тоджинцев (урянхайских сойотов). В результате появилось отчетливое представление общности и драматичности судьбы народов оленной культуры, выделяющее их из среды соседствующих этносов: тувинцев, бурят, монголов. После двух Карагасских и Сойотской экспедиций, как он сам их называл, не кажутся удивительными, а скорее пророческими первые слова из книги «Проект культбазы для малых народов Сибири», написанные Б. Э. Петри в 1928 году: «Современное положение наших туземцев можно, по справедливости, считать безвыходным. Они попали в тот круг, из которого нет естественного выхода» [Петри, 1928в, с. 1].

В 1924 году был создан Комитет содействия народностям северных окраин России (Комитет Севера) при Президиуме ВЦИК, цели которого включали также практические и исследовательские задачи, решаемые комплексными экспедициями. В 1925 году в Восточно-Сибирском крае при губисполкоме был создан подобный комитет, а его председателем, по некоторым свидетельствам, был назначен Б.Э. Петри. Появилась возможность решения задач, обеспеченных финансированием, на основе специально подготовленных им «Программы обследования стоянок под открытым небом», «Программы для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги», а главное, впервые с применением принципа «сплошного обследования». Отчетливое понимание необходимости скорейшего доведения до государственных органов власти требований переустройства и улучшения жизни тофов во всей полноте отражается в работе «Карагасский суглан», цитата из которой кажется здесь уместной: «Вот уже полгода я живу общей жизнью с карагасами, все лето провел среди них, обследовал каждое их хозяйство, пишу статьи, докладные записки, даю справки, обрабатываю статистические данные, учитывая их бюджет до последней белки, до последнего кирпича чая, делаю доклады, даже лекции читаю о них. Существует Иркутский комитет Севера, Сибирский комитет Севера, Московский Центральный Комитет при ВЦИК. Какая масса людей работает, сколько бумаги исписывается,

сколько денег стоит весь этот аппарат, а карагасы до сих пор реально не получили ничего, ни на одну копейку. Напутствие «помни обещания» и сейчас укором звучит у меня в ушах. Не пора ли закончить, хотя бы по отношению к карагасам, период исследований и приступить к реальному содействию» [Петри, 1926, с. 39-40].

Б.Э. Петри хорошо знал результаты деятельности известного охотоведа профессора Д.К. Соловьева, с которым он, вероятно, был знаком еще по Санкт-Петербургу, и его работу 1918 г. «Типы организаций способствующих охране природы», где подчеркивался почин России в развитии идеи «промыслово-охотничьего хозяйства, сменяющего свободное, хищническоге пользования промысловыми животными», анализировались примеры таких хозяйств на Командорских островах, в Западном Саяне (Казыр-Сукское), на эксплуатационном участке при Баргузинском заповеднике, учитывая, что «промыслово-охотничьи хозяйства могут примыкать к охотничьим заповедникам или быть самостоятельными». Кроме того, давалось обоснование необходимости организации «инородческого резервата» или «карагасской территории», примыкающей с востока к созданному к тому времени Саянскому заповеднику [Соловьев, 1918, с. 11]. В уже упоминавшейся работе Б.Э. Петри «Проект культбазы для малых народов Сибири» дано ясное представление о возможности самоуправления и перспективы существования при новой власти тофов и сойотов, приводятся основные аргументы и определяются принципы социальной организации жизни, даются предложения по экономической состоятельности, а также кратко сформулированы пути перехода к оптимальным формам хозяйствования [Петри, 1928в].

Можно только предполагать, догадывался ли Б.Э. Петри, насколько далеко и с какой сокрушающей силой новая власть будет трансформировать революционные идеи в то, что стало в итоговом сталинском исполнении именоваться «ленинской национальной политикой» с насаждением классовой вражды и нетерпимости, изощренным назначением титульных наций и организацией сдвоенных национальных территорий, императивом суррогата культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию», запрещением религиозной, обрядовой деятельности.

Заключение. Результаты экспедиций Б.Э. Петри стали для него самого основанием для существенного пересмотра взглядов на дальнейшую собственную деятельность. Обследование и знакомство практически с каждым из 416 тофов и 509 окинских сойотов добавили к его ответственности ученого безупречной нравственности ответственность моральную, требующую непосредственного участия в судьбе народов Саянского перекрестка.

Новый подход к задачам изучения культуры и условиям традиционного природопользования народов, получивших статус «малых», и в послереволюционное время оказавшихся в положении еще более нуждающихся в практической помощи государства, отразился в его работе «Этнография и современность»: «Если раньше каждый новый добытый факт был тем ценнее и интереснее, чем больше следов давности таил он в себе, то теперь нас интересуют преимущественно те факты, которые дают ключ к правильному пониманию основных пружин, двигающих хозяйство туземцев» [Петри, 1927в, с. 7]. В другой работе «Бюджет карагасского хозяйства», на основе опыта обследования обособленных этнических групп типа тутуро-очеульских или витимо-олекминских эвенков, окинских сойот, малочисленного и компактно проживающего народа тофов была выдвинута идея разбиения Сибири по географическому и национальному признакам на этнографические квадраты с последовательной реализацией статистико-экономической программы: «В статистической оправе этнографические данные оживают и становятся реальными» [Петри, 1928а, с. 2].

Б.Э. Петри дал обоснование необходимости восстановления Саянского заповедника, первого государственного в дореволюционной России (за год до общеизвестного Баргузинского) и ликвидированного в годы Гражданской войны [Петри, 1926; Иванов и др., 2008] (второй раз заповедник был закрыт в печально известном 1951 г. [Штильмарк, 1974]).

Место Б.Э. Петри в истории Саянского перекрестка достаточно ясно определяется тем, что ему удалось сделать для народов этой территории, результатами его экспедиционных и научных исследований, отстаиванием прав малых народов на выживание. Последнее, вероятно, и легло в основу итоговой оценки деятельности Б.Э. Петри НКВД и Прокуратурой СССР, которая свелась к требованию осуждения его как шпиона и контрреволюционера и полного отстранения от участия в решении вопросов национальной политики Бурят-Монгольской Республики: «Проведенная работа профессора Петри открыла сойотское кулачество и активизировала его в особенности по вопросу самоопределения. Петри опирался на кулацкую верхушку и объективно поддержал неверное настроение сойотов о том, чтобы выйти из состава Бурреспублики, свободно торговать с Урянхаем и Монголией, сбывать пушнину туда, куда понравится, избавиться от коммунистов — это по сути дела кулацкие требования и инициатива в этом деле принадлежала исключительно кулачеству» (Национальный архив Республики Бурятия, ф. 247, оп. 7, д. 9, л. 255).

Он был арестован 28 мая 1937 г. В ходе допросов Б.Э. Петри были предъявлены обвинения в шпионаже в пользу немецкой и английской разведки. Причем ему ставилось в вину, что агентом германской разведки он стал еще в 1910 г., будучи завербованным «представителем» этой разведки в России академиком В.В. Радловым, действительным членом Императорской академии наук, опекуном Б.Э. Петри. Б.Э. Петри было предъявлено обвинение в его участии в фашистской организации, созданной в Иркутске в 1933-1934 гг. и ликвидированной органами НКВД в 1937-1938 гг., якобы имевшей тесные связи с правотроцкистской и панмонгольской контрреволюционными организациями. 14 ноября 1937 г. Постановлением НКВД СССР и Прокурора СССР Б.Э. Петри был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 25 ноября 1937 г. в 23 часа 25 минут [Сирина, 2002]. 19 июня 1959 г. Военный трибунал ЗабВО отменил Постановление НКВД СССР и Прокурора СССР в отношении Б.Э. Петри и прекратил делопроизводство за недоказанностью обвинения.

Смена места жительства и переезд из Петрограда в Иркутск 34-летнего уже состоявшегося ученого и последующая десятилетняя впечатляющая по результативности работа во главе кафедры истории первобытной культуры в Иркутском университете странным и удивительным образом повторила произошедшую за 30 лет до этого смену места жительства в том же возрасте его отцом Э.Ю. Петри, который также переехал из Берна в Петербург, возглавил кафедру антропологии и географии в университете и выполнил за отведенное ему десятилетие невероятную по объему и качеству работу.

Однако сравнение судеб отца и сына требует небольшого дополнения, важного для современного понимания всего произошедшего в их жизни. Эдуард Юльевич Петри посвятил начало сознательной жизни борьбе с существующей царской властью, а затем, получив известность за границей, стал ею признан и обеспечен всеми возможными условиями для реализации собственных научных идей и издательских проектов. В строго обратном направлении развивалась судьба Бернгарда Эдуардовича. Получив сначала за границей, а затем в своей стране прекрасное образование и став перспективным молодым ученым, он в самое экономически трудное для страны послереволюционное время сумел реализовать заложенный в нем научный потенциал. Закончил он свою жизнь полным исключением из всех доступных образовательных и научных организаций, обвинениями в научной и преподавательской несостоятельности, шпионской и предательской деятельности с последующим физическим уничтожением и практически полувековым забвением.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрестка. — Иркутск: Оттиск, 2008. — 260 с.

Петри Б. Э. Проект культбазы для малых народов Сибири. — Томск, 1928в. — 10 с.

Петри Б.Э. Бюджет карагасского хозяйства. — Иркутск, 1928а. — 72 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928б. — 73 с.

Петри Б.Э. Карагасский суглан. — Иркутск, 1926. — 39 с.

Петри Б.Э. Сойотская экспедиция, организованная Иркутским Местным Комитетом Севера // Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). — Иркутск, 1927а. — С. 12-20.

Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварит. данные) // Сб. тр. профессоров и преподавателей Ирк. гос. ун-та. — Вып. 12. — Иркутск, 1927б. — С. 217-226.

Петри Б.Э. Этнография и современность. — Иркутск, 1927в. — 16 с.

Петри Э.Ю. Антропология. — СПб., 1890. — Т. 1: Основы антропологии. — 575 с.

Петри Э.Ю. Антропология. — СПб., 1897. — Т. 2: Соматическая антропология. — 428 с.

Петри Э.Ю. Большой всемирный настольный атлас Маркса. — СПб., 1903.

Петри Э.Ю. Методы и принципы географии. — СПб., 1892.

Петри Э.Ю. Учебный географический атлас. — СПб., 1898.

Сирина А.А. Забытые страницы Сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. — М.: Вост. лит., 2002. — Вып. I. — С. 57-80.

Соловьев Д.К. Типы организаций способствующих охране природы // Русское географическое общество. Постоянная природоохранительная комиссия. — Пг.: Девятая Государственная Типография, 1918. — Вып. 3. — 45 с.

Штильмарк Ф.Р. Формирование сети заповедников на территории РСФСР (история и перспективы) // Бюлл. МОИП, отд. биол., 1974. — Т. LXXIX, вып. 2. — С. 142-151.

Л.Ю. Китова
Кемерово, Кемеровский государственный университет

ИРКУТСКАЯ ШКОЛА АРХЕОЛОГОВ: Г.П. СОСНОВСКИЙ — УЧЕНИК Б.Э. ПЕТРИ

В 2009 г. исполняется 125 лет со дня рождения Бернгарда Эдуардовича Петри (1884-1937) и 110 лет со дня рождения Георгия Петровича Сосновского (1899-1941). Это два ярчайших представителя иркутской школы 1918-1937 гг., учитель и ученик, много сделавшие в столь трудный период истории нашей страны для развития сибирской и отечественной археологии. Их путь в археологию был разным.

Б.Э. Петри происходил из семьи ученых: отец Э.Ю. Петри служил профессором кафедры географии и этнографии Петербургского университета, мать Е.Л. Петри заведовала отделом Океании Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (МАЭ) [Сирина, 2002, с. 59].

Г.П. Сосновский родился в местечке Бежица Брянского уезда Орловской губернии в семье конторского служащего [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 35].

Б.Э. Петри и Г.П. Сосновский познакомились в Петрограде предположительно в 1917 г. Б.Э. Петри к тому времени окончил географическое отделение естественного факультета Петербургского университета и в течение семи лет трудился сотрудником МАЭ. За этот период он трижды (1912, 1913, 1916 гг.) выезжал в сибирские экспедиции и уже совершил свои главные археологические открытия. В 1912 г. Б.Э. Петри обнаружил многослойную неолитическую стоянку рыболовов в бухте Улан-Хада на юго-восточном побережье Мухорского залива оз. Байкал. Он рассматривал ее как основу для создания культурно-хронологической периодизации неолита в Сибири и для определения преемственности его культур. Раскопки 1913 г. подтвердили это предположение [Савельев, 1991, с. 76]. Кроме того, в 1912, 1913, 1916 гг. Б.Э. Петри провел раскопки землянок в местности Уту-елга по реке Мурину, левому притоку реки Куды, впадающей в Ангару. Там в одной из жилых ям были обнаружены обломки разбитого горна, а рядом найдена древняя шахта для добычи железной руды и собран целый ряд железных предметов, керамика и кости домашних животных. Эти находки позволили ученому через несколько лет выделить культуру «курумчинских кузнецов» [Петри, 1923]. Это была первая культура железного века Сибири, зафиксированная по поселениям.

Г.П. Сосновский в 1917 г. обучался в Петроградском коммерческом училище. В старших классах он увлекся археологией: в 1917-1918 гг. стал работать в качестве добровольного сотрудника в археологическом отделе МАЭ под руководством Б.Э. Петри, производил археологические разведки, в том числе в 1917 г. обнаружил на берегу Сестрорецкого разлива у Тарховки неолитическую стоянку [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 21]. Неизвестно как бы сложились в Петрограде дальнейшие отношения Б.Э. Петри и Г.П. Сосновского, однако начавшаяся гражданская война скорректировала планы обоих.

Весной 1918 г. Б.Э. Петри по стечению обстоятельств поселился в Иркутске. Приехав вместе с женой, уроженкой г. Иркутска, к ее родителям за своим сыном, он был отрезан линией фронта [Сирина, 2002, с. 64-65] и вынужден искать работу. Благо, что в Иркутске в 1918 г. по решению правительства А.В. Колчака открылся университет, и Петри нашел применение своим знаниям и интересам.

Переезжает в Сибирь и Г.П. Сосновский. В марте 1918 г. войска Антанты высадились в Мурманске, в Петрограде была чрезвычайно тяжелая ситуация. Возможно, крайне опасная обстановка в городе и отсутствие работы подтолкнула Г.П. Сосновского на поездку в Западную Сибирь.

Он начал свою трудовую деятельность на Ивановском золотом руднике Ачинского округа в качестве конторского служащего. Видимо, активно проявил себя в общественной жизни, т.к. в мае 1918 г. Г.П. Сосновский был избран в члены Совета рабочих депутатов рудника (В советское время это трехмесячное членство, указанное Сосновским в анкетах, не раз спасет его). Однако приближение к Ачинску белой армии Колчака заставило его в августе 1918 г. покинуть место службы [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 35]. Г.П. Сосновский поселился в Красноярске и устроился работать научно-техническим сотрудником музея Приенисейского края (Красноярского — Л. К.). Годы военного лихолетья свели в 1918-1919 гг. в одном музее сразу четырех исследователей: Н.К. Ауэрбаха, ученика В.А. Городцова, дипломированного археолога и юриста, доктора археологии из Австрии Г. фон Мергарта, попавшего в плен во время Первой мировой войны и депортированного в Сибирь, Г.П. Сосновского и молодого собирателя древностей В.И. Громова. Первые рекогносцировочные исследования в окрестностях г. Красноярска Г.П. Сосновский провел под руководством Н.К. Ауэрбаха (1919 г.). В 1920 г. он совместно с Г. Мергартом производит археологическую разведку от Минусинска до Красноярска. Творческая работа в музее, постоянные дискуссии по вопросам археологии между сотрудниками, профессиональное окружение (в первую очередь Г. Мергарт и Н.К. Ауэрбах) — все это подводит молодого Сосновского к решению о продолжении образования и приобретении профессиональных знаний и навыков археолога. Осенью 1920 г. он поступил в Иркутский университет.

Иркутск был выбран в качестве места учебы не случайно. В городе с середины XIX в. складывались традиции археологического изучения Сибири: был открыт один из первых сибирских музеев, образован Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, обнаружен один из первых палеолитических памятников в России и, главное, в 1918 г. создан университет, в котором преподавал первый учитель Сосновского по археологии — Б.Э. Петри. Он работал в университете, сначала приват-доцентом, потом профессором на кафедре истории первобытной культуры (затем переименованной в кафедру этнографии) историко-филологического факультета. Г.П. Сосновским за годы учебы в университете (1920-1926) были прослушаны читаемые Б.Э. Петри курсы по истории первобытной культуры, археологии, этнографии, а также специальные курсы по методике археологических разведок и раскопок, музейному делу и др. [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 21].

Одна из главных заслуг Б.Э. Петри — основание школы археологов с собственной методологией исследования, методикой раскопок, с организацией полевых работ и системой подготовки научных кадров. Его учениками были такие известные в будущем ученые как М.М. Герасимов, Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, Г.Ф. Дебец, П.П. Хороших и др.

Для работы с учениками кроме кафедры Б.Э. Петри использовал несколько структурных подразделений, им самим и созданных. Б.Э. Петри стал организатором музея этнографии, кабинета археологии и этнографии туземных народов Сибири, студенческого научного кружка.

В мае 1922 г. под руководством Б.Э. Петри была создана этнологическая (с 1925 г. — палеоэтнологическая) секция ВСОРГО, на заседаниях которой его ученики выступали с самостоятельными докладами, обсуждали планы работ на лето, разрабатывали для краеведов анкеты и программы для изучения памятников археологии, истории и культуры, инструкции об их охране, составляли археологическую карту Восточной Сибири, словарь археологов Сибири, заслушивали информацию о новых российских и зарубежных исследованиях [ГАНО, ф. Р-1053, оп. 1, д. 653, л. 81; д. 1186, л. 508]. Компилятивные сообщения допускались только в случаях знакомства с результатами иностранных раскопок, например, на одном из заседаний был заслушан доклад о нашумевших открытиях Г. Картера в Египте в 1922 г. [ГАНО, ф. Р-217, оп. 1, д. 16, л. 10].

Г.П. Сосновский был одним из активных и работоспособных учеников Б.Э. Петри. Его интерес к археологии был углублен и закреплен службой в качестве хранителя археологического

отдела Иркутского музея и систематической полевой работой по заданиям Иркутского и Красноярского музеев [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 2].

Летом 1921 г. Г.П. Сосновский как участник палеоэтнологической экспедиции, руководимой Б.Э. Петри, произвел самостоятельно археологические разведки в долине р. Ангары от г. Балаганска до с. Распутина. Целью разведки была проверка сведений о палеолите на стоянке «Балаганские пески», знакомство с характером дюнных стоянок уезда, поиски следов бронзового века, сбор данных о курганах и их описание. К большому сожалению Сосновского подъемный материал не подтвердил существования палеолита, собранный каменный инвентарь относился к неолиту. Погребения бронзового периода, несмотря на особые поиски, также найдены не были. По мнению молодого исследователя, дюнные стоянки, обнаруженные в долине р. Ангары ниже г. Балаганска, принадлежали к числу смешанных, где в основном слое залегали предметы каменного, бронзового и железного веков. По результатам рекогносцировочных изысканий Г.П. Сосновский написал одну из первых своих работ, в которой постарался подробнейшим образом исследовать полученные находки [Сосновский, 1923, с. 121-139].

Написание статей и публикация материала также входила в программу обучения Б.Э. Петри. Ученики Б.Э. Петри активно публиковались в местных изданиях: в Известиях ВСОРГО, журналах «Сибирская живая старина», «Бурятиеведение» и др. При этом в публикациях прослеживается влияние взглядов учителя, а, исходя из уровня изложенного, можно предположить, что он сам часто редактировал первые статьи своих учеников.

В 1923 г. в честь 40-летия открытия И.Т. Савенковым палеолита на Енисее ВСОРГО и его Средне-Сибирское отделение выделяют средства на изучение древнейших памятников у Красноярска. Появляется возможность не только вести разведывательные раскопки, но и широкие стационарные. Г.П. Сосновский совместно с Н.К. Ауэрбахом и В.И. Громовым в течение 1923-1925 гг. систематически исследовали поселения на Афонтовой горе и ряд других стоянок [ГАКК, ф. 795, оп. 1, д. 28, л. 10-20; д. 39, л. 56]. Работы на Афонтовой горе имели международное значение. Важность исследований обусловлена тем, что раскопки дали картину палеолитического местонахождения in situ в ясном залегании и планировке. Впервые стало возможным представить конструктивное своеобразие древнейшего в Азии жилища человека эпохи палеолита. Исследование памятника подтвердило заключение Г.П. Сосновского о многослойности Афонтовой горы и о выделении разновременных палеолитических горизонтов. Сенсационные находки привлекли внимание российских археологов. Место раскопок посетили В.А. Городцов, Б.С. Жуков, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 23].

Г.П. Сосновский с особым рвением и энтузиазмом занимался археологией. Основными районами его исследований в годы учебы являлись Прибайкалье, окрестности Красноярска и Минусинский край. Кроме изысканий на Афонтовой горе в 1925 г. он руководил раскопками палеолитической стоянки у Красноярского Переселенческого пункта, провел разведку в Ачинском уезде Енисейской губернии. Осенью 1925 г. Г.П. Сосновский принимал участие в раскопках стоянки каменного века у Верхоленской горы, возглавляемых профессором Б.Э. Петри, и нового местонахождения костей мамонта с каменными орудиями, найденного М.М. Герасимовым близ Иркутского Переселенческого пункта [Архив ИИМК, ф. 2, оп.1, 1925, д. 193; ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 23-24].

В 1926 г. исследования в Минусинском районе были продолжены. Г.П. Сосновским было раскопано 30 погребений, в основном принадлежащих андроновской культуре [Ауэрбах, 1927, с. 130-131].

Г.П. Сосновский уже в студенческие годы выступает серьезным исследователем. Свою судьбу он связывает только с археологией и стремится к получению универсального образования. Однако остаться в университете после окончания учебы уже не представлялось возможным. В 1921 г. на базе юридического и историко-филологического факультетов был образован факультет

общественных наук (ФОН). Затем в 1926 г. закрылось историческое отделение ФОНа, и прекратилась деятельность кафедры этнографии. Б.Э. Петри, сотрудничая в отделении Комитета содействия народностям северных окраин Сибири (Комитет Севера), почти целиком переключается на изучение этнографических вопросов. Как известно, в 1937 г. он будет арестован и расстрелян.

В 1926 г. принимал деятельное участие в судьбе Г.П. Сосновского его старший товарищ Н.К. Ауэрбах. Он ходатайствовал о нем перед В.А. Городцовым: «Нравится мне этот молодой человек, фанатик археологии. Ведя полуголодное существование в эти тяжелые годы революции, он не только не бросил любимое дело, но наоборот приобрел много знаний, восприняв и от Мергарта и от Петри. Его мечта поработать под Вашим руководством. … Я знаю, что Вы не откажите Сосновскому и поделитесь с ним своим многолетним опытом, своей колоссальной эрудицией» [ГИМ, ОПИ, ф. 431, д. 376, л. 8].

Попасть в аспирантуру к В.А. Городцову не удалось, однако, Г.П. Сосновский поступил в аспирантуру Антропологического института при I МГУ. Его научным руководителем стал Б.С. Жуков, сторонник, как и Б.Э. Петри, палеоэтнологических взглядов. Г.П. Сосновский всегда готов был учиться. Он прослушал в 1926-1927 гг. читаемые на антропологическом отделении МГУ лекции: Б.С. Жукова — курс общей палеоэтнологии и курс палеоэтнологии Восточной Европы, В.В. Бунака — курс общей антропологии, Б.А. Куфтина — курс сравнительного народоведения; присутствовал на проводимых Б.С. Жуковым практических занятиях: на малом и большом палеоэтнологических практикумах. Он готов был получать дополнительные знания в любой форме. Осенью 1926 г. Г.П. Сосновский посещает на музейных курсах, организованных Главнаукой[1] в Москве, цикл лекций Б.С. Жукова по сбору палеоэтнологических материалов и их хранению в музеях. Летом 1927 г. в качестве аспиранта-практиканта он принимал участие в раскопках палеолитической стоянки около с. Супоньева в окрестностях г. Брянска и исследовал стоянки с микролитической индустрией под Ялтой на южном берегу Крыма [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 21, 54].

Тем не менее, в первую очередь Г.П. Сосновского привлекают археологические памятники Сибири. В 1927 г. он продолжил исследования андроновских погребений в окрестностях улуса Орак и провел рекогносцировочные раскопки карасукских могил [Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1927, д. 180].

Г.П. Сосновского не устраивала жизнь в Москве, сложные бытовые условия, отсутствие работы и дружеских связей тяготили. Он стремился переехать в Ленинград. Ему помогает в этом П.П. Ефименко, организовав поручительство таких известных археологов, как А.А. Спицын и А.А. Миллер. В результате осенью 1927 г. Сосновский был принят старшим научным сотрудником ГАИМК [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 2об.-3об.]. К сожалению, аспирантуру он так и не закончил, после двух лет обучения в 1928 г. ушел от Б.С. Жукова.

В ГАИМК перед Г.П. Сосновским открываются новые возможности. В 1928-1929 гг. Монгольской комиссией АН СССР и ГАИМК по инициативе Бурят-Монгольского научного общества и Бурят-Монгольского Ученого комитета были организованы археологические работы в Бурятии [Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1929, д. 182]. Начальником экспедиции был назначен Г.П. Сосновский. Основной задачей экспедиции было общее ознакомление с памятниками прошлого и сбор материала для классификации древних культур Забайкалья. Районом обследования был избран бассейн р. Селенги на территории Верхнеудинского, Троицкосавского и Селенгинского районов Бурят-Монгольской АССР. За два года работ сотрудники экспедиции проделали путь около 700 км, раскопали 153 погребения, 3 стоянки, 1 древнее укрепление, 1 пещеру и собрали подъемный материал с 15 дюнных стоянок [Сосновский, 1936, с. 318]. На обследованной территории обнаружены следы пребывания древнего человека в различные времена, начиная от каменного века и до позднего железного века. Особая заслуга Г.П. Сосновского состояла в том, что он установил палеолитический возраст забайкальских находок и открыл тем самым новую область

распространения палеолита Северной Азии. Большой интерес представляли находки на берегу р. Селенги обломков скорлупы от яиц страуса, открытие могильника переходного времени от камня к металлу, погребений бронзового периода, впервые выявленных для Забайкалья, новые находки предметов скифского времени, раскопки памятников гуннского времени и могильников средневековья. Также были произведены наблюдения над морфологией могильных сооружений различных типов и прослежено их географическое распространение [Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1929, д. 182].

В 1928-1929 гг. ГАИМК организовала экспедицию Г.П. Сосновского не только в Бурятию, но и на Енисей. Здесь совместно с В.И. Громовым он исследовал палеолитические стоянки у д. Кокорево и самостоятельно — погребения эпохи бронзы и железа в окрестностях улуса Орак, деревни Черновой и села Новоселово. Всего в течение пяти лет (1925-29 гг.) Г.П. Сосновским было раскопано 45 андроновских и 40 карасукских могил [Архив ИИМК, ф. 42, 1933, д. 28, л. 30-36].

В первой половине 1930-х гг. Г.П. Сосновский работал в группе ИКС (изучение кочевого скотоводства) [Генинг, 1982, с. 52]. Изыскания не были доведены до конца и опубликованы фрагментарно, однако интерес Г.П. Сосновского к этой теме не угас. Им были собраны и опубликованы материалы по истории скотоводства в Сибири [Сосновский, 1940а], он продолжал собирать материалы по кочевому скотоводству Забайкалья [Архив ИИМК, ф. 42, д. 233]. Г.П. Сосновский самостоятельно разрабатывал проблему древнейших производств. Его интересовал вопрос развития ремесел в древней Сибири. После обнаружения остатков шерстяных изделий в андроновском могильнике около улуса Орак и около д. Андроновой им были изучены способы изготовления тканей, качество материала и способ окраски нитей; дана характеристика одежды древних жителей Южной Сибири [Сосновский, 1934, с. 92-96]. Исследовал Г.П. Сосновский и вопросы истории добычи и использования олова, а также распространения производства бронзовых орудий и оружия в Сибири [Сосновский, 1933; Иессен, Сосновский, 1940]. В 1930-е гг. он один из первых разрабатывал проблему исторической интерпретации археологических источников. В фондах архива ИИМК сохранились рукописи ученого, которые ждут своего исследователя.

Г.П. Сосновский был талантливым ученым и очень серьезным исследователем. Датировка памятников, интерпретация находок, не говоря о скрупулезном ведении дневников, написании отчетов, всегда была сопряжена у него с глубоким анализом материала. Показательна его кратковременная работа с петроглифами на горе Кизех-Тах в окрестностях улуса Орак. Описание рисунков, выделение нескольких композиционных групп, изучение техники нанесения изображений и их стилей позволили исследователю правильно датировать основную группу петроглифов скифским временем [Сосновский, 1940б].

В 1934 и 1937 гг. Г.П. Сосновский руководил Ангарской экспедицией, сотрудники которой изучали археологические памятники в зоне строительства Байкальской и Бархатовской ГЭС, а он совместно с М.М. Герасимовым вел раскопки палеолитической стоянки Мальта [Архив ИИМК, ф. 2, оп. 1, 1934, д. 223; Сосновский, Герасимов, 1937].

В 1935 г. в связи с подготовкой III сессии Международного конгресса по четвертичной геологии Г.П. Сосновский возглавил Бийскую экспедицию. Изыскания на Алтае принесли новые открытия. На правом берегу р. Катуни в 36 км от г. Бийска им были обнаружены и исследованы палеолитические стоянки. Экспедиция продолжила работу в 1936 г. и наряду с изучением новых стоянок древнекаменного века в 3,5 км от с. Элекмонар был выявлен и раскопан афанасьевский могильник [Сосновский, 1941].

В 1930-е гг. Г.П. Сосновский был одним из крупнейших специалистов сибирской археологии, в том числе играл ведущую роль в изучении палеолита Сибири. Это признавали и его коллеги. В 1935 г. он был избран членами советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, заместителем председателя секции ископаемого человека [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 54 об.]. З.А. Абрамова отмечала, что Г.П. Сосновский «был не только

полевым археологом, открывшим и тщательно исследовавшим многие важные памятники. Он безукоризненно публиковал их и его перу принадлежит первый труд, обобщивший итоги изучения палеолита Северной Азии и наметивший проблемы и пути дальнейшего исследования» [Абрамова, 1984, с. 302]. Имеется в виду статья Г.П. Сосновского «Палеолитические стоянки Северной Азии», изданная в 1934 г. В 1935 г. руководство ГАИМК ходатайствовало перед Народным комиссариатом просвещения о присуждении ему ученой степени кандидата исторических наук по совокупности научных трудов, а также ученого звания действительный член ГАИМК. 28 июня 1938 г. Ученый Совет ЛГУ присвоил Г.П. Сосновскому искомую степень без защиты диссертации [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 294, л. 31, 45, 56].

Судя по архивным материалам и публикациям, Г.П. Сосновским была задумана большая работа по древней истории Сибири. Особенно значительные сведения были накоплены по истории материальной культуры Южной Сибири и Забайкалья, собирался материал от эпохи камня до средневековья. У Г.П. Сосновского имелись творческий потенциал, знания, силы и возможности для претворения в жизнь намеченного. Его ранняя гибель в 1941 г. во время блокады Ленинграда не дала осуществить запланированное. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил, не завершив многие начатые работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Главное управление научными учреждениями Народного комиссариата просвещения

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. — М.: Наука, 1984. — 383 с.

Ауэрбах Н.К. Археологические исследования в Приенисейском крае в 1926 г. // Северная Азия. — 1927. — № 1. — С. 130-131.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. — Киев: Наук. думка, 1982. — 226 с.

Иессен А.А., Сосновский Г.П. К истории использования олова в Приенисейском крае // КСИИМК. — 1940. — № 5. — С. 45-47.

Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (К вопросу о доисторическом прошлом якутов). — Чита, 1923. — 19 с.

Савельев Н.А. Вклад Б.Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. — С. 75-93.

Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри //Репрессированные этнографы. — М.: Вост. лит., 2002. — Вып. 1. — С. 57-80.

Сосновский Г.П. К археологии Ангарского края (из предварительного отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской губернии) // Сибирская живая старина. — 1923. — Вып. 1. — С. 121-139.

Сосновский Г.П. К истории добычи олова на востоке СССР // Проблемы истории материальной культуры. — 1933. — № 9-10. — С. 15-19.

Сосновский Г.П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // Проблемы истории доклассового общества. — 1934. — № 2. — С. 92-96.

Сосновский Г.П. Итоги работы Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928-1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. — М.; Л., 1936. — Т. 2. — С. 318-321.

Сосновский Г.П. К истории скотоводства в Сибири: (Материалы к истории древнейших домашних животных) // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. — М.; Л., 1940а. — Т. 1. — С. 135-150.

Сосновский Г.П. Писаница на горе Кизех-Тах // КСИИМК. — 1940б. — Вып. 6. — С. 54-58.

Сосновский Г.П., Герасимов М.М. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальте // Советская секция Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. — Л., 1937. — Вып. 1.

Сосновский Г.П. Ойротская автономная область, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. — М.; Л., 1941. — С. 304-306.

М.В. Константинов,
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет

ГУЛАГОВСКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ЕЛПИДИФОРА ТИТОВА

Елпидифор Иннокентьевич Титов вошел в историю науки как этнограф, археолог, лингвист. Он вырос в семье православного священника и учился в Иркутском госуниверситете, где был одним из ближайших учеников профессора Б.Э. Петри. В страшную эпоху ГУЛАГа Б.Э. Петри был по ложному обвинению арестован и расстрелян 25 ноября 1937 г. в Иркутске [Архивно-следственное дело Б.Э. Петри № 10136 ФСБ РФ по Иркутской области; Константинов М.В., 2005, с. 75-84; Константинов М.В., 2008, с. 67-73; Селина С.Н., 2006, с. 86.]. Его ученика Е.И. Титова постигла та же гулаговская участь. Он был расстрелян 21 января 1938 г. в Хабаровке. Судьба Е.И. Титова нашла отражение в архивно-следственном деле НКВД, недавно поднятом из недоступного спецхрана.

Согласно постановления от 28 июля 1937 г., составленного оперуполномоченным 5 отделения III Отдела УГБ УНКВД по Дальневосточному краю, Е.И. Титов «изобличается в том, что будучи связан с резидентом японской разведки Арсеньевым, по заданию последнего занимался разведывательной деятельностью в пользу иностранного государства, т.е. в совершении преступления предусмотренного ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР и потому должен быть арестован с производством обыска по месту жительства [Архивно-следственное дело Е.И. Титова и М.А. Титовой-Тумановой № 1276 ФСБ РФ по Приморскому краю].

Судя по «Анкете арестованного» арест Е.И. Титова произведён 5 августа 1937 г., после чего он был помещен под стражу в комендатуру УНКВД ДВК. В анкете, которую сотруднику госбезопасности полагалось заполнить чётко и разборчиво со слов арестованного и с проверкой по документам, допущены многочисленные орфографические ошибки, свидетельствующие о низкой грамотности этого сотрудника. Так искажено имя и отчество арестованного, слово «литератор» написано с буквой «е» в первом слоге и т.д. Согласно анкете, Е.И. Титов проживал в г. Хабаровске, по ул. Фрунзе, № 65, что он «из духовного происхождения», до революции имевший «1 дом, 2 лошади и 5 коров, жатку, лобогрейку, грабли», ныне — служащий, работавший литсотрудником в журнале «На рубеже», образование высшее, исключен из ВКП(б) в 1936 г. «за связи с чуждым элементом», состав семьи: жена Мария Александровна Титова, 38 лет, врач и дочь Мария.

В протоколе допроса, датированного по какой-то причине от 4 июля 1937 г., т.е. датой за месяц до ареста, содержатся ответы Е.И. Титова на 34 вопроса, что изложено на 12 листах, при этом фамилия следователя и его роспись отсутствует. Следователя особенно интересовало пребывание Е.И. Титова за границей. Е.И. Титов показал, что в первый раз выезжал с женой к её родителям в 1924 г. в Харбин, где пробыл полтора месяца; при этом его жена осталась с родителями; второй раз выезжал в тот же Харбин, где пробыл с семьёй с 1927 по январь 1932 гг. В Харбине Е.И. Титов сначала служил на КВЖД в центральной библиотеке, с декабря 1930 г. — в газете «Герольд Харбина», после её закрытия китайскими властями — в газетах «Ивнинг Ньюс» («Вечерние новости») и «Новости Востока». Следователь постоянно напирал на белоэмигрантскую антисоветскую суть семьи Тумановых, но Е.И. Титов заявлял, что «фактов их отрицательного отношения к Советскому Союзу не имею» и о факте их связи «с белогвардейским союзом офицеров» сведениями не располагает.

Из тех лиц, с кем общался сам Е.И. Титов, обращают на себя внимание имена писателя-эмигранта Всеволода Иванова и «Шардена, друга Лисана, геолога-археолога».

На вопрос следователя о занятиях между двумя поездками в Харбин, Е.И. Титов отвечал, что в 1925-1926 гг. находился «в командировке от Далькрайисполкома в верховьях Нерчи, Каренги, Витима, р. Лены, на севере Байкала и т.д.».

После окончательного возвращения из Харбина с 1932 по 1936 гг. Е.И. Титов работал зав. иностранным отделом газеты «Тихоокеанская звезда» (ТОЗ), затем, в связи с исключением из партии, занимался литературной консультацией при Союзе писателей; с 7 июля 1937 г. назначен литературным работником журнала «На рубеже».

Следователь обвинял Е.И. Титова с контактах с троцкистской организацией в г. Хабаровске. Этого арестованный не отрицал и признавал свои идеологические ошибки, которые заключались в следующем: «исказил ленинско-сталинскую национальную политику» совместно с профессором Арсеньевым в статье, посвященной населению Дальнего Востока; дал неправильную, противоречащую «ленинскому толкованию», оценку мировоззрения Л.Н. Толстого в статье «Толстой как художник» (1935 г.), допустил к печати (1934 г.) роман писателя Амурского-Романенко «Гордость», в котором «протаскивались троцкистские взгляды».

Следователя интересовали цели поездки Е.И. Титова в Москву и Ленинград с апреля по август 1936 г. Литератор сообщал, что поездка была ему необходима для работы над текстом пьесы «Сергей Лазо». Во время поездки он встречался со многими писателями, в т.ч. с Фадеевым и Павленко.

В следственное дело включена автобиография (1932 г.) Ельпидифора Иннокентьевича Титова, в котором он сообщал, что «родился в 1896 г. в Западном Забайкалье в семье священника. Среднее образование получил в Иркутской духовной семинарии, высшее — в Иркутском государственном университете, который закончил в 1923 году по историко-филологическому отделению. Профессия — журналист, пишу с 1917 г.…». По другому документу (его личное заявление в Хабаровский горком ВКП(б) от 1936 г.) он сообщает, что профессор Б.Э. Петри направлял его летом и осенью 1919 г. к тунгусам и, что он является автором «Тунгусско-русского словаря», «Тунгусского фольклора», а также работы по археологии Северного Байкала.

Е.И. Титов — по своим глубинным этническим корням (по линии отца) тунгус, а по матери русский; инвалид из-за костного туберкулеза колена правой ноги; принимавшийся и исключавшийся из ВКП(б) за политические ошибки — был изобличен как враг народа, но виновным себя в шпионской деятельности и принадлежности к белоэмигрантским организациям не признал. Так же вела себя его супруга М.А. Титова-Туманова.

По делу устанавливается, что Е.И. Титов был связан «с резидентом японской разведки Арсеньевым».

Отсюда вытекает, что известный путешественник и писатель В.К. Арсеньев также обвинялся в шпионаже, но его дело не получило по каким-то причинам желательного для НКВД завершения. Скорее всего, дело в том, что В.К. Арсеньев умер семью годами ранее (4.09.1930 г.).

Е.И. Титов был расстрелян 21 января 1938 г. в 23 часа. М.А. Титова-Туманова получила 10 лет лагерей.

В 1957 г. Е.И. Титов и М.А. Титова-Туманова решением военного трибунала Ленинградского военного округа реабилитированы.

ЛИТЕРАТУРА

Архивно-следственное дело Б.Э. Петри № 10136 ФСБ РФ по Иркутской области.

Архивно-следственное дело Е.И. Титова и М.А. Титовой-Тумановой № 1276 ФСБ РФ по Приморскому краю.

Константинов М.В. Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. — 2-е изд., испр. и доп. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005 — 105 с.

Константинов М.В. Провинциальная археология. — Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. — 296 с.

Селина С.Н. Архивно-следственное дело Б.Э. Петри как исторический источник // История политических репрессий в СССР в 1930-1950-е годы: Мат-лы Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов. — Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2006. — С. 86-89.

Е.О. Коршунов
Иркутск, Иркутский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЯ Б. Э. ПЕТРИ НА ЮЖНОМ БАЙКАЛЕ

В научно-биографических работах, посвященных деятельности Бернгарда Эдуардовича Петри, до сих пор уделялось незначительное внимание его археологическим работам в южной части западного побережья Байкала.

Материалами для этой работы послужили публикации Петри, археологические коллекции ИОКМ, коллекции МАЭ РАН с сопроводительной документацией и дела из архива ИИМК РАН[1].

Две публикации предварительного характера и ряд архивных документов, свидетельствуют о постоянном интересе этого выдающегося исследователя к району юго-запада Байкальского побережья. Печатные работы посвящены только периоду с 1916 по 1919 гг., т.е. самое начало исследований. Итоги более поздних изысканий, к сожалению, так и не были опубликованы. В настоящий момент большая часть этих материалов размещена в музейных и архивных хранилищах, тем самым в какой-то мере выключена из повседневного научного оборота. Вместе с тем, многие результаты работ и выводы Б.Э Петри и сегодня актуальны, имеют большое научное и практическое значение в современном байкаловедении.

Первое упоминание о работах Петри на юго-западном Байкале относится к 1916 г., когда он был командирован Байкальской Комиссией, созданной в этот год Российской Академией Наук, для сплошного археологического и этнографического обследования побережья озера. Предварительные итоги были изложены в форме краткого отчета. В силу некоторых объективных обстоятельств реализовать программу исследований не удалось. Нам чрезвычайно мало известно о характере этих работ летом 1916 г. «Отчет о командировке на Байкал для археологических разведок» и коллекция № 2624, хранящиеся в фондах МАЭ, восполняет этот пробел. Непосредственно выезду предшествовал этап ознакомления с музейно-архивными материалами и коллекциями, хранящимися в Иркутском музее [Петри, 1916, с. 2]. Скорее всего, именно тогда он получил сведения об археологических находках в бухте Песчаная. Имя же первооткрывателя А.М. Станиловского ему, по-видимому, было неизвестно [Савельев, Свинин, 1990, с. 113].

Во время стоянки исследовательского судна в бухте Песчаной, Петри в собрал обширную коллекцию подъемного материала на дюнных выдувах. Он приходит к выводу о необходимости более тщательного изучения объекта, для чего производит шурфовочные работы и разведку близлежащей местности. В результате проведенных работ Петри определяет четыре пункта: № 1 – сама бухта Песчаная (с небольшим количеством материала), № 2 – «У дерева» (современный топоним – бухта Академическая) (с самыми обильными сборами), № 3 – бухта «Колокольная» (самая «бедная» стоянка) и бухта «Бабушка» (рис. 1).

В бухтах «Колокольная» и «Бабушка» собираются предметы с поверхности выдува, в бухтах Академическая и Песчаная производятся раскопки [Петри, 1921, с. 4-6].

На некоторых участках стоянки № 1 и стоянки № 2 выделено три культуросодержащих слоя слоях, что отмечено в коллекционной описи. Слой III – желтый песок мощностью 35 см, слой II – серый песок мощностью 50 см, выше неуказанной мощности слой I, перекрытый сверху дюнами. Ничего не сказано о методе раскопок, есть лишь упоминания о шурфовке поверхности бухты. Опись составлена пообъектно. Описание предметов из раскопок и подъемных сборов дается раздельно. Коллекция, хранящаяся в фондах МАЭ, состоит из 445 предметов, в основном это керамика, но присутствует и каменный инвентарь. В составе коллекции из III слоя, самого раннего

для поселений, присутствует каменный инвентарь, представленный пластинами и отщепами и сетчатая керамика. Кроме сетчатой керамики в материалах этого слоя ест фрагменты венчиков сосудов так называемого «посольского» типа.

В составе материалов II слоя - только керамика: гладкостенные фрагменты с орнаментами «отступающей лопаточки» и пунктира. Единственный венчик имеет пальцевые защипы по верхней поверхности с пояском «жемчужин» под ним.

Керамика I слоя композиционно повторяет керамику слоя II. Ни в отчете за 1916 г., ни в последующих своих печатных работах Бернгард Эдуардович не разделял материалы с этих стоянок, определяя их принадлежностью «исключительно неолитической культуры» [Петри, 1916].

К сожалению, рисунков и фотографий по этим работам не сохранилось.

После вышеописанных работ в «байкальской» деятельности Петри наступает трехлетний перерыв, и вернуться на Байкал он смог только в 1919 г.

Раскопки «Неолитической Колонии», как теперь стала именоваться группа стоянок в районе песчаных пляжей западного побережья, проводились в 1919 г. с размахом. В фондах ИОКМ сохранилось 5 коллекций материала с этих стоянок [ИОКМ, № 361, 362, 363, 364, 365] общим количеством 2044 единицы хранения.

Через два года по результатам своих исследований Петри публикует развернутую статью. В ней приводится точное географическое описание исследуемых бухт, геологические условия формирования рыхлых отложений. Он предлагает функционально-хозяйственную реконструкцию стоянок, характеризуя их как кратковременные рыболовецкие «тони».

В части стратиграфических наблюдений толщи рыхлых отложений фиксируется, в отличие от 1916 г., только один культуросодержащий слой. Методически раскопки проводились во всех бухтах «тем же способом, что и на Улан-Хаде» [Петри, 1921, с. 3]. Площадь раскопок в бухте Колокольная составила 52 м2, в бухте Академическая - 88 м2 (два участка), в бухте Песчаная - 73 м2 (три участка), в бухте Бабушка - 45 м2. Тогда, в 1919 г., Петри еще не написал свою известную «Программу исследования стоянок под открытым небом», это будет только четыре года спустя, но основные положения ее были применены на практике. Раскопки велись тем же самым «методом выемки кубов», со своеобразной, но, тем не менее, наиболее точной, на тот момент, стратиграфической привязкой материала. Дан масштаб планов и разрезов (вертикальный и горизонтальный), даны физико-географические условия и археологическая ситуация, сделана территориально-бытовая реконструкция. Практическая отработка раскопочной методики на Улан-Хаде и Песчаной помогли окончательно оформиться будущему пособию, опубликованному в 1923 г.

Основным объектом, с наилучшей стратиграфической сохранностью Петри называет бухту Колокольная. На основании планиграфического распределения обнаруженных в этой же бухте находок Петри производит реконструкцию расположения бытовых комплексов стоянок. Вверх по склону (13 м от уступа террасы) фиксируется каменная обкладка жилища и очажное кольцо, вероятно, более позднего времени, хотя в тексте автор проводит аналогии с находками в бухте Улан-Хада. Материал здесь залегал преимущественно по тальвегу пади в слое мощностью около 70 см. Говоря о столь значительной толще, автор раскопок указывает: «Черепки одного и того же горшка встречаются в самых различных горизонтах слоя», на основании чего делается вывод об эолово-денудационном характере формирования слоев уже в процессе пребывания там древнего человека.

Стоянка № 2 – «У дерева» (Академическая), раскапывалась в двух местах. Исследователь констатирует разрушение рыхлых отложений ветровой эрозией. Культурный слой здесь незначителен по мощности (18 см) и культурные остатки в нем разновременные.

Еще более сильному ветровому разрушению подверглась территория нынешней бухты «Песчаная» (стоянка № 1 «У могил»). Она определяется Петри как самая большая по площади, но, тем не менее, с очень незначительным количеством материала.

Раскопочные работы в бухте Бабушка являлись непродолжительными. В «Бабушке» найден «разбитый горшок железной эпохи совместно с железной стрелкой», обе находки были отнесены к культуре «Курумчинских кузнецов». Новым объектом раскопок, которые, очевидно, были самыми небольшими по объемам, стала бухта Сенная [Петри, 1921, с. 6]. Находки, хоть и немногочисленные, но показались Петри интересными. Однако продолжать работы он не стал, хотя считал обе последние стоянки очень перспективными для дальнейших исследований.

Всю культуру «Колонии» Петри характеризует как совершенно однородную, принадлежащую к одному периоду: «Новых типов сравнительно со стоянкой Улан-Хада на Ольхоне, здесь найдено не было – новы лишь вариации» [Петри, 1921, с. 6]. Таким образом, Петри приходит к выводу, что стратиграфическая колонка Улан-Хады, подтвержденная работами в «Песчаной», является опорной для культурно-хронологической периодизации не только байкальского побережья, но и всей Сибири. Иллюстрацией его выводов послужила впервые опубликованная в статье сравнительная таблица культурных приобретений в неолитический период в Европе и Сибири. Эта таблица, практически без изменений, была помещена в его обобщающей работе по сибирскому неолиту [Петри, 1926].

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА
культурных приобретений в неолитический период в Европе и Сибири

<table>
<tr><th>Характеристика</th><th colspan="2">Название эпохи в Зап. Европе</th><th>Эпохи</th><th colspan="2">Улан-Хада</th><th>Характеристика</th></tr>
<tr><td>Совершенство кремневой техники, появление медных предметов</td><td colspan="2">Поздняя неолитическая эпоха</td><td>НОВЫЙ НЕОЛИТ</td><td colspan="2">Слои I II</td><td>Совершенство техники, микролитичность кремневых изделий, изделия из нефрита</td></tr>
<tr><td>Лук, стрелы, усовершенствование керамики, шлифованные орудия, нефритовые изделия</td><td colspan="2">Средняя неолитическая эпоха</td><td>СРЕДНИЙ НЕОЛИТ</td><td colspan="2">Слои III IV V VI VII VIII IX</td><td>Стрелы (начиная с IX слоя), орнаментированная керамика, шлифованные орудия</td></tr>
<tr><td>Первое появление керамики</td><td>Стадия датских кухонныхкуч</td><td>Поздняя стадия</td><td rowspan="2">ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ</td><td>Поздняя стадия</td><td>Слой X</td><td>Появление керамики со следами плетения</td></tr>
<tr><td>Отсутствие керамики и шлифованных орудий, орудия оббитые</td><td>Стадия маглемозе</td><td>Ранняя стадия</td><td>Ранняя стадия</td><td>Слой XI</td><td>Отсутствие керамики и шлифованных орудий</td></tr>
</table>

Следующий эпизод посещения Б.Э. Петри юго-западного Байкала происходит в 1926 г., когда он по приглашению В.Ч. Дорогостайского выезжает для знакомства с байкальской биостанцией ИГУ в местности Коты, где находит новую неолитическую стоянку [Раскопки профессора Б. Петри в 1926 г. Л. 1]. К сожалению, установить точную привязку раскопа и местонахождение коллекции на сегодняшний день не представляется возможным. Если и существовали рисунки и фотографии, то они не сохранились. В деле № 138 Ф 2 архива ИИМК, где продублирована машинописная опись, в сопроводительной записи сказано: «Предметы из раскопок неолитической стоянки, Падь Коты». В конце документа имеется запись: «приняли (пропали?) в СДО[2]», далее идет подпись В.А. Городцова.

Несмотря на то, что отсутствует план работ, можно предположить с некоторой долей вероятности, что раскопки велись на правом устьевом участке пади Большой Кот (на месте современного расположения биостанции). Шифры коллекции выглядят как 40-2-I, где первая цифра - номер предмета, вторая - куба, третья - слоя. Этот шифр отличается от шифров других его работ: отсутствует кириллическая литера, обозначающая большой квадрат 25 х 25 м. Отсюда можно заключить, что был разбит всего один пикет. Из общей площади пикета, очевидно, было вскрыто всего 5 м2 (или 5 м3), нумерованных в линию слева - направо. В описи зафиксирован 201 предмет. Каменный инвентарь представлен пестом (подъемные сборы), 6 пластинами, две из которых ретушированы, 2 скребками, один из которых «клювовидный», и 1 сланцевой пластиной.

Среди фаунистических остатков - обломки трубчатых костей и таз косули. Набор керамики включает 112 экз. и представлен очень широко по типам декора и орнаментации. Большинство фрагментов керамики (46 экз.) имеет следы технических штрихов на поверхности. Зафиксирован один фрагмент венчика сосуда. Гладкостенная керамика представлена 33 фрагментами, среди которых один имеет венчик. Фрагментов, орнаментированных «отступающей лопаточкой» (в описи Б.Э. Петри – «стек») – 7, из них один имеет венчик. Керамика с «накладным орнаментом» (вероятно, имеются в виду налепные валики) представлена 5 экз. Фрагменты с сеткой-плетенкой составляют 3 экз., один из которых имеет фрагмент венчика. Два фрагмента орнаментированы прочерченными параллельными линиями. Также зафиксировано ушко от сосуда с одним отверстием и венчик (видимо от гладкостенного сосуда) с «горошинами» (возможно орнамент «жемчужины»).

Стратиграфически находки были разделены на 2 слоя. К первому относится скребок, часть костей и венчик сосуда, орнаментированный «горошинами». Второй слой содержит керамику со следами «сетки-плетенки», клювовидный скребок и тазовую кость косули. Штриховая, гладкостенная и орнаментированная «лопаточкой» керамика встречаются в обоих слоях. Сведения о стратиграфической ситуации отсутствуют. Судя по шифру некоторых предметов (40-II+I) можно предположить, что культурные остатки залегали в компрессионном состоянии и их принадлежность к отдельным слоям затруднительна.

В 1927 г. Бернгард Эдуардович собирался продолжить раскопки в Котах, о чем свидетельствует запись в деле № 141 Ф2 архива ИИМК, где стоянка «Коты» названа в числе запланированных, но не исследованных пунктов 1927 года. Ввиду отказа ему в Открытом Листе, эти работы не были произведены [Опись предметов из раскопок проф. Б.Э. Петри… Л. 2-3].

В 1933 г. Институт Истории Материальной Культуры в Ленинграде получает задание на археологическое обследование бассейна реки Ангары и связанной с ней речной системой. Работы должны были проводиться в зонах затопления Иркутской и Бархатовской ГЭС на Ангаре. Задание начинает реализовываться летом 1934 г. Ангарской экспедицией ИИМК. Экспедиция работала в составе трех отрядов: 1. Верхне – Ангарского (начальник Б.Э. Петри), 2. Мальтинского (начальник М.М. Герасимов, Г.П. Сосновский), 3. Иркутско – Бархатовского (начальник А.П. Окладников). Общее руководство экспедицией осуществлял Г.П. Сосновский. Экспедиция работала на Ангаре в 1934 и 1936 гг. К сожалению, материалы экспедиции, особенно работы Петри на Байкале и в верховьях Ангары, практически не опубликованы. Это можно объяснить тем, что в 1937 г. Бернгард Эдуардович был репрессирован, и подвести итоги своим исследованиям не успел.

Характер работ и их результаты позволяют восстановить материалы архива ИИМК (фонд 42, дело № 225), в котором хранится рукописный отчет самого Б.Э. Петри и его полевой дневник с фотографиями, а также сводный отчет всей экспедиции под общей редакцией Г.П. Сосновского [Археологические работы..., 1934].

Работы на Байкальском побережье не входили в согласованную с Гидропроектом программу исследований. Несмотря на это Бернгард Эдуардович прекрасно представлял, что поднятие

уровня воды в верхнем течении Ангары вызовет затопление археологических объектов не только Ангары, но и байкальского побережья. Пользуясь некоторой автономией, на личные средства он двинулся на северо-восток вдоль побережья Байкала проводя полную археологическую разведку на этом участке. Из рукописного отчета: «Выезд состоялся 23.07, возвращение 3.09. Очутившись на Байкале я решил использовать свое пребывание там для посещение стоянки в Бухте «Песчаная»» [Ангарская экспедиция…, 1934, Л. 7-9]. Так как в дневнике экспедиции сказано, что Верхне – Ангарский отряд вышел из Иркутска15 августа, то промежуток времени между серединой июля и серединой августа, очевидно, был использован для раскопок в бухте Песчаная. Коллекции с этого объекта помечены 29 июля. Это единственная дата в описи. Время раскопок остальных объектов, очевидно, должно было подтверждаться полевыми записями. Никаких чертежей и маршрутных указаний о работах в «Песчаной» в дневнике нет, за исключением краткой характеристики находок: «При предметах положены названия бухт, что дает возможность определить местонахожденье их. Большой раскопке подвергся яр в Малой Колокольной бухте т.к. здесь его разрушают рыбаки. Из интересных предметов добыты наконечник копья и фализованый пест. Эти предметы вынуты из культурного слоя. При подъеме воды после установки плотины Малая Колокольная будет затоплена» [Ангарская экспедиция 1934 г… Л. 81]. В прилагаемой коллекционной описи - 292 предмета из шести бухт: «Колокольной», «Академической», «Песчаной», «Бабушки», «Малой» и «Большой Сенной». В основном это подъемные сборы.

Коллекция из бухты «Колокольная» представлена скребловидным орудием, тремя отщепами (один «со следами подтупления»), 39 - орнаментированными и 90 - неорнаментированными фрагментами керамических сосудов.

В бухте «Академическая» («№ 2», «У дерева») найдены: кремневый скребок на сколе, двусторонне обработанная пластина, 12 орнаментированных и 6 неорнаментированных фрагментов керамики.

Материал бухты «Песчаной» («№ 1», «У могил») -: наконечник копья из коричневого кварцита, скребок, обломок пластины с вентральной ретушью, два кремневых отщепа, кварцитовый отщеп, кварцитовая галька, две глиняные поделки невыясненной формы (одна - обломок), 75 орнаментированных и 71 не орнаментированный фрагмент керамики.

В бухте «Бабушка» найден отщеп, 8 орнаментированных и 1 неорнаментированный фрагмент керамики. Вероятно, оттуда же происходит каменный пест с «перетяжкой».

«Большая Сенная» (Сенная губа) дала 3 пластины, 3 отщепа, ретушированный осколок, 3 неорнаментированных и 11 орнаментированных осколков керамики. Два неорнаментированных фрагмента было найдено в «Малой Сенной».

На настоящий момент местонахождение коллекции не установлено.

Верхне – Ангарский отряд пробыл на Байкале с 18 по 28 августа 1934 г. За это время, двигаясь от села Лиственничного на северо-восток, исследователи прибыли в поселок Большие Коты. Обследование заключалось в осмотре береговых обнажений, шурфовке и раскопке.

Всего в районе Котов исследовано 5 объектов: стоянка Мыс Коты, стоянка Мыс Сибирякова, стоянка Большая Сенная, стоянка Малая Сенная, ритуальный комплекс Бакланий Луг. Полноценной раскопке подверглось только местонахождение Мыс Коты. В 1934 г., в отличие от предыдущих лет, раскопки велись на левом приустьевом участке пади Большие Коты.

Раскоп вплотную примыкал к береговому обнажению озера. Его площадь составила 14 м2 (квадраты с 1 по 5 в пикете «Т» и с 1 по 9 в пикете «К»). Несмотря на указанную мощность пачки рыхлых отложений, вероятно, вскрытию подверглись только первые три слоя. Стратиграфия по дневнику исследователя имеет следующий вид: «1) 25 см. Современный слой без культур. остатков; 2) 38 см. Черный слой с гумусом и содержанием культур. остатков; 3) 31 см - бурый слой с содержанием глины и камней и культурными остатками [зачеркнуто]; 4) 66 см. Желтый слой с

большим содержанием глины и камней. Без культурных остатков. 5) 2 м. 20 см. Слой распавшихся доломитов [Ангарская экспедиция 1934 г… Л. 37-50]. Разборка культуровмещающих отложений и их фиксация велись в соответствии с параграфами «Программы».

Найдены остатки кремневой индустрии и трубчатые кости животных, обнаружен и описан прокал очага: «В кубе Т-2 большой очаг, дно которого сильно прожжено и образовалась кирпичеобразная подстилка из спекшейся глины. Много обожженных камней» [Ангарская экспедиция 1934 г.… Л. 48]. Была определена, вероятно визуальным осмотром, перспективная площадь объекта: «стоянка простирается выше около 10 метров по склону и вдоль склона на SW к выселку Коты на расстояние 37 метров, но уступ наиболее богат содержанием именно на месте раскопки (очевидно имелся в виду поселок малые Коты). Кроме того на огородах в крайнем SW углу пади Б.Коты поднято несколько незначительных черепков указывающих на слабую заселенность этого угла» [Ангарская экспедиция 193 г… Л. 49]. Процесс раскопок описывался, зарисовывался и фотографировался. Самим Петри было отмечено, что на тот момент на стоянке «Мыс Коты» впервые найден в удовлетворительной сохранности костный материал, который не был зафиксирован до этого нигде на Байкале.

Неподалеку от поселка в местности «Бакланий Луг» экспедиция обнаружила редкий для археологии Прибайкалья объект – вертикально поставленную каменную стеллу (рис. 3), окруженную выкладкой из камней. В дневнике Петри этот комплекс описывается следующим образом: «…одна крупная необитая плита, поставленная вертикально и каменная кладка вокруг нее и более короткая на W, а более длинная на О. Высота плиты 120 см. Кладка от плиты на 0-2 м 40 см длинны, при ширине – 20 см. Длинна кладки на W – 1 м 30 см. при ширине 80 см…. Перед вертикальной плитой имелось обожженное место, на котором снизу ясно обозначался красный слой обожженной глины, а сверху толстый слой золы и углей этот слой находился под каменной кладкой; т. обр. надо думать, что сначала перед плитой был разложен огонь, а затем положены камни на место огнища. После обмера и описания памятник был разрушен при чем оказалось, что он был поставлен непосредственно на почвенный слой; в каменной кладке на месте кострища обнаружено 2 неолитических черепка ниже был слой эруптивных (?) пород состоящий из плотной глины и обломков окрестных гор в виде кусков плитняка неправильной формы. Этот слой был пройден на глубину 1 м 10 см. в виде траншеи в 2 м 20 см длинны и 1 м 15 см ширины. Траншея ничего не дала кроме уверенности, что этот слой земли под памятником ненарушенный… Заключение о памятнике: это не могильное сооружение, но место мольбища, о чем говорит красноречиво огнище. По времени его следует отнести к неолитическому периоду – о чем говорят два неолит. черепка на огнище. Осмотр ближайшего яра, а также вырытый по соседству шурф, достаточно убедительный чтобы сказать на этом месте неолит. стоянки нет и следовательно черепки не могли попасть вместе с землей при устройстве памятника. Т. обр. отношу этот памятник к разряду мольбищных» [Ангарская экспедиция 1934 г... Л. 38-42]. Памятник был тщательно зарисован в трех проекциях, но, к сожалению, не снабжен планом местности. Установить даже примерное местоположение этого сооружения не удается, так как топоним «Бакланий Луг» уже вышел из употребления.

Отрядом осматриваются пади к северо-востоку от Котов. В падях Большая и Малая Варначка археологический материал обнаружен не был. На плоскости луговины в пади Малая Сенная, возле мыса Сибирякова, было заложено не менее пяти шурфов и в шурфе № 5 обнаружено самое большое количество находок: керамика и жженые кости животных. На крайней точке мыса Сибирякова в обнажении обнаружены кости (в том числе и роса sibirica), керамика и каменные изделия. На южной части мыса найдено большое кострище, содержащее кости, угли, кремневую индустрию и развал сосуда. В пади Большая Сенная на первой луговой террасе на уровне 2 м от Байкала обнаружена стоянка. Был заложен шурф в 1 м2, в котором на глубине 0,32 м от поверхности были обнаружены керамика, кости и кремневые орудия. Площадь распространения материала определена 50 м2. Объект был определен как перспективный для дальнейших исследований.

В падях «Жилище», «Глубокая», «Черная», располагающихся юго-западнее поселка Большие Коты археологический материал не был обнаружен и Б.Э. Петри делает предположение, что в пади «Средняя» могут содержаться культурные остатки, но сильная залесенность поверхности террасы помешала раскопкам.

Последними работами на Байкале в 1934 г. можно считать раскопки стоянки «Рогатка», находящейся уже в истоке реки Ангары. Этот объект уже был открыт и частично раскопан в 1923 г. И.И Веселовым и П.П. Хороших. Очевидно в местности, где находится стоянка, еще сохранились на 1934 г. остатки раскопов. Б.Э. Петри составил кроки пади, где обозначил свои раскопы, и что ценно, раскопы И.И. Веселова. На территории стоянки в те годы производилось строительство гранитного карьера «Байкалстроя», из-за чего весь правый борт пади был разрушен. На левом борту Б.Э. Петри обозначил на схеме перспективную площадь и, привязавшись к раскопу И.И. Веселова, вскрыл 3 м2. Стратиграфически стоянка была разделена на два разновременных слоя - верхний – «неолитический» и нижний – «переходный от палеолита к неолиту». В отчете нижний слой определен как «…аналогичный стадии Маглемозе или К'екинмеддингов западной Европы». Также сказано, что «Рогатка является первой пока находкой стоянки, где устанавливается in situ эта переходная от палеолита к неолиту стадия, быть может несколько более ранняя, чем Маглемозе и более поздняя, чем Азиль. Раскопки этой стоянки более чем необходимы вследствие катастрофического ее состояния, большого интереса ее как заполняющей hiatus между палеолитом и неолитом, и, наконец, вследствие крайне редкого появления этой культуры в Прибайкалье» [Археологические работы... Л. 9-11].

Через два года в 1936 г. Б.Э. Петри возобновляет раскопки «Рогатки». Всего в тот год обнаружено 1711 предметов [ИОКМ № 202]. Впоследствии к своим работам на Байкале он вернуться не смог.

За весь период с 1916 по 1934 гг., Бернардом Эдуардовичем Петри было открыто и исследовано 11 объектов археологии на самом южном участке юго-западного побережья Байкала. Не выясненным осталось, почему Б.Э. Петри не провел археологические работы на стоянках открытых в 1928 г. П.П. Хороших и В.И. Веселовым (падь Обухеиха, падь Тетериха). Байкальские исследования Б.Э. Петри показали, что каждая бухта, и каждый приустьевой участок байкальских падей содержит археологический материал.

Результаты этих работ – зачастую единственные в своем роде свидетельства о состоянии и археологическом содержании поврежденных, или вовсе утраченных древних поселениях и культовых местах. Тем важнее эти неполные дневники, краткие описания и разрозненные коллекции. Они представляют сейчас не только историографическую ценность (которая бесспорна), но и практическую, во многом увязываемую с современными работами. Благодаря тому высокому качеству, с каким производились тогда работы, в настоящее время появляется возможность продолжать их, опираясь на достоверные свидетельства, а не начинать исследования заново. В этой статье представлена только первая попытка анализа архивных материалов. Большое, глубокое исследование еще впереди. Располагая значительным объемом коллекций и письменной документацией, есть реальная возможность воскресить материалы раскопок и разведок сколь угодной давности. В полной мере это утверждение можно отнести к работам Б.Э. Петри, как представителю истинно академической науки о прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Автор выражает благодарность О.А. Чернявской – хранителю фондов ИОКМ, Г.В. Длужневской – заведующей архивом ИИМК, Д.В. Герасимову – сотруднику и Г.А. Хлопачеву – заведующему отделом археологии МАЭ, без помощи и участия которых данное исследование было бы невозможным.

[2]Аббревиатура СДО пока не расшифрована.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Ангарская экспедиция 1934 года. Работы профессора Б.Э. Петри на верхней Ангаре. Отчет, опись находок и дневник // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 225. 1934 г.

Археологические работы в районе проектируемых Байкальской и Бархатовской гидроэлектростанций // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 30. 1934 г.

Опись предметов из раскопок проф. Б.Э. Петри, Неолитическая стоянка на оз. Байкал. Байкальская биостанция Коты // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 246. 1926 г.

Раскопки Б.Э. Петри в Прибайкалье. Отчет и фотографии // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 141. 1927 г.

Раскопки профессора Б. Петри в 1926 г. Переписка и опись предметов из неолитической стоянки на оз. Байкал, биостанция Коты // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. 1926 г.

Сосновский Г.П., Петри Б.Э., Герасимов М.М., Окладников А.П. Отчет начальников отрядов о работах Ангарской экспедиции // НА ИИМК РАН. РА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. 1934 г.

КОЛЛЕКЦИИ

Музей Антропологии и Этнографии

Фонды МАЭ // Коллекция № 2624. Байкальская экспедиция. Иркутская губ. Западный берег Байкала стоянка в бухте Песчаная. Предметы неолитической культуры. 1916 г.

Иркутский Областной Краеведческий Музей

Фонды ИОКМ // Коллекция № 202. Оз. Байкал. Рогатка. 1936 г.

Фонды ИОКМ // Коллекция № 361. Оз. Байкал. Бухта Песчаная. Неолитическая стоянка № 2. 1919 г.

Фонды ИОКМ // Коллекция № 362. Оз. Байкал. Бухта Песчаная. Неолитическая стоянка № 1. 1919 г.

Фонды ИОКМ // Коллекция № 363. Оз. Байкал. Бухта «Бабушка» (Песчаная). 1919 г.

Фонды ИОКМ // Коллекция № 364. Оз. Байкал. Бухта Песчаная: бухта Колокольная. 1919 г.

Фонды ИОКМ // Коллекция № 365. Оз. Байкал. Бухта Песчаная: бухта Сенная. 1919 г.

Фонды ИОКМ // Коллекция № 7784.

ЛИТЕРАТУРА

Петри Б.Э., Михайлов В.А. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – Пг., 1914. – Сер. 2, вып. 3.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сборник МАЭ. – Пг., 1916. – Т. 3.

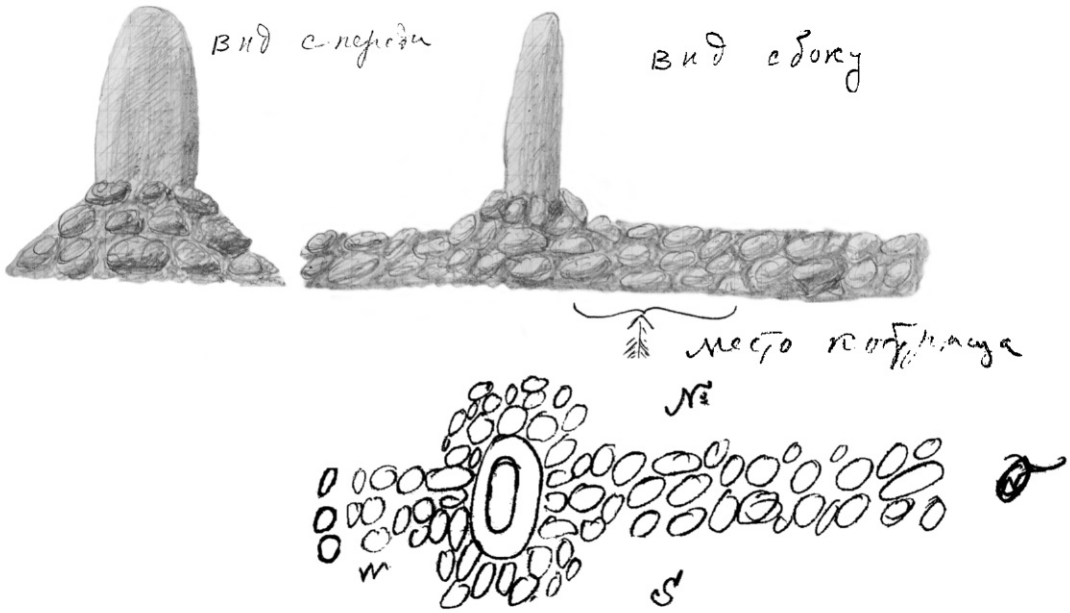
Петри Б.Э. Отчет Б.Э. Петри о командировке на Байкал в 1916г // Отчет о деятельности Академии Наук по отделению физико-математических наук, истории и филологии. – Пг., 1916.

Петри Б.Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета. – Иркутск, 1921. – Отд. 1, вып. 2.

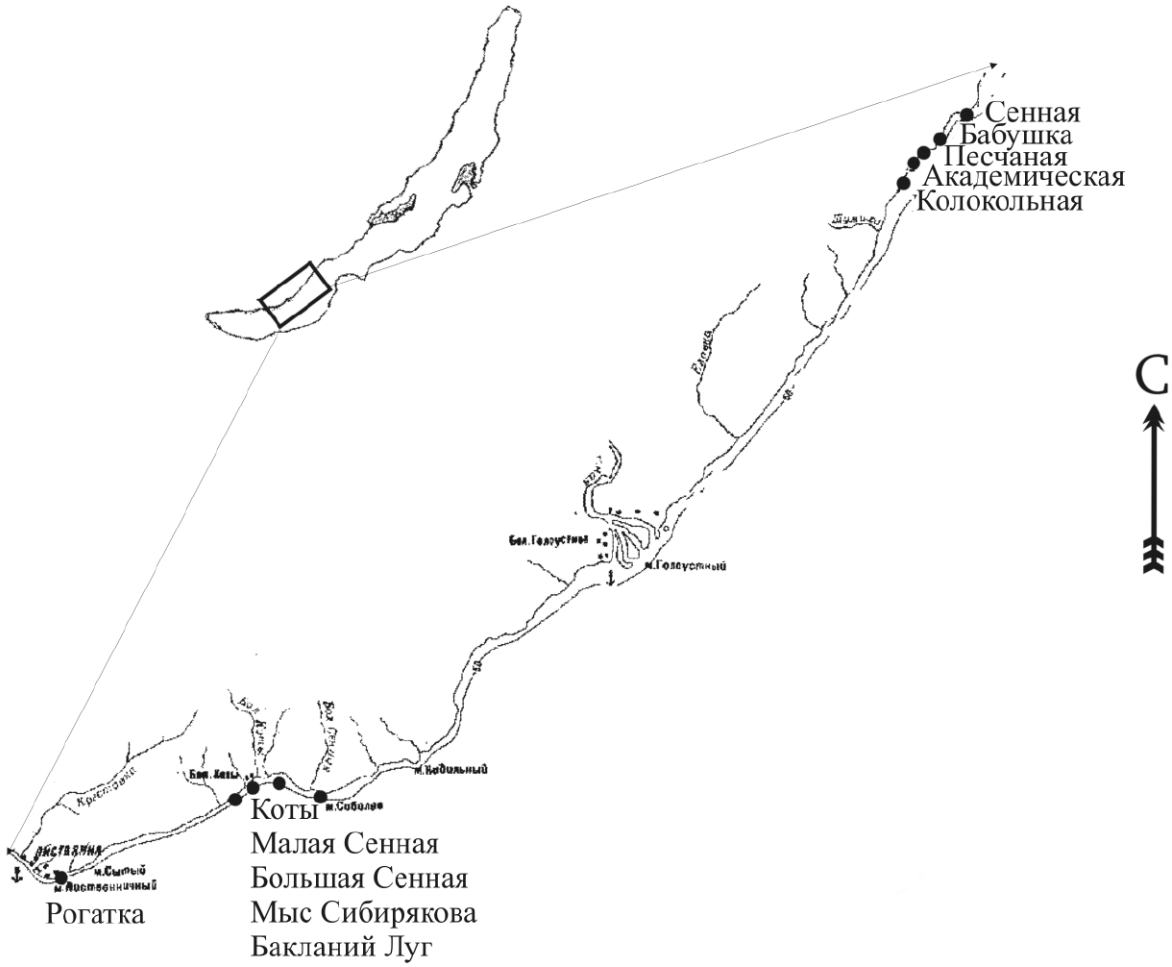
Петри Б.Э. Программа исследования стоянок под открытым небом. – Иркутск, 1923.

Петри Б.Э. Сибирский неолит. – Иркутск, 1926.

Савельев Н.А., Свинин В.В. К истории изучения каменного века побережья Байкала // Стратиграфия, палеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск, 1990.



Илл. 2 Каменная стела из местности “Бакланий Луг”. Рисунок Б.Э. Петри из дневника экспедиции за 1934г.



Илл. 2. Карта местонахождений открытых Б.Э. Петри на юго-западном Байкале

М.Ф. Матвеева[1], А.А. Сирина[2]
[1]Санкт-Петербург, зав. Архивом РГО
[2]Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ТРИ ПИСЬМА Б.Э. ПЕТРИ П.К. КОЗЛОВУ (ИЗ АРХИВА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА)

Бернгард Эдуардович Петри (1884-1937) — археолог, этнограф МАЭ (1910-1918), профессор Иркутского университета (1918-1930), основатель иркутской археологической школы.

Поскольку архива Бернгарда Эдуардовича Петри не существует из-за того, что он был репрессирован, любые новые документы, связанные с его именем, и тем более письма, представляют собой ценные источники, которые требуют изучения и публикации. Вместе с другими источниками они могут детализировать биографию Б.Э. Петри и пролить свет на историю научных археологических и этнографических исследований в Прибайкалье в 1920-30-е годы.

Поэтому мы решились опубликовать письма Б.Э. Петри в адрес Петра Кузьмича Козлова, которые хранятся в личном фонде П.К. Козлова (фонд 18) в архиве Русского Географического Общества в Санкт-Петербурге. Фонд насчитывает 2474 единиц хранения документов, переданных в 1938-1939 годах в архив Русского Географического Общества Елизаветой Владимировной Козловой (1892-1975), вдовой исследователя.

Петр Кузьмич Козлов (1863-1935) — путешественник, географ, исследователь Центральной Азии, действительный член Императорского Русского Географического Общества (далее — ИРГО) (с 1891), Почетный член ИРГО (с 1910 г.). Он был дважды награжден серебряной медалью ИРГО: за «полезные труды в экспедиции Н.М. Пржевальского» в 1886 г., и в 1891г. — серебряной медалью им. Н.М. Пржевальского за труды по изучению Центральной Азии. В 1902 г. был награжден Константиновской золотой медалью за Тибетскую экспедицию.

Среди обширного круга знакомых и корреспондентов П.К. Козлова был Петри, который с детства вращался в научных кругах, поскольку его отец, Эдуард Юльевич, был известным антропологом. Наверняка Б.Э. Петри был знаком с П.К. Козловым еще по петербургскому периоду жизни (1894-1917). Козлов был старше Петри более чем на 20 лет, и уже тогда был известен как знаменитый путешественник. Они могли встречаться на заседаниях ИРГО.

В декабре-феврале 1920-21 годов Козлов был в Иркутске в командировке от Наркомпроса и РГО с целью наладить связи с местными отделами и подотделами Географического общества. В следующий раз он приехал в Сибирь в качестве начальника Монголо-Тибетской экспедиции (1923-1926) в августе 1923 г. История этой непростой экспедиции, принесшей замечательные результаты, подробно описана [см. Андреев, Юсупова, 2001]. Судя по письму Петри от 10 мая 1924 г., он планировал поездку по Монголии и встречу с Козловым в Урге (Улан-Баторе). Они могли встретиться и позже, когда экспедиция Козлова возвращалась в Москву и Ленинград.

Три письма 1924, 1929 и 1930 годов дают срез времени: первое полно надежд на открытия и уверенности в будущем; второе — с внутренней тревогой и одновременно надеждой на продолжение исследований (тогда в Иркутске велась травля «старых» профессоров, выявлялись их связи с Колчаком); третье — короткое, в котором чувствуется настроение, охватившее университетских преподавателей, оказавшихся на улице после закрытия иркутского университета.

Письма снабжены комментариями. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.

19 10/V 24

Глубокоуважаемый и Дорогой Петр Кузьмич

Бесконечно радуюсь свиданию с Вами. В июне месяце я буду в Урге[1] и надеюсь Вас там застать. От т. Юдина[2] слышал о Ваших интересных раскопках курганов[3]. Я проеду нынче летом от Урги до Кобдо[4] и буду заниматься доисторической археологией и этнографией. Посылаю Вам через т. Юдина свою последнюю работу[5]. Рад был бы от Вас получить привет.

С уважением
Преданный Вам
Б. Петри
Адрес: Иркутск, Канцелярия, проф. Бернгарду Эдуардовичу Петри

19 3/VIII 29

№ 863

Дорогой и Глубокоуважаемый
Петр Кузьмич

На Ваше письмо от 31/V 29 собрался ответить лишь сейчас[6]. События последних двух месяцев дали мне покой только сейчас среди приволья бурятских степей. Мне казалось, что привет мой Вам отсюда выйдет много сердечный чем из пыльного города, где за последнее время не слишком уютно себя чувствуют прежние академические работники. У нас много передряг: Дорогостайского[7] лишили голоса, Хороших[8] тоже, другие ходят под угрозой чистки и т.д. Все приуныли. Никто не хочет ехать на летние исследования. Весною была реорганизация Университета, учебная и административная. Сменили ректора и деканата, переделали программу. После этого я уехал в Бурятию, где пребываю и сейчас: здесь веду раскопки. Раскопки 14 погребений, которые видимо принадлежат гуннам. Очень бы хотелось знать. Ваше мнение о возможности нахождения гуннов в Прибайкалье. Это не буряты, и не якуты. Очень богатые люди — шелк, серебро, жемчуг, золото, парча. Высокий длинноголовый народ.

В Иркутске разберусь с этим убором, а зимою лично буду у Вас, т.к. на ноябрь декабрь еду в Ленинград; получил командировку.

Надеюсь, что Вы теперь здоровы. 31/V Вы писали мне в постели, т.к. болели гриппом. Очень интересуюсь результатами экспертизы бляхи. Напрасно Вы ее дали Орбели И.А.[9] Ваше мнение не менее компетентно, чем Орбели, зато ответ скор, а в решении много интуиции, кот[орая] в археологии важнее кропотливых изысканий. Между тем мы здесь на окраине очень страдаем от того, что нам не помогают центральные ученые и Академия Наук в целом. Так добрейший академик А.Н. Самойлович[10] 5 лет читает две орхонские строки, найденные мною и т.д.

Что касается Кати Бохиной[11], то проф. Занченко уже не декан давно и уехал даже из Иркутска. На его месте А.М.Попов[12]. Я с ним беседовал. Он знает Вас и обещает сделать все возможное. Перед моим отъездом он мне сообщил, что дело Бохиной ушло в Новосибирск, куда и ей надлежит поехать, но видимо оно приняло благоприятный оборот. Хорошо было бы, если Катя сама зашла ко мне. Это было бы легче, чем переписываться через Ленинград. В случае нужды быть может я был бы ей полезен.

Радуюсь свиданию с Вами зимой. Надеюсь, что застану Вас в Ленинграде.
Глубоко Вас уважающий и преданный Вам
Б. Петри
Адр. Ирк. Университет Бернг. Эд. Петри

1/IV30

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

За нынешнюю зиму я не имел от Вас весточки. Рад был бы узнать что Вы делаете. Я всю зиму ездил и мало дома сидел, мало работал. Думал приехать в Ленинград и Вас навестить, да не доехал.

Не удалось ли Вам определить мою бляху с кентавром с р. Киренги? Я заканчиваю печатание Охоты у тунгусов[13]. Как выйдет — вышлю. С уважением преданный Вам

Б. Петри.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Ныне Улан-Батор, столица Монголии.

[2]В.И.Юдин — секретарь советского представительства в Монголии.

[3]Речь идет об открытии в урочище Ноин-Ула в 130 км к северо-западу от современного Улан-Батора 212 погребений гуннов (II в. до н.э.- I в. н.э.) эпохи Ханьской династии с богатейшим набором хорошо сохранившихся предметов культуры. Подробнее см.: Козлов, 2003; Руденко,1962; Козлов,1948; Боровка, 1925).

[4]монг. Ховд, город в западной Монголии, примерно в 1400 км к западу от Улан-Батора.

[5]Трудно сказать, о какой именно работе идет речь, т.к. в 1923 г. их вышло у него пять (по археологии и этнографии), а в 1924 г. — три (по бурятской этнографии).

[6]Письма П.К.Козлова к Б.Э. Петри пока не найдены.

[7]Виталий Чеславович Дорогостайский (1879-1938) — зоолог, охотовед, один из первых исследователей оз. Байкал. Окончил Московский университет. Профессор ИГУ. Репрессирован.

[8]Хороших Павел Павлович (1890-1977) — архивист, библиограф, музеевед, специалист в области бурятской этнографии. Окончил историко-филологический факультет ИГУ (1922). К.и.н., доцент ИГУ, сотрудник Иркутского краеведческого музея. Научный секретарь ВСОРГО (1928).

[9]Орбели Иосиф Абгарович (1887-1961), востоковед, акад. АН СССР (1935). Окончил Петербургский университет (1911). Директор Института истории материальной культуры (1937-39). Директор Эрмитажа (1934-51). Зав. ЛО Института востоковедения АН СССР (1956-61). Осн. труды в обл. языков, истории, культуры народов Кавказа и Закавказья.

[10]Самойлович Александр Николаевич (1880-1938), тюрколог, филолог-медиевист, знаток и исследователь старинных рукописей. Окончил Петербургский ун-т, где с 1907 г. преподавал тюркские языки. Ректор университета (с 1922). Член-корреспондент (с 1924), академик АН СССР (с 1929).

[11]в Тибето-Монгольскую экспедицию П.К.Козлов планировал взять двух заведующих караванами: А. Мадаева и А.У. Бохина (см.: Андреев, Юсупова, 2001). Возможно, что К. Бохина — это родственница А.У. Бохина.

[12]Попов Аркадий Михайлович (1883-1937) — педиатр. Окончил Петербургскую военно-медицинскую академию. Участник Русско-японской войны. В 1913 защитил докторскую диссертацию. С 1921 — преподаватель, с 1924 — профессор и зав. кафедрой педиатрии медицинского факультета ИГУ. Одновременно назначен гл. врачом Ивано-Матренинской детской больницы. С 1929 — декан медицинского факультета ИГУ.

[13]Б.Э. Петри. Охота у тунгусов. — Иркутск, 1930.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923-1926) // Вопросы истории естествознания и техники. — 2001. — № 2. — С. 51-74.

Боровка Т.О. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиций Академии наук. Краткие отчеты экспедиций по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. — Л., 1925.

Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923-1926 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев. — СПб.: Наука, 2003. — Т. 30. — (Серия «Научное наследство»).

Козлов В.П. Научное значение археологических находок П.К. Козлова // Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. — М., 1948.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962.

Л.Р. Павлинская
Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

БЕРНГАРД ЭДУАРДОВИЧ ПЕТРИ. ЭКСПЕДИЦИИ В ВОСТОЧНЫЕ САЯНЫ*

Экспедиции Бернгарда Эдуардовича Петри 1925-1928 гг. к народам Восточных Саян — тофаларам и сойотам Окинского района Республики Бурятия, где они проживали совместно с бурятами — в определенной степени уже освещены в этнографической литературе [Сирина, 1999, с. 68-72; Павлинская, 2002, с. 12-16; Рассадин, 2005, с. 11]. Однако роль этого исследователя в изучении культуры малых народов Саянского нагорья и его значительный практический вклад в их социально-экономическое развитие в один из самых сложных этапов истории нашей страны до настоящего времени не получил заслуженной оценки. Главное, что осталось за рамками исследований, посвященных деятельности Б.Э. Петри, это личность ученого, его характер, безграничная преданность своему делу.

Экспедиционные материалы Петри, его доклады и докладные записки в органы советской власти, а также переписка с представителями изучаемых им народов позволяют в определенной степени почувствовать этого человека, приблизиться к пониманию его видения той ситуации, в которой оказались эти народы в переломный период истории, понять его отношение к людям.

Вся деятельность Бернгарда Эдуардовича Петри с 1925 по 1930 гг. была связана с Комитетом содействия народностям северных окраин России (Комитет Севера), созданным в 1924 г. при Президиуме ВЦИК. В задачу комитета входило не только всестороннее изучение состояния малых народов России, главным образом, северных районов, но и непосредственное вовлечение их в строительство нового социалистического общества. Эта работа была возложена на этнографов, экономистов, врачей, партийных работников. Экспедиции носили комплексный характер, охватывая в своей работе все стороны жизни народов, а их руководителям были даны большие полномочия. В 1925 г. были созданы отделения Комитета Севера в Иркутске и Верхнеудинске (Улан-Удэ), внимание которых сосредоточилось на тофаларах (карагасах), окинских сойотах, тутуро-очеульских и канангских эвенках — народов, основным занятием которых было оленеводство и охота. Именно в отношении оленеводческого населения высокогорных таежных районов особенно жестко советской властью был поставлен вопрос о переводе их на оседлость, что объяснялось труднодоступностью мест их проживания и постоянными перекочевками населения.

Экспедиции к этим народам возглавил Б.Э. Петри. К этому времени Петри, бывший сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге волею судеб оказавшийся в Иркутске, являлся уже известным этнографом, археологом и антропологом, профессором кафедры первобытной культуры Иркутского государственного университета, членом Иркутского отделения Комитета Севера [Сирина, 1999, с. 65, 68].

В 1925 г. состоялась первая экспедиция Б.Э. Петри по линии Комитета Севера к тофаларам Тулунского округа. Основанием для этой экспедиции послужила обеспокоенность Иркутского отделения Комитета Севера и некоторых органов советской власти тем бедственным положением, в котором к 20-м годам оказались тофалары. Их оленеводство и охотничий промысел пришли в упадок, что было связано с бесконтрольной эксплуатацией их как со стороны русских переселенцев, так и со стороны бурят Окинского района Бурятии, примыкающего к Тофаларии с юга. Кроме того, кочевой образ жизни тофаларов отрицательно воспринимался советской властью, так как затруднял выполнение фискальных требований государственного управления. Перевод

кочевников на оседлость (в идеале внедрение земледелия) стал одним из ключевых вопросов в программе дальнейшего строительства советского общества в Сибири. Ставился он и в отношении Тофаларии. Б.Э. Петри, прежде всего как этнограф, прекрасно понимал, что развитие земледелия в горно-таежных районах Саян невозможно, а насильственная смена хозяйственно-культурного типа таежных охотников-оленеводов самым пагубным образом отразится на народах, приведет их к деградации и полной ассимиляции. Поэтому всю свою деятельность он посвятил отстаиванию прав малочисленных оленеводческих народов Восточных Саян на сохранение своей самобытной культуры.

Результатом экспедиции 1925 г. и последующих были подробные отчеты о состоянии хозяйства тофаларов, условий их быта, степени обеспечения необходимыми товарами, взаимоотношении с органами власти и соседними народами (русскими и окинскими бурятами), которые вылились в целую серию публикаций. Но, главное, Б.Э. Петри предпринял целый ряд конкретных серьезных мер, обеспечивших поддержку их хозяйства и улучшение социальной жизни. Прежде всего, он переносит строительство культбазы, которые тогда рассматривались как первые административно-культурные центры оседлости среди кочевого населения, с р. Сасырка на 240 верст, вглубь горной тайги в местность Алыджэр при слиянии рек Уды и Карабурэна. Объясняя это следующим обстоятельством: «место (на р. Сасырка — Л.П.) неудачное, кругом поселки русских новоселов, приехавших из Могилевской, Минской и Витебской губерний. Тут процветало самогоноварение, которым вообще славится Тулуновский округ. Карагасы, приезжающие на культбазу — попадали в руки самогонщиков» [АОКМИ, ф. 9904, оп.1, д.104, № 9, л.6].

Однако Б.Э. Петри не ограничивается этим, а проводит серию мероприятий по охране тофаларов от хищнической скупки пушнины. В своем докладе на заседании Сибохотсоюза 9 января 1929 г. он дает анализ экономического положения тофаларов: «Если сравнить доход хозяйства карагасов с доходом русского крестьянина, то разница получится огромная (возможный доход карагасского охотника от продажи пушнины Петри оценивал от 565 до 1000 рублей — Л.П.), а между тем мы видим, что карагасы бедствуют. Нерационально сбытая пушнина, бестолково приобретенные продукты и предметы первой необходимости приводят к тому, что в их хозяйстве кругом недохватки. … Главным виновником бедственного положения карагас являются частники, и во вторую агенты Госторгов. … Необходимо урегулировать закуп-сбыт карагас. Для этого мы, начиная с 1925 г., изгнали из Карагассии всех частников. Мы изолировали карагас от окинских бурят и заготовителей госторговли, и оставили исключительно охот-кооперацию, предоставив ей исключительное право торговли с карагасами» [АОКМИ, ф. 9904, оп.1, д.104, № 9, л.5].

Строительство кульбазы Б.Э. Петри разворачивает с большим размахом. За три с лишним года здесь возводится 20 небольших домов (по выражению Петри — избушек), в которые переселяются наиболее бедные тофалары, имеющие в хозяйстве 3-5 оленей. Богатые тофалары, содержащие до 40 оленей, как постоянно подчеркивает в своих докладах исследователь, не могут вести оседлый образ жизни, и поэтому продолжают кочевать со своими стадами. Перенос культбазы в отдаленное от русских поселков место и другие меры, предпринятые Петри, привели к ощутимым результатам. В его докладе на заседании Сибохотсоюза мы читаем: «Жизнь карагасов в значительной степени начинает налаживаться: в течение зимы и лета семья живет в избушке, а на период промысла мужчины выезжают на промысел на оленях … Как будто на культбазе все пока строится благополучно и карагасы довольны теми условиями жизни, которые мы им создали, во всяком случае после постройки 20 избушек поступили заявки еще от 25 хозяйств» [Там же, л.10].

К сожалению, Б.Э. Петри не сообщает, какими силами были осуществлены столь грандиозные и жесткие меры по охране и налаживанию хозяйства и шире — жизни тофаларов, которые на какой-то период, безусловно, способствовали выживанию этого малочисленного народа. Возможно, Петри помогали и органы советской власти, и, конечно, участники экспедиции, и, на-

конец, сами тофалары, но без сомнения во главе всей этой колоссальной деятельности стоял сам Бернгард Эдуардович.

С какими трудностями приходилось Б.Э. Петри сталкиваться в Тофаларии косвенно свидетельствует один из отрывков его доклада 1929 г. Рассказывая об организации охотничьего промысла тофаларов, он замечает: «Правда, в нынешнем году (1928 — Л.П.) были допущены ошибки: кроме карагас в пределы карагасского охотхозяйства, в нынешнем году было допущено 200 русских промышленников, которые протащили еще 800 не допущенных и идет такое же массовое истребление зверя, как велось до сих пор, но в ближайшие год-два хозяйство карагас будет налажено и можно будет перейти к правильному отстрелу зверя» [АОКМИ, ф. 9904, оп.1, д.104, № 9, л.20].

Как упоминает выше в своем докладе Б.Э. Петри, значительная часть русского населения в Тофаларии была «новоселами», т.е. жителями Европейской части России, переселившимися в Сибирь в результате реформ П.А. Столыпина в 10-х г.г. XX в. Это пришлое из разных губерний России население еще не осознавало Сибирь своей родной землей, в отличие от ее старожильческого русского населения в достаточной степени смешанного с ее автохтонными этносами и в течение многих поколений проживавшее на сибирской земле, которая стала им Родиной. Отсюда совершенно иное отношение «новоселов» и к природе Сибири, и к коренному населению. Это и варварское истребление зверя, и презрение к местным жителям, их спаивание, мошенническая скупка пушнины и т.п. И со всем этим пришлось бороться Б.Э. Петри. Он проделал огромную работу: ограничил контакты тофаларов с русским пришлым населением, создал социально-культурный национальный центр в Алыджэре, укрепил охот-кооперацию, оградив тофаларских охотников от частных скупщиков пушнины и государственных заготовителей, тем самым намного повысив их уровень жизни. Он приложил огромные усилия к сохранению их традиционного хозяйства, постоянно доказывая на всех уровнях власти, что охотниче-оленеводческое хозяйство при правильном его ведении рентабельно, а природные условия Саянского высокогорья совершенно непригодны для земледелия, и, следовательно, здесь невозможен оседлый образ жизни. Все его помыслы были направлены на сохранение самобытной культуры тофаларов. Пытаясь усилить свои доводы относительно необходимости развития в Тофаларии оленеводства, он предлагает расширить его, отмечая: «Кроме того, здесь можно было бы разводить маралов. Карагасы очень хорошо ходят за оленями, следовательно сумеют обихаживать маралов, они очень любвеобильны к животным …» [Там же, л.11].

Но самым важным результатом работы Б.Э. Петри и его экспедиции явилось присвоение тофаларам статуса малочисленного народа Севера, давшего им определенные льготы и поддержавшего жизнеспособность этноса, сохранившего, хотя и не в полном объеме, традиционное хозяйство и национальное самосознание до наших дней.

Однако задачу, которую поставил перед собой Б.Э. Петри, была значительно шире, чем спасение только тофаларов и их культуры, он хотел в целом сохранить саянское оленеводство, издревле существовавшее в этом регионе, и тот тысячелетний хозяйственно-культурный опыт, накопленный автохтонным населением Восточных Саян.

Летом 1926 г. Петри отправляется к сойотам Окинского района (хошуна) к этому времени вошедшего в состав недавно созданной Бурят-Монгольской Автономной республики, а до этого относящийся к Иркутской губернии, попутно обследуя и сойотов, проживающих в Тункинском районе Бурятии. В состав экспедиции входили этнограф и ученик Петри П.Г. Полтораднев и врач С.Д. Сависский. Главной задачей экспедиции, как писал сам Петри, было полномасштабное статистико-экономическое, бытовое и медико-санитарное обследование сойотов. «Это обследование — писал ученый — имело двоякую цель:

1. Выяснить возможность выделения сойотов в самостоятельную хозяйственно-административную единицу, с созданием у них кульбазы.

2. Выяснение положительных и отрицательных сторон перехода сойот, как оленеводческого народа, к новым формам хозяйства — скотоводству и земледелию» [ГАИО, ф.1468, оп.1, д.7, л.164 об.].

Как мы видим, первоочередной задачей Б.Э. Петри было создание национально-культурного центра среди сойотов и предоставление им хозяйственной автономии, что было, по всей видимости, связано с его беспокойством по поводу социально-экономического давления на них со стороны бурят, проживающих совместно с сойотами и занимающих в районах доминирующее положение. В их руках находилось административное управление районом, а также сосредоточены основные нити торговли, связывающие Окинский район с Тофаларией, Иркутском, Бурятией и Монголией [Павлинская, 2002, с. 54]. Подробных сведений о торговых отношениях окинских бурят с сойотами в документах не сохранилось, но о торговле с тофаларами известно многое. По сообщению охотоведа Тулунского округа М. Калашникова, исследовавшего систему снабжения тофаларов необходимыми товарами в 1927 г., известно, что: «Вообще бурятские товары имеют наценки от 30% до 150%. Нами зарегистрированы многочисленные случаи эксплуатации бурятами карагас. …По подсчетам карагаса Изотова в минувшем году к бурятам ушло 90 соболей от карагас восточной группы, в то время как сдано в кооператив 114 соболей. … Подобная торговля карагас с бурятами имеет еще то отрицательное государственное значение, что большинство пушнины, кабарговой струи и все панты из рук бурят, по-видимому, уходят контрабандой в Монголию и Китай» [ГАИО, ф.1468, оп.1, д.7, л.11об.]. Есть все основания полагать, что нечто подобное происходило в торговых отношениях бурят с сойотами. Будучи хорошо знакомым с торговыми сделками в Тофаларии, Б.Э. Петри понимал острую необходимость защитить и сойотов от произвола социальной верхушки бурятского общества Окинского района.

Второй задачей экспедиции было выяснить воздействие на состояние сойотов перехода их к иному хозяйственно-культурному типу — скотоводству и земледелию. Скотоводство существовало у сойотов Окинского района, занимающего Центральное плато Восточных Саян с его остепненными долинами рек и почти повсеместным распространением вечной мерзлоты, земледелие — в Тункинском равнинном районе Присаянья. Более того, в Оке практически не было русского населения, Тункинская же долина уже давно была освоена русскими с их земледельческой культурой.

В ходе работы экспедиции по обследованию хозяйства сойотов было выявлено четыре группы: оленеводы, промежуточная группа, сочетающая оленеводство и скотоводство, скотоводы и земледельцы. При этом были обнаружены существенные различия в экономическом и социальном состоянии каждой из этих групп. Результаты обследования промежуточной группы сойотов Окинского района превзошли все ожидания Б.Э. Петри. В 1929 г. на заседании Правления Сибохотсоюза он сообщал, что окинские сойоты под влиянием бурят постепенно переходят к скотоводству, а точнее «выработали свой особый тип хозяйства, в котором скотоводство прекрасно сочетается с оленеводством и который является оптимальным для коренных народов Восточных Саян» [ГАИО, ф.1468, оп.1, д.7, л.8-10].

Медицинское обследование этой группы сойотов дало основание для заключения, что «переход от оленеводства к скотоводству они переносят хорошо, увеличиваются в весе, прибавляется количество детей, социальных болезней мало. Сойоты скотоводы производят впечатление крепкого, зажиточного народа» [Там же, л.7]. Совершенно иная ситуация была выявлена экспедицией Б.Э. Петри в Тункинском районе среди сойотов-земледельцев. «Малорослость, ослабленное питание, большая детская смертность, главным образом от туберкулеза, и вымирание характеризует эту группу» — докладывал он в 1929 г. на заседании Сибохотсоюза в Иркутске.

Экспедиция работала по специальной программе разработанной Б.Э. Петри, которая охватывала все стороны жизни народа и позволяла самым тщательным образом исследовать весь процесс его хозяйственной деятельности. Изучение сойотов Окинского района, а именно проме-

жуточной группы, привело Петри к выводу, что модель данного ХКТ можно положить в основу развития всех коренных народов Саянского высокогорья и тем самым обеспечить им благополучное будущее. В 1927 г. он отправляет подробный отчет о состоянии окинских и тункинских сойотов в Комитет Севера в Москву, и в марте 1928 г. сойоты вносятся в реестр малочисленных народов Севера. Однако ЦК Бурят-Монгольской АССР на это постановление не отреагировал, и сойоты не получили этого статуса. Петри борется за сойотов до 1930 г., продолжает писать докладные записки в Комитет Севера, в его Верхнеудинское отделение, делает доклады в Иркутске. К нему приезжают делегации сойотов из Оки и Тунки с обращениями в Комитет Севера, которые Петри пересылает в Москву. Но все его усилия оказываются безрезультатным.

Мечте Бернгарда Эдуардовича о присвоении сойотам статуса малочисленного народа Севера так и не суждено было осуществиться. И причина этому была одна — образование Бурят-Монгольской АССР, в состав которой был включен Окинский район. Дело в том, что бурятская интеллигенция в этот период была заражена идеей панмонголизма, что вполне естественно для молодого бурятского этноса, находящегося в стадии этнического подъема [Павлинская, 2008, с. 38]. Поэтому деятельность Б.Э. Петри, как представителя Иркутского отделения Комитета Севера при уже существующем Буркомсевера, а главное, создание национальной автономии сойотов, вызвали у местных властей и, в частности, руководителей Буркомсевера крайне негативное отношение.

В одном из документов, направленных Буркомсевера в Иркутск мы читаем: «Проведенная работа профессора Петри открыла сойотское кулачество и активизировала его в особенности по вопросу самоопределения. Петри опирался на кулацкую верхушку и объективно поддерживал неверное настроение сойотов о том, чтобы выйти из состава Бурреспублики, свободно торговать с Урянхаем и Монголией, сбывать пушнину туда, куда понравится, избавиться от коммунистов — это по сути дела кулацкие требования, и инициатива в этом деле принадлежала исключительно кулачеству» [НАБР, ф. 248, оп. 7, д. 9, л. 255].

В этом документе почти все передернуто. В требованиях сойотов ни слова не говорилось о свободной торговле пушниной, наоборот они обязывались сдавать ее в кооператив, не касались они и вопроса о коммунистах, во всем признавая советскую власть. Они лишь требовали статуса малочисленного народа Севера и связанных с ним льгот [ГАИО, ф.1468, оп. 1, ед.хр.24, л. 66].

Тем не менее, обвинение Б.Э. Петри в «пособничестве кулачеству» не могло ни отразиться на судьбе ученого. В мае 1937 г. Петри был арестован и, хотя он обвинялся в сотрудничестве с германской разведкой, его деятельность по присвоению сойотам статуса малочисленного народа Севера не прошла даром. В ноябре 1937 г. Б.Э. Петри был расстрелян.

В Областном краеведческом музее г. Иркутска хранится документ Комитета государственной безопасности Управления по Иркутской области датированный 25 апрелем 1991 г. за № 9/3-10136 [АОКМИ, Вс. 5978, л. 1]. Его текст гласит:

«По архивным материалам установлено, что Петри Бернгард Эдуардович, 1884 г.р., уроженец г. Берн/Швейцария, гражданин СССР, беспартийный, с высшим образованием, профессор, член-корреспондент академии материальной культуры СССР, до ареста — научный сотрудник орготдела Восточно-Сибирского облисполкома, проживал в г. Иркутске, по ул. Ленинская 11-26, кв. 3.

Арестован органами НКВД 28 мая 1937 г. Необоснованно обвинялся по ст. 58-I а УК РСФСР в том, что якобы он являлся агентом германской разведки, по заданиям германских разведывательных органов на территории СССР проводил большую разведывательно-диверсионную работу. Постановлением НКВД СССР и прокурора СССР от 14 ноября 1937 г. приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 25 ноября 1937. Сведений о месте смерти и захоронения в архивных материалах не имеется.

По определению военного трибунала Забайкальского военного округа от 19 июня 1959 г. постановление НКВД СССР и прокурора СССР от 14 ноября 1937 г. в отношении Петри Бернгарда Эдуардовича отменено за недоказанностью обвинения. Петри Бернгард Эдуардович реабилитирован посмертно.

Начальник подраздела КГБ (подпись)

В.П. Гаврилов»

Приведенные выше документы и вся деятельность Бернгарда Эдуардовича Петри по защите прав малочисленных народов Восточных Саян раскрывают его как человека сильного, честного, целеустремленного, в высшей степени эмоционального и, конечно, бесконечно преданного тем народам Сибири, которым он посвятил свои исследования.

**В настоящей статье в использованных документах орфография и синтаксис соответствуют оригиналам.*

ЛИТЕРАТУРА

Архив Областного Краеведческого музея г. Иркутска (АОКМИ) — ф. 5978, 9904.

Государственный Архив Иркутской области (ГАИО) — ф. 1468.

Национальный архив Бурятской республики (НАБР) — ф. 248.

Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. — СПб.: Изд-во Европейский Дом, 2002. — 260 с.

Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII-XIX вв.). — СПб.: Изд-во Европейский Дом, 2008. — 255 с.

Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии // Репрессированные этнографы. — М.: Вост. лит., 1999. — С.57-81.

Рассадин И.В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. — Улан-Удэ, 2005. — 203 с.

Н.А. Савельев, А.С. Пержакова
Иркутск, Иркутский государственный университет

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ХОРОШИХ (1890-1977 гг.). ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.

Почти каждый исследователь, работающий по археологии и этнографии Сибири, встречается с многочисленными публикациями П.П. Хороших, одного из первых учеников Б.Э. Петри. Практически не известна судьба и жизненный путь этого неутомимого, активного сибириеведа, краеведа, популяризатора науки, человека широко известного в 20-60 гг. XX столетия как среди горожан г. Иркутска, так и среди широких слоев населения Сибири.

Данная статья базируется на многочисленных неизвестных архивных материалах и восполняет имеющийся пробел.

Павел Павлович Хороших родился 30 мая 1890 г. в семье казака Иркутско — Спасской станицы, ко времени рождения сына служащего в г. Иркутске (где именно не известно). О матери Павла Павловича практически также ничего не известно. Она умерла, когда ему было восемь лет [Архив ГУ ФСБ по Иркутской области, д. 14534, л. 1]. Косвенно возможно предположить, что она была уроженкой г. Иркутска из известной в городе семьи Арембовских. Об этом упоминает и сам Павел Павлович, называя на допросе 17 февраля 1931 г. органам ОГПУ единственного к тому времени живого самого близкого родственника Арембовского Иосифа Львовича, а также племянника Иосифа Арембовского [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 12]. В семье были братья и сестра, но в 1920-е гг., как сообщает Павел Павлович, они все скончались, умер и отец в 1920 г. «Учиться я начал с 9 лет, в 1909 г. окончил городское 4-х классное училище» [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 4].

В 1910 г. Павел Павлович уезжает в пос. Дарасун (по-видимому, к кому-то из родственников) в Забайкалье, где начинает свою трудовую деятельность на Дарасунских золотых приисках в качестве конторщика и чертежника. В этот период он приобретает навыки искусного рисовальщика, которые впоследствии ему значительно помогают при работе с этнографическими и археологическими материалами [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 4-5]. В 1914 г. Хороших возвращается в Иркутск для лечения тяжелого глазного заболевания и заикания. После лечения он начинает работать на костеобжигательном (клееваренном) заводе в селе Тельма Иркутской губернии кассиром и конторщиком (ныне пос. Тельма Усольского района Иркутской области). Совладельцем этого небольшого предприятия, по-видимому, был его отец Павел Хороших [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 4; д. 8890, л.21].

В 1917 г. он был призван на военную службу в первый Иркутский казачий полк, в качестве нестроевого, в Иркутскую казачью сотню, дислоцирующуюся в г. Ачинске. Как «нестроевой» П.П. Хороших принимает активное участие в общественной жизни, становится председателем сотенного казачьего комитета [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 5]. В мае 1917 г. П.П. Хороших командирован сотней в школу прапорщиков г. Иркутска и оканчивает ее в октябре 1917 г. Время обучения в школе и период окончания ее (октябрь — декабрь 1917 г.) совпадает с хорошо описанными сибирскими историками событиями по установлению в городе Иркутске Советской власти.

На вопрос следователя ОГПУ Витковского 17 февраля 1931 г.: «Вы, будучи в школе прапорщиков, принимали участие по защите власти Керенского» Хороших П.П. ответил: «Я в тот период был болен, лежал больным там же в школе, но также не разделял этого выступления» [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 7].

Было ли это на самом деле так, как указывает П.П. Хороших, осталось на его совести.

После декабрьских событий школа прапорщиков была разоружена и распущена, П.П. Хороших возвращается в пос. Тельма на клееваренный завод. О его политической позиции в то время можно судить по его статье, опубликованной в газете « Свободный край» в 1918 г., где он писал: «Наконец-то наше село (Тельма) освободилось от узурпаторов — большевиков. Население переживает большой праздник. Организовался культурно-просветительский кружок. Население с ужасом вспоминает дни совдепии». [Архив ГУ ФСБ, д. 8890, л. 23].

В июле 1918 г. прапорщика П.П. Хороших мобилизуют в ряды армии Колчака. В армии он прослужил с 26 июля 1918 г. по 10 марта 1920 г. в нестроевой должности заведующего бухгалтерским отделом в войсковом правлении Иркутского казачьего войска в звании хорунжего [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 5, 9; д. 8890, л. 4] Как протекала служба, мы можем судить только со слов Хороших. Так он упоминает, что первый казачий полк под командованием подполковника Могилева, к которому он был приписан, не выступал против красных, а одна сотня этого полка была в составе красной армии.

В 1919 г., по словам П.П. Хороших, он арестован Колчаком за отказ идти на фронт против партизан. За что был приговорен к двум годам лишения свободы. Просидел 4 месяца, затем был освобожден и вернулся на прежнюю должность.

С приходом советской власти в г. Иркутск в марте 1920 г. первый Иркутский казачий полк преобразуется в первый Советский и направляется в Забайкалье на борьбу с формированиями атамана Семенова. В качестве рядового этого полка в военных действиях у станции Хилок принимает участие и Павел Павлович. [Архив ГУ ФСБ, д. 14534. л. 5, 9].

В июле этого же года он избран членом исполкома казачьих депутатов и возвращается в г. Иркутск. Наступает новый период в жизни Павла Павловича Хороших.

В конце 1920 г. по направлению первого казачьего полка и войскового правления Иркутского казачьего войска, он командируется в Иркутский государственный университет в качестве студента историко-филологического отделения гуманитарного факультета (в 1921 г. — ФОН — факультет общественных наук и педагогический факультет). Собственно вольнослушателем университета П.П. Хороших становится еще в 1919 г. Став полноправным студентом, он активно включается в научную студенческую деятельность, начав заниматься этнографией и археологией под руководством профессора Бернгарда Эдуардовича Петри, заведующего кафедрой первобытной культуры ИГУ. Его работа осуществляется в рамках «Кружка народоведения», созданного Б.Э. Петри 30 марта 1919 г. В 1921-1923 гг. П.П. Хороших становится вторым после Е. Титова (выпуск 1920 г.) председателем этого кружка. Свои первые самостоятельные полевые исследования по изучению бурятского населения и археологии Хороших проводит в 1921 г. в Балаганском крае и Ольхонском районе на оз. Байкал в 1921-1923 гг. Он становится научным сотрудником Иркутского научного музея (1922 г.), а так же действительным членом ВСОРГО в 1920 г.

В 1923 г. П.П. Хороших оканчивает Иркутский университет, представив к защите кандидатскую диссертацию (так тогда называлось дипломное сочинение) по теме «Первый бурятский ученый Доржи Банзаров». Работа была представлена в виде отдельной брошюры, опубликованной в г. Иркутске в 1922 г. [Хороших, 1922, с. 28]. Помимо этой публикации в активе Павла Павловича было к 1924 г. уже 19 статей и рецензий, размещенных в различных изданиях и газетах. Именно в это время определяется и круг его научных интересов — этнография бурятского, якутского народов, археология, библиография и историография.

По-видимому, исходя из этих достижений Павла Павловича, профессор Б.Э. Петри, рекомендует оставить его в качестве профессорского стипендиата при кафедре Истории Первобытной культуры считая, что из «…П.П. Хороших выработается дельный научный работник» [Архив ИГУ оп, 45, 42, д. 835, л. 13].

13 октября 1923 г. согласно резолюции ГлавПрофбюро П.П. Хороших утвержден в должности научного сотрудника 2 разряда и приступает к сбору материалов к диссертации по теме «Древности Ольхонского края под руководством Б.Э. Петри [Архив ИГУ, д. 835, л. 15-17]. По мнению руководителя, тема носила предварительный характер и, судя по всему, должна была уточняться после переезда П.П. Хороших в Москву, где ему предстояло работать под руководством Д.Н. Анучина, В.А. Городцова и В.И. Харузиной [Архив ИГУ, д. 835, л. 13]. Но, судя по результатам командировки П.П. Хороших в Москву и Ленинград 15.03-30.05.1924 г. предполагаемый переезд не состоялся [Архив ИГУ, д. 835, л. 20-21].

В то же время Б.Э. Петри считает что «Хороших по преимуществу этнограф, а археологией занимается попутно и еще маловато в ней смыслит, особенно в делах палеолитических, так как ему не хватает познаний ни в области геологии, ни палеонтологии» [Архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 14, д. 159, Письмо Петри Городцову В.А. от 25/XII 1924 г., л. 7-9].

По-видимому, происходит корректировка темы в сторону ее большей этнографической направленности и интересов самого П.П. Хороших — «Этнография западных бурят», что и отражается на тематике его публикаций в 1924-1930 гг., из 50 работ 30 посвящены бурят-монгольской направленности, а так же на характере его полевых исследований в эти же годы в традиционных районах проживания бурятского населения в Прибайкалье — Ольхон — Куда — Баргузин — Балаганск — Тунка — Аларская долина, Боханский район и т.д., проводимых в первую очередь для сбора данных по духовной и материальной культуре, религии бурят и «попутно» археологии.

В 1925 г. после окончания аспирантуры при кафедре Первобытной Культуры П.П. Хороших прикомандировывается к кафедре истории Сибири (зав. кафедрой Н.Н. Козьмин), но при отсутствии на ней ставки он избирается на должность младшего ассистента на кафедру краеведения, на которой работает до 1929 г. читая курсы краеведения и истории хозяйства и культуры бурятского народа [Архив ИГУ, оп. 45 д. 835, л. 41, 50].

Одновременно с преподавательской деятельностью П.П. Хороших с 21 марта 1923 г. становиться научным сотрудником 1 разряда открытого при ИГУ в 1923 Биолого-Географического научно исследовательского института как этнограф и археолог. В этой должности и должности ученого секретаря института он пребывает до 10 февраля 1931 г. [Архив ГУ ФСБ д. 8890, л. 12]. Помимо занятия университетских должностей П.П. Хороших «служит», как он образно выражается, заведующим этнографического отдела Иркутского научного музея (1923-1926 гг.), ученым секретарем научно-издательского сектора Осавиахима крайисполкома (1928-1929 гг.) и наиболее активно на различных должностях в Восточно-Сибирском отделе Географического общества СССР, являясь даже в 1927-29 гг. заместителем председателя отдела и его ученым секретарем.

Так же он член или же заместитель председателя чуть ли не всех секций ВСОРГО: этнологической (пред. Б.Э. Петри и М. Азадовский), палеоэтнологической (с 1925 г. — председатель Б.Э. Петри и А.М. Попов), бурят — монгольской (с 1925 г. — председатель Н.Н. Козьмин), якутской (с 1927 г. — председатель Подгорбунский И.), байкаловедческой (с 1927 г. — председатель Н.Н. Козьмин и В.И. Дорогостайский) [Зуляр, 2000; 2002].

За свои труды, особенно в области этнографии бурят — монгольских народов он не раз отмечался различными дипломами и грамотами, а 4 мая 1927 г. центральный комитет географического общества СССР награждает его серебряной медалью общество за вклад в изучение народов Сибири [Хроника ИГУ, 1983, с. 130].

В тоже время очень активная внешняя деятельность П.П. Хороших, вызывала сомнения в его искренности, даже у близко работающих с ним людей. Об этом свидетельствуют протоколы допросов А.П. Окладникова, Н.Н. Козьмина, В.П. Хабаева, Я.Н. Ходукина, Р.А. Знаменской и др., вызванных в качестве свидетелей по делу П.П. Хороших, в которых все в один голос высказывали мнение, что он довольно приспосабливающаяся личность, ловко скрывающая свою антисовет-

скую сущность. Не малую роль сыграла в этой оценке и его служба в рядах Колчаковской армии, о которой знали все. В обвинительном заключении окончательная формулировка приведена следующим образом: «Хороших все время старается показать себя научным работником, идущим в ногу с Советской властью, а по сути дела являясь махровым контрреволюционером, тесно связанным с церковниками и реакционными профессорами Виноградовым, Азадовским, Львовым, Дорогостайским и др. [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 55-56]. Чуть позже некоторые обвинители П.П. Хороших — Я.Н. Ходукин, Н.Н. Козьмин, Р.А. Знаменская и др.- сами стали жертвами их же формулировок, но это было уже в 1937 г. Сам же Павел Павлович, который по другому мнению этих же свидетелей, никогда не вел политических разговоров и был очень скрытным человеком.

В 1929 г. П.П. Хороших, как бывший офицер белой армии, лишен права избирательного голоса, т.е. практически права на гражданство. Он очень бурно реагирует на лишение его права голоса и высказывает свое недовольство следующим образом: «Поход против научных работников в полном разгаре. Меня обвиняют в том, что я казачий офицер. Я горжусь тем, что был хорунжим. Я воспитал в себе уважение к чести мундира. Это меня и выдвигает среди коммунистической швали. Что мне их голос — нуль. Меня знают как ученого за границей, а они лишили голоса» [Архив ГУ ФСБ, д. 14534. л. 55-56].

Кстати о своих связях за границей П.П. Хороших упоминает постоянно. Хотя они состояли в следующем: будучи ученым секретарем ВСОГО он как администратор проводил обмен научными изданиями отдела с японскими и немецкими коллегами. [Архив ГУ ФСБ, д. 14534, л. 11-14]. Тем не менее, через агента ОГПУ с интересной кличкой «хохол» эти сведения от 3 марта 1929 г. становятся дополнительным свидетельством против П.П. Хороших, который и был арестован органами ОГПУ 17 февраля 1931 г. В предъявленном ему обвинении на первом допросе мы узнаем, что он привлекается к ответственности, как активный участник борьбы с Советской властью во время гражданской войны в качестве начальника карательного отряда в Бурят — монгольской республике и за антисоветскую деятельность в годы советской власти.

О деятельности П.П. Хороших, как начальника карательного отряда во время гражданской войны, органы ОГПУ основывались на свидетельских показаниях Казаковой А.И. — активной участницы партизанского движения в Сибири. В подтверждение своих обвинений А.И. Казакова ссылается на публикацию в журнале «Чехословацкий вестник» за 1920 г. о карателе хорунжем Хороших и сведениями частного характера, полученными ею в беседах с бывшим сотрудником особого отдела 5 Красной армии Г.А. Цейтлина1. Но тот ли этот Хороших или другой (ведь фамилия Хороших широко распространена в Сибири) так и остается загадкой?

Сам П.П. Хороших виновным себя не признал. По-видимому, не было прямых улик и у работников ОГПУ. Поэтому приговор, вынесенный особым совещанием при коллегии ОГПУ от 3 сентября 1931 г., несмотря на всю тяжесть обвинений по статьям 58-10-13 УК РСФСР, был очень мягким — по тем временам всего три года лишения свободы. Но даже этого было достаточно для того, чтобы П.П. Хороших, будучи или сильно напуганным, или чувствуя все-таки за собой вину, о чем мы никогда не узнаем, почти 13 лет с 1934 г. по 1947 г. ни разу не побывал в Иркутске [Архив ГУ ФСБ, д. 8890].

О жизни и работе П.П. Хороших в этот период имеется мало сведений. Автобиография Павла Павловича, написанная собственноручно им в 1950 г., прилагаемая к заявлению о снятии судимости, а так же десятки справок с мест работы, характеристик; сохранившихся в деле, существенно восполняют этот пробел [Архив ГУ ФСБ, д. 8890, л. 70].

Предоставим слово самому Павлу Павловичу. Вот выдержки из его автобиографии: «В феврале 1931 г. был арестован и по 18 июня 1933 г. находился в г. Новосибирске, где в управлении сибирских исправленных лагерей исполнял обязанности заведующего музеем Западно-Сибирского севера и научного сотрудника по изучению севера. За это время совершил ряд поездок на север.

Освобожден был досрочно. После освобождения, на правах вольнонаемного работал в управлении НКВД директором музея Западно-Сибирского севера до 1937 г., т.е. до закрытия музея. Одновременно работал старшим научным сотрудником института географии и экономики при Западно-Сибирском крайплане.

В 1935 г. был назначен начальником научной части экспедиции по покорению и штурму высочайшей вершины Алтая — Белухи. Вместе со всеми участниками экспедиции совершил восхождение на Белуху.

Награжден знаком «Альпинист СССР». За период с 1937 по 1942 г. состоял научным консультантом Новосибирского областного музея, старшим научным консультантом и лектором Западно-Сибирского экскурсионно-туристического управления, научным сотрудником альпинистских лагерей, директором Новосибирской областной станции туристов.

С 1942 по 1947 гг. работал старшим школьным инспектором Чаинского районного отдела народного образования Томской области, директором Чаинской станции юных натуралистов, научным консультантом Томского областного музея, заведующим кабинетом географии Томского областного института усовершенствования учителей.

С 1933 г. женат на гражданке Соколовой Марии Ивановне» [Архив ГУ ФСБ, д. 8890, л. 45].

Работая на разных должностях в Западной Сибири, П.П. Хороших продолжает свои занятия по археологии и этнографии. Даже в тяжелые для всей страны годы 1941-1945 гг. он ведет раскопки курганов и городищ на р. Обь, о чем свидетельствует выданный ему открытый лист в 1942 г. [Приложение 1]. Проводит этнографические исследования в Ойротской Автономной области. Много времени уделяет знакомству с коллекциями в Новосибирском, Томском и Омском музеях. Результаты этих исследований частично опубликованы им в различных научных изданиях и газетных статьях [Хороших, 1937; 1947; 1949]. Некоторые подготовлены к печати, но так и остались в черновиках2.

Заслуги П.П. Хороших в области археологии и этнографии Сибири в эти годы получили высокую оценку в характеристике, подписанной заведующим кафедрой древней истории историко-филологического факультета Томского государственного университета профессором Константином Эдуардовичем Гриневичем. В ней именитый ученый отмечает: «П.П. Хороших вполне сформировавшийся ученый и только в силу ряда объективных причин не смог «оформиться», т.е. получить степень доктора и звание профессора: — считал бы целесообразным и принципиально правильным освобождение его по возрасту, стажу научной работы и по знаниям от кандидатских экзаменов и дать ему возможность скорее защитить кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию [Архив ГУ ФСБ, д. 8890, л. 74].

Окрыленный таким напутствием П.П. Хороших в 1947 г. возвращается в г. Иркутск и приступает к работе в Иркутском краеведческом музее, сначала научным сотрудником, затем заведующим отделом дореволюционного прошлого, заместителем директора по научной работе и директором. Одновременно он читает лекции на историко-филологическом факультете в Иркутском педагогическом институте в должности старшего преподавателя [Архив ГУ ФСБ, д. 8890, л. 6].

Время возвращения в родной город, по-видимому, было выбрано не случайно. Иркутск в те годы, в плане проведения научных работ, коренным образом отличался от Иркутска 20-30 гг. Многие ведущие ученые и преподаватели ВУЗов покинули город, другие сгинули в застенках НКВД в 30-е гг. Научная жизнь слегка теплилась среди специалистов в области археологии и этнографии. Практически никого не осталось. Вернувшиеся с фронта израненные Э.Р. Рыгдылон и В.И. Арембовский часто тяжело болели. В.И. Подгорбунский стал доцентом географического факультета ИГУ и переключился на геологию и географию.

Все это способствовало тому, что П.П. Хороших становится единственным археологом и этнографом в городе. Но для его успешной научной и педагогической карьеры сильно мешала су-

димость. Практически живых свидетелей, знающих П.П. Хороших в годы гражданской войны и последующие десятилетия, в городе не осталось. Обстоятельства были благоприятными, и П.П. Хороших 18 января 1951 г. подает в УМГБ Иркутской области заявление о снятии судимости. Но 7 апреля 1951 г., на основании привлечения показаний новых обвиняемых в контрреволюционных действиях в 1933г. Залеских3, [Приложение 2] Казаринова, а в 1937 г. — Дорогостайского, Петри, Цейтлина, Казаковой и др., ему в снятии судимости было отказано. Реабилитировали П.П. Хороших только в 1989 г. уже после его кончины.

Для Павла Павловича этот отказ был тяжелым ударом, от которого он не мог уже избавиться во все оставшиеся годы жизни.

Тем не менее, он продолжает работать. Возобновляется и его полевая археологическая деятельность. Но она осуществляется в том же русле, что и в 20-30-е гг.: сбор подъемных материалов, открытие новых местонахождений и никаких самостоятельных раскопок. Правда, в 1954, 1957, 1959 и 1960-1962 гг. П.П. Хороших работает сотрудником академических спасательных экспедиций — Иркутской, Братской (начальник экспедиции А.П. Окладников) и Байкальской (М.П. Грязнов).

В 1955 г. П.П. Хороших в 65 летним возрасте, наконец, защищает кандидатскую диссертацию на тему «Пещерные памятники Сибири» и становится кандидатом исторических наук.

В это же время им публикуются десятки новых статей, но большинство из них носит популярный характер. В 1954 г., в виду отсутствия других специалистов в городе, П.П. Хороших предлагают работу на кафедре всеобщей истории (зав. кафедрой Сергей Владимирович Шестакович) в Иркутском государственном университете, где он и работал до 1970 г. в качестве доцента кафедры до ухода на пенсию.

В 1970 г. П.П. Хороших присуждается почетное звание заслуженного деятеля культуры и науки Бурятской АССР [Гранина, 1965].

Таким образом, будучи уже 80-летним человеком Павел Павлович продолжал активно работать в университете и заниматься научной работой, и даже каждый год выезжать на своем стареньком «Москвиче» для поиска археологических находок.

Всегда энергичный, подтянутый Павел Павлович казался, особенно людям знающим его, бессмертным. Но летом 1977 года П.П. Хороших тяжело заболел и 16 августа 1977 г. в возрасте 87 лет он скончался и похоронен в городе Иркутске.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А.И. Казакова и Г.А. Цейтлин погибли в застенках НКВД в 1938.

[2]В списке работ собственноручно составленного П.П. Хороших за 1924-1950 гг. — 139 номиналов [Архив ГУ ФСБ, д. 8890 л. 83-96]. В рубрике печатаются, значатся под № 130 — Опыт указателя литературы по археологии р. Томи. — 1947. — 21 с.; № 132 — Материалы по археологии Западной Сибири. — Томск, 1943. — 18 с.; № 133 — Археологические находки в долине р. Катуни. — Новосибирск, 1941. — 8 с.; № 134 — Орнамент на берестяных изделиях остяков. — 1946. — 10 с.; № 136 — Путевые знаки эвенков. — Томск, 1947. — 20 с.

[3]Для российских археологов и этнографов показания И.М. Залесского от 27.03.1933, научного сотрудника в институте Краеведения в г. Новосибирске, особенно в их заключительной части являются, на наш взгляд актуальными и сегодня.

Копии архивных документов в приложениях 1 и 2 публикуются с сохранением орфографии, пунктуации и стилистических особенностей оригинала.

Приложение № 1

Архив ГУ ФСБ по Иркутской области

КОПИЯ:
Действителен по 1-ое декабря 1942.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
им. Н.Я. Марра
22 апреля 1942 г.
№ 11/485

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ

Выдан настоящий открытый лист Институтом истории материальной культуры им. Н.Я. Марра ХОРОШИХ ПАВЛУ ПАВЛОВИЧУ на право производства археологических обследований и расковках 3-х курганов из группы, находящейся около ст. Атаманова и одного городища на правом берегу р. Оби, в 3-х км. выше с. Берского.

На основании настоящего открытого листа тов. ХОРОШИХ Павел Павлович имеет право производить топографическую съемку (планы, нивелировка), фотографирование и зарисовку древних стоянок, селищ, городищ, могильников, курганов и др. памятников старины, а также производить земляные работы, связанные со вскрытием памятников, руководствуясь при осуществлении этих работ и составлении отчетности существующим положениями и прилагаемой инструкцией.

Все органам Советской власти, государственным общественным учреждениям и частным лицам надлежит на основании нижеуказанных положений оказывать ХОРОШИХ П.П. всемерное содействие в интересах науки к успешному выполнению возложенных на него поручений.

ОСНОВАНИЕ: Декрет ВЦИК от 7-го января 1924., постановление
ВЦИК и совнаркома РСФСР от 10-го августа 1933 года
И от 10-го февраля 1934 г.
М.П. Директор Института /Артамонов М.И./
Ученый секретарь /Бибиков С.Н./

С подлинным верно: Зам.директора по
научной части подпись
/В.А. Соловьева/

Приложение № 2

Архив ГУ ФСБ по Иркутской области

КОПИЯ:

ВЫПИСКА
Из протокола допроса ЗАЛЕССКОГО И.М.
обвиняемого по делу контрреволюционной организации
от 27-го марта 1933 года.

Предметом моих дополнительных показаний по делу контрреволюционной организации, будет расстоновка сил ее по городам Западно и Восточно-Сибирского края.

Территориально контрреволюционная организация охватила оба края, черпая силы из среды работников ВУЗов, институтов, музеев и научных обществ в городах: Томске, Омске, Красноярске, Барнауле, Иркутске, Бийске, Ачинске. В этих городах создались ячейки организации:

…«Иркутск: В этом городе существовала сильная группа контрреволюционно — настроенных научных работников, сначала объединившихся в Вост.Сиб. Географическом обществе, а потом в отделении ОИС. Персонально можно перечислить: проф. Козьмин, проф. Дорогостайский, Дунин-Барковский, проф. Бушмакин, инж. Боравский, инж. Шпихт П.П., П.П. Хороших, В.И. Подгорбунский, а в последние годы В.Н. Троицкий /бывш. офицер/, В.Н. Скалон и П.Н. Скалон / родственники Еаршавского генерал-губернатора Скалона/ Г.Н. Лихачев, Топорков и др.

Главнейшую роль играли проф. Козьмин и Бушмакин, связанный глубокими и прочными нитями с центром. Кроме того в Иркутске был биолого-географический институт с рядом работников, связанных с ОИС. Поскольку ОИС объединяло все научные учреждения организации по общественной линии, следовательно, вся научно-исследовательская работа была сосредоточена в руках ОИС. Иркутское отделение получало особенно большие субсидии, от Новосибирска и кроме того, получало их непосредственно от Иркутских учреждений.

На них проводились многочисленные экспедиции и поездки, которые в первые годы существования ОИС имели целью изучение будущей «Ленобайкальской области» — мечты иркутских контрреволюционеров. В последствии эта мечта была оставлена, или вернее заглушена. ОИС в Иркутске всегда составлял колоссальные явно невыполнимые планы работ, под которые требовал деньги. Планы эти не выполнялись, да и не могли быть выполнены — кое которые рвачей / Петри, Дорогостайский и др./ ухитрялись в год совершать по несколько поездок, давая совершенно бесценный материал. Особую же силу имели антропологи и археологи. Давившие своими планами всех. Они распространяли зону своих действий даже на ДВК! Само собой понятно, что все эти планы или в очень малой степени или совсем не имели касательства к народному хозяйству, а были в ряде случаев индивидуальными устремлениями отдельных лиц.

Цели контрреволюционной вредительской деятельности Иркутской группы, можно формулировать следующим образом:

I. Организация громадных и дорогостоящих экспедиций или работ длительного порядка.

2. Организация второстепенных не имеющих связи с народным хозяйством научных работ.

3. Поощрение индивидуализма.

4. Широкая постановка археологической, антропологической и этнографической работ.-

И.В. Залесский.

Допросили Нач. 4 Отд. СПО ПП ОГПУ ЗСК /Ягодкин/
оперуполномочен.4 отд. СПО /Погодаев/.

Справка: Подлинник протокола допроса обв. Залесского находиться в арх.сл.деле № 593376, т.16, хранящегося в Отделе «А» МГВ СССР

ЗАЛЕССКИЙ Иван Михайлович решением Коллегии ОГПУ от 5\VIII — 1933 года по ст. 58-2, 58-6, и 58 –II УК РСФСР, осужден к заключению в ИТЛ сроком на десять лет /10/.

Копия верна: ЗАМ НАЧ 3 ОТД-Я 5 ОТД УМГБ ИО
СТ ЛЕЙТЕНАНТ-
/ЛИТВИНЦЕВ/. Подпись
«26» марта 1951 г.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив ГУ ФСБ по Иркутской Области // Дело по обвинению П.П. Хороших № 14534.

Архив ГУ ФСБ по Иркутской области // Материалы о снятии судимости с Хороших П.П. д. 8890.

Архив ГУ ФСБ по Иркутской Области // Дело по обвинению Подгорбунского Василия Иннокентьевича в преступлениях, предусмотренной ст. 58-10 Ч. II, УК РСФСР нач. 31 марта 1951 г. ок. 30 июня 1951 г. № 15956.

Архив ИГУ// Личное дело П.П. Хороших 1920-1929 гг. оп. 45, 42, д. 835

НА ИИМК РАН. РА // О раскопках Б.Э. Петри в Иркутской Губернии. Переписка, отчет. Ф. 2. Оп. 1. Д. 114.

ЛИТЕРАТУРА

Археология, этнология, антропология юга Байкальской Сибири. Иркутская область: Биб. указатель / Сост. Г.Н. Михнюк — Иркутск: Изд-во Оттиск, 2005. — 188 с.

Археология и этнография юга Восточной Сибири (1921-1981): Биб. указатель. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. — 62 с.

Гранина А. Неутомимый труженик науки // Правда Бурятии. — 12.06.1965.

Гранина А. Неутомимый исследователь // Вост.– Сиб. правда. — 24.07.1965.

Гранина А. Звание ученому // Вост.–Сиб. правда. — 14.06.1970.

Гришев В.А. Хроника Иркутского краеведения по материалам газеты «Власть труда» (1920-1925) // Иркутское краеведение 20-х гг.: Взгляд сквозь годы: Тез. докл. науч. конф. — Иркутск, 2000. — Ч. 2. — С. 139-170.

Грузных П.Ю. Краеведческая деятельность Бюро байкаловедения ВСОРГО во второй половине 1920-х годов // Иркутское краеведение 20-х гг.: Взгляды сквозь годы: Тез. докл. науч. конф. — Иркутск, 2000. — Ч. 1. — С. 92-98.

Зуляр Ю.А. Восточно-Сибирский отдел русского географического общества на грани эпох: люди и судьбы (1917-1931 гг.) // Сибирский архив: науч.-попул. ист.-краевед. сборник. — Иркутск, 2002. — Вып. 3. — С. 187-212.

Зуляр Ю.А. К истории музея ВСОРГО // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. — Иркутск, 2000. — Вып. 7. — С. 38-42.

Зуляр Ю.А. ВСОРГО как организатор и координатор краеведения в регионе // Иркутское краеведение 20-х гг.: Взгляд сквозь годы: Тез. докл. науч. конф. — Иркутск, 2000. — Ч. 1. — С. 62-70.

Иркутский государственный университет имени Жданова А.А. в материалах периодической печати и документах: Хроника 1918-1978 гг. — Иркутск, 1983. — 130 с.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1969. — Ч. 1. — 390 с.

Ларичев В.И. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1969. — Ч. 2. — 414 с.

Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. — Т. 1. — 179 с.; Т. 2. — 173 с.

Николаев В.А. Библиографы Сибири и Дальнего Востока (библиографический словарь). — Новосибирск, 1973.

Романцова Т.Д. Бурят-монгольская секция ВСОРГО (1925-1930 гг.) // Иркутское краеведение 20-х гг.: Взгляд сквозь годы: Тез. докл. науч. конф. — Иркутск, 2000. — Ч. 1. — С. 70-80.

Свинин В.В. К 80-летию Хороших П.П. // Изв. / ВСОГО СССР. — 1970. — Т. 67. — С. 169-170.

Хороших П.П. Указатель литературы по археологии Иркутского края // Изв. / БГНИИ при ИГУ. — 1924. — Т. 1, вып. 1. — С. 1-8.

Хороших П.П. Доисторический человек на Байкале. — Иркутск, 1928. — 15 с.

Хороших П.П. Первый бурятский ученый Д. Банзаров. — Иркутск, 1922. — С. 1-28.

Хороших П.П. Исследования каменного железного века Иркутского края (остров Ольхон). — Иркутск: Изд-во газ. «Красный бурят-монгол», 1922. — № 37.

Хороших П.П. Итоги и задачи изучения памятников изобразительного искусства бурят // Жизнь Бурятии. — 1924. — № 6. — С. 83-89.

Хороших П.П. Исследователи Якутии // Сиб. жив. старина. — 1925. — Вып. 3-4. — С. 161-180.

Хороших П.П. Бирки иркутских бурят // Сиб. жив. старина. — 1926. — Вып. 1. — С. 97-112.

Хороших П.П. Материалы по орнаменту ольхонских бурят // Сиб. жив. старина. — 1926. — Вып. 2. — С. 211-214.

Хороших П.П. Музыкальные инструменты, театр и развлечения бурят–монголов // Бурятовед. сб. / ВСОРГО. — 1926. — Вып. 1. — С. 52-54.

Хороших П.П. Программа для собирания сведений об одежде и обуви бурят // Бурятиеведение. — 1926. — № 2. — С. 43-46.

Хороших П.П. Исследователи Бурятии // Изв. / ВСОРГО. — 1926. — Т. 51. — С. 119-132.

Хороших П.П. Виноградов Г.С., Азадовский М.К. Материалы для библиографического словаря Восточно-Сибирских этнографов // Изв. / ВСОРГО. — 1926. -Т. 51. — С. 193-210.

Хороших П.П. Богданов М.Н. как бурятовед // Жизнь Бурятии. — 1926. — № 4. — С. 31-35.

Хороших П.П. Бурятский ученый Галсан Гомбаев // Бурятиеведение. — 1927. — № 3-4. — С. 55-58.

Хороших П.П. Археологические памятники Западной Сибири. — Новосибирск: Отдел изд-ва Зап. Сибири Краевед. музея, 1937. — Вып. 9. — С. 1-19.

Хороших П.П. Писаницы Алтая // КСИИМК. — 1947. — Вып. XIV. — С. 26-34.

Хороших П.П. Неисследованные пещеры Салаира. — Природа. — 1949. — № 8. — С. 51-56.

Хороших П.П. Следы неолитической культуры в Нарыме // КСИИМК. — 1949. — Вып. 7. — С. 20-25.

Хороших П.П. Пещерные стоянки Сибири как исторический источник: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Иркутск, 1955. — 23 с.

Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе Локомотив в г. Иркутске // Древняя Сибирь. — Новосибирск: Наука, 1966. — Вып. 2: Сибирский археологический сборник. — С. 84-93.

Хороших П.П. Пещеры реки Чулыма // Вопросы археологии и этнографии Сибири. — Томск, 1978. — С. 81-85.

А.В. Харинский
Иркутск, Иркутский государственный технический университет

ИССЛЕДОВАНИЯ Б. Э. ПЕТРИ ПЕЩЕР У ГОРЫ ТАНХЫН В ПРИОЛЬХОНЬЕ

Во время экспедиции 1916 г. в Кутульское ведомство Верхоленского уезда Б.Э. Петри обследовал две пещеры, расположенные у подножия горы Танхын, открытые им в 1913 г. В дальнейшем за пещерами закрепилось название Большая и Малая Байденские. В обеих пещерах были выкопаны траншеи, земля из которых была просеяна сквозь грохот [Петри, 1916, с. 143]. В 1923 г. изучение пещер было продолжено П.П. Хороших [Хороших, 1924]. В центре Большой Байденской пещеры в 1953 г. П.П. Хороших заложен разведочный шурф размером 1 кв. м., в Малой Байденской пещере выкопано два шурфа по 1 кв. м, располагавшиеся в ее западной и южной частях [Хороших, 1953]. В 1987 г. обследование пещер проводилось А.Г. Филипповым, О.И. Горюновой, Н.Е. Бердниковой и В.М. Ветровым [Филиппов и др., 1996]. В Большой Байденской пещере ими впервые исследован второй (Кораллитовый) зал. В 1994 г. А.Г. Филипповым в подземном полигенетическом ледяном теле пещеры (Кораллитовый зал) было найдено берестяное ведро, извлеченное в 1996 г. изо льда школьниками под руководством А.Б. Алексеева [Филиппов и др., 1997].

Байденские пещеры расположены меду падями Баг-Орсо и Нугды, около «священной» горы Танхын, в 9,5 км к юго-западу от поселка Сахюртэ и в 5 км к юго-востоку от летника Кутул. Вход в Большую Байденскую пещеру ориентирован на восток и завален каменными глыбами. Пещера состоит из двух залов, соединенных между собой узким проходом. Длина первого зала, имеющего вид неправильного треугольника, 17 м, ширина 13 м, высота до 2,2 м. Малая Байденская пещера находится в 270 м к юго-юго-востоку от Большой Байденской пещеры. Вход в нее расположен на дне карстовой воронки. Полость пещеры состоит из одного зала и 4 тупиковых, радиально расходящихся ходов. Протяженность пещеры 51 м, высота пещеры от 1,5 до 3,5 м.

Большая часть материалов, обнаруженных в Байденских пещерах, не была опубликована. Это относится и к коллекции, собранной Б.Э. Петри в 1916 г. Она хранится в Кунсткамере, № 2622. Некоторые предметы из сборов Б.Э. Петри приводятся в монографии Б.Б. Дашибалова, вышедшей в 1995 г. [Дашибалов, 1995, рис. 28], но значительная их часть так и осталась неизвестной для широкой научной общественности. Материалы, обнаруженные Б.Э. Петри у горы Танхын, стали одним из компонентов, выделенной исследователем культуры курумчинских кузнецов. Поэтому, чтобы более объективно судить о культуре в целом, необходимо представлять все ее слагающие, обозначенные еще в 10-20-е гг. XX в.

Коллекция № 2622 включает находки из Большой (№ 1) и Малой (№ 2) Байденских пещер. К первой из них относятся №№ 1-96, ко второй №№ 97-228. Под №№ 1-42 и №№ 97-147 числятся фрагменты керамики; под №№ 43-45 и №№ 149-152 изделия из кости; под №№ 46-47 железные предметы; № 48 — пряслице из черного богдохета; №№ 49-52 — изделия из дерева; №№ 53-58 и №№ 148, 153 изделия из бересты; №№ 60-96 и №№ 154-228 — кости животных. Железные предметы обнаружены только в пещере №1. Практически все они представлены на рисунке 1, за исключением 17 железных и 1 бронзового изделия, сохранившихся во фрагментарном состоянии.

Среди железных изделий встречено два черешковых едовых ножа, острия которых обломаны. В месте перехода черешка в лезвие оба ножа имеют только лезвийные уступы. Клинок прямой. У первого ножа (рис. 1 — 1) длина сохранившейся части клинка 4 см, ширина основания клинка — 1,1 см, длина уступа — 0,2 см, ширина основания насада — 0,9 см, длина насада — 2,4 см. У второго ножа (рис. 1 — 2) длина сохранившейся части клинка 1,5 см, ширина основания клинка — 1 см, длина уступа — 0,2 см, ширина основания насада — 0,6 см, длина насада — 2,4 см. Ножи, у

которых фиксируется только лезвийный уступ, встречаются в археологических памятниках на побережье Байкала на протяжении всего I тыс. н.э., продолжая существовать вплоть до середины II тыс. н.э. Этим временем можно датировать и ножи из Большой Байденской пещеры. В начале II тыс. н.э. параллельно с ними начинают использоваться ножи с лезвийным и обушковым уступами, бытующие в Прибайкалье и до настоящего времени [Харинский, 2001а, с. 121].

В Большой Байденской пещере обнаружена одна якоревидная пластинка шириной 25 мм, высотой 9 мм и толщиной 1 мм (рис. 1 — 5). По краям пластинки на расстоянии 2-3 мм друг от друга расположены засечки. Найденная пластинка напоминает таштыкские амулеты-нашивки в виде профильных изображений двух лошадиных головок, повернутых в противоположные стороны [Грязнов, 1979, рис. 56 — 10, 20; рис. 67 — 18; рис. 70 1.4; рис. 71 — 2]. Их делали из дерева, кости, но чаще из бронзы, иногда очень схематично. Есть литые и вырезанные из пластинок. Эти амулеты-обереги нашивались через 1-3 сквозные дырочки к одежде или подвешивали. В грунтовых могилах они встречаются редко, но в склепах их десятки [Вадецкая, 1986, с. 138]. Если учесть, что таштыкскская культура датируется I в. до н.э. — VI в.н.э. [Вадецкая, 1986, с. 144], то находку из Большой Байденской пещеры и, вероятно, ряд других артефактов можно соотнести с первой половиной I тыс. н.э.

Датировка большей часть железных вещей из Большой Байденской пещеры к настоящему времени не разработана, тем более что многие из них сохранились во фрагментарном состоянии. Среди находок отмечены язычки от пряжек (рис. 1 — 2, 3, 36). Их основание выполнено в виде петельки. Два язычка обломаны. В коллекции имеется два шплинта. У одного из них круглая петелька и один из усиков обломан (рис. 1 — 6). У другого шплинта тоже обломан усик, петля имеет приплюснутую сверху петельку (рис. 1 — 7). В пещере обнаружена и конусовидная подвеска, скрученная из железной пластины (рис. 1 — 8). Она имеет два отверстия. Одно из них располагается в ее средней части у края пластины, а другое вверху.

В числе изделий из первой пещеры вилкообразный предмет (рис. 1 — 9), который, возможно, прикреплялся к обуви во время передвижения по льду, предотвращая скольжение. Кроме этого, коллекция включает четырехугольную обломанную пластину с отверстием у края (рис. 1 — 10); круглую выгнутую бляшку с петелькой с внутренней стороны (рис. 1 — 11); овальную бляшку с фигурным вырезом внутри (рис. 1 — 12); овальную обойму с выступами по бокам (рис. 1 — 13). Среди железных изделий имеется и фигурная накладка треугольной формы, вершина которой обломана (рис. 1 — 14). Край основания накладки украшен четырьмя овальными выступами. В центре сохранившейся части имеется круглое отверстие, по бокам от которого находится по одному круглому углублению. Выше них располагался еще один ряд таких же углублений и отверстие, по которым проходит линия слома накладки. С внутренней стороны накладки по краю проходит бортик.

В пещере было обнаружено восемь железных стержней, заостренных с одного из краев. Один из стержней имел на конце петельку (рис. 1 — 15). Пять стержней заострены с двух сторон, при этом один из концов у них более широкий, чем противоположный (рис. 1 — 16, 17, 20-22). У одного из этих стержней с одного конца находится жальце (рис. 1 — 17). Два стержня имеют одинаковую ширину и толщину на всем протяжении (рис. 1 — 18, 19). В пещере найдено два клина конической формы (рис. 1 — 23). Один из них более крупных размеров и имеет продольный паз (рис. 2 — 5). Коллекция железных вещей включает пять боченковидных обойм высотой 5-8 мм и диаметром 6-8 мм (рис. 1 — 24-28), скрученных из железных полос. Среди других предметов следует отметить петельку от крупной бляшки, возможно, зеркала (рис. 1 — 29); овалоидную подвеску полую внутри с обломанной петелькой (рис. 1 — 30); гвоздь с обломанным острием и загнутой на одну сторону шляпкой (рис. 1 — 31); прямоугольную поперечно изогнутую пластину с круглым отверстием в центре (рис. 1 — 32); железную проволоку, изогнутую в виде кольца (рис. 1 — 33-34); обломки пластин с отверстиями (рис. 1 — 35, 36).

В коллекцию находок из Большой Байденской пещеры входят и изделия из кости. Одно из них — проколка (шило) (рис. 2 — 1), а другое — заготовка наконечника стрелы, обломанного у основания (рис. 2 — 3). Наконечник шестигранный, асимметрично-ромбический. В пещере обнаружен и деревянный крюк длинной 6,5 см (рис. 2 — 2). Верхняя часть крюка обломана. В коллекции имеется и пряслице из черного богдохета диаметром 6 см и толщиной 0,8 см (рис. 2 -4). В центре пряслица находится отверстие диаметром 0,7 мм. Вокруг отверстия прямыми линиями прочерчено два круга. Один из фрагментов бересты, обнаруженных в пещере, вероятно, являлся накладкой. Она пятиугольной формы (рис. 2 — 6). Вдоль длинных краев накладки фиксируются два параллельных ряда прошивов, а вдоль коротких краев один ряд.

Среди артефактов, обнаруженных в пещере, большую часть составляют фрагменты керамики. Сосуды гладкостенные, выполненные без применения гончарного круга, в роли отощителя использовался песок. Большинство венчиков округлые, слегка отогнутые наружи (рис. 2 — 7, 10, 11). У всех сосудов выражено невысокое устье. У одного сосуда венчик утолщен за счет плоского налепа с внешней стороны, ширина которого составляет 2,5 см (рис. 2 — 8). У другого сосуда венчик с внешней стороны имеет треугольный в сечении налеп, рассеченный поперечными ромбическими вдавлениями, выполненными треугольным в сечении орнаментером (рис. 2 — 12). Ширина налепа 1 см, толщина 0,5 см. Под налепом расположено круглое конусовидное в сечении вдавление диаметром 0,4 см и глубиной 0,4 см. Один из найденных в пещере фрагментов керамики украшен «жемчужинами» — рядом круглых позитивных вдавлений диаметром 0,7 мм (рис. 2 — 9).

В Малой Байденской пещере не были обнаружены металлические вещи, но достаточно интересны изделия из кости. Среди находок черешковый наконечник стрелы треугольный в сечении (рис. 2 — 13). Наконечник асимметрично-ромбической формы. Длина пера 8,2 см, ширина 1,6 см, толщина 0,7 см. Черенок плоский, длиной 2,8 см, шириной в основании 1 см и толщиной 0,4 см. В коллекции имеется и заготовка наконечника стрелы (рис. 2 — 14). Одна сторона у нее плоская шириной 3,2 см, противолежащая сторона имеет шесть граней. Один конец заготовки приострен, а другой тупой. Среди костяных изделий фиксируется костяной свистунок стрелы, один край которого обломан (рис. 2 — 15). Свистунок боченкообразной формы, полый внутри. Его длина 3,1 см, диаметр концов 1,1 см, диаметр середины 2,1 см. Ближе к верхнему краю свистунка на противолежащих сторонах располагаются два отверстия четырехугольной формы длиной 10 мм и шириной по краям 4 мм.

Еще одно изделие из кости представлено удлиненной пряжкой (рис.2 — 17). Центральная часть пряжки расширена, она овальной формы шириной 1,6 см. К краям пряжка сужается, их ширина 0,9 см. Длина пряжки 5,6 см, толщина 0,5 см. В ее центре располагается отверстие овальной формы размером 0,8 х 1,1 см. На краях пряжки имеются круглые отверстия круглой формы диаметром 0,9 см. К числу артефактов из кости можно отнести и астрагал мелкого копытного животного, на одной из сторон которого крест накрест прочерчены прямые линии (рис. 2 — 16).

Во второй Байденской пещере, как и в первой, найдено большое количество фрагментов гладкостенной керамики, три из них орнаментировано. Два фрагмента украшены прочерченным дугообразным орнаментом и круглыми, овальными в сечении вдавлениями диаметром 6 мм (рис. 2 — 19). Один из фрагментов керамики принадлежит верхней части сосуда. Венчик прямой, с внешней стороны он имеет налеп, разделенный горизонтальной полосой на два валика (рис. 2- 20) Толщина валиков 3 мм, ширина верхнего из них 3 мм, нижнего 5-6 мм. Валики рассечены вертикальными, треугольными в сечении вдавлениями. Под нижним валиком расположено круглое, овальное в сечении углубление. От него вниз отходят прочерченные дугообразные линии. Кроме этого, в пещере найдено два фрагмента венчиков сосудов, овальных в сечении (рис. 2 — 21). На одном из них по верхнему срезу идут поперечные вдавления, сделанные подушечкой пальца (рис. 2 — 18). В Малой Байденской пещере обнаружено и дно сосуда. Оно плоское, диаметром 12,5 см. Центр дна приподнят над краями на 3 мм. Толщина дна в центре 1 см, у края 1,5 см.

Керамику, обнаруженную в Байденских пещерах можно отнести к I тыс. н.э. В число датирующих входят сосуды, у которых с внешней стороны венчика имеются налепы, рассеченные поперечными вдавлениями (рис. 2 — 12, 20). Подобный прием оформления сосуда на побережье Байкала фиксируется в конце I тыс. до н.э — первой половине I тыс. н.э. и характерен для сосудов елгинского типа [Харинский, 2005, с.208]. К числу других, узко датируемых керамических орнаментов, относятся «жемчужины» (рис. 2 — 9). Они фиксируются на сосудах железного века побережья Байкала в конце I тыс. н.э. [Зайцев и др., 1996, с.71].

Б.Э.Петри отнес материалы, обнаруженные в Байденских пещерах, к культуре курумчинских кузнецов, обитавших на территории Предбайкалья в «раннюю железную эпоху». Исследователь пишет, что «…неизвестный народ «курумчинские кузнецы» не кто иной, как предки якутов», вытесненный с территории края монгол-бурятами, «…принесшими совсем иную культуру» [Петри, 1928, с.63, 64]. Следующий исследователь Байденских пещер П.П.Хороших не противоречил в своих выводах Б.Э.Петри. Он писал: «Байденские пещеры служили временным жилищем скотоводческому народу, обитавшему в Прибайкалье в раннюю пору железного периода. Судя по находкам, обитатели пещеры были курыканы — далекие предки якутов (VI-IX вв. н.э.)» [Хороших, 1953, л. 4].

Исследования, проведенные в Байденских пещерах в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., существенно дополнили представления об этих памятниках. В рыхлых отложениях первого зала Большой Байденской пещеры выявлено 4 гумусированных почвы черного цвета (мощностью до 0,06-0.08 м), отделенные друг от друга светлыми прослоями. Общая мощность рыхлых отложений 0,40-0,42 м. Культурные остатки привязаны к темным почвам. В 1-2 слоях археологический материал однороден и представлен фрагментами гладкостенной плоскодонной керамики, украшенной налепными валиками, прочерченным арочным узором или ногтевыми защипами, трехгранными наконечниками стрел из рога, лопаточкой из кости, железными ножом и наконечником стрелы. По мнению О.И.Горюновой, находки из верхних слоев пещеры относятся к позднему железному веку (V-X вв.). В двух нижних погребенных почвах датирующие артефакты отсутствуют [Горюнова, Свинин, 2000, с.49].

Во втором зале пещеры в ледяном теле, образованном наледными и озерными льдами, выделяется 5 грязевых горизонтов. Из нижнего (1) грязевого горизонта, сложенного суглинисто-дресвянистым материалом, по остаткам заостренных лиственничных кольев получена радиоуглеродная дата 2710±30 (СОАН-3047) л.н. В 5 грязевом горизонте зафиксировано берестяное ведро и рубленные кости домашней лошади, по которым получена радиоуглеродная дата 2535±90 (СОАН-3406) л.н. [Филиппов и др., 1997].

В Малой Байденской пещере археологический материал зафиксирован в верхнем слое темной погребенной почвы мощностью 0,45-0,50 м. Найдены фрагменты гладкостенной керамики с плоским дном, украшенные налепными валиками, косой решеткой из прочерченных линий и ногтевыми защипами, железные трехлопастные наконечники стрел и нож, орнаментированный астрагал, шило из кости. Кроме этого обнаружен один фрагмент керамики с оттисками шнура, украшенный валиками и «личиночными» вдавлениями. Подобная керамика, по мнению О.И. Горюновой, датируется VII-VI вв. до н.э. Остальной материал, найденный в пещере, относится к V-X вв. н.э. [Горюнова, Свинин, 2000, с.52-54].

Судя по археологическому материалу и радиоуглеродным датам, наиболее ранние следы присутствия человека в Большой Байденской пещере соотносятся с началом I тыс. до н.э. и фиксируются во втором зале. В конце I тыс. до н.э. увеличившееся ледяное тело перекрывает вход во второй зал, и у людей остается возможность посещать только ближний к выходу зал Большой Байденской пещеры. Обнаруженные артефакты позволяют говорить о двух наиболее активных периодах в посещении человеком пещеры. Первый из них соотносится с первой половиной I тыс. н.э., а второй с концом I тыс. н.э. Пещера посещалась и позже, но материалов, позволяющих

точно определить время этих визитов, пока нет. К сожалению, во время раскопок в пещере ни Б.Э. Петри, ни П.П. Хороших не пытались связать обнаруженные ими находки с какими-либо культурными слоями или уровнями. Поэтому в настоящее время мы можем рассматривать полученные ими материалы (за исключением нескольких артефактов) в целом, не разбивая его по хронологическим группам.

Пещеры у горы Танхын Б.Э. Петри считал поселениями, несвойственными кочевникам культуры курумчинских кузнецов. Исследователь полагал, что люди жили в пещерах недолго и только в зимнее время: «Летом в этих пещерах очень холодно и сыро от капающей с потолка воды; в дальних углах лежит лед. Зато зимой, когда все замерзает, в пещере делается сухо и, сравнительно с окружающей степью, даже тепло. В большие морозы, расположившись здесь на плоских камнях вокруг костра, хорошо и безопасно было сидеть семье кочевника в то время, как он сам со старшими сыновьями сторожил свои стада где-нибудь неподалеку» [Петри, 1928, с. 59-60].

Нарисованная Б.Э. Петри картина жизни прибайкальских кочевников в пещерах обладает определенным романтизмом, но далека от действительности, о чем уже писал Б.Б. Дашибалов [Дашибалов, 1995, с. 100]. По мнению исследователя, прибайкальские пещеры следует рассматривать как святилища, связанные, вероятнее всего, с культами Матери-земли, прародительнице рода, а археологические находки не чем иным, как свидетельствами произведенных здесь жертвоприношений [Дашибалов, 1995, с. 101-102]. По сведениям П.П. Хороших, находившаяся в Большой Байденской пещере вода местным бурятским населением считалась целебной. Буряты приносили жертвы «хозяину воды», которые раскладывали у «онгона» на большой каменной плите. Чаще всего подношение делалось деньгами [Хороших, 1924, с. 18].

Пещеры у горы Танхын не могли быть поселениями кочевников, как и народов, обитавших до них на территории Прибайкалья. Рассматривать их как временные убежища тоже достаточно проблематично. Переждать стихию было проще где-нибудь под деревом или скалой, чем забираться в пещеру, которая ассоциировалось с входом в подземный мир. Страх перед такими местами существует до настоящего времени у народов, проживающих в разных уголках нашей планеты. Боязнь пещер, и связанных с ними сакральных сил, способствовала формированию культов их умилостивления. С древним проявлением этих культов столкнулся Б.Э. Петри, а следы его присутствия в XX в. были отмечены П.П. Хороших.

Соотносить весь обнаруженный в пещерах археологический материал с культурой курумчинских кузнецов или с курыканами неверно. Найденные артефакты и полученные радиоуглеродные даты свидетельствуют о более длительном, чем V-X вв. н.э., времени существования культов, связанных с почитанием сакральных сил пещер. Само понятие «курумчинскоя культура» последние годы также значительно видоизменилось. Во многом облик вещевого комплекса, на основании которого Б.Э. Петри и была выделена “культура курумчинских кузнецов”, определяет керамика с пальцевыми защипами [Харинский, 2000]. Именно эту керамику и было предложено считать культуроопределяющим элементом «курумчинской культуры» [Харинский, 2001, с.58]. Основным районом ее распространения была Ангаро-Ленская область, где она появляется вместе с погребениями долоновского типа в VIII в. Поэтому период в истории Ангаро-Ленской области соотносимый с VIII-XII вв. было предложено именовать курумчинским этапом [Харинский, 2001, с.114].

ЛИТЕРАТУРА

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Л., 1986.- 180 с.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Археология Ольхонского района. Материковый участок: от мыса Улан до реки Большая Бугульдейка. — Иркутск, 2000. — Ч. 3. — 183 с.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. — Новосибирск, 1979. — С. 89-146.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. — Улан-Удэ, 1995. — 189 с.

Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В. Шатровые сооружения западного берега залива Куркут // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. — Иркутск, 1996. –Вып. 1. — С. 67-76.

Петри Б.Э. Отчет о командировки на Байкал для археологических разведок // Отчет о деятельности Имп. Академии наук по отделениям физ.-мат. наук и филологии за 1916 г. — СПБ., 1916. — С.142-143.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928. — 73 с.

Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края: (остров Ольхон) // Изв. / БГ НИИ. — Иркутск, 1924. — Т.1, вып.1. — 50 с.

Хороших П.П. Находки в пещерах острова Ольхон на озере Байкал в 1953 году. — Архив ИА АН РФ. — Р-1, № 851. — 29 л.

Харинский А.В. Курыканская и курумчинская культуры Прибайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2000. — Т. 1.: Археология, Этнология. — С. 144-151.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. — сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. — Иркутск, 2001. — 198 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. — Иркутск, 2001а. — 238 с.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — Вып. 3. — С. 198-215.

Хороших П.П. Находки в пещерах острова Ольхон на озере Байкал в 1953 году // Архив ИА АН РФ. — Р. 1. — № 851. — 29 л. (Иркутск, 1953).

Филиппов А.Г., Горюнова О.И., Ветров В.М., Бердникова Н.Е. Пещеры Байкала и человек // Свет. — 1996. — № 1 (14). — С. 34-37.

Филиппов А.Г., Алексеев А.Б., Сергиенко Т.Ю., Горюнова О.И. Берестяное ведро из Большой Байдинской пещеры (Приольхонье) // Дуловские чтения 1997 года: (Секция археологии и этнографии): Мат-лы докл. и сообщ. — Иркутск, 1997. — С. 22-28.

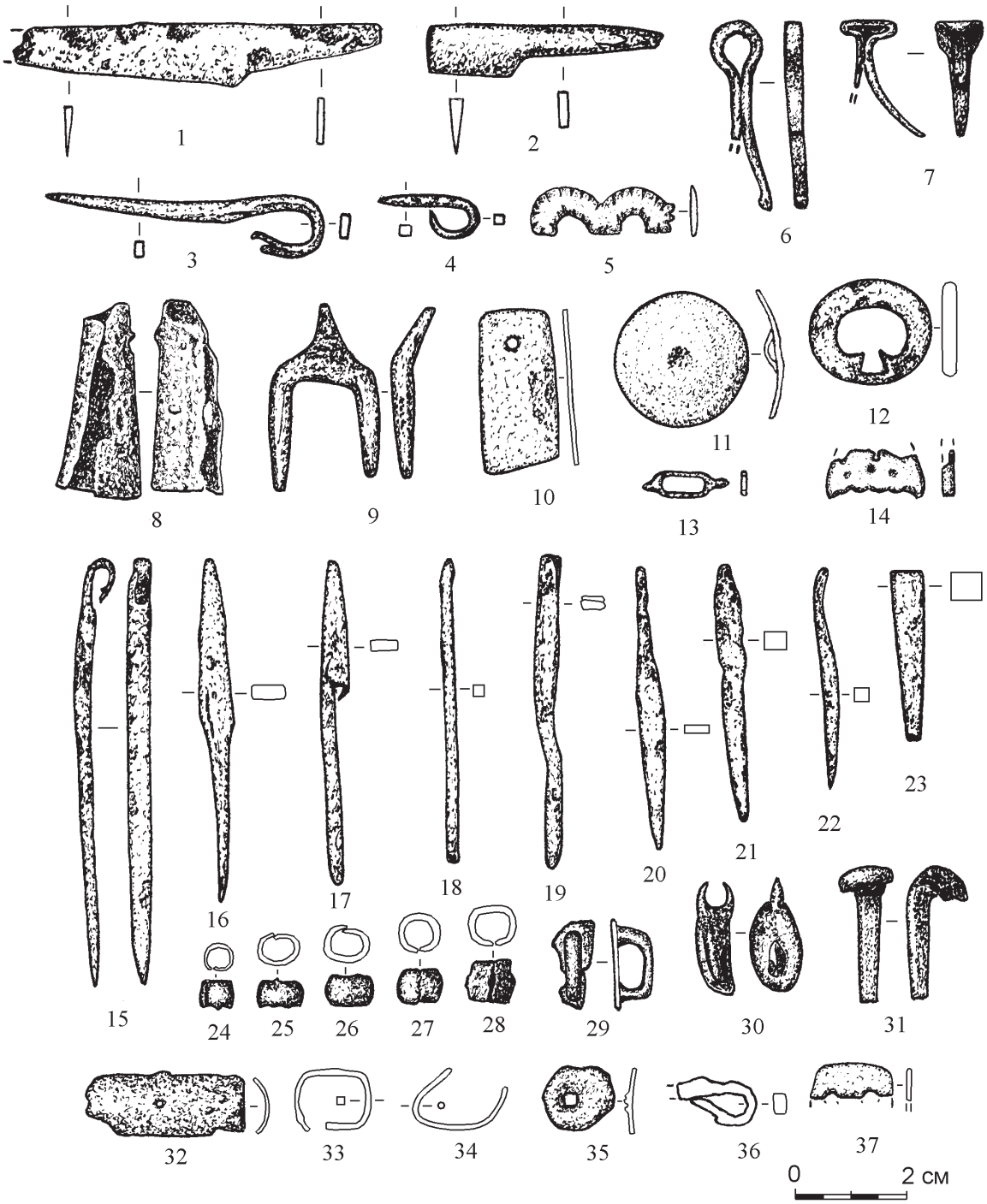


Рис. 1. Раскопки Б.Э. Петри 1916 г., Большая Байденская пещера, изделия из металла

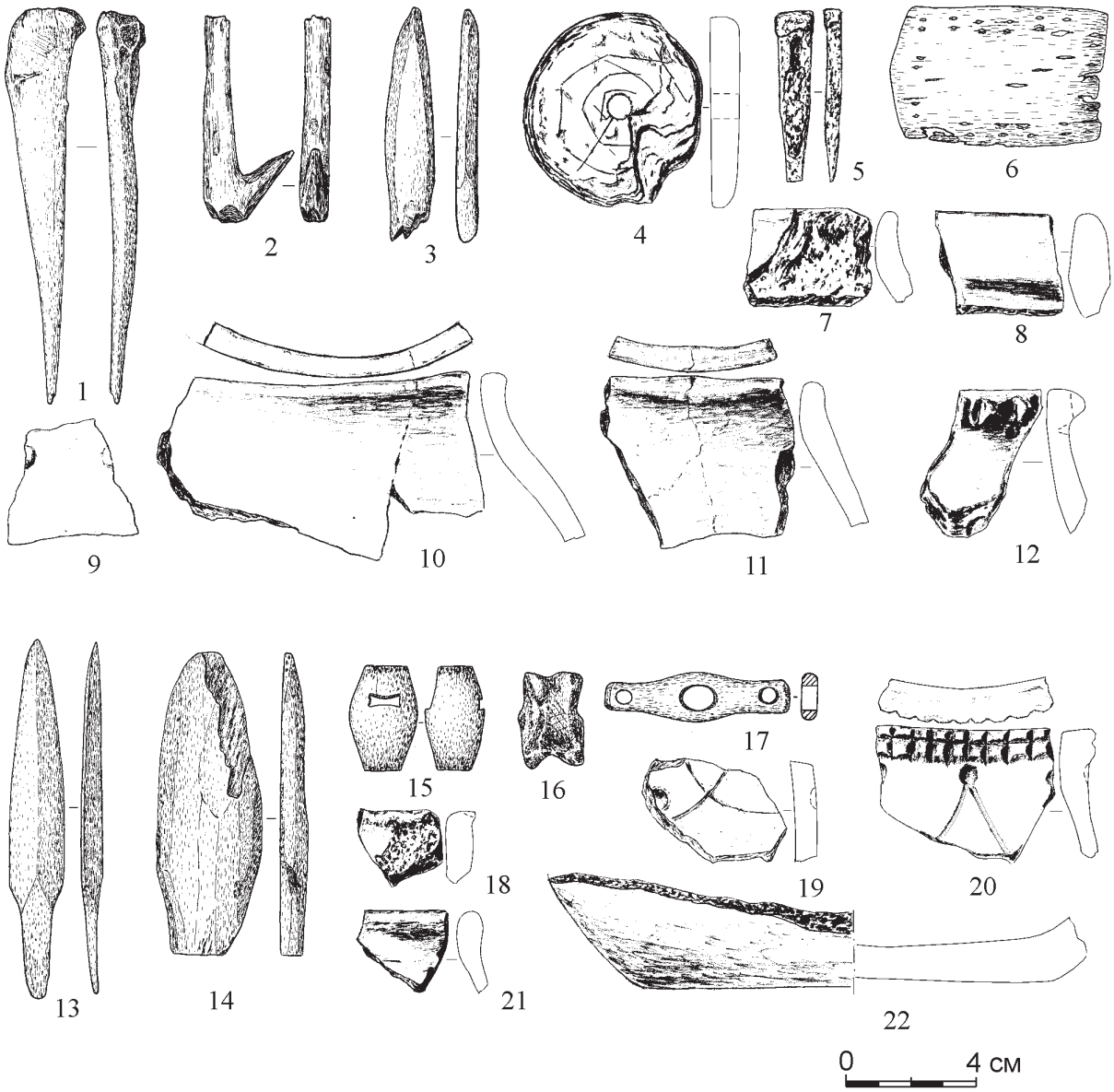


Рис. 2. Раскопки Б.Э. Петри 1916 г.: 1-12 – Большая Байденская пещера; 13-22 – Малая Байденская пещера. 1, 3, 13-17 – кость; 2 – дерево; 5 – железо; 6 – береста; 7-12, 18-22 – керамика

Д.Л. Шергин
Иркутск, Иркутский государственный педагогический университет
Иркутский областной краеведческий музей

КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА Б.Э. ПЕТРИ ПО ФОНДАМ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В Сибири исследования по археологии были неразрывно связаны с именем этнографа, археолога, профессора Иркутского государственного университета, основателя «иркутской школы археологии» Б.Э. Петри. В фондах Иркутского областного краеведческого музей хранятся 49 археологических коллекций, собранных в разные годы Б.Э. Петри в Прибайкалье, Средней Азии, Монголии, центральной части России и составляющих в общей сложности 11 тыс. 945 предметов. Обзор археологических коллекций, хранящихся в фондах Иркутского областного краеведческого музея, подготовлен только по тем коллекциям, в книгах поступлений которых собирателем значится сам Б.Э. Петри. При этом в фондах находится много коллекций, поступивших от молодых ученых, которые работали в экспедициях под его руководством.

Научная деятельность Б.Э. Петри в Сибири началась в 1912 г. В Прибайкалье он оказался первым ученым, основным направлением исследования которого была этнография и археология. Будучи сотрудником Музея антропологии и этнографии Российской академии наук, Б.Э. Петри командируется Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии вместе с этнографом В.А. Михайловым — бурятом по национальности. Вместе они выезжают в Иркутский и Верхоленский уезды для сбора этнографических и антропологических материалов, а также для археологической разведки [Петри, Михайлов, 1913, с. 92-110]. Главным результатом этой командировки явилось открытие многослойного местонахождения в бухте Улан-Хада в Мухорском заливе.

После этого было еще две экспедиции в 1913 и 1916 гг. [Петри, 1914, с. 89-106; Петри, 1916а, с. 113-132]. В 1916 г. Б.Э. Петри в третий раз приезжает в Сибирь с заданием «сплошного археологического обследования берегов Байкала». Вторично после А.М. Станиловского он открывает неолитические стоянки в бухте Песчаной и проводит совместно с М.П. Овчинниковым разведочные раскопки на Ангаре — в местностях Царь-Девица, Межовка, Кузьмиха [Петри, 1916а, с. 113-132; 1916б, с. 7].

К сожалению, объем публикации не позволяет в полной мере рассмотреть и дать подробное научное описание коллекций. Поэтому комментарии в тексте следует считать как подготовительный этап для будущей работы.

В 1918 г. в Иркутске открывается университет, доцентам которого становится Б.Э. Петри [Этнологические исследования…, 1922, с. 22-23]. Вокруг него постепенно складывается группа увлеченных археологией студентов. 30 марта 1919 г. считается официальной датой возникновения кружка народоведения под руководством Б.Э. Петри [ИГУ, 1921, с. 42; 1928, с. 58]. В 1918 г. он со студентами ИГУ совершает экскурсии на археологические памятники в окрестностях Иркутска — Верхоленскую гору, Ерши, Царь-Девица, Кузьмиха и т.д.

Исследования в окрестностях г. Иркутска продолжались на протяжении 20-30-х гг. XX в. и, судя по записям книг поступлений археологических материалов, памятники в окрестностях Иркутска стали пунктами обучения методике проведения археологических исследований, описания объектов и методике раскопочных работ для студентов университета и краеведов.

В фондах ИОКМ хранится 18 коллекций, собранных в окрестностях г. Иркутска на археологических объектах «Верхоленская гора, Ерши, Царь-Девица, Кузьмиха, Межовка и т.д.».

Коллекции, собранные на Верхоленской горе.

Коллекция № 9 поступила в январе 1919 г. и была зарегистрирована в октябре 1919 г. Подъемный материал собран на пашне у каменоломни и пашне у Верхоленской горы. В описи первоисточника есть примечание: «В сборах участвовал студент Жарков». Всего в коллекции насчитывается пять предметов: три фрагмента керамики (№ 4-6), фрагмент курительной трубки с металлическим соединительным кольцом и бронзовой шпилькой с двойным округлым набалдашником (№ 9), тесло с пришлифованным лезвием на продолговатой речной гальке (№ 10).

Коллекция № 602 поступила в 1937 г. и была зарегистрирована 9 мая 1938 г. В коллекционной описи есть примечание: «Сборы были ранее не зарегистрированы», скорее всего, коллекция была собрана в 1919 г. студентами ИГУ, а передана в музей лишь в 1937 г. Коллекция представлена пластиной с ретушью из аргиллита (№ 2).

Коллекция № 603 поступила весной 1919 г. и была зарегистрирована в сентябре-октябре 1919 г. В коллекционной описи есть примечание, написанное рукой Б.Э. Петри: «Разведочный материал из палеолитической стоянки «Каменоломня» на правом мысу пади Жарникова на Верхоленской горе. Раскопки произведены без особого плана непосредственно разнесением борта каменоломни студентами Иркутского университета весной 1919 г. Поступили в музей в сентябре 1919 г. Число предметов 376».

На сегодняшний день в коллекции насчитывается 267 предметов. Наибольшее число представлено каменной индустрией — 198 экз. (сколы, битый кремень, нуклеусы, заготовки нуклеусов, ножи и ножевидные изделия, скребла, остроконечник), изделия из кости — 4 экз. (рог с подработкой — 2 экз., гарпун — 1 экз., фрагмент гарпуна — 1 экз.), фаунистические остатки -16 экз.

Коллекция № 721. В этой коллекции собран материал из археологических раскопок на «Верхоленской горе» за пять лет. В описи есть примечание М.П. Аксенова: «Опись за 1920-1925 гг., если судить по плану из отчета Петри. 10.V.1965 г. М.П. Аксенов (подпись)».

Также в коллекционной описи есть пометки и примечания, сделанные рукой Б.Э. Петри: «Определения костей сделаны старшим зоологом Академии Наук А.А. ……? [фамилия неразборчива]. Его определения отмечены литерой (Б.Б.). Некоторые определения сделаны профессором В.Ч. Дорогостайским, отмечены (подписью) он за свои определения не ручался и просил относиться к ним как провизорным, так как делал их без атласа и остеологического материала. Б.Э. Петри».

При описании некоторых предметов каменного инвентаря Б.Э. Петри использовал названия предметов на французском языке.

Определения Б.Э. Петри в коллекционной описи:

«Eclat съ бугоркомъ и меткой отъ удара (ударнымъ знакомъ)»

«Eclat съ ударнымъ бугорком и волнистостью»

«Eclat съ ударнымъ бугоркомъ и лучистостью»

«Lame с валунной коркой»

В коллекции насчитывается 2 025 предметов, в основном представленных каменной индустрией (отщепы, пластины, микропластины, нуклеусы, заготовки нуклеусов, отбойники из круглых галек, бифасы, унифасы, ножи и т.д.).

При описании материала делались примечания такие как:

«баночка с длинными характерными Lames (добавлены из разных кубов)»

«нож из аргиллита»

«нож ориньякского типа»

При работе с этой коллекцией М.П. Аксеновым в 1965 г. в коллекционной описи были сделаны примечания:

1038, 1242, 1273(3) — нуклеус и две пластины (аппликация М.П. Аксёнова)

1040, 1275(2) — пластины (аппликация М.П. Аксёнова)

1070, 1655(2) — фрагменты бифаса (аппликация М.П. Аксёнова)

1247, 1269(2) — фрагменты пластин (аппликация М.П. Аксёнова)

1546, 1551(2) — фрагменты бифаса (аппликация М.П. Аксёнова)

2039, 2043(2) — фрагменты бифаса (аппликация М.П. Аксёнова)

2218, 2916(2) — фрагменты нуклеуса (аппликация М.П. Аксёнова)

2019-2020, 2025-2026, 2067, 2070-2071, 2131, 2238, 2240, 2243, 2264, 2306, 2391-2392, 2435, 2489(17) — пластины и отщепы (коллекция отобрана М.П. Аксёновым).

Коллекция № 801 собрана на «Верхоленской горе» за два полевых сезона 1919 и 1920 гг. Регистрировал эту коллекцию сам Б.Э. Петри, о чем свидетельствует запись в описи первоисточника: «Раскопка палеолитической стоянки (подъемный материал) произведена студентами ИГУ летом 1919 и 1920 гг. Поступили в музей в сентябре 1919 г. и сентябре 1920 г. Регистратор Б.Э. Петри. Число предметов 242».

В коллекции насчитывается 274 предмета; состоит только из каменного инвентаря.

Коллекция № 802 поступила в сентябре 1919 г. и была зарегистрирована в сентябре-октябре 1919 г., о чем свидетельствует пометка в описи первоисточника: «Палеолитическая стоянка «Каменоломня». На правом мысу пади Жарникова на Верхоленской горе. Сборы с поверхности пашни. Подъемный материал (сборы) произведены студентами ИГУ летом 1919 г.».

В коллекции насчитывается 311 предметов каменной индустрии — это (наконечник копья — 1 экз., заготовка остроконечника — 1 шт., резец — 1 экз., пест-отбойник — 1 экз., нуклеусы и заготовки нуклеусов — 24 шт., бифасы — 9 экз., скребки — 15 шт., битый агиллит — 35 шт., сколы — 224 шт.).

Следует так же отметить, что эта коллекция и коллекция под — № 603 были собраны в одно время, но разбиты на две группы по разным коллекциям, так как были собраны с разных пунктов «Верхоленской горы».

Коллекции, собранные в местности «Ерши».

Коллекция № 358 поступила в июле 1937 г. и была зарегистрирована 22 ноября 1937 г. Материал собран на левом берегу р. Ангары в месте «Ерши». В описи этой коллекции имеется пометка: «Керамика и каменная индустрия. Сопроводительная бумага к коллекциям, отправленным Петри за границу отсутствует. Старый список — № 52».

Коллекция состоит из семи предметов и представлена одним отщепом и шестью фрагментами керамических сосудов.

Коллекция № 359 поступила в июле 1937 г. и была зарегистрирована 22 ноября 1937 г. Материал собран на левом берегу р. Ангары. В коллекционной описи имеется пометка: «Керамика и каменная индустрия. Сопроводительная бумага к коллекциям, отправленным Петри за границу отсутствует. Старый список — № 51»

Коллекция состоит из 108 предметов, представлена шестью предметами каменной индустрии и 102 — фрагментами керамических сосудов.

Коллекция № 754 поступила в июне 1923 г. и была зарегистрирована 26 ноября 1923 г. Материал собран у с. Ерши Смоленской волости Иркутского уезда. В коллекционной описи имеется примечание: «Результаты поиска студенческой научной экскурсии».

Коллекция состоит из 374 предметов, представлена 118 предметами каменной индустрии и 256 фрагментами керамических сосудов.

Коллекция № 955. Материал был собран на левом берегу р. Ангары, на 13-м км от Иркутска. В коллекционной описи имеется примечание: «Стоянка неолитического человека. Раскопки проводились летом 1919 г.».

Коллекция состоит из 154 предметов, представлена 106 каменными артефактами (скребки, нуклеусы, вкладыш, сколы) и 48 фрагментами керамических сосудов («сетка-плетенка», «шнур», «штриховая», различные вариации вдавлений и штампа»).

Коллекции стоянки Царь-Девица.

Коллекция № 765 поступила в 1920 г. Коллекционную опись сопровождает описание стратиграфии и примечания, сделанные рукой Б.Э. Петри: «Раскопки произведены под руководством проф. Б.Э.Петри, при помощи добровольцев студентов Иргосуна, Губпартшколы, учеников глазковской железнодорожной школы 2-й ступени, руководителей юных пионеров и ряда других организаций.

Предметы ранней неолитической культуры.

Стоянка имеет в разрезе такой вид:

30 см: слой гальки, насыпан железной дорогой, предохранивший от уничтожения стоянку; встречаются предметы позднего неолита.

35 см: (I к.г.)слой черноземной лессовидной глины, нетронутый; встречаются предметы позднего неолита; слой бедный; так как он интереса не представляет, то регистрировались только значительные предметы; отщепы, пластины были выброшены, как не характерные.

20 см: (II к.г.) слой чистой лессовидной глины; «культурный слой»; много предметов раннего неолита; регистрировалось все кроме отщепов, которых в нем громадное количество.

Галька.

Б.Э. Петри».

Коллекция состоит из 2370 предметов и представлена изделиями из камня, керамики и кости.

Примечание: в описи первоисточника приведены шифры кубов (например, А-1, Б-3, С-25, F-16, М-11 и т.д.) и номера обнаруженных в них находок с указанием номера культурного горизонта (I-II). Это позволяет восстановить план раскопа Б.Э. Петри Царь-Девицы (20-х гг.) поквадратно.

Коллекция № 966. Дата поступления коллекции в музей неизвестна.

В коллекционной описи имеется примечание: «Левый берег Ангары, против города Иркутска. Материалы из разведок и подъемный материал». Коллекция состоит из 585 предметов и представлена изделиями из камня — 508 шт., керамики — 83 экз. и кости — 1 экз.

Коллекции из местности Кузьмиха.

Коллекция № 7 по данным описи поступала от Б.Э. Петри частями с 1919 по 1924 гг. Коллекция была собрана в окрестностях г. Иркутска: «Огороды в деревне Кузьмиха». В коллекционной описи имеется примечание, сделанное рукой Б.Э. Петри «Подъемный материал собран в ходе экскурсий под руководством проф. Петри со студентами университета, учащимися школы I и II ступеней и любителями археологии. Смешанная стоянка у д. Кузьмиха. Левый берег р. Ангары между 4 и 5 верстой от Иркутска».

Коллекция содержит 122 предмета, представлена фрагментами керамики — 90 экз.; изделиями из камня — 31 экз. (отщепы, в том числе с ретушью — 21 экз., скребки — 4 экз., пластины, в том числе с ретушью — 3 шт., резцы — 2 экз., 1 — фрагмент шлифованного нефритового изделия — № 69; железный шлак — 1 экз.).

Коллекция № 11 по данным коллекционной описи поступила летом 1919 г. от Б.Э. Петри и зарегистрирована в январе 1920 г. Коллекция собрана в окрестностях г. Иркутска: «неолитическая стоянка Титово расположена между селом Кузьмиха и деревней Титова в 0,5 версты от деревни Титова в сторону Байкала». Стоянка была названа у «Мысочка». В описи первоисточника даны стратиграфический рисунок, его описание и описание местонахождения материала, сделанные рукой Б.Э. Петри, а также небольшое примечание: «Стоянка открыта летом 1919 г. Л.И. Петри и ей же раскопана».

В коллекции насчитывается 78 предметов. Из них 17 фрагментов керамических сосудов с подробным описанием и 61 изделие из камня (пластины — 38 шт., в том числе с ретушью, отщепы — 18 шт., 4 нуклеуса — №№ 16, 17(2), 61; фрагмент наконечника стрелы с симметрично вогнутым насадом и отсутствием жала).

Коллекция из пади Малая Межовка.

Коллекция № 8 по данным описи поступила от Б.Э. Петри и была зарегистрирована в октябре 1919 г.; дата поступления точно неизвестна. Коллекция собрана на «стоянке в пади Малая Межовка на пятой версте от Иркутска по реке Ангаре». В описи есть примечание: «Подъемный материал доставлен студентами ИГУ весной 1919 г.».

Коллекция насчитывает 19 предметов. Состоит из 17 фрагментов керамических сосудов с различным орнаментом и техническим декором, заготовкой нуклеуса (№ 14) и кузнечным шлаком (№ 28).

Коллекция из пади Большая Межовка.

Коллекция № 47 поступила весной 1919 г. от Б.Э. Петри и была зарегистрирована в декабре того же года. В коллекционной описи имеется примечание Б.Э. Петри: «Смешанная стоянка в пади «Большая Межовка», на 9-й версте от ст. Иркутск вверх по р. Ангаре. Раскопки студентов ИГУ в марте 1919 г.».

Коллекция состоит из 84 предметов: 62 фрагмента керамики, 22 изделия из камня (фрагмент нефритового топора (лезвие) со следами шлифовки (№ 14), нуклеус-резец (№ 63), обломок наконечника стрелы (№ 68), сколы — 19 экз.).

Коллекция из пади Забан.

Коллекция № 23-а была собрана в ходе разведок в долине р. Ангары в 1919 г. «Правый берег р. Ангары — около двух верст ниже от впадения р. Китой. Материал подобран в пади «Забан». «Неолитическая эпоха» (прим. Б.Э. Петри).

Коллекция представлена тремя фрагментами керамических сосудов.

Коллекции из местности Суховская.

Коллекция № 747 по данным описи поступила в июне 1923 г. от Б.Э. Петри и была зарегистрирована 27 октября того же года. Коллекция собрана у д. Суховская Иркутского уезда в 37 верстах от г. Иркутска. В коллекционной описи имеется примечание Б.Э. Петри: «Результаты раскопок студенческой научной экскурсии. Предметы были подняты на двух пашнях: 1 — пашня Орлова, 2 — пашня Гаврилова».

Коллекция состоит из 128 предметов, представлена 107 изделиями из камня, 20 фрагментами керамических сосудов и одним бруском из бронзы.

Коллекции из бухты Песчаной (оз. Байкал).

Исследования на Байкале тесно связаны с именем Б.Э. Петри.

В фондах ИОКМ находятся коллекции, которые, скорее всего, были собраны Б.Э. Петри в первые годы его научной деятельности в Прибайкалье.

Коллекция № 379 поступила от Б.Э. Петри в мае 1937 г. и была зарегистрирована 30 декабря 1937 г. Место сбора — оз. Байкал, о. Ольхон, Улан-Хада. В коллекции числится восемь предметов каменной индустрии.

Коллекция № 728 по данным записи в коллекционной книге поступила от Б.Э. Петри после раскопок в 1913, 1914, 1916 гг. из мест Эхирит-Булагатского аймака, Курумчинского сомона, улуса Шохтай, пади Уту-Елга. В коллекционной описи есть примечание, сделанное Б.Э. Петри: «Предметы ранней железной эпохи, так называемых «Курумчинских кузнецов», которые являются проблематическими предками якутов. Добыты в Бурятии».

В коллекции насчитывается 288 предметов, представленных изделиями из железа, керамики, камня и кости.

После археологических разведок и раскопок 1918 г. под Иркутском Б.Э. Петри продолжает научные изыскания на оз. Байкал в бухтах Песчаная (Бабушка), Сенная, Колокольная — 1919 г. [Петри, 1921, с. 56-65; 1926б, с. 39]. Сборы этих лет с побережья оз. Байкал хранятся в фондах ИОКМ.

Коллекция № 251 поступила от Б.Э. Петри 24 апреля 1936 г. Место сбора — оз. Байкал, бухта Песчаная. Коллекция представлена 26 фрагментами керамических сосудов поздненеолитического периода.

Коллекция № 361 поступила в сентябре 1937 г. и была зарегистрирована 24 ноября того же года. Место сбора — оз. Байкал, бухта Песчаная, неолитическая стоянка — № 2. В коллекционной описи есть запись: «Кабинет археологии Университета, где коллекция была занесена под — № 13, сборы 1919 г.». Коллекция насчитывает 444 предмета и представлена 356 фрагментами керамических сосудов и 88 предметами каменной индустрии.

Коллекция № 362 поступила в сентябре 1937 г. и была зарегистрирована 24 ноября того же года. Место сбора коллекции — оз. Байкал, бухта Песчаная, неолитическая стоянка № 1. В коллекционной описи есть запись: «Кабинет археологии Университета, где коллекция была занесена под — № 12, сборы ноябрь 1919 г.». Коллекция представлена фрагментами керамических сосудов — 256 экз. и предметами каменной индустрии — 227 шт.

Коллекция № 363 поступила в сентябре 1937 г. и была зарегистрирована 24 ноября того же года. Место сбора коллекции — оз. Байкал, бухта «Бабушка» (Песчаная). В коллекционной описи есть запись: «Кабинет археологии Университета, где коллекция была занесена под — № 14, сборы 1919 г.». Коллекция представлена фрагментами керамических сосудов — 5 экз. и предметами каменной индустрии — 347 шт.

Коллекция № 364 поступила в сентябре 1937 г. и была зарегистрирована 26 ноября того же года. Место сбора коллекции — оз. Байкал, бухта Песчаная (бухта Колокольная). Коллекция состоит из 749 предметов и представлена фрагментами керамических сосудов — 697 экз., предметами каменной индустрии — 47 шт., изделиями из бронзы — 3 экз. (ножи) и фаунистическими остатками — 2 шт.

Коллекция № 365 поступила в сентябре 1937 г. и была зарегистрирована 27 ноября того же года. Место сбора коллекции — оз. Байкал, бухта Песчаная (бухта Сенная). В коллекционной описи есть запись: «Кабинет археологии Университета, где коллекция была занесена под — № 15, сборы 1919 г.». Коллекция представлена пятнадцатью фрагментами керамических сосудов поздненеолитического времени.

Коллекция из местности Большие Коты.

В 1926 г. Бернгард Эдуардович возвращается к исследованию на Байкале. В районе с. Большие Коты около биологической станции Иркутского госуниверситета открывает и раскапывает неолитическую стоянку. Здесь была найдена своеобразная каменная индустрия и керамика с оттисками сетки-плетенки, гладкостенная и шнуровая, с орнаментом стеком, насечками и накладными валиками.

Коллекция № 378. Место сбора — Байкальская биологическая станция, падь Коты.

Коллекция поступила в июне 1937 г. и была зарегистрирована 21 декабря 1937 г.

Коллекция состоит из 32 фрагментов керамических сосудов (с оттисками сетки-плетенки, гладкостенная и шнуровая, с орнаментом стеком, насечками и накладными валиками).

Коллекция из местности Рогатка.

Коллекция № 202. Место сбора — оз. Байкал, «Рогатка». Поступила в фонды музея в 1936 г. Коллекция насчитывает 1713 предметов, представлена изделиями из камня — 1275 экз., фрагментами керамических сосудов — 404 экз. и фаунистическими останками — 34 шт.

Коллекции из бассейна р. Лены.

Археологическому исследованию подвергались и верховья р. Лена [Петри, 1923].

В фондах ИОКМ имеются две коллекции, собранные Б.Э.Петри на притоках реки Лены.

Коллекция № 75 была собрана в «Нижнеилимской волости в селении Мукское на реке Куть, которая впадает в р. Куту, приток р. Лены, верстах в 4-х, от левого берега в 5-6 саженях, на глубине 2/4 аршина». Время поступления и регистрации неизвестно.

Коллекция состоит из одного предмета и представлена шлифованным теслом из глинистого сланца.

Коллекция № 761 поступила в сентябре 1923 г.

Место сбора — «Верхнеленский уезд, окрестности с. Тутуры». В описи есть примечание: «№№ 2-21 материал из погребения, подъемный материал № 24-31».

В коллекции насчитывается 21 предмет: изделия из кости (костяные наконечники стрел — 7 шт.) и камня (каменные наконечники стрел — 8 шт., нефритовое тесло — 1 шт., фрагмент нефритовой породы со следами шлифовки — 1 экз., шлифованный топор из глинистого сланца — 1 экз.). Имеются также примечания «найден на пашне около с. Жигалово, семь верст от Тутуры вниз по Лене», отщепы — 3 шт., «из земли с вершины холма».

Надо отметить, что иркутские археологи занимались исследованиями в Забайкалье и Монголии. Причем, изучению этих районов Б.Э. Петри придавал важное значение для понимания этнокультурных процессов на юге Средней Сибири [Петри, 1923, с. 11].

В 1923 г. Б.Э. Петри и Г.Ф. Дебец совершают первую зарубежную археологическую экспедицию в Монголию на оз. Косогол (Хубсугул) (Петри, 1926а, с. 92-100). Судя по документам, в фондах ИОКМ хранится 5 коллекций, собранных в сентябре 1923 г. этноархеологической экспедицией под руководством Б.Э. Петри в Монголии на берегу высокогорного озера Косогол [Петри, 1926а, с. 4]. Надо отметить, что в одной коллекции под одним коллекционным номером могут быть зарегистрированы предметы с разных мест. Большинство предметов были собраны по теме «неолит, бронзовый век».

Коллекция (новый №759) поступила 1 октября 1923 г. от Б.Э. Петри и была зарегистрирована 4 декабря 1923 г. Всего в коллекции насчитывается 263 предмета. В основном она состоит из 178 — фрагментов керамических сосудов и предметов каменной индустрии — 85 шт. (скребло из крупнодисперсного песчаника — 1 экз., пластины — 58 шт., отщепы — 26 шт.). Коллекция была

собрана — оз. Косогол в пади Шошул на выдувах. «…В северном направлении дюны подходят без всякого перерыва до пади Шошул с речкой того же названия. Здесь имеется обширный выдув, правда, еще не вполне законченный и в значительной части засыпанный свежими песчаными наносами, но все же давший значительные сборы, главным образом керамики…» [Петри, 1926а, с. 11].

Коллекция (новый № 760) была собрана на оз. Косогол в бухте Далбай на песчаных выдувах. Стоянка занимает очень большую площадь, и все находки удалены друг от друга на очень большое расстояние [Петри, 1926а, с. 8].

Поступила 1 октября 1923 г. от Б.Э. Петри и была зарегистрирована 6 декабря 1923 г. Всего в коллекции насчитывается 133 предмета: фрагменты керамических сосудов — 61 экз., предметы каменной индустрии — 71 шт. (скребки — 5 шт., пластины, в том числе с ретушью — 66 шт.), изделия из бронзы — 1 шт. (бронзовый нож).

Следует выделить некоторые предметы из этой коллекции, которые были опубликованы — это бронзовый нож под — № 28 [Петри, 1926а, с. 9; Петри, 1928, с. 46] и кремневый наконечник стрелы «американского типа» под — № 58, который представляет собой очень редкий экземпляр для Прибайкалья [Петри, 1926а, с. 9; 1928, с. 28]. Последний, к настоящему времени, утрачен.

Коллекция (новый № 763) поступила в октябре 1923 г. от Б.Э. Петри и была зарегистрирована 10 декабря 1923 г. Всего в коллекции насчитывается 133 предмета. Из них 18 предметов не имеют порядкового номера. Преимущественно, это сколы — 16 шт. и 2 фрагмента керамики, один из которых имеет отпечатки тонкой сетки-плетенки.

В коллекционной описи имеются примечания, с какого, по какой номер и где были собранны данные предметы:

- №№ 1-12 в бухте Анчикатан.

- № 13 фрагмент керамики, который был найден на левом берегу р. Алаксыр, впадающую в оз. Косогол. Этот фрагмент керамики был первым вещественным доказательством пребывания первобытного человека на берегах оз. Косогол [Петри, 1926а, с. 6-7].

- №№ 14-31 бухта Тана, правый берег одноименной реки. «…На одной из дюн на правом берегу реки Тана мною были подняты в небольшом чашеобразном выдуве черепки, типичные для так называемой культуры курумчинских кузнецов, ранний железный век…» [Петри, 1926а, с. 12-13].

- №№ 32-50 бухта Тана, левый берег. Бухта Тана широко открыта для ветров. Берега ее представляют собой обширные выдувы [Петри, 1926а, с. 12].

- №№ 51-60 в бухте Ханга было собрано всего девять предметов, в наличии есть только четыре. Это три отщепа под -№№ 53, 56, 57, и одна пластина -№55, остальные предметы утеряны.

Бухта Морин-Тоскул с №№ 61-94, всего 33 предмета. Бухта хорошо защищена горами от ветров, более мягкий климат позволяет здесь расти кедрам и цветам [Петри, 1926а, с. 10].

Благодаря данным коллекционной описи удалось выяснить, что археологический материал был собран в шести разных пунктах.

Коллекция (новый №764) поступила 1 октября 1923 г. от Б.Э. Петри и была зарегистрирована 15 декабря 1923 г. Всего в коллекции насчитывается 64 предмета: 7 фрагментов керамики, 3 скребка, 51 скол (пластины, отщепы), одно костяное острие.

По данным коллекционной описи предметы были собраны в бухте Ноин-Гол (Девять-Рек). «Бухта представляет собой полосу берега, покрытую дюнами. Дюны вплотную прижаты к горам, …Только в одном месте, приблизительно в середине между р. р. Шошул и Ноин-Гол, несколько ближе к Ноин-Голу находится выдув, на котором собрано порядочное количество орудий….» [Петри, 1926а, с. 11].

Коллекция (новый № 766) поступила 2 ноября 1924 г. от Б.Э. Петри и Олега Петри. Всего в коллекции насчитывается 6 предметов. В коллекционной описи есть примечания.

Примечание:

«Берег Косогола у впадения в него р. Тоя, от устья — левый берег, песчаный выдув», «… Севернее фактории Госторга за мысом на песках при впадении реки Тоя найдена еще одна стоянка, давшая незначительное количество неолитической индустрии…» [Петри, 1926а, с. 13].

- № 2 нуклеус сильно замытый.
- № 3 концевой скребок на пластинчатом отщепе.
- № 4 фрагмент керамики с мелкими овальными вдавлениями.
- № 5 фрагмент гладкостенной керамики.

Примечание:
- №№ 3-5 «Озеро Косогол, Бухта Тана — правый берег реки Тана».
- №№ 6-7 фрагменты керамики.

Примечание:
- №№ 6-7 «Озеро Косогол, Бухта Тана — правый берег реки Тана».

Коллекции из Тункинской котловины.

По документам ИОКМ четыре коллекции были собраны Б.Э. Петри в Тунке.

Коллекция № 62 поступила 1 октября 1923 г. В коллекционной описи имеется примечание: «станция за Тункой, предметы неолитической и железной культуры».

Коллекция состоит из 16 предметов; из них: 4 фрагмента венчика керамических сосудов, 6 предметов из железа (один железный наконечник стрелы (№ 31), 5 фрагментов изделий), один микродиск из нефрита (№ 5) и 5 фрагментов фаунистических остатков.

Коллекция № 147 поступила в 1926 г.; состоит из 11 предметов, девять из которых представлены изделиями из камня (2 нуклеуса, 2 скребка, 5 пластин) и 2 фрагмента гладкостенной керамики, один из которых венчик.

Коллекция № 191 поступила в 1927 г.; состоит из 19 предметов и представлена 18 — фрагментами керамических сосудов и одним фрагментом кости.

Коллекция № 194 поступила в 1927 г.; состоит из 62 предметов и представлена 59 — фрагментами керамических сосудов и двумя изделиями из бронзы (фрагмент бронзовой пластины — № 45, бронзовая пуговица — № 52).

Коллекции из Средней Азии.

В фондах ИОКМ хранятся две коллекции, из г. Мерв, сданные Б.Э. Петри в 1926 г. Надо отметить, что литературу по соответствующим исследованиям найти не удалось.

Коллекция № 138 Средняя Азия, г. Мерв.

Коллекция представлена восемнадцатью фрагментами поливной, раскрашенной и орнаментированной керамики. Примечание: на фрагменте под — №7 тушью сделана надпись «Мервъ».

Коллекция № 139 Средняя Азия, г. Мерв.

Коллекция представлена тремя фрагментами поливной керамики — №№ 4, 20, 22.

Коллекционной описи не сохранилось. Судя по номерам на предметах, можно предположить, что коллекция состояла как минимум из 22 экз.

Коллекции с р. Оки.

Археологическому исследованию в 20-х гг. XX в. подвергались и притоки р. Оки.

В фондах ИОКМ хранятся 3 коллекции из этого района, сданные Б.Э. Петри.

Коллекция № 146 была собрана в местечке «Улус Охр-Шибар» в 1926-1927гг. Всего в коллекции насчитывается 61 предмет: 47 фрагментов керамических сосудов, один предмет каменной индустрии и 13 изделий из металла.

Коллекция № 148 поступила от Б.Э. Петри в 1926 г. Место сбора: «р. Ока, устье р. Жам-Булук». Коллекция представлена 53 фрагментами керамических сосудов.

Коллекция № 149 поступила от Б.Э. Петри в 1926 г. Место сбора: «р. Ока, устье р. Жам-Булук». Коллекция состоит из 17 предметов и представлена 2 гальками и 15 фрагментам фауны.

Коллекции из европейской части России.

В фондах Иркутского областного краеведческого музея хранятся 3 сданные Б.Э. Петри коллекции, которые происходят из европейской части России.

Коллекция № 133 поступила в 1926 г. Всего в коллекции насчитывается 35 находок; из них 28 предметов каменной индустрии и семь фрагментов керамических сосудов.

Примечания: на пластинах с — №№ 28, 30 тушью нанесена надпись «Россія». На трех фрагментах керамики наклеены марки с надписями: — №№ 39, 40 «Раскопки В. Каменского, 1906 г. близ г. Балахны. Пырская стоянка».

- №№ 37 «Раскопки В. Каменского, 1906 г. Близ г. Балахны. Выселки».

Коллекция № 137 датирована 1926 г. Кроме пометки «Европейская Россия» в коллекционной описи данных о местонахождении материала нет. Коллекция представлена пятью фрагментами керамических сосудов.

Коллекция № 142 поступила в 1909 г. Место сбора коллекции Верхняя Волга, оз. Веше. Коллекция представлена предметами каменной индустрии — 31 экз. В основном, это орудийный набор.

В фондах ИОКМ есть еще одна коллекция под — № 145, поступившая от Б.Э. Петри в 1926 г. без указаний места сбора. Коллекция представлена одним фрагментом каменного хорошо отшлифованного колющего орудия.

При просмотре коллекций Б.Э. Петри и коллекционных описей возникают некоторые проблемные ситуации.

Все ли материалы, сданные Б.Э. Петри, собраны при его непосредственном участии или же просто прошли через его руки. Особенно это касается коллекций из европейской части России.

Б.Э. Петри был арестован в мае 1937 г. [Константинов, 2002, с. 79; Сирина, 2002, с. 75]. Жизнь его оборвалась 25 ноября 1937 г. [Энциклопедия Забайкалья, 2006, с. 428]. Некоторые его сборы с указанием фамилии поступили в музей именно в этот период, в это же время или зарегистрированы даже после ноября 1937 г. Сам он уже ни сдать материалы, ни зарегистрировать их не мог.

Коллекции археологического материала, собранные и сданные Б.Э. Петри, являются своеобразной иллюстрацией его деятельности. Большинство материала не было опубликовано ни в его время, ни после. Поэтому, хранящиеся в ИОКМ сборы ученого являются ему своеобразным памятником, который существует, будет существовать, имеет определенную историческую ценность и ждет новых скрупулезных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

10 лет Иркутскому университету 1918-1928 гг. — Иркутск, 1928. — 58 с.

ИГУ. 27.X.1918 — 27.X.1921: Сб. ко дню трехлетия существования ун-та. — Иркутск, 1921. — 42 с.

К изучению Прибайкалья (о раскопке проф. Б.Э. Петри неолитического некрополя у с. Тутуры) // Университет. слово. — 1923. — № 21.

Константинов М.В. Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. — 105 с.

Петри Б.Э., Михайлов В.А. Отчет о командировке Б.Э. Петри и В.А. Михайлова // Изв./Рус. комитет для изуч. Средней и Вост. Азии. — 1913. — Сер. 2, № 2. — С. 92-110.

Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалья // Изв./Рус. ком. для изуч. Средней и Вост. Азии. — 1914. — Сер. 2, вып. 3. — С. 89-106.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварительное сообщение о раскопах стоянки Улан-Хада // Сб. МАЭ АН. — 1916а. — Т. 3. — С. 113-132.

Петри Б.Э. Отчет о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физ.-мат. наук, истории и филологии. — 1916б. — 7 с.

Петри Б.Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сборник трудов профессоров и преподавателей / Иркут. ун-т, 1921. — Вып. 2. — С. 56-65.

Петри. Б.Э. Задачи этнологической секции Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. — Иркутск, 1923. — 11 с.

Петри Б.Э. Древности озера Косогол (Монголия) // Бюл. всесоюз. науч. Ассоц. Востоковедения/Иркут. филиал. — 1926а. — № 1. — С. 92-100.

Петри Б.Э. Сибирский неолит // Изв./БГНИИ при ИГУ. — 1926. — Т. 3, вып. 1. — С. 39-75.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья: Научно-популярный очерк. — Иркутск, 1928. — 73 с.

Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. — М.: Вост. лит., 2002. — Вып. 1. — С. 57-80.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. — Новосибирск: Наука, 2006. — Т. III. — 541 с.

Этнологические исследования при Иркутском государственном университете за трехлетие 1919-1921 гг. // Наука и ее работники. — 1922. — № 5. — С. 22-23.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Е.В. Акимова
Лаборатория археологии и палеографии Средней Сибири ИАЭТ СО РАН,
Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1974-2008 гг.)

История археологического изучения края в Красноярске имеет давние традиции. Если не углубляться в историю первых академических экспедиций в Сибири и первых энтузиастов-собирателей частных коллекций XVIII в., то реально первым археологом и первым «учителем» археологии в Красноярске, сплотившим вокруг себя учеников и последователей, можно считать И.Т. Савенкова. Позже, в 1920-е гг., археологическое изучение Приенисейского края Н.К. Ауэрбахом, Г.П. Сосновским и В.И. Громовым было неразрывно связано с археологическим кружком при красноярской школе № 3. В самой системе непременного существования цепочки «учитель-археолог — ученик-археолог» не надо искать чего-то необычного: это специфика археологии как науки. Археолог не может работать в одиночку: его поле деятельности значительно «шире письменного стола», а силы, прилагаемые к исследованию, значительно превышают силы одного человека. Подобные кружки, секции, объединения, группы всегда существовали в разных регионах и в разные периоды жизни нашей страны. Черты различия между ними объяснялись во многом чертами личностей самих археологов: их талантом, энтузиазмом, обаянием. Красноярску в этом отношении повезло: И.Т. Савенков и Н.К. Ауэрбах стали для нас и точкой отсчета и планкой, к которой всегда надо тянуться.

В послевоенные годы археологическое изучение края местными силами велось на базе Красноярского краеведческого музея. Курс археологии в педагогическом институте несколько лет (1963-1972 гг.) преподавал археолог музея Н.В. Нащекин. В эти годы он ведет разведочные работы в окрестностях Красноярска, в Бирилюсском и Большеулуйском районах, на территории Хакасии [Макаров, 1989].

В 1973 г. после окончания Иркутского государственного университета в Красноярск переезжает Н.И. Дроздов. Став сотрудником музея, он начинает вести археологию на историческом факультете КГПИ. В 1974 г. им была организована Северо-Ангарская археологическая экспедиция, ориентированная на изучение каменного века в Богучанском и Кежемском районах. Значение этого события огромно. Дело не только в том, что впервые теоретический курс археологии получает практическое продолжение, но и в том, что на основе экспедиции начинают формироваться кадры археологов, без чего было бы невозможно дальнейшее археологическое изучение Красноярского края.

Уже в 1974 г. Н.И. Дроздовым был организован кружок сибирской археологии для студентов истфака, а в 1976 г. — археологический кружок для школьников, занятия в котором вели студенты. Цепочка «учитель-археолог…» получила следующее звено. В первом составе студенческого

кружка были А. Асочаков, А. Пашинов, В. Королева, Н. Макаров, В. Колмаков, Н. Сейфулин и др. Среди первых участников школьного кружка — А. Вдовин, В. Злодеев, А. Машков, А. Вайтусин и др. В 1977 г. был создан лагерь старшеклассников «Юный археолог», по организационной форме и стилю не имеющий аналогов в СССР. Его директором стал выпускник истфака А.А. Пясецкий.

В 1970-е — первой половине 1980-х гг. основное внимание уделялось памятникам Нижней Ангары. Тогда ведутся раскопки стоянок Чадобец, Пашино, Усть-Кова, Толстый Мыс, разведочные работы на целой серии местонахождений (Кода, Дворец, Рожково, Окуневка, Гольтявино, 330 километр, Проспихино и многих других). Ежегодно проводятся разведки по маршруту Кежма — Красноярск, во время которых были открыты десятки стоянок и местонахождений петроглифов по Ангаре и Енисею [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989; Леонтьев, Макулов, 1989].

Уже в конце 1970-х гг. основным объектом исследований становится многослойное поселение Усть-Кова в Кежемском районе. За многие годы работ на Усть-Кове было вскрыто более 1,5 тыс. кв. метров площади. В раскопах было выявлены горизонты палеолита, неолита и средневековья.

На основании стратиграфии и радиоуглеродных дат Н.И. Дроздовым было выделено три палеолитических комплекса: поздний (в пределах 15-11 т.л.н.), средний (около 24 т.л.н.), ранний (около 33-30 т.л.н.) [Дроздов, 1981, 1992, Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1983].

По мнению Н.И. Дроздова ранний комплекс, фиксирующийся в раскопах 1976-79 гг., возможно, был переотложен с уровня III террасы, прислоненной к склону горы Седло. В качестве сырья здесь использовались песчано-глинистый сланец и мелкозернистый кварцит. Технику первичного расщепления характеризуют отщепы с сильно скошенными ударными площадками и пластины «псевдолеваллуа». Основные типы орудий представлены орудиями с «клювиками», скреблами с зубчатой ретушью, стругами, чопперами.

Средний и поздний комплексы, согласно двум датам по древесному углю, отнесены к 24 и 14 тысячелетиям. Для них характерен следующий набор артефактов: одноплощадочные монофронтальные и двуплощадочные кубовидной формы нуклеусы, наконечники-ножи бифасы лавролистной формы, ножи на пластинах, мелкие долотовидные орудия, проколки на отщепах и пластинках с одним- двумя жальцами, скребки копытовидной формы на массивных отщепах, струги-чопперы. К среднему комплексу отнесены также плоские круглые бусинки, обломок «браслета», разнообразные изделия неопределенного назначения, многочисленные пластины из бивня со следами нарезок и насечек. Подлинно уникальными находками на Усть-Кове являются два изделия из бивня мамонта, сделанные явно одной рукой. Интерпретация одного из них как скульптурного профильного изображения мамонта не вызывает возражений [Васильевский, Дроздов, 1983], второе же имеет два варианта трактовки: «птичка, сидящая на гнезде» [Васильевский, Дроздов, 1983] и нерпа [Акимова, Метляев, 2005].

На основании анализа каменного инвентаря Н.И. Дроздовым был сделан вывод о принадлежности позднего и среднего комплексов Усть-Ковы к новой, северо-ангарской археологической культуре. Ее характерными признаками являются параллельный принцип расщепления в сочетании с техникой леваллуа, о наличии которой свидетельствуют крупные пластины, использовавшиеся в качестве заготовок крупных клинков-бифасов; сочетание техники бифасиальной обработки с техникой краевой чешуйчатой ретуши; преобладание в каменном инвентаре разнообразных крупных и средних пластин с дорсальной ретушью по одному или обоим краям, а также проколок, долотовидных орудий и галечных стругов (при отсутствии классических чопперов). Для Усть-Ковы характерна развитая техника обработки бивня. В ряде работ Н.И. Дроздова высказывалась мысль о близости позднего и среднего комплексов Усть-Ковы мальтино-буретской археологической культуре, отмечались черты сходства с местонахождениями Малая Сыя и

Афанасьева гора в Хакасии, Шестаково в Кемеровской области, дюктайскими стоянками в Якутии, Сухотино I в Забайкалье [Дроздов, 1981, 1987, 1992].

Основная проблема в изучении палеолита Усть-Ковы заключалась в том, что морозобойное растрескивание и куполообразное вспучивание грунта привели к переотложению археологического и фаунистического материала и его смешению. Высказывалось мнение о невозможности определить критерии распределения материала по комплексам, о его «культурной и хронологической однородности» [Акимова, Блейнис, 1985].

Неолитический культурный горизонт Усть-Ковы содержал материал, относимый к серовской археологической культуре (III тыс. лет до н.э.). Здесь были найдены шлифованные тесла из траппа и нефрита, наконечники стрел и копий, многочисленные фрагменты круглодонных сосудов с отпечатками «сетки-плетенки» и разнообразной орнаментацией (гребенчатый штамп, «жемчужины», отступающая и пунктирная лопатки, прочерченные линии), фрагменты горшочков-дымокуров с «ушками» [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1983]. Уникальными стали открытые в 1978 и 1985 гг. два погребения-трупосожжения с неолитическим инвентарем, в числе которого горбатое тесло с ушками, двусторонне обработанные «мотыжки», призматические нуклеусы, наконечники стрел, костяные обкладки лука, оправы вкладышевых орудий, миниатюрное костяное изделие с системой сгруппированных надрезов по краям.

Благодаря работам на Усть-Кове, а также Чадобце и Пашино, Н.И. Дроздовым была создана периодизация неолита Северного Приангарья. Ранний неолит датирован VII-VI т.л. до н.э., средний этап — IV-III т.л. до н.э., концом III — первой половиной II т.л. до н.э. [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1983].

Эпохой средневековья (VI-IX вв. н.э.) были датированы усть-ковинские погребения женщины с ребенком в бересте и ритуальные захоронения железных предметов в кожаных или берестяных коконах, раскопанные в конце 1970 — начале 1980-х гг. [Леонтьев, Дроздов, 1996].

В 1977 г. студентом Н.Х. Сейфулиным была открыта первая и до сих пор единственная известная на Нижней Ангаре мезолитическая стоянка Усть-Кова I с характерным микролитическим инвентарем [Сейфулин, 1978; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1983].

Работы тех лет на Пашино и Чадобце позволили получить интересные материалы эпох неолита и палеометалла. В 1976 г. на Пашино было найдено древнейшее на Ангаре плавильное сооружение («домница»), датированное второй половиной I тыс. лет до н.э. [Седых, 1977; Леонтьев, 1999].

С небольшим разрывом по времени, с конца 1970-х гг., начинаются и археологические исследования в окрестностях Красноярска: с 1978 г. ведутся раскопки многослойной неолитической стоянки Няша в окрестностях пос. Березовка (В.А. Погудин, Н.И. Дроздов, при участии в 1979 г. Н.А. Савельева и А.Г. Генералова), с 1983 г. — многослойной палеолитической стоянки Лиственка около г. Дивногорска.

В начале 1980-х гг. деятельность кружка сибирской археологии КГПИ и лагеря «Юный археолог» получила признание на краевом и всесоюзном уровнях. В 1982 г. кружок («лаборатория археологии на общественных началах») стал лауреатом престижной премии комсомола Красноярского края, а в 1983 г. получил бронзовую медаль на ВДНХ в Москве. В 1983 и 1986 гг. на базе КГПИ впервые были проведены Региональные археологические студенческие конференции для Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. В 1984 г. красноярские археологи организовали Всесоюзную конференцию, посвященную 100-летию открытия Афонтовой Горы. В ней приняли участие ведущие археологи-палеолитоведы СССР (З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев, Г.И. Медведев и др.).

Середина 1980-х гг. стала для археологии пединститута временем переломным, сулящим большие перспективы. В 1985 г. при историческом факультете была организована хоздоговорная

тема по паспортизации памятников археологии. Специфика работы предполагала широчайший размах разведочных работ по всему краю, открытие новых памятников разных эпох, выявление перспектив их исследования. Именно в эти годы сотрудниками хозтемы ведутся археологические разведки по рекам Чулым, Тасеева, Бирюса, Ангара, Туба, Подкаменная Тунгуска (Л.Ю. Блейнис, А.А. Бокарев, В.Г. Буторин, Ю.А. Гревцов, А.Л. Заика, В.И. Макулов, Л.В. Новых, В.А. Погудин, С.Г. Степанов, А.Ю. Тарасов). В 1987 г. при ИИФФ СО АН СССР и Красноярском научном центре была создана Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири (ЛАПСС). Обе новые структуры возглавил Н.И. Дроздов. Впервые появилась реальная возможность закрепления подготовленных кадров археологов и привлечения к работе специалистов естественных наук: геологов, палинологов, палеонтологов. В то же время одним из последствий открытия ЛАПСС стало перенесение акцента с вузовской археологии на археологию академическую: создание лаборатории археологии в КГПИ было опять отложено на неопределенный срок.

В середине 1980-х гг. происходит окончательная переориентация с палеолита Ангары на палеолит Енисея: основное внимание сосредотачивается на Красноярском водохранилище, где в районе дер. Куртак сотрудниками хоздоговорной темы КГПИ В.И. Макуловым, А.Л. Заикой и С.Г. Степановым в мае 1986 г. были найдены артефакты архаичного облика. Работы на Усть-Кове отходят на второй план и после 1991 г. прерываются на несколько лет. «Юный археолог» также перебазируется на Красноярское водохранилище, приобретая новые, более стандартные организационные формы и теряя при этом свою самобытность.

В течение второй половины 1980-х и 1990-х гг. под руководством Н.И. Дроздова, М.В. Шунькова (до 1989 г.) и Е.В. Артемьева ведутся активные работы в Куртакском археологическом районе. Особое внимание было уделено изучению ранне- и среднепалеолитических местонахождений: Бережеково, Каменный Лог, Разлог, Верхний Камень и др. На Каменном Логу впервые обнаружены мустьерские артефакты in situ.

При раскопках местонахождения Усть-Ижуль I (около 170 т.л.н.) в 1994 г. в культурном горизонте обнаружены остатки скелетов 5-6 мамонтов с каменными артефактами (Е.А. Томилова, И.В. Стасюк, Е.В. Акимова, С.А. Лаухин, Н.Д. Оводов) [Лаухин, Акимова и др., 1999].

В Куртакском археологическом районе были сосредоточены и основные геолого-геоморфологические и палеогеографические работы. Кроме геолога и палинолога ЛАПСС В.П. Чехи и В.Г. Кольцовой, в них принимали участие приглашенные из Москвы и Новосибирска специалисты — С.М. Цейтлин, С.А. Лаухин, В.С. Зыкина, М.И. Дергачева и др. Было установлено, что плейстоценовая часть лессово-почвенного разреза в Куртакском районе является по полноте и представительности уникальной в Сибири и Восточной Европе. Так для раннезырянского времени впервые выделено не менее четырех интерстадиалов, фиксируемых ископаемыми почвами; для каргинского времени — не менее пяти циклов развития в интервале 43–22 т.л. продолжительностью от сотен до тысяч лет. Разработана геоисторическая периодизация палеолита, причем, древнейшие этапы палеолита (самаровский — 270–200 т.л.н., раннемуруктинский — 110–70 т.л.н.) обоснованы для Средней Сибири впервые. Куртакские разрезы стали эталонными для региона [Хроностратиграфия…, 1990; Археология, геология, 1992; Дроздов, Лаухин и др., 1990].

В результате комплексных стационарных исследований на Куртаке в 1980-90-е гг. было значительно удревнено время первоначального заселения человеком Средней Сибири: началом отсчета стала эпоха раннего плейстоцена.

С 1989 г. ведется изучение комплекса местонахождений на Каштанковском археологическом участке (Е.В. Артемьев, А.А. Бокарев, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова). Здесь на отрезке береговой отмели протяженностью около 1 км было выявлено 8 местонахождений позднекаргинского–раннесартанского возраста. Уникальной является позднепалеолитическая стоянка Каштанка I (24–21 т.л.н.) с микропластинчатой индустрией, пирамидальными нуклеусами и развитой обработкой бивня [Археология.., 1992]. Интерес к памятнику настолько велик, что в 1991-92 гг.

вместе с красноярцами здесь работает группа американских археологов во главе с профессором Р. Дэвисом.

Параллельно с работами на Красноярском водохранилище ведутся исследования в Красноярском археологическом районе. Основные работы были сосредоточены на изучении многослойных поселений Лиственка и Афонтова Гора II.

На Лиственке (1983-1997 гг.) изучено 20 культурных слоев в диапазоне от 16,5 до 10 т.л.н. (Е.В. Акимова). Получен значительный археологический и фаунистический материал, характеризующий каменную и костяную индустрии палеолитического населения Среднего Енисея, выявлены уникальные хозяйственно-бытовые комплексы (очаги с каменными обкладками, жилища, места обработки охотничьей добычи, мастерские), не имеющие аналогов в регионе. В культурном слое 12Г (13 т.л.н.) сделана редчайшая антропологическая находка — нижняя челюсть ребенка homo sapiens. Установлена не менее чем пятикратная смена археологических культур при преобладании кокоревских археологических комплексов, открыт культурный слой (19), содержащий материалы среднего отдела позднего палеолита с развитой техникой обработки бивня мамонта [Акимова, 1993, Археология..., 1992, Акимова, Дроздов, Лаухин и др., 2005].

В 1992 г. под руководством Н.И. Дроздова начинаются охранные раскопки позднепалеолитической стоянки Афонтова гора II (Е.В. Артемьев, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова), на участке, потревоженном несанкционированным строительством. Здесь впервые выявлено 7 культурных слоев в хронологическом диапазоне от 16 до 11 т.л.н., получен показательный археологический материал, характеризующий афонтовскую археологическую культуру, впервые проведено комплексное детальное изучение стратиграфии разреза [Дроздов, Артемьев, 1997]. Работы 1990-х гг. значительно дополнили и скорректировали представления об Афонтовой Горе, сложившееся в 1920-30-е гг.

В конце 1980-х — начале 1990 гг. ведутся спасательные раскопки курганного могильника тагарской культуры Селиваниха (М.Б. Абсалямов, Ю.А. Гревцов). На какое-то время перед красноярскими археологами встает перспектива углубленного изучения тагарских курганов юга края. Перспектива не реализовалась — продолжения эти работы не имели.

С конца 1980-х гг. развернуто специализированное изучение петроглифов Нижней Ангары и Среднего Енисея. На первом этапе особое значение имели работы в долине р. Маны (1987, 1991 гг.) и на Малой Боярской писанице (1988 г.). Именно работы на Мане, в первую очередь на Койской писанице, показали перспективность исследований в зимнее время, что никогда ранее не практиковалось в археологии наскальной живописи [Заика и др., 1996; Заика, Кузнецов, 2006]. Работы на Малой Боярской писанице позволили А.Л. Заике отработать новейшую методику снятия рисунков на микалентную бумагу по методу абаканского художника В.Ф. Капелько.

Работы на Нижней Ангаре 1990-х гг. были ориентированы на поиски и изучение петроглифов вдоль основного русла реки и приустьевой части ее притоков (рр. Иркинеева, Каменка, Тасеева, Чуна, Бирюса) от Аплинского порога до Стрелки. Были тщательно обследованы 42 памятника наскального искусства, 20 из которых были открыты впервые, а 4 открыты повторно. В устье р. Каменки проведены стационарные работы, в результате которых были обнаружены неолитическое погребение и жертвенные комплексы раннего железного века — средневековья. На основании изучения наскальных изображений в бассейне р. Маны и Саянском нагорье, в Нижнем Приангарье, на юге Приенисейской Сибири А.Л. Заике удалось определить их культурно-хронологическую принадлежность, рассмотреть вопросы генезиса и семантики антропоморфных и зооморфных образов. Анализ композиций эпохи неолита — ранней бронзы, раннего железа — средневековья позволили в определенной степени разобраться в тех сложных этнокультурных процессах, которые происходили на территории Средней Сибири в древности, вопросах этногенеза современных народов Сибири [Заика, 2003].

С конца 1980-х гг. проявился интерес к району р. Подкаменной Тунгуски: в течение почти десяти лет здесь велись разведочные работы по выявлению памятников неолита и палеометалла [Макулов, 1991].

В 1990 г. красноярские археологи участвовали в проведении Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири» с полевой экскурсией, включающей памятники Красноярского водохранилища, Лиственку и Усть-Кову. При подготовке к экскурсии на Усть-Кове было раскопано уникальное погребение, датированное поздним бронзовым веком. Кроме костяных и каменных изделий (гарпуны, игольник с иглами, наконечники стрел и копий) на груди погребенного были найдены остатки кожаного мешочка с двумя бронзовыми антропоморфными фигурками [Леонтьев, Дроздов, 1991]. В 1992 г. непосредственно в Красноярске состоялся Международный симпозиум «Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири». Объектами полевой экскурсии стали стоянки Красноярского и Куртакского археологических районов: Большая Слизнева, Лиственка, Бережеково, Каменный Лог, Разлог, Каштанка.

Эти две научные конференции помогли реально ознакомить специалистов из России и других стран с красноярскими материалами. Пожалуй, именно эти мероприятия стали пиком в деятельности ЛАПСС: достижения красноярской археологии стали иметь международное значение, вызывая уважение и искренний интерес как отечественных, так и зарубежных специалистов.

Теоретическое обобщение итогов многолетних работ по палеолиту Приенисейской Сибири было сделано Н.И. Дроздовым в докторской диссертации (1992 г.). В сибирском палеолите им было выделено пять этапов: древнейший, связанный с проблемой первоначального освоения территории Сибири в миндель-рисское время, и проявившийся, в частности, в материалах Разлога II, Каменного Лога и Верхнего Камня на Красноярском водохранилище; мустьерский (материалы Бережеково, Каменного Лога); переходный от мустье к позднему палеолиту, синхронный «карабомовскому» или «макаровскому» пласту (подъемные сборы и материал из нижней части каргинского педоседимента в Куртакском районе); позднепалеолитический, подразделяющийся на три стадии, представленный всеми известными памятниками Среднего Енисея; переходный к мезолиту. Уже на древнейшем этапе прослеживаются две самостоятельные линии развития: леваллуазская и галечная. Первая перерастает в леваллуа типичное, а затем в индустрии «макаровского пласта», вторая, «пережив многие трансформации, пришла к оригинальной енисейской позднепалеолитической культуре, в которой нашли сочетание галечные и пластинчатые индустрии (афонтовская и кокоревская культуры), локальные варианты (Тарачиха, Голубая I, Афанасьева Гора и т.д.)» [Дроздов, 1992].

В 1990-е гг. растет интерес к истории археологии. Историографические экскурсы традиционно включались с текст большинства крупных публикаций по археологическим исследованиям, но почти никогда не имели самостоятельного значения. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Красноярске появляются первые публикации по истории археологии [Макаров, 1989; Акимова, 1990, 1995, 1996]. С этого времени история красноярской археологии становится главной темой в исследованиях А.С. Вдовина. В его работах, основанных на широком круге архивных источников, отражена история организации археологических исследований и охраны памятников археологии в Приенисейской Сибири в XIX — первой четверти XX в., проанализирована научная деятельность И.Т. Савенкова, Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского, В.И. Громова, П.С. Проскурякова и других красноярских археологов [Вдовин, 1996, 1999, Ауэрбах К., Вдовин и др., 2003].

С первой половиной — серединой 1990-х гг. связано и увлечение теоретическими, методическими проблемами археологии палеолита. Становлению и развитию микропластинчатой индустрии в Сибири посвящен ряд работ и кандидатская диссертация Е.В. Артемьева [Артемьев, 1990, 1996а, 1996б, 1996в]. И.В. Стасюк и Е.А. Томилова разработали вариант описательной

системы каменного инвентаря, предполагающий формализацию метрических, технологических и морфологических признаков для создания электронной базы данных [Стасюк, Томилова, 1996].

Время экономических и политических реформ в стране рикошетом ударило и по археологии. Ограничение бюджетного финансирования до минимума в конечном итоге привело к сокращению штатов как академической лаборатории, так и хоздоговорной темы. Речь шла уже о выживании.

В 1997 г. завершаются раскопки Лиственки. Это связано не только с растущей инфляцией и невозможностью своими силами преодолеть отсутствие финансирования, но и нежеланием продолжать работы в антисанитарных условиях городской помойки. Теперь на долгие годы особое значение приобретает проблема сохранения памятника от разорения местным населением [Акимова, 2001].

С 1996 г. на несколько лет прерываются работы и на Афонтовой Горе II. Здесь ситуация была другой. Завершен «охранный» этап исследований, за которым должна была следовать музеефикация памятника, но говорить о музеефикации в 1990-е гг. было уже бессмысленно. Доступные способы консервации разрезов не спасали памятник от разрушения и в 2001 г. раскопки Афонтовой Горы II были продолжены.

В 1996-1997 гг. были проведены охранные работы на новом местонахождении Афонтова Гора V, открытом при строительстве в районе ул. Копылова [Артемьев, Дроздов, 1998]. Работы на Афонтовой горе V, как и участие в раскопках Государева Лога в зоне строительства федеральной трассы около г. Сосновоборска в 2001 г. имели четко выраженный спасательный характер и дальнейшего развития не получили. Однако и Афонтова Гора V и Государев Лог, датированные каргинским временем (около 30 т.л.н.), на сегодняшний день являются древнейшими памятниками на территории Красноярского археологического района.

В 1997 г. Н.И. Дроздов, став ректором КГПУ, сделал все возможное, чтобы сохранить статус академической лаборатории, но остановить процесс торможения было уже трудно. Отсутствие лаборатории археологии в КГПУ не позволяло сохранять подготовленные кадры, ограничивало возможности проведения широких археологических исследований, в том числе и на хоздоговорной основе. В этих условиях продолжение работ по паспортизации памятников археологии невольно становится основным средством сохранения кадрового потенциала (А.Л. Заика, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова). Впрочем, через хозтему прошло немало людей, случайных в археологии.

К концу 1990-х гг. определился спад в изучении раннего палеолита на Куртаке. Задачи, поставленные в 1980-е гг. успешно выполнены, новые перспективы не намечены. В то же время в Куртакском археологическом районе продолжается размыв памятников позднего палеолита, в первую очередь, на Каштанковском и Трифоновском участках, а также в районах Приморска и Новоселово. Темпы абразии на Красноярском водохранилище настолько высоки, что перспектива полной потери для науки среднеенисейского палеолита представляется весьма реальной. О масштабах грядущих потерь может свидетельствовать, в том числе, и открытие в 2008 г. на многократно ранее обследованной береговой отмели в районе Куртакской речки новой стоянки Саженцы — аналога знаменитой Каштанки I.

В 1998 г. по личной инициативе и без надежного финансирования начинаются работы в новом археологическом районе Красноярского водохранилища — в Дербинском заливе (Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова). Вхождение в систему грантов РГНФ и РФФИ на рубеже XX и XXI вв. стимулировало подобную инициативу «снизу», разработку новых идей и новых объектов, значительно улучшив финансирование экспедиционных исследований. В последние десять лет во многом благодаря грантам основные работы велись в Дербинском археологическом районе, а также на писаницах Нижней Ангары и Среднего Енисея (А.Л. Заика, С.П. Журавков, Т.А. Ключников), на Афонтовой Горе II (Е.В. Артемьев).

В Дербинском заливе Красноярского водохранилища за 1998-2007 гг. открыто и обследовано до 30 местонахождений позднего палеолита. Выделено две группы памятников, относящихся к разным этапам позднего палеолита: ранней стадии (концу каргинского — началу сартанского времени — Дербина IV, V, Усть-Малтат I-III и др.) и поздней (концу сартанского времени — Малтат, Конжул, Ближний Лог и др.). Определены реперные признаки для обеих групп, разработана внутренняя хронология палеолита Дербинского залива. Комплексное изучение палеолита Дербины силами специалистов естественных наук (С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько, С.В. Губин) позволило во многом реконструировать палеоэкологические условия существования человека на протяжении почти десяти тысяч лет, способствовало решению и собственно археологических задач. К подобным задачам относятся, в частности, и специфика раннего этапа позднего палеолита в енисейском варианте и финальнопалеолитический возраст индустрии «мелких пластин» [Акимова, Стасюк и др., 1998; Стасюк, Акимова и др., 2002; Акимова, 2006; Акимова, Стасюк, 2007]. Авторами предложен термин «тарачихская археологическая культура» для памятников так называемых «мелкопластинчатых индустрий» (Тарачиха, Афанасьева гора, Шленка, 19 к.с. Лиственки, Волчиха, Малтат, Конжул и др.) [Акимова, 2006].

Наиболее перспективным объектом исследований наскального искусства в начале XXI в. становится Шалаболинская писаница в Курагинском районе (А.Л. Заика). На протяжении 2 км скального массива выделено 8 мест скопления рисунков, расположенных на различной высоте. Шалаболинские петроглифы охватывают широкий временной интервал от эпохи неолита до этнографической современности. Здесь ведется изучение многофигурных композиций с участием зоо- и антропоморфных образов, выполненных путем выбивки, протирки, гравировки. К эпохе неолита относятся реалистичные фигуры лосей, быков (?), маралов, изображения лодок, а также «рогатые» антропоморфные фигуры с «хвостами» и неестественно короткими верхними конечностями. Эпохой энеолита и ранней бронзы датированы антропоморфные образы в круглых масках-личинах, ряд изображений животных. Эпохе раннего железа и средневековья соответствуют многочисленные батальные, скотоводческие и одна эротическая сцены. При расчистке скальных осыпей в 2005 г., в одной из ниш было обнаружено безинвентарное погребение мужчины-европеоида, интерпретированное автором раскопок как ритуальное жертвоприношение. Предварительно погребение датируется серединой I тыс. н.э. [Заика, Дроздов, 2005]. Раскопки скальных осыпей позволили выявить целый пласт новых рисунков разных эпох, включая изображение лошади предположительно позднепалеолитического времени.

На Афонтовой Горе II, благодаря специфике коллекции, включающей, в частности, многочисленные и разнообразные украшения из кости и зубов, основное внимание уделялось проблемам духовного мира, хозяйственной специализации и «характера регулирования обеспечения жизненного пространства» древним населением. В то же время, изучение стратиграфии памятника позволило сделать выводы о значительной степени деформации отложений оползневыми процессами [Артемьев, 2005].

В 2001 г. начала действовать Комплексная Российско-Монгольская научная экспедиция в Тыву и Хакасию, включающая и блок исследований по археологии каменного века и первобытному искусству (Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, В.И. Макулов, А.Л. Заика).

С 2000 г. постепенно возобновляются работы на Ангаре (В.П. Леонтьев, В.И. Макулов), но собственно научные задачи для данного региона не были поставлены и основное внимание направлено на охранно-спасательные мероприятия.

Анализировать события сегодняшнего дня и недавнего прошлого — задача для участника этих событий нереальная: всегда должен быть какой-то «интервал объективности», делающий будни историей. Мы можем предложить только неискаженную канву событий, давать им оценки дело не наше. За тридцать лет из студенческого кружка 1970-х выросло четыре самостоятельных археологических центра: Красноярский государственный педуниверситет, Красноярский

краевой краеведческий музей, Сибирский федеральный университет, Служба по охране объектов культурного наследия при администрации Красноярского края. Сегодня КГПУ занимает ведущее положение. На базе КГПУ в последние десять лет проведены еще две РАЭСК (1997, 2006 гг.), первая Сибирская полевая научная школа для студентов и аспирантов (2006 гг.) и два Международных симпозиума с полевыми экскурсиями (2000, 2007 гг.). Эти мероприятия сопровождаются изданием сборников докладов, путеводителей, монографий, методических материалов. Однако существует проблема, отказ от решения которой чреват очень серьезными последствиями: невозможность трудоустроиться заставляет молодых археологов ориентироваться на коммерческую археологию за стенами педуниверситета или уходить из профессии. Притока молодых научных сотрудников в КГПУ нет. Лаборатория археологии КГПУ до сих пор существует «на общественных началах».

В настоящее время перед археологами КГПУ реализуется перспектива проведения массированных спасательных работ в зоне создания Богучанской ГЭС, что уже было опробовано в условиях сибирской осени 2008 г. Многократное увеличение финансирования на ближайшие годы может помочь решить кадровую проблему, но узаконенная «штурмовая археология» под дождем и снегом неизбежно будет иметь и другие последствия: спешка в полевой археологии вредит и качеству работ и воспитанию специалистов. Как это скажется на судьбе и отдельных людей и всей красноярской археологии выяснится в недалеком будущем. Пожелаем себе пережить этот этап без потерь.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Материалы всероссийского археологического съезда. — Новосибирск, 2006. — С. 94–96.

Акимова Е.В. Из истории красноярской археологии (1919-1920 гг.) // III исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. — Ч. 1. — С. 4–8.

Акимова Е.В. Многослойная палеолитическая стоянка Лиственка в контексте проблемы сохранения культурного наследия // Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии. — Красноярск, 2001. — С. 3–12.

Акимова Е.В. Н.К. Ауэрбах. Материалы к биографии // Палеоэтнология Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. — С. 10–15.

Акимова Е.В. Некоторые проблемы изучения истории красноярского палеолитоведения // Древности Приенисейской Сибири. — Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. — Вып. 1 — С. 24-31.

Акимова Е.В. Палеолит Красноярского археологического района: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Новосибирск, 1993. — 16 с.

Акимова Е.В. РАЭСК как зеркало сибирской археологии (вместо послесловия) // Археология, этнология и палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. — Красноярск, Изд-во КГПУ, 2006. — Т. 2. — С. 216–218.

Акимова Е.В., Метляев С.В. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края.– Красноярск, 2003. — Вып. 2. — С. 18–19.

Акимова Е.В., Стасюк И.В. Изучение палеолита Дербинского залива (1998-2007 гг.): итоги и перспективы исследований // Древности Приенисейской Сибири. — Красноярск, 2007. — Вып. 6. — С. 60–88.

Артемьев Е.В. К вопросу о возможных путях формирования и развития микропластинчатой индустрии (на материалах памятников среднего течения р. Енисей) // Палеоэтнология Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. — С. 87–89.

Артемьев Е.В. Афонтова гора 2. Новые данные. Дополнение к контексту // Древности Приенисейской Сибири. — Красноярск, 2005. — Вып. 4. — С. 32–44.

Артемьев Е.В. К вопросу о терминологии микропластинчатых нуклеусов // Древности Приенисейской Сибири — Красноярск: Изд-во КГУ, 1996а. — Вып. 1. — С. 3–23.

Артемьев Е.В. Микропластинчатая индустрия верхнепалеолитических памятников Средней Сибири (Средний Енисей): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Новосибирск, 1996б. — 16 с.

Артемьев Е.В. Система признаков для описания микропластинчатых нуклеусов // Древности Приенисейской Сибири — Красноярск: Изд-во КГУ, 1996в. — Вып. 1 — С. 139–152.

Артемьев Е.В., Дроздов Н.И. К вопросу о первоначальном заселении Красноярского археологического района (на материалах исследований стоянки Афонтова гора V в 1998 г.) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — Том 1. — С. 310-317.

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Путеводитель Международного симпозиума — Красноярск: Изд-во «Зодиак», 1992. — 130 с.

Ауэрбах К.Н., Вдовин А.С., Гуляев А.А., Макаров Н.П., Оводов Н.Д. В.И. Громов. Красноярские истоки научной деятельности // Древности Приенисейского края. — Красноярск, 2003. — Вып. 2. — С. 35–41.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья — Новосибирск: Наука, 1988. — 244 с.

Васильевский Р.С., Дроздов Н.И. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 59–65.

Вдовин А.С. История организации археологических исследований на территории Приенисейской Сибири (XIX — конец 20-х гг. XX вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Красноярск, 1999. — 26 с.

Вдовин А.С., Гуляева Н.П. Из истории исследования Афонтовой горы (1923-1926 гг.) // Древности Приенисейской Сибири. — Красноярск, 1996. — Вып. 1. — С. 32–42.

Дроздов Н.И. К вопросу о культурной принадлежности палеолитической стоянки Усть-Кова (Северное Приангарье) // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. — С. 81-83.

Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Новосибирск, 1981. — 16 с.

Дроздов Н.И. Этапы развития каменного века в плейстоцене Средней Сибири: Дис. … д-ра. ист. наук в форме науч. доклада — Новосибирск, 1992. — 62 с.

Дроздов Н.И., Артемьев Е.В. Новые страницы в изучении палеолита Афонтовой горы. — М., 1997. — 56 с.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Чеха В.П., Кольцова В.Г., Бокарев А.А., Викулов А.А. Куртакский археологический район. Геология и археология Трифоновского и Куртакского участков. — Красноярск: ПО «Сибирь», 1990. — Вып. 1. — 88 с.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Чеха В.П.,, Кольцова В.Г., Артемьев Е.В. Куртакский археологический район. Геология и археология Бережековского археологического участка. — Красноярск: ПО «Сибирь», 1990. — Вып. 2. — 113 с.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ермолаев А.В. Археологическая карта нижнего течения р. Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. — Вып. I. — Красноярск, 1989. — С. 190–212.

Заика А.Л. Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары: Автореф. дис. … канд. ист. наук — Барнаул, 2003 — 25 с.

Заика А.Л., Березовский А.П., Емельянов И.Н. Писаницы Большого Манского порога // Древности Приенисейской Сибири. — Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. — Вып. 1 — С. 164–165.

Заика А.Л., Дроздов Н.И. Шалаболинская писаница (результаты исследований 2001-2004 гг.) // Мир наскального искусства: Сб. докл. междунар. конф. — М., 2005. — С. 111–115.

Заика А.Л., Кузнецов А.Л. О зимних полевых исследованиях петроглифов (на примере Манских писаниц) // Археология, этнология и палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. — Красноярск: Из-во КГПУ, 2006 — Т. 1. — С. 198–171.

Лаухин С.А., Акимова Е.В., Оводов Н.Д., Дроздов Н.И., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Геологическая обстановка среднеплейстоценовой палеолитической стоянки Усть-Ижуль I (юг Средней Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Вып. 2. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. — С.105–114.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. … канд. ист. наук — Новосибирск, 1999. — 24 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Памятники железного века Северного Приангарья и их культурно-хронологическая периодизация. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. — Т. 3. — С. 219–221.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки Сибири, серия «Археология и этнография». — 1996. — № 3 — С. 39–46.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Уникальная находка со стоянки Усть-Кова // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. — Вып. 3. — С. 19–21.

Леонтьев В.П., Макулов В.И. Археологические памятники среднего течения Енисея // Памятники истории и культуры Красноярского края. — Красноярск, 1989. — Вып. 1. — С. 261-272.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества — Красноярск, 1989. — С. 131-188.

Макулов В.И. Археологические памятники долины р. Подкаменной Тунгуски и проблемы их изучения // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. — Вып. 1. — С. 83–86.

Седых С.В. Плавильные сооружения Средней Ангары // Науч.-теорет. конф. Секция археологии: Тез. Докл. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1977.

Сейфулин Н.Х. Новая мезолитическая стоянка Усть-Кова 1 // Археология и этнография Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1978. — С. 12–14.

Стасюк И.В., Томилова Е.А. Пакет описательных систем для формализации признаков каменного инвентаря // Древности Приенисейской Сибири — Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. — Вып. 1 — С. 153–163.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Международного симпозиума. — Новосибирск: Изд-во Института истории, филологии и философии СО РАН, 1990. — 184 с.

М.И. Гантимурова
Чита, Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И КРАЕВОЙ МУЗЕЙ Г. ЧИТЫ В 1917-1922 ГОДАХ

Революционные события 1917 г. в России и последовавшая гражданская война поставили в особые условия деятельность Краевого музея и Забайкальского отдела Русского географического общества (далее ЗОРГО) — ведущих организаций, занимавшихся научными исследованиями на территории края.

Председателем Общества в это время был известный краевед и общественный деятель — А.К. Кузнецов, в значительной степени благодаря его подвижнической деятельности удалось сохранить Общество и музей. В сложные годы 1917-1919 состоялось десять научных собраний членов общества, на которых обсуждались темы по геологии, проблемы дорожного и водного строительства. На одном из собраний был представлен доклад по этнографической тематике — А.Н. Добромыслова «О шаманстве». Наиболее тяжелой для ЗОРГО была вторая половина 1919-1920 г., когда отделение Русского географического общества фактически не функционировало.

Посильная работа немногих энтузиастов общества сосредоточилась в основном в краевом музее. Рассматриваемый период, на удивление, оказался благоприятным для музея в отношении пополнения его коллекций. Дело в том, что революция привела к полной или частичной ликвидации ряда учреждений, имевших свои ведомственные музеи. В результате краевым музеем было получено: от агрономического отдела Забайкальского переселенческого района, отдельных предметов и коллекций — 306 единиц, от Забайкальской тюремной инспекции — 241, от войскового музея Забайкальского казачьего войска — 303. Поступившие материалы распределились в фондах на: естественноисторические (горные породы) — 68; этнографические — 59; по истории Забайкальского казачества — 70; воинских принадлежностей — 22; церковных — 1; грамоты и фотографии — 26; по буддийскому культу — 33; по нумизматике — 22. Важным приобретением стал архив жандармских управлений. Объем полученных документов был настолько велик, что пока сотрудники их разбирали, музей был закрыт для посетителей [Обзор…, 1924, с. 55].

Уже с 1917 г. ЗОРГО стал испытывать значительные материальные трудности, связанные как с прекращением финансирования центральным отделением общества, так и резким сокращением поступления средств от местных властей и меценатов. Поскольку музей находился в собственности ЗОРГО, то он также лишился основных источников дохода. С июня 1919 г. из-за приостановки деятельности отделения Русского географического общества, ситуация еще более осложнилась. Дело даже дошло до того, что пришлось продать за 400 рублей коллекцию россыпного золота и самородков А.Ф. Геллера.

Значительные изменения в деятельности Общества и музея произошли в период существования Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). К работе этих организаций проявило интерес Министерство народного просвещения ДВР, которое приступило к реформированию в области народного просвещения и культуры.

Из отчетов ЗОРГО известно о встрече, которая состоялась между министром народного просвещения ДВР М.П. Малышевым и членом Общества М.И. Союзовым. В беседе была затронута проблема «о наличии культурных сил в городе и о способах их использования в деле народного образования» [Обзор…, 1924, с. 60]. В частности, был поднят вопрос об открытии в Чите высшего учебного заведения по подготовке педагогических кадров и разработки соответствующих программ. М.И. Союзов обратил внимание, что для успешного решения этих проблем необходимо

было привлечь научные и культурные силы, которые, несмотря на переживаемое лихолетье, продолжали группироваться вокруг Общества и музея под руководством А.К. Кузнецова [Обзор…, 1924, с. 60-61].

Правительство ДВР решило включить краевой музей в систему государственных культурных учреждений и использовать его возможности для широкой просветительской деятельности. Членам Общества было предложено в срочном порядке обсудить все текущие дела и нужды музея, создать комиссию по его реорганизации, разработать штатное расписание и наметить план дальнейшей работы. При этом министр высказал пожелание, чтобы музей организовал из имеющихся в нем научных коллекций учебные экспозиции.

19 ноября 1920 г. состоялось первое заседание Комиссии по реорганизации музея, на котором ее председателем был избран А.К. Кузнецов. После длительного обсуждения комиссия приняла решение поддержать предложение Министерства просвещения. Одновременно был поставлен вопрос о необходимости расширения помещений музея. Для этого требовалось освободить музейные залы, которые занимала городская библиотека, и использовать их для новых экспозиций. Также предлагалось передать музею соседнее здание, где располагались два городских училища. В здании училищ планировалось открыть мастерскую для изготовлений учебных коллекций, организовать лаборатории и кабинеты для сотрудников музея.

В итоге, постановлением правительства ДВР от 27 декабря 1920 г. «О передаче всех музеев в общегосударственное достояние», Читинский краевой музей был национализирован. А в августе 1921 г. был принят закон, согласно которому Музей Читинского отделения Русского географического общества переименовывался в Краевой музей им. А.К. Кузнецова. Учитывая большие просветительские заслуги А.К. Кузнецова, правительство назначило ему пожизненную пенсию в размере 600 руб. в год. Пенсия согласно закону начислялась с начала 1921 г. и включалась в смету Министерства Народного Просвещения [ГАЧО, ф. Р-517, с. 5].

Осенью 1921 г. были утверждены новые штаты музея. Число его работников определялось в 16 человек, что являлось минимальным для организации работ. Однако увеличить штат с 10 до 16 человек так и не удалось ввиду последовавшего вскоре нового постановления Министерства ДВР, которое запрещало увеличивать количество сотрудников музея. В итоге на немногочисленных сотрудников легла большая нагрузка, связанная как с экскурсионной, так и фондовой работой. Об этих сложностях говорилось в акте «О штатах Музея», подготовленного в марте 1922 г. сотрудником Народного контроля Красильниковым. В документе отмечалось, что недостаток сотрудников тормозит работу по составлению каталогов, проведению широкой экскурсионной деятельности [ГАЧО, ф. Р-517, с. 6].

В отчете ЗОРГО за 1921-1922 гг. выделены два основных направления в деятельности музея: во-первых, пополнение, систематизация, научная разработка имеющихся коллекций и материалов; во-вторых, демонстрация их посетителям. В отчете указывалось, что за это время в Отделе истории края была проведена перерегистрация всех имеющихся коллекций и предметов. Также фонд Отдела пополнился восемнадцатью хорошо сохранившимися фотографиями старой Читы, которые были привезены из г. Нерчинска правителем дел музея А.В. Харчевниковым. Профессор института народного образования М.К. Азадовский, совместно с А.В. Харчевниковым, составлял описание коллекций, относившихся ко времени пребывания декабристов в Забайкалье. В результате М.К. Азадовский обработал ряд неизданных писем Д.И. Завалишина, а А.В. Харчевников — «Дело о высылке из г. Читы в г. Казань государственного преступника дворянина Дмитрия Завалишина» и неизданное письмо М. Волконской.

В Отделе этнографии и буддийского культа, которым руководил А.Н. Добромыслов, проводилась перерегистрация коллекций и предметов. Отдел антропологии и археологии пополнился двумя рисунками, выполненными тушью сотрудником музея В.Ф. Авериным («Antropopopethecus», «Pithecanthropuserectus»). Из новых поступлений можно отметить большое количество находок,

найденных на открытых стоянках древнего человека В.Я. Толмачевым на берегу оз. Кенон, Л.А. Софроновым на оз. Иван и доктором М.С. Бронштейном около психиатрической больницы на окраине г. Читы. Кроме того, директором музея А.К. Кузнецовым, который одновременно заведовал отделом археологии, и членами кружка Друзей Музея (действовавшего при Институте народного образования) в краевом музее была оформлена археологическая экспозиция. Благодаря этому значительно облегчилась демонстрация посетителям археологических коллекций, которые активно использовались на инструкторских курсах.

Данные курсы по изучению края проводились работниками музея совместно с членами ЗОРГО. Весной 1921 г. на курсах были прочитаны лекции по энтомологии — В.Я. Толмачевым и Н.П. Сажиным, этнографии — А.Н. Добромысловым; истории края и архивоведения — А.В. Харчевниковым; археологии — А.К. Кузнецовым. Всего в 1921 г. курсы посетило 254 человека [Обзор…, 1924, с. 81].

По данным за весну 1922 г. на курсах было прочитано 10 докладов, в числе которых: лекции по этнографии — А.Н. Добромыслова, археологии — А.К. Кузнецова, минералогии и петрографии — А.И. Банщикова и т.д. Всего курсы прослушало 738 человек. Наибольшее число слушателей, 112 человек, присутствовало на докладе В.И. Союзова «Ботаника и лекарственные растения» [Обзор…, 1924, с. 6-7]. Во время занятий на инструкторских курсах демонстрировались инструменты, аппараты, приспособления и книги, необходимые для полевых и лабораторных работ.

В эти годы увеличилось число посетителей музея. Так, с ноября 1920 по июнь 1921 г. через Читинский краевой музей прошло 11300 человек, а в 1922 г. — 20895. Необходимо также отметить деятельность библиотеки музея. Вследствие затянувшегося ремонта выдача книг из библиотеки началась только со 2 февраля 1922 г. Помимо членов ЗОРГО библиотеку посещали проезжающие через Читу члены разных экспедиций, местные жители, студенты института народного образования и учащиеся школ второй ступени. Наиболее востребованными были книги по этнографии и истории Сибири.

Новые перспективы, раскрывавшиеся перед музеем, возродили и деятельность ЗОРГО. На общем собрании отдела Русского географического общества, состоявшегося 15 февраля 1921 г., директор музея А.К. Кузнецов сделал заявление о возобновлении деятельности Отдела [ГАЧО, ф. Р-1545, с. 1]. Но, до июля 1922 г., как отмечал правитель дел А.В. Харчевников, «ЗОРГО не развил достаточно напряженной деятельности в отношении поставленных целей» [Обзор…, 1924, с. 3].

Среди основных причин слабой деятельности были названы следующие. Во-первых, отсутствие помещения (в течение зимы 1920–1921 гг. здание музея не отапливалось, а затем в течение семи месяцев производился ремонт и переустройство всей системы парового отопления). Во-вторых, крайне слабое посещение общих собраний отдела членами Общества. В-третьих, отсутствие определенного устава Отдела и неопределенность его юридического положения. В связи с переходом музея в ведение Министерства Народного Просвещения ДВР, вопрос о переработке устава представлял большие трудности, решение которого затянулось на несколько лет (устав Общества был утвержден только в ноябре 1923 г.).

В период ДВР руководство ЗОРГО осуществлялось Советом. Председателем Совета являлся А.К. Кузнецов, товарищем председателя — И.А. Софронов, правителем дел — А.В. Харчевников, членами Совета были В.Ф. Аверин, А.Н. Банщиков, А.Н. Бек, М.С. Бронштейн, А.Н. Добромыслов, И.П. Малков, А.Д. Позняк, М.Я. Попов и М.И. Союзов.

На общих собраниях ЗОРГО было зачитано несколько докладов, среди которых особое место занимает сообщение А.В. Харчевникова «Ближайшие задачи исторического изучения Сибири». Это выступление представляло собой изложение одноименной статьи П.М. Головачева — известного историка Сибири. Всеобщий интерес вызвал и доклад В.Я. Толмачева «Об археологических находках в окрестностях г. Читы». В нем сообщалось о результатах осмотра трех древних

стоянок: на правом берегу р. Ингоды, на восточном берегу оз. Кенон и на левом берегу р. Ингоды, у станции Антипиха [ГАЧО, ф. Р-1545, с. 22]. Были также зачитаны доклады по темам: «Дремлющие силы Сибири» (А.М. Розенфарб); «Карта окрестностей г. Читы — издание Краевого Музея им. А.К. Кузнецова» (М.И. Союзов); «О собирании и записывании произведений по народной словесности» (проф. М.К. Азадовский); «Элементы религиозно-психологических представлений гольдов» (А.Н. Липский); «Послерусский туземный эпос туземцев Западной Сибири» и «Туземный вопрос на Дальнем Востоке» (М.П. Плотников); «М.Н. Богданов и его работы по истории бурятского народа» и «Происхождение бурятского народа в связи с его водворением в Прибайкалье» (Н.Н. Козьмин).

Таким образом, время с 1917 г. по 1922 г. — это особый период в деятельности Забайкальского отдела Русского географического общества и Читинского краевого музея. За эти годы Общество и музей пережили периоды упадка и подъема. Сохранению ЗОРГО и музея в эти сложные годы забайкальцы прежде всего обязаны энтузиастам своего дела А.К. Кузнецову, А.В. Харчевникову, М.И. Союзову, А.Н. Добромыслову и другим членам Общества. Созданный благодаря Русскому географическому обществу краеведческий музей был передан им государству. Все эти годы музей был центром научно-просветительской деятельности в крае и опорой в работе Забайкальского отделения РГО.

ЛИТЕРАТУРА

ГАЧО, ф. Р-517, оп. 1, д. 4.

ГАЧО, ф. Р-1545, оп. 1, д. 1.

Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского Географического Общества и Краевого Музея им. А.К. Кузнецова за тридцать лет 1894-1924. — Чита: «Книжное дело», 1924.

О.В. Дьякова
Владивосток, Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН

БОХАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОГЕНЕЗА)*

Постановка проблемы. Бохаеведение, как научное направление, состоит из нескольких основополагающих проблем: этногенез и этническая история бохайцев, политическая история государства Бохай, происхождение Бохая и его роль в корейской и китайской истории, культура Бохая. Все эти проблемы в той или иной степени неоднократно освещались специалистами разных стран — Южной Кореи, Китая, России, Японии. Базой для исследований являлись восточноязычные, преимущественно, китайские, письменные источники, интерпретировавшиеся специалистами в зависимости от интересов своих стран. Особенно противоречивые оценки встречаются по проблемам этногенеза и этнической истории бохайцев и роли Бохая в истории Кореи и Китая. Проверить летописные сведения и разработанные учеными концепции по указанным проблемам в настоящее время можно только по единственному сохранившемуся источнику — археологическому материалу. Это мы намерены сделать по наиболее спорной и противоречивой проблеме — этническое происхождение бохайцев. Но прежде рассмотрим основные версии.

Китайская версия. В наиболее аргументированном и обобщенном виде прозвучала в работе Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъу, Чжуан Янь. Исследователи, тщательно проанализировав весь корпус китайских нарративных источников, приходят к следующему выводу: «Мнение ученых о том, что бохайский этнос имел много истоков — сумо мохэ и оставшийся народ Гаоли, — едино. Споры заключаются в том, какой из истоков был главным — сумо мохэ или гаоли? Исторические материалы, на которые опираются спорящие стороны, в основном, одинаковы, однако вследствие разного толкования этих материалов точки зрения различаются» [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъу, Чжуан Янь, 2000, с. 108]. Одним из камней преткновения в толковании этнической истории и этногенеза бохайцев является фраза в письменных источниках, что сумо мохэ это особый род Гаоли. Китайские исследователи, в отличие от корейских, считают, что ее нельзя толковать как ассимиляция когуресцами сумо мохэ. Эта фраза означает, что «Сумо мохэ, как и гаолисцы, происходили от вэймо, только потому их и назвали «особым родом Гаоли» [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъу, Чжуан Янь, 2000, с. 109]. Далее китайские исследователи пишут «Народ вэймо в древности распространялся очень широко, в разное время им были образованы государства и племенные союзы Фуюй, Когуре, Воцзюй. Остальные племена вэймо обитали по рекам Сунгари, Хуйфахэ,Туманган, Хуньчуньхэ в Китае и северной части Кореи. В разное время они по отдельности подчинялись Фуюй и Когуре» [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъу, Чжуан Янь, 2000, с. 112]. Завершается анализ этнического происхождения бохайцев заключением: «… что сумо мохэ являются одной из родственных ветвей вэймо, а оставшиеся когуресцы впоследствии вошли в состав Бохай, ассимилировавшись в бохайский этнос… После Бохая оставшийся народ в большинстве переселился на запад и постепенно вошел в ханьский этнос. Отсюда становится известно, что после эпох Суй и Тан определенная часть народа вэймо через Бохай вошла в состав ханьского этноса» » [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъу, Чжуан Янь, 2000, с. 114].

Южнокорейская версия. Взгляды корейцев на историю государства Бохай, его отношение и взаимосвязь с корейскими государствами и корейским этносом многократно кардинально менялись в зависимости от политической ситуации. Прослеживаются две основные позиции: 1. Как только Корея становилась более или менее самостоятельным государством, Бохай объявлялся корейским государством и включался в корейскую историю; 2. При попадании Кореи под влия-

ние Китая или Японии история Бохая выносилась за рамки корейской истории и Бохай исключался из числа корейских государств [Ким А.А., 2003, с. 78-80].

По проблемам этногенеза и этнической истории бохайцев ведущим специалистом является профессор Сон Ки Хо. Он считает, что основным населением Бохая являлись сумо мохэ, которые находились в вассальной зависимости от когурёсцев [Song Ki Ho, 1990, p. 4-20]. Другой ведущий ученый профессор Хан Гю Чхоль доказывает, что мохэсцы это особый род Когурё, связанный брачными связями [Хан Гю Чхоль, 2001, с. 66-71].

Российская версия. Этногенез и этническая история бохайцев была сформулирована российскими учеными (Бичуриным, Васильевым) еще в дореволюционные времена.

Наиболее оптимальную характеристику тунгусо-маньчжурской проблемы предложил М.В.Воробьев, заключив, что: « традиционно китайская …генеалогическая цепь: сушени-илоу — мохэ-чжурчжэни-маньчжуры — оказалась приемлемой и в своих основных звеньях мало оспаривается современной наукой» [Воробьев, 1975, с. 23]. Вслед за летописями практически все российские ученые считали племена сумо мохэ создателями государства Бохай и относили их к тунгусо-маньчжурам. Когуресцев включали в число этносов, входивших в это государство [Шавкунов, 1968, Дьякова, 1984].

Таким образом, китайские, корейские и российские исследователи едины в том, что государство Бохай было создано племенами сумо мохэ. По остальным позициям наблюдаются разногласия.

Анализ одного аспекта. Проверим положение об ассимиляции сумо мохэ когуресцами по археологическому материалу.

На бохайских памятниках, обнаруженных на северо-востоке Китая и в российском Приморье, основным материалом являются керамические сосуды. По технике изготовления она делится на три категории — 1. Лепную; 2. Доработанную на круге; 3. Круговую. Лепная керамика (вазы, горшки, банки с налепным валиком под венчиком, декор и техника лепки) относится к традиционной мохэской керамике и характерна для культур мохэской общности: мохэской, амурских чжурчжэней и бохайской (рис. 1). Лепная когуреская посуда на бохайских памятниках отсутствует. Следовательно, коренным населением Бохая были племена мохэ, а не когуре.

Ремесленная керамика, доработанная на круге, встречается на всех бохайских памятниках и аналогична когуреским ремесленным горшкам (рис. 2). Зафиксированы на бохайских памятниках гончарные печи когурёского типа. Следовательно, к этногенезу мохэсцев когуресцы не имели отношения, но в государстве Бохай представляли ремесленников-гончаров, по другим археологическим свидетельствам — использовались в качестве военных зодчих и, безусловно, были причастны к административной деятельности, т.к. в отличие от мохэсцев имели опыт государственного управления.

**Работа выполнена при поддержки гранта РГНФ № 07-01-00257а*

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. — М: Изд-во Наука, 1975. — 447 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (IV-X вв). — М.: Наука, 1984. — 219 с.

Ким А.А. Ученые Республики Корея об изучении Бохая в России // Россия и АТР. — Владивосток, 2003. — № 2. — С. 78-80.

Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъу, Чжуан Янь. Этническое происхождение бохайцев // История и археология Дальнего Востока. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. — С. 108-117.

Хан Гю Чхоль. Древняя и средневековая история Восточной Азии: К 1300-летию образования государства Бохай. — Владивосток: ДВО РАН, 2001. — С. 66-71.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. — Л.: Наука, 1968. — 137 с.

Song Ki Ho. Several questions in Studies of History of Parhae // Korean Jornal. — Seoul, 1990. — Vol. 30. № 6. — P. 4-20. — на анг. яз.

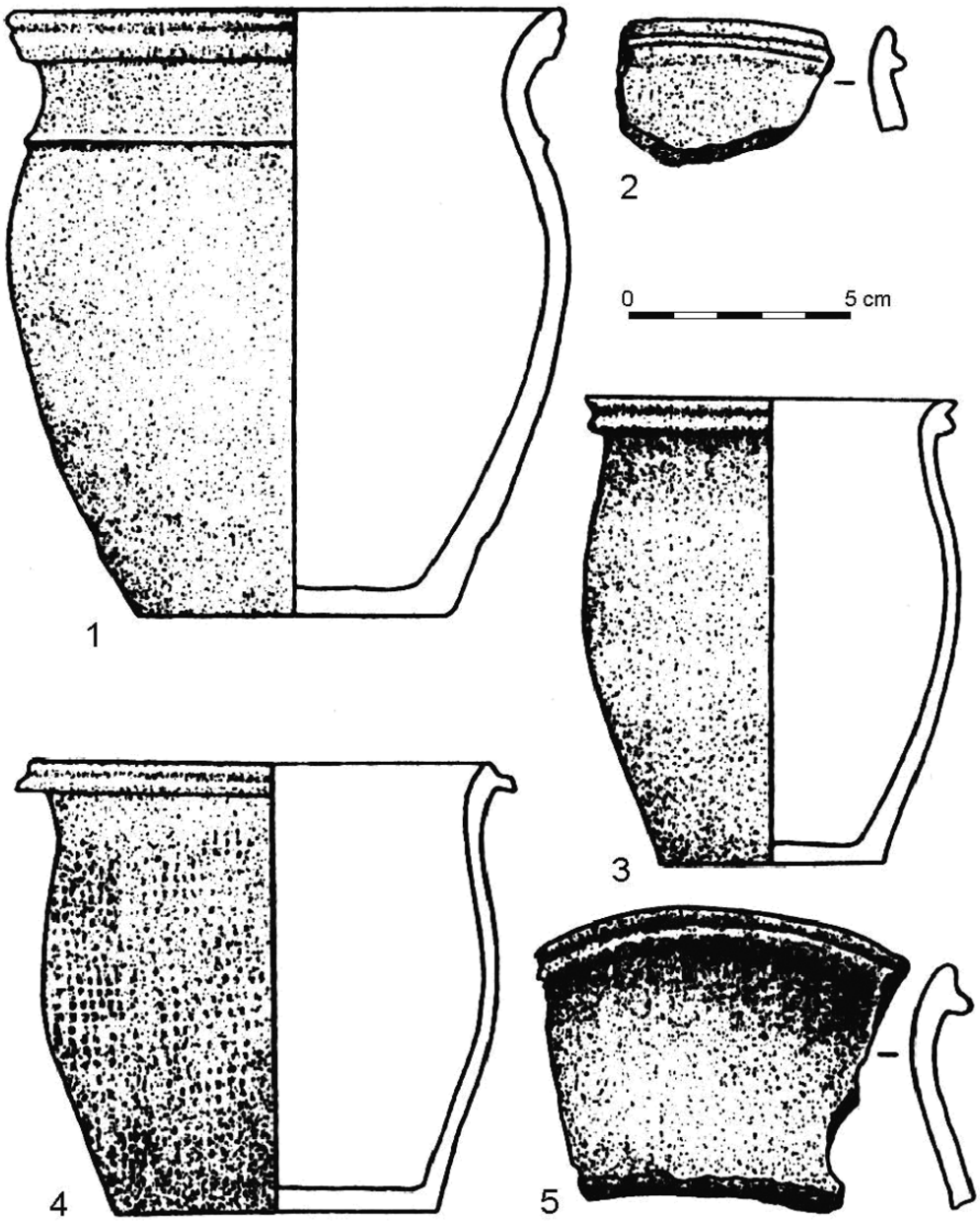


Рис. 1. Бохайская культура Приморья. Категория 1. Лепная керамика. 1– Марьяновское городище, 2, 5 – Константиновское I селище, 3 – Новопокровское погребение, 4 – Николаевское I городище.

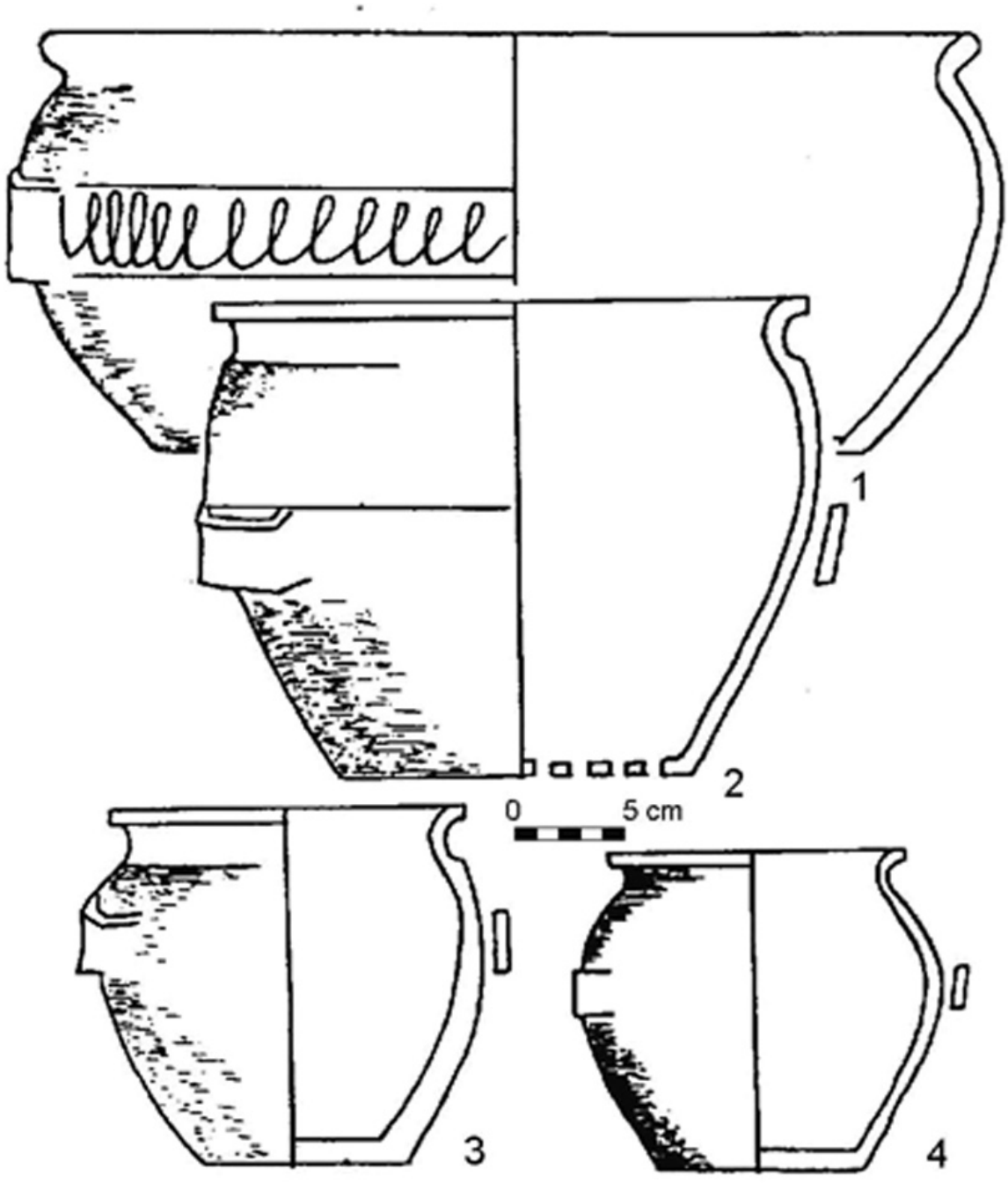


Рис. 2. Бохайская культура Приморья. Категория 2. Бохайская керамика. 1-2 – Новогордеевское городище, 3-4 – Николаевское-II городище.

В.С. Зубков
Абакан, Хакасский государственный университет

АРХЕОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ: СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение энеолита и бронзового века Хакасско-Минусинского края, несмотря на почти трехсотлетнюю историю, в известной степени, все еще находиться на стадии формирования источниковой базы. Подобное утверждение может показаться надуманным и эпатажным только на первый взгляд.

Речь идет о том, что все, выделенные на данной территории к настоящему времени, археологические культуры энеолита и бронзового века (афанасьевская, окуневская, андроновская, карасукская, лугавская), их содержательная характеристика, внутренняя периодизация и пространственные границы, равно как изменения этих культур во времени и их культурно-хронологические связи и взаимоотношения между собой сделаны практически на основе изучения разновременных и выразительных погребальных комплексов.

Подобная ситуация сложилась исторически: во-первых древние могильники многочисленны и хорошо видны на степных и лесостепных просторах края; во-вторых они представлены часто хорошо сохранившимися погребальными конструкциями и выразительными вещевыми комплексами, которые вкупе с антропологическим материалом являются ценными источниками для реконструкции погребального обряда и мировоззрения людей и некоторых сторон хозяйственной культуры. Количество исследованных погребений энеолита и бронзового века уже исчисляется несколькими тысячами.

При всей бесспорной важности древних могильников как археологических источников в деле реконструкции далекого прошлого, не менее значимыми для воссоздания древней истории населения Хакасско-Минусинского края являются такие археологические памятники как поселения, которые все еще изучаются эпизодически. Д.Г. Савинов справедливо отметил, что «такое соотношение погребальных и поселенческих комплексов, несомненно, создает одностороннее (если не искаженное) представление о характере развития минусинских культур, так как известно, что погребальный обряд и набор предметов сопроводительного инвентаря … в большей степени отражает сакрализованную, обусловленную мировоззрением и ритуалом, сторону жизни древних обществ. За пределами внимания исследователей … в значительной мере остается то, что принято называть бытовой или традиционной культуры во всем многообразии и сложностях ее проявлений» [Савинов, 1996, с. 7].

Цель настоящей статьи проанализировать состояние источниковой базы поселенческой археологии энеолита и бронзового века на территории Хакасско-Минусинского края и наметить направления будущих исследований.

К изучению поселений энеолита и бронзового века на территории Хакасско-Минусинского края приступили относительно недавно. Первые шаги в этом направлении были сделаны С.А. Теплоуховы, открывшим в1927 г. андроновское поселение Батеневская протока на левобережье Енисея и археологом Минусинского краеведческого музея им Н.М. Мартьянова В.П. Левашевой, которая в 1938 г. обнаружила древнее поселение в 1 км к северу — северо-западу от с. — Лугавского на берегу протоки Енисея, получившее наименование Лугавское II. В.П. Левашева провела раскопки части его территории — исследовано три котлована прямоугольной в плане формы со следами деревянных конструкций, определенные как жилища. В площади жилищ были выявле-

ны очаги, фрагменты керамической посуды, 2 бронзовых шила. Она датировала это поселение карасукским временем. Материалы раскопок позже были опубликованы Н.Л. Членовой [Членова, 1972].

В конце 50-х — 70-е гг. XX в., благодаря археологическим работам в зоне будущего Красноярского водохранилища, значительно увеличилось число обнаруженных поселений энеолита и бронзового века. На правом берегу Енисея под горой Тепсей на площади в 80 кв. м были обнаружены остатки афанасьевского поселения, получившего название Тепсей X: 2 каменных очага округлой формы, диаметром 1,1-1,2 м фрагменты керамической посуды, обломок каменного топора, скребок, «утюжок» из сланца, а также кости коровы и овцы [Вадецкая,1986, с. 24-25]. За это время в долине Енисея были проведены сборы подъемного материала и ограниченные раскопки на 6 поселениях: Ключи, Батеневская протока, Сыда, Белоярское, Карасук V, Объюл I), содержавших материалы андроновской культуры [Максименков, 1978, с 46-51]. В 1961-1964 гг. М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой проводилось исследование поселения Каменный Лог-I в долине реки Карасук на левом берегу Енисея. Это поселение отнесено к завершающему этапу карасукской культуры позднего бронзового века. Раскопано было 5 жилищ полуземляночного типа. Материалы поселения Каменный Лог-I остались не опубликованными и развернутая их характеристика, к сожалению не отраженна в работах М.П. Грязнова.

В 1976 г. археологом Республиканского краеведческого музея Э.А Севостьяновой было обнаружено и исследовано древнее поселение у г. Тунчух, в 6 км к юго-западу от станции Аскиз. Раскопаны остатки жилища прямоугольной в плане формы размерами 9 х 8 м с двумя входами в виде коридоров. Вдоль стенок котлована и в центре его площади найдены фрагменты карасукской керамической посуды [Севастьянова, 1977].

Новые археологические материалы по раннему бронзовому веку на правобережье Енисея были получены в 1960-е — в начале 1980-х гг. В 1964 г. научным сотрудником Минусинского краеведческого музея В.Н. Леонтьевым у подножия Мочеркиной горки в 1 км к югу от с. Шушенского на краю соснового бора на глубине 1,85 м выявлен мощный культурный слой афанасьевского поселения, представленный фрагментами керамики, нуклеусами, ножевидными пластинками, отщепами [Вадецкая, 1986, с. 27].

В ходе обследования побережья озер Карасево, Вьюжное и Малый Кузыкуль, расположенных на территории Минусинского района Красноярского края. Здесь на песчаных дюнах и в котловинах выдувания Н.В. Леонтьевым, М. Скобовым и А.В. Виноградовым, был собран поселенческий материал: керамика и изделия из камня, которые были отнесены ко времени неолита и бронзового века. В 1979-1980 гг. А.В. Виноградов провел на поселении Карасево и Вьюжное-1 небольшие раскопки. В результате им были выделены карасевский и новоселовский типы керамики, отнесенные к раннему бронзовому веку [Виноградов, 1982]. Часть этих материалов, хранящихся в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова была опубликована С.Н. Леонтьевым [Леонтьев, 2003].

Следует также отметить исследования Я.И. Сунчугашева, который в процессе изучения металлургии эпохи бронзы не только обобщил данные о древних рудниках, но и выявил несколько временных (сезонных) поселений, существование которых, по его мнению, непосредственно связанно с металлургическим производством (Сунчугашев, 1975).

В 1988-1990 гг. Средне-Енисейской археологической экспедицией под руководством Д.Г. Савинова осуществлены раскопки поселения Торгожак, располагавшегося в 2,5 км южнее улуса Полтаков на левом берегу р. Теи. На площади раскопа, составившего 1300 кв. м, было исследовано 7 жилищ, из которых 5 образовывали взаимосвязанный комплекс построек п-образной формы, вокруг открытой «площади», имевшей, вероятно, ритуальное назначение. Масштабные исследования на данном поселении позволили получить большое количество разнообразного археологического материала: несколько тысяч фрагментов керамики, принадлежащих 300-400

сосудам, более 150 предметов из бронзы, кости, рога и камня (бронзовые серпы, зернотерки, наконечники стрел, предметы конской упряжи). Особо следует отметить находки каменного изваяния и плитки песчаника с изображениями лошадей, а также многочисленные антропоморфные и геометрические рисунки на речных гальках (222 экз.). Поселение Торгожак отнесено к позднему этапу карасукской культуры и датировано X-IX вв. до н.э. [Савинов, 1996]. Результаты изучения данного археологического памятника со всей очевидностью продемонстрировали те возможности, которые имеет поселенческая археология. Однако и это великолепное научное открытие не привело к развертыванию масштабных работ по поиску и изучению поселений бронзового века на территории Хакасско-Минусинского края.

С 1989 года по настоящее время сотрудниками Археологической лаборатории Хакасского государственного университета под руководством А.И. Готлиба были произведены раскопки на 5-х горных сооружениях «све» в Хакасии — Устанах, Чалпан, Чебаки, Таптан-туразы, Чергатинская. [Готлиб, 1999; 2007]. Исследования подобных памятников — «све» Чиланыг тах (Змеиная) Кызыл хая, Хазын-хыр осуществляется также петербургским археологом М.Л. Подольским [Подольский, 2001; Кириллова, Подольский, 2006]. В ходе исследований выяснилось, что создание этих своеобразных археологических архитектурных сооружений происходило в бронзовом веке. Важным итогом изучения горных сооружений «све», датированных эпохой бронзы, явилось обнаружение на их территории поселенческих материалов, представленных керамической посудой, и достаточно большим количеством разнообразных изделий из камня (топоров, тесел, наконечников стрел, ножей, скребков и скребел) и кости (гарпуны и др.). Среди фаунистических остатков присутствуют только кости диких животных, среди которых преобладают останки косули. Как отмечают исследователи на 4-х «све» — «Чебаки, Устанах, Чергатинская и Кызыл-хая — культурный слой содержал типологически разнородные находки, относящиеся, если брать за основу классификацию погребальных памятников, к ранней (афанасьево и окунево), средней (андрон) и поздней (каменный лог) бронзе. Во всех случаях в качестве раннего компонента присутствует керамика Окуневского типа, а в качестве финального — позднекарасукская [Готлиб, Подольский, 2008, с. 216].

Археологическое обследование территории Назаровской котловины, проведенное в 1980-1990-е гг. отрядами Сибирской археологической экспедиции позволило выявить не менее 20 пунктов сбора подъемного материала, отнесенного к энеолиту — бронзовому веку и интерпретированные как поселения. По степени концентрации этих поселений С.В. Красниенко и А.В. Субботин выделяют в Назаровской котловине несколько археологических микрорайонов: 1) Северный — 7 поселений в междуречье Береш и Урюпа: Ашпыл, Инголь, Дубинино VI, Сорокино I, Меловой лог, Отножка, Объюл I; 2) Шарыповский — 4 поселения в г. Шарыпово и его окрестностях: Шарыпово X, Ожинское III, IV, Гляден VIII; 3) Темринский — 5 поселений в окрестностях двухсоседних деревень Темра и Косые Лужки, расположенных между отрогами Кузнецкого Алатау: Развилка II, Темра VI, Согринское II, Темра XIV, Косые ложки XV; 4) Большеозерский — 3 поселения на берегах озера Большое (Божье) и вблизи него: Большое озеро XIII, XV и у деревни Ораки [Красниенко, Субботин, 2007, с. 235].

Небольшие раскопки были проведены только на нескольких поселениях — Объюл I (Н.Л. Членовой в 1960е гг.), Гляден VIII, ДубининоVI, Шарыпово VI (Красниенко С.В. и Субботин С.А. в 1999-2004 гг.).

Керамическая посуда, принадлежащая носителям афанасьевской культур, обнаружена на поселениях Инголь, Ашпыл, «Гляден VIII», Кадат VI, Большое озеро XIII. Интересный окуневский материал (фрагменты керамики, каменные и бронзовые изделия) был обнаружен на поселениях «Инголь» и «Ашпыл», Шарыпово X, Большое озеро XIII, XIV и других. На поселении «Ашпыл» встречены фрагменты самуськой керамики. На поселениях Шарыпово X и у д. Ораки найдены фрагменты андроновской керамики.

На основании имеющихся на настоящее время археологических материалов Красниенко С.В. и Субботин С.А полагают, что в эпоху энеолита Назаровская котловина была освоена афанасьевским населением, а «окуневцы» появились здесь на поздней стадии существования афанасьевской культуры, о чем свидетельствует наличие керамики, выполненной в смешанной окуневско-афанасьевской технике. Однако позднее сюда проникали как собственно «окуневцы», т. е. население периферии Минусинских котловин, так и, вероятно, родственные им западносибирские «самусьцы», бытовавшие в эпоху ранней бронзы на Оби в районе современного Томска [Красниенко, Субботин, 2007, с. 237].

С 2000 г. и по настоящее время осуществляются исследования археологической экспедицией Минусинского регинального краеведческого музея (Н.В. Леонтьев) и музея «Томская писаница (С.Н. Леонтьев) изучение группы разновременных поселений в среднем течении рек Казыр и Кизир. Наиболее значительный объем полевых исследований проведен на левом берегу р. Казыр в 2-2,5 км к северу — северо-востоку от с. Таяты вверх по течению реки на местонахождениях Таяты 3 и Таяты 4 (Каратузский район Красноярского края), где раскопами была вскрыта соответсвенно площадь 324 и 153 кв. м. Здесь была обнаружена керамическая посуда типичная для окуневской культуры, а также керамика, которая по форме сосудов и их орнаментации обнаруживает, по мнению авторов раскопок, близкие аналогии в керамике андроновского типа и посуде еловско-ирменской культуры Западной Сибири. Отмечается в этом горно-таежном районе, по мнению С.Н. Леонтьева, и присутствие керамической посуды, которая «имеет заведомо восточносибирские истоки и своим происхождением, вероятно, генетически связана с древними культурами районов Ангары и Прибайкалья». Речь идет, в частности, о близости к глазковской керамики. (Аскизский и Таштыпский районы Республики Хакасия). Помимо керамики в этом слое обнаружены изделия из камня — небольшие наконечники стрел иволистной и ромбовидной формы Предположительно синхронны «окуневской» керамике бронзовые вещи — кельт и наконечник копья сейминско-турбинского типа, найденные на территории Каратузского района в д. Верхняя Мульга [Леонтьев, Леонтьев, 2007, с. 28-30; Леонтьев, 2008, с. 90].

Следует также отметить раскопки поселения Сиры, расположенного на правобережной первой надпойменной террасе р. Сиры (левый приток р. Аскиз) в 4 км к западу от железнодорожной станции Югачи. Исследования были осуществлены в 2005 г. археологическим отрядом Хакасского республиканского краеведческого музея под руководством старшего научного сотрудника Э.Н. Киргинекова. Площадь раскопа составила 56 кв. м. Во 2-ом культурном слое поселения была обнаружена керамика афанасьевской, окуневской и самусьской культур [Киргинеков, 2005].

С 2001 по 2008 год Аскизским отрядом археологической экспедицией ХГУ, Аскизским и Таштыпским отрядами Хакасской археологической экспедиции под руководством автора были проведены полевые работы в бассейне реки Абакан в среднем его течении (Аскизский и Таштыпский районы Республики Хакасия). Археологические разведки с целью обнаружения поселений неолита и бронзового века были осуществлены в долинах левых притоков Абакана — рек Аскиз, Большая Есь, Лырсы, Тея, Таштып, а также в долинах правых притоков Абакана — рек Джебаш, Большие и Малые Арбаты.

Разведочные маршруты пролегли главным образом в подтаежных районах на границе их с лесостепью — там, где прежде целенаправленных археологических поисков практически не осуществлялось. В результате было обнаружено 12 археологических местонахождений, в ходе изучения которых был получен разнообразный материал, в том числе по энеолиту и бронзовому веку Хакасии. Местонахождения выявлялись в ходе шурфовочных работ и уже на стадии разведки удавалось выяснить геолого-стратиграфические условия залегания культурных остатков. Раскопки к настоящему времени проведены на поселениях Читыгол I-III (левый берег р. Большая Есь в 3 км выше улуса Тюрт-Тас), Большой Арбат I и Матрос I (правый берег р. Большой Арбат между деревнями Большие и Малые Арбаты) и Куйбышево (правый берег р. Джебаш).

По итогам этих раскопок, на основе, прежде всего, находок керамической посуды, выяснилось, что афанасьевцы и окуневцы хорошо освоили подтаежную территорию в юго-западной части Хакасии. Афанасьвская и окуневская керамика на поселениях Читыгол II, III, Куйбышево залегает совместно и обнаруживается в одних и тех же геолого-стратиграфических условиях. Присутствует в подтаежной зоне карасукская и каменноложская керамика и неизвестна андроновская. Каменная индустрия, встреченная вместе с афанасьевской и окуневской керамикой, представлена призматическими нуклеусами, микропластинками, концевыми скребками из отщепов.

Проведенный в настоящей статье обзор поселенческих материалов по энеолиту и бронзовому веку Хакасско-Минусинского края, в котором учтены преимущественно опубликованные в научной литературе сведения, несмотря на их известную неполноту, позволяют сделать следующие выводы:

1. Исследования поселений данных культурно-хронологических эпох так и не развернуто должным образом. Имеющиеся к настоящему времени археологические коллекции лишь частично введены в научный оборот.

2. Вместе с тем необходимо отметить, что в последние 10 лет проявилась очевидная тенденция — рост интереса к их поиску и изучению поселений энеолита и бронзового века на территории Хакасско-Минусинского края. Эти исследования осуществляются в степных, лесостепных и горно-таежных районах.

3. Материалы поселений начинают привлекаться для обсуждения вопросов этнокультурного взаимодействия различных групп населения в эпоху бронзы. Их анализ свидетельствует о том, что, вероятно, в раннем бронзовом веке население степных и лесостепных скотоводческих культур достаточно уверенно осваивало подтаежную территорию — речь идет о представителях афанасьевской и окуневской культур. Совершенно не исключается и длительное время их мирного сосуществования. При этом следов пребывания «окуневцев» в подтаежной и горно-таежной зоне значительно больше, чем «афанасьевцев». Фиксируется также присутствие в лесостепных районах на северо-западе Хакасии «самусьцев», проникших сюда с Западной Сибири, вероятно из Томского Приобья.

4. Синхронизация сейминско-турбинских бронз (Верхне-Мульгинский клад) с находками окуневской керамики в Казыро-Кизирском междуречье (Леонтьев, Леонтьев, 2006, с. 230) ставит вопрос о длительном периоде жизни окуневцев в горно-таежных районах Хакасско-Минусинского края.

5. Материалы изученных карасукских поселений дают основание утверждать о существовании в это время комплексного скотоводческого хозяйства и стационарных поселений с довольно сложной организацией пространства — с жилищами полуземлянками и выделением на территории поселка сакрального пространства (наиболее яркий пример поселение Торгожак).

6. Слабая изученность поселений энеолита и эпохи бронзы на территории Хакасско-Минусинского края не позволяет более объективно исследовать многие важные вопросы, среди которых следует назвать:

- проблему соотношения у носителей различных археологических культур бронзового века таких отраслей хозяйственной деятельности как скотоводство, охота, раннее земледелие, рыболовство и собирательство;

- вопрос об уровне развития и изменениях в каменной, костяной и керамической индустрии на протяжении бронзового века, в связи с хозяйственными нуждами и становлением металлургии бронзы;

- выявление действительной территории, освоенной носителями той или иной археологической культуры энеолита и бронзового века и динамики этого освоения в тесной связи с природно-ландшафтными и климатическими условиями;

7. Наконец, материалы поселений несомненно дадут новые данные о характере и степени этнокультурного взаимодействия различных групп населения например, «афанасьевцев» и «окуневцев», «карасукцев» и «лугавцев» в сфере хозяйственно-бытовой и духовной культуры, о проникновении на территорию Хакасско-Минусинского края иных культурных традиций. В этой связи особую актуальность приобретает археологическое изучение горно-таежных территорий, обрамляющих степные и лесостепные районы Хакасско-Минусинского края.

ЛИТЕРАТУРА

Астахов С.Н., Васильев С.А. Памятники неолита — бронзового века в Саянском каньоне Енисея // Евразия сквозь века (к 60-летию Д.Г. Савинова). — СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2001. — С. 148-154.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Л.: Наука, 1986 — 231 с.

Виноградов А.В. Вьюжное I — новый памятник неолита и ранней бронзы в Минусинской котловине // Материальная культура древнего населения юга Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982а. — С. 117-132.

Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Л., 1982б. — 16 с.

Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения Окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник. — СПб.: Изд-во «Петро-РИФ», 1997. — С. 134-151.

Готлиб А.И. Горные сооружения «све» — новый вид археологических памятников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и в средневековье (к 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова). — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — Кн. I. — С. 129-133.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све — горные сооружения Минусинской котловины. — СПб.: «Элексис Принт», 2008. — 222 с.

Зубков В.С. Новые неолитические местонахождения в подтаежной зоне Хакасии. // Степи Евразии в древности и в средневековье. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — Кн. 1. — С. 145-148

Зубков В.С. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Большая Есь Аскизского района Республики Хакасия в 2004 г. — Абакан, 2005.

Киргинеков Э.Н. Отчет об археологических раскопках поселения Сиры и кургана в пос. Аскиз в Аскизском районе Республики Хакасия в 2005 году. — Хранится в рукописном фонде Хакасского республиканского краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова.

Кириллова Д.А., Подольский М.Л. Све Кызыл хая на севере Хакасии. // Окуневский сборник. 2. Культура и ее окружение. — СПб.: 2006. — С. 130-145.

Кириллова Д.А., Подольский М.Л. Све Хазынхыр — горное святилище на реке Аскиз // Окуневский сборник. 2. Культура и ее окружение. — СПб.: 2006. — С. 146-156.

Красниенко С.В, Субботин А.В Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). — СПб., 1997.

Красниенко С.В. Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Степи Евразии в древности и в средневековье (к 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова). — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — Кн. I. — С. 171-175.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Окуневские памятники на территории Назаровской котловины // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. — СПб.: «Элексис Принт», 2006. — С. 235-241.

Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. Материалы эпохи бронзы Казыро-Кизирского междуречья // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. — СПб.: «Элексис Принт», 2007. — С. 228-234.

Леонтьев С.Н. Керамика неолита — эпохи бронзы нижнего течения р. Казыр // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. — Вып. 6. — С. 65-91.

Леонтьев С.Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. — СПб.: «Элексис Принт», 2006. — С. 260-272.

Леонтьев С.Н. Керамика эпохи неолита и энеолита минусинской степи в собрании Мартьяновского музея // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова. — Новосибирск, 2003. — С. 42-48.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. — Л.: Наука, 1978. — 190 с.

Подольский М.Л. Све Чиланныг тах на севере Хакасии // Евразия сквозь века (к 60-летию Д.Г. Савинова). — СПБ.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. — С. 108-110.

Савинов Д.Г. Древние поселения в Хакасии. Торгожак. — СПб., 1996.

Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. — М.: Наука, 1975.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — М.: Наука, 1972.

П.В. Мандрыка
Красноярск, Сибирский федеральный университет

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ СТЕПНЫХ, ЛЕСОСТЕПНЫХ И ТАЕЖНЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ДОЛИНЫ ЭПОХИ МЕТАЛЛА В СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920-1930-Х ГОДОВ

К началу 20-х г. в XX в. в Минусинских степях, благодаря работам В.В. Радлова, Д.А. Клеменца, И.П. Кузнецова-Красноярского, А.В. Адрианова, И.С. Аспелина, В.И. Анучина, А.К. Гейкеля, В. Толмачева, С.Н. Завадского, И.С. Проскурякова, А. Станкевича, И.Т. Савенкова и других, было известно и изучено более сотни археологических объектов, сделано несколько попыток классифицирования курганов [Вадецкая, 1973; 1986; Белокобыльский, 1986]. Интенсивные исследования в южной части Красноярской лесостепи, проведенные И.Т. Савенковым, П.С. Проскуряковым, Н. Урусовым, А.В. Арияновым, В.И. Анучиным и другими, позволили получить материалы эпохи металла уже с нескольких десятков памятников [Макаров, 1989]. На территории же таежных районов енисейской долины к 1920-м г., благодаря сведениям Н.М. Спафария, Д.А. Клеменца, А.С. Еленева, Н.Н. Кубе и разведкам Н.И. Витковского, Г. Мергарта, А.Я. Тугаринова и других, было выявлено только несколько объектов, которые не изучались раскопками. Вместе с тем из этого района имелась целая серия разрозненных бронзовых вещей.

Впервые изучением этих источников занялся Г. Мергарт, основные теоретические высказывания которого отражают получившие развитие в начале XX в. в западноевропейской науке идеи, связанные с диффузионизмом, школой культурных кругов или культурно-исторической школой [Левин, Токарев, 1953]. Развивая идеи финского археолога А.М. Тальгрена, Г. Мергарт отмечал, что «урало-алтайская культура» эпохи металла в Северной Азии подразделяется на ряд локальных, одновременно существующих, самостоятельных культур – минусинская, красноярская, томская и уральская.

По памятникам Минусинских степей эпох поздней бронзы, раннего и развитого железа Г. Мергарт дал характеристику «минусинской бронзовой культуры», в которую свел воедино материалы карасукской, тагарской и таштыкской культур. Для характеристики «красноярской культуры металла» Г. Мергарт пользовался случайно найденными изделиями, в основном, кельтами. Несмотря на скудность и типологическую ограниченность материалов, он, тем не менее, предложил выделить в самостоятельный очаг культуры бронзы красноярско-канскую лесостепь и тайгу [Merhart, 1926, s. 26-27]. Рассматривая группу безушковых кельтов с геометрическим орнаментом и литейные формы, исследователь считал, что в районе Красноярска находился центр бронзолитейного производства, сырье для которого доставлялось из Минусинской котловины.

Сравнивая минусинские материалы с находками из северных районов лесостепной и таежной зоны, Г. Мергарт отмечал взаимовлияние и взаимодействие народов, культурное движение племен эпохи металла с юга на север. Он утверждал, что часть бронзовых находок лесостепи и тайги «явно южного происхождения». В то же время в «минусинской культуре» им выделялся ряд бронзовых вещей, украшенных геометрическим орнаментом (безушковые кельты, ножи), основной ареал которых ограничивался севером. Это свидетельствовало о постоянных контактах населения приенисейских степей и их северных соседей. Вместе с этим исследователь совершенно справедливо заметил, что кельты с геометрическим орнаментом из северных районов своим происхождением не связаны с минусинскими [Мергарт, 1923, с. 32-35].

Рассматривая бронзовые зеркала, «кривые ножи», кинжалы, кельты и геометрическую орнаментацию на однотипных вещах «красноярской», «минусинской» и «томской» культурах, Г. Мергарт сделал еще один важный вывод - об одновременном их существовании в рамках эпохи

бронзы[1]. Отдельные элементы этих культур, по его мнению, свидетельствуют о связях с культурами востока Европейской части России, в частности с сейминской и ананьинской. Сейминские кельты, распространившись на восток, оказали решающее влияние на формирование «красноярских топоров» с ушками и рельефным геометрическим орнаментом. Эти предметы, послужили ему основанием считать, что «красноярская культура» на раннем этапе выступала посредником между Минусинской котловиной и Сеймой [Merhart, 1926, s. 76]. Со временем ананьинской культуры Г. Мергарт связывал распространение из Восточной Европы на Енисей шестигранных кельтов с полосой рельефного орнамента. В эпоху поздней бронзы, по его мнению, также с Запада на Енисей проникают кельты с ушком на прямоугольном по очертанию полотне.

«Красноярская культура», выделенная Г. Мергартом, достигает центральных областей Красноярского, Ачинского и Канского уезда, что проявилось в своей оригинальной керамике, жерновах, глиняных кружках и типичной железной утвари. На север же, где, по мнению исследователя, обработка железа была неизвестна, «красноярская культура» не проникла. Основываясь на керамике, он указывает на то, что элементы стиля культуры железного века проникали до севера и подвергались там ассимиляции. Ясного выделения керамических групп, считал Г. Мергарт, которое возможно в центральной части края, нельзя произвести на севере.

Своими рассуждениями, Г. Мергарт первым выдвинул важный вопрос о месте бронзовой культуры северной лесостепи по отношению к неолитической и железной. Он предположил, что «…если последние две культуры, как показывали находки стоянок, временно близко сошлись (возможно, фактически соприкасались), то схема, по которой между неолитом и железом нужно вставить бронзу, распадается и должна быть заменена другой» [Мергарт, 1923, с. 34].

По его же мнению, север был заселен охотниками и рыболовами, а юг - земледельческим народом. Он подчеркивал, «… что минусинская бронзовая культура как таковая, в первоначальном варианте не касалась красноярского края, что она, при весьма обильном экспорте на север, впервые появилась сама в районе красноярских топоров … в своей заключительной фазе и сильно измененном облике» [Merhart, 1926, s. 50].

Таким образом, Г. Мергарт выделил для северных Приенисейских лесостепей собственную бронзовую культуру, которая базировалась на неолитической, причем употребление металлических орудий не изменило этого неолита. Древняя бронзовая культура перешла со временем в железную, но часть населения, переселившись на север, потеряла свои рудники и лишилась с переселением в лесостепь и в тайгу всего своего хозяйства и своей древней культуры [Мергарт, 1923, с. 36].

Близких взглядов придерживался и профессор историко-филологического факультета Иркутского университета, заведующий кафедрой истории первобытной культуры, организатор кружка народоведения - Б.Э. Петри. Основываясь на материалах из окрестностей Иркутска, он предполагал, что в то время, когда в степях Сибири развивалась культура эпохи бронзы, в лесном Прибайкалье все еще продолжала существовать эпоха камня. По его мнению, железный век начинается там только после вторжения каких-то племен с юга. Находки отдельных бронзовых вещей в таежных районах он объяснял тем, что древние жители Прибайкалья грабили могилы своих южных соседей и забирали находившиеся там вещи [Петри, 1928, с. 45]. Таким образом, Б.Э. Петри полностью отрицал в лесном Прибайкалье собственного производства бронзовых орудий.

В какой-то степени его точку зрения разделял и Г.П. Сосновский, который считал, что в силу физико-географических условий в тайге не могло быть самостоятельного бронзового века. В то время, когда в степях процветал бронзовый век, в Приангарье, по его мнению, существовала смешанная культура переходного типа - от каменного века к бронзовому, сохранившая в виде пережитков неолитические формы орудий. Как заимствование из более южных областей здесь встречаются лишь отдельные предметы из меди и бронзы. Эта культура хотя и имела самостоятельный характер, но вместе с тем испытывала воздействие различных культур Сибири. Сильное

влияние на таежный и лесостепной район Приангарья, по мнению Г.П. Сосновского, оказал Минусинский очаг бронзовой культуры, но он не был единственным. Целый ряд вещей, найденных в Приангарье, непохожих на минусинские вещи, происходит из другого пункта, местонахождение которого не установлено [Сосновский, 1923, с. 125].

Вслед за Г. Мергартом и Б.Э. Петри тезис о запаздывании в культурном развитии племен, расселявшихся к северу от Минусинских степей, отстаивал красноярский археолог В.Г. Карцов, который первый обобщил археологические материалы Красноярского района. Основываясь на материалах из Красноярской лесостепи, он поддерживал и развивал тезис о переселении на север тагарцев под натиском кочевников, которые оставили здесь памятники неометаллической эпохи. К ним он относит курганы с коллективными захоронениями и стоянки, в культурных слоях которых найдены сосуды баночной и кубковидной форм, а также изделия из кости, бронзы и железа позднетагарского и раннеташтыкского времени. Исследователь доводит существование неометаллической эпохи в Красноярской лесостепи до середины I тысячелетия н.э. Он полагал, что на первых порах тагарская культура существовала параллельно местной – палеометаллической, при этом они оказывали друг на друга взаимное влияние [Карцов, 1929, с. 40-45].

Таким образом, проблема взаимовлияния народов степи, лесостепи и тайги енисейской долины в эпоху металла в сибирской археологии в 20-30-е гг. XX века рассматривалась с позиции неравномерного развития. Идея отставания в развитии народов севера по сравнению с племенами юга надолго закрепилась в отечественной археологии. Вместе с этим разработка первых типологий и периодизаций археологических памятников Минусинских степей и Приенисейских лесостепей подготовила фундамент для сравнительной характеристики этих комплексов с материалами из северных таежных районов. Собранные в 20-е годы коллекции археологических предметов и теоретические построения послужили основой для качественно новых форм работ в таежной зоне Приенисейской Сибири и более углубленных выводов, сделанных А.П. Окладниковым, Г.А. Максименковым, Р.В. Николаевым и другими исследователями уже в послевоенное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]В эпоху бронзы Г. Мергарт включал период от VI в. до н.э. по VIII в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII - первая треть XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.

Вадецкая Э.Б К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1973. – Вып. 6. – С. 91-159.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск: Краснояр. гостипо-лит, 1929. – 67 с.

Левин М.Г., Токарев С.А. Культурно-историческая школа на новом этапе // СЭ. – 1953. – № 4.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 131-188.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия КОРГО. – Красноярск, 1923. – Т. III, вып. 1. - С. 29-36.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. – Иркутск, 1928.

Сосновский Г.П. К археологии Ангарского края // Сиб. жив. старина. – 1923. – Вып. 1.

Merhart G. Die Bronzezeit am Enissei. – Wien, 1926.

А.Г. Марочкин
Кемерово, Институт экологии человека СО РАН

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫДЕЛЕНИЮ (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

На настоящий момент в лесостепной зоне Западной Сибири, на пространстве от предгорий Кузнецкого Алатау и Горного Алтая до среднего течения Иртыша, известно больше четырех десятков погребальных памятников эпохи позднего неолита и переходного к металлу времени. Более древних погребений в этом регионе до сих пор не обнаружено, так что именно верхний рубеж эпохи камня является временем, с которого возможно проследить развитие погребальной обрядности древнего населения Западной Сибири. В условиях относительно слабой изученности западносибирского неолита, и тем более энеолита, по-прежнему являются актуальными вопросы, связанные с общей систематикой. Одним из важнейших на протяжении уже нескольких десятилетий остается вопрос о возможности разделения неолитических и энеолитических комплексов. В статье рассмотрены основные подходы к этой проблеме, нашедшие отражение в научной литературе.

Отказ от строгой периодизации. Суть подхода заключается в расширенной датировке памятника: неолит — энеолит, поздний неолит — ранняя бронза и т.д. В целом можно констатировать даже возникновение устойчивого сложного термина неолит-энеолит, призванного обозначить хронологическую принадлежность памятника, и в то же время подчеркнуть её условность, приблизительность. К этому подходу чаще всего прибегают при датировке одиночных погребений с невыразительным инвентарем [например, Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 84], либо при характеристике недавно открытых памятников, материал которых нуждается в осмыслении [например, Абдулганеев, Кирюшин, Пугачев, Шмидт, 2000, с. 26-210]. Иногда отказ от четкого разделения общего массива погребений на разные в эпохальном отношении группы являлся частью общей авторской концепции. Так, А.И. Петров при выделении в Среднем Прииртышье екатерининской культуры позднего неолита — ранней бронзы, отнес к ней ряд могильников среднего течения Иртыша и Барабы — Хутор Бор IV, Окунево VII, Протока, Сопка 2 и др. Для всех памятников он выделил «следующие характерные черты: расположение могил на местах поселений; наличие погребальных сооружений, захоронение умерших на небольшой глубине, нередко на уровне материка и выше; трупоположение на спине вытянуто, головой на ССВ, обычны вторичные захоронения и захоронения черепов; использование охры в обряде; могилы не отличаются богатством инвентаря, встречаются безинвентарные захоронения; обычай умышленной порчи вещей, наличие сосудов в могилах» [Петров, 1994, с. 45-46]. Предполагая культурную идентичность поздненеолитических, энеолитических и раннебронзовых комплексов Среднего Прииртышья, А.И. Петров рассматривает все погребения в совокупности, не выделяя собственно неолитические или энеолитические. Важным обстоятельством он считает тот факт, что ранние погребения во всех случаях сопряжены с поселенческими слоями, содержащими энеолитическую керамику байрыкского и артынского типов. Соглашаясь с Н.В. Полосьмак в том, что специальная погребальная керамика екатерининской культуры имеет архаичный облик, А.И. Петров считает возможным её сосуществование с байрыкской и артынской керамикой поселений [Петров, 1994, с. 39]. В. И. Матющенко и А.В. Полеводов при анализе ранних погребений Окунево VII также отказались от их четкого соотнесения с той или иной эпохой. Датировав весь ранний массив поздним неолитом — ранней бронзой, они ограничились выделением разновременных

относительно друг друга групп захоронений, оставив открытым вопрос о продолжительности временного разрыва между ними [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 49-51].

Артефакт как эпохальный признак. Для данного подхода характерно выделение среди общего комплекса вещного набора из погребений особой категории предметов, которые должны стать основой датировки. В сущности, это один из основных методов археологии, в той или иной мере используемый всеми, однако есть примеры, особенно ярко иллюстрирующие его. В 1952 г. М.Н. Комарова отнесла к неолиту восемь захоронений Томского могильника на Большом мысу, положив в основу датировки отсутствие в погребениях металла, наличие большого количества каменных изделий и вероятное сходство орнамента на керамике из погребений с орнаментом посуды некоторых неолитических стоянок Западной Сибири. Плоскодонный характер посуды, по её мнению, не отрицал неолитического возраста погребений, а лишь свидетельствовал об «особом месте керамики Томского могильника среди керамики других памятников эпохи неолита» [Комарова, 1952, с. 13]. Критично отнесся к данной точке зрения В. Н. Чернецов, отметив некорректный характер сопоставления плоскодонной керамики из могильника с остродонными сосудами сильно удаленных в территориальном плане стоянок. Датировав могильник эпохой ранней бронзы, в качестве основных признаков он предложил плоскодонность керамики, её орнамент, находящий аналоги в декоре более поздней посуды Томского могильника на Малом мысе, и шестигранное сечение обнаруженных в захоронениях каменных тесел [Чернецов, 1953, с. 43-44]. Неолитическую дату Томского могильника поддержал В. И. Матющенко, включивший его наряду с Самусьским могильником и могильником на Старом мусульманском кладбище в верхнеобскую неолитическую культуру [Матющенко, 1960; 1969; 1973]. Его доводы за это логично продолжают суждения, высказанные М.Н. Комаровой — важнейшим признаком является отсутствие металла, а каменный инвентарь и орнамент керамики находят аналоги в широком круге неолитических памятников Западной и Восточной Сибири. Точка зрения В.Н. Чернецова получила развитие в работах М.Ф. Косарева, отнесшего Самусьский могильник к новокусковскому этапу энеолита, а погребения на Старом мусульманском кладбище и Томский могильник к игрековскому этапу ранней бронзы. Главным признаком энеолита он видел сочетание на могильнике остродонных (раннего облика) и плоскодонных (позднего облика) сосудов, основным критерием для отнесения к ранней бронзе — наличие только плоскодонных форм керамики. Отсутствие металла, по его мнению, не может однозначно свидетельствовать о неолитической принадлежности данных захоронений, а аналоги каменным орудиям из них легко найти в комплексах ранней бронзы как Западной, так и Восточной Сибири. Особое внимание автор уделил такой категории инвентаря из ранних могильников, как небольшие песчаниковые точильца, предназначенные, по его мнению, для подправки металлических изделий [Косарев, 1974, с. 43-77; 1981, с. 63-76]. Предложенная М.Ф. Косаревым датировка на настоящий момент является общепринятой, однако ранее не раз подвергалась критике. Так, В.И. Матющенко указывал на наличие плоскодонных сосудов в неолитических памятниках Поволжья и появление их на позднем этапе кельтеминарской культуры, а точильца предложил считать «обычными абразивами времени неолита», характер сработанности которых говорит об их использовании для отделки каменных орудий [Матющенко, 1973, С.100-101].

Типология погребений как основной критерий. В 1986 г. Ю.Ф. Кирюшин выделил на территории лесостепного Алтая большемысскую энеолитическую культуру, включающей в себя и поселения, и могильники. Энеолитический характер культуры обосновывался на материалах поселений, давших характерную керамику. Ареал распространения поселений большемысской культуры во многом совпал с территорией кузнецко-алтайской неолитической культуры, известной только по могильникам [Окладников, Молодин, 1978]. Эпохальная принадлежность самого крупного из них, могильника Большой мыс на озере Иткуль, была пересмотрена Ю.Ф. Кирюшиным в сторону омоложения [Кирюшин, 1986, с. 15-16], что получило широкую поддержку среди ученых барнаульской школы. Достоверное соотнесение захоронений Большого мыса с материалами энеолитических поселений затруднено отсутствием в них керамики. Но, при отнесении

могильника к энеолиту был обозначен ряд признаков, отражающих, по мнению Ю.Ф. Кирюшина, его эпохальное отличие от погребальных комплексов кузнецко-алтайской культуры. К таковым им были отнесены: характерное укладывание кистей рук погребенного на таз; общая немногочисленность в погребениях инвентаря, обилие в погребениях украшений из зубов животных; отсутствие в погребальном инвентаре крупных каменных клинков-бифасов и костяных вкладышевых кинжалов; отсутствие в погребениях характерных восьмерковидных нашивок и нашивок в виде стилизованных «рыбок» [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 31-44]. Вместе с тем, принадлежность Большого мыса к энеолиту не является бесспорной. В. И. Молодин опубликовал материалы одного из погребений этого могильника, содержащего типичные для бийско-катунской группы кузнецко-алтайских захоронений предметы, в частности, стилизованные рыбковидные нашивки [Молодин, 1999, с. 36-57]. В.В. Бобров предложил признать культурное тождество большемысских поселений и кузнецко-алтайских могильников на основании близости каменного инвентаря, но отнести их к своеобразной и развитой неолитической культуре, существовавшей на территории Верхней Оби [Бобров, 1998, с.57.] Автором настоящей статьи при сравнительном анализе погребений Большого мыса с захоронениями крупнейших неолитических могильников лесостепного Алтая и Кузнецкой котловины был сделан вывод о неправомерности их типологического разделения [Марочкин, 2008]. Подавляющее большинство других могильников, соотносимых с большемысской культурой, содержат одиночные либо немногочисленные погребения, и зачастую мало информативны. По всей видимости, существующая схема, когда в основу выделения массива энеолитических погребений большемысской культуры ставится критерий их типологической обособленности, остается объектом для дискуссий.

Радиоуглеродное датирование. На настоящий момент имеются более двух десятков абсолютных дат по С14 для ранних погребений юга Западной Сибири. В некоторых случаях они вносят существенные коррективы в, казалось бы, устоявшиеся представления. Н.Ю. Кунгурова, соглашаясь с Ю.Ф. Кирюшиным относительно типологического своеобразия Большого мыса на озере Иткуль, все же датирует его неолитом на основании выявленной по С14 синхронности с кузнецко-алтайскими неолитическими могильниками [Кунгурова, 2005, с. 54-57]. Сам Ю.Ф. Кирюшин, обращаясь к проблеме хронологии ранних могильников Томского Приобья, указывает на достаточно древние даты по С14, полученные для некоторых погребений Старого мусульманского кладбища. Данные захоронения он предлагает отнести раннему этапу энеолита, что противоречит датировке, предложенной М.Ф. Косаревым [Кирюшин, 2004, с. 24-25]. Помимо уточнения хронологической принадлежности отдельных памятников, результаты радиоуглеродного датирования позволили поставить вопрос об удревнении в целом нижней границы эпохи металла, вплоть до V тыс. до н.э. [Молодин, 2001, с. 27, 39].

Внутренняя хронология разновременного комплекса как основа региональной периодизации. В полной мере данный подход находит отражение в работе В.И. Молодина, посвященной культурно-хронологическому анализу погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла, полученных на полностью исследованном могильнике Сопка-2 в центральной Барабе [Молодин, 2001]. На основании планиграфических и стратиграфических наблюдений им были выделены на памятнике три разновременные группы ранних погребений. Самая древняя была датирована неолитом, две других были отнесены к отчасти синхронным, но разнокультурным комплексам. Комплекс раннего металла гребенчато-ямочной общности имеет очень много схожего в обряде с неолитическими захоронениями памятника, однако характер керамики позволил сопоставить его с материалами поселения Венгерово-3, давшего немногочисленные вещи из металла, и со второй хронологической группой ранних погребений Окунево VII [там же, с. 38-39]. Второй комплекс, демонстрирующий культурные связи с игрековским кругом памятников, был выделен В.И. Молодиным в отдельную усть-тартасскую культуру раннего металла, к которой он отнес также ранние погребения могильников Крючное в Барабе и Крохалевка-13 в Новосибирском Приобье [там же, с. 115-118]. Основанием для выделения культуры послужила своеобразная керамика, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике, и характерные черты

в погребальной практике — сочетание однорядного и ярусного расположения погребенных в могиле, сочетание различных способов трупоположения (вытянуто на спине, с подогнутыми ногами, на животе, в виде компактного скопления костей, либо помещение в могилу только костей черепа). Некоторые из этих черт, по мнению В.И. Молодина, демонстрируют эпохальное сходство с энеолитическими могильниками Поволжья и Приуралья. Присутствие на памятнике трех разновременных комплексов позволило автору создать локальную культурно-хронологическую колонку, и на её базе обосновать авторскую концепцию культурогенеза в эпоху неолита и раннего металла на территории Барабинской лесостепи.

Предложенные в статье разделы весьма условны, но в целом отражают сложившуюся ситуацию. Дифференциация ранних погребений западносибирской лесостепи по эпохальной принадлежности по-прежнему затруднена целым рядом обстоятельств. Одно из них заключается в слабом понимании природы культурно-исторических процессов, происходивших в эпоху первоначального освоения металла за пределами «ареалов классических культур энеолита» [Бобров, 2006, с. 347-348]. Вторым обстоятельством, носящим объективный характер, является крайне неравномерное распределение изученных могильников в лесостепной зоне Западной Сибири, и разная степень их репрезентативности. Как справедливо отметил В.В. Бобров, «практика научного исследования источников конкретного региона оказывала влияние на теоретическую концепцию исследователя» [там же, с. 347]. Дискуссионный характер большинства предложенных схем говорит об отсутствии четкого представления, какова природа эпохальных изменений в погребальном обряде, и как по археологическим данным выявить признаки этих изменений. Наиболее обоснованным решение обозначенных вопросов представляется в работах, построенных на комплексном изучении крупных разновременных могильников.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.В., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследования могильника Тузовские Бугры I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — Т. VI. — С. 206-210.

Бобров В.В. «Энеолит» Западной Сибири (современное состояние знаний и проблемы изучения) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда. — Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН. — Т. I. — С. 347-349.

Бобров В.В. Проблемы неолита юга Западной Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (Мат-лы междунар. симпозиума). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — С. 50-58

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. — 295 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. …д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1986. — 35 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — 117 с.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — Т. I. — С. 7-50.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М.: Изд-во Наука, 1974. — 167 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. — Барнаул: Барнаул. юр. ин-т МВД России, 2005. — 128 с.

Марочкин А.Г. К вопросу о «погребальном компоненте» большемысской энеолитической культуры // Вестник НГУ. — Новосибирск, 2008. В печати.

Матющенко В.И. Вопросы датировки томских неолитических памятников // Ученые записки Томского государственного университета. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1960. — № 35. — С. 200-215.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. — Ч. 1: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье — 182 с. (Из истории Сибири. — Вып. 9).

Матющенко В.И. О сложении верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии. — Новосибирск, 1969. — Вып. 1. — С. 60-61.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. — Новосибирск: Наука, 1994. — 223 с.

Молодин В.И, Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. — Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1996. — 196 с.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири: Мат-лы совещ. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. — С. 36-57.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — Т. 1. — 128 с.

Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 11-21.

Петров А.И. Неолит и ранняя бронза // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Т. 2. Мир реальный и потусторонний. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — С. 34-72.

Чернецов В. Н. Энеолит и бронза Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. –- Гл. 2. — С. 36-62. (МИА. -№ 35).

С.П. Нестеров
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ОЧЕРК ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Каждый регион России имеет свою историю археологического исследования. У одних она началась довольно рано (на европейской части), другие территории начинали изучаться по различным направлениям по мере их вхождения в состав Российского государства (Сибирь и Дальний Восток).

Что касается территории современной Амурской области, которая в 2008 году отметила свое 150-летие, то еще в 1925 году завгубоно С. Иванов (г. Благовещенск) сообщал в Главное управление научных, научно-художественных и Музейных учреждений (Главнаука Наркомпроса): «хотя в музее (Амурском краеведческом музее — С.Н.) и имеются сведения о ряде мест залегания археологических остатков, разбросанных преимущественно по берегу среднего Амура, но эти сведения настолько кратки, что не могут удовлетворить анкетным запросам. Отсутствие подробных сведений объясняется тем обстоятельством, что до сих пор в Амурской губернии не производилось научных исследований археологических остатков и вообще не было специальных работ по изучению местной археологии» (выделено нами — С.Н..) [Материалы (анкеты)…, 1925, л. 59]. Именно по этой причине в списке археологических памятников Амурской губернии всего 19 пунктов.

В развитии археологии дальневосточноного региона выделяются два основных периода. Рубежом между ними является год образования Дальневосточной археологической экспедиции (ДВАЭ) — 1953-й [Клюев, 1993, с. 5]. Однако для Амурской области начало систематической работы академических экспедиций пришлось на 1961 год. Первый период подробно представлен в историографии Амурской области [Новиков Даурский, 1961, с. 7-14; Деревянко, 1970; 1973], поэтому на нем мы остановимся кратко только для того, чтобы были ясны истоки археологического успеха в изучении древностей западной части Приамурья (или Западного Приамурья).

Сведения археологического характера имеются у писателя, этнографа и фольклориста С.В. Максимова, который в 1860-1861 годах как участник этнографической экспедиции, организованной морским ведомством, побывал во многих русских поселениях Приамурья.

Горным инженером И.А. Лопатиным, в 1863 году проводившим геологические изыскания на территории Амурской области, перечислены пункты, где местные жители находили каменные орудия. Сводная работа «Сведения о 49 древних урочищах» была закончена автором в 1870 году и отправлена в Археологическую комиссию. За время полевых изысканий И.А. Лопатин собрал значительную коллекцию каменных орудий (свыше 200 предметов). Он первым призвал дальневосточных и сибирских археологов к точности стратиграфических наблюдений, обратил внимание на необходимость исследования не только пещер, но и стоянок, вмещающих культурные слои в делювиальных отложениях.

В 1891 году был создан Благовещенский городской музей. Общее руководство музеем осуществлял выборный комитет, председателем которого в 1897 году стал преподаватель мужской гимназии А.В. Кириллов. Первая коллекция предметов для Благовещенского музея была собрана первым амурским археологом А.Я. Гуровым. Именно он, совместно с членом Приамурского географического общества Г.Ф. Белоусовым, в 1902 году обследовал окрестности хутора Сторожевого и острова Урильского.

В 1915-1916 годах по обоим берегам Верхнего Амура работала экспедиция Академии наук под руководством антрополога и этнографа С.М. Широкогорова, при участии Е.Н. Широкогоровой, А.Я. Гурова, М.К. Толмачева (хранителя Благовещенского музея), А.З. Федорова (археолога-любителя из Уссурийска).

Конец 1920-х — начало 1930-х годов ознаменовалось появлением первых археологических карт Западного Приамурья. Их составителями были Н.Г. Харламов (1928 г.) [1929, л.121] и А.Я. Гуров (1932 г., карта хранится в Амурском областном краеведческом музее).

Более 30 лет археологическое наследие Амурской области было под пристальным вниманием краеведа С.Г. Новикова-Даурского. Не занимаясь раскопками, он оперативно реагировал на все сообщения местных жителей о находках древних предметов, выезжал на места и по возможности собирал полную информацию об обнаруженном памятнике. Итогом археологических изысканий С.Г. Новикова-Даурского стала публикация списка известных ему памятников, который включает 151 единицу древних и средневековых стоянок, поселений, городищ, могильников [1961, с. 15-66].

В 1953 г. Ленинградское отделение Институт истории материальной культуры АН СССР приступило к изучению древних культур Приморья, бассейна Амура и Восточного Забайкалья. Возглавлял Дальневосточную археологическую д.и.н. А.П. Окладников. Разведочные и раскопочные работы в пределах Амурской области были проведены в 1954 г. В этот год в Западное Приамурье прибыли начинающие археологи и историки, впоследствии ставшие крупными учёными, В.Е. Ларичев, Э.В. Шавкунов, Н.Н. Забелина, М.И. Рижский [Окладников, Ларичев, 1999, с. 4].

Поворотным моментом в деле археологического изучения Амурской области явился 1961 г. В этот полевой сезон Дальневосточная экспедиция начала планомерные работы в Западном Приамурье. Базовым центром экспедиции стал Институт истории, филологии и философии СО РАН из Новосибирска, а его сотрудники Н.Н. Забелина, И.В. Асеев, С.В. Глинский и др. — постоянными членами экспедиции. Тогда её активными участниками стали студенты и выпускники Благовещенского пединститута А.П. Деревянко, Б.С. Сапунов, Е.И. Деревянко, А.И. Мазин, В.В. Сухих.

Если образно говорить о 1960-х годах, то их можно назвать «культурообразующими» для приамурской археологии. Именно в эти годы проводились планомерные разведки и раскопки археологических памятников на территории Амурской области: на острове Урильском, на Осиновом озере, у с. Новопетровки, Сергеевки, на речке Кумары, Громатухе, в зоне затопления строящейся Зейской ГЭС, где обнаружен самый древний палеолитический памятник Филимошки. Тогда были исследованы основные эпонимные памятники культурно-хронологической шкалы Западного Приамурья и выделены громатухинская, новопетровская, осиноозёрская неолитические культуры; урильская культура раннего железного века. И если неолитические культуры являлись специфическими для Западного Приамурья, то урильская включила памятники Восточного Приамурья. На памятниках Михайловское городище на реке Завитой, на Троицком могильнике Е.И. Деревянко началось масштабное изучение эпохи раннего средневековья.

Активные археологические исследования в Амурской области продолжились до начала 1970-х годов. В эти годы раскапывались памятники: Филимошки, Троицкий могильник, русская крепость Албазино. В 1972 г. В.И. Болдин из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН провел разведочные раскопки на ряде средневековых памятников «с целью уточнения их датировки». Были изучены поселения у с. Бибиково, Буссе, Поярково, Чесноково, городище на горе Шапка и Шапочка [Болдин, 1999].

В 1974 г. А.П. Деревянко осуществил первое рекогносцировочное исследование долины Буреи от пос. Талакан вверх по реке до пос. Чекунда. В ходе работ были обнаружены: палеолитическая

стоянка выше водомерного поста Сектагль, неолитические артефакты в пос. Чеугда, древнее поселение в 2-х км ниже устья р. Чеугда и около 189 створы.

На этом активный раскопочный этап в изучении древностей Амурской области закончился. Это может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, накопленный материал требовал его осмысления. В 1970-е годы появляются фундаментальные монографии, где широко представлен западно-амурский материал. Неолитические эпохи и ранний железный век нашли отражение в книгах А.П. Окладникова и А.П. Деревянко [Деревянко, 1970; 1973; Окладников, Деревянко, 1977], эпоха средневековья — в трудах Е.И. Деревянко [1975; 1977]. Во-вторых, изменились приоритеты исследований не только Дальневосточной экспедиции в целом, но и отдельных учёных. Так, А.И. Мазин активно занялся изучением Забайкальских, Якутских и Приамурских писаниц, а также этнографией эвенков. Б.С. Сапунов, после защиты диссертации в 1971 г., где были подведены итоги археологического исследования Амурской области [1971], перешёл на преподавательскую работу. Однако он продолжал проводить разведки, вывозить студентов на археологическую практику и до конца своей жизни оставался руководителем археологической лаборатории. В-третьих, субъективной причиной падения интенсивности археологических исследований в Амурской области, на наш взгляд, стал переезд в 1976 г. на работу в Москву А.П. Деревянко и Е.И. Деревянко.

Редкие археологические исследования в эти годы носили разведочный характер. В 1977 г. Е.И. Деревянко обследовала памятники по Амуру от с. Бибиково до с. Гродеково [1980]. В 1978 г. А.И. Мазиным проводились разведочные исследования в зоне затопления Нижнебурейского водохранилища по р. Бурее от устья Долдыкана до пос. Талакан и в зоне Бурейского водохранилища — от р. Талакан до р. Нижний Мельгин. Основная задача, которая стояла перед экспедицией — выявление археологических, этнографических и исторических памятников, попадавших в зону затопления водохранилищами Бурейских ГЭС. В результате обследования указанного района была составлена первая археологическая карта долины Буреи [Мазин, 1980].

Затишье в изучении археологических памятников Амурской области закончилось в 1981 г. В тот год Е.И. Деревянко предприняла масштабные раскопки жилищ городища на горе Шапка, продолженные в 1983 году [1988]. Найденный А.П. Деревянко недалеко от горы Шапки одноименный могильник хэйшуй мохэ раскапывался 1983 г. С.П. Нестеровым.

В 1981-1982 гг. разведочные раскопки на р. Бурее под руководством А.И. Мазина были произведены в пунктах Пасека, Сухие Протоки-1 и Сухие Протоки-2 (при участии А.В. Гребенщикова и С.П. Нестерова). Это была третья попытка археологического изучения долины Буреи, однако до планомерных раскопок на Бурее оставалось еще пять лет.

Важный этап в изучении палеолитических индустрий Западного Приамурья открылся в 1982 году с началом работы Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции под руководством А.П. Деревянко в нижнем течении реки Селемджи. В течение семи лет здесь проведены раскопки 14 позднепалеолитических местонахождений. Именно на селемджинском полигоне накапливало опыт молодое поколение археологов, которое пришло в ИИФФ СО РАН в начале 1980-х гг. (П.В. Волков, А.В. Гребенщиков, В.Н. Зенин, А.Н. Зенин, С.П. Нестеров, Ю.А. Плотников). В результате исследования палеолитических памятников на р. Селемдже была впервые для дальневосточного края выделена селемджинская археологическая культура, ставшая основой для ранненеолитических громатухинской и осиповской культуры [Деревянко А.П., Волков, Ли Хонджон, 1998].

В 1987 г. в ИИФФ СО РАН создаётся Бурейская археологическая экспедиция под руководством С.П. Нестерова, которая начала планомерные археологические раскопки в зонах затопления Бурейской и Нижнебурейской ГЭС, общей протяжённостью около 300 км. За 15 лет работы (до 2001 г.) было раскопано 8 сезонных стоянок эпохи раннего железного века и средневековья. По материалам бурейских памятников была выделена новая для Западного Приамурья

талаканская культура второго этапа раннего железного века, синхронная польцевской культуре Восточного Приамурья. Свое самостоятельное значение получила раннесредневековая михайловская культура, материалы которой были выведены из состава мохэской культуры. Данные стратиграфических разрезов памятников и около 60 радиоуглеродных дат позволили создать культурно-хронологическую шкалу не только долины реки Буреи, но и Западного Приамурья в целом [Древности Буреи, 2000].

В эти годы активизируется вузовская археология. Сотрудники Благовещенского пединститута (с 1996 г. — университета) Б.С. Сапунов В.В. Сухих и Д.П. Болотин раскапывают ряд памятников позднего средневековья (дауров и дючеров). В результате анализа полученного материала была выделена владимировская культура [Болотин, 1995]. Ведутся работы на поселении Алексеевский Бугор, Прядчино, Липовый Бугор, Падь Прибрежная, Шапочка и др. В.Г. Петров и Г.П. Литовченко исследуют палеолитический памятник Ходулиха на верхнем Амуре. Однако к концу 1990-х — началу 2000-х годов, по ряду причин, раскопочная активность сотрудников педуниверситета падает: она ограничивается разведками и руководством студенческой практикой в отрядах Института археологии и этнографии.

В начале 2000-х годов в археологии Западного Приамурья наступила новая фаза в исследованиях: начались международные российско-корейские и российско-китайские раскопки. Интерес зарубежных археологов был вызван значимостью материалов громатухинской и новопетровской культуры для понимания процессов неолитизации на востоке Азии, в том числе, причин возникновения производства керамической посуды. В 2003 году Институт археологии и этнографии СО РАН и Фонд искусства и культуры Чечжудо Республики Кореи провели раскопки на памятнике Новопетровка-III на Амуре, а в 2004 году — на стоянке Громатуха на реке Зее. Второй блок проблем, связан с эпохой средневековья, с колонизацией Приамурья племенами хэйшуй мохэ и бохайскими мохэ. В 1998 году мировая общественность отметила 1400-летие образования на территории Маньчжурии первого мохэского гоударства — королевства Бохай, история которого коснулась многих народов (корейцев, китайцев, шивэй, киданей), в том числе средневекового населения Западного Приамурья. В 2004 году отряд Института археологии и этнографии (руководитель С.В. Алкин) и Цзилиньский университет (руководитель Фэн Энсюэ) возобновили раскопки на Троицком могильнике. Его материалы имеют множество аналогов из могильника Чалиба, Дахаймен и др., расположенных на реке 2-я Сунгари в Китае на бывших землях сумо мохэ, которые и основали государство Бохай. В 2007 году раскопки на Троицком могильнике были продолжены уже совместно с Государственным исследовательским институтом культурного наследия Республики Кореи. На следующий год проведены работы на недавно открытом поселении Озеро Долгое в Архаринском районе.

Начало 2000-х годов ознаменовалось еще одним важным событием: организацией «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области», который возглавил Н.Н. Зайцев. Его сотрудники начали активно проводить сплошную паспортизацию археологических объектов области, в результате которой были открыты сотни новых памятников. Часть из них уже подверглась раскопкам (Черниговка-на-Зее, Озеро Долгое, Поярково-1, Белоберёзовое) отрядом Института археологии и этнографии, а также молодыми археологами самого «Центра…» (О.С. Кудрич, Д.П. Волков).

В эти же годы в Амурском государственном университете на базе религиоведческого отделения организуется археолого-этнографичекий отряд, который под руководством А.П. Забияко, совместно с А.И. Мазиным начинает исследование петроглифов Амурской области.

Таким образом, окидывая взглядом не очень большую историю археологического изучения Амурской области, в ней можно выделить ряд событий, которые являются ключевыми для понимания культурно-исторического развития региона.

Первой в этом ряду стоит деятельность С.Г. Новикова-Даурского, который в «застойные» для археологии Приамурья годы сумел создать значительную базу данных. Это были годы, когда Амурский краеведческий музей проводил полевые археологические работы, впоследствии сошедшие на нет.

Вторым событием стала работа Дальневосточной экспедиции под руководством А.П. Окладникова. В 1960-е годы не только были проведены масштабные раскопки памятников различных эпох, но и созданы высококвалифицированные кадры археологов, которые до сих пор продолжают работать в Институте археологии и этнографии и других профильных научных учреждениях Сибири и Дальнего Востока.

Третьим важным моментом явились исследования палеолитических стоянок на реке Селемдже под руководством А.П. Деревянко, которые дали обширный, мирового значения материал по истории позднего палеолита.

Четвертым событием можно назвать многолетние исследования в долине реки Буреи, история которой впервые стала достоянием научной общественности.

Итогом самоотверженного труда нескольких поколений археологов (в содружестве с историками) можно назвать выход в свет «Истории Амурской области с древнейших времен до начала XX века» [2008] — подарок к её 150-летию.

В настоящее время в Амурской области проведением полевых работ занимаются один-два отряда Института археологии и этнографии СО РАН, «Центр по сохранению историко-культурного наследия…», Амурский государственный университет и Благовещенский государственный педагогический университет.

**Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»*

ЛИТЕРАТУРА

Болдин В.И. Результаты разведки ранних средневековых памятников Амурской области // Традиционная культура востока Азии. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. — С. 177-184.

Болотин Д.П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII-XVII вв.). — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1995. — 17 с.

Деревянко А.П. Новопетровская культура. — Новосибирск: Наука, 1970. — 204с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. — Новосибирск: Наука, 1973. — 356 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская верхнепалеолитическая культура. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 335 с.

Деревянко Е.И. Городище на горе «Шапка» // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. — Новосибирск, 1988. — С. 110–126.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники среднего Амура. — Новосибирск: Наука, 1975. — 250 с.

Деревянко Е.И. Средневековые памятники Среднего Приамурья (по исследованиям 1977 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 116–124.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. — Новосибирск: Наука, 1977. — 224 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин и др.; отв. ред. Е.И. Деревянко. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — 352 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. — Благовещенск, 2008. — 424 с.

Клюев Н.А. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья. Историографический и библиографический обзор (1861–1991). — Владивосток: Дальнаука, 1993. — 188 с.

Мазин А.И. Отчет по разведке археологических памятников в зоне затопления Долдыканской ГЭС в 1978 году. — Новосибирск, 1980 / Архив ИАЭТ.

Материалы (анкеты) по учету археологических памятников. — Архив ИИМК, 1925. –– Ф. 2, оп. 1. — N 99 (192).

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. — Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. — 192 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. — Новосибирск: Наука, 1977. — 288 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. — С. 4–29.

Сапунов Б.С. Археология Амурской области: Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1971. — 20 с.

Харламов Н.Г. Дневник археологической поездки в Сибирь и на Дальний Восток в 1928 г. — Архив ИИМК, 1929. — Ф. 2. — № 135. — Ч. II, л. 121.

Е.В. Подзюбан
Новосибирск, Новосибирский гуманитарный институт

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТА В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

В Северном Казахстане (территория Тоболо-Иртышского междуречья в пределах 52°-55° широты) активное и планомерное выявление голоценовых памятников каменного века приходится на 1960-1970 гг. В результате систематической исследовательской деятельности В.Ф. Зайберта, Т.М. Потемкиной, Г.Б. Здановича, В.Н. Логвина в указанном регионе были обнаружены десятки памятников этого периода, в том числе и мезолитические. Несмотря на то, что в настоящее время по-прежнему дискуссионным остаётся вопрос о выделении мезолита как эпохи, мы не будем подробно останавливаться на нём, поскольку эта проблема не является предметом исследования данной работы. Скажем только, что основным критерием в определении мезолита мы считаем технико-типологический и связываем с ним доминирование в эту эпоху микропластинчатой техники в пределах изучаемого региона. В целом нам близка точка зрения В.С. Мосина в вопросе определения мезолита [Мосин, 2006, с. 30-32].

По сведениям В.Ф. Зайберта на территории Петропавловского Приишимья в результате обследования Североказахстанской археологической экспедицией обширной территории северной части Казахстана (бывшие Северо-Казахстанская, Кокчетавская, Целиноградская области) за 1967-1968 гг. было открыто и частично исследовано более 30 стоянок от эпохи позднего мезолита до энеолита включительно (Явленка II-VII, Боголюбово I-VI, Бишкуль II, Мичуринская I и др.). При подведении предварительных итогов по материалам, полученным на памятниках Петропавловского Приишимья на основании ряда факторов (характера сырья, технологии и типологии каменного инвентаря), исследователем выделяется четыре группы памятников с условно намеченной периодизацией. Первую группу памятников (Явленка II, Мичуринская I, Бишкуль II, Боголюбово I) В.Ф. Зайберт относит к позднему мезолиту. Ближайшие аналогии этой группе памятников исследователь находит на стоянках Кокчетавской (Виноградовка XII) и Целиноградской (Тельмана IX а) областей [Зайберт, 1979, с. 109].

Североказахстанской экспедицией обследовалось в 1970-х гг. среднее и нижнее течения р. Чаглинка и ее стариц (бывшая Кокчетавская область), а так же верховья р. Ишим (бывшая Целиноградская область). В долине р. Чаглинка (Виноградовский микрорайон) на начало 1980-х гг. раскопками было охвачено только 15 стоянок (Виноградовка II, X, XII, Куропаткино I). Выявленные в верховьях р. Ишим памятники эпохи мезолита и неолита объединены в состав Тельманского микрорайона (Тельмана VII, VIII, IX, X, XIV и др.) [Зайберт, Потемкина, 1981, с. 113, 117].

В лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья в 1970-х гг. было обнаружено около 10 памятников раннего голоцена. Все они располагались к югу от г. Курган, и половина из них была сосредоточена на границе с Казахстаном в устье р. Убаган (Убаганский микрорайон) [Зайберт, Потемкина, 1981, с. 107-108]. Единственная стоянка, где культурный слой не был разрушен ветровой эрозией, — Убаган III. Памятник исследовался в 1977-1978 гг. двумя раскопами. Собственно мезолитический слой был обнаружен только в раскопе II. С ним связывают выявленные следы наземного жилища подпрямоугольной формы с коридорообразным выходом, столбовые и хозяйственные ямки, концентрирующиеся в центре и вдоль стенок жилища, и кострище. Собранная коллекция каменных изделий — небольшая (50 экз.). Раскопками исследовалась и стоянка Камышное I, расположенная на 50 км севернее Убагана III. Памятник многослойный, с четкой планиграфией и стратиграфией, сильно разрушен песчаным карьером. Мезолитический материал обнаружен под слоем темно-серой супеси, который связывают с алакульским поселением, на границе с подстилающим стерильным песком. Собранная коллекция каменных

предметов (120 экз.) близка материалу Убагана III. Другие стоянки Притоболья (Убаган I, V, VII, VIII, Звериноголовская VI, Верхняя Алабуга) изучены по сборам с поверхности [Зайберт, Потемкина, 1981, с. 111-113].

Мезолитический материал, полученный на памятниках Убаганского микрорайона, характеризуется ярко выраженной микролитической вкладышевой индустрией. На Убагане III преобладающая ширина пластин до 0,5 см (58%). Основным сырьем служила зеленая и сургучная яшма, а также светло-коричневые яшмокварциты. Исходя из орудийного набора, полученного на стоянках лесостепного Притоболья, исследователи предварительно выделяют две группы стоянок, различающихся хронологически. Первая группа стоянок (Убаган III,VIII, ЗвериноголовскаяVI, Верхняя Алабуга, Камышное I) — наиболее ранняя. Для нее характерна выраженная микролитоидность и такие типы орудий, как пластинки с притупленным краем, боковые и угловые резцы. В орудийном наборе второй группы стоянок (Убаган I, V, VII) отмечены симметричные трапеции, параллелограммы, скошенные острия, изготовленные на широких (до 1,2 см) пластинах. Этот подбор орудий, по мнению исследователей, ближе ранненеолитическим типам [Зайберт, Потемкина, 1981, с. 124].

Исследуя памятники трех микрорайонов (Убаганский, Виноградовский, Тельмановский), В.Ф. Зайберт пытается наметить предварительную периодизацию мезолита и неолита. Стоянки Куропаткино I и Виноградовка II (нижний слой) по данным стратиграфии и облику инвентаря датируются финальным палеолитом — ранним мезолитом. Стоянки Тельмана IXа, XIVа,VII, Виноградовка II (верхний слой), Убаган III и Камышное I относятся по времени к позднему мезолиту. Стоянки Тельмана VIIIб, IXб, XIV определяются эпохой неолита [Зайберт, Потемкина, 1981, с. 124-125]. В дальнейшем, рассматривая проблему культурной принадлежности выявленных микрорайонов (Явленский, Убаганский, Виноградовский, Тельманский), исследователь на основе данных стратиграфии, типологического анализа индустрий и сравнительного сопоставления материалов показал значительное сходство и устойчивый набор признаков между ними. Это позволило ему выделить атбасарскую культуру, время существования её определялось рамками позднего мезолита-среднего неолита. Атбасарскую культуру В.Ф. Зайберт выводит из местного Тоболо-Иртышского мезолита. Мезолитический материал Тоболо-Иртышского междуречья при сопоставлении с сопредельными территориями находит значительное сходство с Южным Уралом, Западной Сибирью и в общих чертах с отдаленным Прикаспием. Однако В.Ф. Зайберт и Т.М. Потемкина ставят вопрос о выделении локальных вариантов мезолита (культур) на фоне единой микролитической зоны от Западной Сибири до Средней Азии. Эти локальные варианты, по мнению авторов, связаны с естественными водными магистралями или водоемами. Северный Казахстан связан с Ишимо-Чаглинским междуречьем [Зайберт, Потемкина, 1981, с. 127]. Таким образом, в научной литературе был поставлен вопрос о выделении в районе Ишимо-Чаглинского междуречья культуры эпохи мезолита. Данную культуру, по предложению Г.Ф. Коробковой, принято называть чаглинской [Коробкова, 1989, с. 172].

Магистральная схема ранней истории Тургайского прогиба (Казахстан, Кустанайская область) построена В.Н. Логвиным, проводившим археологические изыскания в регионе на протяжении тридцати лет (60–90-е гг. XX в.) [Логвин, 2002, с. 3-40]. За этот период на обозначенной территории были выявлены и изучены материалы от мезолита до эпохи бронзы включительно. Основываясь на технико-типологической характеристике каменной индустрии и сопровождающей её керамики, полученных на археологических объектах, давших «чистый» (по определению В.Н. Логвина) комплекс, он выделяет мезолитические и неолитические памятники, связывая последние с маханджарской культурой. Хронологические границы маханджарской культуры определены В.Н. Логвиным VII–IV тыс. до н. э. [Логвин, 1991, с. 26-27]. По его мнению, два памятника (Солёное Озеро 2 и Екидин 24) дали эталонный маханджарский материал, поэтому определяющие критерии каменной индустрии неолита Тургайского прогиба сформированы на их основе. К таким критериям относятся: изготовление каменных предметов до 90 % из кварцитов

и кварцитопесчаников, доминирование пластинчатой индустрии, изготовление пластин без вторичной обработки и орудий из них шириной преимущественно 7–10 и 11–15 мм, более расширенный орудийный набор по сравнению с местным мезолитом.

Мезолитический материал типологически выделяется археологом на многих памятниках Тургайского прогиба, но так называемый «чистый» мезолитический комплекс получен В.Н. Логвиным только на стоянках Евгеньевка 1 [Логвин, 1977, с. 270-275]. На стоянках Дузбай 6, Дачная [Логвин, 1991, с. 6-9] и Туз 1[Логвин, Гребенюков, 1986, с. 36] также, по мнению исследователя, был получен преимущественно мезолитический материал. По его мнению, каменный материал со стоянок Евгеньевка 1 и Дузбай 6 можно считать однородным по ряду признаков и не связанным с совместно залегающей алакульской керамикой на Евгеньевке 1 в западной части котлована, а на Дузбае 6 с найденным курантом и двумя фрагментами стенок сосудов. Исследуя каменную индустрию памятников Евгеньевка 1, Дузбай 6, Туз 1, Дачная В.Н. Логвин выделяет два типа мезолитических стоянок на территории Тургайского прогиба. Первый тип представлен стоянками Евгеньевка 1 и Туз 1 и сопоставляется им с мезолитической областью от Среднего и Южного Зауралья до Прикаспия. Второй тип характеризуется материалами стоянок Дузбай 6 и Дачной. Мезолитические материалы второй группы соотносятся В.Н. Логвиным с западносибирскими и среднезауральскими, а так же он прослеживает близость этой группы памятников по набору орудий и микролитизму пластинчатой индустрии с материалами Черноозерья II [Логвин, 2002, с. 10-11]. Оба типа памятников характеризуются микролитоидностью (преобладают пластины без вторичной обработки и орудия из них шириной до 6,9 мм и 7–10 мм) и схожестью сырья (основная масса находок изготовлена из фтанитов, яшмы и кремнистого алевролита). Отсутствуют принципиальные отличия в технике скалывания пластин, в приемах и способе изготовления орудий на стоянках первого и второго типов. Существенное отличие между этими группами заключается в том, что в орудийном наборе памятников второй группы отсутствуют асимметричные трапеции и пластины с притупленным краем. В коллекции орудий первой группы присутствуют асимметричные трапеции и пластины с притупленным краем, представленные только в орудийном наборе стоянки Евгеньевка 1. В рамках относительной хронологии исследователем уточняются пределы бытования этих мезолитических памятников. Верхней границей существования стоянки Евгеньевка 1 считается кон. VII — нач. VI тыс. до н.э., для Дузбая 6 верхняя граница не выводится за пределы VII тыс. до н.э. [Логвин, 1991, с. 10] Неразрешимым для исследователя остался вопрос о соотнесении во времени этих двух типов мезолитических памятников. Этот вопрос и сегодня в силу слабой изученности мезолитической эпохи разрешается не однозначно.

В 1998-1999 г. под руководством А.В. Логвина и Е.В. Подзюбан проводились раскопки группы памятников Карасор, расположенной в 15 км к югу от г. Лисаковск (Кустанайская область). На стоянках Карасор 5 и Карасор 6 были получены мезолитические комплексы, увязанные с материалом памятника Дузбай 6 [Подзюбан, 2002, с. 173-177]. Сходство каменной индустрии карасорских мезолитических стоянок с каменными изделиями памятника Дузбай 6 прослеживается по ряду параметров: используемое сырье (доминирование фтанитов), ширина пластин (треть пластин имеет ширину 4–5 мм), орудийный набор (отсутствуют асимметричные трапеции и пластины с притупленным краем), для получения пластин использовались карандашевидные нуклеусы и конусовидные нуклеусы небольших размеров.

Необходимо отметить, что в североказахстанском регионе менее всего обследован на предмет выявления памятников каменного века пограничный район между Россией и Казахстаном в пределах северной части Кустанайской области. Обнаруженные в результате разведки в 1999 г. в Мендыкаринском районе (граница с Россией по р. Тобол) стоянки Узынагаш 1 и Каражар 2, судя по предварительным оценкам материала, датируются от эпохи мезолита до неолита включительно [Подзюбан, 2001, с. 315-319]. Мезолитический материал был получен в процессе исследования археологического комплекса Кульчукай 2 (находится на правом берегу р. Тобол, на северо-восточной окраине пос. Кульчукай, Мендыкаринского района, Кустанайской области) [Логвин,

2005, с. 12]. Памятник многослойный, но довольно сильно подвергся разрушению в результате воздействия человека и природных факторов, поэтому культурный слой сохранился частично. С нижним горизонтом памятника связывается каменная индустрия мезолита.

В регионе Павлодарского Прииртышья заслуживает внимания многослойная стоянка Шидерты 3, которая исследуется с 1989 г. под руководством В.К. Мерца. На сегодняшний момент можно говорить о том, что этот памятник (расположен в Экибастузском районе Павлодарской области в 7 км к югу от одноимённой станции на левом берегу р. Шидерты) содержит шесть культурных слоёв каменного века, от раннего мезолита до энеолита. Полученные на этой стоянке мезолитические индустрии представлены 6-4 слоями, которые содержат в орудийном наборе на пластинах симметричные трапеции, проколки, резцы, скребки. Пластины скалывались с призматических, конических, карандашевидных и клиновидных нуклеусов. В этих раннеголоценовых комплексах микропластинчатая индустрия сочетается с отщеповой [Мерц, 2008, с. 9-10]. Предварительно датируются 6-5 слои сер. IX — нач. VII тыс. до н. э. Слой 4 рассматривается исследователем как переходный от мезолита к раннему неолиту и имеет возраст кон. VII — нач. VI тыс. до н. э. Мезолитические шидертинские материалы, по мнению В.К. Мерца, находят параллели с притобольскими памятниками убаганской группы (Убаган III, V, Верхняя Алабуга, Камышное I), с комплексами истайской группы Северного Прикаспия, южноуральскими и зауральскими мезолитическими индустриями стоянок Давлеканово, Мысовая, Ташково IV, Юрюзанская I [Мерц, 2008, с. 15, 18-19].

Итак, за последние 30-40 лет была проделана значительная и масштабная работа археологами по выявлению и изучению раннеголоценовых памятников в Северном Казахстане. Однако при всей важности проделанной работы в этом направлении данный регион исследован крайне неравномерно. Пожалуй, полнее и ярче эпоха мезолита изучена и представлена в центральной части Северного Казахстана (Ишимо-Чаглинское междуречье). Ряд факторов, такие как выявление мезолитических памятников, локализующихся по микрорайонам (Явленский, Убаганский, Тельманский, Виноградовский), обнаружение жилищ и хозяйственных конструкций (Убаган III, Тельмана XIV а), наличие радиоуглеродных дат (Тельмана XIV а) и изучение мезолитического материала по стратифицированным стоянкам позволили в своё время В.Ф. Зайберту поставить вопрос о существовании в районе Ишимо-Чаглинского междуречья мезолитической культуры, условно названной чаглинской, и наметить её периодизацию.

На территории Тургайского прогиба (западная часть Северного Казахстана) мезолитический материал представлен намного скромнее. На сегодняшний момент здесь известно пять памятников (Евгеньевка 1, Дузбай 6, Туз 1, Карасор 5, Карасор 6), давших (по определению В.Н. Логвина) «чистый» мезолитический материал. Каменная индустрия мезолитических памятников Тургайского прогиба по основным технико-типологическим параметрам обнаруживает сходство с материалами мезолитических памятников Южного и Среднего Зауралья (Андреевка III, Мариинская I, Сухрино I, Выйка II, Крутяки 1) и лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья (Убаган III, Камышное I, Тельмана VIII а) [Мосин, 2000, с. 57–76; Мосин, 2006, с. 32–37; Зайберт, Потёмкина, 1981, с. 107–127]. Единственной особенностью рассматриваемых памятников Тургайского прогиба является отсутствие в коллекциях торцовых нуклеусов, которые характерны для мезолитической индустрии Южного Урала. Несомненно, мезолитические материалы Тургайского прогиба находят аналогии с зауральской мезолитической культурной общностью [Мосин, 2000, с. 57, 78].

Выделение В.Н. Логвиным двух групп мезолитических памятников Тургая, на наш взгляд, лишено оснований, поскольку как в материалах раннеголоценовых памятников Среднего Урала, так и в западносибирских, например Кондинский бассейн, есть геометрические микролиты, в том числе и асимметричные трапеции [Сериков, 1988, с. 205; Сериков, 1983, с. 121; Сериков, 2000, с. 117; Мосин, 2000, с. 76; Беспрозванный, 1997, с. 34, 36]. Довод В.Н. Логвина о микролитизме пластинчатой индустрии, характерной для второй группы мезолитических памятников Тургая,

так же не выдерживает критики, если брать в расчёт данные по ширине пластин, полученные на мезолитических памятниках Западной Сибири. Несомненно, микролитоидность на Дузбае 6 значительна, в сравнении с первой группой памятников (Евгеньевка 1 и Туз 1), но существенно отличается от показателей по ширине пластин мезолитических памятников таёжной зоны Западной Сибири. Для верхнекондинского района ширина пластин не превышает 0,6 см; для среднекондинского до 80 % пластин имеют ширину 0,5–0,6 см. При этом автором исследований этого региона так же отмечается близость по ряду показателей каменной индустрии мезолитических поселений Среднекондинского района с комплексом позднепалеолитической стоянки Черноозерье II [Беспрозванный, 1997, с. 36].

Необходимо признать, что наблюдается определённая особенность для зауральских раннеголоценовых материалов, характеризующаяся единичным количеством геометрических орудий и их нерегулярным присутствием в коллекциях. К примеру, в орудийном наборе южноуральской стоянки Андреевка III имеются геометрические микролиты, а в коллекции южноуральской стоянки Мариинская I они не обнаружены [Мосин, 2006, с. 32]. Собственно аналогичная ситуация прослеживается в коллекциях раннеголоценовых памятников Тургая: на стоянке Евгеньевка 1 в орудийном наборе представлены асимметричные трапеции, в орудийных комплексах стоянок Дузбай 6 и Дачной они отсутствуют.

Кроме того, на территории Тургайского прогиба пока неизвестны однослойные раннеголоценовые памятники как, впрочем, и многослойные стратифицированные. Большая часть раннеголоценового материала Тургая (четыре из шести памятников), сопоставляемая нами с зауральской мезолитической общностью, получена в результате сборов с поверхности. Естественно, остаётся открытым вопрос о стратиграфической позиции первой и второй групп памятников мезолита Тургая. В этой связи выделение В.Н. Логвиным в раннеголоценовых комплексах Тургая двух групп памятников, по нашему мнению, не совсем оправданно.

Из-за отсутствия радиоуглеродных дат для мезолитических памятников Тургая на данном этапе определение временных границ возможно только в рамках относительной хронологии. Мезолитические памятники Южного Урала датируются IX–VII тыс. до н. э. [Мосин, 2006, с. 41]. В лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья памятники первой группы (Убаган III, VIII а, Камышное I) отнесены к позднему мезолиту [Зайберт, Потёмкина, 1981, с. 126]. Начальный этап позднего мезолита в этом регионе отражает радиоуглеродная дата, полученная на стоянке Тельмана XIV а — 10 540 ± 200 л. н., а финал мезолита датируется VII тыс. до н. э. [Зайберт, 1992, с. 103]. В этой связи раннеголоценовые памятники с территории Тургайского прогиба укладываются в те же пределы IX–VII тыс. до н. э., что не противоречит и выводам В.Н. Логвина при датировке двух групп мезолитических памятников Тургая [Логвин, 2002, с. 10–11].

В Павлодарском Прииртышье (восточная часть Северного Казахстана) складывается представление о мезолитической эпохе в основном по материалам из 6-4 слоёв многослойной стратифицированной стоянки Шидерты 3, что также ограничивает полноту видения этого периода в регионе. Несомненно, изучение этой стоянки вносит определённые коррективы в вопрос о взаимосвязи в эпоху мезолита населения Северного и Центрального Казахстана, Алтайского и Западносибирского регионов, но считать его эталонным в вопросе атрибутации мезолитических и неолитических комплексов Казахстана и Западной Сибири, на наш взгляд, пока малоубедительно [Мерц, 2008, с. 25]. Требуется расширить исследовательский диапазон в этом регионе на предмет обнаружения и изучения однослойных раннеголоценовых памятников и их корреляции с материалами стоянки Шидерты 3. Основываясь на полученных сведениях о раннеголоценовых комплексах в Павлодарском Прииртышье, можно сказать, что они имеют мало общего с материалами зауральской мезолитической культурной общности и мезолитическими индустриями с территории Тургая.

По-прежнему неизученной стороной мезолитического времени на территории Тоболо-Иртышского междуречья остаётся погребальный обряд, в силу того, что раннеголоценовые погребения ещё не обнаружены.

ЛИТЕРАТУРА

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Сборник статей. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. — Вып. 1. — С. 26-39.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. — Екатеринбург: УрО РАН, 1992. — 221 с.

Зайберт В.Ф. Памятники каменного века Петропавловского Приишимья // СА. — 1979. — № 1. — С. 89-111.

Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. — 1981. — № 3. — С. 107-130.

Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. Мезолит СССР. — М.: Наука, 1989. — С. 149-174.

Логвин А.В. Отчет о полевых исследованиях ТАЭ летом 2004 г. // Кустанайский ун-т. Архив научно-исследовательского археологического центра. — Кустанай, 2005. — С. 12-29.

Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-неолит): Учеб. пособие по спецкурсу. — Алма-Ата: КазГПУ, 1991. — 63 с.

Логвин В.Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области // СА. — 1977. — № 4. — С. 270-275.

Логвин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита-энеолита: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2002. — 40 с.

Логвин В.Н., Гребенюков В.И. Отчёт о полевых исследованиях ТАЭ летом 1985 г. // Кустанайский ун-т. Архив научно-исследовательского археологического центра. Кустанай, 1986. — С. 35-38.

Мерц В.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. — С. 5-21.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Кемерово, 2008. — 26 с.

Мосин В.С. Стоянки эпохи мезолита // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). — Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. — С. 30-41.

Мосин В.С., Григорьев С.А. Древняя история Южного Урала. — Челябинск: ЮУрГУ, 2000. — Т. I. — 532 с.

Подзюбан Е.В. Новые археологические памятники в Мендыкаринском районе Костанайской области // Топорковские чтения (междунар. науч. горно-геол. конф.). — Рудный, 2001. — Вып. V. — С. 315-321.

Новые мезолитические памятники на территории Кустанайского Притоболья // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. — С. 173-177.

Сериков Ю.Б. Голокаменская мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. — 1988. — № 4. — С. 203-209.

Сериков Ю.Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. — 1983. — № 1. — С. 121-129.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. — Нижний Тагил: ОАО «Плиграфист», 2000. — 430 с.

А.Н. Толкацкий
Красноярск, Сибирский федеральный университет

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КАНСКОГО РАЙОНА

За всю историю археологического изучения Канского района открыто свыше 50 памятников археологии, которые датируются от эпохи палеолита до средневековья. На данный момент наиболее полно исследованы лишь некоторые (Стрижовая гора, Попиха), благодаря археологам Иркутского государственного университета, которые в основном занимались изучением каменного и бронзового века, а также интерпретацией материала, собранного в ходе поисков. Артефакты и памятники раннего железного века, средневековья практически не изучались. Целью настоящей публикации является составление истории изучения средневековых памятников Канского района.

Интерес к средневековым памятникам возник не на пустом месте. Согласно сведениям Д.С. Каргаполова, в окрестностях города, в начале XX века находилось более 50 курганов, предположительно относящихся к раннему железному веку и средневековью. К сожалению, расхищением данных курганов занималось целое поколение «могильщиков», которые жили за счет продажи материала, собранного из них, что и привело к исчезновению многих памятников средневековья [Вдовин, 2005, с. 159]. В отчете Каргаполова за 1921 г. указано, что коллекции музея пополнялись за счет пожертвований, а частью приобретены покупкой [Вдовин, 2005, с. 160]. Точкой отчета изучения средневековья Канского района принято считать 1909 г., когда А.Е.Ермолаевым, сотрудником Красноярского музея, на поселении Канское – Перевозинское обнаружен материал, датированный средневековым временем [Отчеты РГО за 1907 – 1910 гг., с. 51]. Первый предмет поступил в Канский краеведческий музей в 1913 г. (наконечник стрелы ККМ 1002). Д.С. Каргаполов в 1918 г. обнаружил фрагменты конского снаряжения в местности под названием Волчьи ямы, недалеко от с. Филимоново. В Канском районе с 1918 г. работали Г. Мергарт и Р. Эксендорф. А.С. Пожарский, в отчете за 1928 г., говорит о том, что Мергартом и Эксендорфом в 1918 г. проводились раскопки курганов в черте города. Ими было раскопано 19 курганов. Музею переданы урна из черепков, несколько каменных и железных наконечников стрел, возможно относившихся к эпохе средневековья. Как известно, в 1922 г. часть материала была украдена, да и сама коллекция Мергарта в музее не числится [Вдовин, 2005, с. 160-161]. В 1925 г. А.Я. Тугариновым, Е.Н. Юдиной и А.В. Кудрявцевой проводятся раскопки на поселении Каннское - Перевозинское [Вдовин, 2001, с. 81].

С целью установления мест сбора случайных находок, была проведена работа с материалами Канского краеведческого музея. В музее, имеется 57 единиц хранения, которые датированы 5-17 вв. н.э. Получены следующие сведения – не для всех объектов указано их точное местонахождение. Преимущественно это случайные находки, сделанные жителями г. Канска и Канского района (дачи в районе Гавани и по Московскому тракту, песочница по ул. 40 лет Октября). Несколько предметов подарено и приобретено в с. Мотыгино (ККМ 2118, ККМ 2119), с. Филимоново (ККМ 4), с. Амонаш (ККМ 1002).

Многие исследователи использовали средневековые материал из коллекции музея. К примеру, Ю.С. Худяков при написании «Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья» использовал наконечники стрел из памятника Канское - Перевозинское Канского уезда. Был сделан вывод о том, что стрелы относятся к кыргызам монгольского времени. Получены новые данные о развитии и эволюции военного дела кочевников, ареала распространения кыргызского этноса и о влиянии их на своих кыштымов (данников) [Худяков, 1997, с. 8-13, 22]. Н.А. Савельев в своей статье «Погребение железного века на реке Кане» использует материалы из средневекового погребения под Канском, по обряду трупосожжения. Делается выводы о распространении кыргызской культуры по р. Кан [Савельев, 1978, с. 135-149]. А.В. Харинский

высказывает иную точку зрения, говоря, что погребение не относиться к кыргызам, но не отрицает влияние кыргызов на местные племена [Харинский, 2005, с. 198-215]. Д.Г. Савинов благодаря материалам, собранным на территории района, выделяет красноярско-канский вариант [Савинов, 1989, с. 144-149] культуры енисейских кыргызов, говоря о проникновении в район населения из Тувы (связано с перенесением ставки кыргызского кагана на р. Чулым) и влиянии кемеровских носителей сросткинской культуры на местные племена [Савинов, 1994, с. 47-48].

На данный момент на территории Канского района насчитывается около 10 памятников, которые датированы эпохой раннего средневековья (о. Ржавый, Попиха, Волково, Московская горка, Харлово, Терское – 1, Красный Курыш, Высокие Борки). Все они обнаружены в ходе разведок Н.А.Савельева (1972), Т.А. Абдулова (1986), А.Г. Генералова (1991) [Тимощенко, 2007, с. 38-40], Л.Ю. Блейнис (1988) [Блейнис, 1988, с. 226-235], С.М. Фокина (2007) [Фокин, 2007, с. 11]. Из всех вышеперечисленных памятников стационарно исследовалось лишь поселение Попиха, остальные же были подвергнуты шурфовке, для сбора материала и определения границ памятника. Некоторые памятники (Волково) разрушаются в ходе природного воздействия (паводки) и находятся в неудовлетворительном состоянии. Поэтому, в первую очередь необходимо провести спасательные работы на этих объектах, с целью сохранения материала. Все разведки, проводившиеся на территории района, были преимущественно по долине р. Кан. Территории, отдаленные от реки, представляют интерес в плане поисков. Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о перспективности проведения на территории Канского района целенаправленных широкомасштабных археологических исследований, с целью сбора материала, необходимого для составления наиболее полной картины жизни обитателей данного района.

ЛИТЕРАТУРА

Блейнис Л.Ю. Новые данные к археологической карте Канского района // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1989. – Вып. 1. - С. 226-235.

Вдовин А.С. Археология в Канском краеведческом музее в начале XX века // Древности Приенисейской Сибири.– Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. - Вып. 4. – С. 159-163.

Отчеты РГО за 1907-1910 гг. – Красноярск: Енисейск. губ. типография № 1151, 1912 - С. 83.

Вдовин А.С., Гуляев Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское географическое общество в 1901-1937 гг. – Красноярск, 2001 – 68 с.

Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1978. Вып. 4. – С. 135-149.

Савинов Д.Г. Красноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. – С. 144-149.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994 – 215 с.

Тимощенко А.А. Археологические исследования Канско–Рыбинской котловины Иркутским государственным университетом // Этнокультурная история Евразии: современные исследования, опыт реконструкции. – Барнаул, 2008 – С. 38-39.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкала в 1 тыс. до н.э. // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - Вып. 3. – С. 198-215.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997 – 160 с.

Фокин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Емельяновском, Канском, Рыбинском и Саянском районах Красноярского края в 2007 г. – Красноярск, 2008. – 22 с.

Л.Г. Ярославцева
Улан-Удэ, Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И СУДЬБА ПЕРВОГО БУРЯТСКОГО АРХЕОЛОГА ЭРДЭМТО РИНЧИНОВИЧА РЫГДЫЛОНА (10.11.1906 — 24.04.1957). ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА

В связи с полученным недавно архивом Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона, представляется возможность осветить его имя гораздо шире и глубже, чем было известно до сих пор в науке. Биографические данные, а также наиболее полный список трудов Э.Р. Рыгдылона и литературы о нем, в основном, собраны и опубликованы В.В. Свининым [Свинин, 2006], деятельностью Э.Р. Рыгдылона также занимался Н.В. Именохоев [Именохоев, 1986]. Но много новых, неизвестных фактов из биографии, научной жизни ученого открылось, благодаря богатому личному архиву, который хранился его семьей и до настоящего времени был неизвестен.

Только в 2002 году архив Э.Р. Рыгдылона был передан в МИБ им. М.Н. Хангалова его владельцами: на тот момент еще живым сыном Владимиром Эрдэмовичем Рыгдылоном и внуками Э.Р. Рыгдылона и Н.Г. Назаровой — Эрдэмикой Владимировной Балдаевой и Владимиром Владимировичем Назаровым-Рыгдылоном. Много лет архив бережно хранился в семье, и решение о его передаче в музей далось им нелегко. Но понимание значимости архива как бесценного источника для истории Бурятии и России в целом, позволило родственникам принять такое ответственное решение.

В момент передачи Владимир Эрдэмович рассказывал о самых главных вехах из жизни ученого:«1938 год — отец был репрессирован, затем воевал, был дважды ранен и после последнего тяжелого ранения был демобилизован, после чего был направлен на работу в Красноярский край. В 1946 году успешно защитил кандидатскую диссертацию по древнемонгольским источникам, это событие отмечали у Л.Н. Гумилева на квартире его матери Анны Ахматовой. Затем был еще один тяжелый, ленинградский, период в жизни отца, когда не было постоянного места работы. И лишь после смерти Сталина, появилась постоянная работа в Иркутском госуниверситете, открылись новые перспективы, завязалась крепкая дружба с В.Ц. Найдаковым. Но груз жизни был так велик, что сердце не выдержало, когда Эрдэмто Ринчиновичу было всего 50 лет».

Эти краткие сведения из биографии Э.Р. Рыгдылона непосредственно со слов его сына звучали для нас напутствием для дальнейшей работы с архивом. Передаваемые материалы находились в более десяти деревянных ящиках, старинном сундуке, таких же чемоданах, коробках, некоторые из них повредились за годы хранения на балконе, поэтому состояние многих бумаг, книг было загрязненное и ветхое. Некоторые из которых не открывались с тех пор, как их упаковал сам Эрдэмто Ринчинович во время своих бесконечных переездов между городами Верхнеудинск-Ленинград-Красноярск-Минусинск-Ленинград-Иркутск.

Даже самый предварительный разбор материалов архива показал необъятность того объема знаний, который он содержит. Общее количество единиц хранения достигает нескольких тысяч, их обработка и постановка на госучет еще не закончена.

Архив состоит из документов, включающих рукописи, личные дела, справки, письма, телеграммы, открытки, газетные вырезки, фотографии, рисунки, программки, билеты, талоны. Кроме этого, много книг по разным отраслям знания, журналов, авторских оттисков статей и несколько личных вещей. Необходимо отметить, что среди книг содержатся редкие, уникальные книги из личной библиотеки Н.К. Ауэрбаха с дарственными надписями авторов. Библиотека Н.К. Ауэрбаха была куплена Э.Р. Рыгдылоном у его вдовы, когда он работал на Бирюсинской стоянке в 1947 г.

В архиве Э.Р. Рыгдылона сохранились научные материалы археолога А.Ф. Каткова, которые касаются изучения степных изваяний бронзового века.

Материалы были классифицированы по хронологическим блокам — периодам жизни, которые были связаны с разными городами и организациями. Внутри блоков выделены темы и типы документов. В связи с этим, представляется возможным дополнить или уточнить некоторые данные биографии, а также научной и общественной деятельности Э.Р.Р.

Шила, Ага (1906-1926).

Место рождения — д. Шила Читинской области, Хилокского района Бадинско-Кусотского сельсовета (бывший Бадинский булук Хоринского аймака Верхнеудинского уезда).

Мать умерла в раннем детстве. Отец — Рыгдыл Ринчинович Ринчино, 1874 года рождения, как сказано в одной сохранившейся справке, крестьянин-середняк, одновременно работал народным учителем, пользовался большим уважением среди жителей окрестных сел. Вторая его жена Бутидма Эрдыниева (Ирдынеева), 1890 г.р., а по другой версии 1889 г.р., была из кижингинских бурят.

Эрдэмто и его старший брат Эрхито воспитывались у бабушки. Одними из самых ярких и теплых воспоминаний этого времени у Эрдэмто Ринчиновича было детство у бабушки, когда она отпускала мальчиков купаться на р. Хилок, где и была сделана первая археологическая, «неведомая» находка летом 1913 г. Затем, в годы работы в Красноярске, когда Э.Р.Р. вел студенческие и школьные кружки, у него возникла мысль написать книгу для детей — «Дневник археолога». Был заключен издательский договор и расширен план разделов этой книги. Предполагалось, что она будет состоять из двух частей, внутри их несколько глав. Приводим названия задуманных глав первой части: 1917 г. — «Стрела молнии» (учение бабушки); 1923 г. — Разъяснилось (первое посещение музея); 1924 г. — Посещение «места с духами»; 1925 г. — «Сбор коллекции». Вторая часть называлась — «Учеба» и посвящалась экспедиции Г.П. Сосновского. Неизвестно, была ли издана эта книга, в архиве представлены только черновые записи об этом. Но название данной книги — «Дневник археолога» — нами было использовано для выставки, посвященной 100-летию со дня рождения первого бурятского археолога Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона. Выставка проходила в музее в 2006-2008 гг.

Надо сказать, что сложности судьбы Э.Р.Р. начались с раннего детства — он и брат были сиротами. Несмотря на доброту бабушки, многие вопросы, например, об обучении, решались не просто. В школу Э.Р.Р. смог пойти, когда ему было уже почти 14 лет.

Верхнеудинск (1926-1930).

По этому периоду сохранились очень интересные документы, связанные со вступлением в 1927 году в действительные члены ВКП(б): рекомендации, характеристики на Э.Р.Р. и на его отца, выписка из протокола собрания, где рассматривалась «политическая зрелость» вступающего в партию. Практически, все документы архива как зеркало отражают советскую историю разных периодов через жизнь одного человека.

Природные качества Эрдэмто Ринчиновича верить во все хорошее, новое, прогрессивное, а такими являлись на тот момент и идеи компартии, естественно, вдохновляли многих честных людей на вступление в ее ряды. Много участвовал Э.Р.Р. в общественных делах, в культпоходах по ликвидации безграмотности в селах республики и других комсомольских и партийных мероприятиях.

Но главным событием «верхнеудинского» периода жизни Э.Р.Р. стало его участие во время летних каникул в 1929 году в археологической экспедиции Г.П. Сосновского в качестве практиканта. В архиве есть несколько документов об этой практике: 1. Командировочное удостоверение, выданное Бурят-Монгольским Научным Обществом им. Доржи Банзарова Рыгдылону на

период практики в археологической экспедиции под руководством Г.П. Сосновского сроком с «10» июня по «10» августа 1929 г.; 2. Открытое предписание (на русском и монгольском языках) В-Удинского ц/совета о предоставлении практиканту арх.экспедиции Э.Р.Р. по его требованию одной пары лошадей в пределах Бурятской республики; 3. Командировочное удостоверение, выданное Э.Р.Р. также БМНО за подписью зам. председателя правления научного общества В. Гирченко и научного секретаря В. Попова от «23» августа 1929 г. для участия в раскопках при арх. экспедиции АН в Енисейском районе и 4. Ж/д талон от «24» августа — по «20» сентября 1929 г. на право бесплатного проезда учащемуся Бурят-Монгольского педтехникума Э.Р.Р. на производственную практику от ст. Верхнеудинск до ст. Красноярск — Томск и обратно.

Главным итогом археологической практики было то, что Академическая экспедиция сразу дала тот уровень профессионализма, который для молодого специалиста был базовой точкой отсчета в его работе. На протяжении всей своей жизни Э.Р.Р был благодарен своему первому учителю-археологу Георгию Петровичу Сосновскому.

По окончании учебы в 1929 году Э.Р.Р. преподавал в базовой начальной школе при техникуме, а в 1930 был направлен от Государственного Института Культуры в Ленинградский Восточный институт им. Енукидзе для подготовки «нового работника для лингвистического отдела Института Культуры».

Ленинград-1 (1930–1938).

«Первый ленинградский» период, до ареста в апреле 1938 г., можно сказать, был самым безмятежным, счастливым периодом жизни Э.Р.Р. Это было успешное начало научной деятельности уже с первого курса, брак с любимой женщиной Ниной Гармаевной Назаровой, с которой был знаком еще со времени обучения в педтехникуме. Свидетельство о браке зарегистрировано в Полномочном Представительстве СССР в Монголии — Консульском отделе — г. Улан-Батора «4» августа 1932 года. Самые светлые и высокие чувства любви, дружбы и верности, несмотря на многочисленные разлуки и расстояния, до самой смерти соединяли столь выдающихся людей. Нина Гармаевна пережила своего мужа на 18 лет, проработала всю свою жизнь учительницей математики в ШРМ №6 и похоронена в Ленинграде в 1978 г.

В Монголии Э.Р.Р. находился для прохождения языковой практики в 1931/1932 гг. Своей работой в официальных органах зарекомендовал себя очень хорошо. О пребывании в этот период сохранились интересные документы: загранпаспорта, которые были выданы за подписью «небезызвестного» лица, по уполномочию Президиума ВЦИК — Г.Г. Ягодой. Также, ряд справок, мандат инструктора газеты «Унэн» и письмо НКИД 1936 года, в котором говорится о предложении т. Заславского Рыгдылону продолжить работу в Монголии в качестве драгомана.

В 1934 году Э.Р.Р. окончил ЛВИ и поступил в аспирантуру ГАИМК к руководителю Г.П. Сосновскому. В 1935/1936 годах Э.Р. Рыгдылоном в Бурятии были организованы раскопки совместно с сотрудником Бурят-Монгольского Антирелигиозного музея г. Улан-Удэ — Г.П. Сергеевым, начальником экспедиции. В МИБ есть некоторые документы по организации этой экспедиции, в фондах сохранилась часть раскопанных материалов — коллекция «Ацагат». Предметы происходят из одноименной местности Заиграевского района (бывшая часть Хоринского района) и относятся к эпохе поздней бронзы — позднему средневековью и этнографической современности (шаманский комплекс). В фондах МИБ об этих работах хранится дневник Г.П. Сергеева. В архиве Э.Р.Р. также есть отдельный листок-список научных работ автора на 1946 г., где в одном из пунктов говорится о том, что научный отчет по археологическим работам в Забайкалье в 1934 и 1935 гг. объемом в 1,5 п. листа сдан в подготовит. отдел ГАИМК. Сотрудник музея, археолог, Г.П. Сергеев в дальнейшем уехал в г. Кишинев и работал в Молдавии.

В эти годы Э.Р.Р. начал работать над диссертацией. Тема его исследований была связана с изучением древнемонгольских письменных источников. В январе 1938 года он поступил на ра-

боту в ИИМК научно-техническим сотрудником сектора Сибири, где работали все известные в дальнейшем ученые. Многие из них были его друзьями (Бернштам А.Н., Черников С.С.). Другие были коллегами, соратниками с которыми он потом сотрудничал (Грязнов М.П., Виноградова А.М., Окладников А.П., Мальцева Н.А., Герасимов М.М., Потапов Л.П., Киселев С.В., и другие).

В конце апреля 1938 года из-за клеветы Эрдэмто Ринчинович был арестован. Поводом явилось то, что он был главным редактором книги А.П. Окладникова «Очерки западных бурят-монголов», издаваемой в 1937 г. В архиве сохранился очень ценный документ — черновик отзыва, который написан Э.Р.Р. на эту работу. В нем Э.Р.Р. отмечал достоинства книги А.П. Окладникова — «довольно смелое обобщение фактов», их новизну, полноту по вопросам происхождения бурят-монгольского народа, характере их общественного строя накануне русского завоевания. В то же время, сама работа оценивалась им как подготовительная на этом пути, так как в ней встречались многочисленные и существенные недостатки — некритичное отношение как к самим приводимым фактам, так и «отсутствие обобщающей критики теории о родовой самобытности бурятского общества». Кроме того, в работе встречались неудачные формулировки, «которые по техническим причинам издательством не были искоренены».

Репрессия и война (1938-1943).

Осужден Э.Р.Р. был по 58 статье на 3 года с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях (апрель 1938- январь 1939 гг. — тюрьма; 1939-1941 гг. — Соликамск, исправительно-трудовой лагерь, лесоруб; май 1941 — июль 1941 — Сольцы, плодово-ягодный совхоз, овощевод; июль 1941 — декабрь 1941 — эвакуация в д. Селенгуши, Татарской АССР, овощеводческий колхоз «Трудовик»).

В декабре 1941 года мобилизован на фронт (426 стрелковый полк 392 дивизии) до ноября 1943 года. В 1943 году был дважды ранен. Справка о первом ранении была утеряна. После второго тяжелого ранения под г. Ржевом осколком мины в грудную клетку получил инвалидность.

Подмосковье (1943-1944).

С ноября 1943 по декабрь 1944 года находился на лечении в эвакогоспитале №4038 под Москвой, там исполнял обязанности библиотекаря.

Красноярск (1944-1947).

В декабре 1944 года был демобилизован из армии и передан в распоряжение Наркома Просвещения РСФСР, откуда был направлен в г. Красноярск в Педагогический институт преподавателем, где проработал до декабря 1947 года. Читал курсы — «Музееведение», «Основы археологии» и «Новая история стран Востока». Одновременно исполнял обязанности археолога в Красноярском Краевом музее (организация экспозиции, выставок, обработка фондов, архива). Буквально с первых дней в Красноярске Э.Р.Р. включается в работу. Уже в феврале 1945 года он участвовал с докладом как сотрудник ККМ в Первом Всесоюзном Археологическом Совещании с правом совещательного голоса.

1946 год — в Институте Востоковедения АН СССР была успешно защищена кандидатская диссертация «Монгольские летописные источники по истории монголов второй половины XII — начала XIII веков» (руководитель С.А. Козин). В архиве сохранились только рукописи работы над диссертацией и отдельные документы по организации самой защиты.

Летом этого же года (19 июня — 20 июля 1946г.) на средства Красноярского Краевого музея при научной поддержке Педагогического института были организованы: археологическая экспедиция и экскурсия школьного и студенческого археологических кружков. Маршрут проходил по известным памятникам в окрестностях Красноярска (Караульная гора, Кача, Военный Городок, Бугач, Афонтовая Гора, Базайские дюнные стоянки, Кирпичный Завод, Змеиное, Лиственичное и Ладейское городища). Отдельно изучались Приенисейские пещеры — Еленева, на о-ве Нико-

лаевск; Монастырская, Токмаковская, Большая; Бирюсинские пещеры. Были открыты и новые памятники: Новая пещера — в 8 км от Красноярска и стоянки каменного века — в устьях речек Пионерской, Караульной).

Интересные предметы бронзового и неолитического периодов были обнаружены при исследовании пещеры «Карман» в районе дома отдыха «Енисей» — бронзовые прорезные погремушки, обработанные костяные пластины (тагарская культура) и каменные топоры неолитического времени. Находки широкого хронологического диапазона (от костей плейстоценовых животных до курганов железного века) были получены и при исследовании других памятников.

Отчет по итогам экспедиции был заслушан и одобрен на кафедре Всеобщей истории, на 3-й Научной Конференции Педагогического института и заседании ВСОРГО.

Необыкновенная доброта и потрясающая энергия были направлены Э.Р.Р. на организацию кружка юных археологов, которая соединяла в себе не только проведение полевых экскурсий в качестве летнего досуга детей, но и на теоретические занятия в Доме пионеров. Велся Дневник юных археологов, отчет о поездках на разные объекты составлялся в виде отдельных рассказов. Во все экспедиции Э.Р.Р. брал с собой и сына Володю, который на каникулах приезжал из Ленинграда в Красноярск к отцу в общежитие.

В 1947 году было организовано две археологические экспедиции.

- Экспедиция Аларского отряда ИИМК АН СССР и БНИИКЭ БМАССР под общим руководством А.П. Окладникова. Сотрудничество двух исследователей, было постоянным. Внешне это были дружественные отношения, но в так называемых определенных «рамках», это становится понятным из более поздней переписки Эрдэмто Ринчиновича и языковеда-историка Цыдендамбаева Ц.Б.

Работами Аларского отряда были обследованы Осинский, Балаганский, Нукутский районы, Усть-Ордынский национальный округ. Было изучено более 20 городищ; из них на 15-ти были проведены рекогносцировочные работы: обмер, описание, шурфовка. Также было вскрыто 10 погребений XYIII — начала XIX веков и зарегистрированы новые раннебурятские погребения на горе Улан; обследованы петроглифы на плитах в месте Хашхай. Было выявлено, что руническая надпись не сохранилась и, кроме этого, был собран подъемный материал на дюнных стоянках.

- Археологическая разведка Красноярск — Минусинск.

За время археологической разведки в район Красноярска — Минусинска Э.Р. Рыгдылоном были повторно обследованы могильники и петроглифы в районе озер Иткуль — Шира — Биле, известные по данным А.П. Ермолаева. В районе ст. Широ было раскопано 4 могилы. Проведены также работы на Бирюсинской стоянке, открытой Н.К. Ауэрбахом; собран подъемный материал по р. Абакан (гора Изых и другие местонахождения).

Минусинск (1947-1949).

Затем, из-за отмены читаемых курсов в Педагогическом институте, как необязательных, Эрдэмто Ринчинович перешел на другую работу в Минусинский музей им. Н.М. Мартьянова на ставку мнс — археолога, которая освободилась после отъезда В.П. Левашовой в Москву. Круг близких друзей семьи Э.Р.Р. расширялся постоянно, с этого времени Варвара Павловна стала одним из них. В своих письмах она называет Эрдэмто Ринчиновича — «сватом». Наверное, потому, что он был принят, то есть, проще говоря, «сосватан» на ее место. Совместная их публикация по шалаболинским котлам является одной из основополагающих по этой теме [Левашева, Рыгдылон, 1952].

В г. Минусинске он прожил с декабря 1947 по март 1949 года. Большую работу Э.Р.Р. проводил в музее. К его 70-летию он планировал издать каталог богатейших археологических коллекций

Минусинского музея в пяти выпусках, рассчитанных по годам до 1951 года. Э.Р.Р. писал путеводители, тематико-экспозиционные планы и т.д.

Археологические исследования здесь проводились, в основном, в Минусинской котловине и Туве. Летом 1948 года была организована большая Южно-Енисейская экспедиция СОПС АН СССР под общим руководством Л.В. Громова. Это было связано с правительственным заданием на предмет геологических изысканий рудопроявлений в Минусинской котловине. В связи с этим, нужно было изучить все древние плавильни региона. Археологический отряд с этой целью работал под началом Э.Р. Рыгдылона в нескольких районах: Тува (Туран, Уюк, Кемчик); междуречье в районе Маткечика; лево- и правобережье Енисея и север Хакассии.

Главным итогом экспедиции стало создание археологической карты древних плавилен. Кроме этого, были открыты новые местонахождения в районе Маткечика 1 и 2, обследованы и раскопаны некоторые курганы; изучены писаницы и собран огромный разновременный подъемный материал для музея.

Также в мае 1948 года Э.Р. Рыгдылоном была совершена кратковременная поездка в район Шеблахты для сбора сведений и материала.

По итогам проведенных работ в сентябре 1948 года исследователь сделал доклад «Палеолитические находки на Абакане» на заседании сектора истории ХАКНИЯЛИ, где он какое-то время работал по совместительству. В целом, накопленный научный материал послужил основой многих научных статей, написанных им уже позднее в Ленинграде.

Ленинград-2 (1949-1954).

В марте 1949 года Э.Р. Рыгдылон вернулся в Ленинград, где проживала его семья по их постоянному адресу: ул. Опочинина, д.1-б, кв.59. Нина Гармаевна продолжала трудиться учительницей математики в ШРМ №6, сын Владимир поступил в Медицинский институт. Второй ленинградский период длился до 1954 года. В это время Э.Р. Рыгдылон временно работал старшим лаборантом по обработке полевого материала. А так же, как следует из выписки отдела кадров, исполнял обязанности начальника отряда в экспедициях ИИМК АН СССР:

- 15 июля — 20 декабря 1949 г. — Киргизская экспедиция;
- 15 июня — 1 октября 1951 г. — Западно-Двинская экспедиция;
- 25 апреля — 15 июня 1952 г. — Сталинградская экспедиция;
- 20 июня — 1 января 1953 г. — Восточно-Казахстанская экспедиция;
- 15 мая 1953 — 1 января 1954 гг. — Восточно-Казахстанская экспедиция;
- 20 мая — 20 августа 1954 г. — Сталинградская экспедиция.

Отдельные записи об этих работах сохранились в дневниках экспедиций. Среди них наиболее значительными были: работы в Восточно-Казахстанской, Сталинградской экспедициях и работы на р. Иртыш.

Научная работа этого периода была особенно плодотворной. Большинство статей, опубликованных в научных изданиях, была написана им в эти годы. При этом Э.Р.Р. тесно сотрудничает с Паничкиной М.З., Замятниным С.Н., Диковым Н.Н., Семеновым С.А. и другими исследователями.

В тоже время приходилось постоянно подрабатывать на разных работах. Э.Р. Рыгдылон преподавал бурятский язык студентам бурятской студии Ленинградской консерватории и даже окончил курсы садоводства.

Это был один из самых сложных периодов в жизни ученого, т.к. не было постоянной работы. Несмотря на прекрасные рекомендации видных ученых страны (А.П. Окладников, В.В. Струве, А.Н. Бернштам и других), ее трудно было получить в крупных научных центрах из-за так называемого клейма «врага народа». Несмотря на неоднократные обращения Э.Р.Р. в правительство,

реабилитация наступила только в 1959 г. после его смерти. Желание работать в научном центре БМАССР, на родине, и быть ближе к родителям, так и осталось нереализованным.

Иркутск (1954-1957).

Эрдэмто Ринчинович постоянно поддерживал связи с соотечественниками и родными местами. Так, одним из вариантов была возможность работать в Иркутском государственном университете. Еще в 1950 году ученый подавал заявку на вакантную должность преподавателя исторических или филологических дисциплин в ИГУ, но такая возможность появилась только в 1954 году. Ректор университета Тарас Тимофеевич Деуля и зав. кафедрой, филолог В.Д. Кудрявцев пригласили Э.Р. Рыгдылона на кафедру русского языка и языкознания историко-филологического факультета.

Научный Совет ИГУ утвердил Э.Р. Рыгдылона в качестве преподавателя бурятского и монгольского языка. С этого времени и до самой смерти, 24 апреля 1957 года, он трудился в ИГУ. Скончался ученый в результате сердечно-сосудистого заболевания и похоронен в г. Иркутске.

Научное творчество этого периода было связано с изучением и переводом на русский язык древних рунических знаков с археологических предметов, старо-монгольских текстов, изучением особенностей бурятского языка, топонимики края и других языковедческих проблем. Углубляя свои знания по языку Эрдэмто Ринчинович готовит интересную статью — «Когда и как люди научились говорить», читает курс лекций по «Сопоставительной грамматике русского и бурят-монгольского языков», руководит дипломными работами, исследует творчество Д. Банзарова, Г. Цыбикова и многое другое.

Но главным в творчестве ученого всегда оставалась его преданность археологии, основному делу его жизни. Организуются экспедиции в содружестве со старейшим сибирским археологом П.П. Хороших и начинающим археологом В.В. Свининым по изучению памятников на р. Ангара и на Байкале. Большую поддержку в этом деле им оказывал зав. кафедрой всеобщей истории, доцент С.В. Шостакович. Сохранилась его Докладная записка на имя ректора ИГУ, где сказано о необходимости историко-археологических исследований в зоне затопления в связи со строительством Ангарских ГЭС, и, что производство их «Кафедра всеобщей истории поручает кандидатам исторических наук П.П. Хороших и Э.Р. Рыгдылон, которые в течение многих лет проводят археологические исследования в Сибири по открытым листам выдаваемым АН СССР… Добытые в результате арх. исследований материалы послужат основанием для открытия археологического кабинета при университете, необходимость в котором крайне ощущается».

Некоторые экспедиции носили комплексный — археолого-лингвистический характер. К сожалению, материалы последней экспедиции на исток Ангары и побережья Байкала не получили интерпретации автора, окончательную обработку материалов и научный отчет дописывал уже после его смерти В.В. Свинин.

В заключении статьи отмечаем, что обработка архива еще продолжается, и до окончательных выводов еще далеко. Но из того, что уже было изучено, позволяет нам увидеть уникальную судьбу честнейшего труженика, неутомимого и преданного исследователя науки, прошедшего через трагические трудности, которые выпадают не каждому человеку и не потерявшего энергии и оптимизма до конца жизни. И хотя, Э.Р. Рыгдылоном не было написано, в обычном понимании, научных монографий, но его многие и разнообразные отдельные статьи и вся его жизнь, можно сказать, является огромной монографией, которую еще предстоит нам прочесть.

ЛИТЕРАТУРА

Дугаров Д.С. Историко-филологические исследования Э. Рыгдылона // Байкал. -2007. — № 1. — С. 179-182.

Именохоев Н.В. О научных исследованиях Э.Р. Рыгдылона — первого бурятского ученого-археолога (к 80-летию со дня рождения). — 1986. — Рукопись. — 9 с.

Именохоев Н.В. Первый бурятский археолог // Байкал. -2007. — № 1. — С. 174-179.

Коновалов П.Б. Об археологических исследованиях Э.Р. Рыгдылона // Байкал. -2007. — № 1. — С. 182-186.

Левашева В.П., Рыгдылон Э.Р. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся Минусинском музее // КСИИМК — 1952. — Вып. XLIII. — С. 132-137.

Свинин В.В. Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон (Краткий биографический очерк) // Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. История изучения Монголии в Иркутске. — Иркутск: БГУЭП, 2006. — С. 97-107.

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ. ЧЕЛОВЕК В ПАЛЕООБСТАНОВКАХ ВЕРХНЕГО КАЙНОЗОЯ

Е.В. Акимова[1,2], И.В. Стасюк[2], Е.Н. Кукса[2], А.Н. Мотузко[3]
[1]Красноярск, Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет
[3]Минск, Белорусский государственный университет

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА САЖЕНЦЫ В ЗОНЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Летом 2008 г. отрядом КГПУ велись работы в Куртакском археологическом районе (Новоселовский р-он Красноярского края). Основным объектом исследований являлся участок береговой отмели Красноярского водохранилища Каменного лога — залив р. Куртак протяженностью 1,5 км.

В 1964-65 гг. до начала заполнения ложа водохранилища З.А. Абрамовой на нижнем ярусе террасового комплекса Енисея в районе старой дер. Куртак были открыты три позднепалеолитических объекта [Палеолит Енисея, 1991]. После затопления, в 1976-78 и 1988 гг. на Куртакско-Каменноложском участке Н.Ф. Лисицыным проводились работы на стоянке Куртак III, датированной им второй половиной сартанского времени [Лисицын, 2000]. На сегодняшний день этот памятник, видимо, полностью уничтожен. В первой половине 1980-х гг. сборы экспонированного материала здесь проводил директор музея пос. Подгорный Е.С. Аннинский, однако, точной привязки к местности и конкретным памятникам эти коллекции не имеют. В последующие годы обследование участка эпизодически проводилось экспедицией КГПУ. Выходов культурного слоя найдено не было.

В 2008 г., впервые за последние три года, был отмечен низкий уровень воды в Красноярском водохранилище. По всей береговой отмели прослеживался археологический и фаунистический материал, спроецированный на береговую отмель в процессе абразионного разрушения толщи покровных отложений плейстоцен-голоценового времени. Основным «фоном» являлись предметы финально-палеолитического облика — колотые гальки, отщепы, единичные орудия, нуклеусы, а также фаунистические остатки лошади, бизона, мамонта, северного и благородного оленя, в единичных случаях — волка и пещерного медведя.

Новое местонахождение Саженцы выявлено в 800-900 м западнее Каменного лога. Выход культурного горизонта обнаружен в районе современного лога, прорезающего толщу позднеплейстоценовых отложений и образующего глубокую промоину на поверхности береговой отмели. В нижней части отмели по дну и бортам промоины сконцентрировались многочисленные обломки горных пород и археологический материал, как правило, в виде крупных битых галек и сколов. Мелкие предметы наряду с теми же обломками были обнаружены в полосе аккумуляции продуктов волноприбойной деятельности, простирающейся на расстоянии 10-12 м от июльского уреза воды.

Культурный горизонт приурочен к отложениям верхней толщи куртакского педокомплекса, датированного позднекаргинским-раннесартанским временем [Куртакский…, 1990]. Непосредственно раскопом вскрыто 12 кв.м, при этом культурный горизонт отмечен на площади менее 6 кв.м, в виде узкой полосы, простирающейся поперек береговой отмели. При первичной зачистке поверхности отмели был отмечен ярко-оранжевый прокал, размазанная сажа, прорезанные глубокими промоинами, заполненными современными пляжевыми отложениями — низ культурного горизонта, срезанного пляжем. Сам горизонт в южной части раскопа достигал мощности 0,5 м, простираясь под углом к современной поверхности пляжа. Заполнение представлено мощным прокалом, линзами древесного угля хорошей сохранности (до крупных кусков сгоревшей древесины), вкраплениями углей и примазками сажи, скоплениями костей грызунов. Археологический материал залегал по всей толще с наибольшей концентрацией в нижней части горизонта, где выявлены две сливающиеся крупные линзы диаметром около 0,2 и 0,5 м, плотно заполненные отщепами и орудиями.

Общее количество предметов в культурном горизонте, включая промывку, составляет 2366 экз. К этому же комплексу должно быть отнесено и около 500 предметов из подъемных сборов, вполне органично вписывающихся в облик индустрии. Весь каменный инвентарь изготовлен из кремня, яшмы и халцедона — сырья, традиционного для позднего палеолита Среднего Енисея. В то же время, значительная примесь халцедона является определенным хронологическим репером, с большой долей вероятности указывая на «периферию» сартанского периода: гыданскую или норильско-таймырскую его стадии.

Нуклеусы (7 экз. в к.г., 20 экз. в подъемных сборах). Выделяются две основные модели: пирамидальный нуклеус/микронуклеус с фронтом, тяготеющим к концентрическому (замкнутым по периметру площадки или занимающим до 2/3 периметра площадки) (рис. 1 — 27, 28, 34; 2 — 12, 15) и нуклеус/микронуклеус с сильно выпуклым фронтом и галечным контрфронтом (рис. 2 — 11). Соответственно расщепление шло по окружности либо по сектору ударной площадки. Коррекция угла расщепления производилась путем подправки проксимальной части фронта отвесной ударной ретушью, что нередко приводило к непреодолимым заломам. Негативы снятий соответствуют небольшим по размерам пластинам и пластинчатым сколам. В подъемных сборах, помимо указанных форм, присутствуют также средние по размеру дисковидные нуклеусы, плоскостные микронуклеусы на сколах и расколотых поперек массивных гальках.

Можно выделить две группы нуклевидных изделий с двойной интерпретацией. Так, в ряде случаев, в центральной части выпуклого фронта образовывался сильно выступающий «носик», что позволяет предполагать скребковую функцию предметов (рис. 1 — 25; 2 — 9). Вероятно, переоформление сработанных экземпляров производилось после прекращения эксплуатации нуклеуса по прямому назначению. Также отсутствует грань между черепаховидными нуклеусами с ровной округлой площадкой и округлыми скребками высокой формы с ретушью по периметру.

Специфика енисейского сырья предполагает большое количество нуклеусов, заготовок, колотых галек, выбракованных на разных стадиях сработанности. И в раскопе, и в подъемных сборах присутствуют нуклеусы (заготовки) с разной системой опробования субстрата: параллельной и радиальной обивкой с одной или нескольких площадок, а также сколы с нуклеусов и их заготовок (в к.г. — 12, в п.с. — 25 экз.). В данном случае, статистические данные для подъемных сборов нельзя считать корректными из-за невозможности отделить «фоновые» предметы из позднесартанских лессов и голоценовых отложений от материала из куртакского педокомплекса.

Основным элементом комплекса являются орудия на пластинах мелких, реже средних размеров (наиболее характерные параметры: 25 х 7 х 2 мм) (130 экз. в к.г., 5 экз. в подъемных сборах). Как правило, они представляют собой овально-треугольные удлиненные изделия с крутой или отвесной чешуйчатой ретушью по одному краю (классические «пластинки с притупленной спинкой») (рис. 1-2-15, 17-20, 23, 24, 26; 2-1-5), реже — изделия сегментовидной формы с ретушью

по вогнутому участку (рис. 1-21, 22). В единичных случаях ретушь наносилась по обоим краям и фасам микропластинки (рис. 1-16).

Для всех орудий данной категории свойственно расположение притупленного участка только по правому краю дорсала. Ранее такая закономерность была отмечена только на Афанасьевой Горе. В то же время, пластинки Саженцев отличаются от подобных орудий в памятниках тарачихской культуры своим устойчивым однообразием, отсутствием вариативности. Не найдено ни одного орудия с ретушью по усеченным концам, с ретушью по краю и усеченному концу, отсутствуют пластины с ретушированными выемками. Подобная ситуация характерна только для 1 к.с. Каштанки I [Хроностратиграфия…, 1990; Археология…, 1992].

Коллекция скребков очень многочисленна, однако представительность их в культурном горизонте крайне низка (1 экз.), в то время как в подъемных сборах найдено 43 экз. Преобладают скребки округлые на отщепах, концевые на отщепах и сегментах пластин (рис. 2 — 8, 10, 13, 14), единичны скребки высокой формы на отщепах и сколах с нуклеусов (рис. 1 — 31). Это сочетание подобных форм скребков в одном комплексе, не характерно как для афонтовской и кокоревской, так и тарачихской археологических культур, но в полном объеме представлено в 1 к.с. Каштанки I и в 15А к.с. Лиственки.

В раскопе найдено миниатюрное комбинированное орудие из халцедона, сочетающее концевой скребок и ретушированное жальце (рис. 1-30).

Орудия с жальцем (проколки/провертки) представлены единственным обломком в раскопе (рис. 23 — к.г.) и 4 экз. в подъемных сборах (рис. 2-6, 7). Во всех случаях жальце прямое, удлиненно-конической формы, с ретушированными плечиками. В качестве заготовки использовались небольшие отщепы.

В составе коллекции Саженцев также присутствуют: отщепы с ретушью (в к.г. — 3, в п.с. — 38 экз.), отщепы (1886/228 экз.), пластины и пластинчатые сколы с ретушью (65/56 экз.), пластины и пластинчатые сколы (240/132 экз.), скребловидные орудия (1/3 экз.), выемчатые орудия на отщепах (0/3 экз.), заготовки скребков (2/5 экз.), сколы и обломки изделий (12/7 экз.), чопперы-отбойники (3/14 экз.). Статистика для подъемных сборов здесь также не надежна, хотя принципиальных различий между материалами раскопа и подъемными сборами не отмечено. Примесь может прослеживаться, в первую очередь, в виде крупных предметов (чопперов, отбойников), встречающихся почти повсеместно по всей береговой линии водохранилища.

При промывке культурного горизонта удалось найти пять фрагментов от двух-трех костяных игл (рис. 1-1).

Фаунистическая коллекция крупных млекопитающих невелика. В культурном горизонте найдены зуб нижней челюсти и запястная кость лошади Equus ex gr., две фаланги и локтевая кость волка Canis lupus и фаланга архара Ovis ammon. На береговой отмели собраны кости мамонта, бизона, лошади.

Промывка культурного горизонта позволила получить информативную коллекцию микротериофауны. Остатки мелких млекопитающих представлены коренными зубами, резцами, нижними челюстями, костями посткраниального скелета. Сохранность остатков хорошая: отсутствуют следы окатаности, в сборах в массе имеются все анатомические части скелета — кости передних и задних конечностей, резцы, нижние челюсти, кости черепа, позвонки. Это свидетельствует о том, что исследуемый ориктоценоз сформировался одним процессом на месте их находки и не передвигался на значительные расстояния. Подобное наблюдается в результате жизнедеятельности хищных птиц, погадки которых попадали в захоронение. Прежде чем быть захороненными, остатки длительное время подвергались выветриванию на поверхности почвы, отчего подавляющее большинство нижних челюстей без зубов. На остатках имеются следы пребывания

в костре, при этом, остатки наиболее крупных из грызунов — сусликов и пищух, существуют только в виде сильно обгорелых костей скелета.

Определимых остатков в сборах 853, принадлежащих следующим видам: Ochotona sp. — 1, Citellus sp. — 4, Allactaga sp. — 2, Cricetus cricetus — 9, Dicrostonyx gulielmi — 11, Lagurus lagurus — 206, Microtus sp. — 438, Stenocranius gregalis — 114, Microtus mongolicus — 62, Microtus oeconomus — 6. Видовой состав микротериофауны однозначно свидетельствует о том, что в период формирования биоценоза в окрестностях местонахождения преобладали ландшафты сухих холодных степей. В структуре фауны нет видов, связанных с лесными биотопами. В ископаемой фауне господствуют остатки степной пеструшки, узкочерепной полевки и монгольской полевки, которым принадлежат 94% определимых остатков. Более влажные закустаренные пространства существовали в пойме Енисея, где обитали полевки-экономки и хомяки. Остатки тушканчиков указывают на значительную сухость климата и существование степных площадей с разреженной растительностью, а присутствие в фауне копытных леммингов является свидетельством значительного похолодания климата и развития тундростепных биотопов. Кроме того, копытные лемминги в отличие от леммингов рода Lemmus предпочитают селиться на участках сухих тундр. Таким образом, во время существования фауны были сформированы ландшафты разнотравных разреженных степей с небольшими участками закустаренных сухих тундр. Нахождение остатков копытных леммингов на таком большом расстоянии к югу от его современного ареала, является свидетельством значительного похолодания климата.

Относительный возраст исследуемой микротериофауны определяется присутствием в её структуре остатков степной пеструшки и узкочерепной полевки. Морфологическое строение нижних переднекоренных зубов (M1) обоих видов представлено прогрессивными морфотипами, которые встречаются у животных, существовавших во второй половине позднего плейстоцена. Еще определеннее об относительном возрасте свидетельствует морфология коренных зубов копытных леммингов. Они представлены морфотипами, которые встречаются на территории Евразии в период развития последнего материкового оледенения — сартанского.

Таким образом, фауна мелких млекопитающих существовала в период максимального развития сартанского оледенения, в его гыданскую стадию. Данные выводы подтверждаются и датой 22175 195 лет (СОАН-7439), полученной по образцу древесного угля из культурного горизонта.

Анализ полученных данных позволяет прийти к следующим предварительным заключениям:

1. В раскопе и на береговой отмели получен материал одного и того же разрушающегося археологического объекта, сохранившего непотревоженными элементы хозяйственного комплекса — очаги и, возможно, хозяйственные ямы, заполненные, в основном, отходами производства. К сожалению, ограниченный объем работ не позволяет делать более обоснованные выводы, но имеющиеся материалы говорят о реальной возможности обнаружения здесь богатого жилищного комплекса.

2. Саженцы датируются началом гыданской стадии сартанского времени, о чем свидетельствуют как типология археологического материала, так и данные палеонтологии и радиоуглеродная дата, полученная из качественного образца.

3. Саженцы являются синхронным или несколько более поздним вариантом развития индустрии стоянки Каштанка I, расположенной в 2 км южнее и датированной 24-21 тыс. л.н. [Археология…, 1992, Стасюк, 1995]. Об этом свидетельствуют как система первичного расщепления (в первую очередь, пирамидальные нуклеусы с гладкими площадками), так и специфические формы пластин с притупленной спинкой. Все скребки и орудия с жальцем из подъемных сборов Саженцев также представляются вполне органичным элементом каштанковской индустрии. Вместе с тем, типологический набор Саженцев менее разнообразен, чем на Каштанке I.

По нашему мнению, эти различия могут объясняться как разницей в возрасте, так и особенностью функциональности разных участков обоих поселений. Стоит отметить, что стоянка Каштанка I раскопана на площади 240 кв.м., а площадь распространения спроецированного на береговую отмель археологического и палеофаунистического материала составляет около 4 тыс. кв.м.

По состоянию на 2008 г. Саженцы представляются памятником очень перспективным. Для исследования доступна площадь около 50 кв.м. Однако существует угроза, что очередной подъем уровня водохранилища полностью уничтожит стоянку.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. — Л., 1991. — 158 с.

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Мат-лы всерос. археол. съезда. — Новосибирск, 2006. — С. 94-96.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. — Красноярск; Новосибирск: «Универс»-Наука, 2005. — 180 с.

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян) / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, Е.В. Акимова и др. — Красноярск: «Зодиак», 1992. — 130 с.

Куртакский археологический район. Новые данные к хроностратиграфии палеолита Куртакского археологического района — Красноярск: ПО «Сибирь», 1990. — Вып. 3. — 112 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. — СПб., 2000. — 230 с. — (Тр. / ИИМК РАН. — Т. II).

Стасюк И.В. К проблеме культурной интерпретации позднепалеолитических местонахождений Каштанковского археологического участка // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. — Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. — С. 35-36.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Междунар. симпозиума / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин и др. — Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. — 184 с.

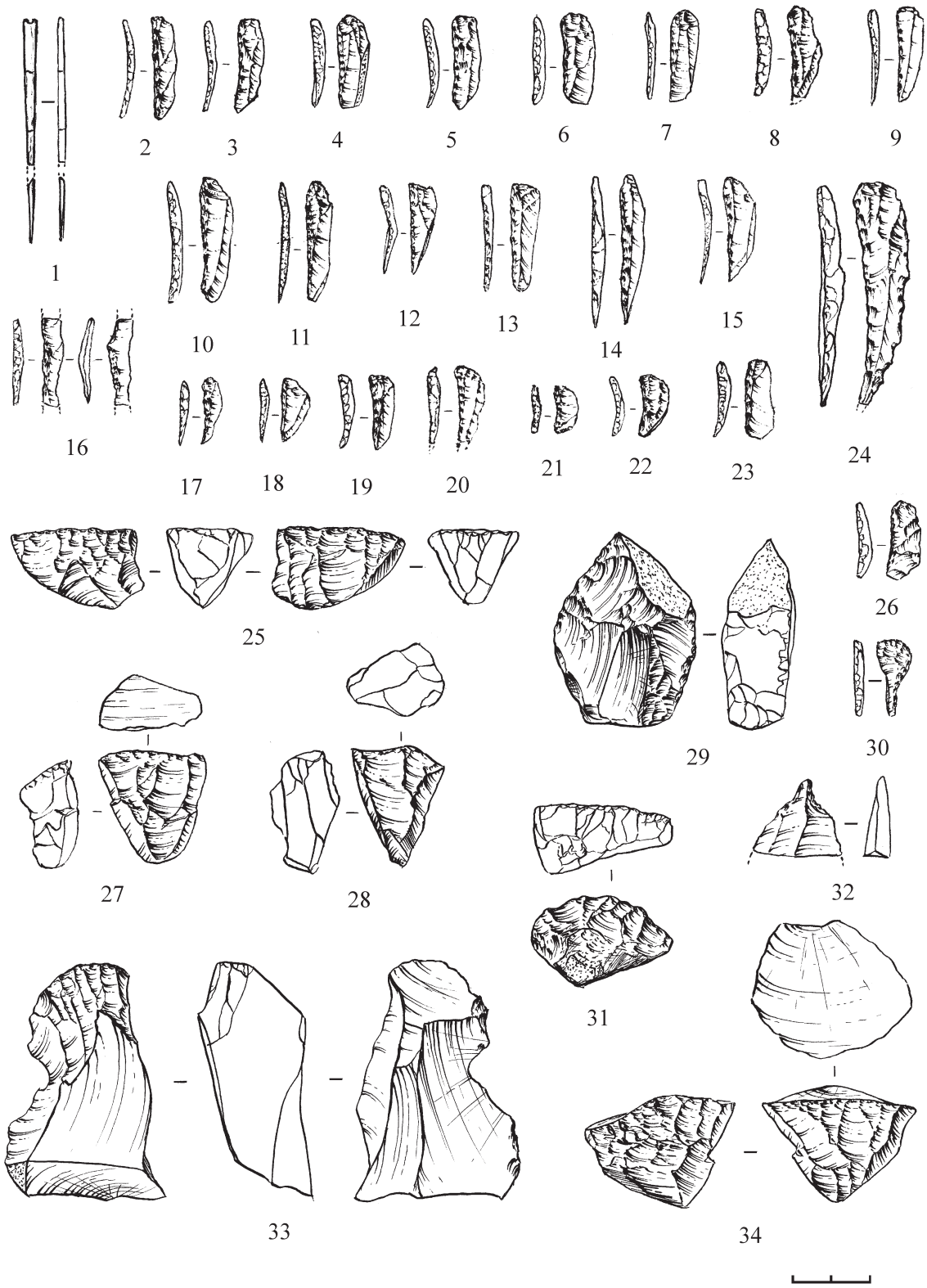


Рис. 1. Стоянка Саженцы. Культурный горизонт:
1 – игла; 2 - 24, 26 – пластины с ретушью; 30 – микроскребок с черешком;
25, 27, 28, 33, 34 – нуклеусы; 29, 31 – скребки; 32 – проколка.

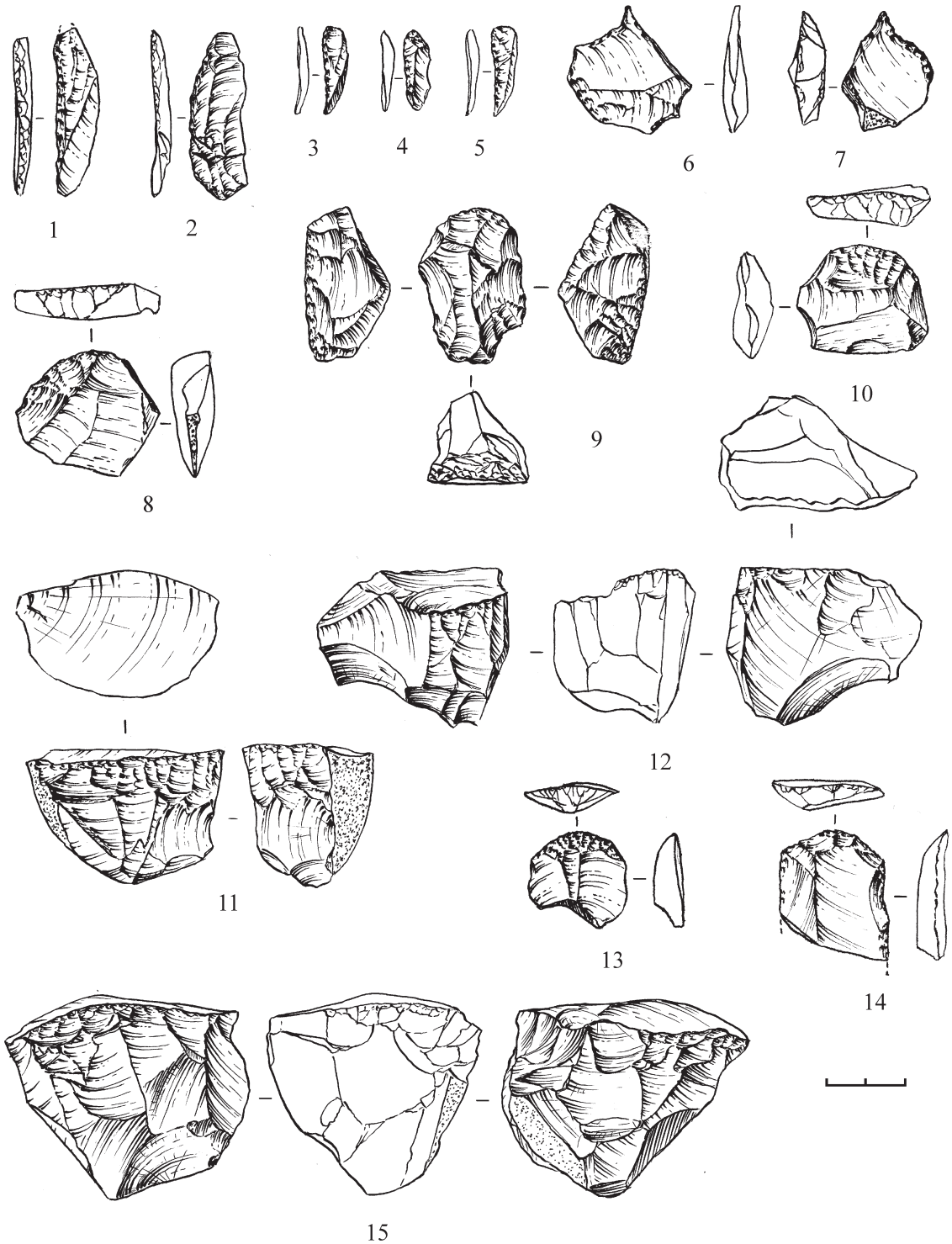


Рис. 2. Стоянка Саженцы. Подъемные сборы:
1 – 5 – пластины с ретушью; 6, 7 – проколки; 8, 10, 13, 14 – скребки;
11, 12, 15 – нуклеусы.

Ю.Е. Антонова
Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ИНДУСТРИЯ МИКРОПЛАСТИН В НЕОЛИТЕ ЮГА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ БИЛИ)

С началом изучения каменного века долины р. Селенги в конце XIX века собственно и начинается исследование этого периода в Западном Забайкалье. Первую систематизацию каменного века Западного Забайкалья произвел Г.Ф. Дебец. В конце 20-х годов им было выделено две археологические культуры: Селенгинская, являющаяся более ранней, и Даурская. Обе культуры были датированы эпохой неолита [Константинов, 1994].

На сегодняшний день на юге Западного Забайкалья, на материалах которого производилось выделение Селенгинской культуры, неолит практически не изучен. Разрозненные сведения, основанные, в первую очередь, на данных подъемных сборов, содержащих артефакты различных эпох, не позволяют провести систематику на уровне выделения культур и периодов. Раскопки археологического местонахождения Били, предпринятые в 2000 г., позволили вплотную приступить к разработке этого вопроса. Впервые сбор подъемного материала здесь производился во время разведочных работ в 1980 г. сотрудниками археологического отряда под руководством П.Б. Коновалова. В 1998 г. исследовательские работы проводились под руководством В.И. Ташака, задачей этих работ ставилось выявление участков с палеолитическим — мезолитическим археологическим материалом, а также содержащих их культурных горизонтов. Разведочные шурфы выявили два культурных горизонта (к.г.), детальные исследования которых продолжились в 2000 г.: был разбит раскоп общей площадью 24 м2. Первый культурный горизонт охарактеризован В.И. Ташаком как относящийся к эпохе позднего бронзового века. Второй датирован поздним мезолитом — ранним неолитом [Ташак, 2005].

В представленной работе целью ставится уточнение предложенного В.И. Ташаком возраста археологического объекта Били. Для выполнения поставленной цели была определена основная задача, а именно — детальный анализ микропластинчатой составляющей каменной индустрии и определение возможных разновременных, разнокультурных компонентов археологического материала из подъемных сборов и собственно, относящихся ко 2-му культурному горизонту.

Местонахождение Били находится в Джидинском районе, в 5,5 км южнее с. Зарубино. Оно расположено на левом берегу р. Селенга в приустьевом участке правого борта большого распадка. Детальное описание стратиграфической и планиграфической ситуации было сделано В.И. Ташаком в его статье, посвященной характеристике материалов данного археологического объекта [Ташак, 2005]. Здесь же, еще раз подчеркнем, его вывод о том, что квадраты линии А' и приграничные к ней площади квадратов линии А (а большинство находок приходится именно на эти участки) представляют собой зону оползания слоев в борту котловины выдувания, вследствие чего вызывает сомнение происхождение некоторых элементов из второго слоя (там же).

В первичном расщеплении Били, по мнению автора раскопок выделяется два направления: бессистемное расщепление галечного сырья и призматическое с целью получения микропластин и мелких пластинок. Количественно ведущей орудийной формой (как в подъемных материалах, так и из второго культурного горизонта в раскопе) являются короткие концевые скребки с широкой выделенной в большинстве случаев лезвийной частью. Что касается микропластин, то им уделено несколько меньше внимания. Отмечается наличие микропластинок из черного туфа и яшмовидных пород, последние отнесены к отходам производства. В качестве вторичной обработки указывается вентральное ретуширование по одному или двум краям (там же).

После детального анализа микропластин и нуклеусов для их получения были отмечены некоторые моменты, дополняющие и детализирующие уже изложенную информацию по археологическому местонахождению Били.

Все нуклеусы для микропластин и микронуклеусы происходят из подъемного материала, в раскопе и шурфе нуклеусов обнаружено не было. Общее количество нуклеусов 13 экземпляров. Все они достаточно подробно охарактеризованы ранее [Ташак, 2005]. Нуклеусы являются подпризматическими с четко выраженными рудиментарными элементами клиновидных микронуклеусов, а именно: оформление клина и гребня, причем гребень у нуклеусов местонахождения Били смещен к одной из латералей (рис. 1 — 2, 4). Выделяются два экземпляра, у которых гребень не подготавливался, а скалывание микропластин стремится к охвату всей площади по окружности. Все микронуклеусы по размерам можно разделить на две группы: 6 предметов высотой, варьирующейся в пределах 4-5,3 см и 6 предметов, не превышающих по высоте трех см. Нуклеусы для микропластин первой группы изготовлены из черного и в единственном экземпляре из темно-зеленого туфа, ведущим сырьем во второй группе являются «цветные» яшмовидные породы, что может объясняться размерами исходных галек. Привлекает внимание один экземпляр, относящийся к совершено другому типу. Это типичный клиновидный микронуклеус с вогнутой, оформленной небольшими сколами, снятыми по периметру, ударной площадкой (рис. 1 — 1). Интересной деталью представляется смещение гребня, который подготовлен несколько небрежно, к одной из латералей. Выделяет этот нуклеус среди прочих и сильная степень заветренности, что может указывать на более древний его возраст. В целом, микронуклеусы демонстрируют определенное единство в плане подготовки и утилизации, выбиваются из общего ряда лишь два экземпляра, у которых начинается скалывание по окружности.

В ходе исследований местонахождения Били в 1998 и 2000 гг. и при подъемных сборах в 1980 г. было получено всего 251 микропластинка, 197 экземпляров из которых является подъемным материалом, а оставшиеся 54 предмета происходят из 2-го к. г. шурфа 1998 г. и раскопа 2000 г. Микропластины представлены как целыми экземплярами, так и их фрагментами. Длина основной массы микропластин и их фрагментов варьирует в пределах 30-18 мм при ширине 7-6 мм. Обнаруженные микропластинки изготавливались из черного сырья (туф) и яшмовидных пород различного цвета. Причем, при анализе материалов было установлено, что наибольшее количество пластинок из «цветного» сырья имеют ширину 5 и менее мм при той же преобладающей длине.

Следы вторичной обработки — в данном случае ретуширования — несут на себе 24 предмета; у 13 фиксируется ретушь утилизации. Для оформления немногим более половины всех орудий из микропластин (14 экземпляров) была использована вентральная ретушь (рис. 1 — 5, 6). Здесь представлены предметы с обработкой как по одному краю (всего 6, два из них происходят из 2-го к.г.), так и по двум (всего 8, 4 предмета — из 2-го к.г.). Эти изделия обработаны средней и мелкофасеточной стелящейся ретушью, в ряде случаев имеющей захватывающий характер. Обращает на себя внимание факт, что все предметы этой группы, кроме одной однолезвийной микропластины, выполнены из черного туфа. В четырех случаях использовалась регулярная микрофасеточная (фасетки 0,25-0,5 мм) дорсальная ретушь (рис. 1 — 3, 7), наносимая только по краю, два предмета (один из 2-го к.г.) являются однолезвийными, у двух других, один из которых происходит из 2-го к.г., оформлялись оба края. Все четыре микропластинки изготовлены из яшмовидных заготовок. В коллекции имеются два экземпляра с альтернативной ретушью и один с попеременной. Интересны два экземпляра, у которых обработан слом в дистальной части микропластины, на одном из них средне- и мелкофасеточной ретушью с вентральной стороны подработаны оба края, сырьем в обоих случаях послужил черный туф. У одного предмета наблюдается фрагмент мелкой дорсальной ретуши по краю в дистальной части. Ретушь утилизации в 5 случаях вентральная, причем у изделий только из черного туфа, 7 предметов из обоих типов сырья несут следы использования на дорсальной стороне.

Таким образом, в рамках данной коллекции наблюдаются два различных типа ретуши: мелкая и среднефасеточная, наносимая по вентралу, и дорсальная микроретушь с фасетками в среднем 0,25-0,5 мм. Устанавливается определенная зависимость между вентральной ретушью и изделиями из черного сырья и дорсальной микроретушью и микропластинками из яшмовидных пород. Можно предполагать, что эти виды вторичной обработки являются двумя направлениями в рамках одной индустрии, связанные с определенными функциональными особенностями орудий. Однако нельзя исключать, что различная вторичная обработка, связанная с предпочтениями в сырье, может указывать на разновременность этих двух направлений. И хотя во втором культурном горизонте при раскопках 2000 г. были отмечены пластинки как с вентральной средне- и мелкофасеточной, часто захватывающей, так и яшмовидные с однорядной микроретушью только по краю изделия, стоит напомнить, что, основываясь на данных стратиграфической ситуации, В.И. Ташак [Ташак, 2005] не исключает возможность происхождения яшмовидных микропластинок и кусочков керамики как инородных, т.е. не принадлежащих второму культурному горизонту. Здесь следует сделать пояснение: в ходе исследований 2000 г. второй к. г. был приурочен к подошве слоя опесчаненной гумусированной супеси, мощность которого местами достигает 25 см, при этом отдельные археологические находки были зафиксированы в верхней части слоя. В этом случае кровля слоя супесей и его подошвы, безусловно, разновременные (устная консультация В.И. Ташака). Но на раскопанном участке культурный горизонт выделен только в подошве, а вот в борту котловины выдувания незначительное вертикальное смещение грунта (в виде блока опускания) могло привести к перемещению компактного пятна археологических материалов из верхнего уровня литологического слоя на позицию подошвы. И это еще больше может подтверждать предположение о разновременном характере данных элементов. Однако нельзя с полной уверенностью принимать или отвергать тот или иной вариант, необходимы новые данные, дополнительные исследования для более полного представления.

В целом одна из новейших характеристик неолита Западного Забайкалья дана М.В. Константиновым на основе материалов таких местонахождений, как Студеное-1, Усть-Менза-1, Косая Шивера, Егоркина пещера и др. (все объекты расположены в 100 и более км на восток от Били). По его мнению, в неолите этого региона выделяются три этапа: ранний, средний и поздний. Для первичного расщепления первого из них характерны торцовые клиновидные микронуклеусы и торцовые без клина, причем первые преобладают почти в два раза. На среднем этапе происходит дальнейшее развитие микропластинчатого расщепления, нуклеусы становятся более «стройными, высокими». В 7-м слое местонахождения Студеное-1 (относится к среднему неолиту) обнаружен экземпляр конического микронуклеуса, по характеру контрфронта которого, как считает М.В. Константинов, можно судить, что ранее он представлял собой торцовый клиновидный. Заключительный этап ознаменовался началом употребления наряду с обычными темными видами пород и цветных (яшма, халцедон), а также большим разнообразием типов нуклеусов [Константинов, 1994]. Если придерживаться периодизации, предложенной М.В. Константиновым, то нетрудно заметить, что подпризматические нуклеусы для получения микропластин и микронуклеусы из Били скорее всего относятся ко второму этапу неолита, а употребление «цветного» сырья может характеризовать переход к третьему.

Таким образом, ранее предлагаемая датировка финал мезолита — ранний неолит может быть пересмотрена в плане ее омоложения. С другой стороны, удаленность исследуемых объектов друг от друга может предполагать медленное проникновение инноваций в том или ином направлении и, следовательно, разновременность объектов на востоке Западного Забайкалья и долины р. Селенга. Среди всего массива охарактеризованного материала один из нуклеусов — торцовый клиновидный — выпадает из общей схемы (см. рис. 1 — 1) как по своей морфологии, так и по сохранности поверхности (сильная заветренность). Возвращаясь к схеме М.В. Константинова, этот нуклеус следует определить в рамках начального неолита — финального мезолита. При этом культурные горизонты с такими материалами на стоянке Били не выявлены.

ЛИТЕРАТУРА

Константинов М.В. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии. — Улан-Удэ; Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН-ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского, 1994. — 179 с.

Ташак В.И. Стоянка Били: поздний мезолит — ранний неолит на юге Бурятии // Известия лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — Вып. 3. — С. 138-148.

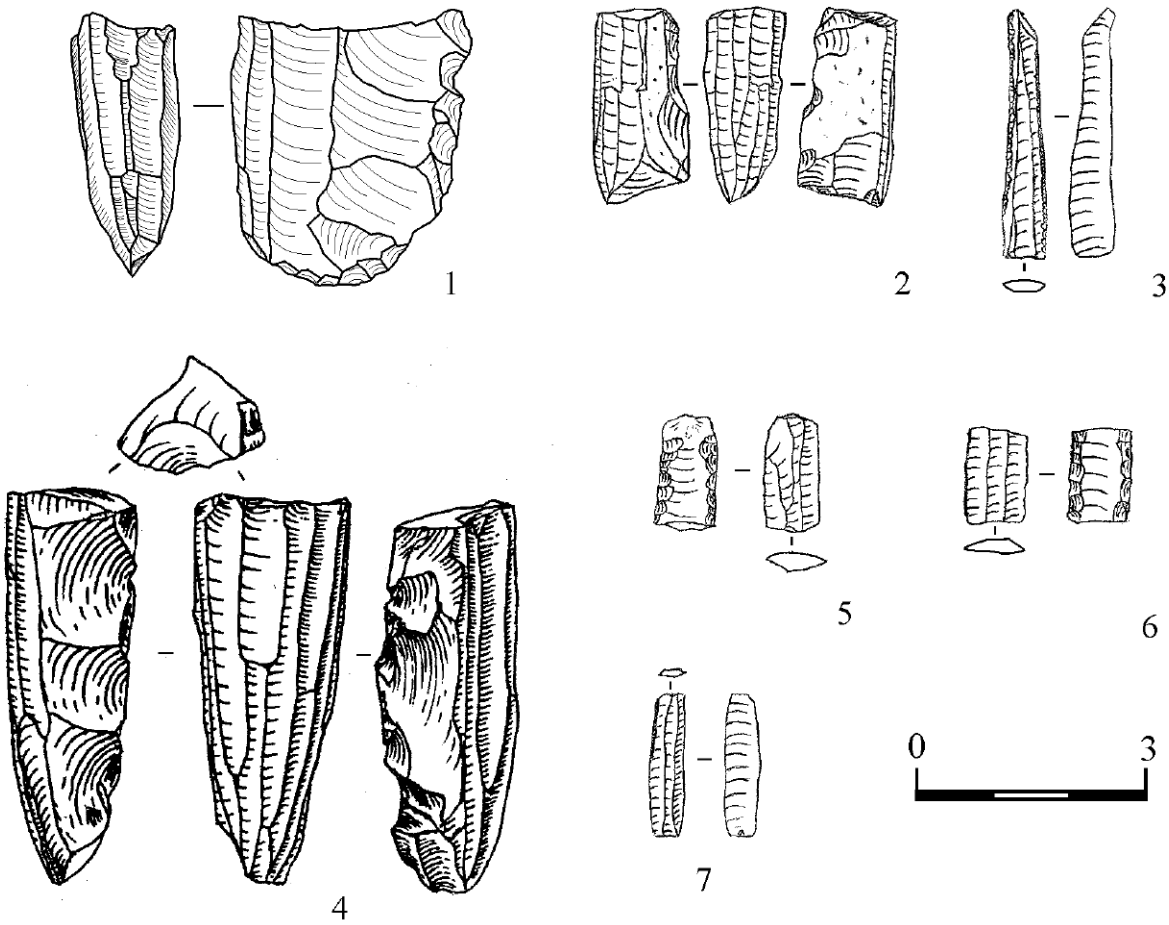


Рис. 1. Микропластинчатая индустрия местонахождения Били
1 – торцовый клиновидный микронуклеус; 2, 4 – подпризматические нуклеусы; 3, 5 – 7 микропластины
1, 4 – 6 черный туф; 2, 3, 7 – цветные яшмовидные породы.

П.В. Афанасьев
Иркутск, Иркутский государственный университет

«КОРРАДИРОВАНЫЕ», «ДЕФЛИРОВАННЫЕ» ИСКОПАЕМЫЕ АРТЕФАКТЫ ИЗ ТВЕРДЫХ ГОРНЫХ ПОРОД — ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ, ГЕОСТРАТИГРАФИИ ПЛЕЙСТОЦЕНА, ПАЛЕОЛАНДШАФТОВ, ИХ ХРОНОМЕТРИИ

В статье кратко изложены данные по истории возникновения и современному употреблению терминов «корразия», «дефляция», «эоловая обработка», «пескоструйная обработка», других терминов применительно к твердым горным породам и рыхлым образованиям — отложениям геологического вещества, а также к артефактам из камня различных отделов плейстоценового геологического времени. Предложен историографический экскурс открытия, распознавания ископаемых изделий из камня с эоловой обработкой поверхностей, современного состояния изученности вопроса, перспектив исследования.

Принято считать, что термин «корразия» введен Иоганнесом Вальтером в 1893 (1894) г. в самом широком понимании его содержания. «Корразия», по И. Вальтеру, — любое истирание отдельностей твердой горной породы другими отдельностями породы, их частицами, независимо от силы, на них воздействующей и перемещающей их, — ветер, вода, лед. И. Вальтер характеризует корразию при различных транспортирующих факторах и указывает, что каждый из них имеет особенности и может быть установлен при изучении породы. По Н.И. Николаеву, Вальтер И. считал, что впервые слово «corrosione» встречается у М. Зандрини в 1710 г. Свое мнение по «корразии» Николаев не излагает и термин остается таким же условным и очень широким, как у И. Вальтера. [Николаев, 1958, с. 45; Высоцкий, 1965, с. 34].

Предложив термин, М. Зандрини и И. Вальтер сделали большое дело, одновременно заложив основы современной терминологической полемики. Специалисты, которые работают с материалом, имеющим водное воздействие на свою поверхность, и специалисты, которые работают с материалом, испытавшим ледниковое давление и волочение, термин «корразия» употребляют, совмещая его с другими терминами, документирующими деструкцию поверхности — «вперемешку». Термин более закрепился за теми процессами, которые связаны с ветровой деятельностью — истирание, высверливание, выскабливание, выдалбливание потоками влекомых зерен, отдельностей твердых горных пород. Исторически и объективно сегодня термин «корразия» документирует один из результатов работы ветра.

Работа ветра может быть выражена: 1) в дефляции, или развевании [Мушкетов, 1903, с. 382; Тутковский, 1909, с. 107], то есть выносе рыхлого материала грунта — пелитовой, алевритовой, псаммитовой — с отдельных участков поверхности Земли; 2) в транспортировке или переносе вынесенного рыхлого материала с одних мест на другие; 3) в сортировке этого материала по величине образующих его частиц при их переносе по величине и дальности переноса при их аккумуляции; 4) в коррадирующем действии ветропесчаного потока на встреченные препятствия — выступающие скалы, лежащие на земле валуны, отдельности горной породы разных размеров — от дресвы до валунов, а также на наиболее податливые механическому воздействию грунты, например, на отложения склонов, береговые уступы, откосы, на ровные, покрытые глинистым или илистым наносом днища высохших озер, ледниковые тела, снежники и т.д.

Изучение ветровой деятельности продолжается уже более 100 лет. Интенсивные исследования проводятся в последние 50 лет, после введения в практику комплексных международных геофизических исследований (1955). Как установили новозеландский геолог М.И. Селби, изучая эти процессы в Антарктиде — в долине Виктория, российский геолог Н.Н. Карлов и экспериментально

документировали американские исследователи, только при достижении определенных скоростей ветра начинается процесс, который от дефляции — развевания — рыхлых отложений отличается тем, что производит физические видоизменения поверхностей твердых горных пород. Образуются различные формы механической деструкции на каменных массивах и отдельностях. Поэтому логично подразделить ветра в их воздействии на геологическое вещество по скоростям на 1) «дефляционные» и 2) «коррадирующие».

Дефляционные процессы начинаются при скоростях ветра от 0,3 м/сек. Эти ветровые потоки ежедневны на земном шаре, повсеместны и не производят никакого коррадирующего воздействия на твердые горные породы. При 3 м/сек дефляционный перенос развеянных мельчайших частиц совершается на расстояние 3 м, и процесс замирает. При увеличении скоростей ветра перенос пыли и частиц увеличивается, при достижении скоростей ветра 25–30 м/сек и более авиаперенос характеризуется подъемом пыли более 1000 м по вертикали в атмосферу и линейными расстояниями более 10000 км. Дефляционным скоростям ветра, видимо, следует определить границу до 50 м/сек.

Эоловая корразия — «выскабливание», «выбивание», «высверливание» или так называемая «пескоструйная обработка» горных пород, начинает возникать при скоростях, превышающих 50 м/сек. М.И. Селби считает, что активная корразия начинается от скоростей 55 м/сек, когда в поток влекомых частиц включаются крупные размерности, образующие «покрывало» влекомого материала [Selby, 1977, с. 431]. Частота повторения экстремальных ветровых обстановок в течение года должна составлять 50-100 дней. Это обязательное условие.

Дефляция «работает» с рыхлыми отложениями, производит их разрушение, наземную транспортацию и авиацию пылеватых и мелких песчано-дресвяных частиц. Коррадирующий процесс все мелкие частицы отправляет сразу в авиацию и «работает» со щебнем, с гравием, галькой, выполняющими в зависимости от размеров поперечников влекомых отдельностей, действия «рептации» и «сальтации».

Рептация — «ползание» — форма, способ перемещения волочением, перекатыванием по поверхности земли наиболее тяжелых частиц.

Сальтация — «пляска», «прыжки» — форма, способ перемещения частиц горной породы в воздушном потоке в околоземном пространстве — 1.00–2.00 м «скачками», с периодическим выпадением из авиапотока, «бомбардированием» рептирующих частиц и возвращением в поток воздушного переноса, до тех пор, пока таковые возвращения позволяют экстремальные скорости ветра (рис. 1). С началом коррадирующих скоростей ветра вступают в действие процессы «ротации» — вращательный момент отдельностей горной породы. Ротация частиц в авиапотоке постоянна. Пыль, песок, дресва, — вращаются в воздушном потоке постоянно, сталкиваются, создают звон, стук, шуршание — «гул» или «звуковое сопровождение ветра». Ротация сальтирующего материала является «систематической», чему способствует режим подскоков. Рептирующий материал подвергается ротации «периодически». Ползущие перекатывающиеся отдельности встречают препятствия и неопределенно долго задерживаются ими, образуя иногда скопления — «коллекторы». Препятствия в виде крупных отдельностей — валунов, глыб — имеют «эпизодическую» ротацию. Этот тип вращения совершается только с разрушением подстилающего вещества: «перевороты опусканием». В итоге, все компоненты коррадирующего потока и коррадирущиеся отдельности и массивы — препятствия — взаимно изменяют морфологию своего собственного твердого тела — «взаимокорразия».

В Антарктиде при экстремальных скоростях ветра (от 55 до 80–90 м/сек) сальтируют отдельности горной породы до 3–5 см в поперечнике. Падая вниз, ударяясь о ползущий камень (отдельность породы), сальтирующий на поверхности рептирующего образуют звездчатую точку. Затем многократно в эту точку попадают многочисленные прыгающие и ползущие отдельности,

расширяя и углубляя ее. Таков механизм образования «оспин», «каверн», «лунок». М.И. Селби в Антарктиде наблюдал образование сотовых рисунков 100×50×20 см.

П.А. Тутковский в своей работе «Ископаемые пустыни северного полушария» пишет, что «главный и существенный характер коррадирующей эоловой обработки состоит в том, что эоловое сглаживание, шлифовка и полировка выражены как в макроскопическом, так и в микроскопическом масштабе, и при том идут не только по плоскостям (как при глетчерной обработке, в брекчиях трения), но и по кривым поверхностям и в глубь тончайших трещин; не только в пониженных, желобообразных частях поверхности (как при обработке текущего водою), между которыми выдаются менее обработанные или вовсе не обработанные водораздельные макро- и микрокряжи, но равномерно на всей неровной поверхности породы» [Тутковский, 1909, с. 41].

Водная обработка гораздо грубее, чем эоловая, менее рельефно «обнаруживает разницу в твердости минералов и не дает совершенной полировки, а только шлифовку» [Мушкетов, 1903, с. 72]. Окатанные, шлифованные водой гальки, валуны блестят только мгновение, пока они очень влажны, а после высыхания становятся матовыми. Зеркальная, полированная эоловая поверхность имеет блеск и во влажном, и в сухом виде и сохраняется в течение тысяч лет. Полировка коррадирующих потоков на поверхности каменных предметов различается под микроскопом при любых увеличениях. К тому же вода работает только в ложах потоков, она привязана к определенному месту, ограниченному рамками ущелий, долин, русел, а вершины находятся вне сферы действия проточной воды. Пескоструйная обработка имеет широкое всепроникающее действие [Мушкетов, 1903, с. 73].

Эоловая полировка отличается резко и от глетчерной (ледниковой) полировки. При глетчерной полировке шлифующий материал не проникает в трещины и глубокие выемки поверхностей, причем стенки этих трещин и бока выемок остаются неровными и шероховатыми, а истираемые поверхности — округлые и плоские, всегда несут параллельные шрамы и царапины, но никогда не имеют рельефных, фигурных гребней, ребер, что свойственно только эоловой шлифовке и полировке.

М.И. Селби и, видимо, независимо от него Н.Н. Карлов предложили порядок определения степеней эоловой корразии поверхностей горных пород. Начальным выражением «пескоструйной обработки» принята «полировка» (люстрат, лоск); следующей за полировкой идет «побитость», т.е. появление на полированной поверхности редких отдельных мелких точек-ямочек, систематическое расширение точек-ямочек образует поле разной крупности «оспин», которые, увеличиваясь в размере, сближаются, создавая рисунок «струйчатости», видоизменяемый далее в «ячеистость». Продолжение активных «бомбардировок», «процарапываний», «выскабливаний» объединяет ячейки в крупные вогнутые поверхности — «ярданги», «каверны» и др. Последние два термина чаще употребляют для обозначения работы корразии на крупных скальных массивах, конгломератах, лессовых толщах. К отдельностям горных пород термин «ячеистость» и «ярданги» применяют, когда уже выражены ребра «ветрогранников». От «ярдангов» процесс корразии, создав гладкие полированные грани ветрогранников как-бы возвращается к изначальной — «стартовой» — полировке (рис. 2), замыкая первый полный цикл «эолового истирания», «эоловой деструкции».

Направление ветрового потока частиц породы в вертикальные скальные стенки, гребни в зависимости от направления ветра либо высверливает открытые ниши — «тафони» — в податливых породах [Щукин, 1974, 17], либо выскабливает причудливые желоба-каннелюры, читающиеся порой в аэрофотосъемке до самых вершин скальных горных венцов.

Следы корразии — эоловой проточки и полировки ячеек, желобов–каннелюров на скалах — во всех случаях убедительно свидетельствуют о существовании некогда палеопустынь или ископаемых (арктических) пустынь. К этим свидетельствам серьезным и важным индикатором

развития в геологическом прошлом обстановок «арктических» пустынь является коррадированный археологический материал.

Древний человек был свидетелем и жертвой каменных пустынь, являлся их предшественником, наблюдателем зарождения, современником, и, соответственно первым исследователем–освоителем этих экстремальных климатоландшафтных обстановок, поскольку имел суровую необходимость адаптировать эти обстановки к нуждам своей жизни. В том далеком прошлом каменные изделия, которые стали достоянием археологов, принадлежали и тем, кто жил до пустыни, кто бежал от пустыни, и тем, кто погиб, и тем, кто ее «осваивал». Корразия тысячелетий «пустынного хранения» каменных артефактов «уровняла» их сегодняшним сходством обликов сохранности.

Коррадированные каменные артефакты присутствуют в сборах, вероятно, всех национальных археологий всех континентов, кроме Антарктиды. Это есть свидетельство глобальности суровых пустынных обстановок, их неоднократности, или периодичности, а в последовательности возникновения — глубочайшей древности, стало быть, и систематической неизбежности. Почти во всех публикациях палеолитических материалов Европы от Г. де Мартилье (1896) и Ж. де Моргана (1909) до А. Люмлеля (1969) эолово-коррадированные артефакты присутствуют в зарисовках и фотографиях. Они «распознаны авторами «интуитивно» как «древнейшие», но не объяснены по существу, как пережившие в своей «археологизации» не один цикл натиска пустынных ветров.

Археология коррадированных артефактов плейстоценового геологического прошлого — очень молодое знание. По существу, ему в нынешнем году исполняется только 50 лет, если считать от находок и описаний раннепалеолитических изделий Алпысбаевым в Южном и Центральном Казахстане в 1959 г. [Алпысбаев, 1979, с. 156] или 40 лет, если за исходный момент принять открытие и начало специального систематического изучения ансамблей коррадированных артефактов из кварцита в Южном Приангарье в 1969 г. иркутскими археологами [Медведев, 1971, с. 184]. Работы в Южном Приангарье открыли цикл Северо- и Центрально-Азиатских исследований коррадированных артефактов плейстоценовых ископаемых культур.

Этот цикл сегодня может быть охарактеризован, вероятно, в своем первом «промежуточном» положении, когда понятие всеобщности распространения ансамблей каменных коррадированных артефактов в плейстоцене разных регионов Азиатского континента приобрело статус «принятого» и «привычного», но, еще далеко не объясненного.

По Г.И. Медведеву (2001) первые артефакты из кварцита с «пескоструйной обработкой» оббитых поверхностей были зафиксированы в 1916 г. В.И. Подгорбунским в устье р. Витим, затем в 1929 г. М.М. Герасимовым — отдельные коррадированные кремневые пластины в Мальте — как «чужеродный элемент». В 1934 г. Н.И. Соколов и Н.В. Тюменцев нашли коррадированные чопперы в местности Малый Кот в бассейне р. Куда. Вероятно, подобные артефакты поднимал с поверхности высот Лено-Ангарского плато в 50-е годы XX в. А.П. Окладников. В 1967–1968 гг. А.М. Георгиевским, Г.И. Медведевым, Н.А. Савельевым единичные коррадированные изделия были найдены в основании многослойной культурной толщи местонахождения Сосновый Бор на р. Белой. Во всех означенных эпизодах эти находки обращали на себя внимание, но не были распознаны как прошедшие пескоструйную обработку палеопустынь. Даже в 1969 г., когда число подобных находок на высоком правобережье р. Ангары, являющегося западным фасом Лено-Ангарского плато, уже исчислялись сотнями единиц и древность их техноморфологии была очевидна, их еще именовали «окатанными» [Медведев, 2001, с. 268]. В 1974 г. коррадированные артефакты были обнаружены в раскопках Макарова IV на р. Лене [Аксенов и др., 1974, с.186].

Сегодня картографическая фиксация разведанных местонахождений, содержащих единичные экземпляры и ансамбли коррадированных артефактов из камня охватывает огромную территорию Евразии от берегов Каспийского моря до п-ова Камчатка, о. Сахалин, Курильских о-вов

и от Южной Гоби, Кызыл-Кумов и Прибалхашья до п-ова Таймыр. На этом пространстве уже известны сотни местонахождений древних каменных изделий, переживших в далеком геологическом прошлом экстраординарные ветровые обстановки плейстоценовых пустынь [Алпысбаев, 1979, с. 78; Деревянко, Петрин и др., 1999, с. 71, Деревянко, Артюхова и др., 2001, с. 5; Медведев, 2001, с. 268].

Все без исключения коррадированные артефакты всех известных местонахождений Северной Азии надо считать переотложенными, перемещенными, перезахороненными в отложения разных палеохроноландшафтных отделов плейстоцена. Включение коррадированных артефактов в соответствующие слои геологического вещества не является датирующим показателем, а только может документировать возраст какого-то по счету перезахоронения, всегда — не самого раннего [Медведев, 2001, с. 271]. К настоящему времени в археологической литературе обсуждается следующая группировка коррадированных каменных артефактов в схеме подразделений плейстоцена.

1. Композиции изделий из кварцитов различной цветности и зернистости, представленные формами продуктов расщепления, инструментами — скреблами, лимасами, чопперами, чоппингами, сравнимыми с широким спектром палеотехноформ олдована, ашеля, клектона, леваллуа, «средне-плейстоценового мустье» [Медведев, 2001, с. 269]. Артефакты несут на поверхности следы сильной степени пескоструйной обработки. За документированное основание границы одного из возможных ранних переотложений материалов группировки, составленной из артефактов местонахождений Монголии, Забайкалья, Южного Приангарья, Средней Лены, может быть принято датирование РТЛ отложений, содержащих культуру Диринг-Юряха: нижняя граница — 366±32 тыс. лет от н.д.; верхняя — 267±24 тыс. лет [Waters, Forman, Pierson, 1997, с. 1283] Истинный возраст группировки не выяснен, но он, несомненно, значительно более древний, вероятно, ранее 800 000 лет.

2. Группировка, объединяющая «мерцательные» проявления кварцитовых и эффузионных литотехнокультур раннего среднего плейстоцена, слабо изученная и описанная. Она составлена из ансамблей средней степени корразии. Наиболее выразительным комплексом принят материал Сахалинских местонахождений. Возрастная ниша переотложений группировки находится в области последнего отдела среднего плейстоцена [Василевский, 2003, с. 50].

3. Каменные артефакты слабой и в малом числе — средней степени корразии на продуктах расщепления самых различных горных пород, преимущественно яшмового, аргиллитового, кремнево-роговлисового состава — «макаровский пласт». Артефакты группы рассредоточены в отложениях верхнего плейстоцена.

Изделия из кварцита, кремня, яшмы, аргиллита — остроконечники асимметричные и угловые скребла из отщепов, скребла из отщепов и пластин, острия с бифасиальными насадами из пластин, боковые, концевые скребки из пластин и т.д. — средней и слабой степени корразии должны быть синхронны концу нижнего-среднего отдела муруктинского времени и соответствовать суммарно концу мустье — началу позднего палеолита. Макаровский пласт по числу включенных разнородных компонентов является, вероятно, еще более композитным (1 и 2 группы), но представляется на современном уровне изученности более «монолитным». Весьма интригующим является факт «узнаваемости» (идентификации) элементов макаровского пласта в находках коррадированных изделий далеко за пределами Приангарья и Верхней Лены.

Вероятно, в лице означенных группировок мы имеем крупные культурно-хронологические блоки, разделенные чрезвычайно большими промежутками времени и, возможно, не имеющие генетических связей. Сходство морфологии и технологий макаровского пласта с позднепалеолитическими комплексами Восточной Сибири кажется достаточно очевидным и представляет особый интерес для археологов палеолита Северной Азии в целом.

Таким образом, хроностратиграфическое и техноморфологическое «упорядочение» эолово-коррадированных артефактов Северной Азии, при всех сложностях интерпретации конкретных материалов, имеет положительное поступательное движение и перспективу в тематических геоархеологических исследованиях их содержания.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов М.П., Зубков В.С., Лынша В.А., Шуньков М.В. Новые местонахождения каменного века на Верхней Лене // АО 1974 года. — М.: Наука, 1975. — С. 185.

Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана = Lower paleolaolithic moniements of southern Kazakhstan: (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). — Алма-Ата: Наука, 1979. — 208 с.

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2003. — 54 с.

Высоцкий Б.П. Иоганнес Вальтер и его роль в развитии геологии. — М.: Наука, 1965. — 176 с.

Деревянко А.П., Артюхова О.А., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — 120 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Планиграфическое изучение палеолитических комплексов открытого типа в Северном Прибалхашье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Год. итог. сессии ИАЭТ СО РАН. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. — Т. V. — С. 71-76.

Карлов Н.Н. Классификация эолглиптолитов // Изв. / АН СССР. Сер. геол. — 1970. — № 1. — С. 83-88.

Медведев Г.И. Новые палеолитические местонахождения в долине Ангары // АО 1970 года. — М.: Наука, 1971. — С. 183-184.

Медведев Г.И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы евразийского палеолитоведения: Мат-лы докл. международ. симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — С. 267-272.

Медведев Г.И., Скляревский М.Я. Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с эоловой корразией обработанных поверхностей (возраст — культура — география) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. — С. 41-43.

Морган Ж. Доисторическое человечество: Общий очерк доисторического периода. — М.; Л: Госиздат., 1926. — 315 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо–Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древние этапы заселения человеком Америки. (Тр. Приленской археологической экспедиции): Доклад для междунар. Север. археол. конгресса. — Якутск: 2002. — 60 с.

Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. — СПб.: Типограф. Стасюлевича, 1886. — Т. 1. — 743 с.

Мушкетов И.В. Физическая геология. — СПб.: Изд-во Ин-та инженеров путей Сообщения, 1903. — Т. 2. — 915 с.

Николаев Н.И. История развития основных представлений в геоморфологии // Очерки по истории геологических знаний. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Вып. 6. — С. 3-117.

Тутковский П.А. Ископаемые пустыни северного полушария // Землеведение. — 1909. — Кн. 1. — С. 1-80; Кн. 2. — С. 81-160; Кн. 3. — С. 160-272; Кн. 4. — С. 272-373.

Щукин И.С. Общая геоморфология. — М.: МГУ, 1974. — Т. 3. — 384 с.

De Mortillet, Gabriel et de Mortillet, Adrien. La Prehistoire. — Paris: Librairie Schleicher Freres, 1896. — 709 p.

Selby M.J. Transverse erosial marks on ventifacts from Antarktica // New Zealand journal geology and geophysics. — 1977. — № 5. — P. 427-443.

Waters M., Forman S., Pierson G. Diring-Yariakh: A lower Paleolithic site in Central Siberia // Scince. — 1997. — Vol. 275. — P. 1281-1284.

Lumley-Woodyear H. de. — Le Paleolithique inférienr et moyen du Midi méditerranéen dans son cadre géologige (Ve suppl. á Gallia Préhistoire), 1969.

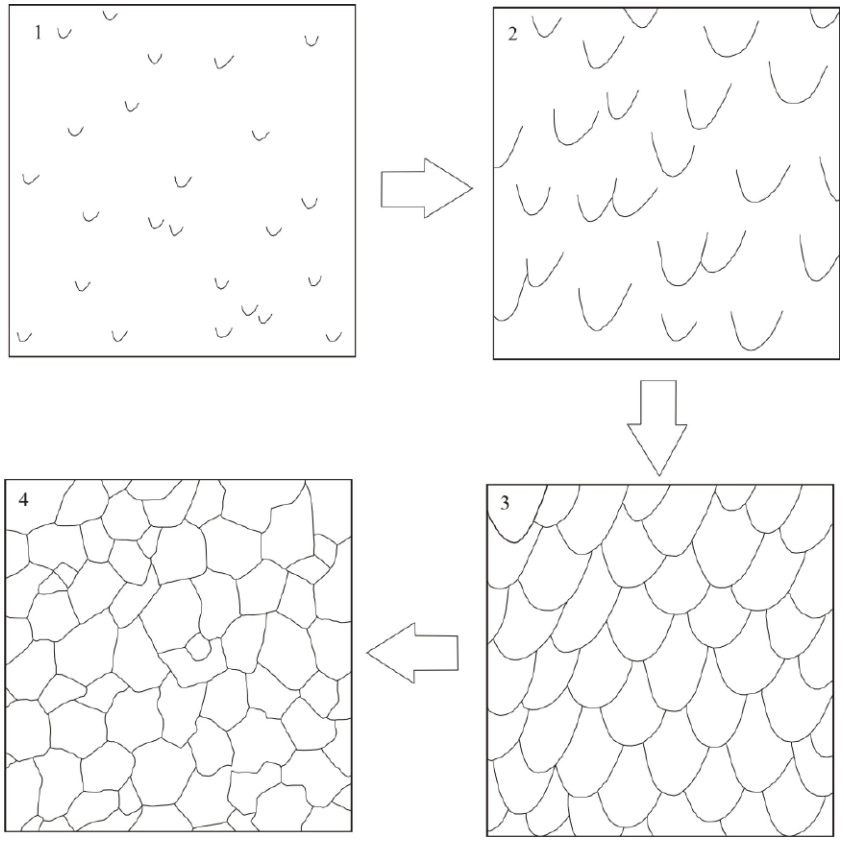


Рис. 1. Схема способов перемещения влекомого материала.

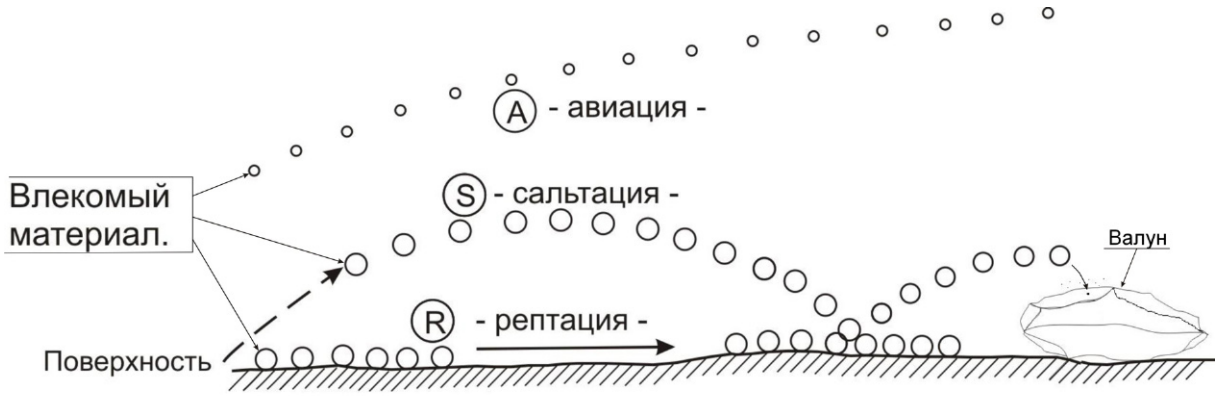


Рис. 2. Цикл корразии поверхности горной породы по Selby (1977).
Следы возникают изолированно друг от друга (1), затем, увеличиваясь (2), сливаются (3), и в конце за счёт полного соприкосновения сторон теряют свою параболическую форму, превращаясь в сетку многоугольников (4).

И.М. Бердников
Иркутск, Иркутский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ ДЕКОРА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ В АРХЕОЛОГИИ (ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ОПИСАНИЯ)

Введение в проблему и цель работы

Важнейшей частью описания и анализа изделий в археологии является морфология, которая включает в себя анализ цвета, формы и конструкции, размеров и декора. В отечественной археологии сложилось мнение о морфологии исключительно как о методе анализа формы и конструктивных частей, изучение же декора выделяется многими исследователями в отдельный раздел. Например, разработан метод системного анализа орнамента керамики и реконструкции орнаментальных традиций древнего населения, и метод периодизации археологических культур в неолите по данным изучения орнамента [Цетлин, 2007]. Однако применяя морфологический анализ, не стоит забывать, что декор является неотрывной частью оформления изделия, и изучение его отдельно от остальных составляющих морфологии нарушает целостность изучения предмета, тем более, когда речь идет о таком своеобразном археологическом источнике, как керамика. Форма и конструкция не всегда являются главным фактором при определении культурной принадлежности керамических сосудов. В то же время изучение принципов декоративного оформления сосудов, как одной из подсистем морфологии, дают порой более полное представление о формировании и распространении определенных традиций керамического производства во времени и пространстве.

В археологии к настоящему времени сложились разные подходы к изучению декора керамики. По мнению В.А. Скарбовенко, исследователь, занимаясь описанием декора (орнамента) керамики, руководствуется определенными схемами, программами описания, которые могут выглядеть как перечень рекомендаций, указаний, или же он применяет интуитивный подход, основанный на неких представлениях о предмете изучения; но в любом случае, схема описания или программа, при этом использующаяся, чем универсальнее, тем эффективнее [Скарбовенко, 1999, с. 199]. Хотелось бы обратить внимание исследователей древней керамики на предложения Ю.Л. Щаповой и ее учеников по системному описанию изделий в археологии в рамках естественнонаучного подхода [Щапова, 1991; Щапова, 2000; Кокорина, Лихтер, 2007]. Попытки создания универсальных схем для описания археологических источников не новы и далеко не всегда удачны. Но движение научной мысли в этом направлении, несомненно, играет важную роль, особенно учитывая тот факт, что археология давно перестала быть частью «чистого» гуманитарного знания, и методы точных и естественных наук, дающие оправданно положительные результаты, успешно применяются при анализе археологических данных.

При изучении декора керамических сосудов рассматривается техника исполнения, определяется принцип организации знаков, образования композиций, их сочетание и локализация. Как отмечал известный исследователь культуры народов Сибири С.В. Иванов, «…орнамент, являясь лишь одной из областей декоративного искусства, не заменяет собой всего многообразия его форм» [Иванов, 1963, с.5]. В действительности, в археологической литературе при описании керамики некоторые исследователи смешивают понятия декора и орнамента, считая их синонимами, в этом случае возникают неизбежные ошибки, и любая схема оказывается тяжелой для восприятия и неработоспособной. Сегодня это является значительным (но, вероятно, преодолимым) препятствием для взаимопонимания между археологами разных регионов России. Не менее важен также тот факт, что при описании керамики исследователи пользуются не только разными схемами, но и разной терминологией, при определении которой часто используются

вошедшие в научный оборот выражения, не отвечающие ни современному состоянию изученности вопросов описания и анализа археологических источников, ни элементарному соответствию понятийному аппарату.

Цель этой работы можно обозначить как предложение по уточнению терминологии и схемы для описания декора археологической керамики, подробно будут затронуты вопросы описания техники декорирования. Особенно это актуально для тех регионов, где изучению керамики уделяется неоправданно мало внимания. Исследование керамики в некоторых научных центрах Западной Сибири и Европейской части России находится на довольно высоком уровне, чего нельзя сказать о Восточной Сибири, где имеется не менее интересный материал, значительная часть которого до сих пор не обработана и не опубликована.

Декор и орнамент

Для начала необходимо определиться с основной терминологией и рассмотреть вопросы происхождения и правильного употребления терминов «декор» и «орнамент».

Декор, согласно русским словарям, происходит от латинского decoro — украшаю, и имеет значение «системы украшения сооружения или изделия» [СЭС, с.370]. Согласно терминологии, предложенной Л.С. Клейном, декор — это «совокупность предметно выделенных средств выражения, выполняющих по преимуществу эстетические, а также знаковые и изобразительные функции. А разновидностью декора может считаться орнамент. Есть и другие виды декора: отдельные украшения в личном уборе или оборудования жилища» [Клейн, 1991, с.359]. Последнее определение следует признать более точным, не забывая при этом, что эстетические функции декора выходят на передний план не сразу, и знак, по всей видимости, играл первостепенную роль при декорировании. Со временем акценты смещаются, и человеческое стремление к украшению изделий, определяющееся традициями, вкусами и предпочтениями, становится важнее знаковых функций.

Орнамент В. Даль толковал как «украшение, прикраса» [Даль, 1994, с.691]. А в малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона дано такое определение орнаменту: «…живописное или скульптурное украшение зданий, мебели и других предметов. Орнамент заимствует формы из царства животных и растений или состоит из геометрических фигур и линий. Бывает различных стилей…» [1994, с.831]. В современной литературе прочно закрепилось выделение орнамента как разновидности декора, и определение его как ритмически упорядоченного узора; изображения на предмете будут являться орнаментом в том случае, если присутствует ритм и симметрия (соразмерность), именно это отличает орнамент от других видов декора [Кокорина, Лихтер, 2007, с.86].

По мнению С.В. Иванова, орнамент представляет собой относительно устойчивый элемент художественной культуры, сохраняющийся на протяжении многих столетий и даже тысячелетий [Иванов, 1963, с.23]. Орнамент (как и декор в целом) рассматривается археологами как одна из многочисленных знаковых систем, где изображения имеют определенный смысл, но с развитием «ремесленного» (а затем и промышленного) производства от каменного века к новому времени уменьшается знаковая и увеличивается эстетическая функция декора [Кокорина, Лихтер, 2007, с.22]. Объект, имеющий знаковую природу, характеризуется двумя позициями: планом выражения, который материален, и планом содержания, который является носителем нематериального смысла. План содержания знаковой системы принято связывать с его семантическим аспектом, но семантические реконструкции — особая проблема, очень слабо разработанная в археологии, область, где не сформулированы даже общие теоретические принципы [Скарбовенко, 1999, с.202]. Поэтому, сегодня мы можем рассматривать орнамент пока только в аспекте плана выражения.

Композиция в декоре определяется организацией нескольких знаков, но может представлять собой и единичный элемент. Если знаков несколько, то организация их может быть как хаотичной, так и упорядоченной (по ритму или смыслу). Это будет называться типом композиции [Кокорина, Лихтер, 2007, с.38-39, с.138]. Исследователи древней керамики имеют дело преимущественно с орнаментом, т.е. типом композиции декора с ритмической организацией знаков. Основными видами орнамента, выраженными в категориях симметрии, являются: розетка (замкнутая фигура), бордюр (фигура, бесконечно продолжающаяся в одном направлении), сетка (фигура, бесконечно продолжающаяся в двух направлениях, по вертикали и горизонтали) [Там же, с.87]. Орнамент может быть организован при помощи различных знаков с определенным кодом: изображений животного мира (зооморфный, ихтиоморфный орнамент), человека (антропоморфный), растений (растительный или фитоморфный) и т.д. Археологи имеют дело преимущественно с геометрическим орнаментом, как наиболее распространенным видом декорирования археологической керамики (другие виды орнамента на сосудах встречаются реже [Горюнова, 2004]).

Следует упомянуть и о таком понятии как «орнаментальный мотив». Это повторяющаяся часть орнамента (раппорт) [Иванов, 1963, с.42]. Мотивы в рамках определенной культурной традиции являются довольно устойчивым элементом орнаментации изделий, в том числе и керамики. Какую смысловую нагрузку изначально несут орнаментальные мотивы в традициях декорирования, в большинстве случаев, к сожалению, определить невозможно, как нет возможности интерпретировать содержательную часть многих знаков.

Схема описания техники декорирования керамических сосудов

В предлагаемой схеме описания техники декорирования невозможно учесть все многообразие традиций керамического производства, но общие принципы здесь представлены. В случае необходимости ее можно дополнять и уточнять.

Техника декорирования подразумевает под собой общие технологические принципы декоративного оформления изделий, и представляет собой совокупность способов и приемов обработки поверхности изделия; делится на **рельефную**, **контр-рельефную** и **плоскостную**. Рельефная техника предполагает создание разнообразных выпуклых элементов на поверхности сосуда. Это различные по форме налепы, накладки, фигуры полного и неполного объема, рельефные бордюры, карнизы, фигуры, образованные в результате защипывания, вытягивания и выдавливания пальцами, ногтями (т.е. декор, создающий значительную деформацию плоскости в позитивную сторону). Контр-рельефная техника характеризуется способами обработки поверхности, оставляющими следы вдавлений, прочерчивания и резьбы. Плоскостная техника декорирования — это обработка поверхности без существенного изменения ее рельефа в какую-либо сторону.

В рельефной технике можно выделить *технику аппликации* и *технику выдавливания (вытягивания)*, в контр-рельефной — *вдавленную (продавленную), прочерченную, резную*. Плоскостная техника включает в себя *роспись, различные способы обработки и окрашивания поверхности сосудов до и после обжига* (таб.).

Плоскостная техника декорирования

В древности большого распространения в Сибири эта техника не получила (хотя находки такие встречаются [Медведев, 2007, с.420]), но следует отметить некоторые ее особенности. Существует множество способов, которые будут характеризоваться как особенностями инструмента, так и принципами нанесения на поверхность. Сюда входит: создание декора красящими веществами способами росписи, оттиска, прокатывания, негативного окрашивания (закрашивания фоновых частей декора); лощение, глазурование, окрашивание сосуда цветным шликером (ангобом); «сграффито» (процарапывание поверхности, покрытой шликером) [Сентенс, 2005].

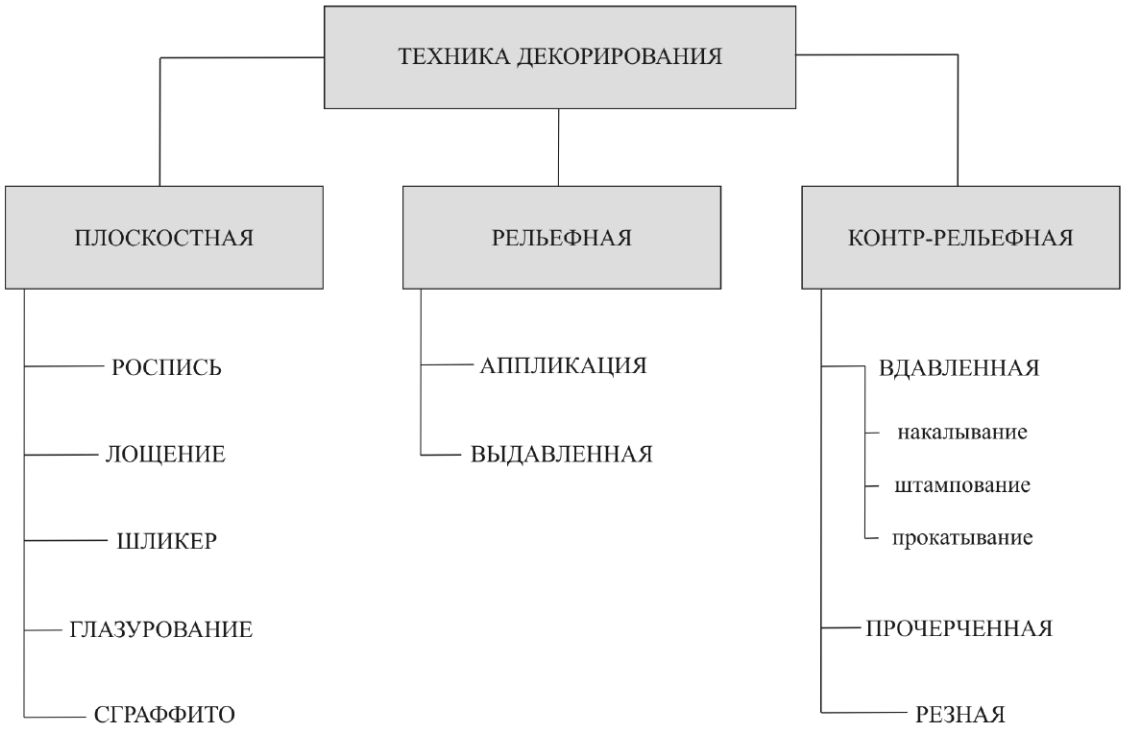


Таблица. Схема описания техники декорирования

Рельефная техника декорирования

Техника аппликации. Характеризуется способом налепа (накладывания и присоединения) на поверхность особым образом подготовленных фигур. Это может быть налепной валик определенной формы, с помощью которого формируется декор или заранее подготовленная объемная фигура, геометрическая или обозначающая одушевленный или неодушевленный предмет.

Техника выдавливания. Способом, определяющими данную технику, является получение определенных форм и фигур с помощью выдавливания и вытягивания глины с поверхности сосуда. Часто встречаются выдавленные формы, образованные в результате особого движения пальцев мастера по поверхности, т.н. «ногтевые защипы». Способом выдавливания и вытягивания пальцами также образовываются различные карнизы и рельефные бордюры.

Контр-рельефная техника декорирования

Вдавленная (продавленная) техника. Характеризуется способами, в результате применения которых на обрабатываемой поверхности остаются вдавления. Основных способов три: накалывание, штампование и прокатывание. Принцип постановки инструмента в некоторых случаях следует рассматривать в качестве составляющей приема.

Накалывание — способ, характеризующийся движением как перпендикулярным, так и под углом относительно поверхности; подразумевает особенности рабочего края инструмента (приостренные предметы: «палочка», «лопаточка» и т.д.). Приемы здесь выделяются следующие: прерывание — отдельно поставленные оттиски; шагание — движение инструмента с поочередным разворотом в крайних точках рабочего края инструмента; отступание — движение инструмента методом отступания назад без отрыва от поверхности с периодическим нажимом на поверхность.

Штампование — характеризуется перпендикулярным движением орнаментира определенной формы (оставляющим характерные оттиски штампа — гребенчатого, овального, треугольного и т.д.) относительно орнаментируемой поверхности. Если при выполнении декорирования данным способом инструмент с острыми гранями (например, «гребенка») поставлен под углом к поверхности, то его можно отнести к частному случаю способа накалывания. Приемы при штамповании используются те же, что и при накалывании.

Прокатывание — параллельное движение особым образом изготовленного орнаментира («колесика», инструмента с дугообразным рабочим краем) относительно плоскости, прокатывание которых по поверхности оставляет вдавленные оттиски. Основные приемы: сплошное прокатывание (движение инструмента без отрыва от поверхности) и прерывание (прокатывание с периодическим отрывом от поверхности) — для «колесика»; прерывание и шагание — для инструмента с дугообразным рабочим краем.

Прочерченная техника. Подразумевает способ движения инструмента по обрабатываемой плоскости, в результате чего на поверхности остаются характерные следы прочерчивания. К частному случаю этого способа можно отнести протаскивание (протягивание) орудия, изготовленного специально для штампования или накалывания, так как здесь наблюдается единый принцип в движении и, главное, в характере оставляемых следов. Приемы здесь существуют следующие: сплошное прочерчивание (протаскивание) и прерывание.

Резная техника. Отличается от прочерченной особенностями рабочего края инструмента, вследствие чего он оставляет резаный след на обрабатываемой поверхности. Способ по движению схож со способом, присущим прочерченной технике, но в характере оставляемого следа есть существенные отличия, что возможно диагностировать при внимательном изучении. В приемах добавляется насекание (насечка), которое по определению И.Г. Глушкова предполагает использование орудия, как с точечным, так и протяженным острым рабочим краем, и характеризуется коротким (резким) протаскиванием инструмента, который разрезает поверхность [Глушков, 1996, с.67].

Справедливости ради стоит отметить иные принципы, заложенные в основу описания техники декорирования керамических сосудов, использующиеся некоторыми археологами. Например, выделение только двух видов «орнаментации» — рельефной (куда входит любая деформация обрабатываемой поверхности сосуда) и расписной [Бутковская, 2002, с. 37].

Технический декор

В литературе, посвященной изучению керамики, часто можно встретить такой термин (иногда — *технический орнамент, псевдоорнамент, псевдодекор*). Технический декор представляет собой следы различного вида на поверхности сосуда, получающиеся в результате применения различных технических приемов и инструментов. Характеристика следов разная, это могут быть отпечатки шнура, плетеной сетки, штрихи (следы заглаживания поверхности определенным образом подготовленным инструментом), или же следы выбивки поверхности резной колотушкой. В литературе встречается и такой термин, как «имитативный декор» По определению И.Г. Глушкова «имитативный декор» — это «осознанное или неосознанное воспроизведение в декоре сосуда конструктивных элементов, характерных для другого материала или предмета» [Глушков, 1996, с.68]. Например, имитация под текстиль, так называемая «текстильная керамика».

Необходимо отличать технический декор от декора и орнамента, так как первый представляет собой, прежде всего, определенную часть технологического процесса изготовления керамики, как правило, не имеющая той значительной смысловой нагрузки, которая изначально присуща декору. Изучению технического декора керамических сосудов в археологии посвящено много работ как отечественных, так и зарубежных авторов, большинство исследований опираются на

статистические и экспериментальные данные [Глушков, Глушкова, 1991; Глушков, 1996; Жущиховская, 2004; Hurley, 1979].

Заключение

Терминология и некоторые позиции описания, представленные в данной работе, призваны помочь исследователям, занимающимся изучением керамических комплексов, правильно использовать опыт, накопленный за долгие годы изучения керамики в археологии. Проблемы описания декора, освещенные в данной работе, не потеряли актуальности, не смотря на большой выбор работ по этой тематике, год от года пополняющих и без того не малый список предложений и указаний. Следует признать право на существование других схем описания декора, отличающихся от схемы, предложенной в данной работе, если они детально представлены и логически обоснованы, и будут впоследствии полезны в исследовательских работах. Каждый археолог вправе использовать в работе с керамикой более удобный, на его взгляд, вариант описания и анализа, отвечающий требованиям поставленной задачи, в совокупности с опытом и интуицией. Не следует забывать также о необходимости ознакомления со всеми сложившимися и устоявшимися мнениями и при необходимости подвергать их конструктивному критическому анализу с целью глубокого понимания сути проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Бутковская Д.А. Орнамент и технология древнего гончарного производства // История и культура Востока Азии. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. — Т. II. — С. 36-37.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. — 328 с.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири) — Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ун-та, 1992. — 130 с.

Горюнова О.И. Антропоморфные изображения в искусстве глазковской культуры Прибайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2004. — Вып. 2.– С. 30-35.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М: ТЕРРА, 1994. — Т. 2. — 784 с.

Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. — Владивосток, 2004. — 312 с.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 500 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология. — Л.: Изд-во АН СССР, 1991. — 448 с.

Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. — М.: КомКнига, 2007. — 200 с.

Малый энциклопедический словарь: Репринт. воспроизвед. изд. Брокгауза — Ефрона. — М: ТЕРРА, 1994. — Т. 3. — 536 с.

Медведев В.Е. Общее и особенное в неолите юго-западной и северо-восточной частей Нижнего Приамурья // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. — Иркутск: Оттиск, 2007. — Т. 1. — С. 419-424.

Сентенс Б. Керамика: путеводитель по традиционным техникам мира. — М.: Астрель, АСТ, 2005. — 216 с.

Скарбовенко В.А. Структурные уровни орнамента // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. — Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. — С. 199-212.

Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1985. — 1600 с.

Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М.: 2007. — 47 с.

Щапова Ю.Л. Археология и морфология // СА. — 1991. — № 2. — С. 120-129.

Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. — 144 с.

Hurley W.M. Prehistoric cordage. Identification of impressions on pottery. — Washington: Taraxacum, 1979. — 154 с.

Н.Е.Бердникова, Г.А.Воробьева
Иркутск, Иркутский государственный университет

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ

Археология — это не история, вооруженная лопатой, а детектив, в котором следователь опоздал к месту происшествия на тысячу лет.

Не уподобляйся тому историку, для которого вся работа укладывается в два шага: сбор материала и написание текста. Тебе между этими двумя придется делать третий, основной — исследование.
Л.С.Клейн

Введение

Исчезнувшие древние культуры, сконструированные синкретичным мифологическим сознанием, являются нам только планов выражения в виде следов и остатков. План содержания последних, т.е. социокультурный смысл, исчез и большей частью нам не доступен.

Попытки наполнить содержанием археологические данные являлись непременным условием исследовательских программ на всем протяжении развития археологической науки. Возможности реализации этих программ обусловливались парадигмическими ситуациями науки.

Мы не будем останавливаться на обсуждении преимуществ или недостатков той или иной исследовательской программы, традиционалистической (исторической или реально (конкретно) исторической), процессуальной, постпроцессуальной, когнитивно-структурной и т.д., о возможностях и перспективах геоархеологических, палеоэкологических, этноархеологических исследований в процессе познания прошлого, поскольку эти проблемы широко отражены в литературе [Берсенева, 2004; Леонова, Виноградова, 2004; Корякова, 2002; Кузнецов, 2004; Медведев, 2008; Палеоэкология…, 2006; Сычева и др., 1998; Руководство…, 2000; Тетенькин, 2004, 2007; Томилов, 2004; Binford, 1983, 1989; Butzer, 1982; Grøn, 2005; Grøn, Kuznetsov, 2003; Grøn, Turov, Klokkernes, 2008; Kuznetsov, 2007; Rapp et al., 1998].

Нам хотелось бы обсудить проблемы распознавания и возможностей интерпретаций археологических следов и остатков, единственных информационных источников об ушедших культурах.

Представления о формах организации археологических остатков и следов

Исходя из принципа универсализма, основным культурным каркасом считается организация территории обитания в виде жилого пространства. Поиски и идентификация остатков жилища является центральной стратегической линией в археологических исследованиях.

В отечественной археологии идея присутствия разных типов палеолитических жилищ формировалась с первых шагов отечественного палеолитоведения. В 1922 г. Б.Э.Петри, обсуждая результаты раскопок Верхоленской Горы, высказывает предположение о наличии легких переносных жилищ типа чума [Петри, 1922]. В 1927 г. С.Н.Замятнин определяет вскрытый им комплекс на Гагаринской стоянке как остатки углубленного жилища [Замятнин, 1935; Александрова, 1998]. С этого момента в отечественном палеолитоведении берет отсчет «поселенческая» (реально или

конкретно-историческая [Васильев, 2008]) стратегия раскопок. При таком подходе, по мнению П.П.Ефименко, «центр тяжести исследования стоянок должен переместиться от изучения «слоя» к изучению всего комплекса находок в их естественной связи» [цит. по Васильев, 2008, с. 47].

Появляются такие понятия как «пол», «котлован жилища», «жилая западина», «костно-земляные жилища», «углубленные жилища», «очаг», «хозяйственные ямы», «ямы-кладовочки», «производственные центры», «костные и каменные конструкции», «рабочие площадки», «точки» [Гаврилов, 2007]. Принято считать, что формы организации таких структур свидетельствуют о наличии долговременных поселений. Выделено несколько типов долговременных жилищ [Палеолит СССР, 1984, с.189]. Многолетние исследования таких комплексов сформировали устойчивое представление, что «палеолитические поселения выступают в качестве основных хозяйственных центров, в которых осуществлялась достаточно сложная, многогранная домашне-хозяйственная деятельность первобытных коллективов, обеспечившая в эпоху расцвета позднего палеолита необычно высокий уровень развития их культуры» [Там же, с.197].

Парадигмическая революция, произведенная «новой археологией», в конце 50 — нач. 60-х гг. XX в. позволила осознать редукционистский характер объяснительных традиционалистских исторических (марксистских, культурно-исторических) эволюционистских моделей. Перенос центра исследовательской стратегии в рамках неоэволюционизма [Binford, 1968, 1983, 1989] на создание более адекватных моделей древних социумов и культур определил поиск обоснованных критериев определения жилых пространств, выявления степени инситности культурных остатков, определения длительности и сезона обитания, обоснованных и детальных аналогий и этнологических параллелей [Абрамова, Гречкина, 1990; Андерсон и др., 2007; Воробьева, Медведев, 1984; Гречкина, 1984; Инешин, 2006; Кузнецов, 1996, 2005, 2006, 2007; Леонова Е., 1988, 2004; Леонова, 1977; 1994; Леонова, Виноградова, 2004; Леонова, Несмеянов, 1991; Медведев, Несмеянов, 1988; Проблемы.., 1993; Палеоэкология…, 2006; Томилов, 2004; Grøn, 2005$ Grøn, Kuznetsov, 2003; Grøn, Sørensen, 1996; Grøn, Turov, Klokkernes, 2008; Kuznetsov, 2007].

Классической реализацией такой стратегии явились раскопки А.Леруа-Гураном и М. Брезийоном стоянки Пинсеван [Leroi-Gourhan, Brézillon, 1972; Leroi-Gourhan, 1984]. Предложенная А.Леруа-Гураном модель жилища, «включавшая очаг, концентрические зоны убывания числа находок по направлению к выходу от жилья, и почти лишенное находок спальное место в задней части постройки» [Васильев, 2003], обострили интерес к поиску и идентификации остатков легких наземных жилищ. Появляется понятие «поверхность обитания», внимание исследователей стали привлекать разнообразные окрашенные участки или «пятна», определялись направления и места выброса мусора, процессы очистки очага, широко стали использоваться микростратиграфический и планиграфический анализы, экономическое исследование фаунистических остатков, определение сезона функционирования комплексов, появляются разработки по археологической тафономии, предлагаются этноархеологические модели стратегий обитания и т.д.

В результате многим представляется достаточно ясным, как визуально определить в контексте отложений археологические признаки наземных легких сооружений [Васильев, 1994; Константинов, 1994; Константинов А., 2004; Кузнецов, 1996, 2005, 2006].

Прежде всего, это следы организованного огня, которые, как правило, определяются по наличию углистого пятна, имеющего в плане округлую или овальную форму. Выделяют собственно кострища — следы костра без каменных обкладок, и очаги, т.е. кострище с разнообразными каменными обкладками.

Рядом со следами костра отмечают приочажные скопления находок, которые располагались в пределах окрашенных углистых, реже охристых участков слоя. Они могут иметь вид округло-овальных пятен различных размеров и разнообразной ориентации.

Как в пределах выделенного жилого пространства, так и вне его определяют скопления артефактов, изолированные каменные выкладки, ямы и ямки, локальные окрашенные участки, отдельные скоплений артефактов, костей.

Одним из основных признаков наземного жилища считается каменная обкладка округлой, овальной и др. форм, выложенная по периметру окрашенных пятен и скоплений [Константинов А., 2004].

Но идентификация легких наземных жилищ при кажущейся простоте своей реализации оказалась далеко не однозначным процессом, особенно, как считает С.А.Васильев при отсутствии каменного ограждения территории предполагаемого жилища [Васильев, 2003]. Он же считает, что именно пространственный анализ позволит решить нам эту проблему. И для доказательства главного критерия наличия наземного жилища — выявления преград, создающих эффект ограниченного пространства — используются различные аналитические приемы: определение направлений связей ремонтажа, статистические методы (распределение плотности находок, микростратиграфия, модель «круга и сектора» Д. Штаперта) и т.д. [Васильев, 2004, 2008; Леонова, 1977, 1994; Разгильдеева, 2002; Палеоэкология…, 2006; Grøn, Sørensen, 1996; Pigeot, 1987; Stapert, 1992].

Но только ли в расширении корпуса методов и методик анализа археологических остатков лежит в действительности проблема идентификации жилищ?

Геоархеологические контексты

В современных словарях «контекст» (лат. contextus — тесная связь, соединение) определяется как «законченный в смысловом отношении отрывок текста, необходимый для определения смысла отдельного входящего в него слова или фразы» [Новый словарь…, 2006, с. 470] или «относительно законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 291].

В археологии, уходя от филологического смысла понятия, «контекст» воспринимается как совокупность явлений, находящихся в тесной связи, формирование которой обусловлено определенным смыслом. Т.е. «контекст» воспринимается также как часть «текста», если рассматривать разнообразие общественных явлений «текстом» в широком герменевтическом смысле.

Понятие «контекст» широко используется в геоархеологии, при этом выделяются разные уровни и формы контекстов [Butzer, 1985; Rapp et al., 1998]. В отечественной литературе термин «геоархеологический контекст» предложен М.В.Александровой [Александрова, 1998]. В ее понимании — это культурный слой. Она считает, что сформированное П.П.Ефименко «поселенческое» палеолитоведение создало «идеологию» раскопок, в которой геоархеологический контекст — культурный слой как единый археологический объект был разорван на два: культурный слой и остатки поселения [Александрова, 1998]. Как считает М.В.Александрова, при этом из исследовательского внимания «поселенческой» археологии исчез «культурный слой», изучать следовало «жилой комплекс», а культурный слой объявлялся помехой, которую необходимо было удалить.

Предложенный М.В.Александровой переход в «идеологии раскопок» от изучения поселений к исследованию геоархеологического контекста является результатом развития в 70-80 — гг. XX в. в отечественной археологии палеоэкологического и геоархеологического направлений. Вводятся понятия «культуросодержащий (культуровмещающий) слой (отложения)», рассматривается проблема выявления культурного слоя и определение степени его антропогенности [Медведев, Несмеянов, 1988; Леонова, Несмеянов, 1991; Леонова, 1994; Бердникова, Воробьева, 2001]; предлагается классификация археологических местонахождений по характеру культурных напластований [Медведев, Несмеянов, 1988; Леонова, Несмеянов, 1991; Медведев, Воробьева, 1998]. Выделены естественные и антропогенные элементы культурных уровней, рассмотрена динамика формирования отдельных структур культурных горизонтов, предложены классификации струк-

турных археологических элементов (археологических тел), культурных комплексов и ансамблей [Леонова, 1977; 1989, 1994; Медведев, 1983; Воробьева, Медведев, 1984; Медведев, Несмеянов, 1988; Леонова, Несмеянов, 1991; Сычева, Леонова и др., 1998]. Таким образом, сформировалось представление о том, что культурные остатки и следы являются включениями в геологические напластования и образуют целостную природно-культурную систему, где следы и остатки разных процессов, событий, явлений формируют в отложениях разнообразные контексты (геоархеологические контексты)..

Тем не менее, исследовательская практика ориентирована, прежде всего, на выявление «археологического контекста», т.е. на раскопки жилищ, очагов и др. структур обитания, идентификация которых, как правило, не вызывает сомнений [Гаврилов, 2007; Леонова, 1977, 1994; Леонова и др., 2006]. Результаты же деятельности человека, также как и результаты природных процессов и событий, которые фиксируются в виде остатков и следов, являются включениями в литологические слои, нарушениями и изменениями последних.

Культуросодержащими слоями, в которых культурные остатки определяются как находящиеся in situ, в стратифицированных археологических объектах являются, как правило, только палеопочвы и ни какие другие литологические слои. Остатки материальной культуры в культуросодержащем слое (палеопочве) можно рассматривать как инородные включения в литологический слой [по И.В.Иванову, 2001 — «археологическое вещество» в почве]. Поведение их в культуросодержащем слое в погребенном состоянии рассматривается в рамках археотафономии [Воробьева, Бердникова, 2001] и является таким же, как и у естественных включений, например, обломков горной породы, близких по размерам и форме.

Антропогенные включения (минеральные, органические), нарушения и изменения культуросодержащего слоя довольно незначительны по отношению к природному компоненту и постепенно утрачиваются в процесс тафономического цикла [Воробьева, Бердникова, 2001]. Особенно хорошо это проявляется в древних палеопочвах, где в результате воздействия биогенных и гипергенных процессов постепенно маскируются следы антропогенных нарушений и изменений слоя. Остаются только вещественные культурные остатки (каменные артефакты, манупорты, иногда костные остатки), которые воспринимаются как бы развешенными по всему почвенному горизонту [Ранов, Амосова, 1990; Ранов, Шефер, 2000].

В отложениях, в которых степень гипергенных изменений не столь выражена, характер антропогенных включений (остатки) и изменений (следы) достаточно хорошо определяются как визуально, так и аналитическими методами. Но тут возникает проблема, которую можно обозначить как проблема «узнавания». Эта проблема была рассмотрена Е.Б.Волосовой [Волосова, 1994, 1995]. Ею расширено понятие «узнаваемости», использованное Л.С.Клейном [Клейн, 1977], введено понятие «порога узнаваемости» фрагментов палеожизни [Волосова, 1994]. Рассмотрены четыре типа ошибок на уровне первичного «узнавания», которые возникают при исследовании археологического объекта и проведении любой социальной интерпретации [Волосова, 1995].

По Е.Б.Волосовой [Волосова, 1994] пороги узнаваемости зависят от временного разрыва между современностью и исследуемым прошлым, т.е. определяются степенью разрыва исторической памяти. Но, помимо социокультурных порогов узнаваемости, можно выделить еще порог узнаваемости, сформированный отсутствием современных аналогов природным процессам и явлениям древности.

К ошибкам «узнавания» отнесены ошибки модернизации, когда в качестве объектов-дифференциаторов используются более поздние аналоги. С этой ошибкой связана ошибка архаизации, когда «не древний источник толкуется как археологический». Имеется еще две связанные между собой ошибки «узнавания»: ошибка социализации, когда природное образование трактуется как культурогенное, и ошибка натурализации, когда артефактуальные объекты и следы рассматриваются как результаты природных процессов [Волосова, 1995, с.94]. Можно определить

еще одну ошибку узнавания, когда одно культурогенное образование принимается за другое культурогенное образование. Такая же ошибка характерна и при «узнавании» природных образований. Ее можно определить как ошибка замещения или замены. Эти ошибки «узнавания» формируются уже на уровне исследования геоархеологических контекстов.

Проблемы идентификации геоархеологических контекстов

Процесс идентификации геоархеологических контекстов заключается в преодолении ошибок «узнавания» и, прежде всего, в различении результатов природных и культурогенных процессов. Ведь следы нарушений культуросодержащего слоя (перекопы, перемещения части слоя) схожи с действиями животных-землероев, вывалами деревьев и т.д. Следы изменений в виде вытоптанности схожи с вытоптанностью на месте троп животных. Следы от организованных кострищ схожи со следами от пожаров.

Следы организованных костров. Одними из основных геоархеологических контекстов являются следы организованных костров — кострищ и очагов.

Визуально они выделяются, как правило, по совокупности признаков: по цвету, форме, присутствию конструкций, заполнению. По цвету и форме следы костров выглядят в плане как округлые или овальные неравномерно окрашенные черные, серо-черные, серые пятна с отдельными зонами красноватых и белесоватых тонов. Эти пятна отличаются по цвету от вмещающих отложений. Аналогичная цветовая окраска костровых пятен зафиксирована в экспериментах, при этом отмечено, что форма кострового пятна зависит от его типа [Волков, 1994]. В заполнении костровых образований встречаются угли, обожженные кости, камни.

В разрезе костер представляет собой естественно образующуюся линзу с определенным распределением цветовой окраски, плотности, включений. К сожалению, «стратиграфическое» строение костра в археологической литературе специально не обсуждалось. Исходя из наших наблюдений, как при исследовании палеокостров, так и при изучении современных кострищ, костровая линза круглого костра, много раз использовавшегося в течение определенных временных отрезков (от нескольких дней до нескольких недель) выглядит следующим образом: в верхней части располагается углистая черная, черно-серая, прослойка небольшой мощности (первые сантиметры), под ней — более мощная линзовидная прослойка красных оттенков (так называемый прокал), в нижней части иногда может располагаться маломощная прослойка черного цвета. Общая мощность костровой линзы может варьировать от первых сантиметров до первых десятков сантиметров. Наибольшая мощность прокала (до 0,80 м) отмечена в современном кострище, которое располагалось на поверхности задерновых слабо связанных эоловых песков. При этом кострище использовалось около двух недель.

Образование костровой линзы обусловлено самим процессом горения. Костер относится к слоевому способу сжигания твердого топлива. При его горении доступ воздуха к центру процесса затруднен, и центральная зона костра становиться зоной «производства топливного газа (зоной газификации твердого топлива)». В процессе горения она фиксируется длинным пламенем. По краям костра идет быстрое смесообразование кислорода и топливного газа, этот процесс фиксируется коротким пламенем [Кнорре, 1955, с. 156-157]. Центральная часть костра является самой высокотемпературной зоной, по краям костра в зоне быстрого смесообразования температура несколько ниже.

Средняя температура в центральной части костра у поверхности грунта до 300-500°С, температура пламени костра 700°С и выше. Под действием высоких температур происходит дегидратация и окисление железо-марганцевых веществ, пропитывающих глинистую фракцию грунта и присутствующих в виде пленок на поверхности песчано-пылеватых частиц. В зависимости от влажности грунта и температуры прокала образуются различные гидроксиды, оксиды и их смеси. Тонкодисперсный лимонит (смесь оксид-гидроксидов железа) не требует сильного иссушения и

очень высоких температур. Его образование приводит к прокраске грунта в желтый и охристо-бурый цвет. Более высокие температуры благоприятствуют образованию гетита (FeOOH), прокрашивающего грунт в буро-коричневый цвет. Конечный продукт окисления и дегидратации гематит (Fe2O3) придает прокалу красный цвет. Известно, что дегидратация гетита с его переходом в гематит происходит при температуре около 400°С и выше.

Нагревание и иссушение грунта под костром вызывает подтягивание сюда влаги из более влажных глубжележащих слоев. Вместе с влагой к фронту высыхания мигрируют содержащиеся в ней вещества. В результате под костром начинается аккумуляция различных веществ, в том числе железо-марганцевых органо-минеральных комплексов и бикарбонатов. Высокие температуры и наличие кислорода приводят к окислению комплексов — сгоранию органики и образованию оксидов и гидроксидов железа и марганца. Марганец-содержащие вещества переходят в черные, похожие на сажу гидроксиды и оксиды — псиломелан (смесь) и пиролюзит (MnO2). Зоны, из которых железо и марганец мигрировали к фронту иссушения, оказываются осветленными и приобретают палевую окраску. Как показывают наблюдения, под линзовидными образованиями красно-коричневой окраски на осветленном фоне иногда формируются черные сажистые новообразования марганца и охристые новообразования гидроксидов железа в виде пятнышек и разводов. На поверхности красно-коричневой линзы возможно присутствие недогоревших древесных остатков в виде черного углистого вещества, а по краям кострища фрагментов обугленных почвенных гумусовых или органогенных горизонтов.

Как отмечает Г.Ф.Кнорре, хорошо организованный костер, особенно при его больших размерах, является достаточно устойчивым и хорошо выдерживает воздействие ряда посторонних факторов, таких как холод, ветер и т.д. [Кнорре, 1955]. И чем больше костер, тем более высокую температуру горения может он иметь. Немаловажное значение имеет и характер используемого топлива. Но, к сожалению, мы не имеем пока специально организованных наблюдений по изучению этих особенностей костров. Отсутствуют рецентные образцы низкотемпературных костров, например, дымокуров.

В карбонатных отложениях действие высоких температур провоцирует подтяжку бикарбонатов к зоне иссушения. Карбонатные новообразования подобного генезиса отмечены в археологических объекта, расположенных в устье р. Белой (левого притока Ангары): в кострищах XVI к.г. Усть-Белой; в отложениях Галашихи [Бердникова, Воробьева, 2002; Воробьева, Бердникова, 2003].

На Галашихе скопления мелкого крапа карбонатов зафиксировано вокруг фульгурита — ветвистой полой трубочки диаметром около 5-6 мм, образовавшейся от сплавления песчинок при ударе молнии в землю около 12 тыс. л.н. Удар молнии вызвал коробление палеоповерхности слоя, уплотнение грунта, его иссушение и миграцию карбонатов к фульгуриту.

Мгновенное повышение температуры до 1000-1200°С и более привело к частичному плавлению зерен кварца и полевых шпатов, испарению влаги и появлению хрупкого трубчатого тела с оплавленной внутренней поверхностью. Однако разряд молнии не привел к образованию гетита или гематита, т.к. высокая температура была вызвана не горением (окислением), а электрическим разрядом. Зеленоватый цвет стеклообразного вещества, образовавшегося от расплава минералов, свидетельствует о закисной форме железа и восстановительной обстановке на участке пробоя грунта.

Наличие высокотемпературного воздействия может быть определено ЭПР-методом, археомагнитным методом. С помощью ЭПР были исследованы обожженные кости из Сварткранса (1,5 млн.л.н.). В результате установлено, что кости были обожжены при температуре около 600°, т.е. в костре, а не в низкотемпературном (около 300°) пламени лесного пожара [В Южной Африке … http://lenta.ru/world/ 23.03.2004; Bones … http://news.bbc.co.uk/2/hi/science/nature/3557077.stm 22.03.2004].

На местонахождении Гешер Бенот Йа'аков (Израиль), относящегося к ашелю (790 тыс.л.н.), древние костры выявлены по скоплениям обожженных камней (базальт, кремень, известняк размерами от 2 до 20 мм). Их идентификация как побывавших в огне, проведена по наличию микротрещин, которые, как считают исследователи, появляются в результате высокотемпературного нагрева (350-500°С). Для таких организованных костров, у которых не сохранились выраженные характерные пирогенные следы, авторы употребляют термин «фантомные очаги». Они относят их к группе «structures latentes», понятие о которых введено А.Леруа-Гураном. Он считал, что конструкции неявно выраженных латентных комплексов можно определить по структурным особенностям пространственного распределения артефактов [Альперсон-Афил, Горен-Инбар, 2005].

Костровые следы очень схожи с другими геоархеологическими контекстами, выраженными в плане в виде пятен. Иногда сложно отличить искусственные пирогенные следы от следов палеопожаров и сгоревших корней деревьев [Newell, 1981]. Следы от выгоревших корней деревьев в разрезе выглядит как довольно глубокая яма (50-80 см) с наклонными неровными стенками и с заполнителем коричнево-красных и палевых оттенков, с углистыми пятнами, которые внутри ямы часто представлены вогнутыми линзами, редко вертикальными. Следы от палеопожаров могут быть выражены в виде горизонтального пятнистого прослоя красноватых оттенков или углистого прослоя, небольшой мощности. Они, как правило, занимают довольно большую площадь.

Пятна, западины, ямы. Планиграфический рисунок этих контекстов визуально близок к искусственным пирогенным следам. Можно выделить пятна-следы от органических остатков. Это могут быть остатки древесины, меха, кожи и т.д. Древесные следы могут быть в виде округлых пятен, полос черного цвета. В особых геохимических ситуациях следы от древесины могут и не иметь углефицированного вида. Такие следы от деревянных жердей в виде белесых полос встречены на дне могильной ямы в одном из ранненеолитических китойских погребений Шумилихи [Бердникова, Ветров, 2000, 2000а]. Подобные следы зафиксированы П.В.Мандрыкой в финально-плейстоценовых комплексах Сопки II (Енисей) [доклад П.В.Мандрыки на пленарном заседании XLV РАЭСК, Иркутск, 2005 г.]. Такой цвет пятен объясняется псевдоморфным замещением органического вещества дерева карбонатами, при этом имитировалась текстура древесины.

Следы от других органических остатков представляют собой пятна разной формы с черным, серо-черным окрасом и имеют разные размеры — от небольших, аналогичных по конфигурации костровым пятнам, до окраски больших площадей. Мощность пигментированного субстрата, как правило, небольшая, первые сантиметры, отсутствуют явные пирогенные следы. В составе таких пятен могут быть разнообразные включения, например, куски и пятна гематита, лимонита, отдельные угольки.

Встречается окраска слоев природными красителями, например, в III к.г. Мальта-Мост 1 площадь обитания была посыпана искусственно размельченным гематитом. В результате этого отложения в зоне посыпки приобрели розоватый оттенок, а гематит фиксировался в виде многочисленных мелких отдельностей.

Не всегда исследователь может определить природу окраски отложений. Как пишет Е.В.Леонова «В связи с какими природными (химическими) процессами возникает красновато-бурая (оранжевая, темно-рыжая) окраска песка, мне не известно, возможно, под антропогенным воздействием) [Леонова Е., 2004, с.52].

Особого внимания требуют различные ямы и западины. Иногда довольно затруднительно определить их искусственный характер и отличить от естественных образований. Например, одна из «мезолитических ям» объединенного горизонта Усть-Белой [Мезолит…, 1971] фактически является зоной накопления археологического материала из разрушенного культурного слоя под уступом размыва. Известна ситуация с углубленными жилищами — «землянками» верхне-

палеолитической стоянки Тимоновка 1, которые оказались заполнениями криогенных трещин [Леонова и др., 2006].

Легко можно перепутать ямы от вывалов деревьев [Newell, 1981], следы от которых часто встречаются в горизонтах современной почвы, с антропогенными ямами, особенно, если в последних отсутствует артефактуальное заполнение. С подобной ситуацией мы столкнулись при исследовании погребальных комплексов могильника Галашиха [Бердникова, 2001].

Каменные конструкции. Как правило, отдельные камни, если культуровмещающий слой не включает в себя естественный галечный или щебнистый материал, однозначно воспринимаются как искусственно принесенные — манупорты. Расположение этих камней, их сочетания рассматриваются как остатки каких-либо конструкций: обкладка очагов, обкладка контуров наземных жилищ; подставки для расщепления камня, гати для обустройства топких мест и т.д. [Константинов, 1994; Константинов А., 2004; Васильев, 1994, 2003].

Однако, в аллювиальных отложениях известны естественные горизонтальные валунно-галечные и плитчатые отмостки, образованные при ледовом переносе материала. Например, в манзурском аллювии на р. Лене, в пойменных отложениях на Усть-Белой. Грубообломочный материал может попасть в мелкоземистые толщи отложений и в результате каких-либо кратковременных выбросов грязекаменных, воднокаменных потоков или обрушений выходов скальных пород, что определяют локальные особенности рельефа территории.

Нам представляется, что одним из основных моментов в процессе исследования каменных конструкций является определение стратиграфического положения и соотношение камней с другими составляющими культуровмещающего слоя. Также необходимо направлять внимание на анализ различных нарушений, как положения камней, так и поверхности слоя.

Проблемы интерпретации геоархеологических контекстов

В интерпретационных построениях археологических структур, с одной стороны, используют опыт предыдущих раскопок и житейский опыт. Такую ситуацию для «понимания археологических признаков жилищ эпохи палеолита» на первых этапах становления конкретно-исторического (поселенческого) палеолитоведения отметил К.Н.Гаврилов [Гаврилов, 2007, с.33]. С другой стороны, разрабатывается подход на выявление «таксономического уровня структурообразующих элементов стоянок и поселений применительно к их пространственной организации», который основывается на принципе «доминантности». При этом считается, что доминантность той или иной структуры, помимо функционально стабильных объектов, определяется только при выявлении композиционной структуры слоя, а выявление групп объектов определяется их положением относительно древней поверхности обитания (классы углубленных и наземных объектов) [Там же, с.35]. В этом подходе пытаются совместить традиционную интерпретацию жилых поверхностей (древних поверхностей обитания) с пространственным анализом, основанном на микростратиграфических, статистических исследованиях.

При рассмотрении оказалось, что именно идентификация визуально определяемых геоархеологических контекстов (так называемых «функционально стабильных объектов») оказывает основное влияние на их интерпретацию. Анализ литературы показал, что многие исследователи воспринимают естественно образовавшиеся вогнутые линзы кострищ как остатки костров, располагавшихся в искусственном углублении: «искусственно вырытые чашеобразные ямки» [Васильев, 1994, с. 159; 1996, с.186]; очаги в блюдцеобразных углублениях (класс углубленных объектов) [Гаврилов, 2007, 2008]; очажные ямы [Палеолит Енисея…, 2005], очаги в искусственных углублениях [Деревянко, Рыбин, 2003; Ташак, 2003]. Существует интерпретация костровой линзы как многослойного заполнения с перерывами использования [Константинов А., 2004, с.91-92, 102]. Линзы прокала воспринимаются как скопления красной минеральной краски (охры)

[Велиндер, 2001; Гаврилов, 2008]. В то же время углистые пятна, мощностью 1-3 см интерпретируются как очаги «без намеренного углубления» [Кузнецов, 2001].

Углистые, углисто-золистые пятна с отдельными находками интерпретируются как приочажные пятна, как шлейфы выброса при очистке очагов, как остатки наземных жилищ [Васильев, 1994; 2008; Васильев и др., 2005; Леонова Е., 2004]. Но, к сожалению, как правильно отмечает Е.В.Леонова, генезис и состав таких пятен не определялся и специальных анализов никто не проводил [Леонова Е., 2004]. Только для углубленной западины в финальнопалеолитическом слое стоянки Подол III/1, которую автор раскопок Г.В.Синицына определила как остатки жилища, данные палеоботанического анализа показали, «что пол жилища был покрыт сосновой хвоей» [Васильев и др., 2005, с.46].

Особого внимания в культуросодержащих слоях поселений требуют к себе каменные выкладки в сочетании с другими геоархеологическими контекстами. С.А.Васильев в позднепалеолитических комплексах Сибири выделил очаги, скопления плит и валунов, рассеянных по площади, кольцевые конструкции (опора для столба), изолированные горизонтальные выкладки [Васильев, 1994, с. 162-163]. Каменные выкладки, составляющие с другими контекстами определенный планиграфический рисунок: округлое пятно находок, кострище или очаг и выложенные почти по кругу плиты или валуны однозначно интерпретируются как остатки легкого наземного жилища [Константинов, 1994; Константинов А., 2004, Васильев, 2008].

При такой интерпретации выделяются две доминанты: наличие очага и каменной конструкции, каким-либо образом оконтуривающей предполагаемую жилую зону. Наиболее известными являются так называемые остатки наземных жилищ из позднепалеолитических комплексов Забайкалья [Константинов, 1994; Константинов А., 2004; 2005; Кузнецов, 1996, 2001, 2005; Разгильдеева, 2002, 2003; Черенщиков, 1998].

Из опубликованных данных по более чем 40 очагам из этих комплексов видно, что только в нескольких случаях зафиксированы характерные пирогенные следы, а в основном это углефицированные пятна, мощностью 1-3 см с каменными выкладки, которые, как считают исследователи, образуют очажную конструкцию. В нескольких случаях эти пятна представляли собой черную вязкую массу с серыми примазками [Константинов А., 2004, с. 103]. При этом отмечается, что углистое пятно наблюдается и под очажными камнями [Константинов А., 2004, с.47, с. 155]. Как комментируют исследователи, такая ситуация, на их взгляд, «свидетельствует о том, что человек сначала разводил огонь, а уже затем сооружал очажную обкладку» [Константинов А., 2004, с.155].

Контурные каменные выкладки однозначно трактуются как обкладки легких наземных жилищ типа чума. Разрывы в каменных выкладках рассматриваются как вход в жилище. Но отмечается, что под камнями жилищной обкладки находятся артефакты и «создается впечатление, что они [артефакты] подтолкнуты под» камни [Константинов А., 2004, с. 102].

При интерпретации забайкальских комплексов как остатков наземного жилища для обоснования достоверности своих выводов исследователи опираются на этнографические параллели и результаты собственных «экспериментов» [Константинов А., 2002]. Фокус их внимания при аналоговых операциях направлен, прежде всего, на наличие внешней обкладки и присутствие очага. По их экспериментальным данным [Мещерин, 2004] остатки наземного костра выглядят как описанная нами выше костровая линза с дифференцированными слоями. На камнях обкладки, которая существовала в процессе использования очага, сохранились следы термического воздействия в виде трещин и сажистого налета. Но эти признаки не отмечаются для большинства очагов археологических комплексов Забайкалья. Поэтому вопрос о наличии костров в так называемых позднепалеолитических «жилищных комплексах» Забайкалья остается открытым.

Каменная обкладка основания покрытия чума при проведении экспериментов была необходима и обязательна, поскольку покрытие было изготовлено из брезента, довольно легкого материала, для которого характерна большая парусность. Этнографические данные предоставляют небольшое количество аналогов по наличию каменной обкладки жилищ, притом практически современных [Константинов А., 2002, 2004].

В качестве этноархеологических параллелей забайкальским жилищным комплексам использованы результаты наблюдений над остатками структур обитания современных эвенков на одном локусе пребывания [Кузнецов, 2006; Kuznetsov, 2007]. При этом не принимаются во внимание данные о наличии многообразных каменных конструкций, зафиксированных на территории Забайкалья [Афанасьев, Рафибеков, 2003; устное сообщение В.М.Ветрова], на Крайнем Северо-Востоке Азии [Воробей, 2002]. Последний, называя такие кладки «кластоформами» и отмечая большое их разнообразие, пишет, что хронология, культурная принадлежность и функции этих конструкций пока остаются неопределенными.

Имеющиеся данные по позднепалеолитическим комплексам Прибайкалья и наши наблюдения позволяют сделать выводы, что вряд ли возможно однозначно интерпретировать сочетание пятна находок, кострища и каменных выкладок как остатки легкого наземного жилища и тем более, определять его как чум.

Наиболее показательными являются данные, полученные по III к.г. археологического объекта Мальта-Мост-I, расположенного на правом берегу р.Белой (левый приток Ангары) на нижней окраине с.Мальта [Бердникова, Воробьева, 1995; Бердникова и др.. 2005]. Здесь зафиксирован комплекс, состоящий из кострища и пятна находок, по площади которого было уложено 30 плит нижнекембрийских доломитов размером от 10 до 60 см в поперечнике. Эти плиты образовывали как бы круг. Вся поверхность пятна находок была посыпана порошком из тертого гематита.

Костровая линза имела дифференцированный профиль отопительного костра. На ее поверхности находилась доломитовая плита. Камень был положен на остывший костер, на что указывает отсутствие растрескивания, расслаивания и следов огня в виде изменений окраски его поверхности. Доломит чутко реагирует на повышение температуры, поскольку он довольно легко впитывает воду, которая при нагревании испаряется, что ведет к растрескиванию породы.

Детальное изучение сохранившихся под плитами карликовых почв дало возможность получить следующие данные. Человек поселился на этом участке террасы р.Белой, когда здесь была сформирована почва с карликовым профилем А-В-С, где А — малогумусовый горизонт до 5 см мощности, В — буроватый срединный горизонт (камбик) мощностью 5-7 см. Степень развития почв и характер почвообразовательных процессов позволяют считать, что этот участок был покрыт изреженной остепненной растительностью, возможно, с редкими деревьями и кустарниками. Почвы обладали повышенной рыхлостью, в связи с чем в них легко вдавились пластина и костные остатки. О рыхлости также свидетельствует поверхность почвы под плитами, зеркально повторяющая все неровности нижних плоскостей плитняка.

Каменные плиты были принесены человеком на уже освоенный участок, поэтому почва под плитами имеет разную степень сохранности. Поселение человека привело к быстрой деградации почвенного покрова. Имеющиеся материалы позволяют составить план-схему рекреационной нагрузки. На этом плане выделялись участки с разной степенью нарушений почвенного покрова, которые свидетельствуют об интенсивности хождения по ним человека. Наиболее утоптанная территория находится за пределами пятна находок, маркированных плитами. Внутри пятна выделяются разные участки утоптанности, среди которых можно определить что-то вроде тропинок (проходов), есть участки (не только под камнями), по которым не ходили, и участки, интенсивность хождения по которым был невелика.

Удалось реконструировать стадии процесса обитания на данной территории. Первая стадия связана с хозяйственно-бытовой деятельностью: обработка камня, продуктов охоты, разведение огня и т.д. Вторая стадия предшествовала по времени появлению на этой поверхности плит и связана с посыпкой площади обитания минеральной краской. В результате этого 130 м2 наиболее активно используемой площади было посыпано растертым в порошок гематитом (кровавиком). Окраска кровавиком была приурочена к кровле почвы, вмещающей культурные остатки. Кровавик, вероятно, отбирался из пестроцветных глинистых кор выветривания дочетвертичного возраста. Корни таких кор выветривания сохранились на левобережье реки Белой у села Мальта, а, возможно, были известны древнему человеку и по правому ее берегу, где-нибудь вблизи стоянки. На третьей стадии на посыпанную кровавиком поверхность были уложены плиты доломита, об этом свидетельствует то, что почти под всеми плитами культуровмещающие отложения нарушены, а под многими плитами находились артефакты.

Проведенные геоархеологические наблюдения не позволяют нам однозначно интерпретировать каменные плиты как остатки конструкции наземного жилища. В зафиксированной позиции они, как и посыпка минеральной краской, являлись «защитным экраном» над оставленной территорией обитания.

Каменная плита на поверхности кострища также не являлась обкладкой очага, а закрывала его после окончания его эксплуатации. Подобное положение камней на костровых пятнах зафиксировано и на других позднепалеолитических комплексах Прибайкалья.

На то, что камни нередко укладывались на костры в заключительной стадии их функционирования или после, указывает и температура нагрева очажных камней. Так, для каменной обкладки из 8 к.г. Усть-Каренги XII (Верхний Витим) К.С.Бураковым и И.Е.Начасовой археомагнитным методом была определена температура нагрева в 120-240°С [устное сообщение В.М.Ветрова]. Ими же для 7- 6 к.г. горизонтов Большого Якоря 1 (Средний Витим) для очажных камней определена температура нагрева в 200-250°С и эти камни, по их мнению, могли использоваться как сковородки [Бураков, Начасова, 1992]. Авторы раскопок, ссылаясь на их заключение, отмечают, что каменная обкладка очагов происходила на заключительной стадии, и нагрев камней происходил однократно [Инешин, 2006; Инешин и др., 2004].

Как обрядовое (культовое) закрытие очагов и «кормление» огня интерпретировал В.И.Ташак особенности конструкций очагов в составе позднепалеолитических комплексов 3 к.г. местонахождения Подзвонкая (юг Забайкалья) [Ташак, 2003, 2004].

Таким образом, мы видим, что результаты геоархеологических наблюдений дают больше аргументов в пользу интерпретации каменных конструкций как результата знаковых действий, возможно с полисемантической нагрузкой: сохранение бывшей территории обитания, маркирование бывшей территории обитания в пространстве, сохранение самих людей от негативных воздействия бывшей территории обитания и т.д.

Последняя смысловая нагрузка фиксируется и у современных эвенков, как Прибайкалья, так и Забайкалья. Исследователи отмечали, что на месте прежней стоянки эвенки никогда не использовали старые кострища, никогда не ставили чум на то же самое место. Объясняли они эти действия тем, что там плохо. Место прежнего проживания не использовалось до того времени, пока следы предыдущего обитания были видны. После того, как происходило задернение кострища и исчезновение других маркеров, т.е. не оставалось воспоминаний, это место могло использоваться снова [Туров, 1990; устные сообщение М.Г.Турова, А.И.Арбатского]. Мы можем предположить, что это проявление очень древнего архетипа. Многомерное изучение архетипов проксемических действий, видимо, дело будущих исследований.

Заключение

Возможности интерпретаций геоархеологических контекстов более широки, чем мы уже обсудили. Мы не касались вопросов длительности обитания, определения сезона обитания, проблем археологической компрессии, корректности и границ компаративных операций и т.д. Однако переход к интерпретационным моделям возможен только при условии методически обоснованных геоархеологических наблюдений и выводов. Избежать ошибки «узнавания» при анализе контекстов позволяют именно геоархеологические подходы и методы, интегративные по сути, которые выступают как составная часть контекстуальной археологии, в рамках которых основным объектом исследования является геоархеологический объект [Медведев и др., 1996; Медведев, 2008], а предметной областью выступают геоархеологические контексты как источниковая основа эшелонированного исследования для решения проблем реконверсии информации [Клейн, 1999, 2001, 2004],.

При исследованиях многомерных, политетических образований, коим является социум как живой, так и археологизированный, противопоставление исследовательских стратегий нам представляется некорректным. И геоархеология не может восприниматься как «парадигма зрелого научного консерватизма» [Тетенькин, 2003, с.13], которая «не адекватна потенциально наиболее информативным объектам…как многослойные местонахождения «инситных» комплексов финального палеолита-неолита Прибайкалья…, и на практике занижает их реальные информативные возможности и тормозит развитие методов их исследования» [Там же, с. 15].

Использование разнообразных исследовательских стратегий при изучении палеосоциумов в соответствии с уровнем проводимого исследования должно быть обеспечено методами, методиками по аналогии с теми, которые используют естественные науки (обоснованность, последовательность выполнения, проверяемость достоверности результатов), а также обеспеченно банком данных разнообразных палеоситуаций и их «живых» аналогов.

Только тогда возможно предпочтение какой либо интерпретационной модели, наиболее полно удовлетворяющей результатам проверяемых наблюдений и с наименьшими противоречиями объясняющей их.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Культурный слой как отражение определенной конкретно-исторической реальности // КСИА. — 1990. — № 202. — С. 9-12.

Альперсон-Афил Н., Горен-Инбар Н. Археологические данные, свидетельствующие о контроле и использовании огня в период раннего и среднего плейстоцена на местонахождении Гешер Бенот Йа'аков (Израиль) // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. — Новосибирк: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. — С. 5 — 8.

Андерсон Д. Дж., Виньковская О.П., Вологина Е.Г., Вершинин К.В., Инешин Е.М., Кузнецов О.В., Кулагина Н.В., Штурм М. Палеоэкологический подход в этноархеологических исследованиях стоянок охотников- оленеводов Байкало-Патомского нагорья (предварительные результаты) // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. — Иркутск, Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. — С. 408 — 413.

Афанасьев С.А., Рафибеков Э.М. Каменные кладки в горно-таежных районах Забайкалья // Забайкалье в геополитике России. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. — С. 8-9.

Бердникова Н.Е. Геоархеологические объекты в устье Белой. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель международ. симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. — Т. 2: Бельский геоархеологический район. — С. 113-146, 210-240.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М. Использование дерева древним человеком // Реакция растений на глобальные и региональные изменения природной среды. — Иркутск: Изд-во Twin, 2000. — С. 18-19.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М. Новый ранненеолитический могильник в устье р. Белой (Байкальская Сибирь) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. — Т. 1: Археология. Этнология. — С. 44-50.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Новое местонахождение Мальта-Мост I (Прибайкалье, р.Белая). Палеоэкологический аспект в исследовании // Природные ресурсы, экология и социальная среда в Прибайкалье. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. — С.89-93.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. События и геоархеологические объекты // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002а. — Вып. 2. — С. 4-12.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Геоархеологические контексты финальнопалеолитических комплексов Прибайкалья // Поселение как исторический источник: (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии /Тез. докл. Междунар. научн. конф. — М. Ин-т археологии РАН. 2008. — С. 9-12.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Леви К.Г., Аржанникова А.В., Савельев Н.А. Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно-культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. — Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. — С. 15-25.

Берсенева Н.А. Теоретические подходы к изучению погребальной обрядности (по материалам англо-американских исследований) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. — Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2004. — С.9 — 20.

Бураков К.С., Начасова И.Е. Палеомагнитное исследование археологического памятника «Большой Якорь» // Геомагнетизм и аэрономия. — 1992. — Т. 32. — № 6. — С. 153 — 158.

Васильев С.А. Финальный палеолит Сибири и Мадлен Франции: сравнительный анализ структуры стоянок // Археологические вести. — 1994. — № 3. — С.158 — 165.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 224с.

Васильев С.А. Легкие наземные жилища верхнего палеолита: поиск критериев идентификации // Забайкалье в геополитике России. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. — С. 9-10.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. — СПб., 2008. — 179с.

Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Синицына Г.В. Поздний палеолит Евразии: палеоэкология и структура поселений. — СПб., 2005. — 107 с. — (Тр. ИИМК РАН, т. XIX).

Велиндер С. Анализ поселенческой структуры неолитических стоянок Швеции // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. — Сергиев Посад: Издательский дом «Подкова», 2001. — С. 176-181.

Волков П.В. Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. — С.104 — 112.

Волосова Е.Б. О проблемах познавательной специфики археологии // Методология и методика археологических реконструкций. — Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1994. — С. 4-10.

Волосова Е.Б. Проблемы археологического познания (гносеолого-теоретический анализ) // Дисс. … канд. философ. наук. — Иркутск, 1995. — 163с.

Воробей И.Е. Каменные выкладки (кластоформы) на Крайнем Северо-Востоке Азии // История и культура Востока Азии: Материалы межд. научн. конф. (г. Новосибирск, 9-11 декабря 2002 г.). — Т. II. — Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. — С. 45-48.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Археотафономия: этапы, процессы, циклы (в порядке дискуссии) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. — С. 53-70.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Природные явления и события в отложениях геоархеологических объектов // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003а. — С. 37-42.

Воробьева Г.А., Медведев Г.И. Плейстоцен — голоценовые отложения юга средней Сибири и археологические остатки в геологических слоях. — Иркутск, 1984б. — Ч.2: Голоцен, руководство. — 44 с.

В Южной Африке найдены следы первого костра в истории человечества // http:// lenta.ru/world/23.03.2004

Гаврилов К.Н. Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок среднего Поднепровья и Подесенья // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. — М., 2007. — С.33-72.

Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. — М.: Таус, 2008. — 256с.

Гречкина Т.Ю. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1984. — 22с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 3 (15). — С. 27 — 50.

Инешин Е.М. Человек и природная среда на рубеже плейстоцена и голоцена на Байкало-Патомском нагорье (по материалам многослойного археологического объекта Большой Якорь 1) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Владивосток, 2006. — 23с.

Инешин Е.М.. Клементьев А.Н., Мартынович Н.В., Тернер –II К. Дж., Тетенькин А.В., Хензыхенова Ф.И. Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря 1 // Известия Лаборатории древних технологий. — Вып. 2. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. — С. 49 — 86.

Замятнин С.Н. Раскопки у с.Гагарино (верховья Дона, ЦЧО) // Палеолит СССР: материалы по истории дородового общества. — М.-Л.: ОГИЗ, 1935. — С.26 — 77.

Иванов И.В. Археологическое вещество — индикатор и метка почвенных и геологических процессов // Четвертая Всероссийская конференция. «Проблемы эволюции почв» (9-12 апреля)/ Тез.докл. — М.: ПОЛТЕКС, 2001. — С.44-45.

Клейн Л.С. Три процедуры археологического исследования // Археологические исследования на Урале // ВАУ. — 1977. — № 14. — С.15-24.

Клейн Л.С. Глубина археологического факта и проблема реконверсии // Стратум плюс. — 1999. — № 6. — www.ant.midi/stratum

Клейн Л.С. Принципы археологии. — СПб.: Бельведер, 2001. — 152с.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология. — СПб.: Бельведер, 2004. — 470 с.

Кнорре Г.Ф. Что такое горение? Научно-популярное изложение физических основ процесса. — М., Л.: Госэнергоиздат, 1955. — 224с.

Константинов А.В. Реконструкции древних жилищ Южного Забайкалья эпохи палеолита — мезолита (на основе данных археологии, этнографии, этноархеологии и эксперимента) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ — Чита: Изд-во Бурятского ун-та, 2002. — С. 23 — 42.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). — Новосибирск: Наука, 2004. -224с.

Константинов А.В. Древние сибирские жилища в трудах классиков отечественной археологии // На пользу и развитие науки. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — С.101 — 123.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). — Совместное издание Института общественных наук БНЦ СО РАН и Читинского государственного педагогического института им.Н.Г.Чернышевского. — Улан-Удэ-Чита, 1994. — 179 с.

Корякова Л.Н. Археология раннего железного века Евразии. Общие пробелмы. железный век Западной Европы. — Екатеринбург, 2002. — http://virlib.eunnet.net/books/ironage.

Кузнецов О.В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1996. — 22с.

Кузнецов О.В. Структуры обитания и поселенческая стратегия в позднем палеолите Западного Забайкалья // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. — Сергиев Посад: Издательский дом «Подкова», 2001. — С. 85 — 89.

Кузнецов О.В. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // Известия Лаборатории древних технологий. — Вып. 2. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. — С. 19-23.

Кузнецов О.В. Охотники и собиратели позднего палеолита Западного Забайкалья // Социогенез в Северной Азии. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — С. 105-108.

Кузнецов О.В. Этноархеологический подход к изучению поселений позднего палеолита Забайкалья // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Красноярск, Омск: «Издательский дом «Наука», 2006. — С. 95-99.

Леонова Е.В. Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1998. — 21с.

Леонова Е.В. Мезолитические жилища Волго-Окского междуречья (к проблеме интерпретации источника) // Проблемы каменного века Русской равнины. — М.: Научный мир, 2004. — С. 49-68.

Леонова Н.Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отображение в них специфики поселений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1977. — 20с.

Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы: Автореф. дис. ...д.и.н. — М., 1994. — 44с

Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Микростратиграфия культурного слоя. Возможности интерпретации // Проблемы каменного века Русской равнины. — М.: Научный мир, 2004. — С. 157-174.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А. Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоев // Методы реконструкций в археологии. — Новосибирск: Наука, 1991. — С.219-246

Медведев Г.И. Геоархеология. Сюжеты истории формирования // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. — Иркутск: Изд-во Оттиск, 2008. — С.133-155.

Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии. — Новосибирск: Наука, 1988. — С.113-142.

Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И., Лбова Л.В., Акимова Е.Б., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Заика А.Л., Ласточкин С.В., Липнина Е.А., Макулов В.И., Осадчий С.С., Ощепкова Е.Б., Савельев Н.А., Ташак Е.В. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). — Красноярск-Иркутск-Улан-Удэ. 1996. — 53 с.

Мещерин М.Н. Экспериментальные данные в изучении жилищных конструкций // Известия Лаборатории древних технологий. — Вып. 2. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. — С.112 — 116.

Новый словарь иностранных слов. — Мн.: Современный литератор, 2006. — 1088 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.

Палеолит Енисея. Лиственка / Е.В. Акимова, Н.И. Дроздов, С.А. Лаухин, В.П. Чеха и др. — Красноярск: Универс, 2005. — 184 с.

Палеолит СССР. — М.: Наука, 1984. — 386 с.

Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). — М.: Научный мир, 2006. — 360 с.

Петри Б.Э. Первые следы доисторического человека в Сибири // Вестник просвещения. — 1922. — № 2. — С.1-13.

Проблемы палеоэкологии древних обществ. — М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1993.

Разгильдеева И.И. Анализ 17 культурного горизонта поселения Студеное-1 // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ — Чита: Изд-во Бурятского ун-та, 2002. — С.13-23.

Разгильдеева И.И. Планиграфия и планиметрия жилищ Студеновского археологического комплекса: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Владивосток, 2003. — 19 с.

Ранов В.А., Амосова А.Г. О методике раскопок палеолитических стоянок в палеопочвах Южного Таджикистан // Полевая археология древнекаменного века. — М.: Наука, 1990. — С.53-62. (КСИА; Вып.202).

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 2. — С.20-32.

Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (Лабораторные исследования). — М., 2000. — 88с.

Сычева С.А., Леонова Н.Б., Узянов А.А., Александровский А.Л., Пустовойтов К.Е. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (Полевые исследования: схема описания и отбор образцов). — М., 1998. — 59с.

Ташак В.И. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 3 (15). — С. 70 — 78..

Ташак В.И. Очаг как объект культовой деятельности в эпоху палеолита (по археологическим данным) // Интеграция археологических и этнографических исследований — Алматы; Омск: Издательский дом «Наука», 2004. — С. 265 — 267.

Тетенькин А.В. Тяжелая ноша создателей прошлого // Известия Лаборатории древних технологий. — Вып. 2. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. — С.24–31.

Тетенькин А.В. Элиты, землянки и могилы. В поисках понимания перспектив. // Известия Лаборатории древних технологий. — Вып. 5. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. — С.7–34.

Тетенькин А.В От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса иркутской школы // Известия Лаборатории древних технологий. — Вып. 1. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. — С.8–25..

Томилов Н.А. Этноархеология в Омском научном центре России // интеграция археологических и этнографических исследований. — Алматы, Омск: Издательский дом «Наука», 2004. — С. 28 — 33.

Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в.: (принципы освоения угодий). — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 176 с.

Черенщиков О.Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в верхнем палеолите Северной Азии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Новосибирск, 1998. — 17 с.

Binford L.R. Post-Pleistocene adaptations // New Perspectives in archaeology. — Chicago: Aldine, 1968. — P. 313-341.

Binford L.R. In pursuit of the past. Decoding the archaeological record. — London: Thames and Hudson, 1983. — 466 p.

Binford L.R. Debating Archaeology. — New York: Academic Press, 1989.

Bones hint at first use of fire // http://news.bbc.co.uk/2/hi/science/nature/3557077.stm 22.03.2004

Butzer K.W. Archaeology as Human Ecology: Method and Theory for a Contextual Approach.- Cambridge University Press, 1982.- 362 p.

Grøn O. A Siberian perspective on the north European Hamburgian Culture: a study in applied hunter-gatherer ethnoarchaeology // Before Farming. — 2005. — № 1. — Article 3.– P. 1-30

Grøn O., Sørensen S.A. Aggemose. An Iland Site from Kongemose Culture on Langeland // J. of Danish Archaeology. — 1996. — V. 11. — P. 7-18.

Grøn O., Kuznetsov O. Evenki Forest Hunters. Ethnoarchaeology and Archaeological Settlement Concept // Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia. — Canadian Circumpolar Institute, 2003. — P. 197-215.

Grøn O., Turov M., Klokkernes T. Settling in the landscape — settling the land: Ideological aspects of territoriality in a Siberian hunter-gatherer society // Archaeology of Settlements and Landscape in the North. — Voollerim Papers on Hunter-Gatherer Archaeology. — V. 2. — 2008. — P 57- 80.

Kuznetsov O. Ethnoarchaeological Approach to Late Paleolithic Settlements and Habitation Structures Analysis (Trans- Baikal, Siberia) // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. — Иркутск, Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. — С. 452-456.

Leroi-Gourhan A. Pincevent. Campement magdalénien de chausseurs de rennes. — Paris, ministèr de la culture, 1984,

Leroi-Gourhan A., Brézillon M. Foulles de Pincevent // CNRS, VIIe supplement à Gallia Préhistoiore. — 1972. — 331 p.

2007. — С. 452-456.

Newell R.R. Mesolithic Dwelling Structures: Fact and Fantasy // Mesolithicum in Europa. — Berlin, 1981. — P. 235-284.

Pigeot N. Magdaléniens d´Etiolles. Economie de débitage et organization sociale // Gallia Préhistoire. — XXV Suppl. — 1987.

Rapp G.(R.), Hill Jr., Hill Ch.L. Geoarchaeology: The earth-science approach to archaeological interpretation. — New Haven and London: Yale University Press, 1998. — 274 p.

Stapert D. Rings and sectors: intrasite spatial analysis of Stone Age sites. — Groningen: Universiteitesdrukkerij Groningen, 1992.

В.М. Ветров
Иркутск, Иркутский государственный педагогический университет

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБНАРУЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДОСАРТАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ВИТИМЕ

В 1974 г. по инициативе Лаборатории археологии Иркутского государственного университета в бассейне Верхнего Витима (Северное Забайкалье) начались планомерные археологические изыскания, продолженные в связи с переходом ее выпускников в другие соответствующие научные структуры Иркутским областным краеведческим музеем, Бурятским институтом общественных наук (ныне ИМБиТ), Иркутским государственным педагогическим университетом.

На обследованной территории обнаружено более 100 разновременных объектов (стоянки, могильники, отдельные погребения, ритуальные комплексы, петроглифы), на данный момент разной степени изученности. Самым древним, стратифицированным, на сегодня, является местонахождение Усть-Каренга XII, нижние горизонты которого относятся к финальной стадии палеолита с абсолютными датами от 12710±380 л.н. (ГИН-8069) до 13580±1950 л.н. (ГИН-8070).

Витимское плоскогорье, в рамки которого входит большая часть речной сети бассейна верхнего и отчасти среднего Витима следует рассматривать как вполне своеобразный и обособленный элемент поверхности, обрамленный со всех сторон горными хребтами (Табл. 1). Основными морфологическими элементами плоскогорья являются широкие, часто плосковершинные возвышенности (горные массивы) и сопряженные с ними межгорные котловины, которых насчитывается свыше двадцати. Наиболее крупные из впадин частично заняты позднеплейстоценовыми озерами [Ендрихинский, 1974]. В пределах плоскогорья имеется более 15 конусов древних вулканов [БСЭ, 1971; Атлас Забайкалья, 1967], продукты извержения которых иногда использовали древние люди. Речные долины имеют два основных направления — восточно-северо-восточное и западно-северо-западное, что соответствует складчатости и сбросов горных пород, а также древней речной сети.

В формировании рельефа, в целом, в течение всего кайнозоя участвовали самые разнообразные рельефообразующие процессы: эоловые, эрозионные, тектонические, ледниковые, часто связанные между собой и обусловливающие друг друга. Плейстоценовое оледенение носило горно-долинный характер и формировалось в условиях высокогорного рельефа при совпадении палеоклиматических периодов с эпохой повышенного увлажнения. По особенностям распространения форм рельефа и отложений ледникового генезиса выделяются три фазы оледенения: самаровская, зыряновская, сартанская. Максимальной по масштабам была вторая — муйская (по А.С. Ендрихинскому) фаза. Прослеживаемые в ряде речных долин ледниковые отложения этого времени имеют мощность от 40 до 100 м и более.

Одним из главных рельефообразующих процессов была и остается водная эрозия, способствующая неоднократному расчленению, размыву и переотложению пород в условиях частых деформаций поверхности. Начало последнего седиментационного цикла было положено в конце плейстоцена в связи с очередным эрозионным врезом, распространившимся на всю территорию Витимского плоскогорья [Ендрихинский, 1970]. С этим периодом связано относительно окончательное оформление морфоструктуры и современной морфоскульптуры верхневитимского края.

На современном уровне наших знаний вполне допустимо, что первые люди на Витиме появились в досартанскую ледниковую эпоху, т.е. ранее 25 тыс. л. н. Об этом могут свидетельствовать пока единичные дефлированные каменные артефакты, обнаруженные в контексте поздних (голоценовых) памятников археологии. Аналогичная ситуация, когда эоловокоррадированные

изделия — экзотические относительно поздних культур каменного века, не вписывающиеся в обычный для них инвентарь, встречаются на многих местонахождениях, например, Приангарья [Аксенов, Бердников, Медведев и др., 1987]. Получается, что обитатели последних подбирали в неизвестном нам месте каменные изделия древних мастеров и приносили их на свою стоянку, видимо, для реутилизации. На Витиме к таковым следует отнести, в первую очередь, найденный в устье р. Кадамия (Табл. 2), в 10 км выше по течению Витима от устья Каренги, эоловокоррадированный леваллуазский нуклеус (Табл. 3), аналогичный нуклеусам одного из классических вариантов леваллуазского принципа скалывания для получения пластин [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994]. В каргинское (55-25 тыс. л.н.) и раннесартанское (25-18 тыс. л.н.) время техника леваллуа широко распространяется по южному фасу Северной Азии и в дальнейшем находит применение на севере Американского континента [Аккерман, 1979; Васильевский, 1983].

Период 50 (55) — 25 тыс. л.н., в который в Восточной Сибири продолжают формироваться и развиваться верхнепалеолитические индустрии, включает традиционные черты техники леваллуа. Это время выделяемой в районах Алтая, Кузнецкого Алатау, Южного Прибайкалья и Забайкалья, Северной и Центральной Монголии единой южно-сибирской культурной области [Окладников, 1981; Кириллов, Каспаров, 1990].

Немаловажное значение для корреляции местонахождений этого или более раннего времени имеют материалы открытого в 1975 г. археологического памятника Макарово IV на Верхней Лене с нуклеусами леваллуазского принципа скалывания из галек окремнелых пород [Аксенов, Шуньков, 1978; Окладников, 1986]. Наряду с мустье-леваллуазскими приемами расщепления камня в ансамбле артефактов отмечается и протопризматическая техника скалывания, характерная для ряда индустрий Евразии переходного этапа от среднего к позднему палеолиту или к самому началу позднего палеолита [Аксенов, 1989]. Материалы Макарово IV, наряду с группой местонахождений в бассейне Верхней Ангары, позволили выделить совокупность средне и слабокоррадированных артефактов независимо от их дислокации в так называемый макаровский палеолитический пласт [Медведев, Скляревский, 1982].

С самого начала исследований допускался докаргинский возраст Макарово IV, т.е. древнее 50 тыс. лет [Цейтлин, 1979; Воробьева, Аксенов, 1990; Медведев, 2001] в диапазоне 70-50 тыс. л.н. [Аксенов, Бердников, Медведев и др., 1987]. В свете недавних раскопок на Ангаре Макарово IV вместе с Игетейским Логом III, Мельхитуем II и Черемушником I уходят за хронологическую планку 60-90 тыс. л.н. Их инвентарь рассматривается как относящийся к раннему уровню организации позднепалеолитических индустрий [Когай, Липнина, Медведев и др., 2008]. Следы макаровского пласта прослеживаются от западного Казахстана до Курильских островов. Есть мнение, что в течение существования этой общности может быть связана проблема одного из периодов (50-40 тыс. л.н.) появления аналогичных материалов на Аляске и в Канаде [Медведев, 1983а, б; Аксенов, 1989].

Леваллуазский нуклеус с устья р. Кадамия и коррадированные артефакты из других археологических местонахождений Верхнего Витима, расположенных между 53° и 56° северной широты, следует отнести к макаровскому пласту. Они могут прдставлять одно из звеньев цепи, соединяющей Восточную Сибирь с Японским архипелагом и Новым Светом в раннекаргинское время, т.е. 50 (55) — 35 тыс. л.н. В то же время, нахождение отдельных коррадированных артефактов в контексте голоценовых памятников, преимущественно атлантического периода голоцена, позволяет надеяться на обнаружение в пределах Витимского плоскогорья досартанских комплексов в соответствующих им условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Аккерман Р. Перспективы изучения технологии каменной индустрии северной части Северо-Западного побережья (по материалам стоянки GHB–2, Юго-Восточная Аляска) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского побережья. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 42-47.

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит верхней Лены: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1989. — 35 с.

Аксенов М.П., Бердников М.А., Медведев Г.И., Пержаков С.Н., Федоренко А.Б. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря «макаровского палеолитического пласта» // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: Тез. докл. науч. конф. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — С. 24-28.

Аксенов М.П., Шуньков М.В. Новое в палеолите верхней Лены (предварительные данные об исследовании Макарово IV) // Древняя история юга Восточной Сибири. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1978. — Вып. 4. — С. 31-55.

Атлас Забайкалья (Бурятская АССР и Читинская область). — М.; Иркутск, 1967. — 176 с.

БСЭ (Большая советская энциклопедия). — М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. — Т. 5. — С. 122.

Васильевский Р.С. Леваллуазские традиции в каменных индустриях Северной Азии и Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 27-41.

Воробьева Г.А., Аксенов М.П. Макарово IV // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. — С. 89-96.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. — Новосибирск: Наука, 1994. — 288 с.

Ендрихинский А.С. Витимское плоскогорье // Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. — М: Наука, 1974. — С. 210-244.

Ендрихинский А.С. О литологических особенностях антропогеновых отложений Витимского плоскогорья // Геология и геофизика. — 1970. — № 9. — С. 35-42.

Кириллов И.И., Каспаров А.К. Археология Забайкалья. Проблемы и перспективы. (Эпоха палеолита) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: (Докл. Междунар. симпозиума). — Новосибирск, 1990. — С. 194-198.

Когай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Роговской Е.О. Проблемы позднего палеолита Байкальской Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М.: ИА РАН, 2008. — Т. I. — С. 127-128.

Медведев Г.И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: Мат-лы докл. междунар., симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. — С. 267-272.

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. — Новосибирск, 1983а. — 44 с.

Медведев Г.И. Палеолитические обитатели юга Сибирского плоскогорья и древние культуры Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. — Новосибирск: Наука, 1983б. — С. 36-41.

Медведев Г.И., Скляревский М.Я. Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с эоловой корразией обработанных поверхностей (возраст — культура — география) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. — С. 41-43.

Окладников А.П. Палеолит Монголии. — Новосибирск: Наука, 1986. — 232 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия). Новосибирск: Наука, 1981. — 459 с.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. — М.: Наука, 1979. — 286 с.

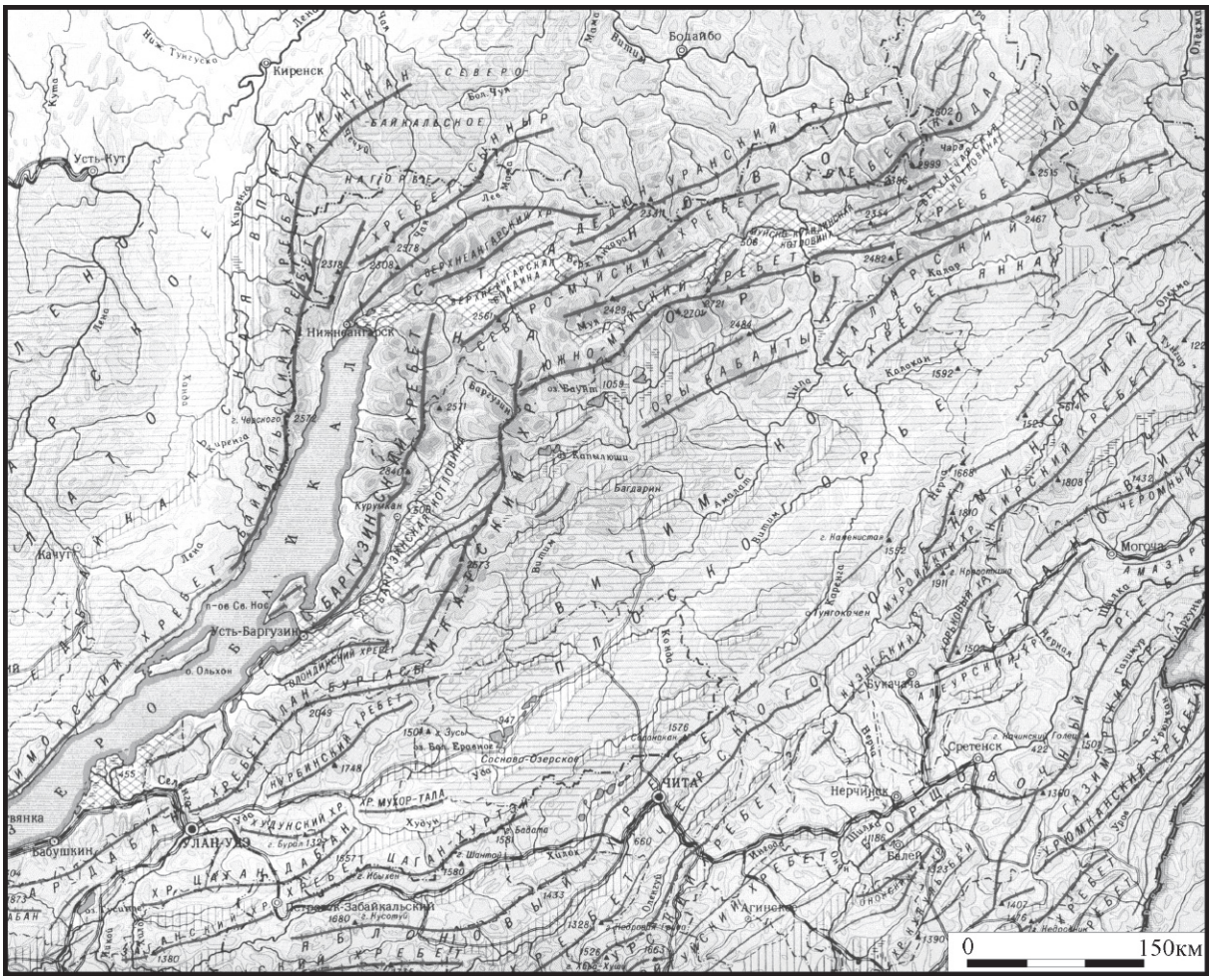


Рис. 3. Карта района исследований. Витимское плоскогорье.

Рис. 2. Устье р. Кадамия. Место сбора археологического материала.

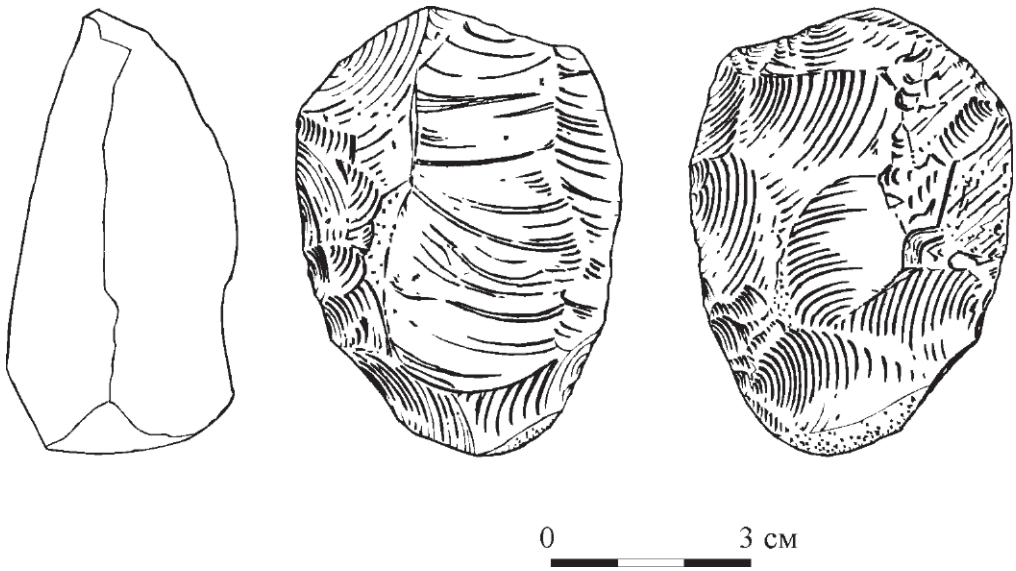


Рис. 3. Устье р. Кадамия. Нуклеус.

С.А. Дзюбас, И.В. Стерхова
Иркутск. ОГУ ЦСН Иркутской области

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АНСАМБЛЯ «ГРИБОВА ГОРА» В ТАЙШЕТСКОМ РАЙОНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

С 2001 по 2008 года Северо-Западным отрядом археологической экспедиции ОГУ ЦСН (Дзюбас С.А.) и археологическим подразделением ООО «Раритет» проводились мероприятия по выявлению и сохранению объектов археологического наследия на территории Тайшетского района Иркутской области, испрашиваемой под строительство нового алюминиевого завода. Территория исследований не случайно представляет интерес для проведения археологических работ, поскольку приурочена к месту слияния реки Бирюсы и ее правых притоков (рек Байроновка, Акульшетка, Тайшетка). Здесь образовалась обширная аллювиальная равнина, на которой повсеместно прослеживаются: пойма, I, II, III террасы и фрагментарно более высокие террасы — четвертая и пятая [Адаменко и др., 1971, с. 32]. В ходе археологических изысканий по правому берегу реки Акульшетка зафиксировано 9 объектов археологического наследия (стоянки «Грибова гора 1-9») и три объекта, приуроченных к правому берегу р. Бирюсы (стоянки «Пионерлагерь 1, 2», «Малая Тайшетка», «Бирюса») [Дзюбас, 2002, Дзюбас, Стерхова, 2006].

Стоянки «Грибова гора 1-5» выявлены в 2001 году. Археологические объекты приурочены к правому берегу р. Акульшетка с гипсометрическими отметками 20-22 метра. Археологический материал зафиксирован в покровных отложениях и представлен проксимальным сегментом пластинчатого скола с ретушью подработки по левому маргиналу; заготовкой тесла из микрокварцита подпрямоугольной конфигурации с лезвием выпуклым, асимметричным, образованным средней приостряющей ретушью, у которого фас и анфас с негативами сколов; округлым бифасом, обработанным радиальными крупными и средними стелющимися сколами (по краям подработка осуществлена мелкой приостряющей ретушью); фрагментами керамики, орнаментированными отпечатками зубчатого колесика; массивным ножом из микрокварцита подпрямоугольной формы, лезвие образовано мелкой приостряющей ретушью и обработано бифасиально. Датируется эпохой мезолита — железным веком (9 тыс. л.н. — 1 тыс. н.э.) [Дзюбас, 2002].

В 2007 году выявлены стоянки «Грибова гора 6-9», которые так же дислоцируются на поверхности правого берега р. Акульшетки. [Дзюбас, 2008]. В течение полевого сезона 2008 года проводились спасательные археологические работы в центральной, южной, юго-западной периферийных частях объекта археологического наследия «Грибова гора 6». Общая площадь раскопов составила 600 кв.м.

Всего на объектах зафиксировано три культуросодержащих горизонта. Первый культурный горизонт, предварительно датируемый финалам бронзового — началом железного веков (3-2 тыс. л.н.), фиксируется в культуросодержащих отложениях объектов «Грибова гора 1, 2, 5, 6» и представлен двумя уровнями находок. Верхний уровень находок залегал в верхней части слоя средних гумусированных тёмно-серых суглинков (почвенный горизонт А — средний — поздний голоцен — 6-4,5-0 тыс.л.н.) и представлен остатками глиняных сосудов изготовленных на гончарном круге. Это профилированные керамические сосуды сложной формы с вытянутой шейкой, плоским дном и оформленным поддоном. Орнаментировались прочерченной волнообразной линией в сочетании с рассеченными налепными валиками. К этому же уровню мы относим погребение лошади (предположительно, жеребец семи лет), зафиксированное в северной части раскопочной площади № 2 объекта «Грибова гора 6». Костяк располагался в округлой яме на левом боку, головой ориентирован на юг, против течения р. Акульшетка. Яма была заложена из слоя

серо-белесого среднего суглинка. Сверху фиксируется перекрытие из бревен. Предварительно, данное захоронение можно отнести к ритуальным погребениям и датировать началом 1 тыс. н.э. (IV-VII века). Скорее всего, зафиксированное погребение является лишь частью могильного комплекса, фиксация которого возможна при проведении дальнейших исследований на оставшейся территории объекта «Грибова гора 6».

Нижний уровень находок первого культурного горизонта залегал в подошве слоя средних гумусированных суглинков (переходный почвенный горизонт АВ — средний голоцен — 8-6 тыс. л.н.) и представлен фрагментами керамических сосудов, орнаментированных различными видами налепных валиков, пальцевых защипов и ногтевых вдавлений, стенки сосудов сохраняют отпечатки «вафельного» технологического декора; отщепами из кремня, неопределимыми костями животных.

Второй культурный горизонт фиксируется на объектах «Грибова гора 1, 3, 6, 7, 8» и находится в слое средне-тяжёлых буроватых суглинков (почвенный горизонт В — ранний голоцен 10-8 тыс. л.н.), состоит из массивных нуклеусов, первый — массивный одноплощадочный клиновидный нуклеус с круговым фронтом скалывания и выраженным килем, второй — дисковидный двуплощадочный полифронтальный нуклеус, площадки сопряжены под углом 90 градусов; заготовками скребел, призматическими пластинами и нуклеусами, остриями, каменными ножами, сколами и отщепами, стилизованным зооморфным изображением из песчано-кварцитовой гальки (мамонт) и фрагментами определимых костей животных (зубы первобытной лошади; северный олень). На основании анализа зафиксированного каменного инвентаря, способов обработки и морфологии материал II-го горизонта относится к эпохе мезолита — 10-8 тыс. л.н.

Третий культурный горизонт был зафиксирован на стоянке «Грибова гора 6, 7, 8». В пикете 18 стоянки «Грибова гора 6» залегание фаунистических остатков и массивного скола из микрокварцита зафиксировано на глубине 1,20 м от дневной поверхности, другие находки третьего культурного горизонта фиксировались на глубине 1,20-1,35 м и представлены массивным сколом из микрокварцита, чоппером на массивной кварцитовой гальке (рабочий край выпуклый асимметричный, образован крупной приостряющей ретушью) и фаунистическими остатками первобытной лошади и быка. Датировка культурных остатков третьего горизонта дана исходя из стратиграфической позиции его залегания — подошва тёмно-бурого тяжелосуглинистого солифлюциированного раннесартанского слоя (19-24 тыс. л.н.), предварительно, поздний палеолит [Дзюбас, Стерхова, 2008].

В заключение хочется отметить, что степень изученности вышеописанных объектов археологического наследия различна — от разведочного шурфа до раскопа площадью в 600 кв.м — однако, характеристика археологического материала — мотивы, орнаментация керамического материала, приемы, сырьё, техника, используемая для изготовления каменных изделий — одинакова на всех объектах. Это позволяет с уверенностью говорить о присутствии и выделении на данной территории археологического комплекса, занимающего единый геоморфологический уровень и считать его перспективным для изучения коренных культур Тайшетского района.

ЛИТЕРАТУРА

Адаменко О.М., Долгушин И.Ю., Ермолов В.В., Исаева Л.Л., Козловская С.Ф., Леонов Б.Н., Цейтлин С.М. Плоскогорья и низменности Восточной Сибири. — М: Наука, 1971. — 318 с.

Дзюбас С.А. Отчет о выполнении археологического обследования территории, испрашиваемой под строительство трассы волоконно-оптической линии связи «ВОЛС Тайшет-Алзамай-Нижнеудинск-Тулун» (район Байроновка), проходящей по Тайшетскому району Иркутской области в 2006 году // Архив ЦСН. — Иркутск, 2006.

Дзюбас С.А. Отчет о проведении археологической экспертизы территории, отводимой под строительство алюминиевого завода в районе г. Тайшета Иркутской области // Архив ЦСН. — Иркутск, 2002.

Дзюбас С.А., Стерхова И.В. Отчет о выполнении археологического обследования территории, испрашиваемой под строительство алюминиевого завода (300 га) в окрестностях г. Тайшета на правом берегу р. Малая Тайшетка Иркутской области в 2005 году // Архив ЦСН. — Иркутск, 2006.

Дзюбас С.А., Стерхова И.В. Отчет о выполнении археологического обследования территории, испрашиваемой под строительство алюминиевого завода, в 2,4 км на север от восточной границы поселка ж/д станции Акульшет, 400 м на северо-запад от железнодорожной ветки «Тайшет-Лена», 3 км на юго-восток от южной границы с. Старый Акульшет а в окрестностях г. Тайшета в 2006 году // Архив ЦСН. — Иркутск, 2006.

Дзюбас С.А., Стерхова И.В. Отчет по результатам археологического обследования территории, испрашиваемой под размещение трех ВЛ-500 кВ к строящемуся алюминиевому заводу в Тайшетском районе Иркутской области в 2007 году // Архив ЦСН. — Иркутск, 2008.

Ю.А. Емельянова[1], Т.А. Абдулов[2]
[1]Иркутск, Иркутский государственный технический университет
[2]Иркутск, Иркутский государственный университет

КЕРАМИКА СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКОГО ТИПА СО СТОЯНКИ ЛЫСАЯ СОПКА

Местонахождение Лысая Сопка находится на Северном побережье оз. Байкал, на западной окраине пос. Нижнеангарск в устье ручья Сырой Молокон на вершине изолированной сопки, соединенной небольшой седловиной с горным хребтом, к которому с юго-восточной стороны примыкает поселок. Высота сопки 50 м.

Памятник был открыт в 1963 г. во время работ экспедиций Иркутского областного краеведческого музея, Иркутского госуниверситета и Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР под руководством В.В. Свинина и Л.П. Хлобыстина. При осмотре вершины сопки и ее склонов, имеющих падение до 45-50°, исследователями было обнаружено большое количество подъемного материала: обломки сильно окатанной керамики, кварцитовые отщепы, отдельные каменные орудия – скребки на отщепах, ретушированные пластины, наконечники стрел, стерженьки рыболовных крючков и их заготовки. Основная часть находок встречается на вершине сопки, представляющей сравнительно ровную площадку 7х5 м, и по западному склону ее, около вершины. По восточному склону отмечены только единичные находки. Следовательно, размыв стоянки и рассеивание культурных остатков шло по направлению к ручью. В центре площадки в 1963 г. был заложен, а в 1965 г. продолжен, раскоп площадью 5х5 м.

Культурные остатки, включающие керамику северобайкальского типа, залегают в слое красно-бурой супеси. Керамика богато орнаментирована следующими техническими приемами: 1) нажимами отступающей лопаточки, имеющей овальную, прямоугольную, остроугольную формы; 2) вертикальными нажимами широкой лопаточки; 3) дисковидными штамповыми вдавлениями, имеющими внутри двоякий рисунок – многолепестковый цветок или прямоугольную «вафельную» сетку; 4) треугольным «ребристым» штампом; 5) накладными рубчатыми валиками; 6) валиками, орнаментированными неглубокими насечками отступающей лопаточки.

II слой содержал фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки по внешней поверхности и кварцитовые отщепы аморфной формы без следов подработки [Свинин, 1966, с 50].

В 1979 г. Северобайкальской спасательной группой КАЭ ИГУ под руководством Т.А. Абдулова в связи с проведением спасательных работ в зоне строительства БАМ возобновились работы на стоянке Лысая Сопка. Раскопы были заложены по юго-западному пологому склону сопки. Суммарная вскрытая площадь на памятнике в результате спасательных работ достигла 143 кв. м. Стратиграфическая ситуация аналогичная со стратиграфией 1963 г. В раскопах 1979 г. Археологический материал обнаружен во 2 слое разреза. Однако, наблюдение за распространением культурных остатков как по вертикале, так и по горизонтали показало, что выделение двух, разделенных стерильной прослойкой культурных горизонтов не представляется возможным [Абдулов, Пилипчук, 1982, с. 56]. Артефакты равномерно распространены по всей толще рыхлых отложений от дневной поверхности до коры выветривания, и один и тот же археологический материал (фрагменты одного сосуда, идентичные стерженьки составных рыболовных крючков) встречены в супесях разного цвета. Причем, желто-бурая супесь присутствует в виде отдельных линз, варьируя от нескольких квадратных дециметров до нескольких квадратных метров. II культурный горизонт, выделенный В.В. Свининым в желто-бурой супеси (III геологический слой), Т.А. Абдуловым не обнаружен. Возможно, считат Т.А. Абдулов, что в небольшом проседании

находки проникли в кровлю III геологического слоя и были выделены В.В. Свининым как II культурный горизонт.

В результате раскопок, судя по венчикам, на Лысой Сопке обнаружено около 40 сосудов, половину из которых удалось частично реконструировать и определить их форму и размеры. По техническому декору керамика Лысой Сопки подразделяется на следующие виды: гладкостенные, штриховые, с оттисками сетки-плетенки. Несмотря на то, что наиболее многочисленную группу составляют фрагменты гладкостенной керамики, нет основания утверждать, что она является типичной для данного местонахождения. Наиболее характерной является керамика со следами штриха на поверхности сосудов, для которых свойственна устойчивая форма и композиция орнамента. Приемы орнаментации самые разнообразные. Применялись налепные рассеченные валики; оттиски штампа различных форм (от простейших до сложных конфигураций): округлые, округлые с внутренними рисунками; прямоугольные, прямоугольные наклонно гофрированные; овальные поперечно гофрированные; треугольные, треугольные со сложным рисунком внутри; ромбовидные, ромбовидные с различными внутренними рисунками; составные (оттиск треугольного штампа, из вершины которого (обращенной вниз) отходят два или четыре овальных ответвления. Такой штамп абстрактно можно назвать «рыбьим хвостом» (табл. 1). Таким образом, взятые за основу простые геометрические формы – треугольник, ромб, прямоугольник и овал, древние мастера модифицировали их, создавая тем самым своеобразные узоры. Ярким примером являются вариации треугольника - только на изученных сосудах их семь.

В 1986 г. археологическим отрядом Иркутского государственного университета под руководством А.В. Харинского были продолжены раскопки стоянки Лысая Сопка. При разбивке площади Лысой Сопки на сектора, памятник Лысая Сопка I, вошел в первый сектор. Для более точного выявления стратиграфической ситуации и залегания археологического материала к северу от раскопа 1963, 1965 гг. был заложен раскоп площадью 11 кв. м., прирезанный с юга к большой земляной выемке, находящейся в центре памятника.

Культурные остатки, включающие керамику северобайкальского типа, залегают в слое темно-серой супеси (II геологический слой). Обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные рядами вдавлений, нанесенных остроугольной отступающей лопаточкой; фрагменты штриховой керамики, украшенной оттисками треугольного штампа (в виде «песочных часов»); керамика, орнаментированная оттиском треугольного штампа с внутренним рисунком в виде разнонаправленных наклонных линий; оттиском прямоугольного штампа без внутреннего рисунка. К северо-востоку от раскопа был собран подъемный материал, в составе которого были обнаружены два фрагмента керамики северобайкальского типа. Один из них венчик сосуда, украшенный двумя рядами налепного рассеченного валика. Другой – фрагмент тулова сосуда, орнаментированный оттиском округлого штампа с внутренним сетчатым рисунком.

Артефакты, обнаруженные в раскопах, в разные годы исследований представлены керамикой, изделиями из камня и фаунистическими остатками. Основная масса остатков сосудов может быть соотнесена с северобайкальским типом керамики [Абдулов, Пилипчук, 1982, с. 64; Емельянова, 2005, с. 93]. Судя по найденным остаткам, сосуды северобайкальского типа имели округлое дно. Дно утолщалось за счет налепа. У всех сосудов выражено устье, прямой венчик. Сосуды украшались разнообразными элементами орнамента. Отмечено три способа их нанесения: продавливание, прочерчивание и налеп. Обязательным элементом для этой керамики является налепной валик. Налепной орнамент выполнялся путем накладывания на поверхность сосуда, не деформируя ее, валиков или фигур из глины. Как правило, валик украшен оттисками лопаточки с угловым вырезом. Этот орнаментальный мотив является самым распространенным на северобайкальской керамике. Иногда верхняя грань валика украшалась вместо лопаточки с угловым вырезом прямыми наклонными вдавлениями лопаточки. Валиков, не орнаментированных оттисками лопаточки, не встречено. Количество налепов варьируется от одного до пяти. На поверхности горшков они располагаются горизонтальными и реже дугообразными линиями.

Отклонения зафиксированы лишь в двух случаях. В первом - фрагмент принадлежал сосуду с зигзагообразной поверхностью венчика, и налеп, повторяя эту форму, также образовывал зигзаг. В другом случае отмечается целая композиция, составленная лишь из одних налепов: три ряда рассеченного валика шли параллельно ровной верхней плоскости венчика. Четвертый ряд налепа, вероятно переходил в зигзаг. Заканчивал композицию мотив, выполненный рассеченным валиком в виде окружности, в центре которой сохранились оттиски штампа.

Таблица 1. Классификация орнаментов северобайкальского типа

Техника нанесения орнамента	Особенности техники	Элементы орнамента
отдел	*группа*	*тип*
продавливание	штамп	круглый
		круглый лучевидный с внутренним кругом
		круглый, с внутренним кругом
		круглый, с точкой внутри
		круглый сетчатый
		прямоугольный
		прямоугольный, с наклонными линиями внутри
		овальный поперечно-гофрированный
		треугольный
		треугольный поперечно-гофрированный
		треугольный поперечно-гофрированный с вписанным треугольником внутри
		треугольный с разнонаправленными рядами наклонных линий
		ромбовидный
		ромбовидный поперечно-гофрированный
		ромбовидный с вписанными внутрь меньшего диаметра двумя ромбами
		ромбовидный с вписанными внутрь меньшего диаметра ромбом, от которого к внешнему ромбу исходят наклонные линии
	составной	“рыбий хвост”
	лопаточка	с угловым вырезом
		остроугольная
		округлая
		прямая
		волнистая
прочерчивание	прямолинейное	горизонтальное
		наклонное
налеп	треугольный в сечении валик	горизонтальный
		дугообраздный

Устойчивым признаком композиции сосудов являются оттиски различных штампов. По форме штампы разделяются на:

1) круглые: а) без рисунка, б) круглый сетчатый, в) круглый с рисунком «многолепесткового цветка», г) круглый с точкой внутри;

2) прямоугольные: а) прямоугольный без рисунка, б) прямоугольный с наклонными линиями внутри;

3) овальные: а) овальный, поперечно гофрированный;

4) треугольные и подтреугольные: а) треугольный без рисунка, б) треугольный поперечно гофрированный, в) поперечно гофрированный с вписанным внутрь треугольником, г) треугольный с разнонаправленными рядами наклонных линий внутри;

5) ромбовидные: а) ромбовидный без рисунка, б) ромбовидный поперечно гофрированный, в) ромбовидный с вписанными внутрь меньшего диаметра двумя ромбами, г) ромбовидный с вписанным внутрь меньшего диаметра ромбом, от которого к внешнему ромбу исходят наклонные линии.

Составной сложный орнамент получается путем соединения различных штампов: 1) оттиск треугольного штампа, из вершины которого (обращенной вниз) отходят два или четыре овальных ответвления. Такой штамп абстрактно можно назвать «рыбьим хвостом»; 2) в виде двух соединенных малыми основаниями трапеций – «песочные часы».

Прочерченный орнамент получался в результате проведения по поверхности сосуда острым предметом. Среди прочерченных элементов орнамента выделяется только одна группа – прямолинейная, включающая два типа горизонтальное и наклонное прочерчивание.

Заканчивая характеристику рассматриваемой нами керамики, отметим, что наиболее устойчивым признаком в орнаментации сосудов является соответствие каждой зоне сосуда определенных мотивов орнамента. Зону венчика, как правило, украшали налепными рассеченными валиками, они располагались горизонтальными рядами, имели треугольную форму и были рассечены наклонными вдавлениями. Ниже располагался ряд горизонтальных оттисков прямоугольного или овального штампа в прерывисто-накольчатой технике. Зону тулова и шейку сосудов декорировали горизонтальными рядами оттисков штампа различных геометрических фигур прерывисто-накольчатой и отступающе-накольчатой технике. Различное сочетание мотивов дает довольно большое количество композиций.

Анализ находок стоянки Лысая Сопка позволяет нам считать его сложным, т.к. материал типологически разновременный. На основании полученной стратиграфии раскопа 1979 г. выделен всего один культурный горизонт – смешанный; одни и те же артефакты (фрагменты одного сосуда, идентичные стерженьки составных рыболовных крючков и т.п.) встречены в литологически разных супесях. Причем, желто-бурая супесь присутствует на Лысой Сопке лишь в виде линзовидных тел, варьируя от нескольких квадратных сантиметров до нескольких квадратных метров. И представляется вполне возможным, что предыдущие исследователи, проводя на данной стоянке раскопочные работы (причем раскоп 1963-1965 гг. был расположен на площадке, находящейся в 10 м к северо-востоку от раскопа 1979 г. и несколько выше по гипсометрии), указывали на наличие двух культурных горизонтов, выделенных ими на литологии слоев.

Степень изученности археологических памятников, в наборе инвентаря которых встречается керамика северобайкальского типа, не позволяет пока делать окончательных выводов о ее генезисе и хронологии. Сопоставление керамики северобайкальского типа с керамикой памятников сопредельных территорий пока не решает проблем, связанных с ее происхождением. Временной же интервал существования северобайкальской керамики определяется двумя радиоуглеродными датами, полученными с поселения Байкальское III (северо-западное побережье Байкала).

Две даты сделаны по органике из жилища № 3. Первая из них – 3875±50 л.н. (СОАН-4101) получена по костям животных. Вторая дата - 3020±40 л.н. (ГИН-7062) сделана по углю из квадрата 38 раскопа № 1. С учетом калибровки первая дата соответствует 2471-2152 гг. до н.э., а вторая 1395-1128 гг. до н.э. В связи с этим, время существования северобайкальской керамики охватывает период с 2471 г. до н.э. по 1128 г. до н.э., то есть вторую половину III-II тыс. до н.э. [Емельянова, Харинский, 2008, с. 159].

ЛИТЕРАТУРА

Абдулов Т.А., Пилипчук Н.П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. - С. 55-71.

Емельянова Ю.А. К вопросу об орнаментике керамики северобайкальской культуры // Социогенез в Северной Азии.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - Ч. 1. - С. 91-96.

Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. - Вып. 6. - С. 145-167.

Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963-1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 гг. - Иркутск: ИОКМ, 1966. - С. 50-69.

А.М. Клементьев
Иркутский государственный технический университет

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ФОФАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА КАК ИСТОЧНИК ПРОМЫСЛОВОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Фофановский могильник является одним из опорных памятников для характеристики эпохи неолита-бронзового века Байкальского региона. Исследования этого объекта насчитывают не один десяток лет. Первые сведения о захоронениях на горе Фофановские Быки приводятся в работе А.П. Окладникова [1928]. Захоронения могильника датируются неолитом-бронзовым веком, имеющиеся абсолютные даты лежат в пределах 7610-3670 л.н. [Лбова и др., 2007:222]. Сведения о фаунистических остатках, присутствующих в захоронениях, впервые были представлены на материалах раскопок 1959 года [Герасимов, Черных, 1975], определения были выполнены В.И. Цалкиным.

Данное сообщение касается костных остатков млекопитающих Фофановского могильника, обработанных автором в последние годы. Было проведено определение остеологического материала, а также изделий и заготовок из кости и рога, из раскопок А.П. Окладникова 1948-50 гг., В.П. Конева 1991 и 1996 гг., Е.Д. Жамбалтаровой 2007-08 гг. Использованы также фотографии костей, костяных изделий и заготовок из раскопок М.М. Герасимова 1959 года, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея (ГИМ), сделанные Е.Д. Жамбалтаровой с любезного разрешения Е.Н. Черных. Ниже приводится видовой состав и биоценотическая приуроченность млекопитающих, а также ландшафтная характеристика окрестностей Фофановского могильника.

Заяц *(Lepus sp.)*. Определены фрагмент нижней челюсти (ГИМ № 1671/?) и трубчатые кости из раскопок 1959 года, а также изолированные резцы в погребениях, вскрытых в 2008 году. Современный заяц-беляк предпочитает лесные биотопы и широко распространен в Прибайкалье.

Медведь *(Ursus arctos L.)*. Кости этого животного встречены в трех погребениях. В погребении 7 1948 года встречено острие из малой берцовой кости. Малая берцовая кость (ГИМ 1671/192) также найдена в 1959 году и фрагменты черепных костей с зубами в 2008 году. Биоценотическая приуроченность медведя на территории Байкальского региона — хвойные леса. Оптимальными условиями для обитания являются кедровники, ареал которых приурочен к хребтовой зоне. Весной медведи могут выходить на берег и на лед Байкала в поисках пищи.

Лисица *(Vulpes vulpes L.)*. В 11 погребении 1991 года встречены кости задней конечности (бедренная и большеберцовая) в анатомическом порядке. Среди костей из 3 погребения 2008 года раскопок определены фрагменты трубчатых костей и ветвь нижней челюсти этого вида. Из раскопок 1959 года определены 2 клыка (ГИМ № 1671/281). Лисица предпочитает разреженные леса, перемежаемые полями и лугами, долины рек, селится в степях.

Волк *(Canis lupus L.)*. Визуально нами определена берцовая кость волка из раскопок 1959 года (ГИМ № 1671/115). Возможно, этому виду принадлежит и метаподиальная кость с отверстием из 23 погребения (1959 г.), изображенная в работе М.М. Герасимова и Е.Н. Черных [1975:26] на рисунке 8. Волк относится к широко распространенным животным — эвритопам.

Соболь *(Martes zibellina L.)*. В 11 погребении 1991 года встречены фрагменты нижней челюсти. В погребении 15 1996 года обнаружена левая ветвь нижней челюсти. Восходящая часть рамы имеет искусственное отверстие. В коллекции ГИМ хранится нижняя челюсть под № 1671/127. Соболь является типичным представителем таежного фаунистического комплекса.

Кабан *(Sus scrofa ferus L.)*. Этот вид представлен обработанными в той или иной степени клыками. Большая часть таких изделий несет мелкие просверленные отверстия в количестве от

двух до семи штук или одно крупное. Среди костей посткраниального скелета кабана, встреченных в погребениях, предположительно можно отметить лишь боковые метаподии (коллекция ГИМ, № 1671/213-214). На стояночных комплексах кости кабана тоже довольно редки. Кабан обитает в закрытых биотопах, предпочитает леса и поймы рек, богатые кормами. В Прибайкалье это в основном горные кедрачи. Примечательно, что недалеко от Фофановского могильника, в пяти километрах на противоположном берегу в Селенгу впадает речка под названием Кабанья.

Кабарга *(Moschus moschiferus)*. Кости этого вида также отсутствуют в погребениях и на стоянках, встречены только изолированные верхние клыки. В коллекции ГИМ хранится клык под № 1671/7. В 3 погребении 2008 года раскопок встречены две пары клыков разных особей. Эти клыки обработаны в основании. Кабарга предпочитает горно-таежные местообитания на водоразделах, в долины крупных рек не спускается.

Косуля *(Capreolus pygargus L.)*. Остатки этого копытного представлены в основном заготовками орудий на плюсневых и пястных костях. Судя по морфологии диафизарных фрагментов трубчатых костей (ГИМ № 1671/38, 91, 108, 191-193), из которых сделаны игольники, они также принадлежат этому животному. Современная косуля трофически связана с древесной растительностью.

Благородный олень *(Cervus elaphus L.)*. Этот вид представлен наибольшим количеством находок. Больше всего найдено подвесок из атрофированных клыков. Размерные характеристики этих изделий уступают подобным с памятников Приангарья. Второе место занимают заготовки и готовые изделия из метаподиальных костей. Обнаружено также много фрагментов рогов со следами обработки. Современные изюбри предпочитают держаться в средней части лесных склонов гор, хотя исторические свидетельства [Кириков, 1955] говорят о высокой экологической пластичности вида.

Лось *(Alces alces L.)*. Возможность присутствия этого вида цервид основана на многочисленных находках рогов, фрагментарность которых не позволяет говорить о точной видовой их принадлежности. Присутствие фрагментов костей сохатого также можно предполагать по находке его костяного изображения в 11 погребении 1991 года [Конев, 1996:115, Лбова и др., 2007:59]. Лось является лесным животным, обычным для таежных районов Сибири.

Кроме диких промысловых видов на могильнике был обнаружен скелет **домашней овцы *(Ovis aries)*** в 20 погребении (ранний бронзовый век) 1958 года раскопок (Герасимов, Черных, 1975:35). Это первое свидетельство наличия животноводства в Прибайкалье в столь раннее время.

Современная обстановка в окрестностях могильника представлена разнообразными ландшафтами. Здесь находится граничная территория долинных заболоченных лугов дельты реки Селенги, осоково-злаковых солонцеватых долинных степей и сосновых лесов Улан-Бургасы, в непосредственной близости находятся горно-таежные темнохвойные леса водоразделов Хамар-Дабана [Михеев, Ряшин, 1977]. Разнообразие геосистем благоприятствует богатству животного мира этой территории. Хозяйственная активность человека в неолите — бронзовом веке может быть охарактеризована с позиции использования им разнообразных ландшафтных ресурсов. Судя по экологическим предпочтениям в ближайших окрестностях Фофановского могильника обитали заяц, лисица, волк, кабан, косуля, изюбрь и лось. Использование ресурсов дельты выявляется по видовому составу птичьих остатков: кряква, болотный лунь, лебедь [Лбова и др., 2007:243]. Добыча соболя, медведя и кабарги велась в хребтовых темнохвойных лесах, удаленных от объекта на 15-20 километров. Среди костных остатков определены также кости рыб (Pisces), что является свидетельством рыболовства.

Видовой состав остатков диких млекопитающих Фофановского могильника свидетельствует об отсутствии промысловой специализации у населения Прибайкалья неолитического времени и бронзового века, использовались все доступные ресурсы ближних и дальних окрестностей па-

мятника. С другой стороны избирательность присутствия отдельных частей скелета млекопитающих в разновременных могилах свидетельствует о преемственности отношения к ним древнего населения. Характерными элементами, общими в целом для культур Байкальского региона раннего и среднего голоцена, являются обработанные клыки благородного оленя, кабана, кабарги, резцы грызунов и зайцеобразных, изделия из рогов и метаподиальных костей оленей, кости соболя.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-00466а и 09-01-00368а.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. — Л.: Наука, 1975. — С. 23–48.

Кириков С.В. Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII-XIX веках. Сообщение 3-е // Изв. / АН СССР, сер. геогр. — 1955. — № 1. — С. 32-40.

Конев В.П. Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXXVI РАСК. — Иркутск, 1996. — Ч. 1. — С 114-116.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. — 248 с.

Михеев В.С., Ряшин В.А. Ландшафты юга Восточной Сибири: Карта М 1:1500000. — ГУГК, 1977.

Окладников А.П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Сев. Азия. — 1928. — Т. 3. — С. 63–69.

И.В. Ковтун
Кемерово, Институт экологии человека СО РАН

О ДАТИРОВКЕ АНТРОПОМОРФОВ В ГРИБОВИДНЫХ ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

К проблеме установления времени представленных в заголовке антропоморфных изображений обращались многие исследователи. Сейчас диапазон предлагаемых датировок подобных петроглифов ограничивается эпохой бронзы. Но в рамках этого исторического периода мнения о культурно-хронологической принадлежности антропоморфов в грибовидных головных уборах существенно расходятся. Ю.Ф. Кирюшин усматривает истоки данного образа в сейминско-турбинском искусстве, отождествляя округлые шапочки каменных антропоморфов и ростовкинского лыжника с грибовидными головными уборами. Различие их величины объясняется сложностью передачи свисающих полей в скульптурном изображении [Кирюшин, 1991, с. 69]. Но грибовидные уборы напоминают полуэллипсоидную, либо подтреугольную широкополую «шляпу», а округлым шапочкам присуща «полусферическая» облегающая форма. Их андроновские и алакульские параллели, а равно аналоги с торгажакских галек и оленных камней доказывают адекватное изобразительное воспроизведение таких головных уборов. Поэтому, версия скульптурной стилизации «полей» грибовидных «шляп» расходится с историческими реалиями.

Ю.Н. Есин связывает грибовидные аксессуары «с сейминско-турбинской традицией размещения на головном уборе предметов «луновидной» формы…» [Есин, 2004, с. 20]. Луновидные подвески обнаружены в Китае и Прибайкалье, в окуневских и кротовских захоронениях, на поселении Самусь IV, а также в погребениях на Татарском увале у д. Окунево и в Сопке — 2/3А [Молодин, 2001, с. 103]. В.И. Молодин рассматривает кротовские экземпляры как украшения для головного убора, поскольку они «обнаружены in sity на голове погребенного» [Молодин, 1985, с. 43; Молодин, 2001, с. 103]. Возможно, в сопкинском случае все так и было. Но ни все что, лежит на голове умершего, носилось на ней при жизни. «На этом», не означает «для этого». Далеко не все луновидные подвески зафиксированы на голове или у головы умерших. Так «каменный полудиск» из могильника на Татарском увале у д. Окунево находился «в области таза» погребенного [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 22, 136, рис. 14,3]. Почти аналогично, на «тазовых костях скелета», располагался «лунообразный большой каменный предмет» происходящий из могилы 21 Черновой VIII [Максименков, 1980, с. 10, 114, табл. XXIII, 3]. Следовательно, два сопкинских случая нахождения луновидных подвесок в области головы умершего (Сопка II, погр. 13, кур. 8; Сопка 2/3А, погр. 677) недостаточны для провозглашения их некой «сейминско-турбинской традицией». Нет повода и для отождествления луновидных изделий с грибовидными головными уборами рассматриваемых антропоморфов. Их ареалы не совпадают. В Прибайкалье, на Среднем Енисее, и в Нижнем Притомье найдены луновидные подвески, но неизвестны наскальные изображения антропоморфов в грибовидных головных уборах. Последние представлены в петроглифических местонахождениях Восточного Казахстана, Горного Алтая, Верхнего Енисея и Монголии, но луновидных подвесок на указанных территориях нет.

Иная культурно-хронологическая атрибуция антропоморфов в грибовидных головных уборах предложена соавторами монографии о памятниках Укока: «Основной массив подобных изображений на Алтае относится, по-видимому, к культурам каракольского круга эпохи развитой бронзы, своими корнями уходящим, вероятно, в афанасьевскую эпоху» [Молодин, Полосьмак, Новиков, Богданов, Слюсаренко, Черемисин, 2004, с. 206]. Аргументация такой датировки не приводится. Но, ранее, В.И. Молодин и Д.В. Черемисин датировали грибовидных антропоморфов «в довольно широких хронологических рамках — развитой поздней бронзы» [Молодин, Черемисин, 1997, с. 250]. Очевидно, со временем позиция авторов изменилась. Но для удревнения

рассматриваемых изображений нет оснований, т.к. каракольские и беш-озекские антропоморфы не сопоставимы с субъектами в грибовидных головных уборах.

Обоснованной представляется датировка грибовидных антропоморфов по сопутствующим им исторически узнаваемым атрибутам. В Бага Ойгуре II (Монгольский Алтай) зафиксирован антропоморф в грибовидном головном уборе, на полусогнутых ногах, с кинжалом в руке [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 339, fig. 807] (табл. 1 -6).

Конфигурация, параметры и пропорции данного изображения соответствуют постсейминскому типу кинжалов. Особенно, бага-ойгурский кинжал напоминает абрис широколезвийных кинжалов Сопки II, и их алтайских аналогов (табл. 1 -1-5). Что касается возможного изобразительного преувеличения реальных размеров подобного оружия [Кубарев, 2003, с. 25-26; Кубарев, 2004, с. 75-76], то не кинжал большой, а человек маленький — ребенок. Проекция длины наиболее крупного сопкинского кинжала (29 см) на изображение из Бага Ойгура II, составит пропорцию от 2/3 до 3/4 высоты антропоморфа, или 36,25-43,5 см. Вариабельность длины кинжалов и меньший рост новорожденных в эпоху бронзы допускают соответствие величины антропоморфного изображения росту младенца до 1-1,5 лет. В захоронении № 425 на Сопке II под спиной ребенка 1-1,5 лет найден вышеупомянутый кинжал [Молодин, 1993, с. 4] постсейминского типа (табл. 1 -5). Его формы и пропорции соответствуют абрису изображения из Бага Ойгура II (табл. 1 -5, 6). Причем, более широкая и бугристая рукоять, напоминает реконструированные В.И. Молодиным, деревянные накладки, обмотанные кожаным ремешком [Молодин, 1993, с. 9-11, рис. 7]. Такие детали и придавали рукояти кинжала изобразительный «объем». Возможно, кинжал передан в ножнах, визуально увеличивающих ширину клинка, что характерно для изображений карасукских кинжалов и кинжалов с оленных камней. Остатки ножен из кожи, поставленной мехом вовнутрь, также зафиксированы в упомянутом детском захоронении [Молодин, 1993, с. 4].

Другой подобный персонаж, обнаруженный А.А. Тишкиным в урочище Бошту, запечатлен с оружием, напоминающим нож томского типа (табл. 1 -7). Пока это единственный рисунок грибовидного антропоморфа с ножом, а не с кинжалом. Такие ножи (табл. 1 -8-11) происходят из памятников позднебронзовых культур: могильников ЕК-I, ЕК-II, Томского на Малом мысу, Сопка II, Протока, Осинкинский и Черноозерье I, Боровянка XVII (?), а также поселений Еловское, Ирмень I, Тух-Эмптор IV и др. Они тяготеют к древностям, отражающим влияние андроновской или андроноидной культурной традиции. Их происхождение обусловлено трансформацией в Верхнем и Томском Приобье, а также в Барабе технологических стандартов карасукской эпохи. Поэтому, ножи томского типа интерпретировались как подражание выгнутообушковым карасукским [Ковтун, 1993, с. 51-52]. Истоки всех перечисленных образцов восходят к сейминско-турбинской и елунинской (Цыганкова Сопка 2) выгнутообушковой форме. Ножи томского типа представляются финалом деградации этого параметрического стандарта (табл. 1 -8-11). И наряду с кинжалами постсейминского типа, являются частью неоднородного постсейминско-турбинского оружейного комплекса. Закономерно, что рисунки предметов последнего сопутствуют грибовидным антропоморфам, олицетворяющим «постсейминско-турбинскую» изобразительную традицию.

Сейминско-турбинским временем датирует Ю.Ф. Кирюшин антропоморфа с копьем в грибовидном головном уборе с р. Чуи. Автор полагает, что: «копье имеет в нижней части выступ, очень похожий на крюк с сейминско-турбинских копий» [Кирюшин, 1991, с. 69]. Но, судя по параметрам и конфигурации этой детали [Черемисин, 1990, с. 163, рис. 1 -1], на древке копья чуйского антропоморфа запечатлен не крюк, а бунчук или, скорее, вымпел-штандарт (табл. 1 -15). Сводка подобных изображений опубликована В.Д. Кубаревым, полагавшим ранее [Кубарев, 1987, с. 161] и ныне, что: «копье, древко которого украшено аналогичным по форме бунчуком, изображено на одном из оленных камней Монголии» [Кубарев, 2004, с. 67]. Автор подразумевает бунчук «в виде шара», т.е. округлой формы, но у этого же копья изображен развевающийся вымпел-штандарт [Волков, 2002, с. 151, табл. 36 -2] (табл. 1 -14). Проводя параллель между аксессуарами копий

грибовидных антропоморфов и бунчуком с оленного камня сейчас уже и В.Д. Кубарев допускает, что: «он, возможно, уточняет время создания центрально-азиатских изображений воинов с копьями, позволяя датировать их эпохой поздней бронзы» [Кубарев, 2004, с. 68]. Если параметры копий грибовидных антропоморфов и копья с оленного камня мало сопоставимы, то между их бунчуками и (или) вымпелами имеются, в основном, изобразительные отличия. Типологически это схожие аксессуары, переданные в стилистически отличной манере, различными приемами представителями хронологически неодновременных групп центрально-азиатского населения позднебронзовой эпохи, вероятно, связанных преемственной культурной традицией.

Среди петроглифов Цагаан Гола в Монгольском Алтае есть два грибовидных антропоморфа, копья которых имеют детали, напоминающие крюк (табл. 1 -12, 13) [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2006, p. 163, fig. 230, p. 239, fig. 527]. Шиповидный выступ копья цагаан-гольского антропоморфа трудно спутать с вымпелом, или бунчуком. Но и крюки сейминско-турбинских копий, равно как и их китайских параллелей (табл. 1 -16-22), он напоминает схематично. Сложно однозначно идентифицировать данную деталь как крюк, но и исключать это также преждевременно. Сейчас известно пять сейминско-турбинских копий с крюком и два напоминающих их экземпляра с северо-запада Китая (табл. 1 -16-22). Перо последних пропорционально шире и короче, крюк, в отличие от сейминско-турбинских, расположен на противоположной стороне от «ушка» («ушек»), а вильчатое «ребро жесткости» отсутствует (табл. 1 -16, 17). В.И. Молодин и С.А. Комиссаров датируют одно из этих двух изделий серединой — второй половиной II тыс. до н.э. [Молодин, Комиссаров, 2004, с. 51]. Авторы рассматривают китайские копья с крюком как результат воздействия ведущих металлургических центров на иньскую металлургию [Молодин, Комиссаров, 2004, с. 51, 52]. В контексте северо-восточных влияний и ввиду вышеперечисленных отличий сианьское и цинхайское копья представляются позднейшими реминисценциями сейминско-турбинских образцов. Вероятно, именно такая постсейминско-турбинская форма второй половины II тыс. до н.э. запечатлена с грибовидным антропоморфом из Цагаан Гола.

Еще один случай подобного сочетания зафиксирован в петроглифах Калбак-Таша (табл. 1 -27). Персонаж в головном уборе и, возможно, в защитном снаряжении, снабжен копьем с дугообразными элементами у основания наконечника (табл. 1 -27). Это позволило Ю.Н. Есину «сопоставить его с наконечником сейминско-турбинского типа с двумя петлями на втулке из могильника Ростовка на р. Иртыш» [Есин, 2005, с. 125]. Для сейминско-турбинских комплексов нахождение такого изделия уникально. Поэтому даже статистическая вероятность появления наскального изображения, единственного в своем роде, предмета вооружения ничтожно мала. Смущает и гипертрофия предполагаемых «петель». Искажение реальных пропорций запечатленного оружия не свойственно подобным рисункам [Кубарев, 2003, с. 25; Кубарев, 2004, с. 75]. Поэтому, размер т.н. «петель» калбак-ташского копья диссонирует с устойчивой тенденцией адекватной передачи изображаемых предметов вооружения. Кроме того, известны и более поздние, например аньянские, наконечники копий с аналогичными либо весьма близкими деталями (табл. 1 -23-26). Еще один вероятный тип калбак-ташского копья, это копье с перьевыми прорезями, переданными полуовалами по бокам наконечника (табл. 1 -28-31). Такие изделия бытовали от Британии до Западной Сибири [Аванесова, 1991, с. 48]. Е.Н. Черных относит их распространение к постсейминской или предананьинской фазе Евразийской металлургической провинции, а именно, к XII/XI-IX в.в. до н.э. [Черных, 1970, табл. Г; Черных, 1978, с. 74-75, рис. 11]. Появление прорезных наконечников копий в азиатской зоне Евразийской провинции связывают с металлообрабатывающими очагами европейской лесостепи [Черных, Агапов, Кузьминых, 1990, с. 37]. Н.А. Аванесова датирует наиболее ранние экземпляры этих копий XIII-XII в.в. до н.э., а самые поздние — XI-IX в.в. до н.э. и даже позднее, вплоть до ананьинских памятников [Аванесова, 1991, с. 49]. Е.Е. Кузьмина полагает, что мода на прорези в перьях евразийских копий возникает в последней четверти II тыс. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 30-31]. Таким образом, копья с прорезным пером также входят в состав постсейминско-турбинского оружейного комплекса Северо-Западной Азии. Сочетание

изображения данного изделия с грибовидным персонажем подтверждает сосуществование вышеупомянутого комплекса вооружений с одноименной изобразительной традицией.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). — Ташкент: Изд-во ФАН, 1991. — 200 с.

Есин Ю.Н. Искусство самусьской культуры: Автореф. дис… канд. ист. наук. — Новосибирск, 2004. — 22 с.

Есин Ю.Н. Некоторые проблемы изучения древнего искусства как изобразительного языка // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. — Томск: Том. гос. ун-т, 2005. — Вып. 1. — С. 95-103.

Кирюшин Ю.Ф. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // Изв. / СО АН СССР. История, филология и философия. — Новосибирск: Наука, 1991. — Вып. 2. — С. 66-70.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. -184 с.

Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц.– Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. — 140 с.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство — Новосибирск: Наука, 1987 — С. 150-169.

Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. — № 11. — С. 23-35.

Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 3 (19). — С. 65-81.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. — М.: Наука, 1966. — Вып. В4-9. — 150 с.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. — Л.: Изд-во Наука, 1980. — С. 3-26.

Матющенко В.И. Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. — Новосибирск: Наука, 1994 — 223 с.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1993. — С. 4-16.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — Т. 1. — 128 с.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Памятники бронзового века Северо-Западного Китая (в контексте внешних контактов) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 50-67.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. — 256 с. — (Мат-лы по археологии Сибири. — Вып. 3).

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Петроглифы эпохи бронзы плоскогорья Укок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. — Т. III — С. 247-252.

Черемисин Д.В. Петроглифы в устье р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М.: Наука; ИА АН СССР, 1990.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. — М: Наука, 1970. — 180 с.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. — 1978. — № 4 — С. 53-82.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та,1990. — С. 34-37.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule N 6: Mongolie du nord-ouest Tsagaan Salaa/Baga Oigor. — P., 2001. — 481 p.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule N 7: Mongolie du nord-ouest haut Tsagaan Gol/De Boccard. — P., 2006. — 444 p.

- Paris, 2006. — 444 p.

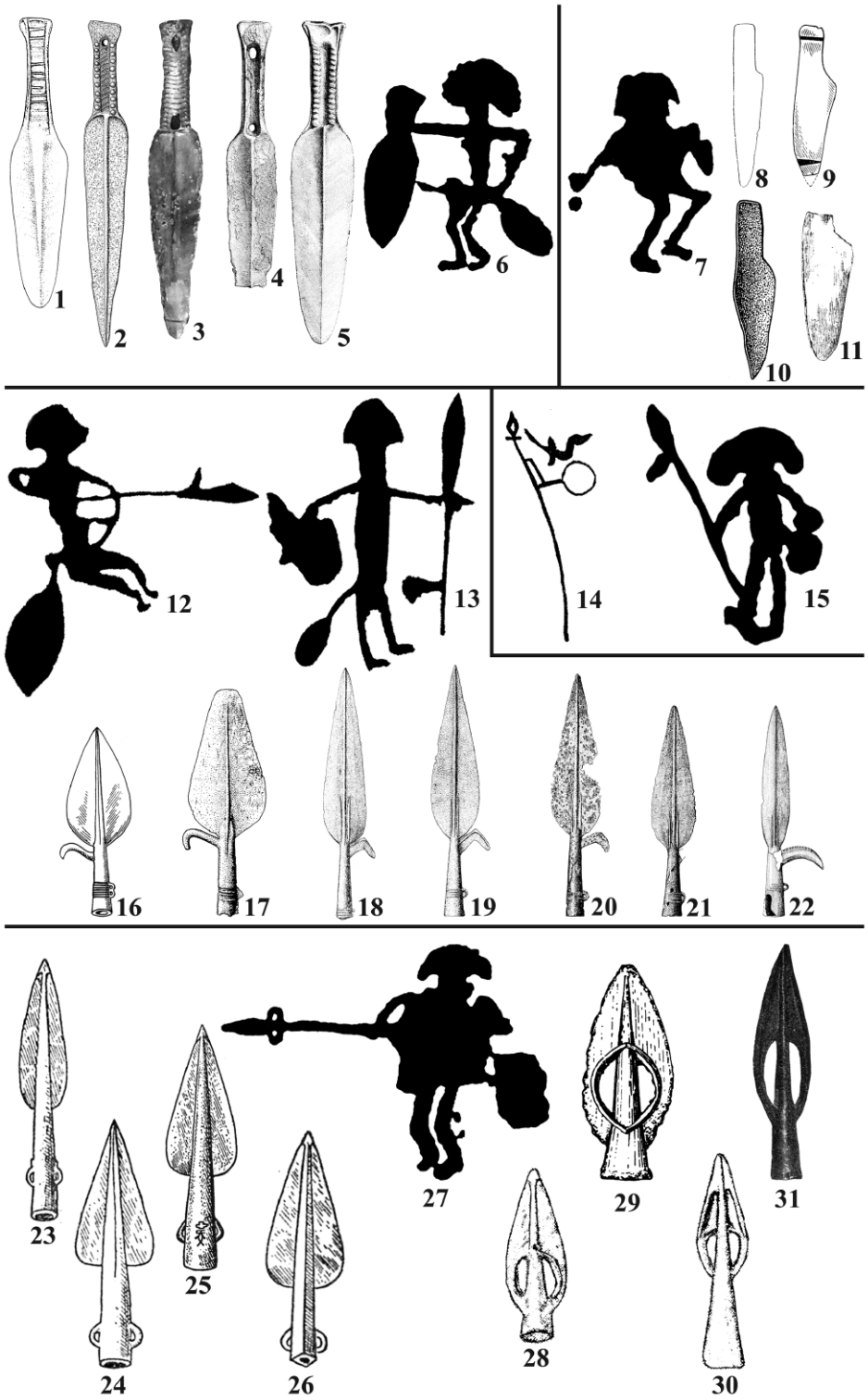


Рис. 1. 1 – с. Павлодарское; 2 – сов. «Урожайный», окр. Бийска; 3 – Змеиногорск; 4, 5 – Сопка II; 6 – Бага Ойгур II; 7 – ур. Бошту; 8 – Томский могильник на Малом мысу; 9 – Минусинский край; 10 – ЕК-II; 11 – Усть-Нарым; 12, 13 – Цагаан Гол; 14 – Хэрэксурийн дэнж; 15 – р. Чуя; 16 – Сиань; 17 – Циннхай; 18-21 – Ростовка; 22 – Бурла; 23 – Сычуань; 24, 26 – Сиань; 25 – Аньян; 27 – Калбак-Таш; 28 – Чаглинка; 29 – Кент; 30 – Черноозерье VIII; 31 – Алтай (по Аванесовой, Алехину, Варфоломееву, Волкову, Гришину, Грушину, Кирюшину, Киселеву, Комаровой, Комиссарову, Кубареву, Леру, Матющенко, Молодину, Папину, Пересветову, Синицыной, Тишкину, Цээвэндоржу, Черемисину, Черникову, Членовой, Якобсон-Тепфер).

В.В. Краснощёков
Иркутск

МЕСТО СТОЯНКИ БАМОВСКАЯ В КРУГУ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОБЪЕКТОВ СЕВЕРА ВЕРХНЕЛЕНСКОГО РЕГИОНА

В полевой сезон 2007 года сотрудниками Киренгского отряда АЭ ООО «Раритет» выполнялось обследование территории объекта нового строительства близ посёлка Улькан Казачинско-Ленского района Иркутской области (рис. 1-1). При производстве работ открыта стоянка Бамовская. Исследования в окрестностях южнее стоянки, на правом борту долины реки Киренги позволили выявить голоценовые субаэральные отложения, накрывающие сложный комплекс субаэральных, аллювиальных и водно-ледниковых отложений плейстоцена. В самом посёлке в 1995 году в прибровочной части первой террасы правобережья реки Улькан выявлена стоянка Усть-Улькан (средний неолит). Объект имеет значительные техногенные разрушения: именно здесь в 1974 году встали палатки первостроителей БАМа, а позднее проводилось строительство и добыча песка. Ближайшие объекты археологии плейстоцена зафиксированы в ситуации переотложения на высоком скальном цоколе (Балдахиньский карьер — в 20 км северо-западнее на левом борту Киренги) или же удалены на десятки километров (Ханда, Гарбиткан, Усть-Берея-1, Усть-Берея-2, Мехколонна, Школа-Лицей, Подстанция, Усть-Ирбукан-4) [Краснощёков, 2001, с. 185]. Такое положение дел помимо малоисследованности территории археологами, геоморфологами связывалось с погребением доледникового рельефа и наличием обширной зоны ледниковой абляции Окунайского ледника [Кульчицкий, 1967, с. 301]. В 1 км северо-восточнее расположен опорный геологический пункт, описанный А.А. Кульчицким — разрез в устье ручья Степанова (рис. 1-1) — правого притока р. Улькан. По остаткам древесины в нижней части аллювия 8-12-метровой террасы получена дата — 24000±220 лет (Vib-45), что соответствует липовско-новосёловскому потеплению конца каргинского времени [Кульчицкий, 1985, с. 8].

На перспективном участке, в 150 м западнее пункта сбора подъёмного материала Улькан-карьер (открытого в 1995г.), были выявлены стратифицированные культурные остатки. Археологически перспективная территория приурочена к инсолируемой склоновой выположенности правого борта приустьевой части долины реки Улькан высотой 20-25 м, в 3 км юго-восточнее станции Улькан ВСЖД. Тело выположенности осложнено небольшим оврагом с выходящим к долине Улькана конусом выноса. Основа этой геоморфологической структуры — коренной известняковый цоколь. Этот скальный мыс в правобережье приустьевой части Улькана выделяется в рельефе. Складкой рельефа археологически перспективная территория «прикрыта» от господствующих ветров северо-западного направления. Культурные остатки были выявлены в двух шурфах, заложенных на обоих бортах оврага. На базе одного из них, с большим количеством находок, был развёрнут раскоп площадью 16 кв.м. Координата раскопа (WGS-84) — N 55°53'05.5" E 107°49'04.2".

Описание отложений, зафиксированных при проходке раскопа № 1 (рис. 1-6):

1Ад. — дерново-почвенный горизонт — тёмно-серая супесь с преобладанием органических остатков и с угольками — 0,04-0,09 м;

1АВ. — Горизонт серой супеси с угольками — 0,07-0,10 м;

2 — Горизонт светло-коричневой средней супеси с угольками в кровле и «прослойками ожелезнения» в подошве — 0,2-0,23 м;

3 — Горизонт жёлто-коричневой лёгкой супеси с угольками с «прослойками ожелезнения в подошве — 0,35-0,48 м;

4 — Горизонт коричневой средней супеси с «прослойками ожелезнения» в подошве — 0,14-0,62 м;

5 — Горизонт серо-коричневой средней супеси с карбонатными новообразованиями в подошве — 0,05-0,61 м;

6 — Горизонт карбонатной светло-коричневой лёгкой супеси с почвенными образованиями и остатками человеческого быта — 0,04-0,81 м;

7 — Горизонт сероватой карбонатизированной лёгкой супеси — до 0,24 м.

Раскоп пройден на глубину до 2 м. Культуросодержащий слой верхнепалеолитического периода выявлен в составе отложений горизонта 6 вышеописанного разреза. Взаимодействие аккумуляционных и денудационных процессов привело к погребению культурных остатков на глубину 1,4-1,6 м. Культуросодержащий слой сложился на основе лёгкой супеси субаэрального генезиса. От сопутствующих отложений он оптически отделяется тёмно-серым оттенком и примесью культурогенных осадков: помимо собственно каменного инвентаря и отходов производства зафиксированы угольки костные и древесные, мелкие фрагменты кости, кусочки известняка, отдельности охры. Несовпадение уровня находок достигает 15 см, что, вероятно, связано с «подвижностью» деятельного слоя в прошлом. Применялось просеивание грунта из культуросодержащего слоя и промывка его наиболее насыщенных находками фрагментов. Это позволило выявить массу мелких находок.

На вскрытой площади зафиксирован 491 предмет, не имеющий отношения к естественному процессу осадконакопления. Самая гипсометрически высокая находка, фрагмент корня зуба шерстистого носорога (Coelodonta antiqitatis), — определение А.М. Клементьева, научного сотрудника ИрГТУ — не относится к выявленному комплексу. Другие костные остатки в слое нельзя определить из-за их малых размеров и фрагментарности. Фрагментов обработанного камня — 420. Большую часть находок составляют отщепы и «чешуйки» — 230 ед. Для выявленного комплекса изделий характерно сочетание культур отщепа и микропластины. Технические приёмы, используемые при этом — простое ударное расщепление, расщепление через посредник и простой отжим. Для малой части изделий присущ мотив бифасиальной обработки (рис. 1-2, 4). Отщепы служили основой большинства изделий: 6 угловых резцов (рис. 1-3; 2-11, 17, 18), проколки (рис. 2-26), ретушно-выемчатого изделия (рис. 2-6), скребков (рис. 2-5), комбинированных изделий (рис. 1-4, 5), долотовидных (рис. 2-23, 24) и отщепов с ретушью (рис. 2-9). Все комбинированные изделия с бифасиальной и унифасиальной обработкой — малоразмерные (рис. 1-4, 5). Более трети коллекции составляют предметы микропластинчатой индустрии. Встречены фрагменты, образовавшиеся при расщеплении, минимум, 8 микронуклеусов. Целых микропластинок — 6, 5 — трёхгранных (рис. 2-21), 1 — многогранная, короткая. «Неправильные» профили сообщают им непригодность для дальнейшего использования. В общем количестве микропластинок и их фрагментов преобладают трёхгранные, около трети — двугранные и малая часть — многогранные. Двухгранные микропластинки: с обломанным дистальным концом — 6, проксимальных фрагментов — 14, медиальных — 17 от микропластинок и 1 — от пластины средних размеров, дистальных фрагментов микропластинок — 14. Трёхгранные микропластинки: с обломанным дистальным концом — 31, проксимальных фрагментов — 14, медиальных — 15 от микропластинок и 1 — от пластины средних размеров, дистальных фрагментов микропластинок — 14. Многогранные микропластинки: проксимальных фрагментов микропластинок — 6, медиальных — 2, дистальных фрагментов — 5. Небольшая часть микропластин (4 ед.) имеет локальную преднамеренную краевую ретушь с дорсального или с вентрального фаса (рис. 2-12, 25, 27). Обнаружен единственный нуклеус — клиновидный из серого желвачного кремня в конечной стадии сработанности с подработкой площадки одним сколом (рис. 1-2). Основой для такого расщепле-

ния служил бифас. Площадка — прямая, обработанная одним снятием. Следует отметить, что все найденные кремнёвые изделия получены из массивов цветного кремня. Выявленные сколы подживления площадки (4 ед.) также свидетельствуют об отсутствии тонкой подправки площадок несколькими снятиями (рис. 2-1, 2, 3) на нуклеусах этого типа. Зафиксированы ребристые пластины (5 ед.) и фронтальные сколы (2 ед. — рис. 2 — 6-9, 24) с нуклеусов субпараллельного принципа расщепления, ориентированных на получение микропластинок и пластин средних размеров. Вместе с тем, судя по полученным данным, субпараллельный принцип использовался здесь как для торцового, так и для плоскостного расщепления. Выявлены три боковых резца (рис. 2-15, 16, 20) и 2 угловых (рис. 2-18, 19), оформленных на дистальных концах микропластинок. Представляет интерес микроскребок из медиального фрагмента микропластинки (рис. 2-4). Субстрат большинства находок — серый желвачный кремень (369 ед.), распространённый в виде пропластков в коренной породе. Значительно меньшее количество, в основном– изделия, изготовлены из галек яшмы (1 ед.), халцедона (16 ед.), цветного (вероятно — галечного) кремня (26 ед.) и эффузивных пород (8 ед.), распространённых в Байкальской горной области. При этом яшма и халцедон с кремнем шли на изготовление изделий на основе микропластинок и отщепов, а эффузивные породы — только на изделия из отщепов и, реже, — из крупных пластин.

Помимо этого, в разведочном шурфе, расположенном в 85 м северо-западнее раскопа, на правом борту оврага, в соответствующих культуросодержащему слою отложениях выявлен резец из эффузивной породы (рис. 2-10). Предположительно выположенности на обоих бортах оврага входили в территорию обитания и, вероятно, имели значение в охотничьей стратегии.

Полученные данные позволяют определить выявленный объект как стоянку с культуросодержащим слоем, испытавшим небольшие перемещения по вертикали. Это перемещение устанавливается на основании случаев ремонтажа некоторых находок, фрагментация которых не имеет связи с технологическими приёмами. Суждение о количестве актов обитания на данном этапе исследования — невозможно. Необходимо дальнейшее исследование объекта с целью установления связи с подъёмным материалом, выявленным в окрестностях в 1995 году (Улькан-карьер) и стратифицированным материалом в шурфе на правом борту оврага. Предполагаемая датировка по стратиграфическим показателям — Sr3, так как культуросодержащий слой погребён ниже кровли финально-сартанских карбонатизированных супесей и покрывает отложения, которые сопоставимы с ранне-сартанскими. Получена датировка слоя по обнаруженному при раскопках древесному углю и почве — 18370±340 лет (СОАН-6910). Существует вероятность площадного распространения объекта. Выявить это распространение предстоит при проведении дальнейших углублённых исследований. Выявленная палеолитическая стоянка — первый объект такого уровня познавательной ценности в долине реки Киренги.

В целом, следует признать, что выявленному археологическому комплексу присущи определённые характерные черты. При допущении, устанавливающем, что характеристики культуры определяются наиболее технологически сложными манипуляциями, дающими в итоге предмет целеполагания — стандартизированное изделие, а не «приспособительными» операциями, дающими статистически преобладающие, но технологически несложные изделия, — можно считать, что выявленная стоянка занимает среднее положение среди ранее выявленных объектов севера Верхоленья. Хронологически выявленный комплекс занимает промежуточное положение между стоянкой Алексеевск-1 (22415±480 лет, ЛЕ-3931) и Балышово-3, 2-й слой (12-15000 лет), а также Вешний Ручей (12-16000). Хронологический экскурс завершается материалами местонахождения Любавская-1 (9800±250 лет, ГИН-7064а). Одно- и двухплощадочные моно- и двухфронтальные нуклеусы, «давшие» пластинки неправильных очертаний средних размеров, со стоянки Алексеевск-1 имеют площадку, оформленную одним сколом или галечную, клиновидных нет совсем [Задонин, 1996, с. 24]. На стоянке Вешний Ручей плоскостные монофронтальные, торцовые и клиновидные нуклеусы уже имеют обработанные площадки. [Задонин, Дзюбас, 2003, с. 75] Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы со стоянки Балышово-3 (2-й слой) также имеют обра-

ботанные площадки [Задонин и др., 1991, с. 47]. На Любавской-1 нуклеусы не найдены, но микропластины присутствуют [Задонин, 1994, с. 20]. На выявленной стоянке Бамовской обнаружен один клиновидный нуклеус с площадкой, оформленной одним сколом и следами расщепления нескольких нуклеусов, позволивших получить микропластинки правильных очертаний. Кроме этого, найдены надёжные свидетельства плоскостного расщепления, а в инвентаре присутствуют и фрагменты пластин средних размеров. На текущий момент исследования не найдено свидетельств подработки площадки нуклеусов.

Возможно, вышеописанная технологическая динамика является свидетельством перемещения населения, связанным с резкими природно-климатическими изменениями в верхнем плейстоцене [Аксёнов, 1989, с. 29]. Выявленный объект перспективен для дальнейших исследований. Получен фактический материал для дальнейшей работы.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1989. — 35 с.

Задонин О.В. Археологическое местонахождение Любавская-1 на севере Верхней Лены // Историко-культурное наследие Восточной Сибири. — Иркутск, 1994. — С. 18-21.

Задонин О.В. Палеолитическое местонахождение Алексеевск-1 // Археологическое наследие Байкальской Сибири. — Иркутск, 1996. — Вып. 1. — С. 23-27.

Задонин О.В., Дзюбас С.А. Археологический памятник Вешний Ручей на севере Верхней Лены // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. — С. 74-77.

Задонин О.В., Хомик С.Н., Краснощеков В.В. Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые археологические памятники севера Верхней Лены // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск, 1991. — С. 45-48.

Краснощёков В.В. Объекты палеолита в бассейне реки Киренги // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2001. — С. 181-186.

Кульчицкий А.А. Граница максимального оледенения северной части Западного Прибайкалья // Вопросы геологии Прибайкалья и Забайкалья. — 1967. — Вып. 2 (4). — С. 298-301.

Кульчицкий А.А. Плейстоценовые оледенения гор северо-западного Прибайкалья в зоне БАМ // Геология и геофизика. — 1985. — № 2. — С. 3-9.

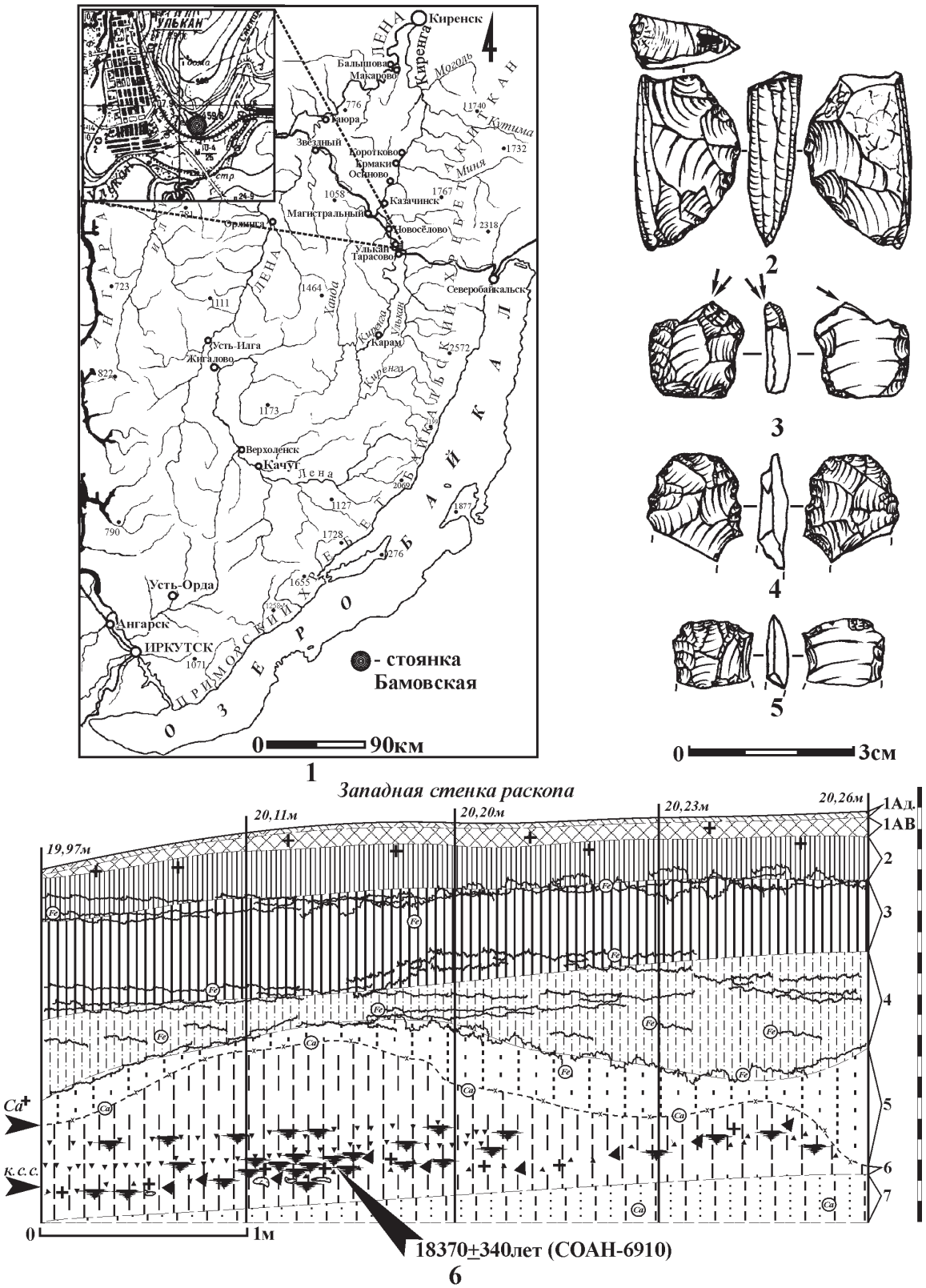


Рис. 1. Стоянка Бамовская: 1 – план Прибайкалья с указанием местонахождения; 2 – клиновидный нуклеус; 3 – комбинированное изделие; 4 – фрагмент бифасиально обработанного изделия; 5 – фрагмент комбинированного изделия; 6 – Стоянка Бамовская. Изображение разреза отложений в раскопе № 1.

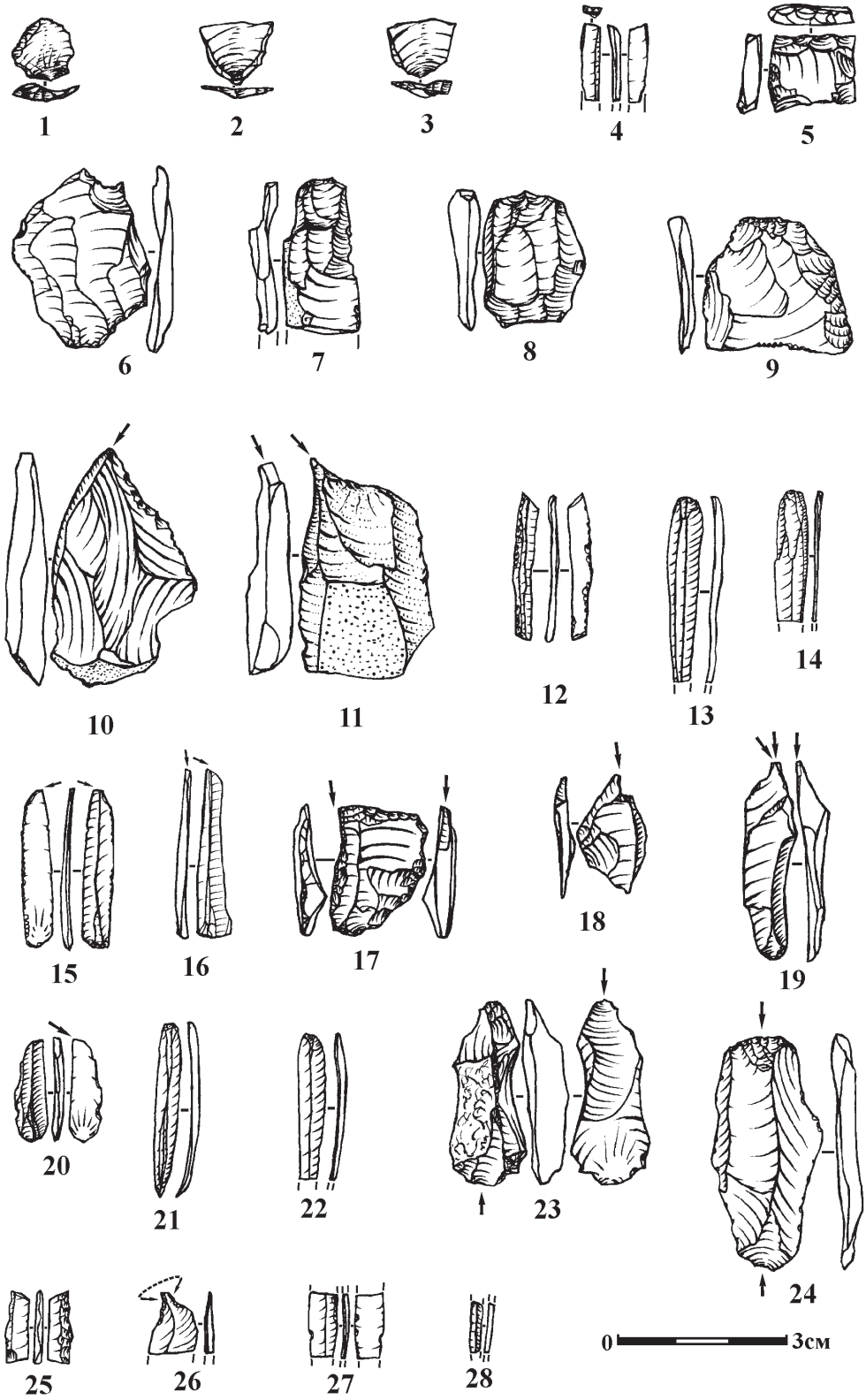


Рис. 2. Находки из культуросодержащего слоя стоянки Бамовской: 1, 2, 3 – сколы подживления площадки клиновидных нуклеусов; 4 – концевой микропластинчатый скребок из медиального фрагмента; 5 – скребок; 6–9 – фронтальные сколы с нуклеусов с ретушью утилизации; 10, 11, 15-20 – резцы; 12, 25, 27 – ретушированные микропластинки; 21 – целая микропластинка; 13, 14, 22, 28 - фрагментированные микропластинки; 23, 24 – долотовидные изделия; 26 – проколка.

В.Е. Ларичев[1], Е.А. Липнина[2], Г.И. Медведев[2], С.А. Когай[2]
[1]Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Иркутск, Иркутский государственный университет,
[2]Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии
Института археологии и этнографии СО РАН

АНГАРСКИЙ ПАЛЕОЛИТ: У ИСТОКОВ «ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА» РАННИХ HOMO SAPIENS ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И НАЧАЛО ОБРЕТЕНИЯ ИМИ ПРОТОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ*

Вопрос о сибирском палеолите
имеет не только местный интерес:
разрешение его именно в Сибири
даст чрезвычайно ценный материал
для истории развития человечества вообще.
Б.Э. Петри

Видимо, само провидение, тяжелые обстоятельства истории страны в конце второго десятилетия прошлого века и, конечно же, не в последнюю очередь, личная судьба (в начале жизни — удачливая, а в конце — трагическая), привели Бернгарда Эдуардовича Петри «в должное время в нужное место» — в Сибирь, в Иркутск, на берега Ангары и Байкала (рис. 1). Привели, как отчетливо видится теперь, с высоты почти вековой протяженности «Горы времени», для свершения желанной для каждого истинного ученого цели — освоив и критически оценив содеянное предшественниками, наметить для себя программу действий на десятилетия вперед, чтобы во всеоружии новых фактов взойти на очередную ступеньку познания ранее неведомого.

Научные пристрастия Б.Э. Петри отличались завидной многосторонностью и было бы странно в докладе, посвященном постановке и путям решения одной из самых трудных проблем сибирского палеолитоведения — интерпретациям образов и знаков искусства, анализировать достижения его в тех ответвлениях гуманитарии, что стали полями его изысканий. Учитывая тему публикации и допустимый объем ее, рационально ограничиться предельно кратким рассмотрением обстоятельств зарождения у юбиляра интереса к древнекаменному веку Восточной, Средней и Западной Сибири и мыслей, которые возникали у него при изучении материалов, накопленных к началу XX вв. [Черский, 1872; Савенков, 1886; 1892; 1916; Savenkov, 1891; Кащенко, 1896; 1901; соответствующие историографические очерки см. Ларичев, 1969]. Что касается первого аспекта, зарождения интереса, то тут важно, прежде всего, отметить знакомство и беседы Б.Э. Петри в 1912-13 гг. с патриархом сибирского палеолитоведения И.Т. Савенковым, первооткрывателем памятников древнекаменного века Енисея, и просмотр соответствующих коллекций, переданных им в Музей антропологии и этнографии. О том зафиксированных документально сведений нет, но допустимо предположить, что в беседах тех затрагивались обстоятельства приезда в Красноярск И.Д. Черского, первооткрывателя ангарского палеолита, предпринятого специально для ознакомления с археологическими и палеонтологическими находками И.Т. Савенкова, а также геологическими условиями залегания их в лессовых толщах Афонтовой горы. Возможно, И.Т. Савенков делился с Б.Э. Петри и сведениями о благожелательных впечатлениях, которые произвели енисейские находки на французских археологов Ж. де Бая и Г. Шаве, участников Международного археолого-антропологического конгресса в Москве [1892 г.; см. Baron de Baye, 1894; 1897; Baron de Baye, et. Th. Volkov, 1899; Chavet, 1892]. Сказано

**«О Природе» — так обычно называют сочинения натурфилософов Средиземноморья эпохи античности, посвященные мироописанию.*

все это к тому, что Б.Э. Петри посчастливилось иметь как живой так и опосредованный контакт с теми, кто открыл и положил начало изучения палеолитических культур Сибири.

Изложены эти беглые историографические заметки, помимо прочего, еще и для того, чтобы посредством указаний на плодотворную деятельность самого Б.Э. Петри, как выдающегося организатора науки и педагога, подчеркнуть непрерывность линии передачи научных традиций сибирской школы палеолитоведения. Ведь он стал связующим звеном между его удачливыми предшественниками И.Д. Черским и И.Т. Савенковым и собственными учениками — Г.П. Сосновским, Г.Ф. Дебецом, М.М. Герасимовым и А.П. Окладниковым, коим археология древнекаменного века Северной, Центральной и Средней Азии обязана несколькими мирового значения открытиями (рис. 2). Теперь же исследования палеолита ведут ученики мэтров недавнего прошлого — «внуки» юбиляра, т.е. ученики учеников, и уже успешно приступили к делу «правнуки» его.

Суммируя впечатления от заново перечитанных (по случаю юбилея) итоговых размышлений Б.Э. Петри о сибирском палеолите [см. Петри, 1923; 1927, 1928], испытываешь такое же волнение, как при соприкосновении с только что извлеченным из толщи ледниковых отложений уникальным объектом искусства. Итоги эти — пионерно-первые в череде последующих, сменяющих друг друга концепций, и потому, конечно же, не подлежат особо строгому суду. Посему ограничимся лишь перечислением наиболее важных достижений юбиляра:

1 — Б.Э. Петри собрал воедино материалы по палеолиту Сибири, известные к началу 20-х годов, и провел раскопки самого к тому времени перспективного для изучения памятника палеолита Приангарья — Верхоленской горы;

2 — обобщенное стало для него основой сначала для соответствующего раздела курса по археологии, прочитанном в Иркутском университете в 1920 г., а затем и богато иллюстрированного издания «Сибирский палеолит»;

3 — Б.Э. Петри сформулировал свое своеобразное мнение о характере древнейшей в Северной Азии культуры, представив ее периодом, с которого «должна начинаться история Сибири»;

4 — он особо подчеркнул не только региональную, а и евразийского масштаба значимость сибирского палеолита, интересного для воссоздания «истории развития человечества вообще»;

5 — Б.Э. Петри определил сибирскую палеолитическую провинцию как изолированную от европейской огромными расстояниями, а также «непроходимыми лесами и необозримыми тундрами»;

6 — изолированность была воспринята им весьма значимо — как показатель развития культур «без взаимных влияний», как «искусственно поставленный опыт» эволюции их в одинаковых природных условиях, диктующих прохождение «одних и тех же стадий развития». Б.Э. Петри оценил это явление показателем действия «общего непреложного закона развития человечества»;

7 — к своеобразию североазиатского палеолита Б.Э. Петри отнес отсутствие «художественной одаренности» у «палеолитических насельников Сибири, в противоположность их европейским собратиям».

В ошибочности (скорее — поспешности) последнего соображения Б. Э. Петри вскоре убедили результаты раскопок его учеников — Г.П. Сосновского на Афонтовой горе в начале 20-х гг. [Ауэрбах и Сосновский, 1924], а в особенности, исследования М.М. Герасимовым Мальты в конце 20-х и начале 30-х гг. [Герасимов, 1931, Липнина, 2008; объекты искусства, открытые И.Д. Черским при раскопках стоянки Военный госпиталь, Б.Э. Петри не признал палеолитическими; подробности см. Петри, 1928; Ларичев, 2003]. Позже стало ясно, что «потребность творить в области прекрасного манили первобытного художника» не просто вследствие желания

«запечатлеть что-либо из увиденного на поверхности кости или мягкого камня», а куда более серьезные цели [Ларичев, 1983; 1993; 1999]. Убедительнее всего подтвердили то объекты искусства, в определенной мере аналогичные роговому шилу с «простым рисунком из черточек», замеченных Б.Э. Петри на поверхности инструмента всего лишь однажды.

Вводные замечания. Интерпретация образов и знаков первобытного художественного творчества — фундаментальная задача палеолитического искусствознания. Попытки раскрыть смысловые контексты отдельных изображений и многофигурных композиций предпринимаются уже более полутора веков, но удовлетворительный (доказательный) ответ не получен до сих пор. Между тем, за ним скрывается «тайна тайн» древнего искусства как основополагающе значительного явления культуры — его происхождения, изначальных истоков. Новые концептуальные веяния, определившие появление проблесков света в конце тоннеля, наметились только в начале второй половины прошлого века с публикацией новаторских статей и книг А. Маршака, посвященных расшифровке знаковых «записей» на предметах искусства палеолита Западной Европы [Marshack, 1970; 1991; там же обширный список литературы вопроса]. Исследования такой направленности нашли затем продолжение в «прочтении» знаковых «текстов» на предметах искусства палеолита Сибири [Ларичев, 1983; 1985; 1993; 1999]. К началу XXI в. стало ясно, что при оценке смыслового содержания древнего искусства необходимо по-новому взглянуть на уровень развития интеллекта и духовности палеолитического человека, в частности, непременно учесть позитивные познания им «окружающей действительности», в том числе той, что расположена вверху, вне Земли, и доступной лишь глазам и разуму его (речь идет о Небе и светилах, а познаниях — астрономических и календарных).

Постановка проблемы и программная цель поиска. История открытия и раскопок стоянки Переселенческий пункт I и соседних с ним местонахождений. При разработке тезисно обозначенной темы фундаментальную значимость приобретают памятники, восходящие по времени к самым ранним этапам верхнего палеолита Сибири, а из материалов раскопок — предметы искусства. Они в наибольшей степени подходящи для изысканий в области становления искусства раннего Homo sapiens, его культово-религиозных, мифологических и протонаучных представлений. Такие памятники и желанные объекты искусства со знаковыми «записями» обнаружены в последние годы и при раскопках в местах, где вел исследования И.Д. Черский и проходили первые разведочные маршруты Б.Э. Петри. В частности, можно со значительной степенью уверенности предполагать, что он посещал Переселенческий пункт I, третий по счету (в последовательности открытия — после Военного госпиталя (1871 г.) и Верхоленской горы (1893 г.)) и первый палеолитический объект, выявленный при целенаправленном разведывательном поиске. Обнаружил его в 1922 г. М.М. Герасимов как местонахождение фауны и там же в 1924 г. он нашел при раскопках каменные изделия и обломки костей животных. Предварительное сообщение о находках было опубликовано в 1926 г., а затем сведения об инструментах и рисунки их удалось издать в 1928 г. [Герасимов, 1926; Петри, 1928]. Геология местонахождения изучалась в 1928 и 1930 гг. Г. Ф. Мирчинком и В. И. Громовым [Громов, Мирчинк, 1928; Громов, 1948]. В 1937 г. сведения о ПП (Переселенческом пункте) — 1 и еще двух местонахождениях — ПП — II и III были включены М. М. Герасимовым в рукопись монографии «Памятники дородового периода Прибайкалья». Но в печати эти факты появились лишь в 2007 г. — в издании, приуроченном к столетию со дня рождения первооткрывателя [Герасимов, 2007].

За 70 последующих лет (с 1937 по 2007 гг.) неоднократно предпринимались лично инициативные и официальные краеведческие археологические и геологические попытки определить в стратиграфическом и хронометрическим положениях культуросодержащие отложения Переселенческого пункта. Но ни в случае самодеятельных зачисток, ни при проведении целенаправленно экспертных геоархеологических земляных выработок, изделий из камня обнаружить долго не удавалось, а костные остатки ископаемых животных исключали основания утверждать, что выявлен именно тот слой напластований, который зафиксировал М.М. Герасимов в 1922 и 1924 гг.

Сам М.М. Герасимов в поисках, предпринятых позже, в 1927-1930 гг., так и не смог обнаружить описанный им ранее пласт.

Особенно часто специальные экспертные работы стали производиться в период с 1984 по 2007 гг. в связи со строительными работами жилищного и коммунального хозяйств города. Тематические научно-исследовательские задачи в этих изысканиях намеренно не ставились, а выполнялись только попутно, при решении чисто градостроительных задач. Первый случай обнаружения археологического материала при строительных работах в 2007 г., был для всех неожидаемым. Но все же его нельзя считать и случайным в чисто организационном аспекте: ведь Центральный строительный надзор Иркутской области всегда осуществлял контроль по ходу выполнения текущих строительных работ. В тот год сотрудник Научно-исследовательского центра «Байкальский регион» Иркутского государственного университета В. И. Базалийский зафиксировал, наконец, долгожданный археологический материал in situ в стенке строительного котлована подблок секции 1–2 («Малый котлован»). Стратиграфическое положение находок были подтверждены специальными шурфами, заложенными на разной глубине. Строительные работы удалось быстро приостановить, а затем и ввести в том месте режим экстренных спасательных работ, значительных по масштабности [Когай, Липнина, Медведев…, 2007].

В ходе раскопок помимо коллекции разного вида каменных изделий удалось обнаружить несколько объектов искусства, в том числе фрагмент кольца («браслета»), изготовленного из талькита (рис. 3, 3), и, что в особенности важно (при исключительной ценности предметов со знаковыми «записями»), фигурная по очертанию «подвеска» с биконическим отверстием на конце и насечками по контуру (рис. 3, 2; 4); круглое миниатюрное изделие, плоское с двух сторон, с широким краевым ободом, сплошь покрытым ювелирно тонкими, линейными, вертикально ориентированными насечками и неглубокой округлой каверной в центре одной из плоскостей (рис. 3, 1), а также обломок рога оленя с «продавленными» линиями «узора».

Открытие объектов искусства со знаковыми «записями» потребовало, естественно, особо тщательной работы по определению возраста культуросодержащего слоя, что и было осуществлено.

Стратиграфическое положение археологических материалов. Артефакты из камня, «украшения» из камня и кости (т. н. «произведения палеолитического искусства»), костные остатки млекопитающих и птиц, микротериофауна, моллюски местонахождения Герасимова I, все это принадлежит в общем разрезе седиментационным уровням геологического слоя («толщи») № 7. Уровни объединены в 3 основные позиции:

кровля слоя с линзами песка на кровле и в ее составе, содержащими отдельные предметы и фауну — верх, верхняя позиция;

медиальный отдел слоя — толщи сложно-мультислойчатой, линзовидно-слоистой, деформированной, разорванной — медиум, средняя позиция;

подошва слоя — горизонты с линзами песка и языками толщи в подстилающей пласте 6 разреза; они содержат отдельные находки — низ, нижняя позиция.

Культуросодержащие суглинки, средние, легкие, супеси, пески, оформлены в целостную толщу — слоистую в общем составе, мультислойчатую в элементарной организации, линзовидно-серповидную, прерывисто-ритмичную в слоистости и слойчатости, деформированную криогенно, солифлюкционно, рептационно в различных частях седиментационного тела, разноокрашенную в слоистости и слойчатости в темно-бурые, коричнево-ржавые, желто-бурые, красно-желтые, палевые, пепельно-серые, углистые, марганцевые цвета и тона — максимальное представительство — 2.00 м. Минимальное текстурное выражение строения геологического слоя в разрезе — 0.50–0.20 м. Геологическое положение — средний и поздние отделы второй половины верхнего плейстоцена Байкальской Сибири.

Археологический материал, артефакты из камня, костные остатки млекопитающих и птиц, фауна грызунов, фиксируются в самой кровле толщи и даже в самой подошве тонкослоистых песков и супесей, а далее вниз размещены по всему пласту без видимого порядка, без предпочтительности к тому или иному виду слойков (они имеют, большей частью, привязку лишь к линзочкам разнозернистых и разной цветности песков). Но эта гранулометрическая особенность не доминирует и не создает ситуацию, которая могла бы быть названа многослойностью, хоть сколько-нибудь выраженной. Размещение археологического материала в описанном слое документирует динамику ее слойчато-слоистого формирования между датами, предположительно, [23 000-25 000]-[36 000-40 000(?)] лет назад и механику переотложения археологического материала с более высоких отметок на более низкие. Крайние показатели превышения в этой ситуации — 0-6 м на линейной протяженности палеорельефа в 10–15 м.

Культурные остатки представлены:

1 — изделиями из твердых пород кварцита, кварца, эффузивов, пород опалового и халцедонового ряда, окремнелых песчаников, аргиллитов; в составе форм: скребла, скребки, бифасы, чопперы, pieces écailles (преимущественно в фрагментированном виде) — 57 ед.; нуклеусы плоские, столбчатые из крупных монолитов, для пластин с замкнутым фронтом — «пирамидальные» — 27 ед.; продукты расщепления камня: фракции пластинчатые — 1284 ед., кластические — 110 ед.; техника оформления изделий и форма их не выделяют комплекс обработанного камня местонахождения Герасимова I из общего свода материалов памятников возраста 35–25 000 л. н. Байкальской Сибири;

2 — «произведения искусства» в количестве пяти экз.: заготовка бусины из кости; обломок овального в сечении «браслета» из талькита; обломок орнаментированного рога северного оленя (орнамент линейный, шлифованный по резным линия); округлое плоское изделие из талькита; крупная, массивная, плоская, с отверстием, грушевидная по очертанию подвеска из талькита;

3 — «кухонные остатки» — птицы, мамонт, носорог, крупная лошадь, Bovidae, северный олень, песец (типичный набор «верхнепалеолитического комплекса»); фауна, не связанная с охотничьей деятельностью — кости грызунов; всего фаунических находок — 2877 ед.

Количество собранных предметов и фаунистических остатков с всей площади, вскрытой в 2007 г. — 4 358 ед.

Радиоуглеродное датирование культурных отложений. Из всего массива остатков фауны плейстоцена на Герасимова I радиоуглеродному анализу были подвергнуты кости крупных млекопитающих из зоны контакта слоев 8 и 7 (желто-серая супесь среднего отдела и подошвы культуросодержащей толщи 7). Полученные даты документируют радиоуглеродный возраст костных образцов: 17 950±140 лет (СОАН–6871); 18 120±130 лет (СОАН–6898); 18 440±200 лет (СОАН–6870); 19 210±195 лет (СОАН–7220); 19 830±220 лет (СОАН–7332) — зона контакта; 26 985±345 лет (СОАН–7221); 28 700±260 лет (СОАН–7222), 28 240±370 лет (СОАН–7329), 29 940±440 лет (СОАН–7330), 28 300±270 лет (СОАН–7331) — подошва толщи. В подошве толщи 7 зафиксирован обломок «браслета» и изделие из рога северного оленя, орнаментированное вдавленными («прессованными»?) линиями. В лаборатории Института геологии и минеральных ресурсов Республики Корея из скопления ископаемых культурных остатков, в составе которого были найдены орнаментированное изделие из рога и браслет, получены две даты (AMS датирование): зуб лошади R-1 36 750±380 (не калиброванная) — 41 780±330 (калиброванная) OBn080001; фрагмент кости R-2 32 110±260 (не калиброванная) — 36 390±730 (калиброванная) OBn080002.

Значение открытия при раскопках Герасимова I «орнаментированных» объектов «искусства». Методические установки расшифровки «узоров». Исследование местонахождения поставило на очередь дня решение ряда актуальных со времени изысканий Б.Э. Петри культурологических проблем североазиатского палеолита, в том числе особо сложных для разработок — истоков феномена культуры верхнего палеолита Прибайкалья — «мальтинского искусства».

Удача открытия первых образцов предтеч его представляется в особенности значимой потому, что поверхности и грани двух из них оказались «украшенными» орнаментального вида «узорами», а в реальности — числовыми знаковыми «записями», подобными мальтинским. А это означает вот что: они, эти образцы, позволяют не ограничивая себя тривиально общими, ни к чему не обязывающими разговорами, заняться самым существенным в искусствознании делом — доказательными интерпретационными и семантическими реконструкциями на основе методики, разработанной при изучении «объектов искусства», обнаруженных М. М. Герасимовым около 90 лет назад при раскопках Мальты [первый опыт см. Ларичев, 1985]. В основу ее, этой методики, положены два естественно-научного характера постулата:

Пифагора — «Все порождается числом и объясняется посредством числа»;

и Галилео Галилея — «Измеряй все доступное измерению и делай недоступное измерению доступным».

Следование тому и другому «максиму» выдающихся личностей эпох античности и Возрождения, призвано обеспечить доказательность «прочтений» того, что искусствоведы именуют по привычке и в согласии с традициями «узорами».

Определившись с методикой, приступим к анализу источников — двух разновидностей упомянутых «узоров», совмещенных с изделиями из талькита.

Источник № 1. Виды знаков, количественный контекст и позиционирование их в «записи». Тестирование чисел для выявления характера величин. Плоскую, массивную, грушевидной формы, с отверстием на конце подвеску «украшают» по контуру насечки, а на обеих плоскостях — разной длины, ширины и глубины резные линии (рис. 5, а и б). «Запись» одной стороны составляют 1 отверстие, 40 краевых насечек и 4 резные линии. Всего знаков

1 + 40 + 4 = 45.

«Запись» противоположной стороны составляют 1 резная линия и 40 краевых насечек (вне учета оставлено отверстие, уже включенное в первую «запись»). Всего знаков

1 + 40 = 41.

Оба выявленных числа, 45 и 41, примечательны кратностью их, соответственно, синодическому (смещение небесного тела относительно Солнца) и сидерическому (смещение относительно звезд) оборотам Луны, что означает календарно-астрономическую информационную содержательность того и другого. Подтвердим сказанное традиционным приемом тестирования:

45 сут. : 29,5306 сут. = 1,5238 ≈ 1 ½ син. мес.;

41 сут. : 27,32 сут. = 1,5007 ≈ 1 ½ сид. мес.

Результаты открывают обнадеживающие перспективы для реконструкции двух систем счисления лунного времени годовой продолжительности — синодической (354,367 сут.) и сидерической (327,84 сут.). Предваряя проверку этой идеи, пронумеруем знаки «записей» обеих сторон, что, кстати, позволит прояснить попутно информационный контекст позиционирования краевых насечек и сближенных с отдельными из них резных линий (см. рис. 5).

Реконструкция системы счисления лунно-солнечного года (360 сут.). Цикл средний между длительностью года лунного и солнечного — (354,367 + 365,242 сут.) : 2 = 359,8045 ≈ 360 сут. Прием выравнивания лунно-солнечного времени с временем солнечным. Восьмикратный проход по «записи» 45 выведет на рубеж окончания лунно-солнечного года, известный в древности как «год хозяйственный» или «майский»:

45 сут. × 8 = 360 сут.

Рациональность такого цикла заключается в том, что начало и окончание каждого из 8 полуторамесячных лунных периодов (45 или 44 сут.) могли автоматически определять дни равноденствий, солнцестояний и межсезоний, ра вно отстоящих от соответствующих равноденствий и солнцестояний (обычно то было время смен хозяйственной деятельности). Чтобы не допустить отставания лунно-солнечного времени от времени солнечного, в счетную систему по окончании 2-х «хозяйственных лет» вводился интеркалярий (дополнение) длительностью 12 суток:

[(360 сут. × 2) + 12 сут.] : 365,242 сут. = 2,0041 ≈ 2 года.

Резная линия 12 как раз и призвана определить окончание этого отрезка времени (см. на рис. 5, а знак 12).

Реконструкция системы счисления лунного года (354,367 сут.). Прием выравнивания лунного времени с временем солнечным. Определение даты новогодия. Двукратный приход по «записи» 45 и шестикратный по 44 (не учитывался знак «отверстие») выведет на рубеж окончания лунного года:

(45 сут × 2) + (44 сут. × 6) = 354 ≈ 354,367 сут.

Чтобы не допустить отставания лунного времени от времени солнечного, в счетную систему вводился интеркалярий длительностью 11 сут. сразу же по окончании одного года:

354 сут. + 11 сут. = 365 ≈ 365,242 сут.;

или 34 сут. по окончании 3-х лунных лет:

(354 сут. × 3) + 34 сут. = 1096 сут.;

1096 сут. : 365,242 сут. = 3,00075 ≈ 3 солн. года.

Резная линия 12 отделяет 11 краевых насечек от последующей череды знаков, подсказывая окончание счисления интеркалярия для одного лунного года, а резная линия 34, совмещенная с насечкой 33, подсказывает окончание интеркалярия для лунного трехлетия (см. на рис. 5, а знаки 11, 33 и 34).

За новогодие принималось или осеннее равноденствие, если начало счисления определяли 45 → 44 сут. = 89 сут. (длительность осеннего астрономического сезона, охватывающего время от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния), или зимнее солнцестояние, если начало счисления определяли 45 → 45 сут. = 90 сут. (длительность зимнего астрономического сезона, охватывающего время от зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия). Точное решение вопроса о дате новогодия затруднительно.

В заключение реконструкций «записи» из 45 знаков обратим внимание на примечательность очертаний контура «подвески» — следуя им, фазы Луны то растут («светлая» половина месяца), то убывают («темная половина месяца; см. на рис. 5, а позиционирование фаз).

Нерешенной осталась пока задача возможности образного восприятия «подвески» при разной ориентации ее выпуклого и вогнутого краев (медведь?; бизон? некое двухконечное изображение?).

На иные «прочтения» подталкивает «запись» числа 41, составленная из 40 краевых насечек и всего лишь одной, но глубокой, вертикально ориентированной резной линии (см. рис. 5, б).

Реконструкция системы счисления сидерического года (327,84 сут.). Приемы выравнивания звездно-лунного времени с временем лунным, лунно-солнечным и солнечным. Восьмикратный проход по «записи» 41 выводит на рубеж окончания сидерического года:

41 сут. × 8 = 328 ≈ 327,84 сут.

Чтобы не допустить отставание «звездного времени» от истинно лунного, фазового, в счетную систему вводился интеркалярий, длительностью близкой 1 сидерическому месяцу (27 сут.; цикл этот, 27,32 сут., определяет реальную длительность оборота Луны вокруг Земли, что древние календаристы использовали, видимо, при расчетах времени наступления затмений; в этой связи заметим, что «звездный месяц» близок продолжительности драконического (затменного) месяца — 27,2122 сут.):

328 сут. + 27 сут. = 355 ≈ 354,367 сут.

Рубеж окончания «звездного» годового цикла точно определяет резная линия 28, расположенная рядом с краевой насечки 27, прямо «подсказывающей» — сколько же целых дней длится сидерический месяц (см. на рис. 5, б число 27); знак 29, расположенный левее резной линии 28, призван, в таком случае, «подсказать», сколько целых дней длится синодический (фазовый) месяц.

Для выравнивания сидерического времени с временем лунно-солнечным следует увеличить интеркалярий из 27 сут., продолжив счисление знаков до выступа а с глубокой каверной на его поверхности (специальный знак приостановки отсчета?):

355 сут. + 5 сут. = 360 сут.,

а для выравнивания с временем солнечных следует пройтись по 4-м насечкам (т. е. не включая насечку 33 как уже использованную) в обратном направлении (направо) и подключить к ним рубежную резную линию 28:

360 сут. + 4 + 1 сут. = 365 ≈ 365,242 сут.

Аналогия. «Подвеска» с отверстием на конце близка по виду и оформлению знаковой системы (краевые насечки) «подвеске», обнаруженной при раскопках поселения Малая Сыя (Северная Хакасия; см. рис. 6). Памятник представляет ранний этап верхнего палеолита юга Западной Сибири (радиокарбоновые даты — 34 500±450 (СОАН–1286); 33 060±450 33 060±300 (СО АН–1287)) [подробности см. Ларичев, 1978. С. 104–119]. Культурные отложения местонахождения связаны или с эпохой малохетского потепления (около 42–32 000 лет назад), или с наступлением лоповско-новоселовского потепления (около 30 500 лет назад). Морозобойные трещины, разрывающие культурный горизонт, появились, видимо, во время краткого конощельского похолодания (около 32 000 лет назад), а огромные ледяные клинья — в период глубокого и длительного сартанского похолодания (около 20 000 лет назад). Фауну Малой Сыи представляют Elephas primigenius, Coelodonta antiquitatis, Eguus caballus, Eguus sp., Rangiber tarandus, Cervus elaphus, Bison priscus, Ovis ammon, Capra sibirica, Saigata tatarica, Vulpes vulpes, Marmota sp., Lepus sp. Видимо, датировка памятника выходит за пределы 30 000 лет и близка рубежу 34–35 тыс. от наших дней.

Базовую часть счетной системы «подвески» из Малой Сыи составляют 43 краевые насечки, 1 отверстие и связанная с его верхним краем 1 миниатюрная насечка (рис. 7). Всего знаков 45 (без учета отверстия — 44). «Прочтение» записи должно быть, естественно, таким же, как сходной количественно «записи» 45 «подвески» стоянки Герасимова I.

Перейдем теперь к анализу второго «предмета искусства».

Источник № 2. Виды знаков, количественный контекст и позиционирование их в «записи». Тестирование чисел для выявления специфического характера величин. Округлый плоский «предмет искусства», изготовленный из талькита, «украшен» по широкому краевому ободу, отделяющему одну плоскость изделия от другого, тонкими резными линиями. Вместе они составляют числовую «запись» из 58 счетных единиц (рис. 8). Определяющую значимость этой «записи» придает уникальный знак — неглубокая округлая каверна, размещенная в центре одной из плоскостей (см. на рис. 8 плоскость а и число 1 в центре ее). Всего знаков:

1 + 16 (часть обода б) + 13(в) + 16(г) + 13(д) = 59.

Каждое из чисел этого ряда примечательно астрономичностью и календарностью — 13 близко длительности половины сидерического оборота Луны:

13 сут. : 27,32 сут. = 0,4758 ≈ ½ сид. мес.,

а 16 всегда определяло в древней календаристике окончание «светлой» половины синодического месяца (с учетом не одного, а трех дней полнолуния — 14, 15, 16 сутки), когда происходил постепенный рост лунного диска от тонкого серпа до полного круга (на 17-й день наступал ущерб его и начиналась «темная половина месяца — медленное умирание Луны; так воспринимали происходящие в Небе события пифагорейцы античной эпохи). Отсюда следует, что число 13 определяло длительность в сутках «темной части синодического месяца, когда происходило убывание лунного диска от дня ущерба до исчезновения ночного светила с небосклона.

Но самое очевидное в календарно-астрономической значимости число ряда — 59, сумма всех чисел, зафиксированных по поверхности обода, ибо оно отражает с максимально возможной точностью длительность двух синодических месяцев:

59 сут. : 29,5306 = 1,9979 ≈ 2 син. мес.

В древней календаристике жречество обычно предпочитало отслеживать лунный годовой период, используя в качестве основы счетной системы как раз такой двухмесячной продолжительности цикл. Ведь шестикратный проход по «записи» его выводил на рубеж окончания лунного года с максимально возможной точностью и победным преодолением головоломной беды любой календаристики — дробности всех без исключения ее периодов. Надо полагать, так поступали и обитатели стойбища Герасимова I:

59 сут. × 6 = 354 ≈ 354,367 сут.

Возникает вопрос — как производили они выравнивание течение лунного времени с временем солнечным? С наибольшей вероятностью так: после счисления двух лунных лет по установленной схеме, в счетную систему вводился интеркалярий, равный длительности двух циклов «записи» по 13 сут., т.е. 26 дней (что близко длительности сидерического месяца):

[(354 сут. × 2) + 26 сут.] : 365,242 сут. = 2,0096 ≈ 2 солн. года.

Удачное «прочтение» «записи» на ободе диска есть косвенное свидетельство точности фиксации всех ее миниатюрных знаков (сложнейшая задача, блестяще выполненная одним из авторов коллективного доклада — Г. И. Медведевым).

Символическая значимость диска. Эту часть интерпретации «предмета искусства» определяют два факта — информационная суть всей «записи» на ободе (лунно-солнечный календарь) и подтекст известного со времени цивилизации композитного символа «круг с точкой в центре» — ⊙, что означает ни что иное, как Солнце (круг), совмещенный с Луной (точка в центре), когда ночное светило обретает фазу новолуния и в течение 1–3 дней не появляется на небосклоне.

Краткие итоги поиска. Расшифровка знаковых «текстов», связанных с поверхностями и краями двух «объектов искусства» местонахождения раннего этапа верхнего палеолита Прибайкалья Герасимова I, четко засвидетельствовали высокий уровень календарно-астрономических знаний Homo sapiens Восточной Сибири. Эти «предтечи мальтинцев», отстоящие от них на добрый десяток тысячелетий, ставят под сомнение «понятия» авторитетов традиционного искусствознания палеолита Сибири. Более того, они ставят под сомнение и безапелляционное заявление О. Нейгебауэра, видного историка точных наук европейского ученого сообщества, который так оценил однажды предание о том, что древность астрономии и календарей вавилонского жречества восходят к 31 000 лет назад от времени Александра Македонского*.

«О том не может быть и речи!»

Результаты раскопок в районе знаменитого в 20-е годы памятника Переселенческий пункт, где Б. Э. Петри и М. М. Герасимов начинали изучение восточносибирского палеолита, опровергают безапелляционные реплики критиков из сообществ гуманитариев и астрономов силою не общего плана разговоров и отвлеченных от реальностей соображений, а всею мощью неопровержимых естественно-научного разряда фактов:

«О том должно вести речь!»

Но чтобы следовать такому призыву, нужно в корне менять методику изучения «первобытного искусства», а с нею и сами «понятия», следуя которым занимаешься наукой.

**Согласно легенде, восходящей к эпохе Аристотеля и его учеников, «завоеватель мира» беседовал об астрономии и календарях со жрецами Вавилона, захваченного его воинами.*

ЛИТЕРАТУРА

Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П. Остатки древнейшей культуры человека в Сибири // Жизнь Сибири. — 1924. — № 5–6.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР // Материалы и исследования по археологии СССР, № 81. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 219 с.

Герасимов М.М. Древнекаменный период (палеолит). Серия кратких путеводителей. № 9 / Под ред. Б.Э. Петри. — Иркутск (без года). — 8 с.

Герасимов М.М. Палеолитические находки у Переселенческого пункта в Иркутске / М.М. Герасимов // Краеведение в Иркутской губернии. — 1926. — № 3. — С. 22-28.

Герасимов М.М. Мальта — палеолитическая стоянка. — Иркутск, 1931. — 39 с.

Герасимов М.М. Памятники дородового общества Прибайкалья / М.М. Герасимов. — Иркутск: «Оттиск», 2007. — 156 с.

Громов В.И. К вопросу о возрасте сибирского палеолита / В.И. Громов, Г.Ф. Мирчинк // Известия ВСОРГО: Доклады академии наук СССР. — 1928. — Т. 54. — С. 37-74.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР / В.И. Громов // Труды. Института геологии АН СССР. — М.; Л., 1948. — Вып. 64. Сер. геол. № 17. — 363 с.

Кащенко Н.Ф. О нахождении остатков мамонта около Томска // Известия Академии наук. — 1896. — Т. V, № 1.

Кащенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком // Записки Академии наук. — 1901. — Т. XI, № 7.

Когай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б., Хензыхенова Ф.И., Клементьев А.М. Палеолитическое местонахождение Герасимова I: новая жизнь Переселенческого пункта I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. — Т. XIII, ч. 1. — С. 110-113.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Часть I: Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1969. — 390 с.

Ларичев В.Е. Искусство верхнепалеолитического поселения Малая Сыя: датировка, виды его и образы, их художественный стиль и проблема интерпретаций (предварительное сообщение) // Известия Сибирского отделения Академии наук. Серия общественных наук. — 1978. — Вып. 3, № 11. — С. 104-119.

Ларичев В.Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири (опыт расшифровки спирального орнамента ачинского ритуально-символического жезла). — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. — 22 с.

Ларичев В.Е. Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного художественного творчества // Проблемы реконструкции в археологии. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. — С. 74–104.

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов Мира. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. — С. 38–69.

Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. — 318 с.

Ларичев В.Е. «Преждевременное открытие» (к юбилею начала изучения древнекаменного века Сибири) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 162–187.

Липнина Е.А. Антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения палеолитического ансамбля Мальты // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология. Этнография Азии. — Иркутск: «Оттиск», 2008. — С. 112-132.

Петри Б.Э. Сибирский палеолит // Труды государственного Иркутского университета. — 1923. — Вып. 5. — С. 209–253.

Петри Б.Э. Сибирский палеолит: Атлас. — Иркутск, 1927. — 5 отд. с.; 20 отд. л. иллюстраций.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928. — 73 с.

Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — 1886, № 3-4.

Савенков И.Т. О палеолитической эпохе в окрестностях г. Красноярска Енисейской губернии. — Красноярск, 1892.

Савенков И.Т. О памятниках, оставленных на р. Енисее человеком — современником мамонта // Сибирская летопись. — 1916. — № 6-8.

Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — 1872. — Т. 3. — С. 167-172.

Baron J. de Baye. Raport sur les Desconvértes Faites par Monsieur Savenkov dans la Sibirie Orientale // «Science» 27 Fevrile 1893. — Paris, 1894.

Baron J. de Baye. De Moskou à Krasnoiarsk. — Paris, 1897.

Baron J. de Baye et Ph. Volkov. Le Disêment Paléolithique d'Aphontova Gora de Krasnoiarsk (Russie d'Asie) // L'Anthropologie. — 1899. — t. x.

Chavet, G. Comparaison des Industries Primitives des France et d'Asie // Congress international l'Archéologie Préhistorque et d'Anthropologie, II-eme Session. — Moscou, 1892.

Savenkov, I. Sur les Restes d'Epoque Paléolithique dans les Environs des Krasnoiarsk. Congress International l'Archéologie Prehistorique d'Anthropologie, II-eme Session. — M., 1991.

Marchack, A. Notation dans les Gravures du Paléolithique Superieur // Nouvelles Methodes d'Analyse. — Bordeaux, 1970. — 124 pp.

Marshack, A. The Roots of Civilization. The Cognitive Beginnings of Man's First Art, Symbol and Notation. — New York, 1991. — 445 pp.

Рис. 1. Б. Э. Петри.

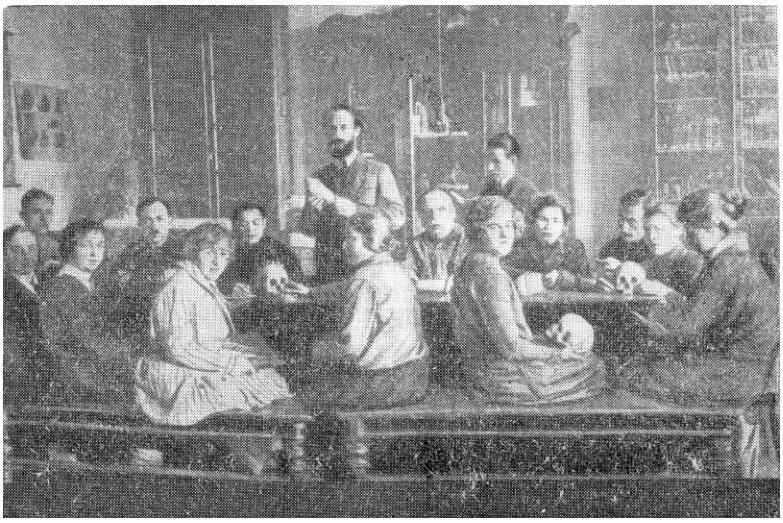


Рис. 2. Б. Э. Петри на занятии студентов краеведческого кружка (слева от него Г. Ф. Дебец и Г. П. Сосновский, справа Я. Н. Ходукин).

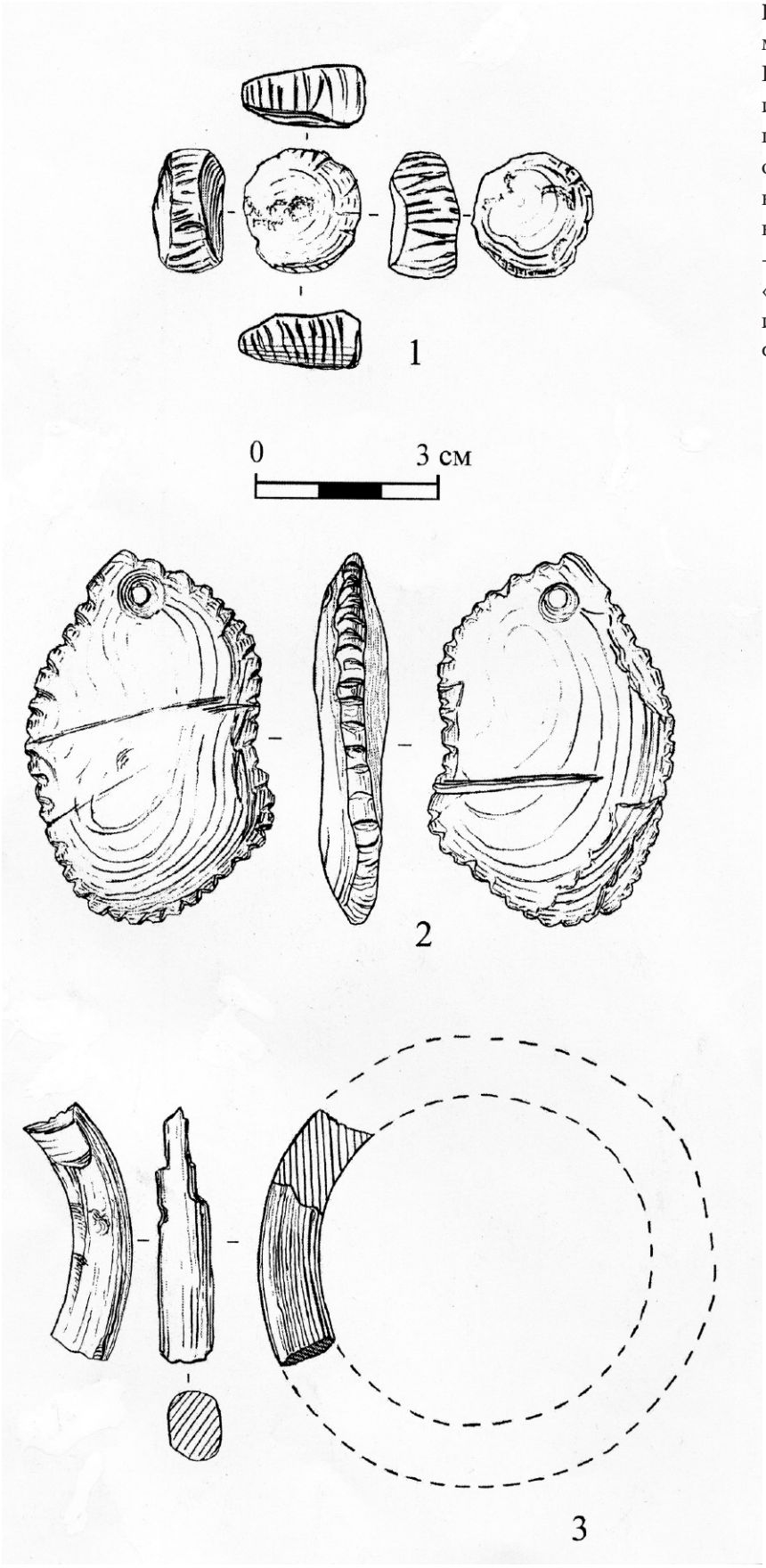
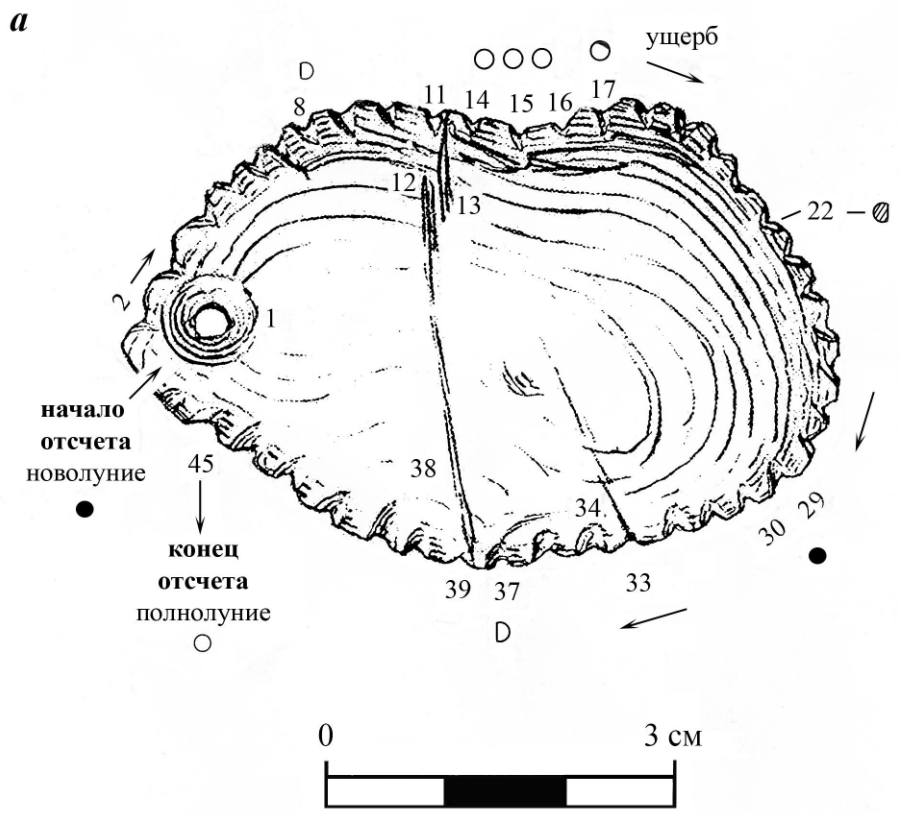


Рис. 3. Объекты искусства местонахождения Герасимова I: 1 – круглое плоское изделие из талькита с насечками по ребру; 2 – «подвеска» с отверстием, насечками по краям и резными линиями на поверхностях (материал – талькит); 3 – фрагмент «браслета», изготовленного из талькита (рис. А. Б. Федоренко).

Рис. 4. «Подвеска» с отверстием. Фото Е.А.Липниной.



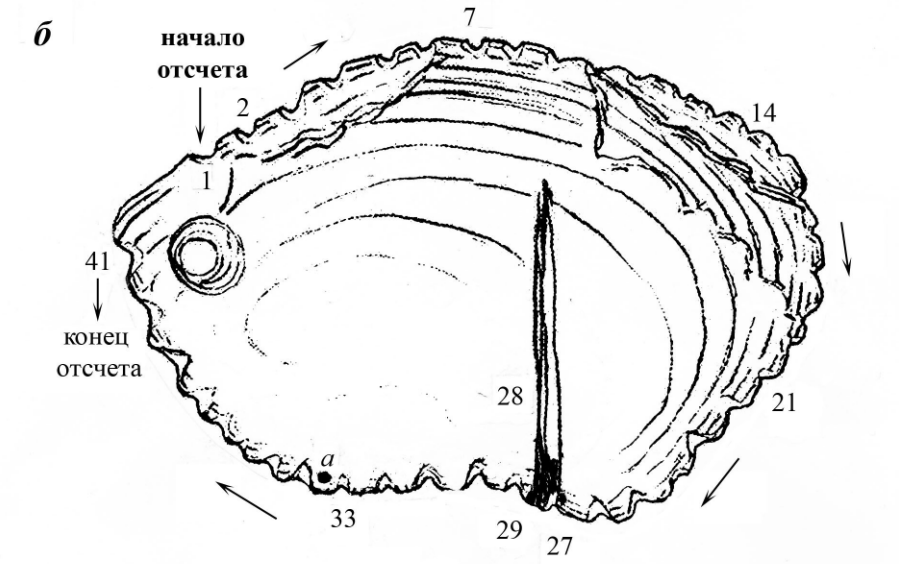


Рис. 5. а Числовая система «подвески» с отверстием (лицевая сторона). Нумерация насечек и резных линий во взаимосвязи их с фазами Луны. Всего знаков в «записи» 45.

б. Оборотная сторона «подвески». Нумерация насечек и резных линий во взаимосвязи с отдельными циклами сидерического месяца и особо важными рубежами счисления времени. Всего знаков в «записи» 41. Рис. А. Б. Федоренко.

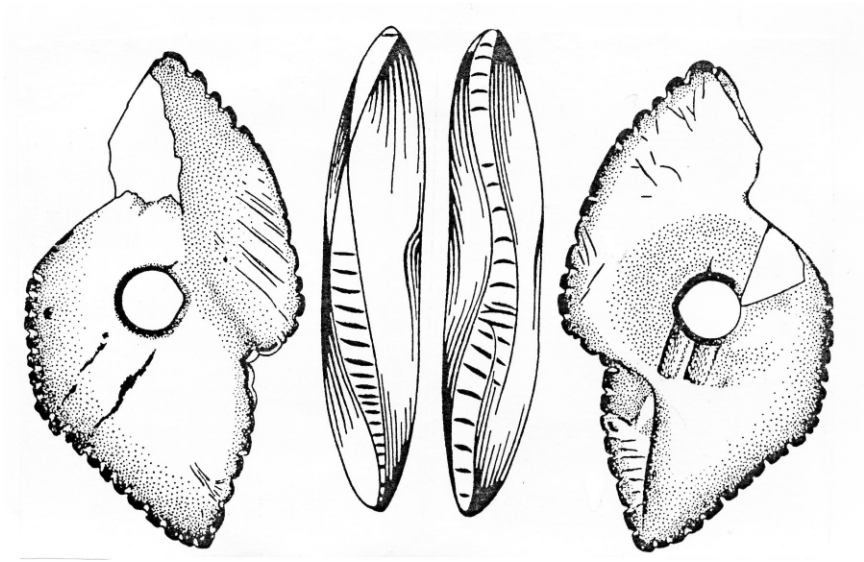


Рис. 6. «Подвеска» из Малой Сыи (материал стеатит, скрытокристаллическая разновидность талька). Рис. В. И. Жалковского.

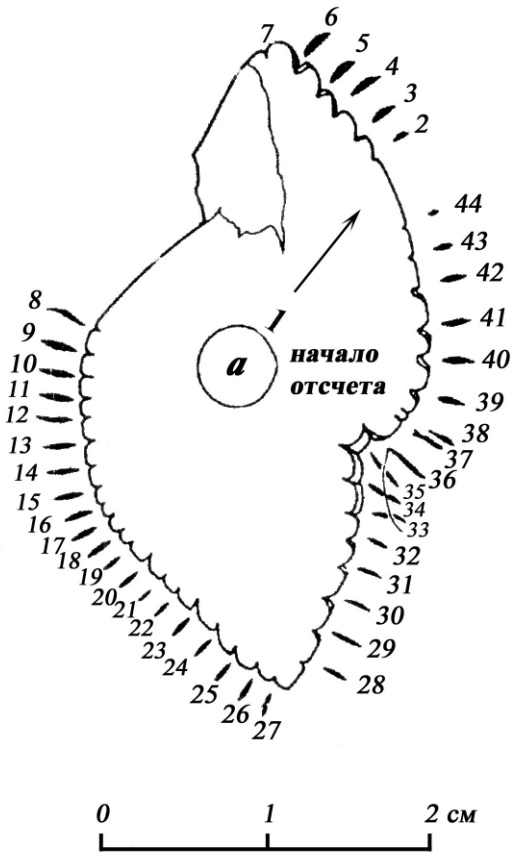


Рис. 7. Числовая система «подвески» из Малой Сыи. Нумерация знаков «записи». Всего знаков 45 (без учета отверстия а – 44).

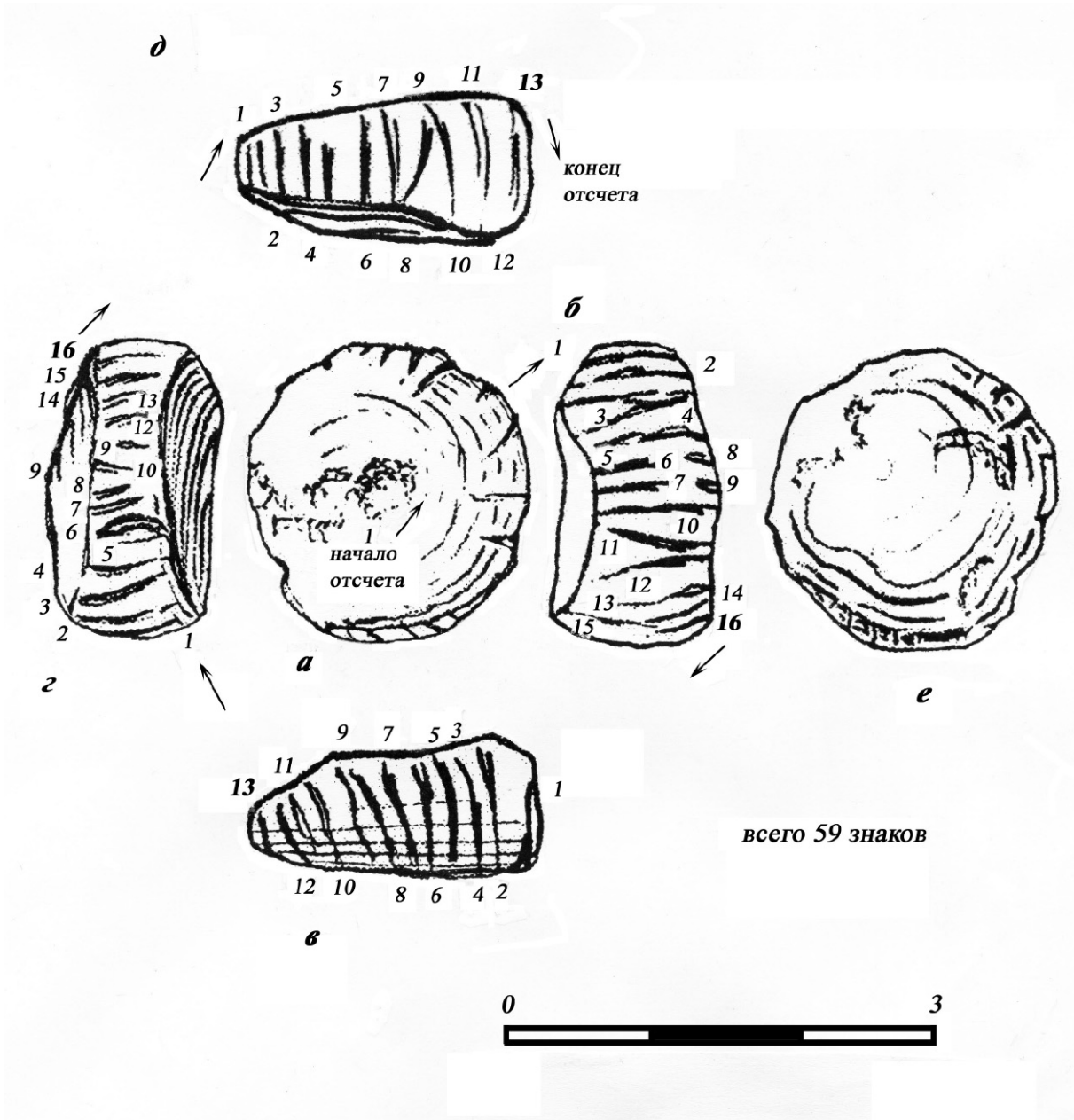


Рис. 8. Числовая система круглого плоского изделия из талькита.

Д.Н. Лохов
Иркутск, Иркутский государственный университет

КЕРАМИКА УСТЬ-МИЛЬСКОГО ОБЛИКА ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИМ

После археологических изысканий Я. Н. Ходукина в 1926 г. и Г.Ф. Дебеца в 1931 г. на стыке верхнего и среднего течения р. Илим исследования практически не проводились, вплоть до 1960 г., когда здесь проводила работу историко-этнографическая экспедиция Иркутского университета.

В августе 1961 г. Ангаро-Илимским археологическим отрядом Иркутского университета была проведена разведка на участке долины р. Илим от пос. Илимск до пос. Невон на р. Ангаре. Разведка проводилась специально, в связи с будущим археологическим изучением зоны затопления Усть-Илимского водохранилища. Впервые в археологическом отношении была обследована долина р. Илим в нижнем его течении. Отрядом было обследовано свыше 28 разновременных местонахождений, из которых 20 обнаружены впервые — стоянка в 3 км ниже пос. Илимск, Верхне-Боярская, Оглоблинская, Усть-Семеновская, Игирма, Ручей Сухой, Ярско-Корабельщиково, Романовская, Макаровская, Балаганов Яр, Коробейниково, Речка Талая, Чернореченская, Качинский Яр, Корсуково, Сотниково, Гремячинское, Бубновский Порог, Симахинский Порог, Сизово.

Предметом внимания в настоящей статье являются только два местонахождения, содержащих остатки материальной культуры древнего населения р. Илим в эпоху бронзы — Ярско-Корабельщиково и Макаровская.

На местонахождении Ярско-Корабельщиково, которое находилось приблизительно в 1 км выше д. Ярско-Корабельщиково на правом берегу р. Илим, в выдувах песчаных дюн 6-8-метрового берегового обнажения, был собран экспонированный археологический материал, представленный 25 фрагментами керамических сосудов и 14 изделиями из камня. Подобного рода археологический материал был собран и на поверхности 9-12-метрового правого берега р. Илим напротив д. Макарово. Здесь было найдено 25 каменных артефактов и 56 фрагментов керамики.

Особый интерес представляют фрагменты керамических сосудов, представленные гладкостенной тонкостенной керамикой, оформленные рельефной техникой аппликации в виде тонких налепных валиков, в одном случае, рассеченных валиков (Ярско-Корабельщиково). Эта своеобразная керамика является отличительным признаком усть-мильской культуры, выделенной на территории Якутии, которая резко отличается от керамики предшествующих неолитических культур и культур более позднего времени.

Усть-мильская культура (термин введен в 1968 г. С.А. Федосеевой [Федосеева, 1970]) прослежена по всей территории Якутии: на Лене (включая устье Витима), Алдане, Мае, Олекме, Вилюе, Яне, Индигирке и Колыме. В.И. Эртюков отмечает, что «ее остатки, представленные преимущественно керамикой, обнаружены на 76 стоянках» [Эртюков, 1992, с. 144].

Хронологические границы усть-мильской культуры по радиоуглеродным датам таковы: 3300+100 — 2100+100 лет назад [Мочанов, Федосеева, 1975].

Усть-мильская культура пришла на смену поздненеолитической ымыяхтахской. Однако, до настоящего времени остается очень сложным вопрос о ее происхождении, а также пути проникновения в Якутию.

В.И. Эртюков утверждает, что «о пришлом характере усть-мильской культуры свидетельствует ее керамика» [Эртюков, 1992, с. 146].

Массовость керамического материала позволила В.И. Эртюкову создать дробную классификационную типологическую таблицу усть-мильской керамики, в основу которой были положены два принципа: форма сосуда и орнаментальный мотив.

Форма усть-мильских сосудов, судя по сохранившимся фрагментам, была в основе своей овалоидной. Венчики их, либо прямые, либо наклонены во внутрь сосудов, либо отогнуты наружу. Края венчиков иногда рассечены косыми насечками или вдавлениями различных форм (ногтевидные, полуовальные, ромбовидные и т.д.). Донышки округлые. Встречаются сосуды, у которых намечается небольшой перехват в нижней части венчиков, образующий шейку.

Глиняное тесто, из которого изготовлены усть-мильские сосуды, как правило, плотное, без каких-либо заметных посторонних примесей.

Обжиг усть-мильских сосудов равномерный и почти не отличается по цвету с внешней и внутренней сторон, а также и в изломе. В более поздней по времени керамике обжиг в изломе, как правило, темный.

Усть-мильская керамика отличается своей тонкостенностью. Толщина стенок в большинстве случаев не превышает 0,3-0,4 см.

Исключительно важную роль в определении усть-мильской керамики играет орнамент на гладком тулове сосудов. Основу орнамента составляет аппликация из одного или нескольких поясов горизонтальных тонких налепных рассеченных или не рассеченных валиков, иногда соединяющихся между собой вертикальными или наклонными налепными валиками, которые в сечении бывают треугольные, полуовальные. По внешнему виду они делятся на гладкие и рассеченные, горизонтальные и вертикальные. Валики бывают рассечены прямыми и косыми насечками в виде тонких прочерченных линий, каплевидных, ромбовидных или подпрямоугольных вдавлений. Они наносились, преимущественно, аккуратно, точно по ширине валика, реже — небрежно, без соблюдения симметрии. Количество горизонтальных валиков варьирует от 1 до 9 рядов.

Иногда от горизонтальных валиков опускаются вертикальные, либо наклонные прямые. В некоторых случаях горизонтальные валики соединены между собой парными наклонными вертикальными валиками, не рассеченными или рассеченными.

Кроме налепных валиков, на ряде усть-мильских сосудов, присутствует орнамент в виде сквозных округлых отверстий под краем венчика. Налепные валики также сочетаются с внешней стороны сосуда округлыми и ногтевидными вдавлениями. Округлые вдавления иногда встречаются на сосудах с отпечатками «вафли» [Эртюков, 1990].

Как уже было сказано выше, В.И. Эртюковым разработана сводная типологическая таблица керамики усть-мильской культуры, при составлении которой учитывались увеличение количества и элементов орнамента, орнаментальные композиции. По этим признакам выделено 14 типов с разными орнаментальными композициями [Эртюков, 1990; Эртюков, 1992]. По данной классификации, керамика I-III типов (с не рассеченными валиками) подвергалась ымыяхтахскому влиянию, сосуды IV типа (с не рассеченными валиками) являются переходным типом от I-III к V-XII (с рассеченными валиками). К XIII типу исследователь отнес керамику, украшенную рассеченными налепными валиками и отпечатками круглых ямок ногтевидных вдавлений. К последнему, XIV типу, относится керамика с оттисками зубчатого (гребенчатого) штампа и «жемчужинами» [Эртюков, 1992]. В.И. Эртюков делает вывод, что «керамика указанных типов резко отличается от предшествующей поздненеолитической, и это доказывает явно пришлый характер усть-мильской керамики» [Эртюков, 1992, с. 152].

На местонахождении Ярско-Корабельщиково зафиксированы фрагменты, по крайней мере, трех керамических сосудов (по количеству венчиков), обладающие признаками усть-мильской керамики. Первый сосуд представляет собой практически целый в археологическом отношении,

отсутствует дно. Это тонкостенный сосуд (толщина стенок от 0,3 до 0,5 см) простой закрытой овалоидной формы, оформленный техникой аппликации в виде 7 рядов тонких налепных валиков и ромбовидными вдавлениями под венчиком. Края венчика рассечены косыми насечками. Ромбовидные вдавления произведены снаружи, образуя изнутри сосуда «жемчужины», в одном случае вдавление сквозное (табл. 1 -1).

Второй сосуд сложной закрытой формы представлен двумя фрагментами. По внешнему краю венчика оформлен налеп, рассеченный ромбовидными вдавлениями, который делает венчик еще более отогнутым наружу. Толщина стенок 0,4-0,5 см. Сосуд оформлен аппликациями в виде налепных валиков, треугольных в сечении (табл. 1 -2).

Третьим фрагментом представлен сосуд простой закрытой формы, оформленный рельефной техникой аппликации в виде налепных валиков, рассеченных косыми вдавлениями. Внутренний край венчика выше, чем внешний, что хорошо наблюдается в сечении. Внешний край венчика утолщен тонким налепным валиком, рассеченный небрежными косыми вдавлениями. Как уже было сказано, по тулову оформлены рассеченные налепные валики, а также под первым валиком имеется округлое сквозное отверстие диаметром 0,4 см (табл. 1 -3).

На местонахождении Макаровская были обнаружены фрагменты керамических сосудов, которые по технике декорирования принадлежат, по крайней мере, двум сосудам. Первый сосуд простой закрытой формы представлен одним фрагментом венчика и несколькими фрагментами тулова. Венчик прямой, по внешнему краю утолщен налепом, по которому идут овальные (пальцевые?) вдавления. Ниже оформлены полосы тонких налепных валиков. Расстояние между валиками 0,8-1 см. Толщина стенок сосуда 0,2-0,3 см (табл. 1 -4).

Ко второму сосуду относятся 5 фрагментов венчика и 8 фрагментов тулова одного сосуда простой (по профилю) закрытой формы. По внешнему краю прямого венчика, как и у первого сосуда, оформлен налепной валик с овальными (пальцевыми?) вдавлениями. Сосуд оформлен аппликациями в виде нерассеченных налепных валиков, расстояние между которыми варьируется от 1,4 до 2 см. Толщина стенок 0,3-0,4 см (табл. 1 -5). У обоих сосудов тесто с небольшим количеством примеси дресвы.

По типологической таблице В.И. Эртюкова первый сосуд из Ярско-Корабельщиково обладает всеми признаками сосудов I типа. К III или IV типам может относиться второй сосуд. К этим же типам относятся и оба сосуда с Макаровской стоянки. Ввиду небольшой фрагментарности, трудно говорить о количестве налепных валиков, что не позволяет четко отнести эти сосуды к какому-то определенному типу. Фрагменты третьего сосуда из Ярско-Корабельщиково очень подходят под описание X типа усть-мильской керамики.

В.И. Эртюков утверждает о пришлом характере усть-мильской культуры, которая пришла на смену поздненеолитической ымыяхтахской. Однако, до настоящего времени остается очень сложным вопрос о ее происхождении, а также пути проникновения в Якутию. Проникнув на территорию Якутии, создатели усть-мильской керамики должны были соприкоснуться с ымыяхтахскими племенами, которые занимали довольно большую территорию. Этим объясняется влияние поздненеолитических традиций в изготовлении керамических сосудов I-III типов.

Но встает вопрос — откуда тогда пришли представители усть-мильской культуры на территорию Якутии?

Наиболее близкие к усть-мильской керамике по орнаменту сосуды были найдены в Приамурье — новопетровская, осиноозерская, громотухинская, урильская культуры — и Приморье — падь Харинская и лидовская культура [Деревянко, 1973; Окладников, Деревянко, 1977; Деревянко, 1979; Окладников, Дьяков, 1979; Дьяков, 1979]. Самая древняя гладкостенная керамика с налепными рассеченными валиками отмечена на местонахождениях новопетровской

и громотухинской культур (V-IV тыс. до н.э.). В Приморье и Приамурье сосуды с налепными валиками, по-видимому, проникают с территории Китая и Кореи [Эртюков, 1992].

Географически наиболее близкой областью, где встречается керамика с налепными валиками, является Прибайкалье.

А.П. Окладников находил круглодонные сосуды с налепными валиками на островах на р. Ангаре между Иркутском и Байкалом [Окладников, 1958]. Особо интересен фрагмент сосуда, найденный А.П. Окладниковым в погребении глазковского времени Буреть III. О появлении в позднем бронзовом веке на северном побережье Байкала керамики, орнаментированной налепными рубчатыми валиками, писал В.В. Свинин [Свинин, 1970]. Им же были обнаружены фрагменты с не рассеченными валиками в бассейне р. Уды (Тасеевой) [Свинин, 1967]. VII-VI вв. до н.э. датируется культуросодержащий горизонт IIIA стоянки Тышкинэ III, в котором был найден сосуд с четырьмя поясами горизонтальных рассеченных валиков [Горюнова, 1983]. В ангарской тайге А.П. Окладниковым был найден обломок относительно большого тонкостенного сосуда, край венчика которого был рассечен насечками, а тулово оформлено поясом округлых вдавлений и аппликацией в виде налепных рассеченных валиков. Исследователь отмечал широкое распространение такого типа сосудов на севере Байкала, по всему побережью Байкала, около города Иркутска, на Верхней Лене, Подкаменной Тунгуске. Керамика была им датирована развитым бронзовым веком [Окладников, 1940].

Все вышеуказанные находки фрагментов керамических сосудов с налепными валиками датируются исследователями временем поздней бронзы. Приблизительно этим же временем датируются фрагменты трех сосудов с налепными валиками, обнаруженных на многослойном местонахождении Адорма [Шохирева, 2008]. Более древний по возрасту сосуд с налепными валиками был найден В.В. Буриловым на поселении Усть-Илим, который исследователь на основании каменного инвентаря датирует китойским временем [Васильевский, Бурилов, 1971].

В.И. Эртюков считает, что керамика с налепными валиками в Прибайкалье проникла из Приамурья через Забайкалье самостоятельно, минуя территорию Якутии. Здесь же «она впитала более древние местные традиции (ямки, жемчужины и т.д.), а потом, возможно, вследствие контактов древнего населения Прибайкалья и Якутии частично попала на территорию Якутии» [Эртюков, 1990, с. 104].

Обнаруженные фрагменты керамических сосудов с Ярско-Корабельщиково и Макаровской стоянки в виду малочисленности каменного и отсутствия бронзового инвентаря датировать сложно, но благодаря тому, что по технике изготовления и декорирования они сходны с керамикой усть-мильской культуры, можно смело говорить об их отношении к бронзовому веку. К большому сожалению, практически все местонахождения в долине Илима были подвергнуты лишь рекогносцировочному исследованию. Только раскопочные работы могут дать полную картину о культуре и быте древнего населения.

Не исключается версия проникновения зачатков усть-мильской культуры на территорию Прибайкалья из Приамурья, распространившаяся впоследствии по естественным транзитным магистралям, которыми издревле считались реки Ангара и Илим, на Лену и далее на северо-восточные территории.

ЛИТЕРАТУРА

Васильевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. — Новосибирск, 1971. — Вып. 2. — С. 202-284.

Горюнова О.И. Комплекс бронзового века с многослойного поселения Тышкинэ III (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 70-75.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. — Новосибирск: Наука, 1973. — 353 с.

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. — Новосибирск: Наука, 1979. — 204 с.

Дьяков Н.Н. Археологические исследования на Среднем Сихотэ-Алине в 1972-1976 гг. // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 161-174.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии // Якутия и ее соседи в древности. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. — С. 38-49.

Окладников А.П. Погребения бронзового века в сибирской тайге // КСИИМК. — 1940. — Вып. 8. — С. 106-112.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — Ч. 3: Глазковское время. — 374 с. — (МИА. — № 43).

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громотухинская культура. — Новосибирск: Наука, 1977. — 285 с.

Окладников А.П., Дьяков В.И. Поселение эпохи бронзы в пади Харинской // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 85-115.

Свинин В.В. Неолитические стоянки в бассейне р. Уды (Тасеевой) // Изв. / ВСОГО СССР. –1967. — Т. 65. — С. 113-126.

Свинин В.В. Археология озера Байкал: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Новосибирск, 1970. — 20 с.

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970. — С. 128-143.

Федосеева С.А. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история народов Юго-Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. — Вып. 2. — С. 146-158.

Шохирева А.В. Керамическая коллекция многослойного местонахождения Адорма в Северном Приангарье // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. — С. 206-208.

Эртюков В.И. Основные типы керамики бронзового века Алдана // Новое в археологии Якутии. — Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. — С. 88-94.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. — М.: Наука, 1990. — 151 с.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура бронзового века и ее роль в древней истории Якутии // Археологические исследования в Якутии. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 144-160.

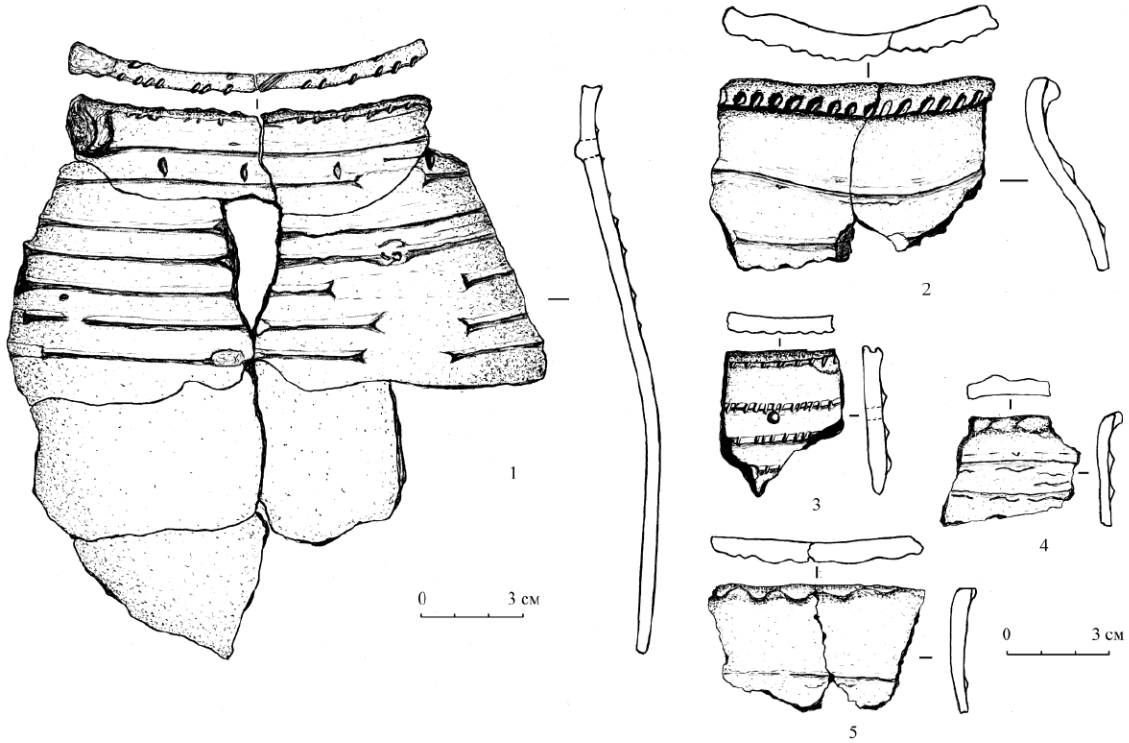


Рис. 1. Фрагменты сосудов усть-мильского облика с местонахождений Ярско-Корабельщиково (1-3) и Макаровская (4, 5).

А.Г. Новиков[1], О.И. Горюнова[2]
[1]Иркутск, Иркутский государственный университет,
[2]Иркутск, Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН — ИГУ

РАННЕГОЦЕНОВЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ХУЖИР-НУГЭ XV В ПРИОЛЬХОНЬЕ

В последние десятилетия изучение культурных комплексов периода раннего голоцена вызывает пристальный интерес ученых всего региона Северо-Восточной Азии. Особенно это связано с обнаружением керамики в комплексах позднеплейстоценового времени [Окладников, Медведев, 1983; Кузьмин, Ветров и др., 2000; Ветров, Кузьмин, 2005 и др.]. В связи с этим, а так же с малым количеством известных раннеголоценовых стратифицированных объектов на территории Прибайкалья и, в частности, Приольхонья предлагаемая работа является весьма актуальной.

Под Приольхоньем понимается физико-географический район, включающий западное побережье оз. Байкал от мыса Елохин (на севере) до р. Бол. Бугульдейка (на юге), включая и о. Ольхон [Мельхеев, 1977; Лут, 1978]. Именно здесь начинается продольная тектоническая впадина, которая выходит в залив Мухор и пролив Малое море. Западный берег Малого моря ограничен Приморским хребтом, образованным западной ветвью Обручевского сброса. В плейстоцене — голоцене тектоническая глыба Приольхонья была включена в общее опускание юго-восточного крыла Обручевского сброса, что нашло свое выражение в формировании прихотливо изогнутой линии современного побережья, запечатлевшей все морфологические особенности затопленного денудационно-грядового рельефа.

В геоморфологическом отношении это район северо-восточной части Приольхонского плато, обрамляющего юго-западное побережье Северобайкальской впадины. Основными структурными элементами рельефа являются узкие и глубокие сухие долины северо-восточного простирания, чередующиеся с высокими скалистыми грядами. Наибольшие абсолютные отметки вершин сосредоточены вдоль байкальского побережья и достигают 700 м.

По геоархеологическому районированию Приольхонье входит в Маломорский район «оперативной» изученности [Медведев, Генералов и др., 1996]. На этой территории археологические объекты, содержащие комплексы раннего голоцена, зафиксированы на открытых склонах бухт, высотой 3-8 м над современным уровнем Байкала. До не давнего времени было исследовано всего 4 геоархеологических объекта с чистыми стратифицированными комплексами этого периода (рис. 1): Итырхей, Берлога, Саган-Нугэ и Кулара III [Горюнова, Новиков, 2000; Новиков, 2001]. В 2001 г. на местонахождении Сарма I, компрессионный комплекс которого ранее относился к позднему мезолиту [Свинин, 1976], стратиграфически выделен IV культурный слой раннеголоценового возраста [Новиков, Горюнова, 2001]. Поселение Хужир-Нугэ XV — является шестым объектом, содержащим чистый культурно-хронологический комплекс раннего голоцена.

Поселение Хужир-Нугэ XV расположено в 193 км к СВВ от г. Иркутска, в СВ части одноименной бухты западного побережья Малого моря оз. Байкал, в 2,5 км к юго-западу от с. Сарма Ольхонского района Иркутской области (рис. 1).

Объект обнаружен Маломорским отрядом Байкальской археологической новостроечной экспедиции Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова, П.Е. Шмыгун) в 1991 г. [Новиков, Медведев, Горюнова, 2000]. Зафиксировано 3 культуросодержащих слоя, предварительно датируемые поздним железным веком, неолитом и средним мезолитом. Стационарные раскопки проводились тем же отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН — ИГУ (О.И. Горюнова, А.Г. Новиков) в 2000-2001 гг. На поселении

была уточнена стратиграфия и выделен новый культурный слой — IIA [Новиков, Горюнова, 2000, 2001]. Площадь вскрытия за все годы исследования — 52 м2.

Древнее поселение зафиксировано на террасовидном уступе предгорного шлейфа в северо-восточной части бухты. Высота расположения — 6-8 м над современным уровнем Байкала. Мощность рыхлых отложений, вмещающих культурные остатки, до 0,9 м.

Стратиграфическая ситуация в месте раскопа представляется следующей (рис. 2 -1):

мощность в м:

1. Почвенно-растительный горизонт …….. 0,05-0,08

2. Светло-серая супесь. I культурный слой …… 0,06-0,12

3. Черная гумусированная почва. II культурный слой …….. 0,09-0,13

4. Темно-серая гумусированная почва. IIA культурный слой; выделен в 2000 г. в восточной части раскопа и в шурфе № 5 …… 0,08-0,10

5. Темная щебенистая супесь с большим количеством грубообломочного материала. III культурный слой. В подошве слоя отмечены многочисленные морозобойные клинья …….. 0,05-0,07

6. Желтая корбанатизированная щебенистая супесь с грубообломочным материалом …… 0,42-0,45

Ниже — скальник.

Археологический материал I культурного слоя хронологически смешанный и датируется периодом этнографической современности — поздним железным веком; комплекс II слоя относится к разным периодам железного — бронзовому векам; к выделенному слою IIA привязаны немногочисленные находки бронзового века [Номоконова, Горюнова, 2000]. Наибольший интерес представляют материалы III культурного слоя, содержащие однотипный набор инвентаря, без керамики. Цель предлагаемой статьи — обобщение (за все годы исследования) и ввод в научный оборот наиболее древнего комплекса стоянки Хужир-Нугэ XV.

III культурный слой

Находки привязаны к слою темной гумусированной супеси на щебнистом субстрате, содержащему большое количество грубообломочного материала. В его подошве отмечены многочисленные клинообразные структуры постмерзлотного генезиса, образованные при протаивании позднедриасовых морозобойных структур (11,0-10,3 тыс. л.н.). По строению и особенностям осадконакопления III культурный слой сопоставляется с раннепребореальной теплой фазой раннего голоцена, когда началось активное оттаивание многолетней мерзлоты, активизировался процесс почвообразования и задернения склонов [Горюнова, Воробьева, 2000; Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006]. Мощность слоя — 0,05-0,09 м. Глубина залегания 0,32-0,40 м от современной дневной поверхности.

Археологический материал III культурного слоя, в основном, концентрировался отдельными скоплениями — «пятнами», в восточной части раскопа (рис. 2 –2). На этой территории отмечена система полигональных морозобойных трещин шириной от 15 до 30 см. Комплекс изделий, найденный в III слое и в трещинах, аналогичный и является хронологически одновременным. На остальной площади раскопа расположение находок единичное.

Всего в слое зафиксировано 1747 изделий. Сырьем для изготовления каменных изделий служили породы местного происхождения. Основной поделочный материал — кремень и микрокварцит, встречаются изделия из кварца, диабаза и халцедона; керамика в комплексах отсутствует.

Каменный инвентарь насчитывает 1418 экз. Первичное расщепление характеризуется типологически разнообразным набором нуклеусов (20), нуклевидным обломком, заготовкой нуклеуса и сколами различной морфологии (1257).

Все нуклеусы (20) призматического принципа скалывания; представлены микроформами. Среди них выделяются группы: клиновидные — 3 экз. (рис. 3 -7); псевдоклиновидные на отщепах — 2 экз.; конический с замкнутым фронтом скалывания; обломок конического нуклеуса; конические со сходящимися латералями — 8 экз. (рис. 3 –9,11); призматические одноплощадочные — 4 экз. и торцовый на пластинчатом сколе.

Среди сколов преобладают отщепы — 600 экз. (из них 46 — чешуйчатые). Большое количество составляют призматические пластины (рис. 4 -1,2) — 345 экз. (из них: 168 — обломков, 36 — микро), пластинчатые сколы — 268 экз., первичные — 16 экз., краевые — 20 экз. и подживляющие сколы — 8 экз.

Набор каменных орудий представлен 139 изделиями. Практически все они изготовлены из пластинчатых сколов. Наибольшую группу составляют скребки.

Группа скребков (26 целых и 3 обломка). Преобладают концевые (рис. 3 –2-4,8) из пластинчатых сколов (19). Из них выделяются: подтреугольной формы с ретушью на маргиналах (рис. 3 -3), с «ушками», со скошенным лезвием и дубль-скребки (рис. 3 -4). Встречены: концевой скребок из призматической пластины, с округлым лезвием из отщепа, с боковым расположением лезвия (рис. 3 -5), со скошенным лезвием из отщепа и округлый микроскребок с ретушью по всему периметру (рис. 3 -1).

Группа резцов (17). Практически все (15 из 17) — поперечные с ретушью по краям изделий из пластинчатых сколов. Один из них — с бифасиальной обработкой фасов (рис. 4 -9). В числе резцов: левых — 14 экз. (рис. 4 -5,9-10), правый — 1 экз. (рис. 4 -6). В слое найдено 2 угловых резца из пластинчатых сколов (рис. 4 -11).

Группа ножей (9). Все орудия — с краевой дорсальной ретушью из пластинчатых сколов. Преобладают — однолезвийные ножи (рис. 4 -12,14), один из них — двулезвийный.

Вкладыши (8) — с краевой ретушью, из призматических пластин.

Орудия с выемкой — 4 экз. (рис. 4 -3) и скобели — 2 экз. (рис. 3 -6) — представлены изделиями из пластинчатых сколов; выемки обработаны краевой ретушью.

В числе орудий: отщепы с ретушью — 30 экз., пластинчатые сколы с ретушью — 23 экз. (рис. 4 -13), отщепы с подтеской — 8 экз. и обломки неопределимых орудий — 5 экз. Единичными экземплярами представлены: скребловидное орудие с двусторонней обработкой лезвия из кварцита (рис. 3 -10), проколка, сверло с двукраевой обработкой острия из краевого скола (рис. 4 -4), галька-отбойник.

Изделия из кости состоят из обломков от двух цельнорезных крючков (рис. 4 -7,8).

Остатки фауны насчитывают 327 фрагментов. В их числе: 15 зубов, 2 обломка фаланг, 306 фрагментов неопределимой трубчатой кости и 4 рыбьи чешуйки.

В целом, для комплекса III культурного слоя характерно: изготовление орудий, в основном, на пластинчатых сколах; преобладание отщепов, а среди орудий — поперечных резцов с ретушью по краям изделий и концевых скребков (в том числе — со скошенным лезвием и с «ушками»); наличие цельнорезных крючков из кости; отсутствие срединных и многофасеточных резцов, продольных резцов на призматических пластинах. Среди нуклеусов преобладают конические

с полузамкнутым фронтом и сходящимися латералями, клиновидные и псевдоклиновидные; встречаются — торцовые. На стоянке наряду с пластинчатой технологией отмечено большое значение в индустрии микропластинчатой техники, о чем свидетельствуют микронуклеусы и призматические пластины.

По технико-типологическим показателям ансамбль инвентаря III слоя Хужир-Нугэ XV аналогичен II слою Курлы I, III слою Курлы IV [Абдулов, 1991], II слою Верхоленской Горы 1 [Аксенов, Медведев, 1990], возраст которых определяется финальным плейстоценом [Воробьева, Бердникова, Горюнова, 1998]. Комплекс Верхоленской Горы датируется М.П. Аксеновым и Г.И. Медведевым 11-10 тыс. л.н. [Аксенов, Медведев, 1990].

По особенностям почвообразования, осадконакопления, криогенезу, составу и строению отложений комплекс III культурного слоя поселения Хужир-Нугэ XV сопоставляется с VIII слоем Берлоги [Новиков, 1999]. Хронологически эти стоянки связаны с фазой первого раннеголоценового потепления — 10,3-10,0 тыс. л.н. [Кинд, 1974]. В Приольхонье в это время началось активное оттаивание многолетней мерзлоты, что обеспечивало повышенную влажность и благоприятствовало развитию растительности, требовательной к грунтовой влаге [Горюнова, Воробьева, 2000 Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006]. Радиоуглеродная дата по VIII слою Берлоги — 10145+290 л.н. (СОАН-3060).

Между комплексами III слоя Хужир-Нугэ XV и VIII слоя Берлоги отмечаются близкие аналогии по номенклатуре, типологии и соотношению изделий [Горюнова, 1990; Горюнова, Новиков, 2000]. В ансамблях каменных изделий большой процент составляют отщепы (42 % и 58 % соответственно), за ними следуют призматические пластины (24 % и 19 %) (рис. 5). Пластинчатые сколы встречены в меньшем количестве (20 % и 8 %). В числе орудий преобладают ретушированные отщепы (27,5 % и 13 %) и пластинчатые сколы (16 % и 11 %) (рис. 6). Наиболее характерными орудиями являются концевые скребки из пластинчатых сколов (составляют 15 % и 9 % соответственно) и поперечные резцы с ретушью по краям из пластинчатых сколов (11 % и 13 %). В комплексе орудий III культурного слоя Хужир-Нугэ XV, в отличие от VIII слоя Берлоги, не зафиксированы тесла с перехватами, ножи-острия и рубящие орудия.

Типологический состав инвентаря, особенности артефактов, представляющих первичное расщепление, позволяют оценить рассматриваемые объекты как базовые стоянки, скорее всего, сезонного характера. Об этом свидетельствуют: отсутствие кусков сырья, малое количество преформ, первичных и технических сколов (подживление рабочих плоскостей нуклеусов), да и самих нуклеусов. Следовательно, операции по раскалыванию сырья и получению заготовок не являлись доминирующими. Орудийный набор составляют инструменты, которые традиционно связывают с переработкой продуктов охоты (скребки, резцы, ножи). Ограниченность источников не позволяет реконструировать многие аспекты хозяйственной деятельности древнего населения раннего голоцена. Можно только предположить, что, вероятно, ведущее направление в адаптационной стратегии имела охота, о чем свидетельствуют фаунистические остатки, зафиксированные на стоянках этого периода [Горюнова, 1990; Хамзина, 1991]. Помимо пищевых ресурсов охота поставляла сырье для изготовления орудий. В основном для этих целей использовались стенки трубчатых костей копытных животных. О том, что обитатели стоянки использовали ресурсы озера Байкал, свидетельствуют находки цельнорезных рыболовных крючков и гарпуна из кости, а так же наличие костей рыб.

Литература

Абдулов Т.А. Мезолитические горизонты многослойной стоянки Курла IV // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. — С. 55-62, 195-199.

Аксенов М.П., Медведев Г.И. Стоянки Верхоленская Гора 1, 2 // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — С. 76-77.

Ветров В.М., Кузьмин Я.В. К истории изучения древней керамики на Верхнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — Ч. 1. — С. 59-63.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Горюнова О.И. Проблемы выделения рубежа плейстоцена и голоцена на территории Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — Т. 2. — С. 37-45.

Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г. Культурно-хронологическая периодизация и палеоэкологическая обстановка раннего голоцена Приольхонья // Современные проблемы археологии России. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. — Т. 1. — С. 189-191.

Горюнова О.И. Многослойная стоянка Берлога // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — С. 137-140, рис. 81-83.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археологические комплексы и природная обстановка раннего голоцена Приольхонья (оз. Байкал) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. — Т. 1: Археология. Этнология. — С. 50-55.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. — С. 51-57.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. — М.: Наука, 1974. — 255 с. — (Тр. / ГИН АН СССР. — Вып. 257).

Кузьмин Я.В., Ветров В.М., Джал Э.Дж.Т., О'Малли Ж.М. Радиоуглеродное датирование керамики усть-каренгской археологической культуры Верхнего Витима и хронология начального неолита Восточной Азии // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. — Вып. 2, ч. 1. — С. 181-188.

Лут Б.Ф. Геоморфология Прибайкалья и впадины озера Байкал. — Новосибирск: Наука, 1978. — 213 с.

Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И., Лбова Л.В., Акимова Е.Б., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Заика А.Л., Ласточкин С.В., Липнина Е.А., Макулов В.И., Осадчий С.С., Ощепкова Е.Б., Савельев Н.А., Ташак Е.В. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири: (методология, методы, рекомендации). — Красноярск; Иркутск; Улан-Удэ: Арком, 1996. — 53 с.

Мельхеев М.Н. По берегам Байкала: (геогр. условия побережья). — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. — 166 с.

Новиков А.Г. Новые данные по раннеголоценовым культурным комплексам многослойного поселения Берлога (оз. Байкал) // Экология Байкала и Прибайкалья. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999. — Ч. 2. — С. 130.

Новиков А.Г. Бескерамические комплексы многослойного поселения Кулара III (оз. Байкал) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. — С. 159-161.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Раскопки поселения Хужир-Нугэ XV на побережье оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — Т. 6. — С. 184-167.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Исследования археологических объектов раннего голоцена в Приольхонье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — Т. 7. — С. 195-198.

Новиков А.Г., Медведев Г.И., Горюнова О.И. Новые мезолитические объекты Приольхонья (оз. Байкал) // Вестник Иркутского университета. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. — С. 67-71.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Керамические комплексы поселения Хужир-Нугэ XV (оз. Байкал) // Экология Байкала и Прибайкалья. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. — Вып. 3. — С. 22-23.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. / СО АН СССР. Сер. общ. наук. — 1983. — № 1, вып. 1. — С. 93-97.

Свинин В.В. У истоков рыболовства на Байкале // Изв. / ВСОГО СССР. — 1976. — Т. 69. — С. 154-166.

Хамзина А.А. Сравнительный анализ фауны многослойных археологических памятников Итырхей, Улан-Хада, Берлога (Прибайкалье) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. — С. 70-75.

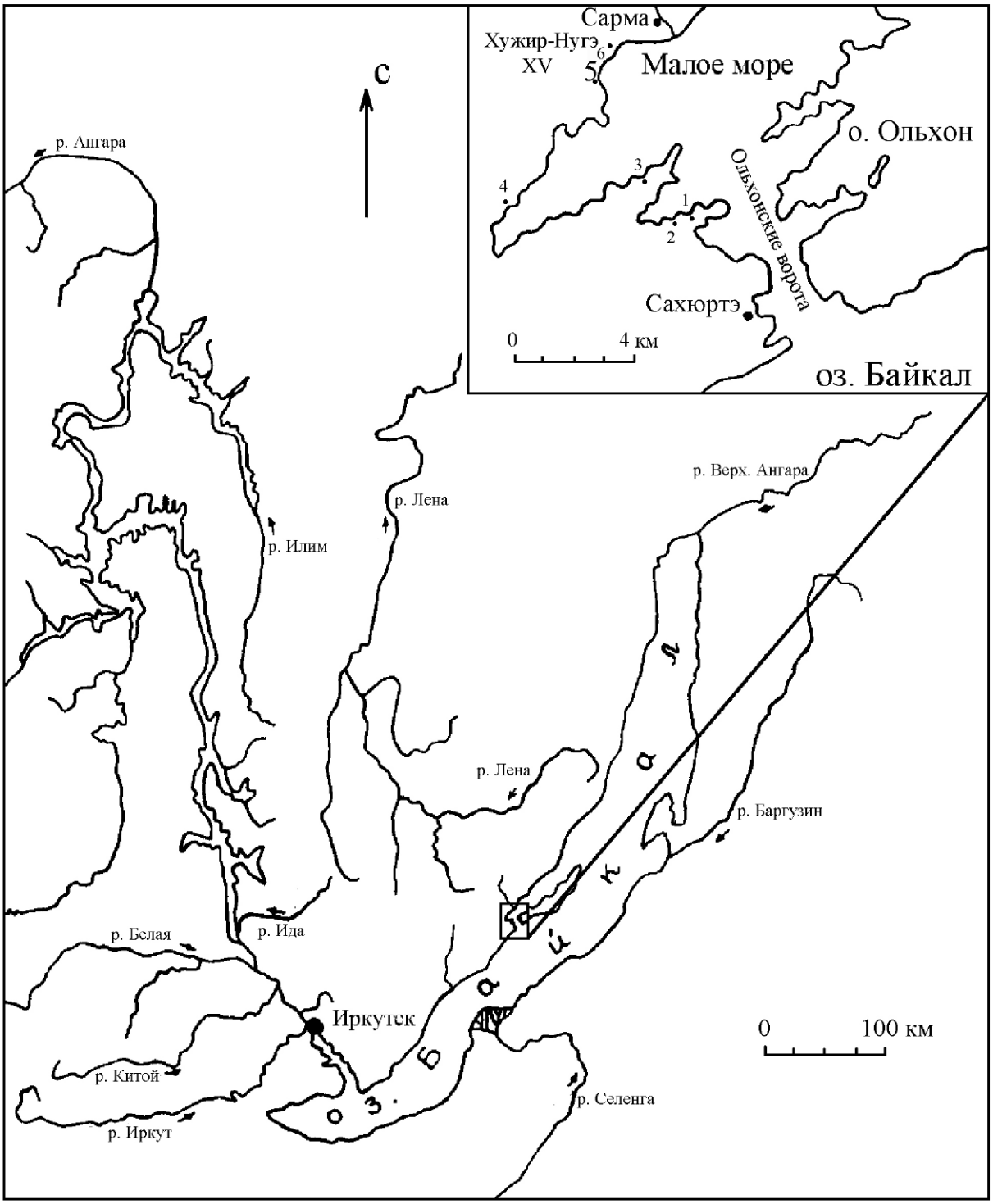


Рис. 1. Карта-схема расположения раннеголоценовых объектов Маломорского геоархеологического района (1 – Итырхей, 2 – Берлога, 3 – Саган-Нугэ, 4 – Кулара III, 5 – Сарма I, 6 – Хужир-Нугэ XV).

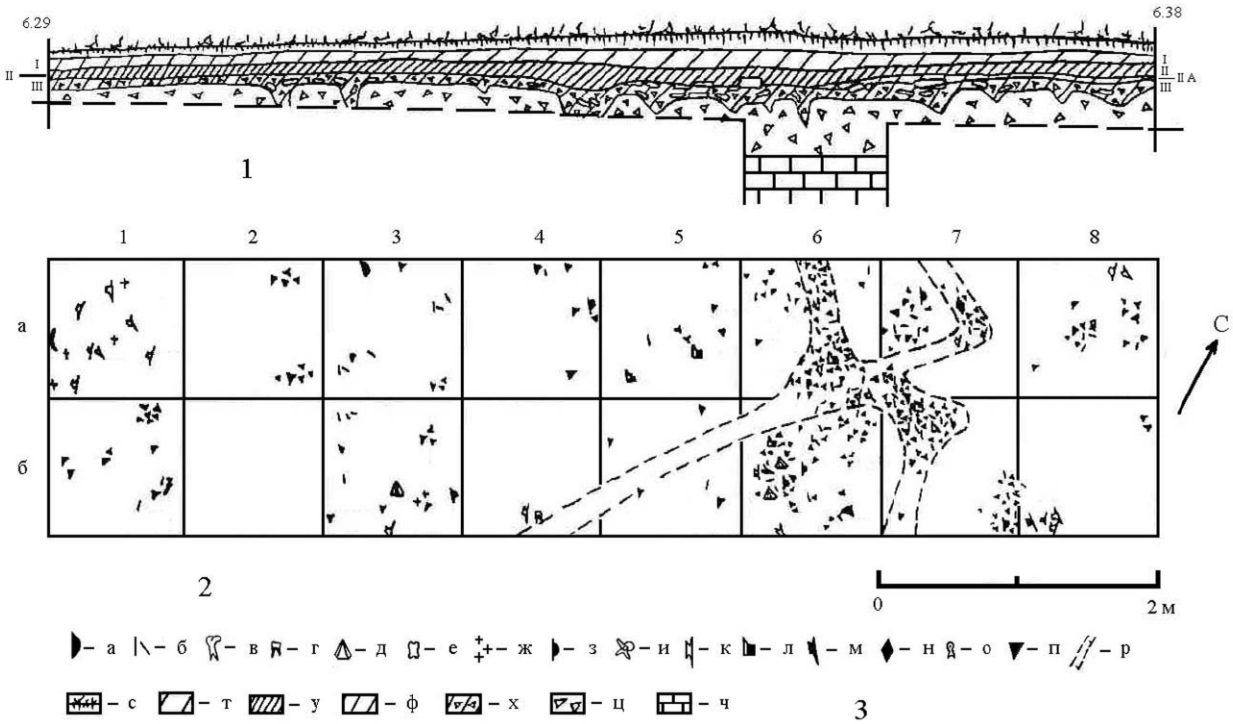


Рис. 2. Хужир-Нугэ XV, раскоп 2000 г.: 1 – стратиграфический разрез СЗ стенки; 2 – план III культурного слоя; 3 – условные обозначения (а – нож, б – призматическая пластина, в – эпифиз, г – зуб, д – нуклеус, е – астрагал, ж – кости рыб, з - скребок, и – позвонок, к – битая кость, л – резец, м – жженая кость, н – проколка, сверло, о – фаланга, п – отщеп, скол, р – морозобойные трещины, с – дерн, т – светло-серая супесь, у – черная гумусированная супесь, ф – темно-серая почва, х – темная щебенистая супесь, ц – желтая щебенистая супесь, ч – скальник).

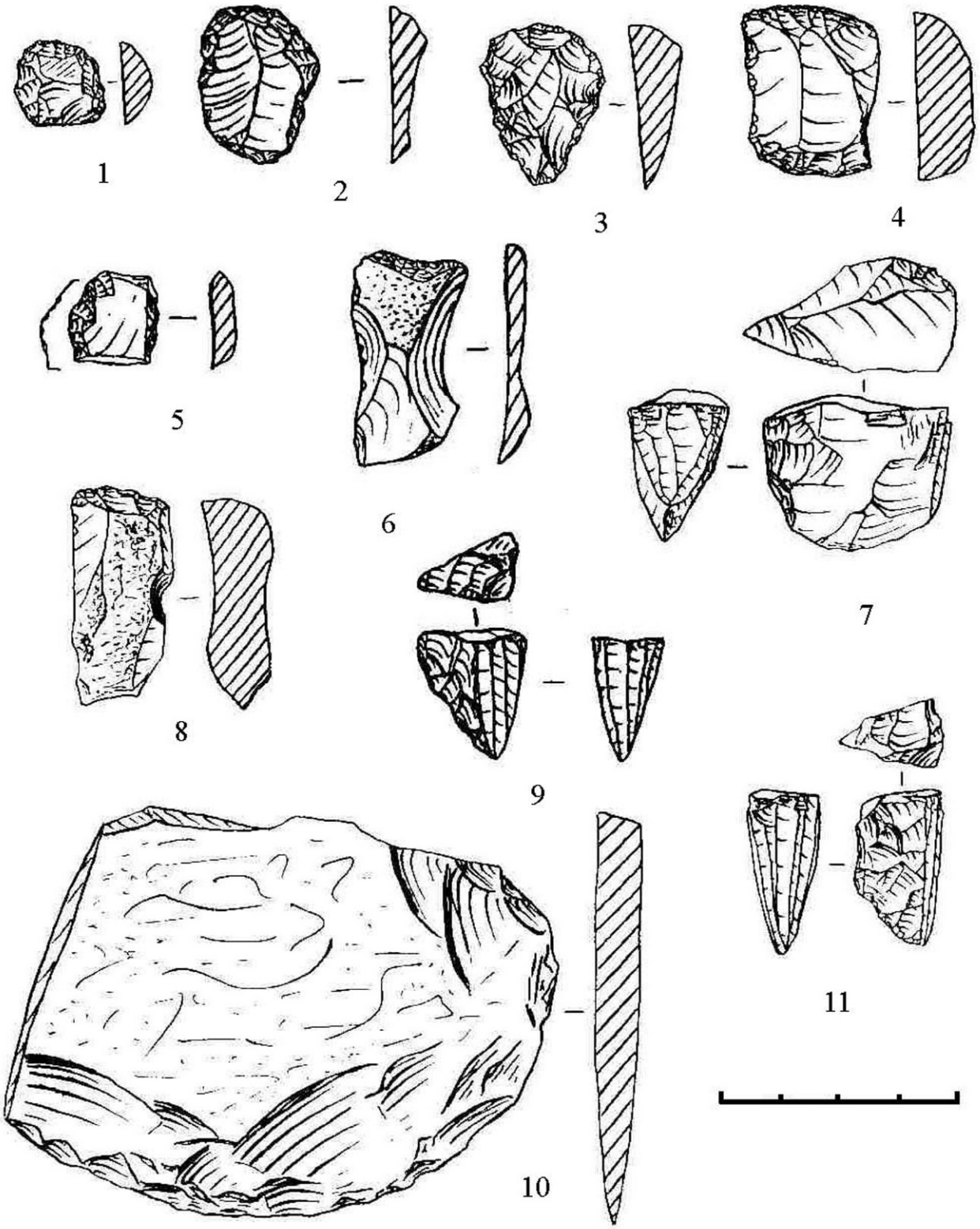


Рис. 3. Хужир-Нугэ XV, изделия из камня III культурного слоя.

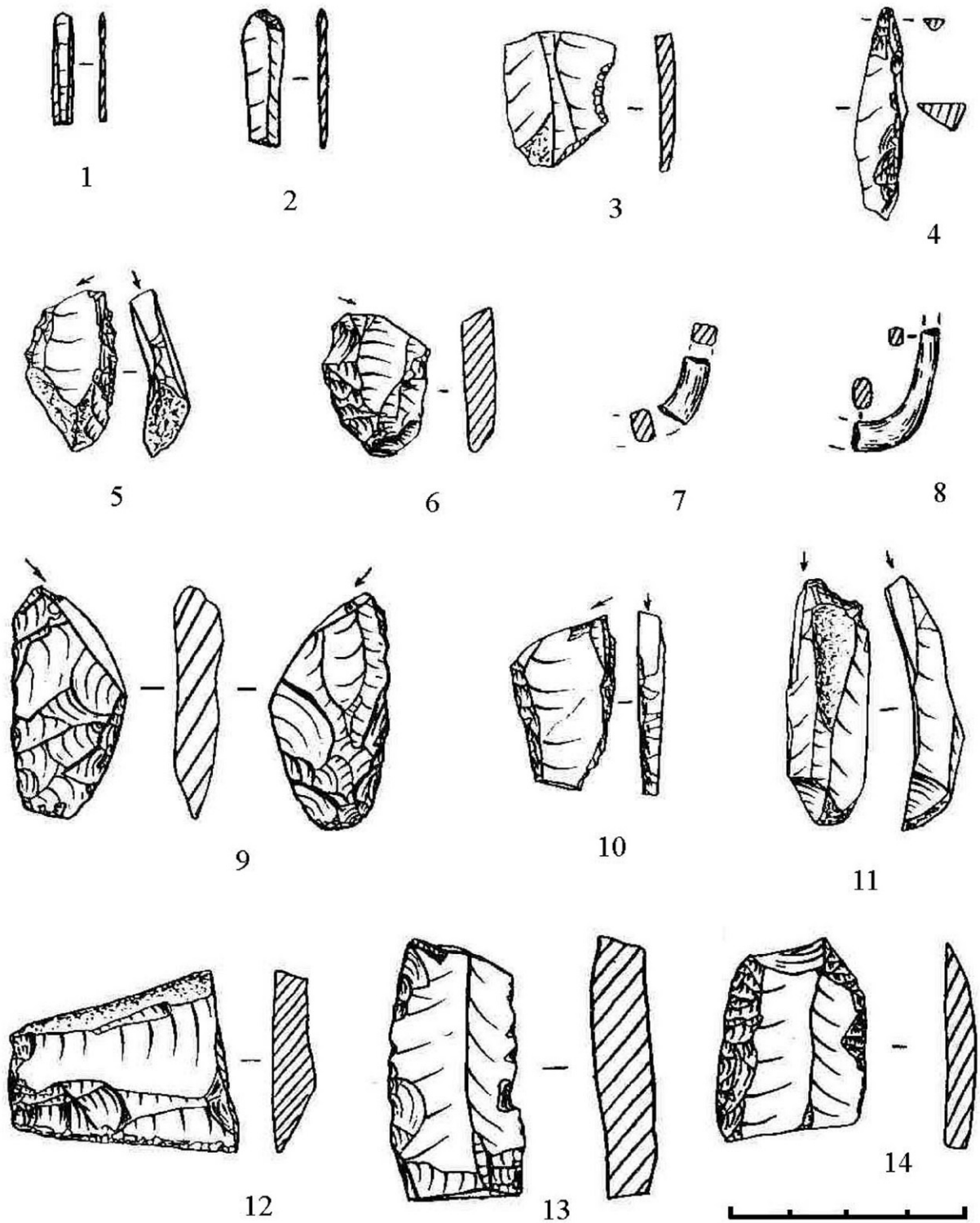


Рис. 4. Хужир-Нугэ XV, изделия III культурного слоя: 1-6, 9-14 – камень, 7-8 – кость.

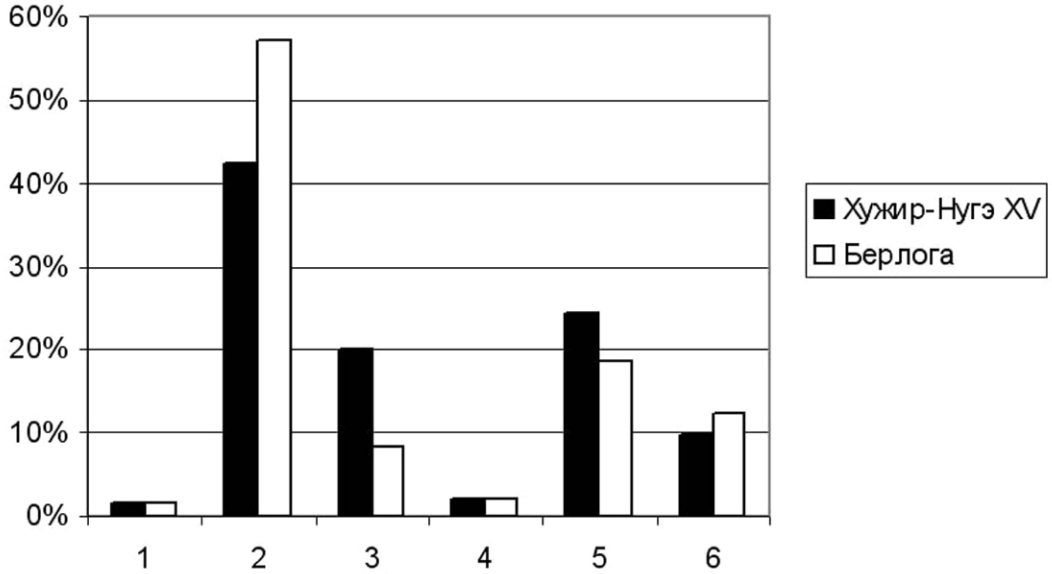


Рис. 5. Соотношение изделий из камня раннеголоценовых комплексов поселений Хужир-Нугэ XV и Берлога (1 – нуклеусы, 2 – отщепы, 3 – сколы, 4 – сколы переоформления, 5 – призматические пластины, 5 – орудия из камня).

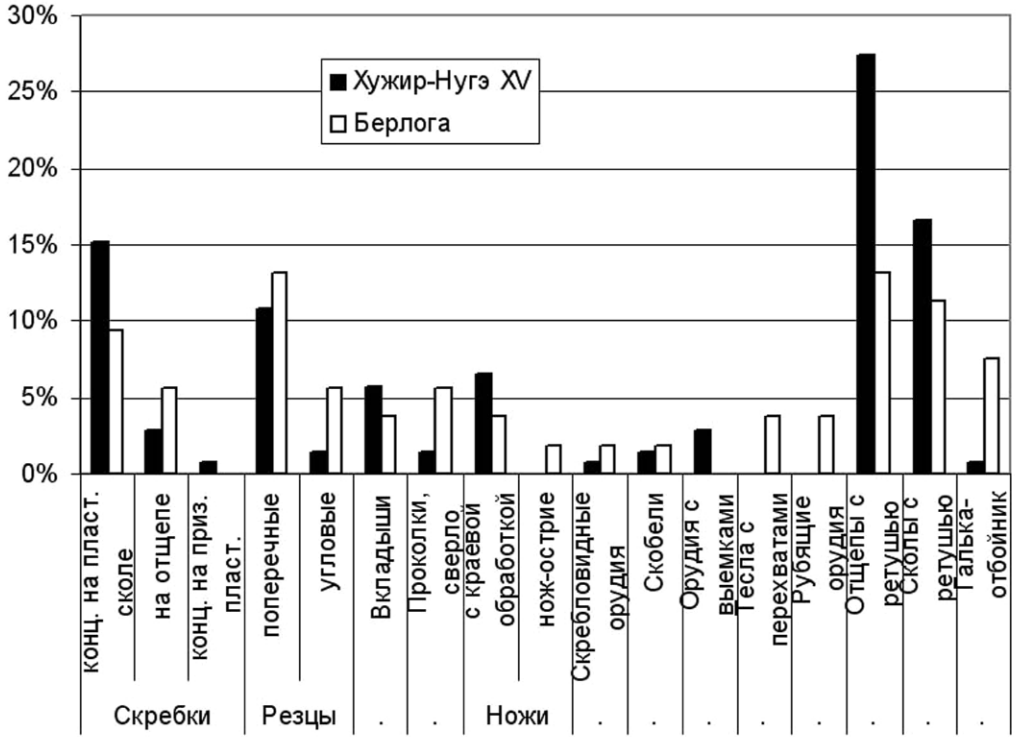


Рис. 6. Соотношение каменных орудий раннеголоценовых комплексов поселений Хужир-Нугэ XV и Берлога.

С.Н. Пержаков
Иркутск, Областное государственное учреждение
Центр по сохранению историко-культурного наследия г. Иркутск

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КИСТЕНЕВО-9 (ВЕРХНЯЯ ЛЕНА). ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ МОРФОТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ

Общая характеристика объекта исследования

Палеолитическое местонахождение Кистенево-9 (координаты: 53°59'38,3" с.ш., 105°44'40,8" в.д.) расположено в 14 км ниже по течению р. Лены от районного центра п. Качуг и в 2,4 км севернее д. Кистенева (Россия, Иркутская область) (рис. 1). Объект открыт в 1995 г. Верхнеленским отрядом Научно-изыскательской археологической экспедиции Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области [Пержаков, Аксенов, Чеботарев, 1996, с. 98].

Объект территориально входит в состав геоархеологического исследовательского полигона «плейстоцен-голоценовых» культур в окрестностях д. Кистенева. «Геоархеологический полигон» — территория, объединяющих серию геоархеологических объектов, свидетельствующих об активном использовании древним населением данного жизненного пространства, которые расположены на метахронных (разновозрастных) элементах современного рельефа, в частности на склоне речной долины.

Сведения о наличии археологических объектов, на данном отрезке долины р. Лены появились в специальной литературе с начала 70-х годов XX века [Аксенов, Шмыгун, 1974; Аксенов, Лынша, Шуньков, 1975; Аксенов, 1989]. Начиная с 1973 по 1995 гг., на его территории открыто 13 археологических объектов. В состав полигона входят: 1 — стоянки открытого типа приуроченные к песчано-супесчано-суглинистым покровным отложениям и делювиально-пролювиальным суглинкам, часто со следами облессования (Кистенёво-1,2,4,5,6,8,10; Падь Муя-1); 2 — объекты с разрушенным культурным слоем, а) в процессе техногенного воздействия (новое строительство, перепашка, раскорчевка, проложения проселочных дорог) (Кистенёво-1,3); б) в процессе экзогенных факторов плоскостной смыв со склонов, деятельность сухих ручьев, подмыв береговых обнажений (Кистенева — 7, 9) — это объекты с переотложенным культуросодержащим слоем, в результате многократных склоновых делювиальных процессов. По археологической периодизации принятой для Байкальского региона, объекты относятся к разным культурно-хронологическим этапам конца среднего (?) — позднего палеолита, мезолита и эпох палеометалла. Местонахождение «Кистенёва-9» является наиболее древним объектом позднеплейстоценовой археологии на территории данного исследовательского полигона, с которого получен разновозрастный, достоверный, совокупный материал по археологии, стратиграфии и палеогеографии конкретного участка долины верхней р. Лены.

Концентрация археологических местонахождений в верховьях р. Лены в районе бывшей д. Макарова и поселений Кистенёва, Шишкина приурочены к месту сочленения предгорного прогиба с Верхне-Ленским поднятием.

Геоморфологическая ситуация окрестностей п. Кистенева весьма характерна для верхней части долины р. Лены. К унаследованным 80-100 метровым морфоструктурным террасовидным поверхностям примыкает серия довольно четко выраженных низких террасовидных поверхностей разного генезиса. Наиболее обширной является I-я надпойменная 6-8 метровая террасовидная поверхность. На ней расположены археологические объекты, чей возраст не выходит за рамки голоценовой истории (Кистенёва-1,2,3,5,6). На втором условно выделенном гипсометри-

ческом уровне (10-18 м) дислоцируется Кистенева-4 (конец позднего палеолита). Их хроностратиграфические характеристики вполне сопоставимы с соседними Макаровским, Шишкинским геоархеологическими исследовательскими полигонами. Местонахождение Кистенёва-9 располагается на 25-30 метровых гипсометрических отметках от уреза р. Лены на бровке и площадке третьей террасовидной поверхности (вероятнее всего тело погребенного конуса выноса). Выше 36-40 метровых отметок террасовидная поверхность переходит в, довольно крутой склон, до 6-7° и имеет протяженность около 200-300 м, на этой части склона в настоящее время шурфовочных работ не проводилось. На перегибе склона (90 м), где начинается придолинная плиоценовая (?) поверхность выравнивания, находятся распаханные поверхности, на которых обильно встречаются: галечник, окатанные плитки верхнекембрийских алевролитов верхоленской свиты (Cm2-3-Vl1). Рыхлые отложения на данных отметках практически отсутствуют. Разведочные шурфы и археологический раскоп -I на 25-36 м высотах от р. Лены, частично характеризуют рыхлый чехол склоновых делювиально-пролювиальных отложений данного геоморфологического уровня, осложненных солифлюкционными процессами с включением нескольких уровней древнего почвообразования.

На первом этапе (1995-96 гг.) изучения полученных материалов с местонахождения Кистенева-9 особое место отводилось стратиграфическому дешифрированию уровней залегания археологического материала, т.к. на тот момент было мало данных для датирования объекта по морфо-типологическим характеристикам зафиксированных артефактов. Подробные геостратиграфические характеристики верхнеплейстоценовых отложений Кистенево-9 и некоторых физико-химических свойств, полученных при анализе образцов, взятых их шурфов № 3, 7, приводятся в статье [Пержаков, Аксенов, Куклина, 1998, с. 161-169]. На втором этапе исследования данного палеолитического объекта получены данные, позволяющие предварительно проанализировать морфологические особенности артефактов, зафиксированных в 1995-96, 1999, 2005 гг.

Морфотипологические характеристики каменного инвентаря

Общее количество зафиксированных артефактов из камня составляет 180 экз.

Поверхности артефактов сохраняют следы эоловой дефляции, особенно это, фиксируется на кремнистых туфогенных породах. Следы дефляционных процессов фиксируются и на галечно-дресвянистых включениях культуросодержащего слоя.

Каменная индустрия представлена нуклеусами в различной степени сработанности, нуклевидными обломками, техническими сколами, отщепами, неправильными пластинами, обломками, расколотыми гальками.

Нуклеусы — представлены одно-двуфронтальными, одноплощадочными нуклеусами, с параллельным и субпараллельным принципом скалывания (5 экз.) с подготовленными и не подготовленными площадками (рис. 2 -1-3; 5 -1; 6 -4). Фронты нуклеусов несут негативы от 2 до 5 коротких и средних пластинчатых снятий.

- уплощенный призматический монофронтальный, одноплощадочный нуклеус (рис. 2 -1) с параллельным принципом скалывания, на фронтах фиксируются негативы пластинчатых снятия, на одном фронте частично сохранена галечная корка. Площадка не подготовлена.

- уплощенный призматический монофронтальный, одноплощадочный нуклеус (рис. 2 -2) с субпараллельным принципом скалывания, фронт оформлен короткими пластинчатыми снятиями, контрфронт частично сохраняет галечную корку. Площадка подготовлена.

- кубовидный призматический монофронтальный, одноплощадочный нуклеус (рис. 2 -3) с параллельным принципом скалывания, фронт оформлен короткими пластинчатыми снятиями, контрфронт сохраняет галечную корку. Площадка подготовлена.

- уплощенный призматический монофронтальный, одноплощадочный нуклеус (рис. 5 -1) с параллельным принципом скалывания, фронт оформлен пластинчатыми снятиями, контрфронт

частично сохраняет галечную корку, и несет следы двух разнофасетчатых снятий. Фронт и контрофронт сопряжены под 90°.

- призматический галечный монофронтальный нуклеус (рис. 6 -4) с параллельным принципом скалывания, фронт оформлен крупными пластинчатыми снятиями, контрфронт сохраняет галечную корку.

- к нуклевидным формам отнесены 2 экз., которые представлены бифациально обработанными уплощенными заготовками (рис. 5 -2, 3).

Технические сколы и отщепы, пластины и их сегменты демонстрируют призматическое расщепление, микроснятия отсутствуют. Технологический процесс, таким образом, характеризуется укороченными, неширокими, относительно массивными заготовками. Ведущей основой для заготовок являлись массивные сколы, пластины и пластинчатые отщепы.

В настоящее время процент изделий в артефактийной коллекции незначительный (7%). Вторичное оформление орудий производилось с помощью обивки, фрагментации латерального ретуширования, «encoche», фиксируется, поперечное, продольно угловое комбинирование вторичной обработки.

Группа изделий:

- скребловидные изделия:

На данном объекте индустрия скребловидных изделий представлена на массивных сколах и галечных вариантах.

- поперечное однолезвийное скребло (рис. 2 -4) изготовлено на галечном сколе из кварцитовой породы, размеры изделия 12,5 х 5,5 см. Лезвие оформлено крупными, разнофасетчатыми, ярусными сколами. Рабочий фас сохраняет следы галечной корки, с арьерфаса лезвие также оформлено ярусными сколами.

- поперечное конвергентное двулезвийное скребло (рис. 4 -1) изготовлено на массивном сколе из кварцитовой породы, размеры изделия 13,5 х 6,5 см. Лезвия оформлены крупными разнофасетчатыми, ярусными сколами. Рабочий фас обработан, с арьерфаса, лезвия также оформлено ярусными сколами, левый край также обработан.

- поперечное конвергентное однолезвийное скребло (рис. 4 -2) изготовлено на массивном сколе из кварцитовой породы, размеры изделия 9 х 7см. Лезвие оформлено крупными разнофасетчатыми, ярусными сколами. Рабочий фас, арьерфас и правый край обработаны.

- поперечное однолезвийное скребло (рис. 4 -3) изготовлено на массивном сколе из кварцитовой породы, размеры изделия 6,2 х 6 см. Лезвие оформлено крупными разнофасетчатыми, ярусными сколами. Рабочий фас и левый край обработаны.

К группе **концевых скребков** отнесены два экземпляра:

- концевой скребок (рис. 5 -6) изготовлен на первичном галечном сколе. Тело скребка на треть сохраняет следы галечной корки. На обушковой части фиксируются негатив предшествующего снятия. Лезвие головки изделия обработано мелкой отжимной ретушью.

- концевой скребок (рис. 6 -1) также изготовлен на первичном галечном сколе. Тело скребка на треть сохраняет следы галечной корки. На обушковой части фиксируются негативы предшествующих снятий. Лезвие головки изделия обработано мелкой двухъярусной, отжимной ретушью.

По способу (варианту) оформления головок скребков, они относятся к высоким формам. Вторичная подработка лезвий скребков носит ретушный характер.

Фрагменты ретушированных изделий на отщепах, сколах, представлены следующими группами.

- **пластины и их сегменты** — все характеризуются небольшой длиной 3-5 см, шириной 1,5-2 см в сечении подтреугольные, большая часть представленных в коллекции экземпляров ретушированы нерегулярной маргинальной ретушью (рис. 3 -3-8; 5 -5; 6 -2, 3, 5, 6). Одно изделие всего ближе к типу «pièce écaillée» (рис. 3 -6), у которого левый маргинал частично ретушированн, а проксимальная часть подтесана несколькими снятиями, дистал приострен. Дорсальная часть сохраняет следы галечной корки.

- **к орудиям с выемкой типа «encoche»** отнесены два экземпляра (рис. 3 -5, 7; 5 -5). Данные орудия выполнены на первичных пластинчатых сколах, дорсалы частично сохраняют галечную корку.

- **к ножевидным изделиям** отнесены 2 экз. (рис. 3 -1, 2). В одном случае (рис. 3 -1) дорсальная часть изделия сохраняет следы галечной корки, левый маргинал частично ретушированн отжимной ретушью. Второе изделие выполнено на массивном сколе лыжевидной формы, дорсальная часть несет негативы двух предшествующих пластинчатых снятий, левый маргинал оформлен отжимной ретушью.

- **к резцовым изделиям** отнесен 1 экз. (рис. 5 -4). Изделие относится к угловым формам, выполнено на пластинчатом сколе, дорсальная часть несет негативы двух предшествующих пластинчатых снятий, левый маргинал оформлен отжимной ретушью, проксимальная часть сохраняет следы галечной корки.

Пополнение при исследовании, артефактийной коллекции с местонахождения Кистенёва-9 позволяет проводить морфо-типологический анализ, который по предварительным данным указывает на близость «ископаемой культуры» ко времени конца верхнего — начало позднего палеолита (35-30 т.л.н.?). Наиболее близким аналогом в морфо-типологическом плане к инвентарному комплексу Кистенёва-9 на наш взгляд является артефактийный литотехнический комплекс с Макарово-4. Сравнительный анализ двух комплексов — дело будущего.

Археологические объекты, раннекаргинского межледниковья, начала сартанского оледенения представлены в Северной Азии довольно. Каменная индустрия этих памятников большей частью характеризуется пластинчатой призматической техникой. Доминантом в качестве заготовки для изделий выступает пластина средних пропорций неправильных очертаний, которые обработаны мелкой прерывистой маргинальной ретушью. Нуклеусы в большей степени имеют уплощенную форму. Орудийный набор представлен: скребла, скребловидные, долотовидные изделия, скребки, вариабельные проколки, провертки, комбинированные орудия, остроконечники, острия, ножи, резцы, изделия из кости и рога.

В настоящее время, в Верхоленье, памятников данного хроностратиграфического диапазона выявлено, пока, очень мало. В последние десятилетия прошлого века в долине верхнего течения р. Лены, и Нижней Тунгуски, пределах Иркутской области выявлены объекты, относящиеся ко времени ранне-средне каргинского межледнековья (Kr1-3) — начала сартанской эпохи (Sr1): Макарово-3, Шишкино-8, Манзурка-2, Зыряновка-1, Балышово-2(А), Алексеевск-1, Непа, Инейский Бор (2ксс) [Аксенов, 1989; Пержаков, Якушева, 1991; Пержаков, Аксенов, Куклина, 1998; Задонин,1996; Семин, Шелковая, 1991]. По сумме показателей — морфотипологическая характеристика каменного инвентаря, геоморфология, стратиграфия — материалы этих комплексов можно отнести к данному культурно-хронологическому периоду позднего плейстоцена.

Культурные находки на Кистенёва-9 приурочены к среднему уровню пачки-3 (раннекаргинского-раннесартанского времени) и четко залегают в дресвяной прослойке, мощностью 10-15 см. Глубина залегания прослойки от дневной поверхности колеблется в пределах 2,5-1,5 м за счет увеличения пачки 4 (Sr2) в шурфе № 7, который находится ниже по склону от шурфа № 2. Стратиграфически уровень залегания артефактов, возможно, является границей перерыва в осадконакоплении и фиксирует последнее перемещение культурных остатков в систе-

ме верхнеплейстоценовых отложений. Необходимо отметить, что в настоящее время в близкой стратиграфической позиции, а именно дресвяные горизонты, которые фиксируются в позднеплейстоценовых комплексах на разных формах рельефа в пределах верхнего участка р. Лены, зафиксировано 4 объекта: Макарово-4 (наиболее древний), Шишкино-8, и Макарово-3. Характер и формирование конкретных геолитологических образований, по-видимому, разный, растянут во времени и неоднократно переотложенный, трансформированный экзо- и эндогенными факторами. Совокупность выделенных характеристик позволяет предварительно определить хроностратиграфическое положение Кистенева-9 в рамках 35-30 т.л. от наших дней. В настоящее время новый геоархеологический объект — это наиболее древний на Кистеневском комплексе, который может занять эталонное положение не только для локальной зоны. Уточнение определяющих показателей, приращение реальной информации до достаточных пределов требует продолжения комплексных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит верхней Лены: Афтореф. дис. … д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1989. — 35 с.

Аксенов М.П., Лынша В.А., Шуньков М.В. Комплекс донеолитических местонахождений у деревни Кистенево на Верхней Лене (предварит. итоги) // Древняя история народов юга Восточной Сибири.- Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1975. — Вып. 3. — С. 81-114.

Аксенов М.П., Шмыгун П.Е. Кистенево — новый мезолитический памятник Верхней Лены // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. — Вып. 1. — С. 139-145.

Задонин О.В. Палеолитическое местонахождение Алексеевск-1 // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. — Иркутск, 1996. — Вып. 1. — С. 23-27.

Пержаков С.Н., Аксенов М.П., Куклина С.Л. Палеолитическое местонахождение Кистенева-IX (Верхняя Лена) (предварительные стратиграфические и палеогеографические характеристики плейстоценовых отложений) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: (Мат-лы междунар. симпозиума). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — Т. 2. — С. 161-169.

Пержаков С.Н., Аксенов М.П., Чеботарев А.А. Новые объекты плейстоценовой археологии Верхней Лены // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXVI РАСК. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. — С. 95-97.

Пержаков С.Н., Якушева Т.Л. Некоторые итоги изучений новых археологических местонахождений в долине р. Манзурка // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. посвящ. 100-летию Н.К. Ауэрбаха. Краткое содержание докл. — Красноярск, 1991. — Т. 1. — С. 41-43.

Семин М.Ю., Шелковая С.О. Местонахождения палеолита в верхнем течении Нижней Тунгуски // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. посвящ. 100-летию Н.К. Ауэрбаха. Краткое содержание докл. — Красноярск, 1991. — Т. 1. — С. 48-50.

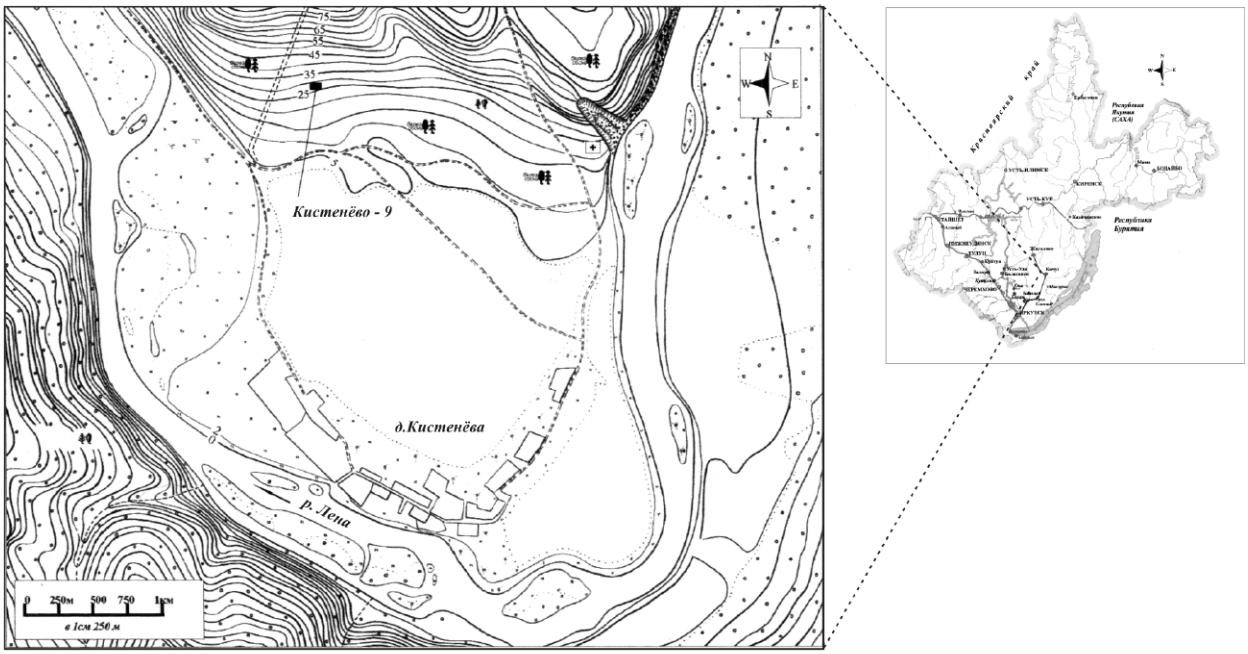


Рис. 1. Ситуационный план палеолитического местонахождения Кистенёво-9.

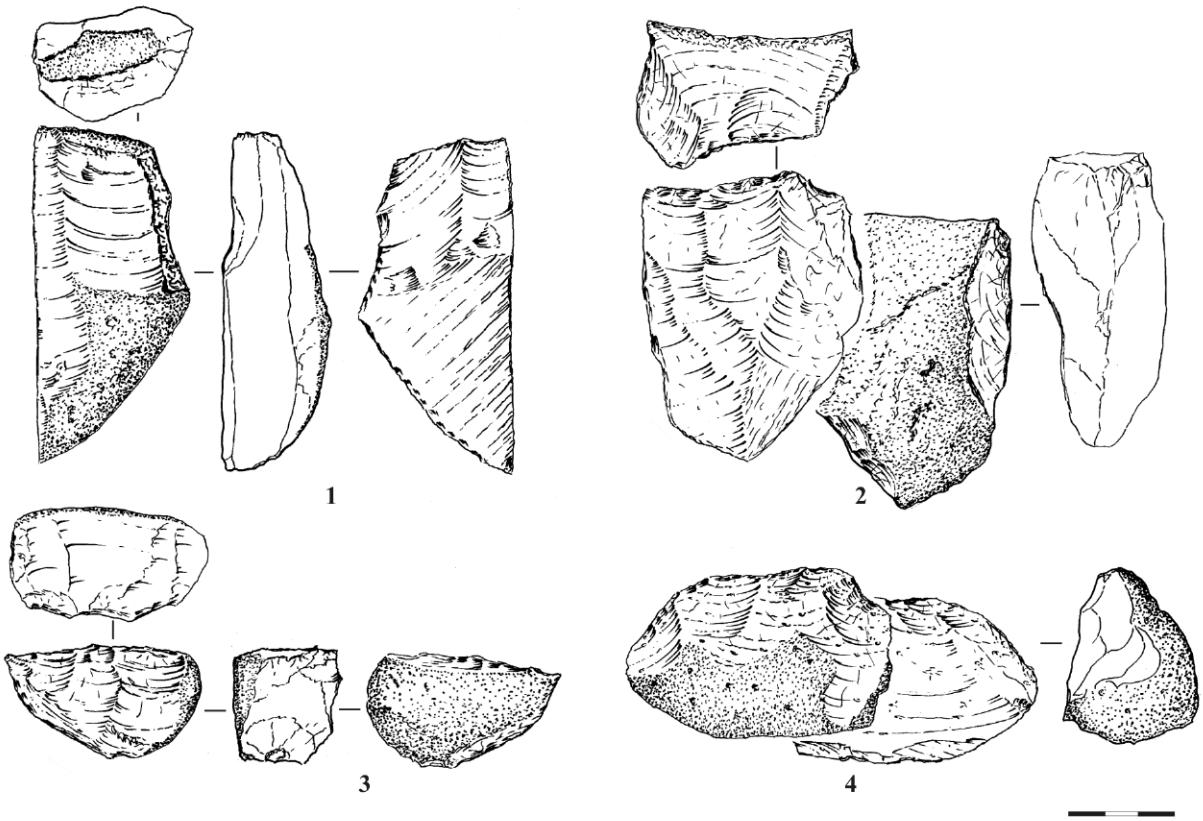


Рис. 2. Изделия из камня: 1-3 - нуклеусы; 4 - скребловидное изделие.

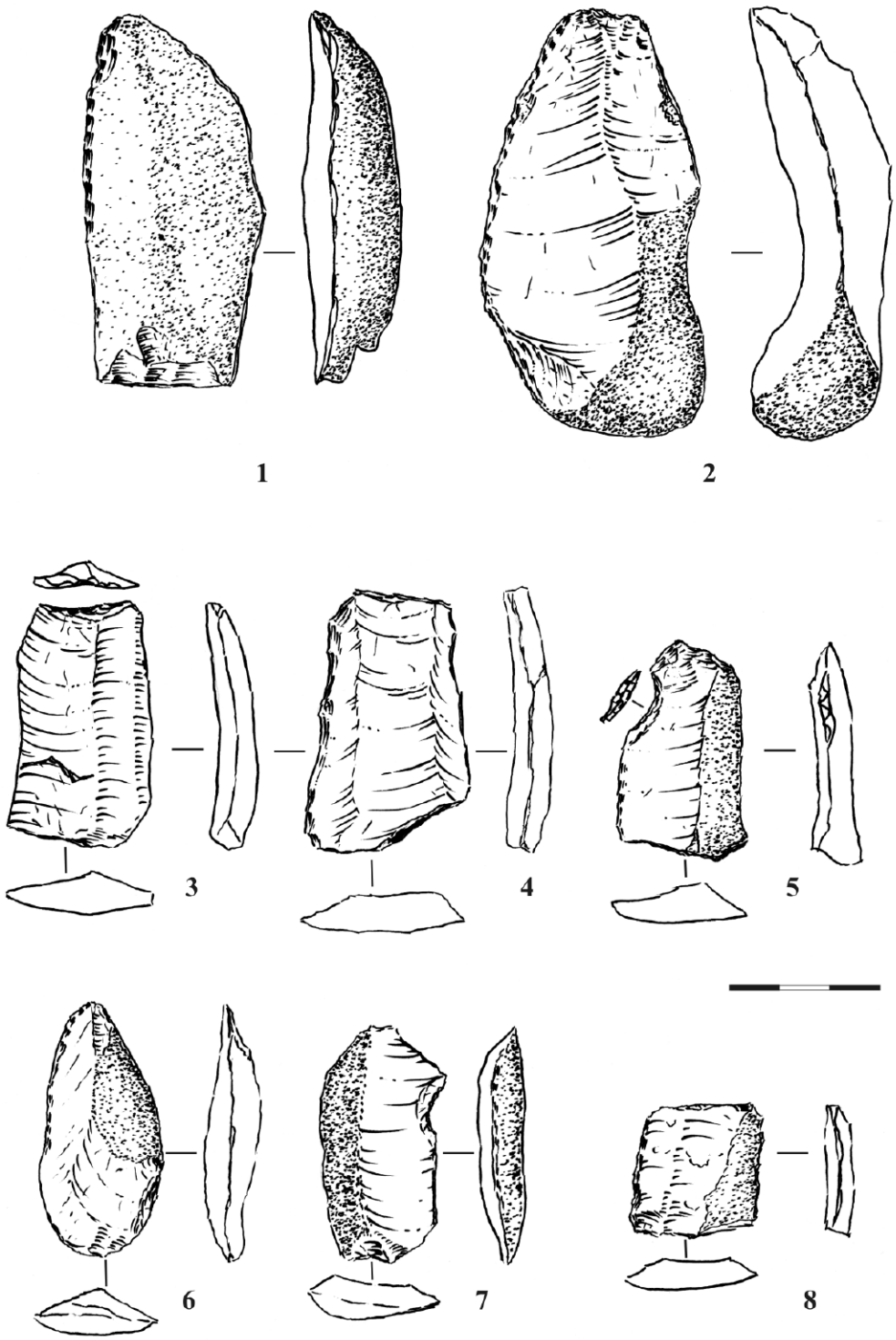


Рис. 3. Изделия из камня: 1, 2, 6 - ретушированные пластинчатые сколы (ножи); 3, 4, 8 - ретушированные пластины; 5, 7 - орудия с выемками.

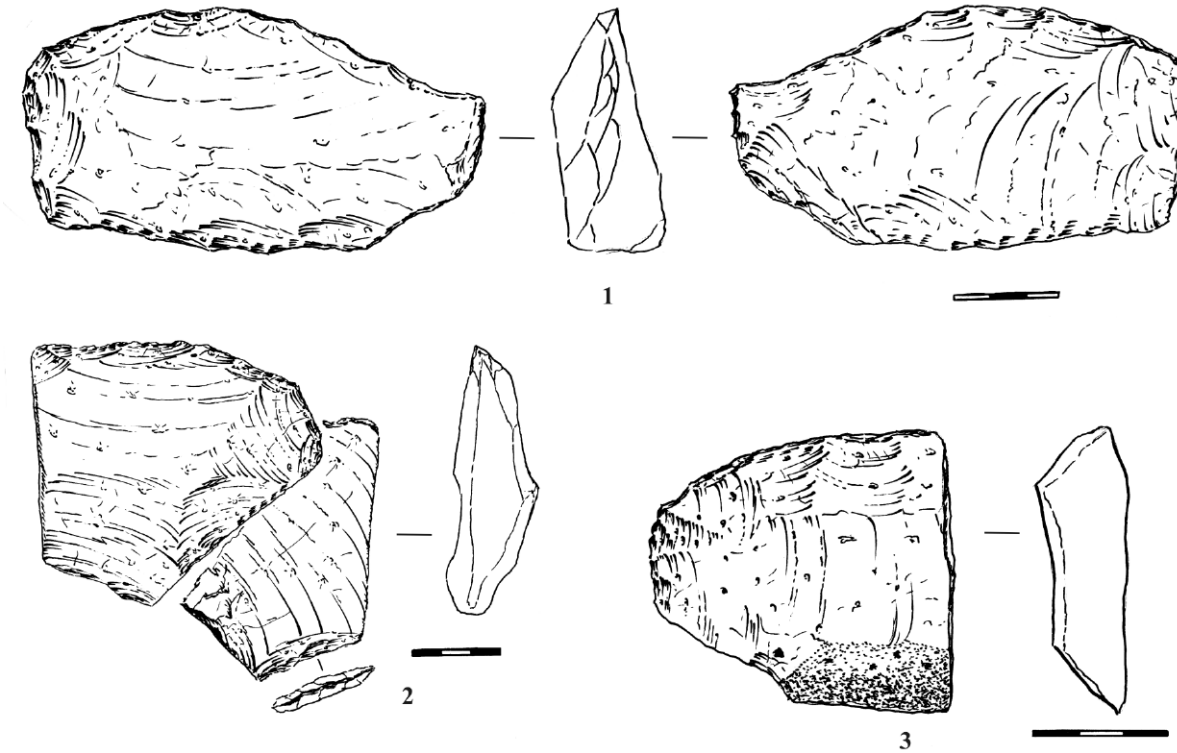


Рис. 4. Изделия из камня: 1 -3 - скребловидные изделия.

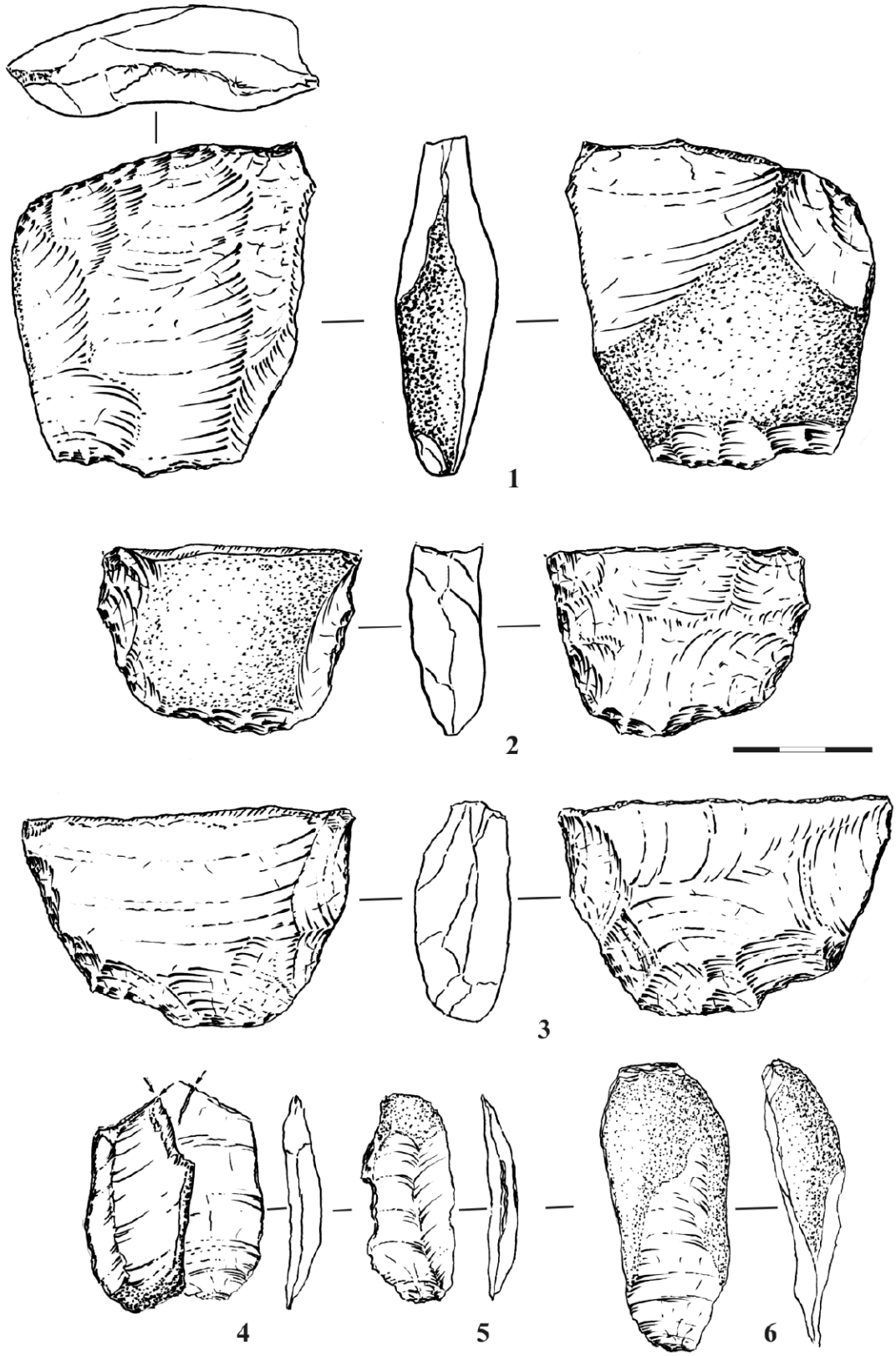


Рис. 5. Изделия из камня: 1 - нуклеус; 2, 3 - скребловидные изделия; 4 - боковой резец; 5 - орудие с выемкой (анкош); 6 - концевой скребок.

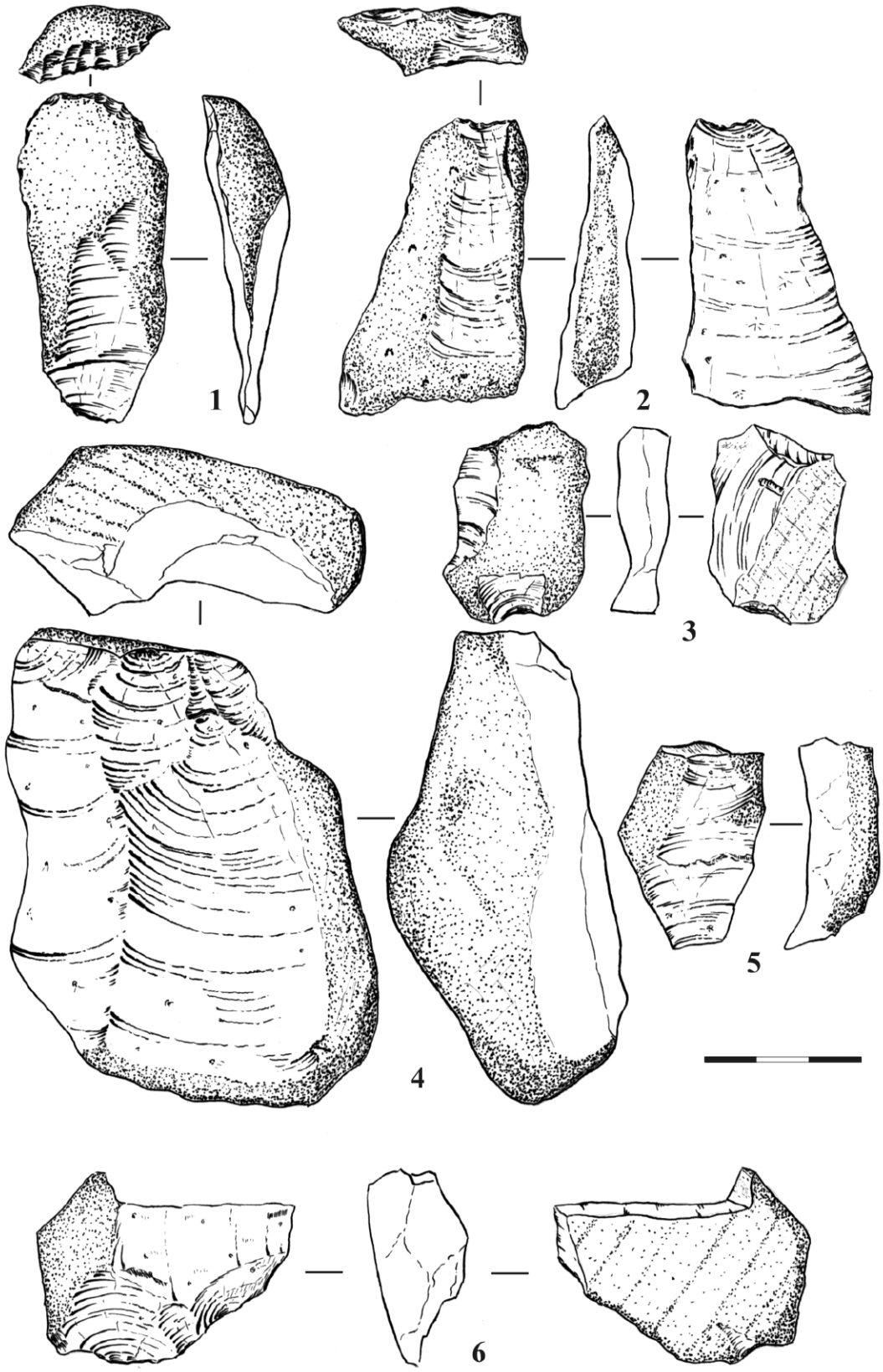


Рис. 6. Изделия из камня: 1 - концевой скребок, 2, 3, 5, 6 - технические сколы; 4 –нуклеус.

А.И. Поселянин [1, 2]
[1] *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова*
[2] *Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории*

ТИПОЛОГИЯ ПОМИНАЛЬНИКОВ ПОЗДНЕГО ЭТАПА ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Таштыкские поминальные памятники Минусинской котловины, расположенные на могильниках со склепами V-VII веков, представляют собой важный источник для изучения поминальных обрядов. Начинаясь при первичном погребении умершего и продолжаясь после окончательного захоронения, поминальные обряды таштыкцев были составной частью умилостивительных культов по подготовке к загробной жизни и почитанию предков. Однако до сих пор не изучались как самостоятельный вид археологических источников, не подвергались комплексному научному анализу. Материалы монографически раскопанных поминальных комплексов, полученных в последнее время археологами Новосибирска и Хакасии, а также сравнение их с исследованными памятниками, позволяют восполнить этот пробел. В статье представлены краткие результаты классификации и типологии поминальников (далее пом.). (Выражаю благодарность сотрудникам Лаборатории гуманитарных исследований НГУ О.А. Митько и Ю.В. Тетерину за предоставленную возможность использовать материалы их раскопок).

В классификационной процедуре использовано 13 поминальных комплексов и 618 поминальных объектов из всех районов Минусинской котловины: северный — Маркелов Мыс 1 (94), Маркелов Мыс 2 (123), центральный — Белый Яр 3 (152), Быстрая 2 (47), Уйбат 2 (18) , Изыхский чаатас (14), Кек-Оба (1); юго-восточный — Тепсей 3 (67), Тепсей 4 (23), Георгиевская (10), Суханиха (16); юго-западный — Койбальский чаатас (12); южный район — Староозначенская Переправа 1 (42 помина). Все помины имели различную структуру и состав жертвенных приношений: в 94-х находилась только посуда; в 80-ти сохранились кости животных; в 245-ти мясные тризны сочетались с жидкой пищей в глиняной посуде;158 ямок не имели остатков тризны; 41 объект — отдельно стоящие каменные стеллы без видимых следов тризны. Отдельные ямки содержали части от 2-5 жертвенных животных, включая сочетания овцы с коровой, в единичных случаях с лошадью и мелкими хищниками. Распределение ямок с разным количеством животных следующее: 1 особь — 235, 2 особи — 75, 3 особи — 11, 4 особи — 3, 5 особей — 1 ямка. Таким образом, в 325 поминах находилось мясо от 435 особей различных животных. Некоторые помины содержали остатки кальцинированных косточек и деревянной посуды, в единичных ямках обнаружены редкие предметы — костяные пластины и ложечки, бронзовая пряжка и зеркало, отчлененные человеческие стопа и кисть. [Вадецкая, 1999].

Исследование основных характеристик конструкций поминов и состава жертвенных тризн, позволило выполнить систематизацию признаков поминальных объектов. Классификация проводилось по нескольким параметрам:

1 — Топография поминальных комплексов. На основе особенностей географического положения поминальных комплексов выделяется 2 класса: надпоймеменный и холмистый. Поминальники по принципам группировки поминов на территории памятника разделены на 3 типа: с рядной; свободной; со смешанной или комбинированной планировкой. По признаку расположения поминов вокруг склепа относительно сторон света выделено 4 вида: восточная, южная, западная, северная диспозиции.

2 — Состав и особенности поминальных конструкций. Структура поминальных объектов включает 3 класса: ямка с тризной под перекрытием любой конструкции; ямка со вкопанной рядом каменной стеллой или деревянным столбиком; отдельно стоящая каменная стелла или

деревянный столбик, установленные в виде поминального объекта. Различие строительных материалов позволило выделить 4 типа перекрытия поминов: деревянное из жердей, иногда с берестой; каменное из плиток или валунов, комбинированное перекрытие: из жердей в нижнем горизонте и каменной выкладки в верхнем; не выявлено перекрытие. По признакам различия внутренней конструкции помины разделяются на 4 вида: простая грунтовая ямка; каменный ящик или с обкладкой стенок плитками; срубик из тонких бревен и жердей, в единичных случаях вертикальные столбики вдоль стенок. Выявлены 4 подвида покрытия дна ямки: отсутствует покрытие; берестяное; деревянные плахи или жерди; песчаниковые плитки. По различию размеров площади дна поминальных ямок выделено 6 вариантов: 1-3-ий варианты малого — от 0,1-0,6 до 1.4 м2; 4-й вариант среднего –1.5-2,1 м2; 5-6 -ой варианты большого размера 2,2 до 10 м2[Поселянин, 2008б, с.140-148].

3 — Форма, орнаментация и бытовая специализация глиняной посуды. Системное описание и классификация форм выполнены по принципам методики изучения морфологии керамики, разработанной В.Ф. Генингом. Учтены замечания, внесенные группой новосибирских ученых под руководством Л.Н Мыльниковой. По форме сосуда выделено 5 классов: 1. Банки 2. Горшки 3. Миски 4. 5. Фляги — сосуды, имитирующие аналоги подобной посуды из выделанной кожи. Внутри классов выявлены различные типы: у банок 2 типа: широкогорлые и узкогорлые шаровидные; у горшков 3 типа: широкогорлые тюльпановидные; узкогорлые биконические; узкогорлые вазовидные. Дополнительно у керамической посуды учитываются визуально наблюдаемые детали: форма венчика; налепные ручки; наличие носика–слива; особенности орнаментации. По размерам объема посуды выделено 6 групп сосудов: 1л.; 2; 3-4; 5-6; 7-10; 11-16 л. Согласно корреляции объема с формой сосудов у таштыкцев предполагается существование 3 видов посуды на основе хозяйственно–бытовой специализации: столовая 1-2; хозяйственная 3-6; тара для хранения продуктов 7-16 л [Поселянин, 2007а, с. 89 -125].

4 — Особенности состава мясных тризн. Различный состав мясных тризн позволил выделить жертвенные наборы 5 типов: тип I-IV — мясо от одной до четырех конечностей животного и тип V –мясо только от туловища; 9-ти видов: виды 1-7 –это разные комбинации костей от одной–двух–трех передних или задних ног, вид 8 — части от четырех ног, вид 9 — разные комбинации частей туловища (осевого скелета животного); подвиды уточняют состав частей туловища для типа V, а комбинации нескольких подвидов обозначаются конкретными индексами. Дополнительно выделенная категория варианта, позволяет учесть 1 — полные и 2 — неполные комплекты от эталонного жертвенного набора [Поселянин, 2007б, с. 231 -237, 2008а, с. 274-277].

В ходе выше проведенных операций классификации учитывалось все многообразие характеристик поминальников. Дополнительно в поминах с 2-5 жертвенными животными, совмещенными в одной ямке, сделана систематизация мясных наборов. На этой основе выделены типообразующие признаки: количество посуды в помине, состав мясной тризны и общее количество животных в ямке. Остальные признаки позволили уточнить количественное выражение той или иной тенденции. В результате все множество поминов распределилось на четыре типа и дополнительный пятый тип, представленный стеллами без тризн [Никитина, 1993, с. 145-159; Щапова, 1998., с. 378-386].

Тип 1 включает 238 поминов. Главными критериями, по которым выделен этот тип, являются: 1 — полное отсутствие глиняной посуды (100%); 2 — отсутствие мясных тризн в подавляющем большинстве ямок (66.3 %); 3 — трехкратное превышение ямок с мясом от одного животного (25.2 %) над ямками с двумя животными (8.4%); 4 — преобладание скудного состава мясной тризны от 1 ноги или частей туловища животного (осевого скелета) — 24.8%); 5 — преобладание ямок малой площади — 92.2;%;

Следующие признаки являются определяющими и проявляются устойчиво среди поминов одного типа, а в других типах не накапливаются в ведущую тенденцию: 1 — обилие ямок с

остатками кальцинированных костей, найденных в заполнении или на дне ямок — 38.7 %; 2 — преобладает каменное (84.5 %), наряду с деревянным (1.7 %), деревянно–каменным покрытием (2.1 %) и ямками, где не выявлено перекрытия (11.8 %);

Общекультурные признаки проявляются во всех типах в большем или меньшем количестве: 1 — состав поминов в виде простой ямы — 85.7 %; 2 — преобладание внутренних конструкция в виде грунтовой ямы (91.2 %) над каменными ящиками (8.8 %); 3 –отсутствие покрытия пола — 95 %.

Чистоту этого типа по ведущим признакам нарушает наличие в единичных поминах обильных тризн с мясом трех — четырех ног животного — 2.5%, или с двумя ногами 6,3%; ямки со стелами — 14.3 %, ямы средней и большой категории площади — 3.3 %.

Таким образом, можно выделить отличительные особенности первого типа поминов без посуды. Во — первых, это — значительное количество «пустых» поминов без посуды и мяса и преобладание ямок малых размеров, перекрытых широкими плитами и каменными кладками в виде кольцевой крепиды или сплошной платформы. Во — вторых, отмечено большое количество поминов с кальцинированными костями, найденными в заполнении или на дне ямок, которые в основном сосредоточены в 2 поминальниках из северных: Маркелов Мыс 1, 2 и незначительная часть из южных районов Минусинской котловины. В — третьих, ямки 1-го типа составляя 38.5 % от общей численности, в 618 поминальных объектах были без посуды и в своем составе имели всего 23 % мясных тризн от 435 туш жертвенных животных. Четвертая особенность заключается в общей скудности состава жертвенных тризн.

Тип 2 состоит из 123 поминов. Характеризуется следующими главными критериями: 1 — один глиняный горшок (100%); 2 — пятикратное преобладание ямок с мясом от одного животного (52 %) над поминами с 2 животными (10.6 %);

Определяющие признаки:1 — большое количество ямок без мясных тризн (37.4 %), как и в первой группе без поминов; 2 — малый размер площади ямок 57.7 %; 3 — преобладание ямок со скудными тризнами с мясом одной конечности или частями туловища животного (38.2 %), и незначительное число с мясом двух ног (16.7%); 4 — грунтовые ямки (68.3 %) и ямки со стеллой (31.7%), но последний вид поминальных объектов имеет значительное превышение по сравнению с остальными группами; 5 — преобладание, как и в первой группе, каменного перекрытия (45.5), но выявлены и другие: деревянно–каменное (4.1 %) и покрытие отсутствовало (37.4 %); 6 — сосуды баночных форм (65%) и горшки (13.8), преобладает хозяйственного назначения (40.7%), меньше столовой (25.2 %) и тарной для хранения (13 %), остальная посуда с неустановленным объемом (21.1%).

Общекультурные признаки: 1 — внутренние конструкции разнообразны — грунтовые ямки (87 %) и каменные ящики (11.4 %), в единичных случаях срубики из бревен (1.6%); 2 — отсутствует покрытие пола ямки (95.1%), но выявлены единичные объекты с берестяным (0.8%) и из песчаниковых плит (4.1%); 3 — преобладание ямок малой площади (57.7 %) и разрушенных, с неустановленными размерами (36.6 %).

Чистоту этого типа нарушают три положения. Во — первых, отклонения в размерах: единичные ямки среднего (5 шт.) и большого (2 шт.) размеров — всего 5.7 %. Эти помины находились по 2-3 ямки в пом. Белый Яр 3, Маркелов Мыс 1 и Уйбат 2. 2 –Во-вторых, ямки с мясом от двух животных (13 шт.) — 10.6 % — располагались по 1-4 шт. в пяти пом. Белый Яр 2, Маркелов Мыс 1, Староозначенная Переправа 1, Тепсей 3 и 4, Уйбат 2. В -третьих, наличие небольшого числа ямок с пеплом — 8.1 %.

Поминальники второго типа с одним горшком относительно равномерно распределялись по всем районам Минусинской котловины. Можно выделить их отличительные особенности. Первое — большое количество поминов с мясными тризнами (66.2 %) по сравнению с ямками

без костей животных — 37 %, также в поминах типа 1 без посуды помины без мяса составляли большую группу — 66 %. Второе — незначительное количество ямок с мясом от 2 животных. Третье — преобладание скудных жертвенных тризн с кусками мяса от 1-2 ног и туловища животных. Четвертое — единичные помины с кальцинированными косточками. Пятое — преобладание ямок малого размера. Шестое — помины 2 типа, составляя 19 % всех поминальных объектов, имели 20 % мясных тризн и 18% посуды от всей коллекции в 685 сосудов.

Тип 3 включает 134 помина и характеризуется следующими главными критериями: 1 — два глиняных горшка (100%); 2 — увеличение количества ямок с мясными тризнами (77.6%), в соотношении с ямками без тризн (22.4 %); 3 — увеличение количества ямок с обильными тризнами от трех — четырех ног животного — 26.1%, в соотношении с ямками с мясом от двух ног –24,6%, с одной ногой и частями туловища животного — 26.9 %.

Определяющие признаки: 1 — ямки с одним животным — 58.4 %, с двумя и более животными — 19.4 %, из них 2 животных –15.7 % и впервые 3 животных — 3.7 %; 2 — увеличение количества ямок среднего и большого размера (17.9 %) и сокращение ямок с площадью малого размера (64.9 %); 3 — увеличение общего количества ямок как с одним (58.2 %), так и двумя животным, по сравнению с группами 1 и 2; 4 — увеличение количества ямок с деревянным покрытием (45.5 %) в сравнении другими видами: каменным (17.9 %), деревянно–каменным (14.2 %) и не сохранившимся покрытием (22.4 %)

Общекультурные признаки: 1 — простые ямки (86.6 %) и ямки в составе со стеллой (13.4%); 2 — внутренние конструкции: грунтовые ямки (90.3 %) и в единичных случаях каменные ящики (3 %) и срубики из бревен (6.7 %); 3 — отсутствует покрытие пола ямки (94.8 %) или берестяное (5.2%).

Чистоту этого типа нарушает небольшое количество ямок с пеплом — 10.4 %. Большинство поминов концентрируется в южных районах котловины, из них 55 % в одном пом. Белый Яр 3, и только 7 % в северных районах, все в пом. Маркелов Мыс 1 и 2.

Помины третьего типа также имеют особенности. Во — первых, увеличение количества ямок с обильными тризнами от 3-4 ног животного до 26 %, по сравнению с 2 предыдущими группами, имевшими показатель 2.4 и 5.7 %. Во — вторых, в поминах третьего типа проходит рубеж, связанный с увеличением количества животных в ямке до 3 особей, чего не наблюдалось в ямках без посуды или с 1 горшком. В — третьих, повышается соотношение ямок среднего и большого размера до 18 % в сравнении с поминами малых размеров. В — четвертых, ямки 3-го типа составляя 21.7 % общего количества поминов включали в свой состав 39 % посуды и 31 % всех мясных тризн.

Тип 4 включает 82 помина, которые характеризуются главными критериями: 1 –наличие более 3 сосудов (100 %), в основном устанавливали по 3 (70.7 %) и 4 сосуда (19.5%), по 2 ямки имели 5, 6, 8 горшков — 7.3 %, и по 1 ямке встречались с 7-ю и 11-ю горшками — 2.4 %; 2 — ямки с мясными тризнами 78 %: из них 1 животное — 40,2 %, 2 и более особей 37.8% (2 — 25,6 %, 3 — 7,3 %; 4 — 3,7%, 5 животных — 1,2 %); 3 — значительное увеличение ямок среднего и большого размеров — 40.2 % и сокращение с малым размером — 46.3 %, по сравнению с предыдущими тремя группами.

Определяющие признаки: 1 — большое количество обильных тризн с 3-4 ногами жертвенного животного — 31.7% и незначительное число скудных тризн с одной ногой или частями от туловища 23.2 % и двумя ногами 23 %; 2 — преобладание ямок с деревянным перекрытием (53,7 %), и разнообразие других видов перекрытий: каменного (8.3 %), деревянно — каменного (19.5 %) и не выявленного (18.3 %).

Общекультурные признаки: 1 — простые грунтовые ямки — 96.3 %; 2 — внутренние конструкции в виде грунтовой ямы (92.7) и срубов из тонких бревен на дне (7.3 %), 3 — отсутствует

покрытие пола — 84.1 %, из плиток песчаника и достаточно большое количество ямок с берестяным покрытием –14.6 %.

Чистоту этой группы нарушают два положения. Во — первых, при подавляющем большинстве поминов в составе простой ямки, попадание в эту группу поминов в виде грунтовой ямки со стеллой — 3.7 %. Во вторых, наличие небольшой группы ямок без сопровождения мясной пищи — 22 % и ямок с пеплом 7.4 %.

Более 60% поминов четвертого типа оказались сосредоточены в пом. Белый Яр 3, и небольшие группы в пом. Суханиха, Тепсей 3, Уйбат 2 и Староозначенская Переправа 1, единичные помины в пом. Изыхский чаатас, Маркелов Мыс 1, 2 и Кек — Оба. Сохраняется тенденция, выявленная в поминах третьего типа в виде концентрации ямок с обильными тризнами в центральной и южной части Минусинской котловины.

Особенности поминов выделены в 4 типа. 1 — увеличение количества животных в одной ямке до 3-5 особей. 2 — безусловное преобладание обильных тризн с мясом от 3-4 конечностей (31.7 %). 3 — сосредоточение всех ямок огромных размеров от 3 до 10 м2. 4 — помины 4 типа составляя всего 13% от общей численности поминальных объектов, в своем составе имели 42,9% всей посуды и 25.3 % всего мяса.

Последний, пятый тип, составляют помины, которые представлены только каменными стеллами без сохранившихся остатков жертвенных тризн в виде керамической посуды или костей животных, всего 41. По данным авторов раскопок и нашим наблюдениям, большинство из них были обломаны и несут следы разрушения. Их обычная высота в современное время варьирует от 0,1 до 0,4 реже до 1,5 метра. Восстановить их первоначальные размеры не представляется возможным.

Комплексный анализ выделенных нами 4 групп поминов, позволяет сделать вывод, что все поминальники позднего этапа таштыкской культуры относятся к общеташтыкской культурной традиции, связанной с отправлением пропициальных обрядов. Целью которых являлся постепенный перевод умерших сородичей в хтонический (подлунный) мир. Это подтверждается топографическими и планиграфическими наблюдениями: приуроченность поминальников к дромосам склепов, наличие специальных площадок для проведения ритуалов, многоразовый характер посещений поминальника, наличием разнообразных тризн. По некоторым хорошо сохранившимся ямкам выявляется, что в них помещали керамические горшки, вероятно с кашей и молочными продуктами, опьяняющими напитками типа араки; деревянную посуду (подносы, блюда, чаши, корытца) с зерном, яйцами, рыбой; кусками баранины или говядины, и, вероятно, берестяные туески (с сыром, маслом).

Различия между поминальниками объясняются рядом причин. В первую очередь оказывали влияние региональные факторы. Очевидно, что в северных районах Минусинской котловины (севернее Батеневского кряжа) не находит широкого распространения традиция совмещения каменных стелл и ямок с жертвенной пищей. Точнее лишь на окраинах, обособленных участках поминальников располагались небольшие ряды стелл без остатков тризн. Единичные стеллы на Маркеловом Мысу 2 поблизости от ямок не накапливаются в сформировавшуюся культурную тенденцию. Обилие поминов с пеплом также относим в первую очередь к локальным особенностям. Однако, не исключается воздействие хронологического фактора, когда под влиянием кыргызского культурного компонента происходила ассимиляция таштыкцев.

Внутри отдельных поминальных комплексов, безусловно, прослеживаются различия поминальных конструкций и состава тризн. На это влияли, в первую очередь, социальные причины. На наш взгляд, наличие больших по площади ямок под мощным перекрытием с обилием мясных тризн от 2 и более животных, большим количеством ярко орнаментированной посудой в сопровождении редких предметов: зеркал, ложечек, связано с социальной или реже с профессиональной

дифференциацией. Иногда социальный фактор мог проявляться в особенностях отдельных поминальников, например, Уйбата 2, Белого Яра 3 или Кек-Оба.

Хозяйственные и сезонные факторы также оказывали воздействие на поминальный культ и его материальные остатки, но их влияние установить гораздо сложнее. Пока мы может оперировать только этнографическими источниками по данной проблеме. Для выявления объективной картины времени проведения обрядов и уточнения состава несохранившейся органической пищи необходимо проанализировать возраст жертвенных животных, состав заполнения горшков и придонной части самих поминальных ямок.

ЛИТЕРАТУРА

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. — 440 с.

Никитина Г.Ф. Типология трупоположений в погребальном обряде Черняховской культуры // РА. — 1993. №4. С. 145-159.

Поселянин А.И. Керамический комплекс таштыкского поминальника Белый Яр 3 на юге Хакасии. // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007а. — С. 89 -125.

Поселянин А.И. Животные в поминальном культе таштыкской культуры (по материалам могильника Белый Яр 3) // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научно-практической конференции. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. — 2007б. — Вып 3. — Ч. 2. — С. 231 -237. Поселянин А.И. Тризны в таштыкских поминальниках. Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. — Москва, 2008а. — Т. II — С. 274-277

Поселянин А.И. Топография и конструктивные особенности таштыкских поминальных сооружений // Материалы Международной научно — практической конференции «Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности». — Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008б. — С.140-148.

Щапова Ю.Л. Еще раз о типологическом методе в археологии, типах и типологиях. // Историческая археология. Традиции и перспектива. — М., 1998. С. 378-386.

Г.И. Медведев[1, 2], Е.О. Роговской[1, 2], Е.А. Липнина[1, 2],
Д.Н. Лохов, [1] С.П. Таракановский[1]
[1]Иркутск, Иркутский государственный университет
[2]Иркутск, Иркутская лаборатория археологии
и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН

СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ. ВВЕДЕНИЕ В ПЛЕЙСТОЦЕНОВУЮ АРХЕОЛОГИЮ

В тексте статьи изложены данные о наиболее ранних известных сегодня археологических местонахождениях плейстоценового геологического прошлого территории, названной Северным Приангарьем. Материалы плейстоценовых геоархеологических изысканий в североангарских пространствах находятся в стадии формирования. Стационарные многолетние (1972-1992 гг.) исследования Н.И. Дроздова [Дроздов, 1990] на опорном для региона многослойном местонахождении Усть-Кова, по существу, только открыли науке своеобразный палеомир позднеплейстоценового прошлого юга северных широт Средней Сибири и требуют еще более масштабных исследований. Поэтому изложение сведений об объектах ископаемых культур плейстоцена Северного Приангарья является предварительным обобщением.

Термин «Приангарье» родился, вероятно, в конце XIX в., с началом обсуждений общественностью феноменальных гидроэнергетических ресурсов р. Ангары. Термин всегда вызывал возражения, прежде всего, геологов, вызывает и до сих пор, но он принят в обиход специалистами экономической, физической географии, ландшафтоведов [Гвоздецкий, Михайлов, 1987], популяризаторов науки, политических обозревателей. Вошел в обиход гражданской истории, этнографии, археологии [Каменный век Южного Приангарья, 2001.]. Термин «Приангарье» более применим в гео-территориальных описаниях ископаемых культурных (археологических) запасов Байкальской Азии, поскольку произошла «технологическая ликвидация» привычного физико-географического подразделения долины Ангарского водотока на «верхний», «средний», «нижний» участки его течения. Верхнее течение Ангары замещено Иркутским и Братским искусственными водоемами- водохранилищами ГЭС. Среднее течение Ангары, нижнее и среднее течение р.Илим занято Усть-Илимским водохранилищем, а будущее Богучанское и Мотыгинское «моря» должны ликвидировать «нижнее» течение реки. Таким образом, развитие понятия «Приангарья» сегодня можно считать своевременным. Районы, прилегающие к Иркутскому и Братскому водохранилищам, логически вписываются в Южное Приангарье, районы площадей вокруг Усть-Илимского, Богучанского водохранилищ и далее до Ангаро-Енисейской Стрелки образуют обширную страну Северного Приангарья. Возможно, в будущем потребуется выделение «срединно-приангарских территорий. Это будет несложно сделать (существует Среднеагарский хребет), но пока для такой процедуры не возникает тактических потребностей и еще мало ископаемых археологических материалов. Двучленное деление принятой в географии огромной приангарской провинции [Гвоздецкий, Михайлов. 1987] с незначительными изменениями в ее контурах сегодня оперативно реальнее.

Южное Приангарье имеет исходной географо-геоморфологической, терминальной позицией Байкальский слив р. Ангары и палеотектоническую крестовину района г. Иркутска, вещественным геоархеологическим основанием — компаунд лессовидных формирований плиоцен-плейстоцена с фондом ископаемых палеотехнологий масштабной геохроностратиграфии от среднего плейстоцена до культур кочевых цивилизаций Азии. Эта характеристика может быть апплицирована на районы территории субмеридионального простирания вдоль современного

Братского водохранилища до района Братской тектонической области, бывшего района слияния рр. Оки и Ангары и далее, через былые Братские пороги по ангарскому участку Усть-Илимского водохранилища до Ангаро-Илимского расширения. Район расширения можно взять за границу Южного и Северного Приангарья в картографическом, в геоморфологическом, в палеоландшафтном и геоархеологическом аспектах.

Северное Приангарье представляет географическую конструкцию в картографической проекции, которая захватывает с запада на восток широтное, субширотное и субмеридиональное простирание долины р.Ангары до ее правого притока — р. Илима и самой этой реки в ее былом нижнем и среднем субширотном течении. Конструкция имеет три составляющие: 1 -участок широтного простирания р.Ангары (Верхняя или Каменная Тунгуска) от Ангаро-Енисейской Стрелки на западе до впадения в р.Ангару на востоке ее правого притока — р. Каты. Этот участок самый большой в общей конструкции; 2 — участок субмеридионального простирания долины от устья р. Каты до бывшего устья р. Илим. Южная часть этого участка занята ложем Усть-Илимской ГЭС; 3 — участок субширотного простирания долины р. Илим на восток до районов Ленно-Илимского водораздела. Этот участок также полностью занят водами Усть-Илимского водохранилища. В такой конструкции Северное Приангарье вписано в прямоугольную проекцию сетки координат: N 550-600; E 900-1050.

Его бассейновые параметры с севера на юг составляют почти 500 км и с востока на запад более 900 км. На этом пространстве размещены: Енисейский, Мотыгинский, Богучанский, Кежемский административные районы Красноярского Края; Усть-Илимский, Братский районы Иркутской области. Общая площадь земель Северного Приангарья — более 200 000 км2, что более многих территорий европейских государств, например Румынии.

Северное Приангарье занимает среднюю часть Среднесибирского плоскогорья, с югом Енисейского кряжа, севером Канско-Тасеевской впадины на западе граничит с Западно-Сибирской равниной, на востоке упирается в Лено-Ангарское плато. Непрерывность тектонических подвижек Сибирской платформы обусловили для Сибирского плоскогорья в Северном Приангарье неоднозначность поднятия в разных частях территории, неодинаковую податливость различных пород процессам механической денудации и послужили причиной различного темпа деформаций поверхности земной коры, создав возвышенности и низины.

К северу от Ангары до нижнего течения Подкаменной Тунгуски расположено Заангарское (Южнотунгусское) пластово-трапповое плато с высотами до 800 м, а южнее Ангары — Ангаро-Чунское (или Приангарское) трапповое плато, в составе которого образован Ангарский кряж с высотами 350-625 м. К нему приурочено куполообразное поднятие Ковинско-Чадобецкой гряды. Здесь трапповые тела выступают столовыми горами, конусообразными сопками, крутосклонными грядами, скалистыми останцами. К ним приурочены высшие точки поднятий 1000-1022 м [Лащинский, 1969]. Против устья реки Кова находится самая высокая точка Северного Приангарья — гора Седло (1022 м).

Западная часть Северного Приангарья находится в области юга Енисейского кряжа, простирающегося в меридиональном направлении на территориях Мотыгинского и Енисейского районов. Кряж представляет собой ряд невысоких хребтов и гряд, сложенных кристаллическими породами, поднятых над уровнем моря на 800-900 м, а в отдельных вершинах 1000 м (гора Епашимский Полкан — 1104 м). На юге Северное Приангарье ограничено огромным клинообразным выступом Среднесибирского плоскогорья — Иркутским амфитеатром. Равнинные участки Северного Приангарья чередуются с возвышенными плато и трапповыми грядами.

Главной водной артерией Приангарья является река Ангара. От истока до Ангаро-Енисейской стрелки ее протяженность — 1779 км. В пределах Южного Приангарья — до устья р. Илим (Илимского залива Усть-Илимского водохранилища) Ангара текла в субмеридиональном направлении 892 км. Далее — в такой же субмеридиональной ориентации до устья правого

притока — р.Каты — 160 км уже в условных территориальных границах Северного Приангарья. От Катско-Едарминской тектонической крестовины Ангара принимает субширотную ориентацию и, являясь генеральной образующей Северного Приангарья, имеет протяженность водотока 727 км. Таким образом, бывшее устье р. Илима с разницей 5-7 км делит ангарскую долину от Байкала до стрелки пополам. Если не думать о «географических кознях» против Ангары, а следовать понятиям древних обитателей ее берегов, которые уже в исторические времена называли «Енисеем» только тот участок, который считали от слияния Большого Хема и Каменной, то от Стрелки до Енисейского Усть-Порта километраж не более чем на 200 км превышает расстояние от Байкала до устья р. Илим. В таком рассмотрении «верхнее», «среднее» и «нижнее» течения р.Ангары были бы удивительно соразмерны, но правомерность официальных гидроопределений — отдельная тема.

Ангара, имея источником озеро Байкал, характеризуется высокой естественной зарегулированностью стока. Коренные берега Ангары гористые, скалы круто обрываются в долину, в этих местах река образовывала пороги: ниже Братска — Дубынинский, Ершовский (в настоящее время заполненные Усть-Илимским водохранилищем), ниже села Кежмы — Аплинский, Мурский, Стрелковский и более 30 шивер и перекатов. Ложе р. Ангары, основания ее островов — каменные, глыбовые, «плитовые», за что, в соединении со скальным обрамлением берегов, она получила наименование «каменной».

Основные притоки средней и нижней Ангары — реки Илим, Ёдарма, Ката, Кова, Пашина, Чадобец, Мура, Иркинеева, Каменка, Тасеева. Все они могут быть отнесены к горно-равнинному типу.

Геологическая история Северного Приангарья является региональным разделом общего геологического развития Сибирской платформы и Средне-Сибирского плоскогорья, как древнейших элементов Суши Земли. Последние крупные геологические движения, оформившие структурную организацию твердых геологических тел и современную морфоскульптуру платформы, плоскогорья и в них — области Северного Приангарья, произошли в конце неогена — плейстоцене, то есть в плиоцен — плейстоценовую эпоху, именуемую Антропогеном. Человек со своими технологиями, вероятно, был свидетелем всех природных пертурбаций, случившихся здесь в последние 3 — 2 млн. лет. Верхненеогеновая — плиоценовая и раннеплейстоценовая цепь событий геологической истории и эволюции человека с его технологиями изучена очень слабо. В области — неоген — четвертичной геологии Приангарья работали Э.И. Равский (50-е годы XX в.), С.А. Лаухин (60-80-е годы XX в.) для Северного Приангарья; Н.А. Логачев (1964 г.) — для Южного. Капитальный труд по плиоцен — четвертичным отложениям юга Тунгусского бассейна принадлежит Э.И. Равскому (1959 г.) и до сего дня принят как основополагающий в региональной геологии Северного Приангарья. Согласно Э.И. Равскому и новым сведениям рубежа веков, полученных геологами и археологами можно различить в протяженности геологического времени последнего миллиона лет в Северном Приангарье три крупных ледниковых периода — гляциостадиалы: 1) в среднем плейстоцене (Q2) (210 000 — 150 000 лет от н.дн.) — самарский; 2)в верхнем плейстоцене(Q3) (110-90 000 — 60-55 000 лет от н.дн.) — муруктинский; 3)(33-12 000 лет от н.дн.) — сартанский (с дриасом). Между ними размещены два цикла потеплений — межледниковья, или интерстадиалы — казанцевский — Q3 (150-130 000 — 110 000 лет от н.дн. — рисс-вюрм) и каргинский (55 000 — 33-30 000 лет от н.дн. — вюрм 2 — W2). От 12 000 — 10 000 лет назад берет отсчет период геологической современности (Q4) [Равский, 1959; Логачев, 1964]. В означенную схему палеоклиматических колебаний вписаны четыре крупных эпизода палеомагнитных инверсий, сопровождаемых активными неотектоническими подвижками: 110 000 (блейк); 30-27 000 (лейк-мунго); 20-17 000 (лашамп); 12 000 (гётенборг) лет от н.дн. Все поименованные события плейстоцена вместе и каждый в отдельности вносили серьезные коррективы в палеогеографическую историю Северного Приангарья. Они выражены, прежде всего, в современной скульптурной организации микро- и мезорельефа долинно-склоновых позиций, в отложениях, в которых

сосредоточены все ископаемые археологические ансамбли, именуемые в государственной номенклатуре «объектами культурного наследия». Это — пологие склоны придолинных экспозиций; береговые уступы; мореные гряды, галечно-валунные косы, глыбовые скопления ледникового генезиса, имитирующие речные террасы; скальные микроплато; подскальные наносы островных образований и многие другие знаковые формы рельефа, либо совершенно неизученные, либо очень слабо исследованные.

Рыхлые покровные отложения представлены элювиальными и элювиально-делювиальными продуктами выветривания ордовика (аргиллитов, алевролитов, песчаников и мергелей). Отложения разнообразны по окраске, механическому составу и физико-химическим свойствам.

Делювиальные отложения, их склоновые, балочные варианты представлены бурыми и коричневыми глинами и суглинками, лессовидные покровные отложения — песками и супесями склоново — эолового формирования. Лессовидные суглинки и супеси имеют столбчатое строение, палево-бурую, светло-бурую, красно-бурую окраску. Для них характерна скрыто-слоистая текстура, пылеватость и карбонатность [Горбачев, 1967].

Нынешний климат Северного Приангарья, в связи с большой удаленностью его от морей и океана, отличается резкой континентальностью. Снежный покров держится с октября до мая. В целом климат суровый. Более 80% территории Северного Приангарья покрыто тайгой. Растительный покров неоднороден. Сосновые парковые леса произрастают в долине Ангары, темнохвойная елово-кедрово-пихтовая тайга — в поймах рек Бирюсы, Тасеевой и на Енисейском кряже. Лиственные леса на 80% состоят из березы. Низкие береговые уступы и острова рек заняты разнотравными лугами, вдоль их тыловых швов обычны кочкарные болота, редколесье лиственницы и ерника [Лащинский, 1969].

В этих условиях подходы к методам поиска, рекогносцирования, исследовательских спасательных работ на местонахождениях археологических материалов, их научной значимости, территориальных дислокаций, организации охраны с неизбежностью предполагают использовать многообразие комплексных междисциплинарных данных.

В историографии исследований ископаемых запасов Сибири принято считать, что начало археологических изысканий в пространствах этого обширного субконтинента положено любознательностью и знаниями великого вольнодумца, российского писателя — мыслителя — А.Н. Радищева, сосланного Екатериной II в Сибирь, в Илимский острог. Собранная здесь и описанная им самим коллекция каменных изделий является первым специальным собранием археологических источников не только в Северном Приангарье, но и во всех тогдашних восточных владениях России. Начало научного изучения ископаемых древностей Северного Приангарья надо связать с именами И.А. Лопатина и Н.И. Витковского. Первый — географ, геолог, энтузиаст — археолог и этнограф в 70-х годах XIX столетия собрал и описал серию археологических находок из различных географических пунктов Ангарских побережий, районов ниже и выше современной строящейся плотины Богучанской ГЭС. Второй — ссыльный польский повстанец, археолог-самоучка в 1882 г. прошел на лодке по р. Ангаре маршрутом от г. Иркутска до устья р. Тасеевой, записав все, обнаруженные им, местонахождения археологического материала, в том числе отметив писаницы на утесе Аплинского порога. Он выбил здесь на скальной глыбе римскими цифрами дату своего пребывания. Н.И. Витковского часто в научных статьях называли и до сих пор именуют «дедушкой сибирской археологии» [Витковский, 1889].

В 1916 г. во время путешествия по р. Алдан в долину Илима с берегов р. Лены совершил маршрут В.И. Подгорбунский — профессиональный археолог, этнограф, петрограф, выпускник Казанского университета, преподаватель будущего Иркутского госуниверситета. Он открыл комплекс археологических местонахождений в долине р. Илима в устьевых участках правых его притоков речек Игирма и Тушама-Илимская. В 1928 и 1930 гг. по его следам здесь провели раскопочные работы Н.Я. Ходукин — известный иркутский археолог — любитель и Г.Ф. Дебец —

иркутянин, аспирант МГУ, тогда еще начинающий антрополог и будущий создатель советской школы физической антропологии. В 1937 г., используя ситуацию развернутых широких поисков археологических местонахождений, вызванных разработкой грандиозного государственного проекта строительства каскада ангарских ГЭС (1930-1934гг. — Б.Э. Петри, Н.И. Соколов, Г.П. Сосновский, М.М. Герасимов, А.П. Окладников), А.П. Окладников, А.Д. Фатьянов, А.Н. Мельников совершили маршрут по р. Ангаре от г. Иркутска по следам Н.И. Витковского, продолжив финальный отрезок поиска от р. Тасеевой до г. Енисейска. В общем итоге в фонды Иркутского краеведческого музея легли разведочные фактические материалы, собранные группой А.П.Окладникова на 50-ти археологических местонахождениях Северного Приангарья [Окладников, 1939].

Таким образом, к 1940 г. стихийно оформилось первое разрозненно-пунктирное картографическое выражение археологической изученности Северного Приангарья на уровне разведочной фиксации отдельных находок. Они документировали археологические местонахождения в районах среднего течения рр. Ангары, Илима и вплоть до Ангаро-Енисейской стрелки. Это был итог 150-летнего вхождения в археологию Северного Приангарья.

Вторая мировая война на 20 лет прервала процесс археологического делопроизводства на севере Байкальской Сибири. Археологические исследования возобновились здесь лишь в 60-е годы XX в. Иркутский университет в 1960 г. провел раскопки на р. Илим [Хороших, 1960]. В 1961 г. разведочный отряд Иркутского университета (М.П. Аксенов, Ю.Н. Егоров, Г.М. Зайцева, Г.И. Медведев, О.А. Роговской, Н.Н. Щербаков) провел работы в зоне будущего Илимского водохранилища Усть-Илимской ГЭС, осмотрев на двухсоткилометровом участке поискового маршрута от г. Илимска до пос. Невон 60 местонахождений, 28 из которых были выявлены впервые [Медведев, 1961]. Этот год можно считать началом вхождения в тематическое археологическое изучение Северного Приангарья. В 1967 г. начались плановые спасательные работы Ангаро-Илимской археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР, длившиеся до 1973 г. (Р.С. Василевский, В.И. Молодин). В 1969 г. разведочный отряд Иркутского государственного университета (Д.И. Дементьев, Н.И. Дроздов, Г.И. Медведев, О.А. Роговской) выполнили маршрут в 500 км, обследуя берега р.Ангары в зоне проектируемого ложа будущей Богучанской ГЭС.

С 1970 г. начались совместные археологические изыскания Иркутского государственного университета и Красноярского Педагогического института на западном и восточном терминалах будущего ложа водохранилища — Ковинско-Чадобецкий и Катско-Кежемский участки (Н.И. Дроздов, Г.И. Медведев), которые были затем развернуты на базе КГПИ (Н.И. Дроздов). В 1976 г. были развернуты штатные изыскания Богучанской археологической экспедиции СО АН СССР (В.С. Бурилов, Р.С. Васильевский, Д.Ю. Березин и др.). Работы проводились совместно с археологами Красноярского государственного педагогического института и Института археологии и этнографии СО АН СССР на многослойном палеолитическом местонахождении Усть-Кова. Все остальные работы остались в категории разведочно-рекогносцировочных и выборочно-раскопочных [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988], например, в устье р.Тушамы — Ангарской.

С конца 70-х годов XX в. эпизодически, с начала 80-х годов настойчиво и с 90-х гг. регулярно и закономерно в Северном Приангарье на территории Иркутской области археологами научных подразделений Иркутского университета, СО РАН, Братского краеведческого музея выполнялись экспертные работы при большинстве государственных, фирменных и частных строительных проектах различного масштаба. Работы осуществлялись по тематическим планам Иркутского государственного университета и по заданиям Центра сохранения историко-культурного наследия Иркутской области (ЦСН). Эти работы — выявление, государственный учет, охрана археологических объектов — были совмещены с задачами научных междисциплинарных изысканий, создав бинарную научно-практическую ситуацию контакта, близкого по свойствам государственному межведомственному взаимодействию. Это взаимодействие было апробировано,

методически и технически усовершенствовано на крупных строительных государственных проектах последних лет.

С 2007 г. начинается новый этап исследований в археологии Северного Приангарья, связанный с возобновлением проекта подготовки к затоплению ложа Богучанской ГЭС. Работа по археологическим изысканиям планировалась по нескольким направлениям: геостратиграфические изыскания, палеотехнологическая геохроностратиграфия археологических материалов, топогеодезические работы.

Археологические остатки в Северном Приангарье первоначально были обнаружены на восточном и западном терминалах территории, поскольку они представлялись для путешественников-чиновников, ученых и ссыльных XVIII-XIX вв. более открытыми с берегов р. Лены и от р. Енисея. Центральные области скрывались за труднодоступностью. В XX в. размах великих строек отодвинули Североангарскую археологию во второй эшелон изысканий и к рубежу XXI века нового тысячелетия выявилась ситуация, которая показала недостаточную археологическую изученность этой обширной зоны. Сейчас археологическое знание срочно организует свои научные позиции в этом регионе, но пока их можно считать «исходными».

Первым местонахождением, названным палеолитическим и представленным находками обработанного камня, была Усть-Кова. Неизвестно, кто из троих «Алексеев» — Окладников Алексей П., Мельников Алексей Н., или Фатьянов Алексей Д. — нашли скребло и диабазовый скол и в каком месте Ковы левобережной или правобережной. Но факт — состоявшийся. Спустя 24 года, в августе 1961 г. на правом берегу р. Илим в 12 км. от впадения его в Ангару Г.И. Медведев обнаружил обломок крупной трубчатой кости (бизона?) и рядом оббитую гальку кремнистой породы. Предметы были фиксированы в обнажении плейстоценовых отложений на высоте 27 м над сливом Симахинского порога. На правом берегу р. Ангары, против о. Сизова, в гумусово-карбонатных отложениях высокого обнажения и в 2,4 м от современной поверхности были найдены зуб ископаемой лошади и нуклеус из гальки. Ковинский сюжет был «поддержан». Кроме того, в 1961 г. на берегах р. Илим были зафиксированы бескерамические ансамбли в раннеголоценовых образованиях. В августе 1969 г. на правобережье р.Берямба, впадающей в Ангару, справа от Стрелки на 585 км против о. Тургенев и в 10 км ниже шиверы Сенькиной у подножья мощного шлейфа лессовидных суглинков Д.И. Дементьевым и Н.И. Дроздовым были подняты архаичные изделия из галек. В 1972 г. Н.И. Дроздов произвел первые раскопки на Усть-Кове и нашел классический поздний палеолит. В 1973 г. проверка сведений о находках 1961 г. на Симахинском пороге позволила А.М. Георгиевскому открыть группу местонахождений мезолит-палеолитического комплекса, названных Большая Курья I –III [Георгиевский, 1974, 1978]. В 1978 г. Б.И. Лапшин на ангарском левобережье Усть-Илимского водохранилища собрал коллекцию из эолово-коррадированных кварцитовых галек [Лапшин, 1978]. В 1989 г. М.П. Аксенов, Е.О. Роговской и С.П. Таракановский на Тушаме — Илимской собрали в относительной стратификации галечников раннего отдела верхнего плейстоцена коллекцию древнепалеолитических коррадированных изделий (рис. 2.1; 3.1, 3.2) . В 1991 г. Е.М. Инешин, Е.О.Роговской, С.П. Таракановский обнаружили позднепалеолитическое местонахождение в районе бывшего нижнего течения р. Яры — левого притока Илима — зона Ярско-Игирминской тектонической крестовины [Роговской, 1990, 1993]. В 2005 г. В.В. Белоненко, во время поисковых геологических работ на Ковинском водораздельном плато обнаружено изделие из диабазового скола палеолитического возраста в залегании на неогеновых образованиях и крытого только маломощным голоценовым покровом (рис. 1.3). В 2007 г. во время плановой экспертной работы в Устье р. Каты, на ее правом берегу под обнажением толщи неоген-плейстоценовых отложений обнаружен нуклевидный бифас из эффузива с выраженными следами древней эоловой пескоструйной обработки (рис. 2.2). В 2008 г. на уже упомянутом Ковинском платообразном выступе, но севернее находки В.В. Белоненко, Е.О. Роговским и С.П. Таракановским в долине р. Зеленды (левый приток Тушамы в ее верхнем

течении) в отложениях, приуроченных к средним-поздним отделам сартанского оледенения, был обнаружен нуклеус из гальки эффузивной породы [Роговской, 2008] (рис. 1.2).

Такова краткая летопись находок остатков плейстоценовых культур в Северном Приангарье. Сегодня эти находки на карте восточного крыла территории представляют пунктирную линию (рис. 1.1). Они уже свидетельствуют о потенциальном палеолитическом разнообразии региона. В совокупности с данными исследованиям Усть-Ковы [Дроздов, Чеха, 1990] имеющиеся сведения прогнозируют интересные особенности Северо-ангарских плейстоценовых раннеголоценовых ансамблей в хроностратиграфии, реконструкции палеоландшафтных обстановок, в техноморфологии вещных комплексов.

Наиболее древними артефактами Северного Приангарья, представляющими первую группу, в настоящий момент нужно принять эоловокоррадированные изделия из района устья р. Тушамы — Илимской и устья р. Каты. Их разделяют 270 км по воде. И тушаминский, и катский участки в скульптуре современного рельефа организованы мощными многометровыми песками, супесями, галечно-гравийными пластами, отложенными на поверхности неоген-палеогеновых, вплоть до триасовых, образований.

Относительная стратификация переотложений изделий тушаминского участка в галечно-валунных образованиях муруктинско-среднеплейстоценового хронодиапазона выдает возраст изделий не моложе начала среднего плейстоцена и позволяет сравнивать находки Тушамы и Каты с комплексами на средней Лене и местонахождениями Южного Приангарья [Роговской , 1993, 1999; Медведев, 2001].

Технологии изготовления каменных изделий можно определить «ашельскими» или «мустьерскими» среднеплейстоценовыми — пластины, скребла, лимасы, сфероиды. Эта предварительная оценка должна быть подкреплена новыми собраниями каменных артефактов.

Артефакты из галечно-гравийных отложений на 27-30-метровых отметках из Большой Курьи I у Симахинского порога [Георгиевский, 1973], из основания лессового массива, у р. Берямбы, из тыла валунно-грязевого образования типа «кама» в основании всего тела рыхлых толщ местонахождения Усть-Кова — оббитые валуны диабаза, крупные сколы, сколы «déjeté» и др. образуют, вторую возрастную и техноморфологическую группу, возможного начала верхнего плейстоцена — казанцевского-муруктинский пласт. Но не исключено, что они могут документировать путешествие человеческой деятельности в Северном Приангарье в позднесамарском времени.

Третья группа местонахождений остатков культур плейстоценовых обитателей Северного Приангарья. Материалы этой группы встречаются во всем спектре финально-каргиско-сартанского комплекса средних лессовидных суглинков, остатков растащенных покровов, песчано-гравийных линзах солифлюкционных потоков. Классическая ассоциация артефактов 30-14 тысячелетий вскрыта раскопками Усть-Ковы [Дроздов, Чеха. 1990; Дроздов, 1990]. Проявления сартанского палеолитического пласта читаются в отдельных разведочных выработках, зачистках на всем протяжении зоны водохранилища — у Кодинской на левом и правом берегу плотины [Дроздов, Дементьев, 1974], на дворцовской площади на левом берегу, на Балтуринской сопке; по обоим берегам р.Ковы в ее устье [Дроздов, 1990], против о. Сизов, на правом высоком берегу[Медведев, 1961]; по левому и правому берегам р. Илим, в устье рр. Яра [Медведев, 1961] и Игирма [Мезолит СССР , 1989].

Ангаро-илимский палеолитический материал погиб не раскопанным или разрушается, как в заливе Яра или заливе Тушама на Усть-Илимском водохранилище [Роговской, 1990, 1992, 1993]

В зоне тела Кодинской по правому берегу палеолитические остатки только частично спасены. Материалы, разведанные и еще сохраняющиеся, являются залогом будущего успешного изучения.

Учитывая факт, что еще гипсометрически выше палеолитических находок в зоне Ковинского выступа зафиксированы объекты позднего неолита-бронзы, есть основания говорить о плато,

как об автономной геоархеологической территории и в плейстоцене, и вплоть до исторического времени активного обживания этих земель эвенками.

Четвертая группа — раннеголоценовые ансамбли ископаемых культур Северного Приангарья. Она хорошо читается в геостратиграфии на достаточно четком контакте финально-плейстоценовых отложений и раннеголоценовых лессов. Они привязаны ко всем устьевым участкам, впадающих в Илим и Ангару водотоков, к шиверам, порогам, мысовым береговым площадкам в коренных долинах и на островах. Пластинчатый «микролитоидный» материал, бифасы, тесловидные изделия — основное содержание коллекций, еще недостаточно обильных, но уже выразительных.

Четыре означенные группы, вероятно, приобретут выраженные особенности в процессе изучения, а между группами четко обозначатся серьезные временные разрывы, в которые войдут новые объекты. Возможно, будут открыты и еще более древние ансамбли. Как бы ни сложились исследовательские ситуации будущего, сегодня для них уже создан плацдарм развертывания.

ЛИТЕРАТУРА

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. — Новосибирск: Наука, 1988. — 244 с.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р.Ангары//Изв. ВСОРГО.-Иркутск. 1889.-т.20,№2.- с.1-35.

ГвоздецкийН.А., Михайлов Н.И. Физическая география СССР. — М.: Мысль, 1978. — 512 с

Георгиевский А.М. Работы Нижнее-Илимского отряда // АО 1973 года. — М.: Наука, 1974. — С. 189-190.

Георгиевский А.М. Стратиграфия археологических памятников долины р. Илим // Древние культуры Приангарья. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 156-159.

Горбачев В.Н. Почвы нижнего Приангарья и Енисейского кряжа. — М., 1967. — 189 с.

Дроздов Н.И. Усть-Ковинская группа археологических памятников // Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири — Новосибирск, 1990.-С. 147-181.

Дроздов Н.И., Дементьев Д.И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 1. — С. 204-228.

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеомерзлотные явления на палеолитической стоянке Усть-Кова и проблема сохранности культурных слоев // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. — Новосибирск.- 1990. — С. 174-180.

Лапшин Б.И. О новых местонахождениях кварцитового палеолита в Приангарье // Древние культуры Приангарья. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 151-155.

Каменный век Южного Приангарья: Международ. симпозиум «Современные проблемы палеолитоведения Евразии»: Путеводитель. — Иркутск: Иркут — ун-т, 2001. — Т. II. — Бельский геоархеологический район. — 242 с.

Лащинский Н.Г. Нижнее Приангарье // Земля Сибирская и дальневосточная. — 1969. — № 8. — С. 57.

Медведев Г.И. Отчет о полевых исследованиях, проведенных Ангаро-Илимским археологическим отрядом Иркутского университета летом 1961 г. // Архив Института археологии и этнографии СО РАН.

Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) // ВДИ. — 1939.- № 4. — С. 181-186.

Роговской Е.О. Отчет о полевых исследованиях в Илимской части Усть-Илимского водохранилища (Нижне-Илимский р-н Иркутской области) // Архив ИЛАиП ИАЭТ СО РАН-ИГУ, 1990 — 37 с.

Роговской Е.О. Илимский район распространения местонахождений раннепалеолитических коррадированных артефактов// Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. междунар. науч. конф. — Владивосток, 1993. — С. 64–65.

Роговской Е.О. Отчет о результатах проведения экспертного археологического обследования территории строительства испрашиваемой под строительство автодороги в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2008 г. // Архив ИЛАиП ИАЭТ СО РАН –ИГУ — 42 с.

Роговской Е.О., Таракановский С.П. Итоги новых исследований в зоне размыва Усть-Илимского водохранилища// Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. — С. 112-113.

Роговской Е.О. Палеолитические местонахождения в Илимской акватории Усть-Илимского водохранилища // Вторая Дальневосточная конференция молодых историков: Тез. докл .- Владивосток: ДВО РАН, 1992. — С. 38-40.

Роговской Е.О. Морфология и технологические особенности коррадированного материала палеолитического местонахождения Тушама // Молодая археология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. — Чита: Изд-во ЧГПУ, 1999. — С. 81-83.

Ходукин Я.Н. Материалы по археологии р. Илим // Изв. / ВСОРГО. — 1928. — Т. 53. — С. 114-123.

Хороших П.П. Отчет экспедиции 1960 года (рукопись) // Архив ИЛАиП ИАЭт СО РАН-ИГУ.

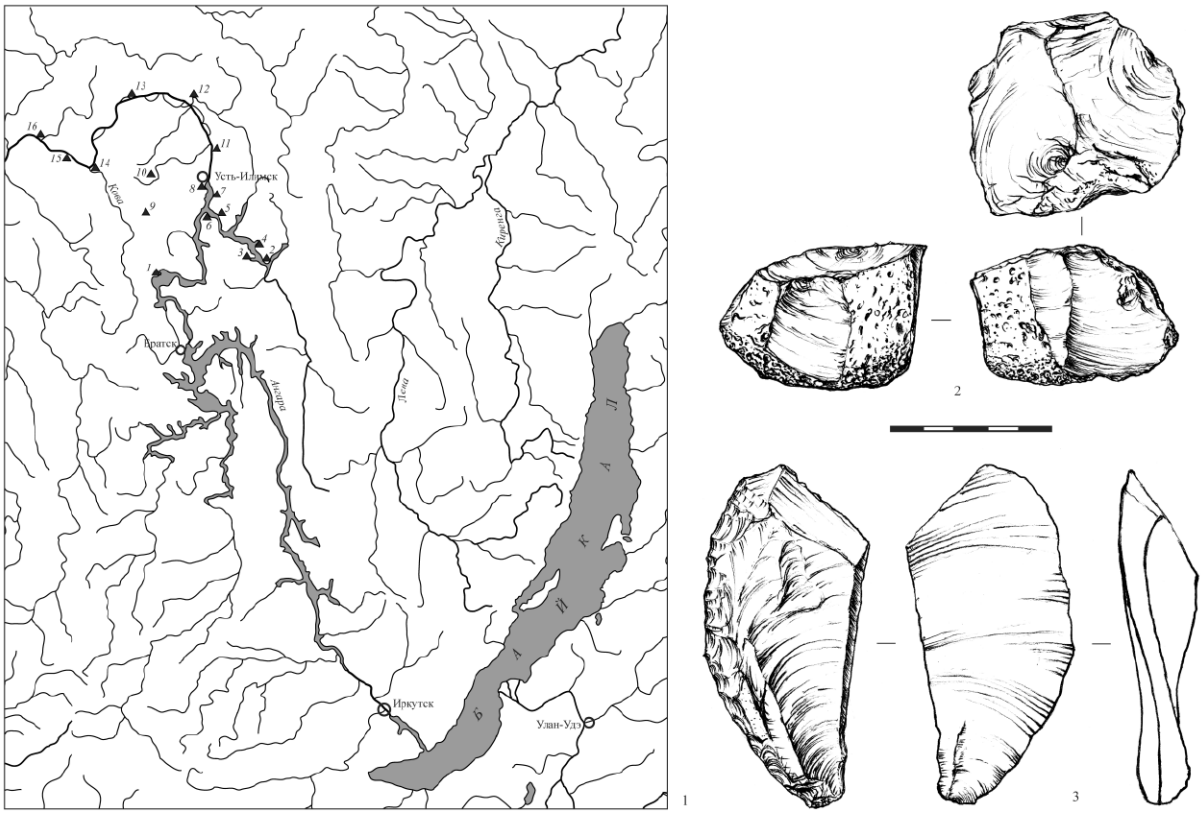


Рис. 1. 1 – Карта-схема известных доголоценовых местонахождений Северного Приангарья.
▲ – местонахождение : 1 - о. Подъеланский II; 2 - Усть-Игирма; 3 - залив Яра; 4 - Тушамский залив; 5 - Бубновский порог; 6 - Большая Курья I-III; 7 - о.Сизов; 8 - залив Мирюнда; 9 - Ковинское плато; 10 – Зеленда; 11 – Боковушка; 12 - Ката I; 13 – Берямба; 14 - Усть-Кова; 15 - Дворец; 16 – Кода.
2 – нуклеус с местонахождения Зеленда (2008 г.); 3 – скребло с Ковинского плато (2005г.).

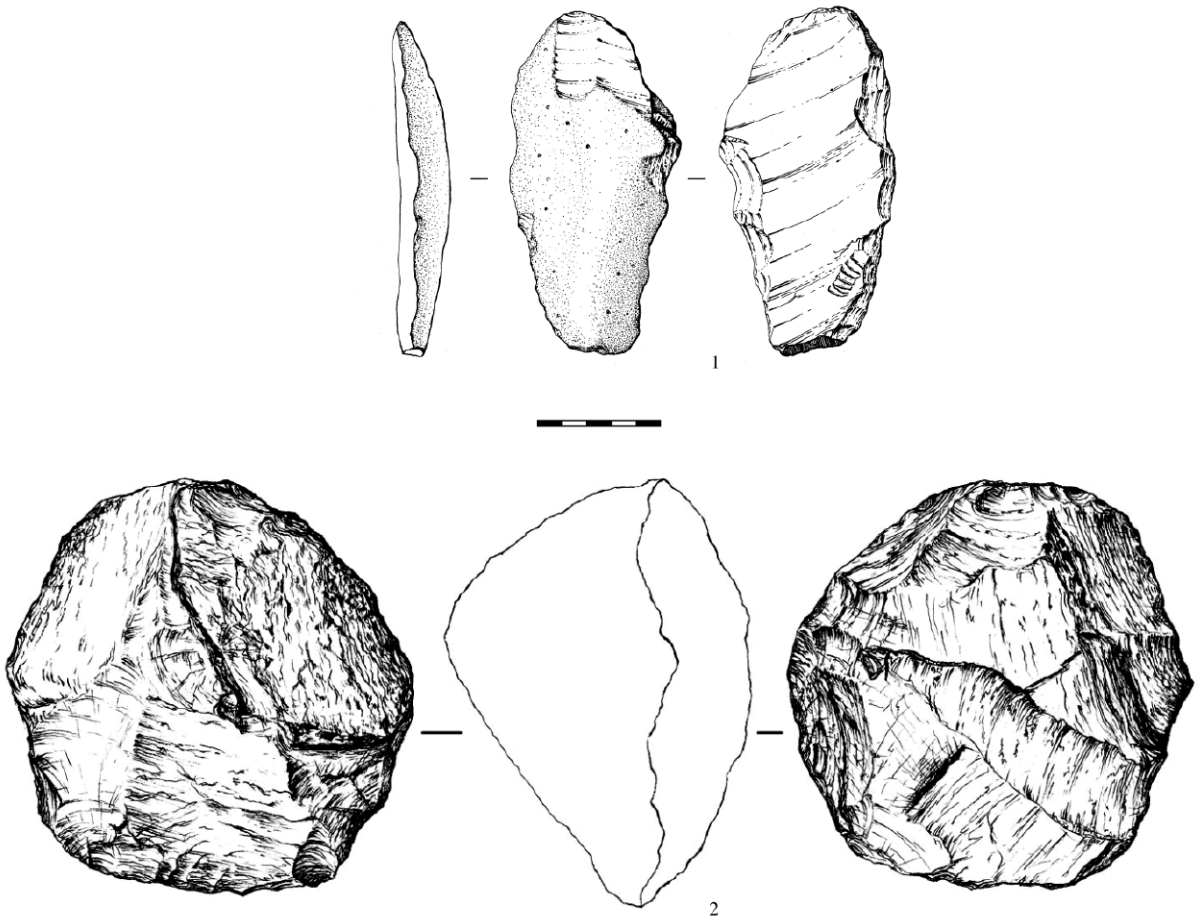


Рис. 2. 1 - скол с местонахождения Тушамский залив (1989 г); 2 - нуклеус с местонахождения Ката I (2007 г).

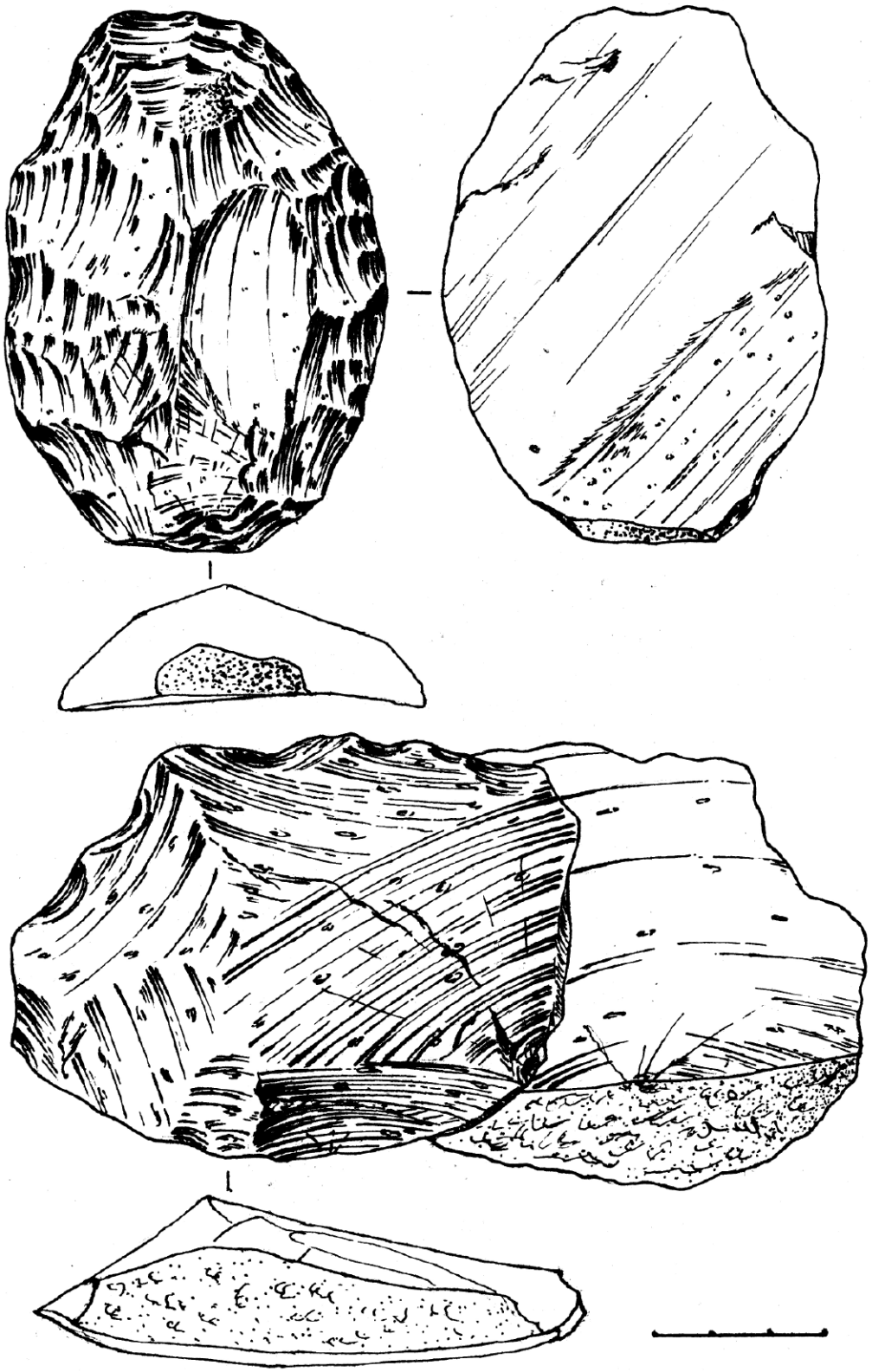


Рис. 3. Археологический материал с местонахождения Тушамский залив (1989 г).

Ю.Б. Сериков
Нижний Тагил, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

О ВРЕМЕНИ И ХАРАКТЕРЕ ОСВОЕНИЯ ПЕЩЕР ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ УРАЛА

Урал — горная страна, поэтому неудивительно, что здесь в большом количестве присутствуют пещеры, гроты, навесы. Также неудивительно, что уже с глубокой древности, они осваивались первобытным человеком. К настоящему времени на Урале в той или иной степени изучено свыше сотни пещер. Около 40 из них содержат находки палеолитического времени. На Северном Урале палеолит известен в 4 пещерах, на Среднем — в 11, на Южном — в 24[1]. Использовались уральские пещеры в качестве кратковременных стоянок, святилищ и, возможно, мест захоронения [Широков, Косинцев, 1997, с. 26-29].

Пещеры с палеолитическими находками сильно различаются своими размерами. Почти половина пещерных палеолитических памятников представлена небольшими гротами. Длину свыше 100 м имеют всего 7 исследованных пещер. Первое место принадлежит Каповой пещере — 2,8 км, затем следует Игнатиевская — 626 м, дальше по мере убывания — Медвежья (480 м), Уньинская (300 м), Заповедная (180 м), 2-ая Серпиевская (150 м) и Байсланташ (110 м). Медвежья и Уньинская пещеры расположены на Северном Урале, остальные — на Южном. Оставшаяся группа пещер имеет общую длину ходов от одного до нескольких десятков метров.

Изученная раскопками площадь в пещерах варьирует от 7 м^2 (Уньинская пещера) до 184 м2 (Медвежья пещера). Только в двух пещерах вскрыта площадь свыше 100 м^2 — грот Бобылек (Средний Урал) — 100 м^2 и Медвежья пещера — 184 м^2. Еще в трех пещерах площадь раскопов составила 68, 70 и 71 м^2 (соответственно Капова пещера, Байсланташ, Игнатиевская; все — Южный Урал). 25% пещер исследованы на площади от 25 до 40 м^2.

Также сильно пещерные палеолитические комплексы различаются и по числу находок. В гроте на Медведь-Камне (Средний Урал) кроме фаунистических остатков найден один-единственный отщеп, а комплекс Медвежьей пещеры состоит из 1432 каменных и 15 костяных изделий. Кроме Медвежьей свыше тысячи находок выявлено еще в двух пещерах — Игнатиевской (1355 экз.) и Байсланташ (1384 экз.). По нескольку сот находок известно в 5 пещерах: гротах Столбовой (около 200 экз.), Близнецова (около 300 экз.), Бобылек (477 экз.) (Средний Урал), Каповой пещере (213 экз.)[2] и гроте Кульюрт-Тамак (359 экз.) (Южный Урал). Почти половина всех пещер представлена незначительными комплексами находок: от 12 до 95 экз. 30% всех пещер содержат единичные находки (до 10 экз.).

Из-за своей малочисленности и невыразительности каменный инвентарь пещерных палеолитических комплексов трудно использовать для выяснения характера использования пещер. В принципе он типичен для большинства палеолитических стоянок. Однако археологический контекст некоторых комплексов показывает, как легко ошибиться, определяя характер памятника только по каменному инвентарю. Так, в Каповой пещере на среднем ярусе пещеры, в зале Знаков, в 200 м от входа, раскопками было получено 237 находок. Все находки имеют, бесспорно, культовый характер, так как проживание в пещере в 200 м от входа маловероятно. Часть находок в виде украшений (бусин и подвесок), костяных изделий, кусочков охры и глиняной жировой лампы не вызывает сомнений в их культовом характере. Но в этом же комплексе присутствуют 196 изделий из камня, значительную часть которых составляют невзрачные мелкие отщепы (53 экз.) и чешуйки (67 экз.). Трасологический анализ показал, что большая часть простых сколов использовалась в работе [Щелинский, 1997, с. 31-33]. Если бы этот комплекс находок был обнаружен

не в глубине пещеры, а у ее входа, то любой исследователь определил бы его как свидетельство проживания в пещере. И памятник был бы интерпретирован как палеолитическая стоянка в пещере. Тем не менее, этот комплекс является культовым.

Более перспективными в этом плане выглядят комплексы костяных изделий. Они отличаются большим своеобразием, что позволяет использовать их для определения характера использования пещер в палеолитическую эпоху.

Изделия из рога (10 экз.) встречены только в 3 пещерах. В Медвежьей пещере найдены муфта и обломок мотыги из рога северного оленя. В Усть-Койвинской пещере (Средний Урал) обнаружены 2 мотыги, изготовленные из рога лося. Одна мотыга украшена орнаментом в виде коротких насечек. Фрагменты рога северного оленя со следами рубки найдены в гроте Бобылек — 6 экз. [Сериков, 2008, с. 121].

Изделия из бивня мамонта выявлены в 8 пещерах в количестве 26 экз. [Сериков, 2007а, с. 16-17]. В Медвежьей пещере обнаружено 2 стержня из бивня с неглубокими пазами и землекопное орудие из концевой части бивня мамонта. Замечательной выделки вкладышевые изделия из бивня мамонта найдены в Шайтанской пещере (Средний Урал). Одно из них — наконечник стрелы или дротика длиной 22 см. От второго наконечника сохранился только обломок [Петрин, 1987, с. 66-67]. Обломок вкладышевого кинжала обнаружен в гроте Бобылек. Гораздо лучше в пещерах Урала представлены украшения. Небольшие серии бус и их заготовок найдены в гроте Бобылек (6 экз.), пещере Байсланташ (4 экз.), Каповой и Игнатиевской пещерах (по 2 экз.) [Сериков, 2007б, с. 83]. Оригинальный комплекс украшений из бивня мамонта найден в гроте Безымянном на р. Пышме (Средний Урал). Два из них представлены обломком браслета (?) и тремя фрагментами заколки (?). В этом же гроте обнаружено уникальное изделие из бивня мамонта, изображающее стилизованную фигурку хищника [Петрин, Смирнов, 1977, с. 60].

Интересное изделие из бивня мамонта найдено в Кумышанской пещере на реке Чусовой (Средний Урал). Формально — это отщеп. Но его изучение под микроскопом показало, оба продольных края использовались для скобления шкуры. Кроме того на спинке и брюшке отщепа отмечены следы рубки, скобления и резания каменным орудием. Поверхность отщепа заметно залощена [Сериков, 2008, с. 121].

Самую многочисленную группу в пещерном палеолите Урала представляют изделия из кости. Они выявлены на 13 памятниках в количестве 102 экз. Коллекция содержит около 15 типов костяных изделий [Сериков, 2008, с. 122-123].

Из предметов вооружения нужно отметить колюще-режущие орудия. В гроте Бобылек найдены кинжал с прорезанными пазами и два — без пазов. Подобный кинжал из трубчатой кости обнаружен в гроте Безымянный. Вкладышевое изделие из ребра северного оленя выявлено в Медвежьей пещере.

Заметной серией (11 экз.) представлены скребущие орудия — скребла, скребки и скобели (Медвежья пещера, грот Бобылек, пещера Байсланташ — 9 экз.). Для их изготовления применяли расколотые трубчатые кости копытных животных. Причем некоторые скребки (пещера Байсланташ) дополнительной обработки не имеют. Также из расколотых костей изготавливались проколки и шилья — 7 экз. (грот Безымянный, грот на Камне Кирпичный, Капова пещера, грот Бобылек — 2 экз., пещера Байсланташ — 2 экз.). В пещере Байсланташ найден обломок тщательно выделанной иглы.

Единичными изделиями в палеолите Урала представлены лощила, ножи, долото, землекопные орудия и разбильник. Два лощила выявлено в гроте Бобылек. Нож из оббитой и ретушированной кости найден в Каповой пещере. Еще 2 ножа из расколотых костей с острыми краями, но без дополнительной обработки происходят из пещеры Байсланташ. Такой же нож на осколке трубчатой кости имеется в комплексе Смеловской II пещеры. Долото из плечевой кости

северного оленя обнаружено в Медвежьей пещере. В качестве разбильника для разминания ремней в гроте Бобылек служила трубчатая кость лошади.

Украшения (4 экз.) изготавливались как из костей, так и из зубов животных. Две подвески из зубов хищников отмечены в Игнатиевской пещере. Подвеска из резца лошади найдена в пещере Туристов на реке Чусовой (Свердловская обл.). Крупная пронизка из трубчатой кости происходит из комплекса костяных изделий грота Безымянного.

Крайне бедной в пещерном палеолите Урала выглядит коллекция произведений искусства. Выше уже отмечалась находка из грота Безымянного — скульптурное изображение хищника семейства кошачьих, выполненное в стиле плоской скульптуры. Длина фигурки 7, 9 см, толщина — всего 2 мм. На Урале это пока единственная палеолитическая скульптура. В палеолите Евразии аналогий ей не имеется. К памятникам искусства можно отнести и два костяных изделия с гравировками, найденными в гроте Бобылек. Одно из них — обломок однопазного вкладышевого кинжала длиной около 9 см, изготовленного из бивня мамонта. Края кинжала по обеим плоскостям украшены гравированными парными линиями, идущими параллельно продольной оси орудия. Второе изделие также представлено обломком, на плоской пришлифованной поверхности которого выгравирована параболическая линия [Волков, Широков, Улитко, 2006, с. 243-244].

Также пещерные комплексы содержат немногочисленные костяные отщепы и кости со следами рубки, резания или оббивки.

Для изготовления костяных изделий использовалась кости мамонта (преобладают), северного оленя, шерстистого носорога, дикой лошади, лося, хищников, бизона и зайца.

Отличительной чертой костяной индустрии палеолита Урала является исключительное использование так называемых природных форм, т.е. предметов естественного происхождения, которые использовались либо совсем без обработки, либо с минимальной подработкой. Таких изделий в коллекции уральского палеолита 85,9% [Сериков, 2008, с. 124]. В пещерных памятниках природных форм меньше — 65,3%. Среди изделий, являющихся результатом глубокой переработки кости, рога и бивня, 21,8% украшений и 7,9% предметов вооружения (ножи и кинжалы). В число оставшихся 5% входят игла, 2 мотыги, муфта и скульптура. Следует отметить, что в этой группе 77,1% изделий изготовлено из бивня мамонта (68,6%) и рога.

Изделий, которые можно было бы поставить в один ряд с лучшими образцами палеолитического косторезного производства Евразии, в пещерном палеолите Урала всего пять. Это скульптурное изображение хищника из грота Безымянного, вырезанное из бивня мамонта, 2 вкладышевых наконечника из бивня мамонта из Шайтанской пещеры и 2 мотыги из рога из Усть-Койвинской пещеры.

Самые ранние следы древнего человека, возможно, зафиксированы в Смеловской 2 пещере (Южный Урал), нижний слой которой датируется в 41 тыс. лет. К сожалению, достоверных палеолитических артефактов в этом слое не зафиксировано. О.Н. Бадер отмечает наличие в нем уголька, расщепленных костей плейстоценовых животных и следы огня на некоторых костях [Бадер, 1971, с. 207-208].

Материалы раннего этапа, который условно определяется в рамках 36-27 тыс. лет, выявлены в трех пещерах. Чоппер из кварцитопесчаника и 3 кварцитовых отщепа, найденные в 6-ом слое грота Большой Глухой (р. Чусовая, Средний Урал), по кости получили дату в 33,9 тыс. лет. Почти такая же дата (33,6 тыс. лет) получена по кости носорога и для Кумышанской пещеры (р. Чусовая). Возможно, она датирует находки (заготовка бифаса, 2 нуклеуса и 2 отщепа) нижнего палеолитического слоя, который был выявлен исследованиями 2008 г. и по которому требуются еще дополнительные исследования. Две близкие даты получены из грота Близнецова и пещеры Заповедной — соответственно 28,5 и 28,7 тыс. лет. Дата из Заповедной относится к костеносному слою без артефактов. Известна еще одна пещера с датой такого же уровня — Горновская.

К сожалению, даты одного и того же образца, полученные в разных лабораториях дали разные значения: 29,7 и 21,3 тыс. лет. Объяснения этому факту специалисты пока не находят [Радиоуглеродная хронология палеолита…, 1997, с. 42].

Таким образом, ранний этап освоения пещер представлен невыразительными комплексами с малочисленными находками и противоречивыми датами. Только в гроте Близнецова найдены следы кострищ, значительные комплексы каменных изделий (около 300 экз.) и плейстоценовой фауны (около 3000 экз.).

К среднему этапу (27-21 тыс. лет) относится только один пещерный памятник — грот Столбовой с датой комплекса в 22,9 тыс. лет. К сожалению, комплекс каменных изделий в литературе описан явно недостаточно. Возможно, с этим же этапом следует связывать и материалы Горновской пещеры.

Все остальные датированные пещеры относятся к позднему этапу палеолита, который, тем не менее, можно разбить на два периода. К раннему периоду отнесены памятники с датами от 19 до 16-15 тыс. лет. Это грот Безымянный (19,2 тыс. лет) Медвежья пещера (16,1 — 18 — 18,7 тыс. лет), навес Студеный (16 тыс. лет), грот Кульюрт-Тамак (15-15,8 тыс. лет) и Смеловская 2 пещера (15,6 тыс. лет).

Большая часть датированных пещерных памятников относятся к позднему периоду, даты которого укладываются в рамки от 14 до 12 тыс. лет. На Северном Урале памятники с такими датами отсутствуют. Памятники этого периода на Среднем Урале представлены гротами и небольшими пещерами: грот Бобылек (14,2 тыс. лет), грот Зотинский (13,6 тыс. лет), пещера Котел (13,2 тыс. лет), Усть-Койвинская пещера (12,7 тыс. лет) и Кумышанская пещера (12,4 тыс. лет). На Южном Урале картина строго противоположная — к позднему периоду относятся пещеры длиной свыше 100 м: Капова (14,7-13,9 тыс. лет), Игнатиевская (14,2 — 14 — 13,5 — 13,3 тыс. лет), Байсланташ (13,5 тыс. лет) и Заповедная (12,4 тыс. лет). Возможно, это чистая случайность, которая объясняется тем, что датирование небольших гротов просто еще не производилось. Не исключено, что к этому же периоду следует отнести еще одну пещеру с, видимо, омоложенной датой — Сикияз-Тамак I (11,7 тыс. лет).

Определить характер использования пещер в палеолитическую эпоху очень сложно из-за преобладания традиционного взгляда на пещеры как на убежища и кратковременные стоянки. Если идти традиционным путем, то все пещерные комплексы Урала могут быть охарактеризованы как кратковременные стоянки и святилища. Комплекс грота Безымянного с уникальными костяными украшениями и скульптурой, возможно, является разрушенным погребением [Петрин, 1992, с. 84]. Не вызывающими возражений святилищами являются пещеры с живописью (Капова, Игнатиевская и 2-ая Серпиевская) и с демонстрационными комплексами в виде черепов животных (Кумышанская, Заповедная, возможно, Сикияз-Тамак I). Однако детальный анализ многих уральских пещерных комплексов позволяет выявить аспекты, которые допускают и иное (сакральное) использование пещер [Сериков, 2007в, с. 17-19]. Культовые комплексы обнаружены в Медвежьей и Уньинской пещерах на Северном Урале (скопление тысяч сброшенных рогов северного оленя) [Павлов, 1996, с. 83-85]. Следы ритуальных действий выявлены в гроте Зотинском, пещерах Котел и Усть-Койвинской [Сериков, 2000, с. 199-200]. Внимательного изучения в этом плане заслуживает самый крупный на Урале комплекс костяных изделий (в том числе украшений) в гроте Бобылек. Интересно отметить, что на Южном Урале все пещеры длиной свыше 100 м использовались в качестве святилищ (Капова, Игнатиевская, 2-ая Серпиевская, Заповедная). Кстати, Медвежья и Уньинская пещеры также имеют длину свыше 100 м. Единственным исключением является пещера Байсланташ длиной около 110 м. Однако и в этой пещере имеются детали, происхождение которых возможно объяснить сакральными причинами. При значительной коллекции каменных и костяных изделий (соответственно 1360 и 24 изд.) в палеолитическом слое пещеры обнаружено всего около 50 экз. расколотых костей крупных животных

(бизона и лошади), что абсолютно не характерно для уральских пещер. Явно неутилитарное назначение имели и украшения, выявленные в комплексе пещеры — круглые и квадратные бусы (нашивки) и подвеска из гальки с естественным отверстием («курий бог»).

При определении характера использования пещер особое внимание следует обращать на наличие в них предметов символической деятельности [Деревянко, Рыбин, 2005, с. 232-233]. Видимо, не случайно в Каповой пещере обнаружен значительный комплекс украшений, в который входят свыше 60 раковин ископаемых моллюсков с проткнутыми отверстиями, 4 каменных и 2 костяных бусины, подвески из галек и кости. Крайне интересным и отчасти загадочным является комплекс украшений из Смеловской 2 пещеры. Кроме 53 каменных изделий в ней найдено 31 подвеска из талька и 10 тальковых кусков и пластин, которые, возможно, являлись заготовками украшений [Бадер, 1971, с. 202, 206-207]. Кроме указанных пещер, украшения в виде подвесок и бусин выявлены в пещерах Игнатиевская, Туристов, Байсланташ, Безымянный, Бобылек. Необходимо добавить, что в уральских пещерных святилищах послепалеолитического времени найдено почти 95% всех известных украшений из природных форм (раковин, зубов и костей животных, галек, плиток камня) [Сериков, 2007г, с. 74-77]. Эти факты могут косвенно свидетельствовать в пользу сакрального использования пещер с украшениями и в эпоху палеолита.

Таким образом, современные материалы показывают, что освоение уральских пещер относится к периоду 34-33,5 тыс. лет назад. Именно к этому времени относятся достоверные свидетельства пребывания человека в пещерах Среднего Урала (грот Большой Глухой и Кумышанская пещера). Интересно отметить, что обе пещеры расположены на реке Чусовой — единственной реке, пересекающей уральский хребет с востока на запад. Немного позднее (29-28 тыс. лет назад) следы палеолитического человека фиксируются не только на Среднем Урале (грот Близнецова), но и на Южном (пещера Заповедная). Характер этих следов можно определить как кратковременные стоянки в пещерах. То же самое можно сказать и о малочисленных и невыразительных пещерных комплексах среднего этапа палеолита (27-21 тыс. лет назад).

Совсем иная картина использования уральских пещер вырисовывается в позднем этапе палеолита (19-12 тыс. лет назад). Из 15 датированных пещер 7 достоверно использовались в культовых целях (Медвежья, Безымянный, Кумышанская, Капова, Игнатиевская, Заповедная, Сикиязтамак I). К ним можно добавить еще 2 недатированных комплекса в пещерах Уньинской и 2-ой Серпиевской, которые судя по всему относятся к этому же периоду. Еще в 7 пещерах выявлены комплексы, появление которых с разной степенью достоверности можно связывать с определенными ритуальными действиями (Зотинский, Бобылек, Котел, Усть-Койва, Кирпичный, Байсланташ, Смеловская II).

В заключение хотелось бы отметить два момента. Первое — детальный анализ пещерных комплексов достаточно убедительно свидетельствует, что ритуально-символическая деятельность палеолитического человека на Урале была гораздо более разнообразной, чем представлялось ранее [Сериков, 2007в, с. 7-24]. И второе — использование пещер в сакральной сфере эпохи палеолита стало возможным только с появлением на территории Урала постоянного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Автору известно о новых находках пещерного палеолита на Южном Урале, но он вынужден пользоваться только опубликованными материалами.

[2]Сюда не входят неопубликованные каменные изделия из охранных раскопок Т.И. Щербаковой.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. — № 173. — С. 200-208.

Волков Р.Б., Широков В.Н., Улитко А.И. Изделия из кости, рога и бивня из верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // II Северный Археологический Конгресс. Тез. докл. -. Екатеринбург;Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. — С. 243-244.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. — С. 232-255.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. — Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1996. — 194 с.

Петрин В.Т. Вкладышевый наконечник дротика эпохи палеолита с Северного Урала // Древности Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 63-68.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. — Новосибирск: Наука, 1992. — 207 с.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. — С. 56-71.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. — СПб.: «Академ Принт», 1997. — 143 с.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. — Нижний Тагил: ООО «Полиграфист», 2000. — 431 с.

Сериков Ю.Б. Изделия из бивня мамонта в палеолите Урала // II Емельяновские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007а. — С. 16-18.

Сериков Ю.Б. Украшения древнего человека по материалам археологических памятников Урала // Памятники археологии и художественное творчество: Мат-лы осен. коллоквиума. — Омск: Изд-во ООО «Издательский дом Наука», 2007б. — Вып. 4. — С. 78-84.

Сериков Ю.Б. Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. — Барнаул: Азбука, 2007в. — Вып. 1. — С. 7-24.

Сериков Ю.Б. Природные формы в украшениях древнего человека // Памятники археологии и художественное творчество: Мат-лы осен. коллоквиума. — Омск: Изд-во ООО «Издательский дом Наука», 2007. — Вып. 4. — С. 73-78.

Сериков Ю.Б. Костяная индустрия местного палеолита в контексте древней истории Урала // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: УрО РАН, 2008. — С. 121-125.

Широков В. Н., Косинцев П. А. Обзор использования пещер Урала в палеолите // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы Междунар. конф. — Уфа: «ПРИНТ», 1997. — С. 26-29.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы Междунар. конф. — Уфа: «ПРИНТ», 1997. — С. 29-38.

В.И. Ташак
Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

БАРУН-АЛАН 1: ХРОНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

В долине небольшой речки, носящей название Алан (Западное Забайкалье), в 2000 г. было обнаружено несколько палеолитических местонахождений. Одним из наиболее крупных и перспективных для проведения раскопок среди них является археологический памятник Барун-Алан 1. Он расположен в 6 км на северо-запад от западной окраины села Алан, на субгоризонтальной площадке у южного подножия скальной стенки на западном склоне горы Хэнгэрэктэ. Высота местонахождения над уровнем речки Алан 80-90м при крутизне подъема от поймы к площадке 20-30 градусов.

Массив горы Хэнгэрэктэ, где вдоль южных и западных склонов сконцентрированы палеолитические местонахождения, составляет южную оконечность отрогов хребта Хомские Гольцы, входящего в систему хребта Улан-Бургасы. С востока и юго-востока протяженные отроги горы спускаются к пойменному дну долины реки Оны, входящей в бассейн реки Уды. С запада и юго-запада отроги горы окаймлены долиной небольшой речки Алан — левый приток Оны. Вдоль правого берега речки подгорные шлейфы, повсеместно протяженные, начинаясь от некрутых, поросших лесом склонов, плавно опускаются к пойме. Вдоль левого берега горные склоны на всем её протяжении изобилуют скалистыми выходами и скальными стенками. Подгорные шлейфы менее протяженные и более крутые, и только в самом устье долины ее левый борт переходит в очень протяженные шлейфы, покрытые травянистой степной растительностью. Палеолитические местонахождения приурочены к зонам тыловых швов шлейфов, горным склонам и субгоризонтальным или слабонаклоненным площадкам под скальными стенками. У южного подножия одной из таких скальных стенок высотой 12,5 м расположен Барун-Алан 1.

В ходе раскопок на местонахождении было установлено, что это многослойный археологический памятник, содержащий археологические материалы от железного века до палеолита. Подавляющее большинство находок относится к эпохе палеолита.

В раскопе была выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 1):

Слой 1. Супесь пылеватая, рыхлая по структуре, серо-золистого цвета с каштановым оттенком. Содержание песка, дресвы, щебня умеренное. Слой насыщен корневой системой травянистой растительности. Мощность слоя от 5 до 12 см.

Слой 2. Алевриты и алевро-пески. Слой по структуре разнородный — представлен комковатыми фракциями, плотными линзами, пылеватыми включениями. В верхней части слой местами окрашен в желтоватый цвет. Часть слоя окрашена в светло-серый цвет. Нижняя граница слоя четкая, ровная. В слое много ходов, нор землеройющих животных. При растирании грунт, составляющий слой, легкий, пылеватый. Общая мощность слоя 20-40 см. В южном направлении мощность слоя два уменьшается и на удалении 10 м от скалы, местами не фиксируется.

Слой 3. Супесь легкая, пылеватая, светло-серого и серо-коричневого цвета, внешне похожая на плотно слежавшуюся золу. Южнее скалы, где не прослеживается слой 2, слой 3 залегает непосредственно под дерном. Общая мощность слоя от 3 до 10 см.

Слой 4. Супесь серовато-каштанового цвета, пылеватая, слежавшаяся, плотная, но при физическом воздействии слой легко разрушается, сильно поврежден норами. В верхней части слоя 4, также как и в слое 3, наблюдается темный прослой. Граница между слоями 3 и 4 четкая, ровная.

Граница между слоями 4 и 5 неровная — с западинами и выклиниваниями. В 6 метрах южнее скалы слой 4 полностью исчезает. Мощность слоя варьирует от 5 до 10 см.

Слой 5. Алевриты и алевро-пески серовато-белого цвета, структура рыхлая, пылеватая, при физическом воздействии легко распадается в пыль. Слой сильно фрагментирован и нередко представлен линзовидными фрагментами. Такое разрушение слоя обусловлено ходами нор. В 10-ти метрах южнее скалы отмечается фрагментарно. Мощность слоя 5-15 см.

Слой 6. Супесь серовато-черного и серовато-каштанового цвета. Супесь слоя 6 является межкаменным заполнением мощного каменного завала непосредственно под скалой, состоящего из скальных обломков различного размера — от небольших камней 5 х 5 см до огромных глыб, вес которых превышает 1000 кг. По мере продвижения на юг мощность каменного завала уменьшается, при этом мощность слоя варьирует незначительно. Супесь слоя 6 по структуре очень рыхлая, сыпучая. Слой сильно нарушен норами землеройющих животных. В некоторых местах встречаются плотные участки грунта, возможно, небольшие линзовидные остатки литологических слоев и культурных горизонтов, но они крайне разрознены, как по горизонтали, так и по вертикали. Безусловно, в толще слоя 6 сосредоточены остатки нескольких уровней обитания древнего человека, что в настоящее время не фиксируется, поскольку слой представляется однородным по цвету и структуре. Между камнями завала содержится большое количество артефактов, при этом в подошве слоя они фиксируются компактно в плане высотного распределения. Поэтому можно предположить, что подошва слоя 6 и кровля слоя 7 явились одним из основных уровней обитания. Вероятно, здесь было 2 уровня обитания. Нижняя граница слоя неровная с западинами, образованными, в первую очередь, ходами нор грызунов. Содержание дресвы в слое значительное. Мощность 70-100 см.

Слой 7. Толща суглинков палево-желтого цвета, перемешанных с песком. Видимая мощность толщи около 200 см. В центральной части раскопа слой подстилается наклоненной на юг каменной плитой, но в 10 м южнее вертикальной скалы плита заканчивается, что предполагает увеличение мощности толщи. Структура суглинистой толщи неоднородна. В кровле суглинки пылеватые, но плотно слежавшиеся. По мере углубления слой становится более плотным, насыщенным дресвой и крупнозернистым песком, значительно увеличивается количество мелкого щебня.

Верхняя часть слоя 7 также в значительной степени подверглась разрушению норными ходами — более 50% раскопанной площади. Вместе с тем, на некоторых не подвергшихся разрушению участках выявлены уровни, связанные с этапами формирования культурных горизонтов — зафиксированы инситные уровни залегания археологических и палеонтологических материалов. Уровни обозначены как 7а, 7б и 7в. Уровни 7а и 7б зафиксированы как небольшие линзы утоптанного грунта, слегка окрашенного в серый цвет примесями небольшого количества углей и золы. В дальнейшем вся толща была разделена на уровни условно выделенные, согласно высотному распределению участков с инситным залеганием материалов. Уровень 7в начал формироваться как культурный горизонт в кровле очень плотного суглинистого грунта с выраженными красноватыми оттенками цвета. Часть слоя, залегающая ниже уровня 7в, названа уровень 7г. Этот уровень значительно отличается от уровня 7а большим содержанием крупнозернистого песка, дресвы и щебня. Красноватый цвет в нижней части слоя придается проявлениями железа. Кроме этого здесь проявляются и следы марганца (?) — поверхности большого количества камней, а также костей животных покрылись тонкой пленкой лоснящегося черного цвета. Предполагалось обозначить уровень 7г как самостоятельный горизонт, но изменение плотности, цветности и содержания грубообломочного материала происходит постепенно сверху вниз и четкой границы между каждым уровнем не наблюдается.

В уровне 7г выявлены линзы уплотненного грунта с угольками, золой, мелкими обломками костей и артефактами, представляющими собой остатки культурных горизонтов. Данный уровень в значительно меньшей степени подвергся разрушениям норными ходами (глубина от по-

верхности достигает 4-х м). Но культурные горизонты подверглись воздействию солифлюкционных процессов — «сползание» суглинистого грунта по скале, кроме этого уровень содержит большое количество крупных обломков скал, оказавшихся здесь в результате обвалов.

Необходимо отметить, что почти у всех скальных обломков, а также крупных фрагментов скал, уровня 7г сильно заглажены грани и ребра, что резко их отличает от скальных обломков вышележащих уровней.

Палеолитические артефакты фиксируются от второго слоя и до каменной плиты, перекрывшей дно в центре раскопа, на глубине 2,5-4 м.

Культурные горизонты позднего бронзового — железного веков формировались на поверхности 6-го слоя. Накопление литологических слоев 5-2 происходило быстро, и накапливались они только под скалой. Их формирование могло быть вызвано рядом причин [Ташак, 2008], в том числе, в результате деятельности ветров при усилении аридизации в эпоху позднего бронзового века или при оседании пыли после крупных обрушений ближних скал. Пылеватые продукты ветровой эрозии накапливались под скалами, поскольку здесь сохранялись площадки с небольшим углом наклона поверхности. На удалении от скал активные процессы денудации склонов приводили к «смыву» с их поверхности легких рыхлых материалов. Показательно, что в слоях 5, 4 также фиксируются артефакты позднего бронзового века. Данный факт подтверждает предположение о быстром накоплении рыхлых отложений слоев 5 и 4. На удалении от скалы верхние слои отсутствуют и поверхность 6-го слоя, формировавшаяся еще в позднем плейстоцене — раннем голоцене, служила уровнем обитания в более поздние времена, что приводило к распространению на одном уровне артефактов разных эпох. В настоящее время на удалении от скалы более чем на 15 м 6-й слой перекрыт маломощным покровом дерна и на современной поверхности фиксируется керамика бронзового века и палеолитические нуклеусы. Находки наиболее часто встречаются в отвалах нор сусликов. Исходя из большого количества погребенных нор, отмеченных в ходе раскопок, не вызывает сомнения и то, что часть палеолитических артефактов оказалась на уровне культурных горизонтов бронзового и железного веков в результате их выбрасывания из нор вместе с грунтом и камнями.

Начиная со среднего уровня 6-го слоя фрагменты керамических сосудов неолита, бронзового и железного веков встречается только в норах, это указывает на то, что данные артефакты оказались здесь случайно, опустившись вниз по норным ходам. С этого уровня значительно возрастает количество артефактов эпохи палеолита. Таким образом, можно утверждать, что средний уровень 6-го слоя был погребен еще в финальном плейстоцене и не был уровнем обитания во время голоцена. Начиная с уровня контакта слоев 6 и 7 Барун-Алана 1 и до среднего уровня 6-го слоя фиксируется своеобразная палеолитическая культура, явно тяготеющая к производству орудий на отщепах. Как установлено на сегодняшний день, часть орудий на пластинах из этого слоя оформлялась на сколах более раннего времени, т.е. имела место реутилизация артефактов, изготовленных во время функционирования уровней обитания 7-го литологического слоя. Для индустрии 6-го слоя характерны плоскостные нуклеусы, скребла и ножи на отщепах, бифасы различных типов, в том числе и листовидных. Находки пластин единичны: 1-2 на сотню каменных артефактов. В нижнем уровне 6-го слоя не выявлено нуклеусов призматического или подпризматического типа.

Каменная индустрия 7-го литологического слоя характеризуется наличием среднепалеолитических скребел, ножей-скребел, рубящих орудий и леваллуазской технологии получения сколов с одной стороны и выраженной тенденцией производства пластин и микроиндустрией с другой. Бифасы в 7-м слое не обнаружены. Пластин больше, чем в 6-м слое, но их процентное отношение к остальной массе находок не велико. В то же время, доля призматических нуклеусов для пластин достаточно высока в комплексе нуклевидных находок. При сравнении индустрий 6-го и 7-го

слоев Барун-Алана 1 выявляется больше различий, чем общих черт, что указывает на наличие двух различных палеолитических культур, в указанных горизонтах.

Датирование на основе термолюминесцентного метода проводилось в Геологическом институте СО РАН (г. Улан-Удэ), аналитик — к.г.-м.н. А.В. Перевалов. Радиоуглеродное датирование проводилось в Институте геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск), аналитик — к.г.-м.н. Л.А. Орлова (см. табл.).

Таблица. Датирование палеолитических уровней Барун-Алана 1

Подразделения	**Датировка л.н.**	**Индекс лаборатории**	**Анализируемый образец**
Литологический слой 6, средняя часть	22500 ± 3000	(ГИ СО РАН — 729)	Грунт (кварц)
Литологический слой 6, подошва слоя	35500 ± 4000	(ГИ СО РАН — 733)	Грунт (кварц)
Литологический слой 7, кровля слоя в центральной части раскопа	60000 ± 7500	(ГИ СО РАН — 731)	Грунт (кварц)
Литологический слой 7, кровля слоя в южной части раскопа	75500 ± 7500	(ГИ СО РАН — 732)	Грунт (кварц)
Литологический слой 7, уровень 7а	74000 ± 12000	(ГИ СО РАН — 716)	Грунт (кварц)
Литологический слой 7, уровень 7в	110000 ± 11500	(ГИ СО РАН — 734)	Грунт (кварц)
Литологический слой 7, кровля слоя, контакт со слоем 6	>39800	(СОАН — 6429)	Кость
Литологический слой 7, уровень 7а	> 41000	(СОАН — 6604)	Кость

В 6-м слое определение возраста проведено для среднего уровня, где фиксируется устойчивое преобладание палеолитических артефактов — 22500 ± 3000 л.н., и подошвы слоя — 35500 ± 4000 л.н. Обе даты согласованы между собой. Датировка подошвы 6-го слоя согласуется с радиоуглеродной датой, полученной для уровня контакта слоев 6 и 7.

Верхняя граница возраста каменной индустрии, представленной в культурных горизонтах 7-го литологического слоя Барун-Алана 1, согласно полученным датировкам, приходится на диапазон 39-40 тыс. лет. Две радиоуглеродные даты — >39800 л.н. для кровли слоя 7 и уровня контакта со слоем 6, а также >41000 л.н. для верхнего уровня 7-го слоя — показывают, что основное время развития индустрий 7-го слоя приходится на период древнее 40000 л.н. Как видно, радиоуглеродные даты получены для кровли 7-го слоя, при этом толща слоя продолжается на 1,5 метра ниже этого уровня. Во всем вертикальном срезе толщи фиксируются археологические материалы. Вопрос о нижней хронологической границе индустрии 7-го слоя остается открытым. Датирование средних и нижних уровней 7-го слоя осуществлялось на основе термолюминесцентного метода. Среди термолюминесцентных дат, только одна выбивается из общей последовательности: 60000 ± 7500 л.н., полученная для кровли 7-го слоя в центральной части раскопа. Две другие даты, установленные для верхнего уровня слоя по образцам грунта из других участков раскопа, близки друг другу: 75500 ± 7500 (ГИ СО РАН — 732); 74000 ± 12000 (ГИ СО РАН — 716). Вместе с тем эти три даты размещаются ниже верхней возрастной границы седьмого слоя, определенной

в 40000 тыс. лет. Наиболее древняя дата 7-го слоя Барун-Алана 1 — 110000 ± 11500 (ГИ СО РАН — 734), полученная для уровня 7в, вызывает сомнения, поскольку здесь фиксируется увеличение элементов верхнего палеолита, даже в сравнении с вышележащими уровнями слоя 7. С другой стороны, вся индустрия 7-го слоя нетипична для забайкальского верхнего палеолита пластинчатой направленности и кроме того здесь достаточно много артефактов с заветренными поверхностями, которые нередко подвергались реутилизации. Исходя из этого можно предполагать, что в конце казанцевского — начале зырянского времени процесс накопления рыхлых осадков под скалой был замедленным и одна и та же поверхность служила уровнем обитания на протяжении длительных хронологических отрезков.

Учитывая глубину залегания археологических материалов и приведенные данные по абсолютному датированию можно предполагать, что время функционирования культурных горизонтов 7-го слоя приходится на период от 40 до 75 тыс. л.н. В этом случае становится вопрос о двух линиях развития пластинчатых индустрий в Забайкалье, поскольку толбагинская пластинчатая индустрия, выделенная ранее для начала верхнего палеолита Забайкалья [Константинов, 1994], имеет ряд существенных отличий от индустрии 7-го слоя Барун-Алана 1. В основе отличий следует отметить ряд моментов, характерных для толбагинской индустрии: 1 — преобладают крупные пластинчатые сколы, снятые с подпризматических или плоскостных нуклеусов, генетически связанных с леваллуазской техникой расщепления; 2 — микроиндустрия отсутствует или отмечаются единичные случайные компоненты; 3 — леваллуазская технология представлена в пережиточных формах. В Барун-Алане 1 крупные пластины сочетаются с тонкими, узкими и длинными сколами; призматическая техника расщепления развита и не связана с леваллуазской; леваллуазская техника представлена в классических образцах; микроиндустрия развита [Ташак, 2007]. В плане хронологии индустрия Барун-Алана 1 древнее толбагинской или же они частично сосуществуют. При этом, во время их сосуществования, пластинчатая составляющая толбагинской индустрии находится на стадии становления, а индустрия пластин Барун-Алана 1 выглядит развитой с установившимися призматической и торцовой техникой расщепления каменного сырья. Пути развития индустрии 7-го слоя Барун-Алана 1 после ее смены индустрией 6-го слоя, в настоящее время не ясны и требуются дальнейшие исследования для их выявления.

ЛИТЕРАТУРА

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. — Улан-Удэ; Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН — ЧГПИ, 1994. — 265 с.

Ташак В.И. К вопросу о микролитах на рубеже среднего и верхнего палеолита Забайкалья // **Северная Евразия в антропогене**: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. — Т. 2. — С. 224-231.

Ташак В.И. Геологические эпизоды в археологических местонахождениях // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. — Вып. 2. — С. 206-215.

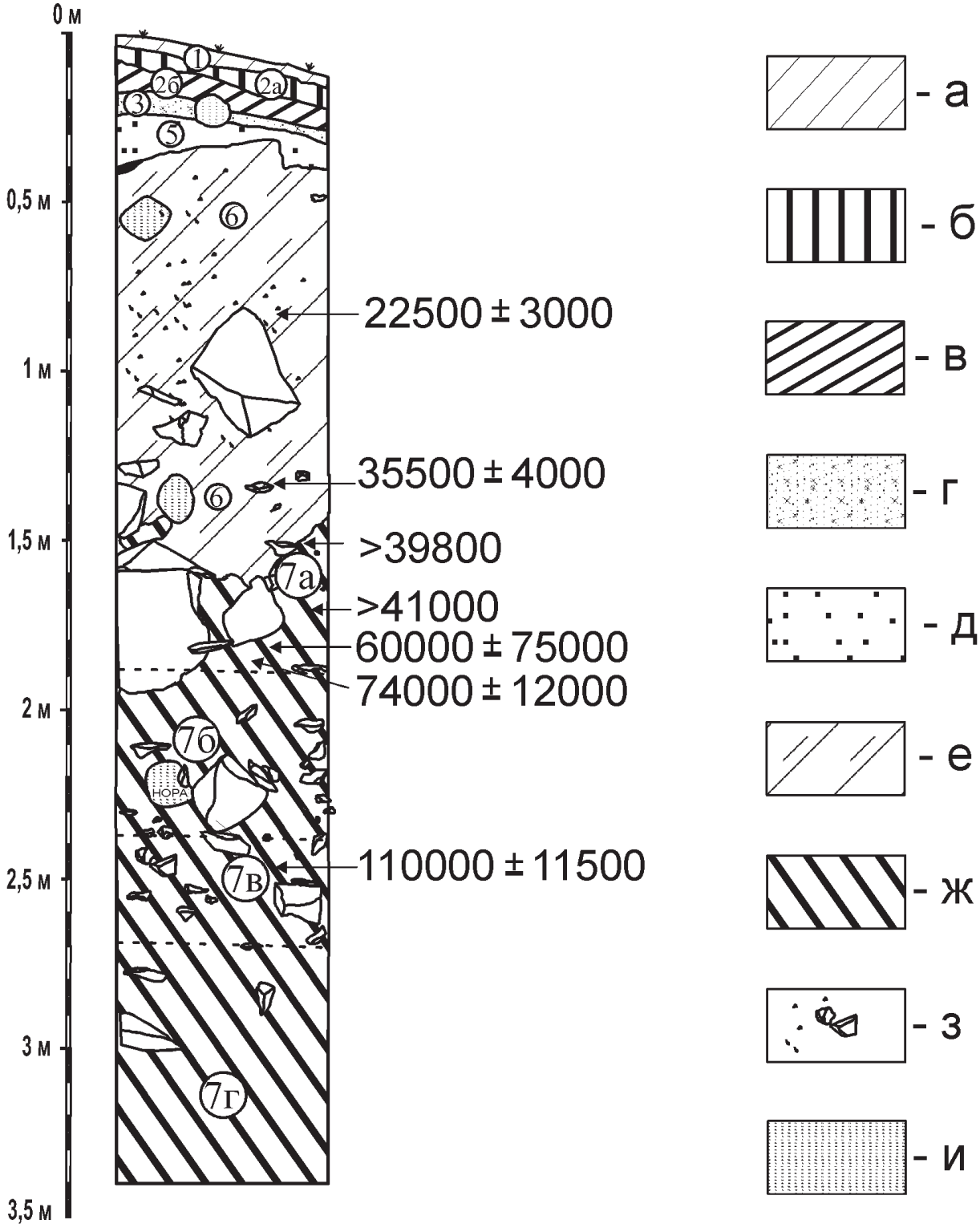


Рис. 1. Стратиграфия Барун-Алана 1.

а – супесь серо-золистого цвета; б – алевро-пески белесого цвета; в – алевро-пески светло-серого цвета; г – супесь серо-коричневого цвета; д – алевриты пылеватые, бело-серого цвета; е – супесь серовато-черного цвета; ж – суглинки палево-желтого цвета; з – камни и щебень; и – заполнение нор

Примечание: литологический слой 4 Барун-Алана 1 фрагментарен и в приведенной колонке разреза отсутствует.

А.В. Тетенькин
Иркутск, Иркутский государственный технический университет

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ВИТИМА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРУППЫ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ КОВРИЖКА I-IV

В 1995 году в ходе работ Нижневитимского археологического отряда Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАиЭ СО РАН-ИГУ на стоянке Большой Якорь I в 2,5 км ниже по течению р. Витим автором и Е.М. Инешиным было открыто новое местонахождение археологического материала Коврижка. По обстоятельствам обнаружения культурных остатков на пляже и в пойменных аллювиальных отложениях 2-ой 17-18-метровой надпойменной правобережной террасы были выделены пункты I и II (Коврижка I-II) [Тетенькин, 1996].

Шурфовочные разведочные работы 1996-1999 годов показали залегание артефактов на всех уровнях борта долины от 9 до 33 метров относительной высоты (Рис. 1). В отложениях 9-11-метровой террасы было выявлено несколько уровней (1, 1а, 1б, 2) залегания переотложенного материала, в том числе комплекс нижнего 2-го культурного горизонта (Рис. 2). Археологические остатки в целом сохраняют приуроченность к вмещающим отложениям подошвы субаэральной пачки, начало аккумуляции которой относится к среднему голоцену. Полученные по углю с уровня 2 к.г. радиоуглеродные даты 6095±135 л.н. (СОАН-4245), 5945±90 л.н. (СОАН-4545) (радиоуглеродный возраст здесь и далее некалиброванный), достаточно надежно коррелировали с имеющимися представлениями о возрасте формирования новейших отложений Мамаканского геоархеологического района [Белоусов и др., 2003]. Наличие ряда общих форм позволило связать комплекс с пляжным материалом. В целом, артефакты демонстрировали аналогии как с сумнагинской культурой Якутии, так и с усть-каренгской культурой Верхнего Витима. Выразительна серия тесел с перехватом, выделенных, как известно, впервые в роли маркера финального мезолита Южного Прибайкалья [Мезолит.., 1971].

С другой стороны, коллекция подъемного материала и раскопок на Коврижке II — 2-ой, 17-18-метровой террасе характеризовалась как ясно выраженный верхнепалеолитический (дюктайский) комплекс (Рис. 3, 4). Основаниями для этого служили клиновидные нуклеусы, бифасы, чопперы и чоппинги, галечные плоскофронтальные нуклеусы, скребла, угловые резцы на атипичных отщепах, зубчато-выемчатые изделия, скребки. Дополнительным аргументом в пользу палеолитического — финальноплейстоценового возраста являлось гипсометрическое положение террасы на отметках 17-18 метров, что на 3-4 метра выше местонахождения Большой Якорь I, датированного в пределах 11,5-12,6 т.л.н. [Белоусов и др., 2003].

К моменту открытия Коврижки известными, относительно хорошо изученными памятниками Нижнего Витима были Большая Северная, Авдеиха [Мочанов, 1977] и Большой Якорь I [Белоусов и др., 1990]. Благодаря тщательным многолетним исследованиям последних двух объектов наибольшее освещение в регионе получила тема финального палеолита. В целом, археология голоцена оставалась малоизученной. С открытием стратифицированного комплекса Коврижки I, обеспеченного радиоуглеродными датами, открылась и эта перспектива. Впервые для Нижнего Витима была определена специфика культуры среднего голоцена как имеющей признаки культурного влияния регионов Прибайкалья и Якутии [Тетенькин, 2000]. Характеристика ансамблей 3, 3А, 4 к.г. Коврижки II как верхнепалеолитических поставила Коврижку в ряд с палеолитическими объектами Авдеиха и Большой Якорь I.

В 2001 году на Коврижке II был открыт нижний, 5-й культурный горизонт. Полученная по нему (углю из очага) дата 11190±390 л.н. (СОАН-4543) в целом оправдывала представления

о финальноплейстоценовом возрасте аллювия 2-й террасы, хотя и была моложе датировок плейстоценовых комплексов Большого Якоря I.

Новым сюжетом стало открытие во 2 культурном горизонте Коврижки II искусственной кладки. Выявлена округлая в плане конструкция из плит, организованных вокруг верхушки скального останца. Верхушка останца частично составляет линию из вертикально торчащих плит, делящую кольцо кладки на две примерно равные половины и ориентированную почти строго на север. Диаметр конструкции около 3,6 м. Площадь обоих половин заполнена камнями кладки. Среди плит кладки найдены немногочисленные отщепы и один клиновидный нуклеус.

С 2001 года исследования Коврижки проводятся автором в рамках Бодайбинского отряда Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета.

2002-2003-й годы принесли существенные изменения в представлениях об археологии Нижнего Витима. Раскопки Коврижки II дали важные сведения к пониманию тафономии основных 3 и 4 культурных горизонтов. Был открыт 4А горизонт. В 5 к.г. раскопан очаг с немногочисленными культурными остатками. Интересно, что он был устроен почти впритык к скальному останцу. Несомненно, последний в этой деятельностной ситуации играл роль ветрового и визуального укрытия. Чрезвычайно интересно также, что по 3 и 4А горизонтам получены 14С даты в районе 8,2 т.л.н. (8180±130 л.н. (СОАН-5277) по 3 к.г. и 8230±100 л.н. (СОАН-5276) по 4А к.г.). Исходя из них, следовало признать, во-первых, голоценовый возраст верхнепалеолитической по облику индустрии. Во-вторых, что схема Ю.А. Мочанова (1977) о смене дюктайской и сумнагинской культур Якутии на Нижнем Витиме не работает. В-третьих, финал пойменного аллювиального осадконакопления 17-18-метровой террасы приходится на ранний голоцен и синхронен накоплению аллювия на более низких 9-11-метровых террасах.

Отнесение 3-4А культурных горизонтов на основании радиоуглеродного датирования к раннему голоцену имеет и общеметодологическое значение. А именно: в очередной раз было показано, что типологическая характеристика ансамбля не может быть единственным и самостоятельным способом его культурно-хронологического отнесения. И это актуально, поскольку, например, ни один из объектов соседней реки Олекмы, отнесенных к дюктайской культуре [Алексеев, 1987], не обеспечен радиоуглеродным датированием. Из более ранних и показательных прецедентов достаточно вспомнить переоценку возраста китойской культуры в результате 14С-датирования [Мамонова, Сулержицкий, 1989].

В эти же годы Е.М. Инешиным и А.В. Тетенькиным получены новые материалы с местонахождения Инвалидный III (Инешин, Тетенькин, 2005). Этот объект расположен в 5 км по течению от Коврижки I-IV, на правом же берегу Витима, напротив устья р. Мамакан. По имеющимся на сегодня знаниям, он представляет собою серию надпойменных причлененных тел 9-10-метровой террасы, формировавшихся в течение раннего-среднего голоцена. Выявленные пункты 1 и 2 разделены расстоянием в 400 м и принадлежат именно к разновозрастным причлененным телам. В комплексе 1 культурного горизонта пункта 1 (раскопа 1) был найден клиновидный нуклеус из бифаса с ударной площадкой, образованной снятием лыжевидного скола, т.е. в технике аналогичной технике микрорасщепления в 3А-9 культурных горизонтах Большого Якоря I. При этом по кости из слоя получена дата 6120±70 л.н. (СОАН-5166). В целом, каменный материал в коллекции немногочислен. Но имеющийся наряду с нуклеусом лыжевидный скол, отщеп point-flake, снятый с бифаса, четкая стратиграфическая позиция всех артефактов не позволяют усомниться в достоверности результатов, а именно существования техники «юбецу» — изготовления нуклеуса из бифаса продольным рассечением и снятия с торца микропластин — в среднем голоцене. Таким образом, открыт второй после Коврижки II пункт, содержащий раннеголоценовый археологический материал с типологическими признаками, относимыми в Якутии к палеолиту.

Второй пункт местонахождения Инвалидный III (раскоп 2) доставил микропластинчатый комплекс сумнагинского облика возрастом около 9 т.л.н. (8925±140 л.н. (СОАН-4884)).

Индустрия отлична от вышеописанных наличием призматических микронуклеусов, преобладанием в дебитаже микропластин, а в сырье — светлого яшмовидного кремня. Наибольшие аналоги обнаруживаются в коллекциях Большой Северной и Коврижки I — 2 к.г. и пляжа. На Инвалидном III — пункте 2 в слое было найдено тесло с перехватом. Таким образом, нижневитимская серия тесел этого типа пополнилась датированным и стратифицированным образцом. Важным элементом коллекции является концевой скребок на бифасе длиной 3,8 см и шириной 1,9 см. Если по остальным признакам инвентарь этого культурного горизонта может быть соотнесен с сумнагинской культурой Якутии, то факт наличия бифаса из схемы выпадает, поскольку для сумнагинской культуры постулируется именно отсутствие бифасов.

Основным итогом этой стадии исследований на Нижнем Витиме стало открытие параллельного сосуществования в голоцене в пределах как минимум 9-6 тыс.л.н. технико-типологически отличных друг от друга комплексов дюктайского верхнепалеолитического и сумнагинского мезолитического (или, по терминологии Ю.А. Мочанова (1977), эпипалеолитического) облика. Внутри самой верхнепалеолитической группы памятников вместо ожидаемого технико-типологического единства, мы наблюдаем ряд существенных отличий между Авдеихой и Коврижкой II, с одной стороны, и Большим Якорем I и Инвалидным III — пунктом 1, с другой. Ансамбли Авдеихи и Коврижки II (3-4А к.г.) не содержат типичных для Большого Якоря I трансверсальных резцов, нуклеусов-юбецу (последние на Авдеихе есть в единичном представительстве). Вместо них — клиновидные нуклеусы с площадкой, оформленной несколькими короткими сколами, снимающими лишь часть ребра бифаса-преформы на проксимальном конце, и угловые резцы на отщепах случайных форм. Не смотря на выявленную возрастную разницу около 4 т.л.н. между Авдеихой и Коврижкой II (3-4А к.г.), ансамбли обоих местонахождений обнаруживают значительные сходства между собой в типологии всех основных групп инвентаря.

В 2003 и 2007 гг. на Коврижке были продолжены работы на 3-ей 22-метровой террасе, где первые артефакты выявлены еще в 1996 году. По итогам выделено новое местонахождение Коврижка III. Материал залегает в нескольких (1, 1А, 2 к.г.) уровнях в пачке склоново-делювиальных отложений. В 1А культурном горизонте раскопано кострище-очаг, давшее 14С-дату 8135±120 л.н. (СОАН-7027). Материал немногочисленен.

В нижнем — 2 к.г. выявлены очаги, плиты-наковальни, линии плит, возможно, являвшиеся остатками единой конструкции. Материал приурочен к ним, хотя и наблюдается вертикальный разнос в диапазоне до десятка сантиметров. В целом, по имеющимся сегодня представлениям планиграфический рисунок сохранил стояночную композицию. Например, два микронуклеуса были найдены на плитах. Скопления артефактов приурочены к плитам и очагам. Зафиксированы следы паводка, размывшего оба очага 2 к.г. и стратиграфически разделившего комплекс от верхних 1 и 1А культурных горизонтов. Получена 14С-дата по 2 к.г. — 10940±150 л.н. (СОАН-7029). Раскопки на Коврижке III — 2 культурном горизонте дали вместе с архаичными отщеповыми плоскофронтальными нуклеусами, чопперами, бифасами несколько отличные от большеякорских диагональные-трансверсальные резцы, угловые резцы на отщепах, отщепы с краевой ретушью, скребок с черешком и ряд разнородных микронуклеусов: торцовый на отщепе, клиновидный, клиновидный с фронтом, глубоко заходящим на латераль, подпризматический на кристалле горного хрусталя (Рис. 5, 6). Интересна в данном случае не только разнородность техник микрорасщепления, но и появление признаков зарождения призматического микрорасщепления.

Еще одним итогом 2007 года стало открытие на 1-ой, 11-метровой террасе Коврижки нового пункта, отделенного от Коврижки I ложком и получившего обозначение Коврижка IV. В отличие от Коврижки I было выявлено стратиграфически нормальное залегание культурных остатков в пойменных аллювиальных (3, 4, 5 культурные горизонты) и в субаэральных склоновых осадках (1 и 2 культурные горизонты). С уровня 5 к.г. на глубине 1,15 м был обнаружен столбик норы землеройного животного высотой около 8 см, перекрытый аллювием. Из угля в его заполнении

получена дата 7940±205 л.н. (СОАН-7294). В 5 к.г. найдены микропластины, скребок, резец, зуб снежного барана (определение А.М. Клементьева).

Датированная по образцам из Коврижки I и IV, II, III лестница 10-11-ти, 17-18-ти и 22-метровой террас (Рис. 1) играет важную роль в понимании происходящих на рубеже плейстоцена-голоцена процессов осадконакопления. Как видно, даты по Коврижке II и III приблизительно совпадают и позволяют нам выделять два периода обитания террас: 11,0 и 8,2 т.л.н. Причем, 11 тысяч лет назад 22-метровая терраса Коврижки III, в основном, уже была в стадии субаэрального осадконакопления, за исключением зафиксированного паводкового эпизода, а 17-18-метровая терраса Коврижки II периодически затоплялась. Начало аккумуляции обоих террас, очевидно, следует отнести ко 2-ой половине сартана.

Пятый культурный горизонт Коврижки IV, расположенной на 10-11-метровой террасе, имеет дату около 7,9 тыс.л.н. Начало стадии субаэральной аккумуляции этой террасы маркировано датами по 2 к.г. Коврижки I около 6,0 тыс.л.н. Дата с 5 к.г. Коврижки IV показывает, что данный участок долины около 8000 лет назад был обитаем на всех трех нижних террасовых уровнях. На первой террасе шел процесс активного пойменного аллювиального осадконакопления, на второй террасе в это время пойменное осадконакопление находилось в фазе затухания. На третьей террасе Коврижки в это время уже формируются субаэральные осадки склоново-делювиального генезиса.

Полученные результаты датирования отложений лестницы нижних витимских террас, на наш взгляд, валидны, благодаря непротиворечивой хроностратиграфической последовательности для всех трех колонок и их взаимокоррелируемости. Один из важных выводов, на наш взгляд, в том, что в финальном плейстоцене и раннем голоцене происходила синхронная аллювиальная аккумуляция 22 и 18-ти и 18 и 10-метровой террас соответственно.

Другой вывод следует о прибрежном характере организации стоянок человеком. По мере формирования новых террасовых тел человек двигался следом. Любопытным свидетельством отступления людей на более высокие участки долин в периоды повышенного обводнения, или наоборот спускания на временно обсыхающие пониженные участки рельефа, стали единовременные в интервалах 11,0 и 8,2-8,0 т.л.н. культурные горизонты стоянок Коврижка II и III, II и IV. В этот период рубежа плейстоцена — раннего голоцена Витим был в целом менее крупным и водным, чем в современном своем состоянии, имел старицы и протоки (Белоусов и др., 2002). Вместе с тем таяние ледников в горах, возможно также прорывы подпрудных приледниковых вод обусловили высокие паводки и отложение аллювия на террасах разной высоты и изначально разного возраста. Пологий ступенеобразный склон долины местонахождения Коврижка 3 на высотах от 22 до 33 метров, судя по разведочным шурфам, широко обживался людьми, начиная от финала плейстоцена. Все стоянки имели в различной степени кратковременный, сезонный характер. В случае культурных остатков в аллювии Большого Якоря I, Коврижки II и III, Инвалидного III можно утверждать, что люди селились на открытых береговых слабооблугованных поймах. На стоянке Коврижка II в 5 культурном горизонте (11,0 т.л.н.) выявлена ситуация выбора места для кратковременного очага за скальным останцом, сыгравшем здесь роль «ветрового заслона», укрытия со стороны Витима.

Датирование лестницы террас на группе местонахождений Коврижка I-IV играет ключевую роль для понимания общей картины динамики новейшего рельефообразования Мамаканского геоархеологического района. Полученные результаты позволяют характеризовать нормальное залегание отложений последних, как минимум, 11000 лет в системе трех террасовых тел.

В результате исследований группа местонахождений Коврижка I-IV заняла положение одного из опорных геоархеологических полигонов Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья с растущей перспективой тематического изучения истории культуры древнего населения, вопросов геоархеологии финального плейстоцена — голоцена.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Н. Каменный век Олекмы. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. — 128 с.

Белоусов В.М., Инешин Е.М., Бураков К.С., Начасова И.Е. Некоторые итоги изучения плейстоценовых отложений археологических памятников Нижнего Витима // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. — Новосибирск, 1990. — С. 60-65.

Белоусов В.М., Инешин Е.М., Сулержицкий Л.Д., Тетенькин А.В. Модель формирование рельефа Мамаканского геоархеологического субрайона // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. — Иркутск, 2002. — Вып. 2. — С. 21-42.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — Ч. 1. — С. 96-104.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. — 1989. — № 1. — С. 19-32.

Мезолит Верхнего Приангарья. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1971. — Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. — 242 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1977. — 264 с.

Тетенькин А.В. Исследования многослойного объекта Коврижка на Нижнем Витиме // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. — Вып. 2, ч. 1. — С. 117-146.

Тетенькин А.В. Коврижка — новый многослойный объект Нижнего Витима // Археология и палеоэкология Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1996. — Ч. 1. — С. 104-107.

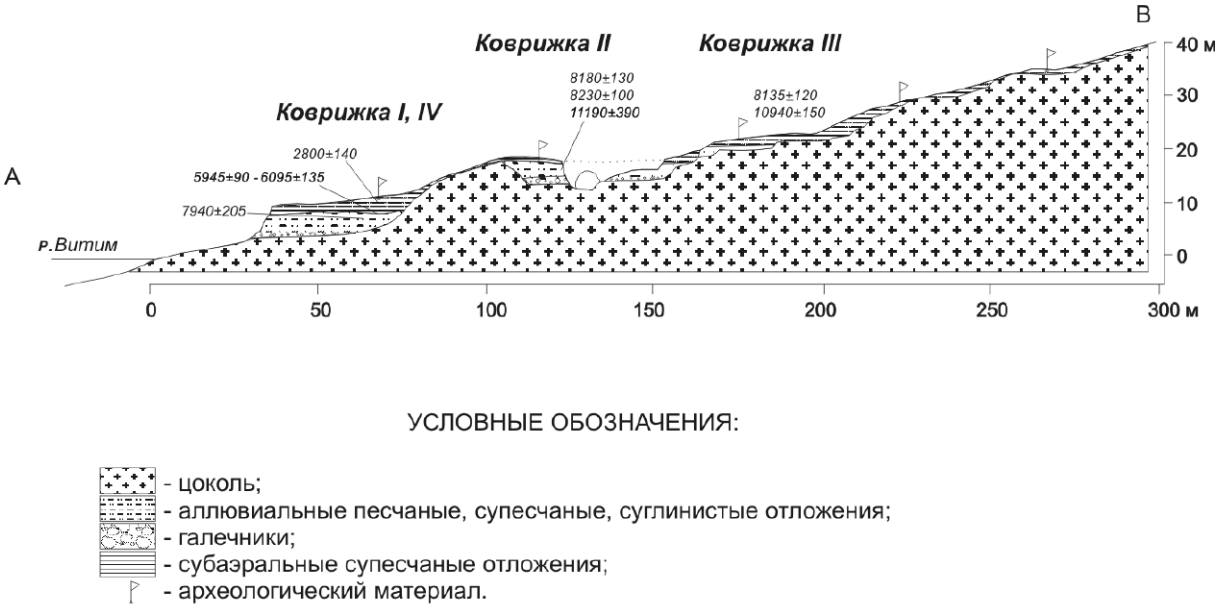


Рис. 1. Профиль правого борта долины р. Витим на участке местонахождений.

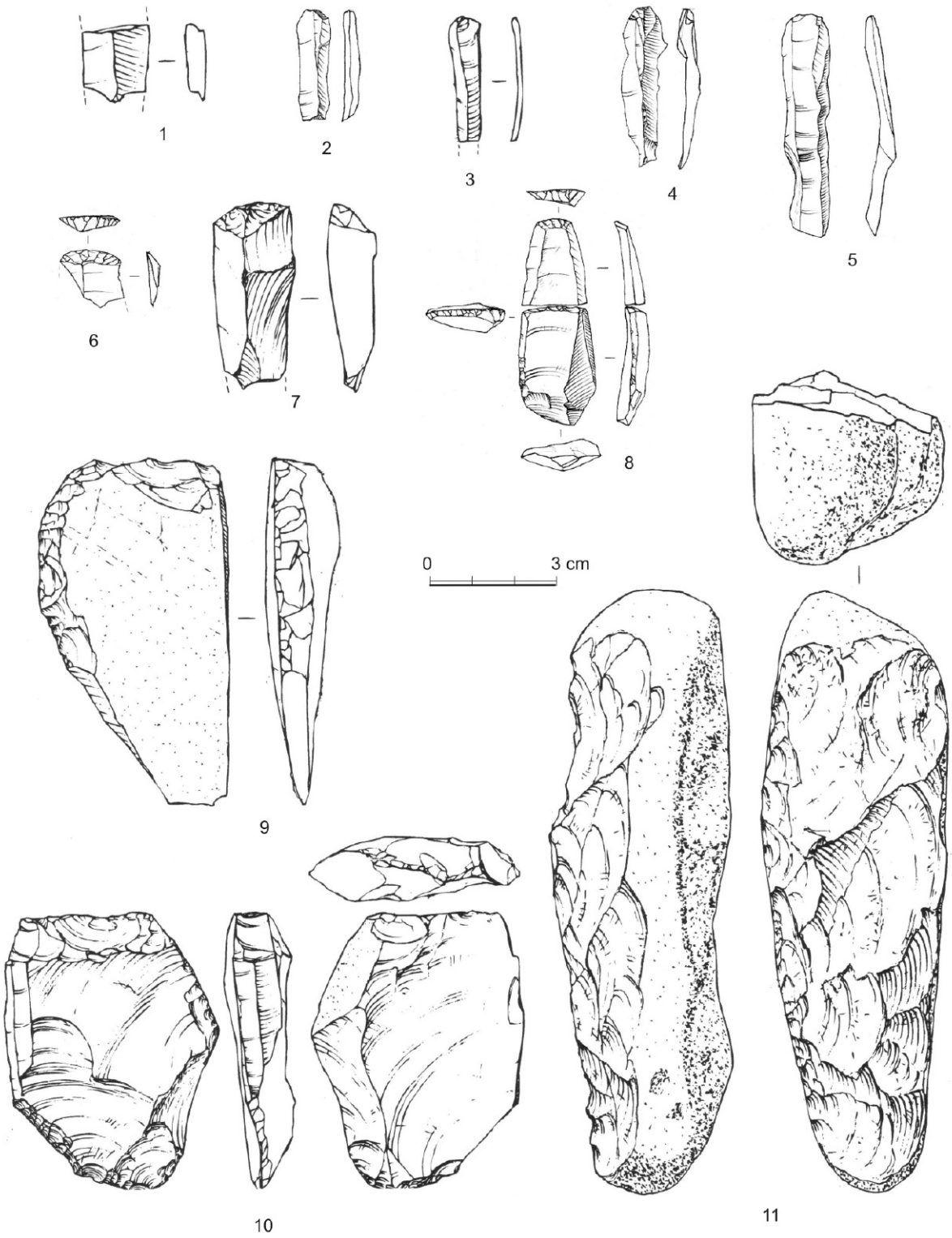


Рис. 2. Местонахождение Коврижка I: 2 культурный горизонт.

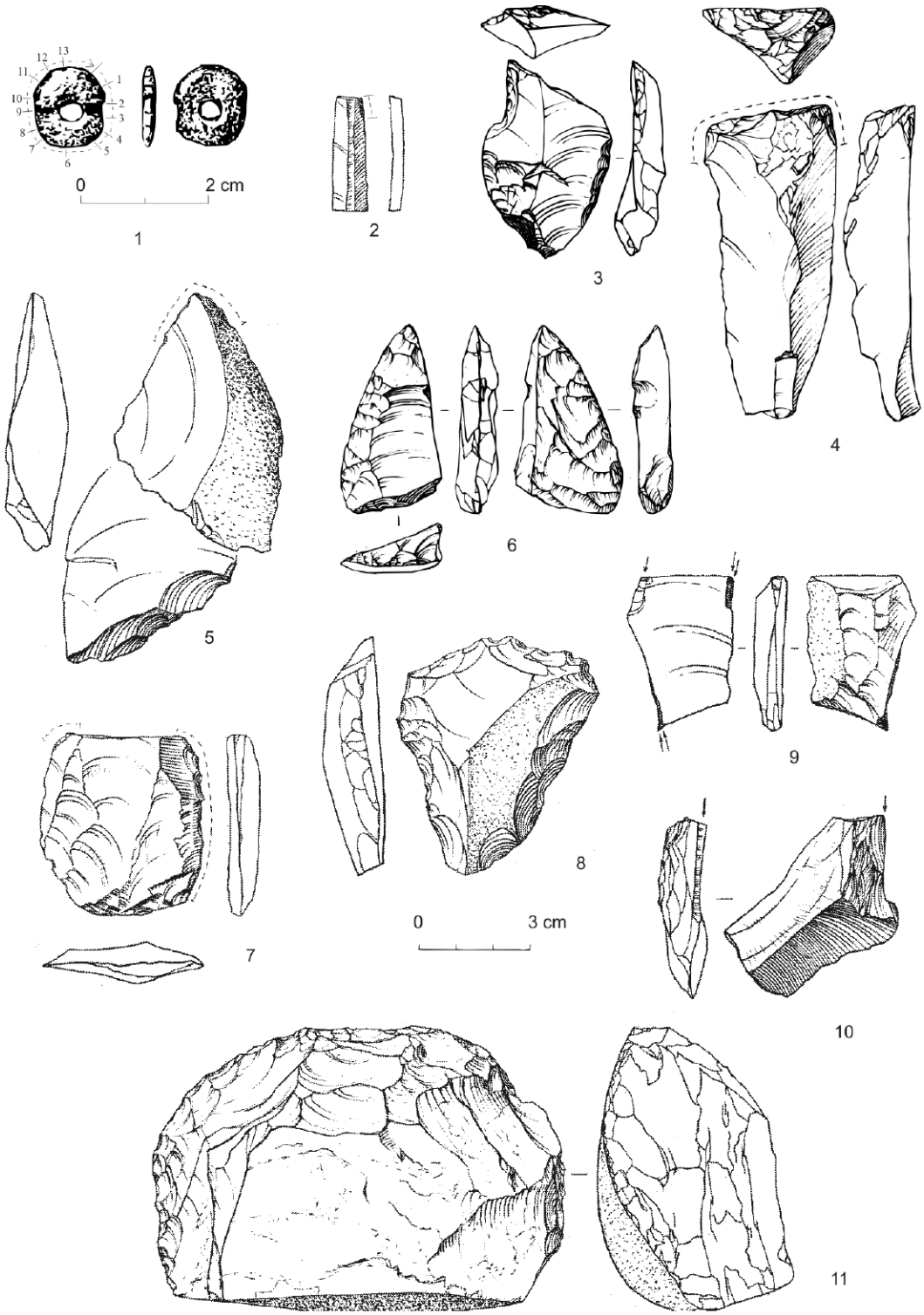


Рис. 3. Местонахождение Коврижка II: 1 - 7, 9 - 11 - 3 культурный горизонт; 8 - 4А культурный горизонт.

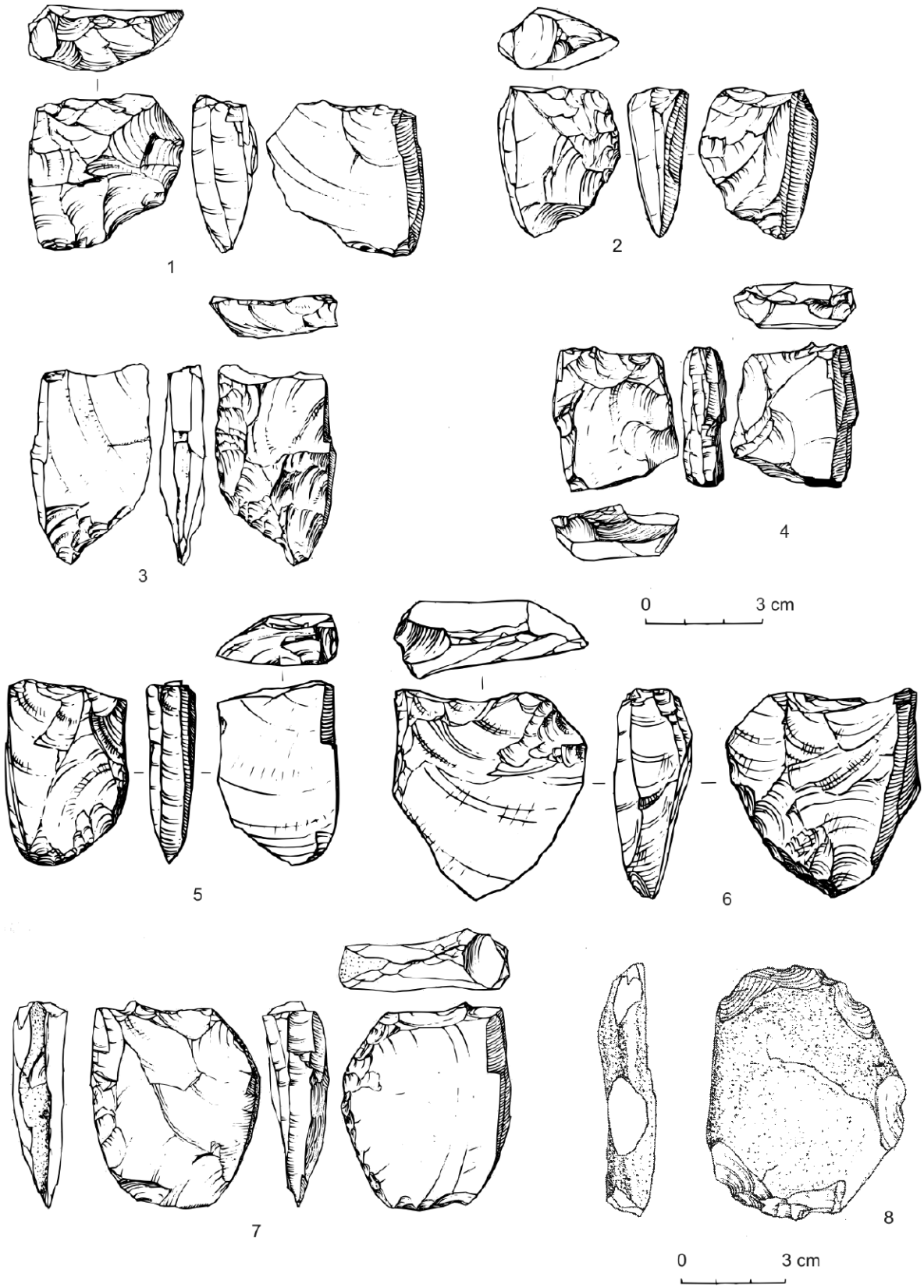


Рис. 4. Местонахождение Коврижка II: 1 - 1 культурный горизонт; 2 - 2 культурный горизонт; 3 - 7 - 3 культурный горизонт; 8 - 5 культурный горизонт.

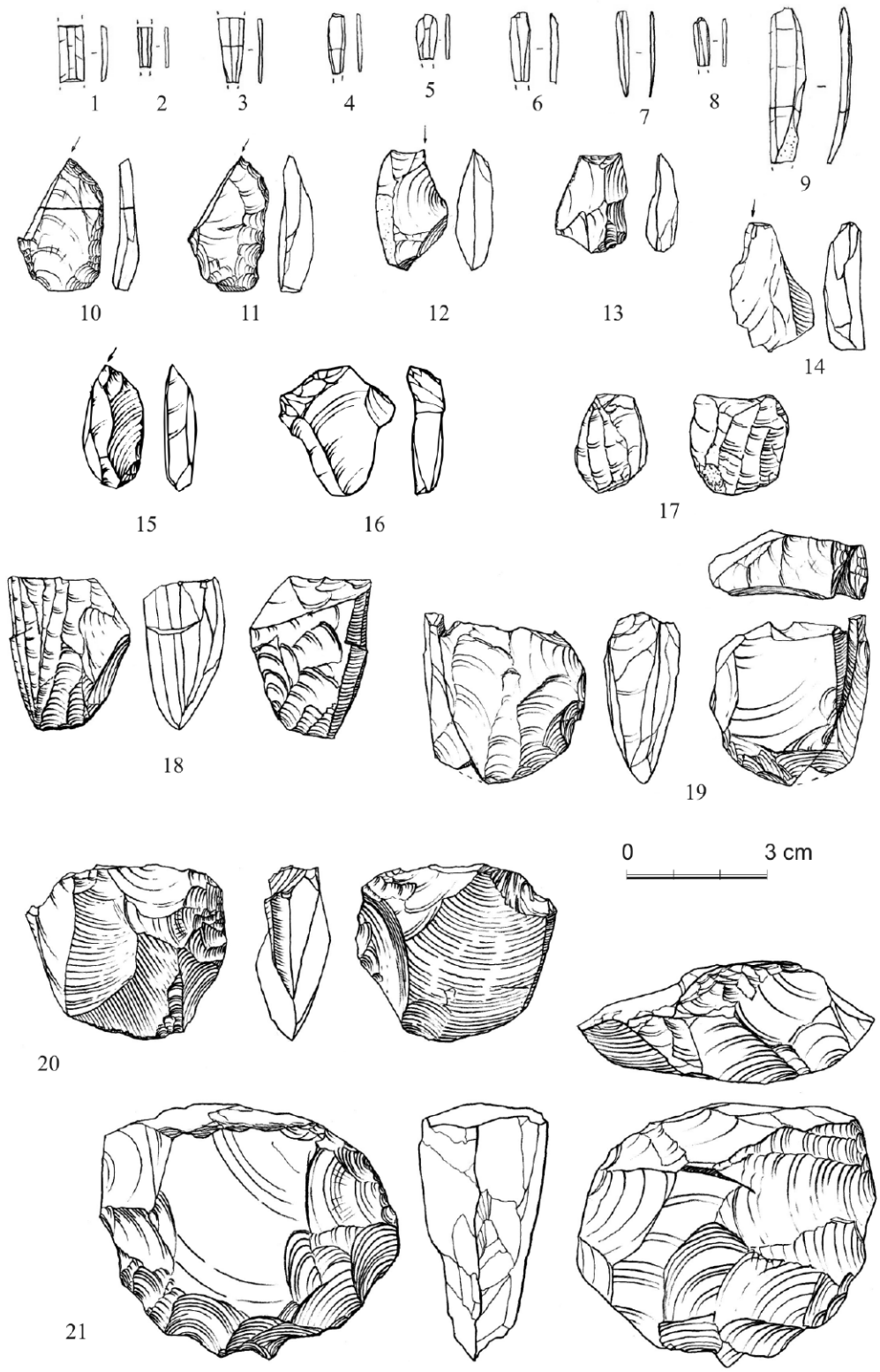


Рис. 5. Местонахождение Коврижка III: 2 культурный горизонт.

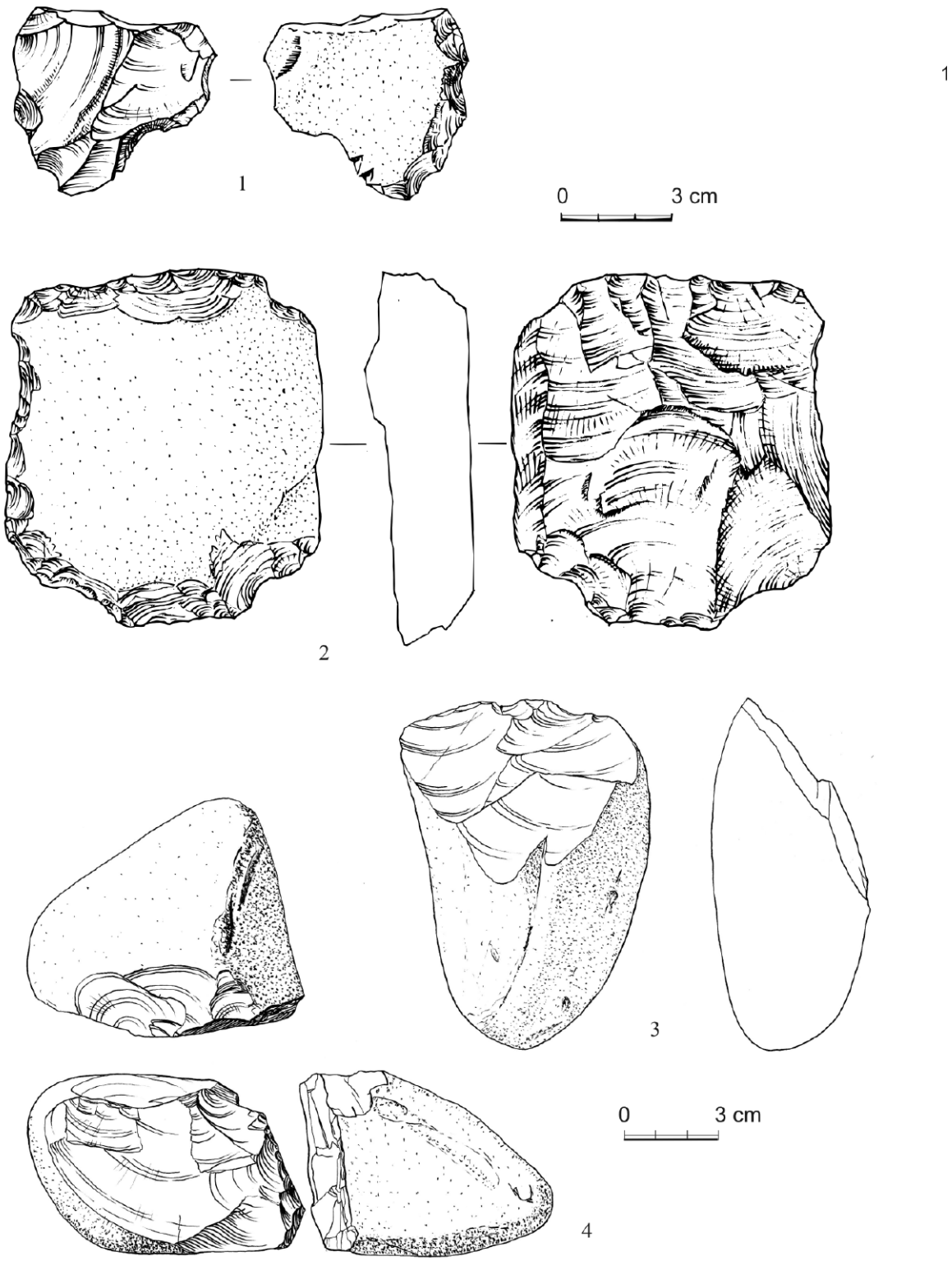


Рис. 6. Местонахождение Коврижка III: 2 культурный горизонт.

Н.В. Цыденова
Улан-Удэ, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТА — РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЯРЦАХ БАЙКАЛЬСКИХ

Памятник расположен на восточном берегу оз. Байкал в Прибайкальском районе Республики Бурятия. Открыт в 1963 г. П. Б. Коноваловым в ходе разведочных работ Байкальской экспедиции Бурятского КНИИ СО АН СССР. Тогда же производились первые раскопочные работы на памятнике. Поскольку подъемный материал в основном фиксировался в обнажениях береговой террасы, постоянно разрушаемой водами оз. Байкал, раскопы были заложены западнее старой гужевой дороги Верхнеудинск — Усть-Баргузин [Коновалов, 1964]. В результате увеличения уровня водного зеркала озера раскопы 1963 года сегодня оказались на самом краю, по береговой линии. Материалы, полученные в ходе этой экспедиции, были использованы в работе В.В. Свинина [Свинин, 1970]. В полевой сезон 2006 г. экспедиционный отряд ИМБТ СО РАН под руководством Н.В. Цыденовой проводил раскопочные работы на местонахождении Ярцы Байкальские.

Оказалось, что площадь памятника больше, чем представлялось ранее и выходит за рамки границ, установленных в 2001 г. [Конев, Базаров, 2001]. На протяжении около 1 км, отдельными локальными «пятнами» фиксируется стояночный материал эпохи неолита — раннего бронзового века. Причем, как на безлесой береговой террасе, так и в залесенной части прибрежной зоны. Наибольшая концентрация археологических материалов, вероятно, была приурочена к террасоувалу, холмистой возвышенности удаленной примерно на 70-100 м от современной береговой линии. К этому же холму оказались привязанными также кладки ритуального характера бронзового века и средневековья. От всего данного комплекса остались только восточная и юго-восточная периферийные части. Сама же верхушка холма, а с ней и центр концентрации археологических материалов, разрушены старым карьером. Вероятно, еще в советские времена здесь была произведена выемка грунта при строительстве дороги, для ее отсыпки.

Раскопочные работы велись вдоль автомобильной дороги. Для определения границ памятника производилась шурфовка. Раскопы же разбивались на отдельных площадях с археологическим материалом, примыкающих к участкам расширения автодороги, поскольку материал фиксировался на разных участках, не сплошной линией.

Раскопами №№ 3 и 4, расположены друг за другом, по линии север — юг и соединенных. Заложены они были вплотную к кювету автодороги.

Стратиграфия (описание дается по раскопу 4).

Слой 1 — дерновый слой, небольшой мощности.

Слой 2 — темно-серая (практически черная) тонкозернистая супесь, включает отдельные угольки, небольшое количество некрупных дресвичек, гумусированная. По структуре слой плотный, слежавшийся. Нижняя граница слоя очень ровная, снивелированная. Иногда в нем встречаются редкие и тонкие линзы желтоватого песка, а также линзы угля.

Слой 3 — сильно опесчаненный суглинок рыжевато-коричневого цвета (ржавого). Плотный, средней сыпучести. Иногда в нем встречаются угольки или углистые линзы (западная и восточная стенки). Песок включается крупнозернистый.

Слой 4 — встречается преимущественно линзами, серый глинистый слой. Плотный в основании, а местами в серый цвет окрашивается и песок, как в середине восточной стенки. Слой сильно опесчаненный, местами содержание песка очень высокое, местами меньше. Слой очень плотный.

Слой 5 — крупнозернистый песок палевого цвета (от палевого до темно-бурого), сыпучий.

Слой 6 — крупнозернистый песок, несколько более темного цвета, чем предыдущий.

Здесь зафиксировано два культуросодержащих горизонта.

В верхнем горизонте (в слое 2) найдены фрагменты тонкостенных сосудов с оттисками подпрямоугольной формы отступающей лопатки, венчики которых прямые по срезу и несут в некоторых случаях орнаментацию в три ряда выпуклин-горошин. В инвентаре имеются подконусовидные нуклеусы, микроскребки, микропластинки и двустронне — ретушированные подтреугольной формы наконечники стрел, круглой формы нож на серой сланцевой плитке (рис. 1 -1-6, 8). Материалом для каменных изделий служили халцедон, яшмоиды, кремнистый сланец (?), реже кварцит. Найдены также неопределимые обломки бронзовых изделий и капельки застывшего бронзового сплава. Материалы концентрируются вокруг пятен временных кострищ, что подтверждает временный и вероятно сезонный характер заселения местонахождения. Интересной находкой является шлифованное изделие из камня (шиферного сланца) — стерженек составного рыболовного крючка (длина 5 см, толщина 0,6 см): уплощенный, прямой, с боковой выемкой в основании, с кольцевыми нарезками в верхней части («байкальский тип») (рис. 1 -7). Здесь же найдены кости животных.

В нижележащем культурном горизонте (слой 3) фиксировались фрагменты керамики с оттисками технического декора — штриха, от тонкостенных сосудов. Тесто опесоченное, более рыхлое, чем у фрагментов вышележащего горизонта. Венчик прямой, по срезу имеет оттиски отступающего стека (рис. 1 -9, 10, 12). Из каменных изделий встречены: торцовый клиновидный нуклеус, отщепы, скребки, пластинки — из яшмоидов, реже халцедона и других материалов (рис. 1 -11). В раскопах наблюдались углистые пятна с неровными очертаниями. Все это остатки временных кострищ. Обкладка очага наблюдалась только в одном случае — в виде сложенных под небольшим наклоном друг к другу двух каменных плит небольшого размера. Возможно, такое обустройство очага было удобным для установки остро- или круглодонного сосуда. Вокруг камней обкладки имелись угольки, прокала почвы не зафиксировано, вероятно, огонь был разовым.

Раскоп № 5, заложен примерно в 90 м севернее от предыдущих.

Стратиграфия.

Слой 1 — дерновый слой, довольно мощный, с развитой корневой системой травянистой растительности.

Слой 2 — небольшой по мощности слой серо-черноватой гумусированной супеси, тонкой по структуре, однородной.

Слой 3 — супесь с включением среднезернистого песка, тонкозернистого в основе с вкраплениями угольков, цвет — рыжевато-коричневатый. Слой плотный.

Слой 4 — песок средне и крупнозернистый, рыхло-сыпучий, желтовато-бежевого цвета.

Слой 5 — суглинок светло-серого цвета, очень плотный, вклинивается отдельными линзами в вышележащий слой.

Слой 6 — песок крупнозернистый, слабослоистый, основной цвет — рыжий, местами серовато-зеленоватые вкрапления. Слой плотный.

В северо-восточной стенке — линза прокала рыжего цвета, под слоем 3.

Здесь, в данном раскопе также зафиксировано два уровня залегания находок.

В культурном горизонте 1 (31 экз.) — на уровне литологического слоя 3 — зафиксированы неорнаментированные фрагменты керамики, каменные отщепы и сколы, наконечник стрелы с двусторонней обработкой из светло-коричневого кремнистого сырья, длиной около 6 см, форма близка к лавролистной, но базальная часть практически прямая (рис. 1 -13, 14). Находки фиксировались по обе стороны от линзы белесовато-серого суглинка, оставшегося от возможного русла небольшого ручейка или просто небольшого временного водотока.

Следующий уровень, на котором был зафиксирован археологичексий материал, представлен единичными предметами — 2 экз. — кварцитовым скреблом и сколом, которые приурочены к нижней части вышеописанной линзы белесовато-серой глины.

Возможно, эти предметы были «вымыты» и принесены водотоком, и имеют более раннюю дату по сравнению с находками 1-го культурного горизонта.

В раскопе № 7, заложенном с восточной стороны старого карьера, было выделено несколько культурных горизонтов.

Стратиграфия. Описание южной стенки.

Слой 1 — дерновый слой, мощность около 10 см, заполнен корневой системой кустарников и т.д.

Слой 2 — супесь серая, пылеватая, тонкая, включает небольшое содержание мелко и тонкозернистого песка. Слой плотный, но небольшой по мощности.

Слой 3 — желтовато-палевый (бежевый) слой супеси, слабо оглиненной, с включением среднезернистого песка. Основа тонкая, пылеватая.

Слой 4 — линзовидный слой светло-серой (белесоватой) глины, слабо опесчаненной, плотной. Проявляется в разных частях раскопа по-разному: в северо-восточной — наибольшая мощность, в западной — меньше.

Слой 5 — песок сыпучий, но довольно плотный, рыжий (от светлых до насыщенных оттенков), крупнозернистый. Видимая мощность небольшая.

По южной стенке слой 4 — более мощный, по северной стенке Г2-Г3 фиксируется прокал, угли — линза, в которой был сосуд (к.г. 2).

К западной стенке мощность почти всех слоев больше, хотя идут они в той же последовательности.

Археологический материал здесь залегал в нескольких стратиграфических позициях. В целом на площади раскопа зафиксирована интересная ситуация. Материалы же неолита — раннего бронзового века фиксировались с литологического слоя 3.

Практически на стыке литологических слоев 2 и 3, в самом верху слоя 3 выделен культурный горизонт 1 в. Здесь на площади квадратов Б 8 — Б 9 зафиксированы фрагменты сосуда, орнаментированного горизонтальными поясами пунктирного орнамента, прерывающегося столбцами, состоящими из коротких линий оттисков того же штампа, только косо поставленного. Венчик по срезу прямой. Техникой нанесения пунктирного орнамента является прокатывание зубчатого колесика (рис. 1 -15-18). Рядом найдены каменные пластинки, подконусовидных форм нуклеусы и т.д. (рис. 1 -19). Имеется «даурское» острие на микропластинке, оформленное латеральной ретушью с вентральной стороны.

Данные материалы, вероятно, следует отнести к выкладке из камней, заложенной на уровне подошвы литологического слоя 2 и кровли нижележащего 3-го (культурный горизонт 1 в).

Форма подовальная, несколько вытянутая по оси север-юг. Сложена кладка из трех рядов камней. Среди камней первого (верхнего) ряда фиксировались мелкие обломки костей, фрагменты керамики. Найдены галечки небольшого и среднего размеров, красного цвета продолговатый камень-галька, отбитый с двух концов. После снятия первого ряда камней и расчистки выявились три уплощенных камня поставленные на ребро и «лицевыми» плоскостями обращенные на восток. На поверхностях этих камней (манупортов) имеются естественные рельефные «изображения». При разборе нижнего (третьего) ряда камней кладки замечено, что нижний камень (плоский) лежал на одной из сторон (плашмя) и перекрывал неглубокую ямку овальной формы с размерами 20-30 см, глубиной около 10 см. Грунт заполнения ямки отличался значительной рыхлостью и более светлым оттенком по сравнению со слоем 5, в котором она была прокопана.

В западной части раскопа, граничащей с восточным краем старого карьера, в слое 3, был найден во фрагментированном виде, сосуд. Вокруг его остатков фиксировались пятна прокала и углей. Стенки сосуда тонкие, гладкие. Венчик профилированный — слегка отогнут во внешнюю сторону. Орнамент располагается поясами в верхней части сосуда. Срез венчика орнаментирован косыми насечками. По краю венчика идет пояс в три ряда «жемчужин», ниже расположены плотные горизонтальные ряды широкой подтреугольной (зубчатой) отступающей лопатки, прерывающиеся столбцами из зигзагообразной линии оттисков того же штампа. Диаметр устья около 20 см, вероятная высота сосуда около 30 — 35 см (рис. 1 -20).

После разбора «пятна» с остатками сосуда глубже обнажилось продолжение в виде следующего «пятна» светлого цвета — контуров округлой в плане ямы. В верхней ее части найдены фрагменты керамики с более рыхлой и более песчаной структурой теста, и более хрупкие и тонкие по сравнению с остатками вышеописанного сосуда. Фрагменты носят оттиски отступающей лопатки (с мелкозубчатый окончанием) и штриховой технический декор (рис. 1 -21, 24, 25, 26). Тут же найдены наконечник стрелы «даурского» типа, микропластинки и т.д. (рис. 1 -22, 23, 27). Ниже после снятия находок ближе ко дну ямы обнажился контур трапециевидной формы некоей обугленной деревянной конструкции. Далее разбор по профилю этой конструкции показал, что она, видимо, являлась какой-то емкостью, вероятно, чем-то вроде плетеной из тонких прутьев корзины, поставленной на дно неглубокой ямы.

На остальных площадях раскопа № 7 в данном культурном горизонте, обозначенном номером 2, находок встречено небольшое количество.

Обсуждение и выводы:

Материалы культурного горизонта 1 раскопов №№ 3 и 4: керамика, орнаментированная «жемчужным» орнаментом в сочетании с отступающей лопаткой, каменный инвентарь, обломки бронзовых изделий и капельки бронзового сплава могут относить этот горизонт к раннему этапу бронзового века. Культурный горизонт 2 возможно предварительно датировать на основании керамики со шнуровым декором и орнаментом из прочерченных прямых и волнистых линий, торцовых клиновидных нуклеусов, микроскребков поздним неолитом.

Оригинальной находкой (раскоп № 3, культурный горизонт 1) является каменный стерженек составного рыболовного крючка, отнесенный нами к «байкальскому типу». В известных по литературе коллекциях аналоги обнаруживаются в финально-мезолитических и ранненеолитических комплексах — Улан-Хада, слой IX [Новиков, Горюнова, 2005], могильник Шаманка II [Базалийский, Ливерс и др., 2006]. Из них типологически наиболее близок экземпляр из могильника Шаманка II [Базалийский, Ливерс и др., 2006, с. 89, рис. 5-6]. Однако здесь этот экземпляр зафиксирован в слое, относимом нами к раннему бронзовому веку.

В раскопе № 5 археологические материалы культурного горизонта 1 могут быть определены в пределах неолита — раннего этапа бронзового века. Планиграфически находки располагались по двум сторонам линзы серой глины, которая могла быть руслом существовавшего в древности

временного водотока. Найденное на уровне самой линзы кварцитовое скребло, довольно архаично по внешним признакам. Возможно, артефакты этого слоя были вынесены сюда водотоком и могут иметь отношение к несколько большей древности, по сравнению с материалами культурного горизонта 1.

Что касается керамики с пунктирным орнаментом из раскопа № 7 (горизонт 1 в), то остатки абсолютно аналогичных по орнаментике сосудов (совпадает орнаментация, оформление венчика) известны из коллекции поселения Кулькисон, датируемого автором раскопок Л.Г. Ивашиной энеолитическим временем [Ивашина, 1983]. Другими объектами, в материалах которых встречается керамика с аналогичным декором, является Усть-Менза II (слой 2), Алтан (слой 5) и Студеное (слой 1б), отнесены Л.В. Семиной к эпохе ранней бронзы [Семина, 1985].

Следовательно, и кладка, стратиграфически привязанная к тому же уровню, относится к раннему бронзовому веку. Хотя, вероятно, в верхние камни кладки попали кости и керамика в уже более позднее время. Интересен факт использования плит — манупортов, что наряду с фактом перекрытия плоским камнем небольшой ямки, свидетельствует о ритуальном характере кладки. Вероятная возможность интерпретации видится в объяснении конструкции, как захоронения последа. По крайней мере, не вызывает сомнения, что кладка связана с совершением ритуально-обрядовых действий.

Абсолютных аналогов сосуду из культурного горизонта 2 раскопа № 7 не известно. Есть отдельные экземпляры на стоянках Катунь I и Окуневая, где в подъемном материале есть фрагменты венчиков, также орнаментированных тройным рядом «жемчужин» [Горюнова, Лыхин, 1985]. По форме, а также таким элементам орнамента, как «жемчужины» и отступающая лопатка, которые являются превалирующими на сосудах II группы Фофановского могильника [Герасимов, Черных, 1975], сосуд, а вместе с ним и данный горизонт, могут быть датированы глазковским временем. Вместе с ним материалы из ямы, вероятно, также следует отнести к той же эпохе.

Также, по-видимому, данный сосуд соотносится с материалами культурного горизонта 1 в раскопах 3 и 4. И хотя там находили только фрагментированные остатки сосудов, но среди них имеются части венчиков с такими же «жемчужинами» и фрагменты, орнаментированные отступающей лопаткой.

Можно предположить, что остатки этого сосуда были положены на перекрытие неглубокой и округлой формы хозяйственной ямы, состоявшее из прутьев и жердей, впоследствии сгоревших. В самой яме, в корзине, вероятно, хранились продуктовые запасы.

Таким образом, стратиграфические позиции материалов неолита — раннего бронзового века в Ярцах Байкальских позволяют определить их соотношение между собой, а вместе с тем и разных культур, существовавших в разное время на территории Байкальского региона.

Местонахождение Ярцы Байкальские, безусловно, является интереснейшим памятником, дифференцируемым в отношении типологии материалов, хронологии и принадлежности к разным археологическим культурам. И имеет перспективу дальнейших исследований, которые прояснят вопросы существования древних культур, взаимодействия и миграций населения Байкальского региона в древности, и не в последнюю очередь в эпоху неолита и раннего бронзового века. Интересен этот памятник и в отношении изучения не только материальной, но и духовной культуры, религиозных воззрений древних насельников края.

ЛИТЕРАТУРА

Базалийский В.И., Ливерс А.Р., Хаверкорт К.М., Пежемский Д.В., Тютрин А.А., Туркин Г.В., Вебер А.В. Ранненеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998-2003 гг.) // Известия древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2006. — Вып. 4.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофоновского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. — Л.: Наука, 1975.

Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники п-ова Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 130-147.

Ивашина Л.Г. Поселения эпохи позднего неолита — раннего металла у озер Кулькисон и Харга // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск: Наука, 1983, — С. 52-57.

Конев В.П., Базаров Б.А. Материалы установления границ памятников археологии в Прибайкальском районе РБ. — Улан-Удэ, 2001. — Кн. 1. 42 с.; Кн. 2. — 103 с.

Коновалов П.Б. Отчет о проведении археологических раскопок на стоянке Ярцы Байкальские в 1964 г. (Фонды ИМБиТ СО РАН)

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита — бронзового века) // Известия древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2005. — Вып. 3.

Свинин В.В. Археология озера Байкал: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Новосибирск, 1970.

Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 104-122.

Цыденова Н.В. Археологические исследования на местонахождении Ярцы Байкальские // Материалы международной научно-практической конференции «Улымжиевские чтения-3», посвящ. 80-летию со дня рождения Д.Б. Улымжиева– Улан-Удэ, 2007. — С. 59-63.

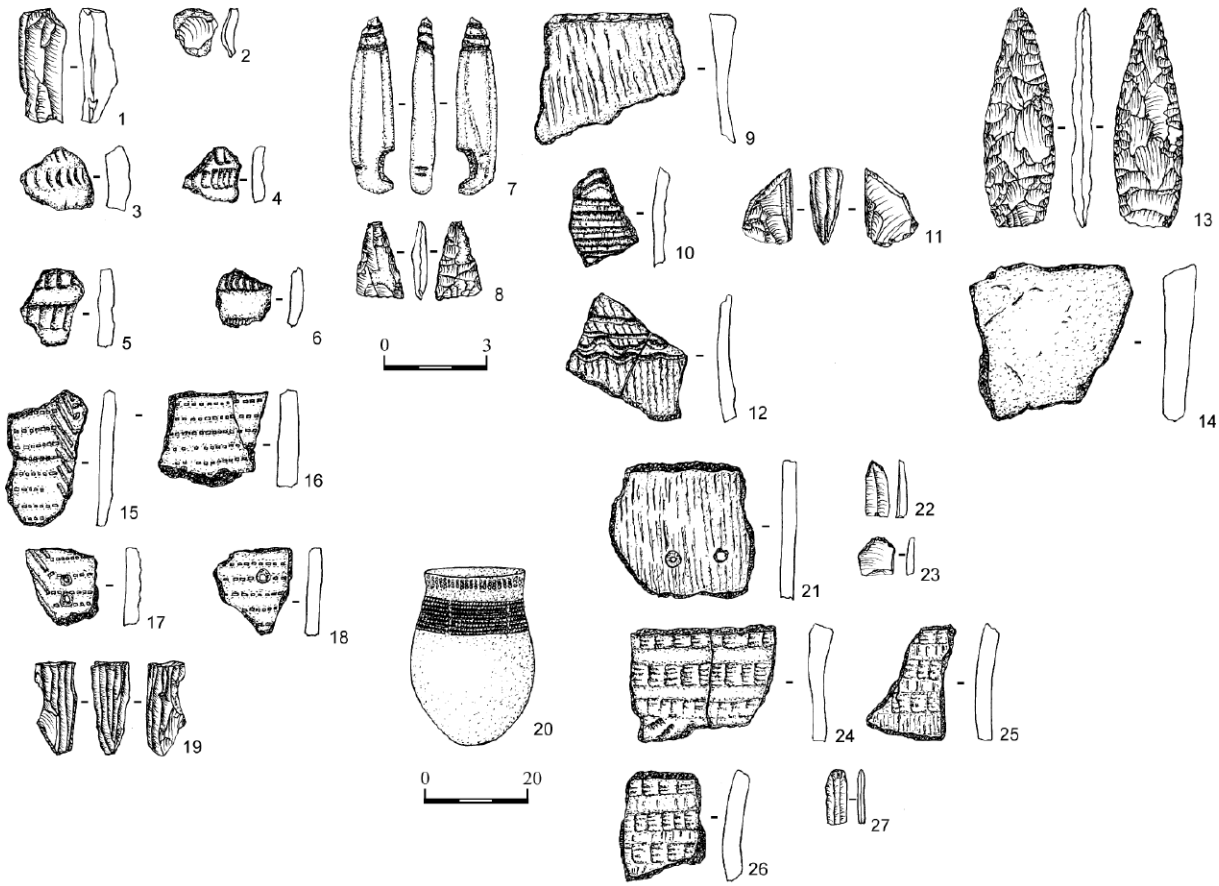


Рис. 1. Ярцы Байкальские: 1 – 8 – культурный горизонт 1, раскоп 3 и 4; 9 – 12 – культурный горизонт 2, раскоп 3 и 4; 13 – 14 – культурный горизонт 1, раскоп 5; 5 – 18 – культурный горизонт 1в, раскоп 7; 20 – 27 – культурный горизонт 2, раскоп 7.

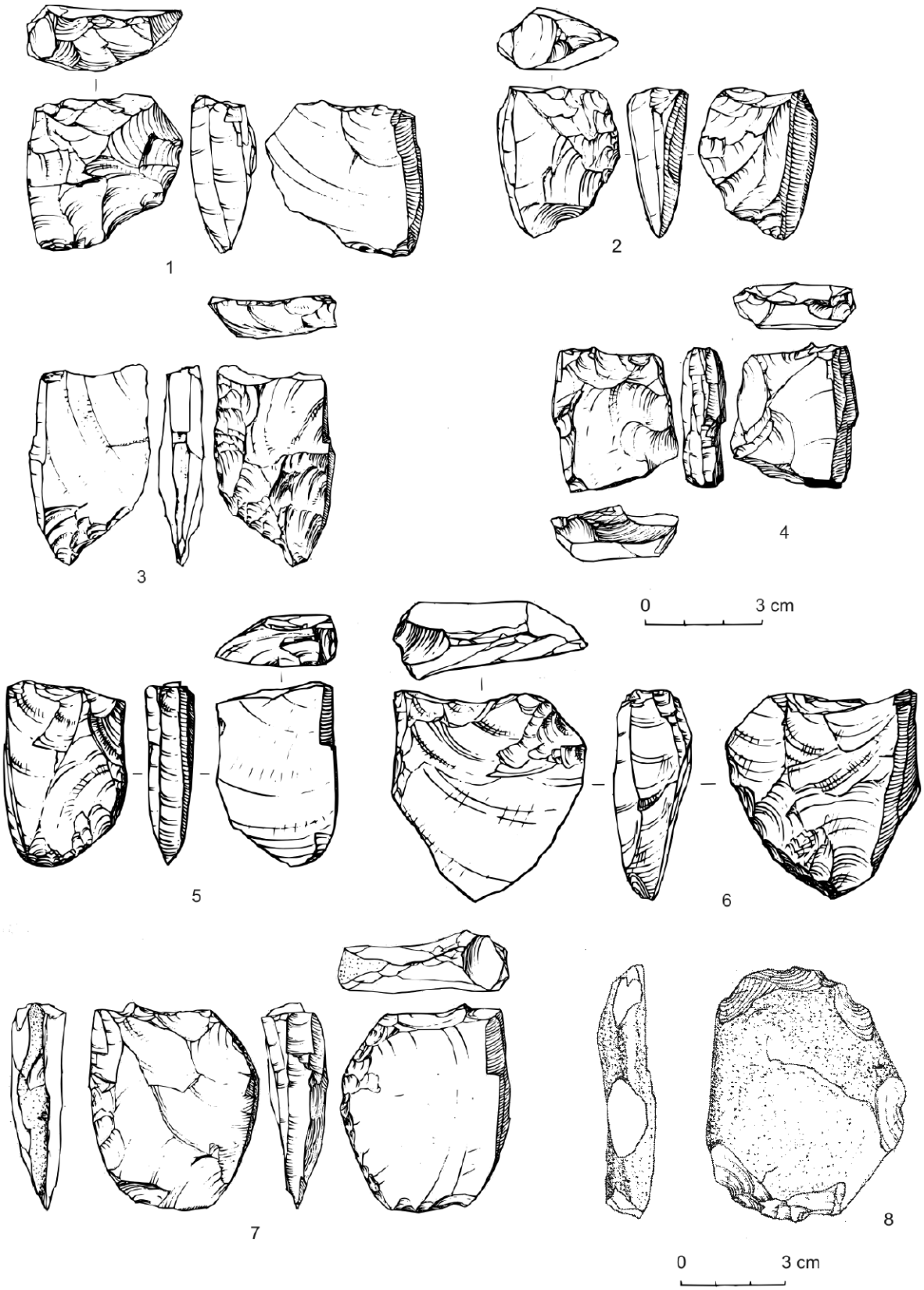


Рис. 4. Местонахождение Коврижка II: 1 - 1 культурный горизонт; 2 - 2 культурный горизонт; 3 - 7 - 3 культурный горизонт; 8 - 5 культурный горизонт.

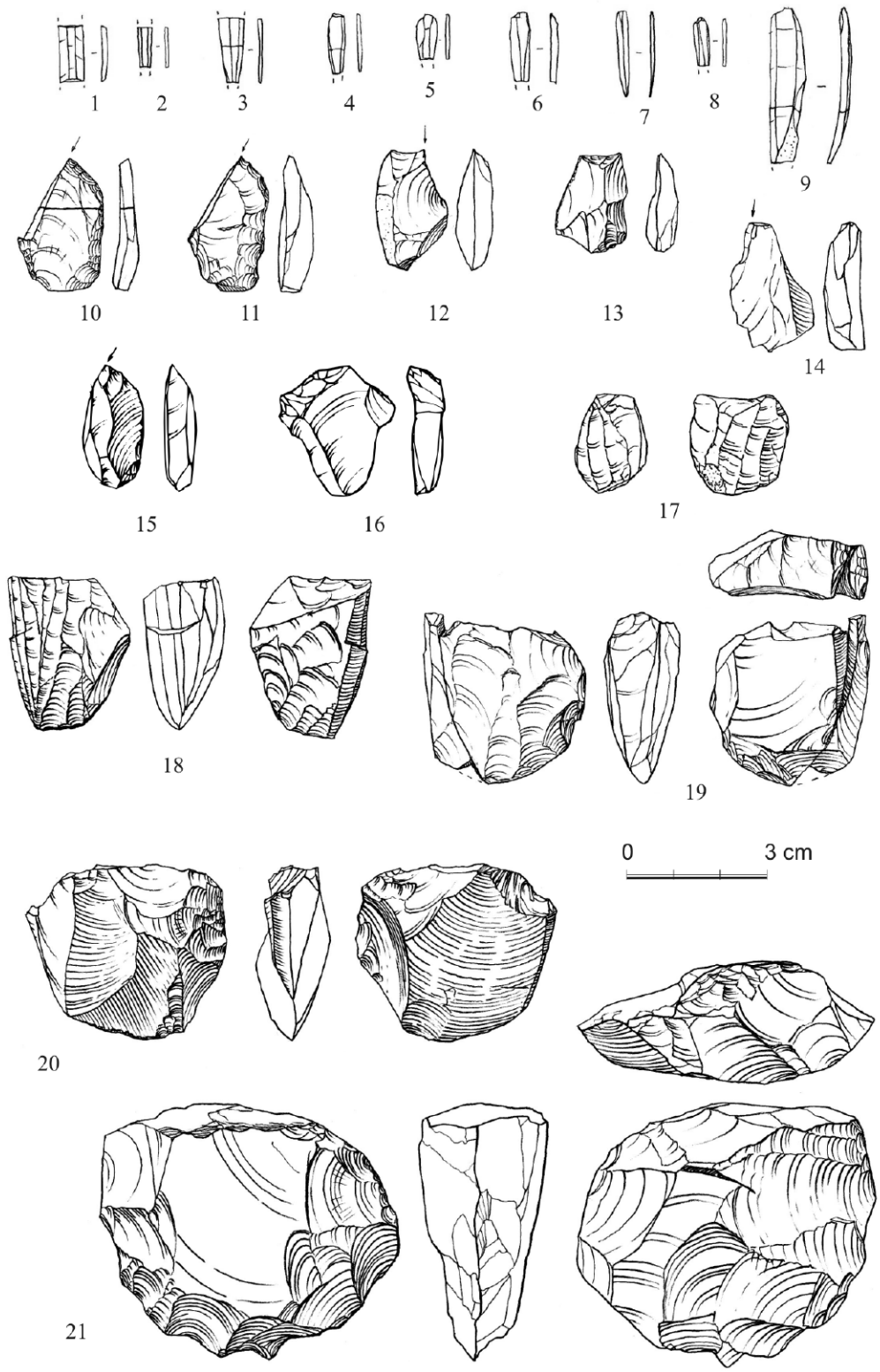


Рис. 5. Местонахождение Коврижка III: 2 культурный горизонт.

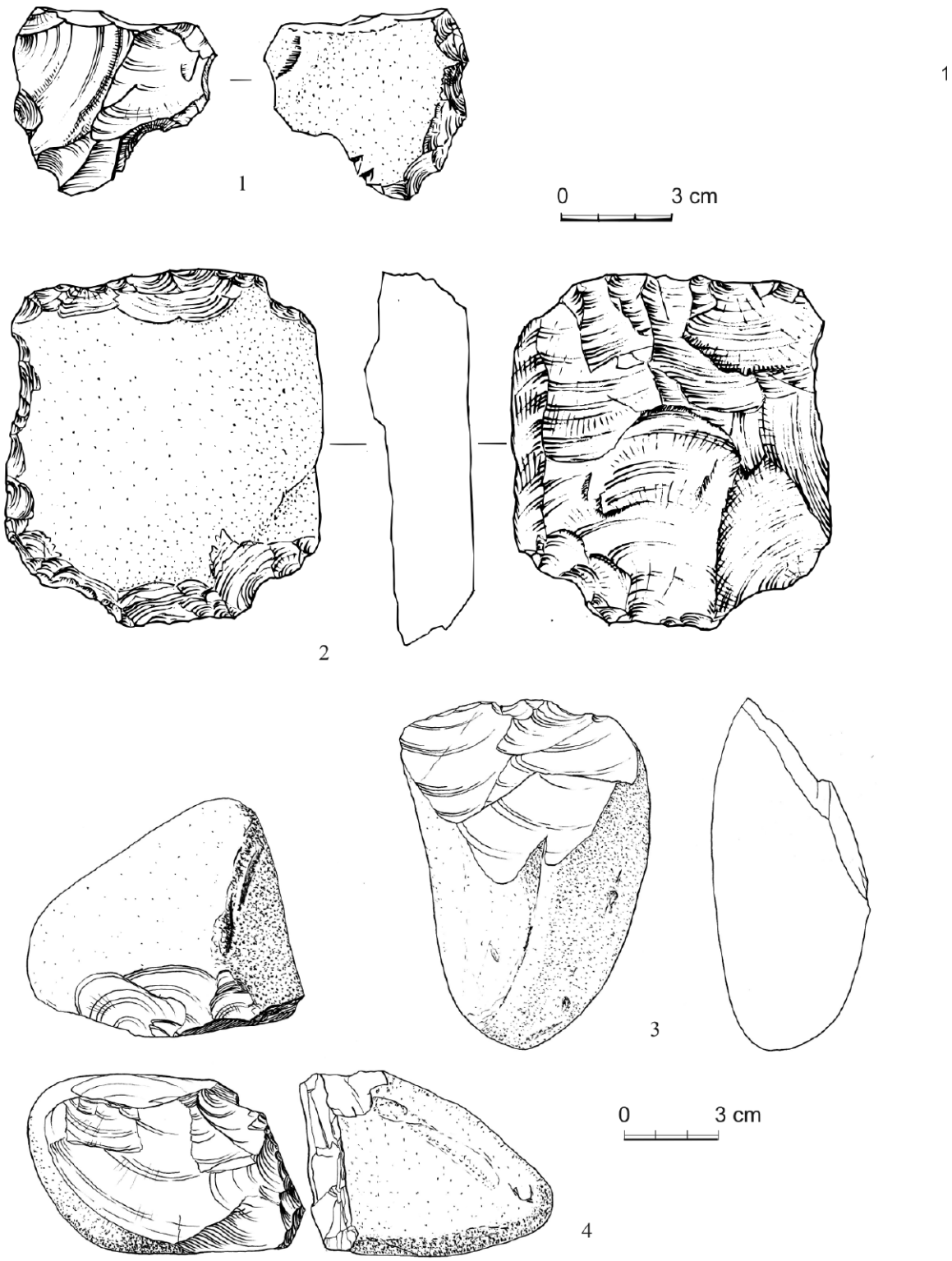


Рис. 6. Местонахождение Коврижка III: 2 культурный горизонт.

ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

О.А. Акулич[1], А.А. Сирина[2]
[1]Иркутск, Иркутский музей декабристов
[2]Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ИРКУТСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1920-Е ГОДЫ: ЛЮДИ, ТРУДЫ, СУДЬБЫ

К концу 1920-х годов Иркутск стал крупным археологическим и этнографическим центром. В докладе будет рассмотрен вопрос об иркутской этнографической школе, или иркутском этнографическом центре. Если под научной школой понимать неформальное сообщество единомышленников-исследователей в какой-либо области науки, объединенное фигурой лидера, который сумел поставить научные цели и темы исследований на перспективу [Тишков, 2004], то, вероятно, эта школа была. Несмотря на временный характер любой научной школы, она может оказывать длительное, даже отложенное воздействие на развитие науки и культуры. Важное условием для создания центра, или школы — организационные рамки, в которых эта школа функционирует, — рамки университета, института, с обязательным условием обучения молодежи.

В Иркутске в 1920-е годы было несколько направлений исследований, образовавшихся вокруг лидеров, регенерирующих мыслительную энергию и новые идеи. С точки зрения круга интересов и тем эти исследования можно подразделить на: 1) исследования сибирских древностей и относимых в то время к этим древностям «первобытных» народов и культур, 2) исследования русских сибирских старожилов — переселенцев в Сибирь, их языка (лексического состава и диалектологии), фольклора и этнографии.

Эти направления соответствовали сложившимся в российской этнографии (иногда ее называли народоведением) в предреволюционное время. Но не это вывело иркутских ученых на новых уровень, а переосмысление тематики и методологии исследований. Практические задачи социалистического переустройства жизни малых народов Севера привели к тому, что эти народы перестали рассматриваться как первобытные. Они стали объектом изучения не как реликтовая, а как живая культура, требующая переделки в соответствии с национальными и экономическими задачами советского государства. Комитет содействия народностям северных окраин Сибири при Президиуме ВЦИК (1924-1932) был образован с целью переустройства жизни и быта народов Севера на социалистических началах, на научной основе. В Иркутске работал Иркутский Комитет Севера, в Киренске — Киренский Комитет Севера. Практические задачи изучения вызвали появление работ прикладного этнографического характера. Иркутские этнографы, экономисты, географы (Б.Э. Петри, К.Н. Миротворцев, И.П. Копылов, Я.Н. Ходукин и др.) оставили работы с уклоном в экономические вопросы функционирования северных сообществ. Еще одно направление в рамках прикладной этнографии было близко к социальной/культурной/этнической

географии, поскольку в те годы решались вопросы землепользования народов Севера, от ученых требовались данные о расселении, использовании и организации территорий. Таким образом, в Иркутске сформировалось и было хорошо представлено новое направление этнографических исследований — прикладная этнография, с особым вниманием к экономико-географическим вопросам. Подобные исследования велись и в Верхнеудинске — Улан-Удэ) (К.А. Забелин, В. Неупокоев и др.).

Новые черты приобрело изучение русских переселенцев в Сибирь. На краеведческом съезде в Новосибирске в 1926 г. Г.С. Виноградов предложил программу исследований русских Сибири в межкультурных взаимодействиях, прежде всего с азиатскими народами Сибири. Этим он далеко обогнал свое время, потому что такие исследования относительно недавно стали актуальными в отечественной этнографии (Деревянко и др.).

Среди исследователей антропологического направления — археологов, этнографов, лингвистов, вокруг которых в 1920-е годы в Иркутске группировались молодые силы, выделим лишь четырех: А.М. Селищев, Б.Э. Петри, М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов. Они были еще и педагогами, работали в Иркутском университете. Их научно-педагогическая практика разворачивалась на общем достаточно высоком фоне научной жизни Иркутска, который составляли научная и культурная интеллигенция, как местная, так и приезжая.

А.М. Селищев — известный славист, заведующий кафедрой славянской филологии ИГУ (1918-1920), пробыл в Иркутске всего два года, затем уехал в Казань и в Москву. Но за это время он успел провести исследование говоров Восточной Сибири, выпустить две монографии [Селищев, 1918; Селищев, 1920] и у него появились ученики, которые даже писали своему профессору письма, призывая его вернуться в Иркутск (РГАЛИ. Ф. 2331. Оп. 1). Среди его учеников был П.Я. Черных, впоследствии доктор филологических наук и профессор Московского университета; в каком-то смысле Г.С. Виноградов. Диалектологические исследования в Иркутске успешно развиваются и по сей день.

Б.Э. Петри приехал в Иркутск, бывший базой его археологических и этнографических исследований, в 1918 г. и стал работать в открывшемся осенью 1918 г. университете на кафедре истории первобытной культуры. Основной интерес Петри в те годы был связан с археологией Прибайкалья и бурятской этнографией, где его интересовали проблемы семьи и рода и шаманства, что согласуется с эволюционистской, доминирующей в те годы, схемой изучения народов и культур. Несколько позже прикладная этнография вышла на первый план в исследованиях Петри, захватив большую часть его времени (Сирина 1999). Среди учеников Петри практически нет этнографов: в основном это археологи, антропологи, биологи, геологи, исследования которых отличали широкие подходы и междисциплинарный характер (А.П.Окладников, Г.Ф.Дебец, М.М.Герасимов и др.).

Профессор М.К. Азадовский — фольклорист, историк литературы, библиограф — приехал в Иркутск в 1923 г. из Читинского Института народного образования и стал заведовать кабинетом русской литературы. Азадовский первым записал ленские причитания, записал сказки русских старожилов на Лене и в Тункинской долине, занимался историей фольклористики и литературоведением. Молодой, активный, «оборотистый», он вместе с М.В. Муратовым и Г.С. Виноградовым стал издавать этнографический сборник «Сибирская живая старина». Учениками М.К. Азадовского были А.В. Гуревич, Н.М. Хандзинский, Н.И. Удимова. Уже позже, когда Азадовский стал преподавать в Ленинградском университете, вокруг него тоже собрались способные студенты и аспиранты филологи, фольклористы (Чистов, 2007). В 1924 г. М.К. Азадовский возглавил этнологическую секцию Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества (ВСОГО), основной задачей которой было изучение русской сибирской этнографии и фольклора. Б.Э. Петри был вынужден создать новую палеоэтнологическую секцию с интересами в основном в области археологии и первобытной истории. Позже при ВСОГО были образованы бурятоведческая и якутская

секции, члены которой издавали «Бурятоведческий сборник» и «Очерки по изучению Якутского края».

Г.С. Виноградов преподавал в Иркутском университете с 1922 г., в 1925 г. был утвержден в звании профессора. На кафедре русской этнографии он читал курсы «введение в этнологию», «история русской этнографии», «этнография русского населения Сибири»; на кафедре русской литературы — «введение в историю русской литературы», «народная словесность (в связи с изучением языкового народного творчества)» (1922-1928); на кафедре русского языкознания — курс «детская речь» (1926-1928). Перечень читаемых им курсов показывает широкую эрудицию в вопросах русской этнографии и словесности. Он сумел привлечь к исследованиям по русской этнографии Сибири студентов М. Бородкину, О. Блюменфельд и других.

Велась работа и по истории научных исследований. В конце 1920-х годов по инициативе М.К. Азадовского и Г.С. Виноградова был выпущен сборник восточно-сибирских этнографов (Материалы, 1926).

Мы предлагаем на обсуждение участников конференции проект издания книги избранных трудов этнографов, работавших в Иркутске в 1920-е годы. Эта идея возникла в процессе работы над книгой избранных трудов Г.С. Виноградова «Этнография детства и русская народная культура в Сибири» (серия «Этнографическая библиотека») (Виноградов, 2008). Мы планируем представить в книге лучшие работы иркутских этнографов 1920-х годов. В настоящее время мы формируем список работ, которые предполагается издать в книге. Важным дополнением к изданию трудов должны стать биобиблиографический словарь этнографов, работавших в Восточной Сибири в 1920-е годы.

Мы призываем коллег и спонсоров откликнуться на этот проект и принять в нем участие.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. — М.: Вост. литер. РАН, 2008.

Деревянко А.П., Молодых В.П., Тишков В.А. Этнокультурное взаимодействие в Евразии. — М.: Наука, 2006. — Кн. 1.; Кн. 2. Языки, литература и фольклор народов Евразии. Материалы для биобиблиографического словаря сибирских этнографов. — Иркутск, 1926.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. — Иркутск, 1918.

Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. — Иркутск, 1920.

Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. — М., 1999. — Вып. 1.

Тишков В.А. Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. — М.: Наука, 2004. — С. 688-692.

Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего…. — СПб.: МАЭ РАН, 2006.

А.Ю. Борисенко[1], Ю.С. Худяков[2]
[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

МАТЕРИАЛЫ ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ И МОНГОЛОВ, СОБРАННЫЕ Й. РЕЕМАНОМ И А. ТЕСЛЕФФОМ В НАЧАЛЕ XIX в.

Среди большой плеяды известных ученых, изучавших древности и этнографию народов Сибири в XVII-XX вв., видное место принадлежит профессору Бернгарду Эдуардовичу Петри — выдающемуся исследователю древних и традиционных культур Восточной Сибири и основателю палеоэтнологической научной школы, работавшему в Иркутском университете в 1920-1930-х гг., внесшему большой вклад в развитие археологии и этнографии в этом регионе. За годы работы в Иркутске ученым были собраны ценные коллекции археологических находок и этнографических материалов, разработана периодизация древностей Прибайкалья, высказаны интересные соображения по поводу этногенеза некоторых, тюркских и монгольских, коренных народов Восточной Сибири. Особо значимым для последующего развития гуманитарных наук в Сибири стало привлечение Б.Э. Петри заинтересованной молодежи к научной деятельности. В числе его учеников были талантливые молодые ученые А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец и другие исследователи, благодаря усилиям которых в последующие десятилетия археология и этнография в Сибири вышли на передовые рубежи в нашей стране. Вероятно, он мог бы еще немало сделать для развития науки и образования в Сибири, если бы в конце 1930-х гг. не подвергся необоснованным репрессиям и не погиб.

Предки Б.Э. Петри были выходцами из Швейцарии, оказавшимися в России, как и многие другие европейские специалисты в надежде добиться успеха на профессиональном поприще и благополучно устроить свою судьбу в этой стране, ставшей для них самих и их потомков новой Родиной. В течение трех столетий, в XVII-XIX вв. царское правительство активно приглашало на службу в Россию, в том числе для работы в Сибири, европейских квалифицированных специалистов из различных, востребованных в тот период, сфер деятельности. Среди них были как настоящие ученые, так просто любознательные и одаренные людей, которые во время своего пребывания в Сибири проявляли определенный интерес к особенностям традиционной культуры, жизни и быта, религии коренных сибирских народов и сибирским древностям. Составленные ими описания и зарисовки представляют ценный источник, не только для истории науки, но и для этнографического и археологического изучения Северной Азии.

Среди европейцев, оставивших свой след в истории исследования древних и этнографических культур коренных народов Восточной Сибири и Центральной Азии в XVIII-XIX вв., в том числе традиционной культуры бурят и монголов, были выходцы из разных стран Европы: ученые, путешественники, дипломаты, администраторы, военные и другие специалисты, находившиеся на российской службе в Сибири, или проезжавшие через этот регион во время поездок в Китай. По территории Сибири, в том числе Прибайкалья и Забайкалья, проходили маршруты крупнейших научных экспедиций, направленных российским правительством и Академией наук. Научное наследие европейских исследователей неоднократно привлекало внимание современных историков науки. Анализу их сочинений, содержащих ценные сведения по этнографии монгольских народов, посвящены специальные труды М.П. Алексеева, Э.П. Зиннера, Т.К. Шафрановской и Т.Б. Батуевой, в которых освещены многие аспекты изучения научного наследия европейских ученых и путешественников (Алексеев, 1941; Зиннер, 1968; Зиннер, 1973; Шафрановская, 1972; Батуева, 1995а; Батуева, 1995б).

Однако, участие европейских исследователей в изучении древних и традиционных культур коренных народов Сибири и Центральной Азии изучено далеко не полно. В частности, вне поля зрения историографов и историков науки оказались описания и рисунки, составленные некоторыми участниками российского посольства в Китай, возглавлявшегося графом Ю.А. Головкиным, проезжавшего по территории Восточной Сибири и Монголии 1805-1806 гг. Это посольство было отправлено по распоряжению императора Александра I ко двору империи Цин, чтобы официально уведомить маньчжурских правителей о его восшествии на престол и попытаться упорядочить торговые связи между Россией и Китаем. Однако, это посольство не смогло достичь китайской столицы, поскольку в период пребывания в Монголии, российский посол, граф Ю.А. Головкин отказался выполнять некоторые требования китайского придворного этикета, как того требовал от него маньчжурский наместник Халхи, по отношению к верховному маньчжурскому правителю — богдыхану. В соответствии с многовековой китайской традицией маньчжурские императоры считали всех иноземных правителей, даже глав ведущих мировых держав, своими реальными, или потенциальными «вассалами». Поэтому посольство надолго задержалось в ставке наместника в Еке-Хурэ в долине р. Тола в Восточной Монголии, а в 1806 г. было вынуждено вернуться в Санкт-Петербург. В составе посольства, помимо дипломатов и военных, были, как специально приглашенные для участия в этой поездке европейские ученые, так и немецкие специалисты, живущие и работающие в России. Среди сотрудников посольства был известный в Европе ученый, немецкий ориенталист Юлиус Генрих Клапрот, обобщивший свои наблюдения в специальном издании, опубликованном в 1824-1928 гг. Свои дневники и зарисовки жизни и быта бурят и монголов в течение этого путешествия вели и другие члены посольской миссии: врач посольства, доктор медицины Йозеф Маттеус Августин Рееман, офицер Александр Аматус Теслефф, историк Ян Потоцкий, художник Андрей Мартынов. В составе посольства был ученый монголист Александр Игумнов, который также собирал материалы в Монголии. Часть рисунков, выполненных А. Мартыновым позднее была опубликована в книге Ю.Г. Клапрота. Однако, материалы, подготовленные другими участниками посольской миссии в течение длительного времени оставались не опубликованными в полном объеме, поскольку правительство императора Александра I официально запретило публикацию сведений об этом посольстве. Ученые были обязаны все без исключения свои заметки предоставлять руководителю посольства, чтобы тот мог показать их императору, без одобрения и замечаний которого их нельзя было ничего публиковать.

Из материалов, собранных сотрудниками посольства, известно, что приглашенный из Австрии, живший и работавший в Санкт-Петербурге, доктор Й. Рееман был включен в состав посольства в качестве врача. Он вел дневниковые записи и планировал ввести в научный оборот некоторые статьи, подготовленные на основе своего описания путешествия через Сибирь в «Китайскую Монголию». Часть его рукописи была обнаружена только в середине XX в. немецким исследователем Хербертом Франке [Franke, 1951, s. 31-36]. В полном объеме сведения из дневниковых записей и рисунки, собранные Й. Рееманом и А. Теслеффом, были позднее опубликованы известным немецким монголистом В. Хайссигом. Все материалы этих исследователей были обработаны и изданы им на немецком языке в 1971 г. [Heissig,1971, s.23-63]. В течение последних лет сведения об этнографических и иллюстративных материалах по культуре бурят, собранных Й. Рееманом и А. Теслеффом в ходе этой поездки, были приведены в работах авторов настоящего сообщения [Борисенко, 2005, с. 28-31; Борисенко, Худяков, 2006, с. 167-169].

Среди материалов, собранных Й. Рееманом, оказалось описание первой части маршрута посольства от Санкт-Петербурга до Казани и папка с рисунками и акварелями, на которых изображены буряты и монголы, а также некоторые украшения и детали костюмов. Судя по названию, эти рисунки были сделаны «во время путешествия по Сибири и Урге к резиденции губернатора Халха-Монголии». Возможно, что они были сделаны самим доктором Й. Рееманом, который был членом «некоторых художественных обществ». Однако известно, что кроме него, в ходе путешествия по Сибири и Монголии зарисовки делал художник посольства А. Мартынов, а позднее

с этими рисунками работал еще один художник Александров, умели рисовать также сотрудники посольства Я. Потоцкий и А. Теслефф. Во время путешествия Я. Потоцкий даже давал советы и помогал рисовать А. Теслеффу. После возвращения Й. Рееман планировал сделать гравюры с собранных им рисунков и опубликовать их отдельным альбомом. В период работы в составе посольства доктор Й. Рееман выполнял не только свои прямые обязанности. Во время своего путешествия по Сибири он инспектировал некоторые госпитали, участвовал в локализации эпидемии скарлатины в г. Иркутске и активно способствовал прививанию местного населения от оспы. В сопровождении еще одного члена посольства Гарри, он посещал селения бурят и стойбища эвенков, общался с представителями коренного населения и ламаистского духовенства, убежал своих собеседников в необходимости прививок от оспы. К этой деятельности он пытался привлечь даже одного бурятского шамана. Свои впечатления от этих посещений он обобщил в специальной статье «Сведения о внедрении и расширении прививок от оспы в Сибири в 1805-1806 гг.». По ходу своего путешествия он приобрел несколько этнографических предметов, среди которых было одеяние, чулки и рукавицы из рабьих кишок, принадлежавшие камчадалам [Heissig, 1971, s. 13].

Прикомандированный к посольству специалист в области геодезии, офицер А. Теслефф, уроженец Выборга, во время этого путешествия вел собственный дневник и делал в нем свои зарисовки, которые по своим сюжетам во многом схожи с теми, что сохранились в папке акварелей, собранных Й. Рееманом. Выдержки из этого дневника были опубликованы в монографическом издании В. Хайссигом со своими комментариями [Heissig, 1971, s. 23-47]. Судя по содержанию этого дневника, после полного сбора всего состава посольства, насчитывающего 124 человека, в конце сентября 1805 г. оно двинулось из Иркутска, через оз. Байкал, а затем по долине р. Селенги на юг, к Кяхте. Впервые бурятские юрты члены посольства посетили в долине р. Чикой. В районе д. Переваловской А. Теслефф смог посетить «пару юрт» и осмотреть хранившуюся в ней ламаистскую ритуальную утварь, в том числе статуэтки буддийских божеств, скульптуры львов, свернутые в рулон рукописные свитки, а также латунные чашечки с жертвенными подношениями. Судя по рисункам из собрания Й. Реемана участники посольства посетили также ламаистский дацан в долине р. Чикой и смогли наблюдать за некоторыми религиозными церемониями. В Кяхте члены посольства присутствовали бурятском на празднике, во время которого мужчины играли на музыкальных духовых и ударных инструментах, среди которых упомянуты барабаны, тарелки, колокольчики, роговые трубы. Под звуки музыки бурятские девушки исполнили национальные танцы. В дневнике записано, что Й. Рееман сделал зарисовки этих танцев. Подобные рисунки были сделаны и самим А. Теслеффом. Автор дневника отметил, что «бурятские девушки нравятся молодым господам» из числа сотрудников посольства, которые даже танцевали с ними полонез, но это совсем не понравилось их начальнику, главе посольства, графу Ю.А. Головкину. В декабре 1805 г. посольство двинулось в путь на специально подготовленных монгольских повозках на юг к административному центру Восточной Монголии — Халхи городу Урге. По пути А. Теслефф обратил внимание ритуальные возвышения — обо. По его описанию, это были «каменные кучи, сложенные из палок, камней и костей», которые «должны изображать идола». Согласно собранным им сведениям, монголы, проезжая мимо, оставляют что-нибудь в жертву этому «изображению идола». По мнению А. Теслеффа, этот обычай должен быть древнее, чем ламаистские верования. В дневнике приведено описание Урги-Хурэ — ставки маньчжурского наместника и резиденции главы халха-монголов ламаистов Хутухты Богдо-гэгэна, в окрестностях которого расположился лагерь посольства. По наблюдениям исследователя, большая часть монгольского населения этого города проживает в юртах. В дневнике приведено описание юрты, способа приготовления пищи и передвижения на буйволах и верблюдах. Он отметил приветливое, дружелюбное отношение монголов к членам российского посольства. Однако, несмотря на принесенные подарки и долгое ожидание, из-за неприемлемых требований маньчжурских властей, посольство графа Ю.А. Головкина не смогло продолжить свой путь в Китай, и ему пришлось возвращаться в Россию. Весьма важное значение по своей информативности для изучения традиционной культуры

бурят и монголов имеют не только дневниковые записи, но и графические и цветные акварельные рисунки, сохранившиеся в материалах, собранных Й. Рееманом и А. Теслеффом.

На акварелях из папки Й. Реемана представлены разные сюжеты: виды ландшафта и населенных пунктов, через которые проходило посольство, обстановка походного лагеря и транспортных средств, внешний облик маньчжурских чиновников, бурят и монголов, принадлежности их костюма и изображения ламаистских божеств. Представители разных слоев бурятского общества, мужчины и женщины, изображены в национальной одежде. Мужчины изображены в меховых шапках-малахаях и шляпах с отогнутыми кверху полями, длиннополых халатах, застегивающихся на правую сторону, со стоячим воротником, и подпоясанными ремнем, или матерчатым кушаком. На ногах у них кожаные сапоги. Некоторые пояса украшены металлическими бляшками. К поясу подвешивался нож, огниво и сабля. На некоторых акварелях буряты изображены верхом на низкорослых лошадях монгольской породы и быках. На поясе у бурятских всадников изображен лук в налучье и колчан со стрелами. Один из всадников стреляет из лука. На лошадях выделены уздечки, украшенные бляшками и седла с высокими луками и потниками. Быки изображены также под седлами и потниками, с веревочными поводьями, продетыми в ноздри. Есть изображения мужчин в зимней одежде: меховых шапках и халатах, подбитых мехом. Бурятские мужчины изображены с коротко постриженными волосами и небольшой косичкой на затылке. У большинства из них безбородые лица, лишь у отдельных людей показаны усы и борода. Женщины изображены в длиннополых халатах, поверх которых иногда надевалась короткополая верхняя рубаха и жилет. В руках они держат головные уборы с отогнутыми полями и кисточкой на макушке. На головах у них показаны повязки с украшениями. У некоторых женщин к ним подвешены длинные височные, вероятно составные височные украшения с кисточками на концах. У одной из женщин такое украшение прикреплено сзади к вороту жилетки. Волосы у большей части женщин собраны в две косы, которые украшены накосниками. Однако, некоторых рисунках косы не имеют накосников. На груди изображены ожерелья из коралловых бусин красного цвета в сочетании с крупной бляхой. У некоторых в ушах показаны крупные кольцевые серьги. Иногда через правое плечо женщины, поверх халата перекинут матерчатый кушак, который спускается почти до пола на правом боку. К этому кушаку может быть подвешен платок. На одном из рисунков сидящие женщины в меховых шубах и малахаях. Полный набор разнообразных мужских и женских украшений и принадлежностей костюма собран на одной из акварелей. На ней показано коралловое ожерелье головная повязка, накосники и подвесные украшения, кресало в сумочке и наборный пояс с бляхами. Один из рисунков дает наглядное представление о внутреннем убранстве бурятской юрты. В центре внутри решетчатого железного тагана горит огонь, вокруг которого сидит женщина и несколько гостей. Еще несколько людей толпится вокруг стен [Aus der Bildermappe, 1971, Taf. 16-28]. Не приходится сомневаться, что эти картины были созданы с целью запечатлеть этнографический облик бурят, особенности их жизни и быта. Европейских путешественников особенно интересовали особенности буддийской религиозной практики и атрибутики. Среди собрания Й. Реемана имеются изображения дацана на р. Чикой; внутреннего вида буддийского храма в момент, когда ламы играют на музыкальных инструментах; изображения религиозной процессии лам в красных одеждах и желтых шапках; религиозной церемонии вокруг ритуального костра; рисунки амулета, культовых атрибутов и персонажей буддийского пантеона [Aus der Bildermappe, 1971, Taf. 34-43].

На рисунках А. Теслеффа также показан внутренний вид юрты, игра на музыкальных инструментах и танцы, фигуры китайцев в национальном облачении в Кяхте. Интересно, что на одном из рисунков мужчины в европейских мундирах со шпагами танцуют, взявшись за руки с бурятскими девушками [Heissig, 1971, Abb.10]. Вероятно, на этом рисунке запечатлен эпизод, описанный в его дневнике. На другом рисунке воспроизведен внешний вид «первых китайских посетителей в Троицосавске». Они изображены в маньчжурских костюмах: островерхих шляпах с загнутыми полями, коротких куртках с рукавами до локтей и длиннополых халатах [Heissig, 1971, Abb. 11].

В собрании акварелей Й. Реемана представлено несколько интересных сюжетов, относящихся ко времени пребывания посольства на территории Монголии, в Урге. Среди них имеются виды выезда кортежа и укрепления маньчжурского наместника. Это укрепление по-монгольски называлось Хан-Оба. Местопребывание наместника показано в глубине долины р. Тола, на фоне гор. На других акварелях изображена резиденция главы ламаистской церкви Хутухты Богдо-гэгэна. Она включает комплекс из нескольких зданий, часть которых обнесена стеной, и войлочных юрт, установленных вокруг этой резиденции. На одном из рисунков показан паланкин наместника в сопровождении монгольских всадников с копьями и флажками. На другом рисунке изображен сам «вице-король» Монголии в маньчжурской церемониальной одежде: небольшой шапочке с павлиньим пером на макушке, шелковой куртке с широкими рукавами и вышитыми на ней изображениями фениксов, одетой поверх длиннополого халата. Помимо него в альбоме Й. Реемана имеются портреты амбана и вана Урги, изображенных в таких же маньчжурских чиновничьих головных уборах [Hessig, 1971, Abb. 15-16]. Вероятно, шапки и шляпы маньчжурских военачальников и офицеров определенно заинтересовали участников российского посольства, поскольку они воспроизведены на одном из рисунков несколько раз. Имеется также подборка рисунков монголов с коротко постриженными волосами и косичками на затылке. На нескольких акварелях изображены монгольские одноосные арбы с деревянными колесами, запряженные лошадьми и быками и монголы верхом на верблюдах. Две картины передают обстановку на улице китайского поселка Маймачен во время одного из праздников [Aus der Bildermappe, 1971, Taf. 8-15, 29-33].

В целом, этнографические материалы, в том числе дневниковые записи и рисунки, сделанные участниками российского посольства Й. Рееманом и А. Теслеффом в ходе поездки по Бурятии и Монголии в 1805-1806 гг., представляют собой результат внимательных и заинтересованных научных наблюдений и должны представлять несомненный интерес для специалистов по истории научных исследований традиционных культур монгольских народов, предпринимавшихся европейскими специалистами и любознательными людьми в Сибири и Центральной Азии. Они могут быть ценным источником по этнографии и истории распространения буддизма среди бурятского и монгольского населения Забайкалья и Восточной Монголии, поскольку содержат описания и иллюстративные материалы начала XIX в., когда культуры этих народов сохраняли свои традиционные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей XIII-XVII вв. — Иркутск: ОГИЗ, 1941. — 612 с.

Батуева Т.Б. Западноевропейские исследователи XVII-XIX вв. о народах Сибири: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Иркутск, 1995б. — 21 с.

Батуева Т.Б. Народы Сибири в трудах западноевропейских исследователей XVII-XIX вв. — Улан-Удэ: БНЦ, 1995а. — 107 с.

Борисенко А.Ю. Путевые заметки Йозефа Реемана и Александра Теслеффа о бурятах // Вестник НГУ. Сер.: история, филология. — 2005. — Т. 4, вып. 5: Археология и этнография. — С. 28-31.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Йозеф Рееман и Александр Теслефф — немецкие исследователи культуры бурят и монголов в начале XIX в. // Немцы Сибири: история и культура. Мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. — Омск, 2006. — С. 167-169.

Зиннер Э.П. Путешествие длиною в три столетия. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 206 с.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 247 с.

Шафрановская Т.К. Дневники Лоренца Ланга как историко-этнографический источник (Из истории изучения народов Сибири, Монголии и Китая в первой половине XVIII в.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Л., 1972. — 17 с.

Aus der Bildermappe // Mongoleireise zur spaeten Gotezeit. — Wiesbaden, 1971. — Taf. 1-43.

Franke H. Unferjffentlichte Reiseberichte und Materialen uber Sibirien, der Mongolei und China // Sinologica. — 1951. — № 3. — S. 31-36.

Heissig W. Einlleittung // Mongoleireise zur spaeten Gotehezeit. — Wiesbaden, 1971. — S. 1-63.

В.А. Данилейко
Красноярск, Красноярский краевой краеведческий музей

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ (по материалам КККМ)

Несмотря на множество работ по этнографии кетов и эвенков бассейна реки Подкаменная Тунгуска, до сих пор не была представлена полная картина истории ее этнографического изучения. Помимо отдельных глав в монографиях Г.М. Василевич, В.А. Туголукова, М.Г. Турова, Б.О. Долгих, и Е.А. Алексеенко эта проблема исследователями не затрагивалась. Представленные в данной работе полевые материалы экспедиций на Подкаменную Тунгуску помогут восполнить существующий пробел.

С 1899 по 1904 гг. по поручению Распорядительного комитета Красноярского Подотдела РГО исследованием Туруханского края в физико-географическом отношении и сбором этнографических коллекций занимался Петр Евгеньевич Островских [Вдовин, 2001, с. 59]. Работая среди подкаменно-тунгусского коренного населения в деревнях Сумароково, Подкаменная Тунгуска, на станке Осиновский и в других населенных пунктах, ученый собирает сведения по промыслам, торговле, быте, похоронных обрядах (например, о детских воздушных захоронениях); отбирает лингвистический, коллекционный и фотоматериал [КККМ, о/ф 9891/ПИр 500; о/ф 7904/Пир 265 — 14; кол. № 1526].

В 1905-1908 гг. кетов Туруханского края, в том числе и подкаменно-тунгусскую группу, изучал сотрудник Музея Антропологии и этнографии АН, правитель дел Красноярского Подотдела (до 1907 г.), В.И. Анучин [1914, с. 21, 32]. В 1905 г. фонды музея исследователем были сданы предметы повседневного быта, орудия производства, одежда (к сожалению, точное место сборов установить пока не удается); а в 1908 г. В.И. Анучин передает в краеведческий музей 39 фотографий коренного населения Тунгуски (КККМ, о/ф, кол. №№ 1520, 1524, 1692 и др.).

В 1908-1909 гг. Красноярский Подотдел принял участие в подготовке поездки Енисейского податного инспектора И.И. Покровского в Ангарский край, командированного туда для выяснения русско-эвенкийских экономических отношений [Вдовин, 2001, с. 62]. Маршрут условно можно поделить на два этапа: 1) водный маршрут по Подкаменной Тунгуске от Пановского зимовья до устья реки, и далее вверх по Енисею до Енисейска; 2) посещение эвенков, не выходящих на берега Средней (Подкаменной) Тунгуски, в сентябре; и в декабре поездка в Пинчугскую волость [КККМ, о/ф 7886/ПИр 190, л. 18, 19]. Одними из итогов проделанной работы стали: составление списков семей эвенкийских родов: Нанудальского, 1-го Куркугирского, Ятогульского, Чамдальского и нескольких других, названия которых остались инспектору неизвестными [КККМ, о/ф 7886/ПИр 191]; сбор этнографического материала по тунгусскому праву, быту и религиозным представлениям; проверка многочисленных торговых точек «тунгусников» (русских торговцев с Ангары) и анализ цен на востребованные коренным населением товары.

В п. Чуна, а позже в Енисейске И.И. Покровский встречался с членом ИРГО А.А. Макаренко [КККМ, о/ф 7886/ПИр 190, л. 42], который работал на Подкаменной Тунгуске от Этнографического Отдела Русского музея и впервые дал описание шаманских чумов в Приенисейской тайге. Материалы экспедиции были переданы в фонды Русского музея. Кстати, поступление предметов этнографии с Тунгуски в музейные фонды от проводника А.А. Макаренко П.Т. Воронова были зафиксированы в 1911 г. [КККМ, о/ф, кол. № 1484, 1544 и др.].

В 1909 г. в бассейне Катанги (верхняя часть Подкаменной Тунгуски) работал действительный член Географического Общества И.И. Бердников, не только собравший яркий этнографический материал [КККМ, о/ф, кол. № 1534], но и озвучивший итоги своей поездки в ряде докладов

[Вдовин, 2001, с. 34, 36]. В 1911 г. приобретенная у подкаменно-тунгусских эвенков коллекция предметов, включая фотографии шаманских атрибытов с р. Чуни (из коллекции чадобского торговца) [КККМ, о/ф 7886/ПИр 209, л.16-17], привозит помощник консерватора красноярского музея А.П. Ермолаев, искавший тогда в Приангарье предметы церковной старины. Подробно описал исследователь и население региона. Коллекционный материал с 1903 по 1921 гг. поступал от К.М. Рычкова, изучавшего Енисейскую губернию по поручению Этнографического музея и музея Александра III [КККМ, о/ф кол. № 1465, 1519 и др.].

Этнографическими сборами среди эвенков верховий Подкаменной Тунгуски занимался А.А. Савельев, бывший на тот момент в ссылке на Ангаре: поступления 1911, 1914, 1919, 1923 гг. [КККМ, о/ф, кол. №№ 1544, 1562, 1581, 1610 и др.] Кроме того, исследователем был составлен именной список тунгусов Ятогульского, 2-го и 3-го Куркугирского, Каменско-Черноульского и Нанудальского родов Пинчугской волости по ревизским сказкам и народной переписи 1856 г. [КККМ, о/ф 7886/ПИр 98], записан и лингвистический материал для составления русско-тунгусского словаря [КККМ, о/ф7886/ПИр 91].

Начало углубленному этнографическому изучению рассматриваемого региона положили мероприятия по организации советской власти среди коренного населения.

Так научная экспедиция 1921 г. директора Красноярского музея А.Я. Тугаринова, проводилась на средства Красноярского оркстатотдела, а одной из целей работ стало выяснение условий организации переписи среди местного населения [Данилейко, 2006, с. 125-126]. Так как данные по экспедиции недавно уже были опубликованы в ряде статей [Баташев, 2006, с. 96-98; Данилейко, 2006, с. 125-127; 2007, с. 336-337], то здесь мы лишь напомним ее основные результаты. Исследователями (среди которых были П.Т. Воронов и коллектор музея по этнографии М.А. Дмитриев) собрано свыше 300 предметов эвенкийской и кетской материальной культуры, включая детали шаманских чумов и кузнечный инструмент [КККМ, о/ф, кол. № 1494, 1594 и др.]; записан лингвистический материал по эвенкийскому языку; осуществлены антропометрические измерения и сбор коллекции волос 54 кетов и 10 тунгусов в низовьях реки [Тугаринов, 1924, с. 31]; дано описание эвенкийских шаманских чумов [Тугаринов, 1924, с.13] [КККМ, в/ф 6575/ПИр 40, с. 7, 8] (вторые, после описаний А.А. Макаренко, в истории тунгусоведения).

Собранный на Подкаменной Тунгуске коллекционный материал М.А. Макаренко сдает в музей в 1922, 1923 и 1926-м годах [КККМ, о/ф, кол. №№ 1494, 1495, 1610, 1618]. Предметы этнографии с этой же территории в 1919 г. также поступают от С.А. Малых [КККМ, о/ф, кол. №№ 1449, 1580, 1616] и М.П. Плотникова в 1920 г. [КККМ, о/ф, кол. №№ 1586].

Целый ряд дальнейших экспедиций в бассейн Подкаменной Тунгуски был уже напрямую связан с задачами социалистического строительства, а в деле этнографического изучения рассматриваемого региона инициативу взяли на себя новые советские учреждения. В первую очередь речь идет о созданном в 1924 г. Комитете Содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК и о его Красноярском Подотделе, а с именем первого председателя этого Подотдела — И.М. Суслова было наиболее тесно связано «социалистическое строительство» в Приенисейской Сибири.

Принимая участие в организованных «Сибирской пушной компанией» экспедициях 1923 и 1924 гг. в качестве «заведующего окраинами» в Красноярской конторе Госторга [КККМ, о/ф 8392/ПИр 387, л.1; о/ф 8392/ПИр 404, л.11], Иннокентий Михайлович Суслов в низовьях Тунгуски собирает материалы по быту подкаменнотунгусского коренного населения, дает подробное описание кетского камлания [КККМ, о/ф 8119-1/ПИр 279, л. 3-8]. Будучи уже председателем Красноярского Комитета Севера, И.М. Суслов в 1926 г. работает на р. Чуне, правом притоке Подкаменной Тунгуски. Кроме работ на Подкаменной Тунгуске и Чуне, где 4 июня И.М. Сусловым был организован первый тунгусский суглан, исследования проходили по р. Ангаре и ее притоку р. Червянке. Тогда исследователем было составлено подробное описание эвенкийского чума,

записан фольклорный материал, дающий сведения по шаманизму (избрание шамана, битвы между шаманами) и этнической истории эвенков, в частности про Чамдальский, Куркогирский и Панкагирский роды. В полевых дневниках И.М. Суслова также есть заметки по эвенкийской религии, зарисовки скульптуры, схематические изображения мольбищ, у фактории Байкит были зафиксированы остатки старых эвенкийских построек [КККМ, о/ф 8119 — 1/ПИр 286, л. 16-18, 20-30, 37], собраны материалы по музыкальной культуре и анимистическим представлениям (с подробным описанием десятков духов) [КККМ, о/ф 8392/386, л. 1-9], составлен патернитет родов Мачакугырь, Панкагырь и Чамдаль, кочевавших по территории водораздела рек Чуни и Подкаменной Тунгуски [КККМ, о/ф 8471/ПИр 437, л. 46; о/ф 8471/ПИр 452, л. 5-7)\]. Произведен сбор коллекционного материала [КККМ, о/ф, кол. № 1616, 1622 и др.].

Помимо Комитета Севера важное участие в изучении Приенисейской Сибири принимали созданные Комитетом культбазы, которые проводили работу посредством своих краеведческих пунктов. Кстати, во время экспедиции Комитета Севера в Туруханский край для выбора места будущей Туринской культбазы в августе 1925 — январе 1926 г., одним из ее участников, представителем Иркутского Комитета Поповым было произведено этнографическое обследование тунгусов в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок [КККМ, о/ф 91.04(09)/№ 695, с.5]. В 1928 г. краеведом Туринской культбазы Н.П. Наумовым (бывший регистратор Приполярной переписи 1926-27-х гг.) была осуществлена экспедиция по Ангаре и Подкаменной Тунгуске. Помимо подробного описания охотничьих промыслов русского и эвенкийского населения, в том числе редкого для тех лет описания промыслового календаря годового «хозяйственного» цикла [КККМ, о/ф 7904/ПИр 265 — 4], Николай Павлович в своем дневнике фиксирует жилые, хозяйственные и религиозные эвенкийские постройки [КККМ, о/ф 7904/ПИр 265 — 4, л. 78], описывает само коренное население региона. Как и другие исследователи того периода, Н.П. Наумов не обходит стороной и проблему тунгусско-русских отношений, и даже предлагает свой вариант установления административной границы между Тунгуской и Ангарой, должной, по его мнению, урегулировать местные земельные споры (КККМ, о/ф 7904/ПИр 265 — 4, л.79, 80).

Летом 1927 г. от Ленинградского отделения Комитета Севера этнографические исследования и экономическое обследование отдельных хозяйств кочующих групп эвенков на Подкаменной Тунгуске проводила Т.И. Петрова [КККМ, о/ф 91.04(09)/№ 695, с. 4]. Кроме того в рассматриваемом регионе в 1926-27 гг. работала известный этнограф Г.М. Василевич, а в 1929-31 гг. — А.Ф. Анисимов.

Огромный толчок в деле изучения коренных сибирских народов дало проведение в 1926-27-х гг. Приполярной переписи, собравшей уникальное количество этнографического материала. Собственно территория бассейна р. Подкаменная Тунгуска была поделена на два переписных участка: в устье реки (участок XIIа) работы велись этнографом Б.О. Долгих, на остальной территории (переписной участок XII) — статистиком Н.В. Сушилиным. Кроме выполнения своих прямых обязанностей в качестве регистраторов, обоими исследователями было собрано огромное количество дополнительного материала: составлены родословные карты кетских и эвенкийских родов [КККМ, в/ф 6961/2, л.6-9; КККМ, о/ф 7886/ПИр 189, л.65]; велись записи фольклора, был подробно описан быт. Н.В. Сушилиным, практически единственным из регистраторов, был передан в музей коллекционный материал [КККМ, о/ф кол. №№ 1449, 1627].

В дальнейшем Б.О. Долгих продолжит исследования на севере Красноярского края, в том числе и на Подкаменной Тунгуске. Так в 1934-1937 гг. работая в роли экономиста-бухгалтера иркутской землеустроительной экспедиции, ученый пополняет данные 1926-27-х гг. по родовому составу и местам кочевий кетов и тунгусов. По Байкитскому району этнографом были учтены эвенки Чапогирские, Панкагирские, «Чумские», Куркагирские (Чöпагир), Чемдальские, Атоульские, Колангирские и другие; и по Чунскому району — тунгусы тех же больших родов (кроме Атоульских и Колангирских эвенков) [КККМ, в/ф 6961/2, л. 14-18]. В 1938-39 гг., будучи уже штатным этнографом Красноярского музея, Борис Осипович Долгих с собственной экспедицией

попадает на Таймырский п-ов и в Эвенкию. Нами был рассмотрен последний участок экспедиционного маршрута: от фактории Виви в бассейне Нижней Тунгуски по р. Катарамбе до Байкита на Подкаменной Тунгуске. Здесь ученый собирает значительный объем информации по этнической истории эвенков данного района, записывает около 30-ти фольклорных текстов тунгусов [КККМ, научный архив, ф. 1843, оп. № 01, д. 600, л. 10], проверяет схемы родового состава эвенков и составляет списки основных родов Байкитского, Чунского и Северо-Енисейского районов (эвенкийские роды Чепагир, Чемдаль, Атоуль, Колангир, Панкагир и Варагон) [КККМ, научный архив, ф. 1843, оп. 01, д. 600, л. 10]. Официальная цель экспедиции — сбор материала о развитии северных регионов края при советской власти, нашла отражение в материалах официального начальника экспедиции М.С. Струлева по численности населения, образованию, медицине, динамике развития колхозного строительства и различным сферам деятельности простейших производственных объединений (ППО) [КККМ, о/ф 7886/ПИр 223]. Участниками экспедиции был приобретен ряд предметов этнографии [КККМ, в/ф 6961/ПИр 1 — 4, л.31; колл. № 1659], а коллекция фотографий (более 700 снимков), переданная Красноярскому музею фотографом И.И. Балуевым, стала одним из самых информативных и значительных пополнений музейных фондов в XX веке.

В 1938 году с целью политико-массовой работы в связи с выборами в Верховный Совет РСФСР Красноярской комсомольской организацией Севморпути был организован шлюпочный переход по Подкаменной Тунгуске. На килевых шлюпках предполагалось пройти от устья реки до Чемдальска и обратно. В отчете участника экспедиции, секретаря редакции газеты «Большевик Арктики», П.Р. Шарневского дано подробное описание организации советской власти среди коренного населения бассейна Тунгуски: работа кочевых советов, красных чумов, больниц, школ. Также были собраны статистические данные по грамотности эвенкийского населения, по организации работ ППО [КККМ, о/ф 7886/ПИр 264 — 1, л. 18-22, 33-35, 37-43]. В 1939 и 1940 гг. П.Р. Шарневский вновь работал на Подкаменной Тунгуске, в духе своего времени описывая «рост национальных кадров» [КККМ, о/ф 7886/ПИр 264 — 4]. Интересно, что часть собранных тогда журналистом материалов по кетскому и эвенкийскому фольклору была передана Б.О. Долгих и ныне хранится в его фонде (КККМ, в/ф 6961/1-4).

Кроме материалов рассмотренных экспедиций, в фонды музея за период 1920-30-х годов поступает коллекционный этнографический материал от ряда других исследователей: от Н.Н. Карташева, Низовцева, Кожева, Худякова, М.А. Дмитриева, С.А. Малых, Г.П. Португаловой … [КККМ, о/ф, кол. №№ 1464, 1624, 1637, 1639 и др.]. Часть предметов, собранных в этот период попадает в фонды музея гораздо позже: в 1959 г. от А.Л. Яворского и в 1966 г. от И.М. Суслова [КККМ, о/ф, кол. №№ 3541, 4660].

Следующая, после Северной экспедиции 1938-39 гг., экспедиция сотрудников музея на север края состоялась только в 1958 и 1959 гг. под руководством этнографа и археолога Р.В. Николаева, но работы на Подкаменной Тунгуске проводились только в 1959 г. Экспедицией Красноярского отдела ВГО под руководством Р.В. Николаева в низовьях реки были изучены остатки 7-ми кетских землянок (одна из них раскопана), обнаруженных в 2-х км выше старого Суломая; были сделаны записи из фольклора и этнической истории кетов; осмотрено и зарисовано старое кладбище с русскими и кетскими захоронениями в 300-х м выше старого Суломая [КККМ, научный архив, ф. 691, оп. 05, д.87, л. 41, 59, 67] Интересно отметить, что на этом же заброшенном кладбище в конце 40-х гг. проводили раскопки антрополог Коган и этнограф, ученик Б.О. Долгих, С.И. Вайнштейн. Кроме этого экспедицией Р.В. Николаева в том же году собран коллекционный материал среди прикатангских кетов в Серково и на самой Тунгуске [КККМ, о/ф, кол. №№ 3397, 3557].

В 1960 г. часть собранного на Подкаменной Тунгуске материала была сдана в музей, работавшей тогда в Байкитском и Илимпийском районах, Г.М. Василевич [КККМ, о/ф, кол. 3700].

Период конца 1970 — начала 1980-х гг. XX в. стал временем проведения широкомасштабного исследования археологических памятников бассейна Подкаменной Тунгуски [Привалихин, 2005, с. 70]. Из ряда археологических экспедиций 1977, 1981 и 1981-1982 гг., интерес для нашего исследования представляет последняя. Тогда под руководством В.И. Привалихина исследования проводились на участке реки от фактории Чемдальск до устья речки Нижняя Лакура [Привалихин, 2005, с. 70]. В 1981 г., на среднем течении р. Чамбэ было обнаружено эвенкийское воздушное захоронение конца XIX — начала XX вв. [Привалихин, 1982, с. 139]. А в 1982 г было проведено обследование эвенкийского населения в поселке Чемдальск, произведен сбор предметов эвенкийской культуры, отснят фото- и видеоматериал [КККМ, научный архив, ф. 280, оп. 01, д. 205, л. 19]. Также в ходе работ 1982 г. при впадении в Катангу р. Водозимы было исследовано несколько кострищ, остатки чума и «огорода» (загона для домашних оленей). Интересно отметить, что найденные в 1921 г. А.Я. Тугариновым старые тунгусские стойбища у речки Фитили участниками экспедиции 1921 г. обнаружены не были [Привалихин, 2005, с. 78].

Научные исследования Красноярским музеем проводились на Подкаменной Тунгуске в 2000, 2002 и 2004 гг.: изучение этнографом М.С. Баташевым в поселках Подкаменная Тунгуска и Суломай культовой атрибутики, составление родословных местных жителей.

Таким образом, можно отметить, что с конца XIX в. и по первые десятилетия XX в. исследования носили общекраеведческий характер, а также производилось комплектование этнографических коллекций. Публикации имели в целом информативный характер; в 1920-30-е гг. происходит углубление и расширение этнографического изучения данного региона, идет анализ получаемых материалов; а вот во второй половине XX в. исследования на Подкаменной Тунгуске местными исследователями практически не проводились. В целом, результатом более чем столетней истории этнографического изучения стал обширный материал по демографии, этногенезу, этнической истории, фольклору, культуре и религии коренного населения Подкаменной Тунгуски, сбор уникального коллекционного и фотоматериала, большая часть которого до сих пор не опубликована.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ККККМ, о/ф 7886/ПИр 209. Ермолаев А.П. Отчет о поездке в Приангарский край. Материалы по быту и хозяйственной деятельности населения Пинчугской и Кежемской волостей Енисейского уезда.

ККККМ, научный архив, ф. 1843, оп. 01, д. 600, л. 10.

ККККМ, научный архив, ф. 280, оп. 01, д. 205, л. 19, 20.

ККККМ, научный архив, ф. 691, оп. 05, д. 87, л. 31 — 68.

ККККМ, в/ф 6575/ПИр 40. Яворский А.Л. Воспоминания о красноярском периоде жизни А.Я. Тугаринова.

ККККМ, в/ф 6961/ПИр 1 — 4. Долгих Б.О. Заметки по этнической истории Красноярского края 1926-1927, 1936-1939 гг.

ККККМ, о/ф 91.04(09)/ПИр 695. Лаппо Д.Е. Обследовательские работы в районе Приенисейского Севера с 1917 по 1927 гг.

ККККМ, о/ф 7886/ПИр 91. Савельев А.А. Материалы к словарю языка прикатангских тунгусов 1910-1914 гг.

ККККМ, о/ф 7886/ПИр 98. Савельев А.А. Именной список бродячих инородцев Пинчугской волости, записанным по ревизским сказкам и народной переписи 1856 г.

КККМ, о/ф 7886/ПИр 189. Сушилин Н.В. Материалы обследования Подкаменной Тунгуски в 1926-27 году.

КККМ, о/ф 7886/ПИр 190. Покровский И.И. Доклад податного инспектора 1-го участка Енисейского уезда по вопросу об обследовании инородцев Ангарского края Енисейского уезда.

КККМ, о/ф 7886/ ПИр 191. Покровский И.И. Посемейный список кочевых тунгусов Нанудальского рода.

КККМ, о/ф 7886/ПИр 223. Струлев М.С. Материалы соцстроительства по Эвенкийскому национальному округу. Статистические данные.

КККМ, о/ф 7886/ПИр 264 — 1. Шарневский П.Р. Отчет о шлюпочном походе имени папанинцев по маршруту Красноярск — Угоянский кочсовет, 1938 г.

КККМ, о/ф 7886/ПИр 264 — 4. Шарневский П.Р.Эвенкийские очерки. «Растут национальные кадры» (1939-1940 гг.).

КККМ, о/ф 7904/265 — 4. Наумов Н.П. Подкаменно-тунгусская экспедиция 1928. Дневник.

КККМ, о/ф 7904/ПИр 265 — 14. Островских П.Е. Тетрадь № 13.

КККМ, о/ф 8119 — 1/ПИр 279. Записная книжка Суслова И.М. Кеты, 1923 г.

КККМ, о/ф 8119 — 1/ПИр 286. Записная книжка Суслова И.М. Экспедиция на Чуню, 1926 г.

КККМ, о/ф 8392/ПИр 386. Суслов И.М. Что такое религия, происхождение религиозных праздников, мир духов (по материалам экспедиции в верховья рек Подкаменная Тунгуска и Чуна).

КККМ, о/ф 8392/ПИр 387. Суслов И.М. Первые маршрутные дневники, записи, тетради с рабочими записями.

КККМ, о/ф 8392/ПИр 404. Суслов И.М. Материалы экспедиций 1923, 1924, 1925 гг.

КККМ, о/ф 8471/ПИр 452. Суслов И.М. Этнографические материалы 1926-1930 гг.

КККМ, о/ф 9891/ПИр 500. Островских П.Е. Дневники (путевые заметки) о поездке в Туруханский край Енисейской губернии в 1899-1901 гг.

Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914. — 92 с.

Баташев М.С. Шаманский чум эвенков (к истории открытия) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: мат-лы XIVI Регион. (II Всерос.) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. — Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. — Т. II. — С. 96-98.

Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское географическое общество в Красноярске (1901-1937 гг.) — Красноярск: РИО КГПУ, 2001. — 120 с.

Данилейко В.А. Новые данные об образе Шэвэки в традиционном мировоззрении эвенков (на материалах ККККМ) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Регион. (III-й всерос. с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, Новосиб. гос. пед. ун-т, 2007. — С. 336-337.

Данилейко В.А. Этнографические результаты комплексной экспедиции музея Приенисейского края на Подкаменную Тунгуску в 1921 г. // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: мат-лы XIVI Регион. (II Всерос.) археол.-этнограф. конф.

студентов и молодых ученых. — Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. — Т. II. — С. 125-127.

Николаев Р.В. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского севера // КСИЭ. — 1960. — Т. XXXIV. — С. 61-68.

Привалихин В.И., Анкудинов М.А. Эвенкийское захоронение с реки Чамбэ // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск: Иркут. ун-т, 1982. — С. 139-140.

Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921-1982) // Древности Приенисейской Сибири. — Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. — Вып. 4. — С. 66-86.

Тугаринов А.Я. Предварительный отчет на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921г. // Изв. / Краснояр. ОРГО. — 1924. — Т. III, вып. 2 — С. 1-31.

Б.Б. Дашибалов
Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

МОНГОЛО-МАНЬЧЖУРО-КОРЕЙСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГЕНЕЗИС ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

Материалы собранные нами за последние годы позволяют говорить о Южной Маньчжурии и территории, примыкающей к Ляодунскому заливу Желтого моря, как о древнейшем центре развития монголоязычных народов. Именно здесь в родственной близости с тунгусо-маньчжурами и предками корейцев и теснейшем взаимодействии с китайским этносом проходило становление культуры и традиций древних монголов. В.С. Стариковым по археологическим, этнографическим и лингвистическим данным было предложено выделение особого монголо-маньчжуро-корейского очага древнего земледелия [Стариков, 1973, с. 26, 27]. Думается, что этим названием можно обозначить и центр раннего монгольского этногенеза и культурогенеза — монголо-маньчжуро-корейский центр. По всей видимости, отсюда по разным причинам и в разное время началось продвижение древних монголов в различные регионы Восточной, Центральной Азии и Сибири.

О том, что монголы народ восточноазиатского происхождения, прежде всего, указывают лингвистические данные. Алтайская языковая семья представлена тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языками. Е.Д. Поливанов и Г.И. Рамстедт на основании лексических и грамматических схождений включили в состав алтайской группы корейский и японский языки. Применение лексико-статистических методов привело Дж. Клоусона к отрицательному выводу, который был сформулирован категорично: «“алтайская” теория неправомерна» [1969, с. 41]. А.М. Щербак сделал важный вывод — словарный запас, связанный со степной жизнью, заимствован монголами из тюркского языка, собственно монгольская лексика связана с обитанием в лесах [Щербак, 1994, с. 148]. Вместе с тем выявилось направление поисков монголо-тунгусо-маньчжурских связей. В.И. Рассадин высказал предположение, что монгольские племена жили компактно: «причем где-то по соседству и в тесном контакте с тунгусо-маньчжурскими племенами» [1984, с. 76]. Этногенезу эвенков, северной ветви тунгусо-маньчжуров, посвящено обстоятельное исследование М.Г. Турова [2008].

Исследование географической терминологии в алтайских языках проделала Л.В. Дмитриева. Она сопоставила между собой основные географические термины и понятия, обозначающие явления природы, так как основная их часть относится к древнейшим эпохам в истории этих языков. Эта работа подтвердила ранее высказанные заключения о степной прародине тюрков, ботаническая лексика которых также связана с данным наблюдением. Принципиально важный вывод был сделан по монгольским языкам: «Этот перечень подтверждает, что древние монголы жили там, где были горы и отдельные скалы с горными проходами и перевалами, но в то же время там была степь с лощинами, песчаные места и соприкасалось это все с морем» [Дмитриева, 1984, с. 173-176]. Остановимся еще на одном значимом факте, полученном лингвистами. Изучение лексики монгольских языков выявило связь древних монголов с оседлой культурой [Clauson, 1973, p. 41]. Важно при этом, что речь идет не об отдельных словах, а о целых группах терминов, относящихся к земледельческому хозяйству. Как писал А. Рона-Таш, «сейчас является совершенно ясным, что древние монголы были хорошо знакомы с земледелием» [1979, с. 248]. Истоки монгольского земледелия исследователь уводил или в эпоху алтайского языка основы, или же предполагал этап совместного земледельческого сожития монголов и тюрков. Он не исключал

возможности самостоятельного развития монгольского земледелия и скотоводства, независимо от тюрков [Там же, с. 247-249].

На оседлость древних монголов может указывать и самостоятельная терминология, связанная с таким животным, как свинья, в монгольском языке [Рассадин, 1984, с. 71]. Существенно в данном случае то, что свинья получила наибольшее распространение у земледельческих народов Восточной Азии (китайцы, корейцы, маньчжуры).

Работы языковедов позволяют нам сфокусировать внимание на целом ряде традиций в культуре монголов, не характерных для современного этноса, но, возможно, имевших место в культуре древних монголоязычных народов. По материалам языка к этим палеоэтнографическим явлениям следует отнести: оседлость древних монголов; самостоятельное земледелие и знакомство с рисоводством; развитое свиноводство; проживание с выходом на морское побережье; связь с тунгусо-маньчжурами, корейцами и другими народами тихоокеанского побережья.

Китайские летописи сообщают нам о кочевании монголов в район Кукунора. И здесь формируется уже вторичный центр монгольского культурогенеза, назовем его Кукунорским. По китайским источникам, в начале IV в. н.э. сяньби муюны откочевали на запад в область Амдо и Кукунор. Записана сяньбийская легенда, объясняющая эту перекочевку. У сяньбийского вождя Илоханя было два сына — Туюхунь и Жологуй. Однажды их лошади подрались. Жологуй стал упрекать за эту драку Туюхуня, и тот, обидевшись, откочевал на запад. Была предпринята попытка вернуть его, но Туюхунь сказал, что лошади подрались по воле Неба. Вспоминая о Туюхуне, Жологуй сочинил «Песнь старшего брата» (Ага чжу гэ) и в конце жизни с глубокой печалью пел ее. На языке сяньби агань означало «старший брат» [Таскин, 1992, с. 16, 17]. Здесь мужуны создали сильное государство хори-тогонов, впоследствии на этих землях сформировались тибетские уделы Хор.

Еще один центр монгольской речи возник в степях за пустыней Гоби. Основные районы были связаны с Алтае-Хангайскими горами и привязаны к рекам Селенга и Орхон. Главной силой в этих местах являлись жужани. Их происхождение связывается с сяньби. Располагаясь на западе монгольских кочевий, они наиболее тесно взаимодействовали с тюрками.

Крупный регион раннего монгольского развития связан с рекой Амур [Tamura, 1973]. Е.И. Кычанов, опираясь на труды Комаи Есиаки, Тамура Дзицудзо и Луи Амбиса, показал, что в VI–IX вв. монголы «занимали огромное пространство по южным берегам Амура от устья Аргуни до устья Сунгари и всю северную часть Маньчжурии между Сунгари и Аргунью. Если к этому добавить проживавших юго-западнее си и киданей (бассейн р. Шара-Мурэн), то получим приблизительно точную картину расселения предков монголоязычных племен» [Кычанов, 1980, с. 139].

На верхний и средний Амур как зону расселения монголов указывали и материалы, собранные В.В. Викторовой [1958, с. 54-62]. Исследованиями археолога-востоковеда Э.В. Шавкунова [1986] и археолога Ю.М. Васильева [1983] было предложено связывать с монголами покровскую археологическую культуру. Работы С.П. Нестерова интерпретируют михайловскую культуру среднего Амура как принадлежащую монголам шивэй [1998, с. 25-52]. Л.Р. Кызласов, говоря о ранних монголах, высказал мысль, что корни монгольской культуры следует искать не в степях, а у монголов-рыболовов и охотников Амура [1975].

Амурский центр на западе и северо-западе переходит в еще один район монгольской речи, обозначим его байкальским центром монгольского культурогенеза и этногенеза.

Теперь рассмотрим археологические материалы, которые связываются с этногенезом и культурогенезом монгололоязычных народов.

С древними монголами атрибутируется культура верхнего слоя Сяцзядянь. Китайские археологи, в частности Цзинь Фэньи, соотносят культуру верхнего слоя Сяцзядянь с монголами дунху

эпохи бронзы и раннего железного века. Эту точку зрения поддерживает российский исследователь С.А. Комиссаров [1988, с. 87, 88].

Памятники этой культуры расположены на северо-востоке Китая в провинциях Хэбэй, Ляонин и прилегающих районах Внутренней Монголии. Население, оставившее памятники, было оседлым и обитало в долговременных поселениях с жилищами земляночного и полуземляночного типа, отмечены следы наземных сооружений. В их хозяйстве преобладало зерновое земледелие, разведение свиней, крупного рогатого скота и лошадей. Археологические находки характеризуются такими специфическими сосудами, как триподы, указывающими на оседлость и земледельческий тип хозяйства.

Наряду с памятниками верхнего слоя Сяцзядянь с монголами соотносится еще одна археологическая культура эпохи бронзы и раннего железного века — это культура плиточных могил.

Итак, две различающиеся хозяйственным типом культуры связываются с древними монголами. Культура плиточных могил носит выраженно кочевой характер, а культура верхнего слоя Сяцзядянь типично оседлая культура, аналогичная во многом соседним земледельцам Китая и Кореи. Не может ли быть так, что население этих двух культур, освоившее, с одной стороны, степные просторы Монголии, а с другой — плодородные лессовые долины, прилегающие к Желтому морю, связано с родственными монголоязычными этносами? Имеющиеся факты позволяют говорить о правомерности такой постановки вопроса.

А.П. Окладников, изучая неолит Прибайкалья, отметил некоторую близость инвентаря байкальских культур с находками из неолитических памятников Внутренней Монголии и районов, прилегающих к Великой Китайской стене. Наиболее ярко эти связи проявились в следующую эпоху, в культуре плиточных могил. Наличие триподов — одна из ярких и самобытных черт культуры плиточных могил и древних культур Китая. Он отметил и то, что культура бронзового века Дунбэя также характеризуется захоронениями в каменных ящиках, но последние в отличие от плиточных могил находятся в земле, а не на поверхности. А.П. Окладников сделал принципиально важный вывод: «Люди культуры плиточных могил Забайкалья, столь близко знакомые с древними китайцами и их оригинальной высоко развитой цивилизацией, принадлежали, следовательно, к одному и тому же большому этническому массиву, простиравшемуся в бронзовом и железном веке от Северного Китая, Ордоса и Дунбэя до Байкала. Единство этой культуры, бесспорное сходство характерных для нее погребальных памятников, искусства и быта на всем этом пространстве может рассматриваться, прежде всего, как свидетельство о единстве ее происхождения» [2003, с. 285].

Вопросы родства культуры каменных ящиков Дунбэя и культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии рассмотрены В.Е. Ларичевым в статье «О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья» [1959]. Он соглашается с выводом А.П. Окладникова о «подлинно интимном характере связей скотоводческих племен Забайкалья с архаическим Китаем» и уже детализирует это на новых материалах, полученных в Дунбэе и Внутренней Монголии [Там же, с. 64].

Истоки культуры хунну, получившую распространение в юго-восточной Сибири исследователи также уводят в дальневосточный регион.

Работу, посвященную дальневосточным элементам в культуре хунну, опубликовал Д.Л. Бродянский [1985]. Он обратил особое внимание на существование у хунну и населения кроуновской культуры Приморья жилищ с обогреваемой лежанкой — каном. Отметил, что для керамики хунну характерны налепные рельефные валики, которые являются типичной чертой амурской и приморской керамики. Спиральная орнаментация на посуде хунну также восходит к аналогичным узорам приамурской орнаментики, начиная с эпохи неолита. В целом с дальневосточными традициями можно увязать еще ряд хуннских находок — чугунные кельты, украшения, имитирующие кабаньи клыки, костяные панцирные пластины, каменные кольца, сосуды с решетчатым

дном [Бродянский, 1985]. Исследователь пришел к принципиально важным выводам: «…как в металлургии бронзы у хунну присутствует дальневосточная металлургическая группа, так и в животноводстве представлено дальневосточное направление, вовсе не свойственное скотоводам Центральной Азии: разведение свиней и собак» [Там же, с. 49].

Проблемы формирования культуры хунну были поставлены в работах С.С. Миняева. Он первоначально видел истоки хунну в культурах Ордоса скифского времени. Более углубленное изучение северокитайских материалов дало ему возможность увязать хуннские традиции захоронений в гробах в каменном ящике с аналогичными обычаями культуры верхнего слоя Сяцзядянь в Южной Маньчжурии [Миняев,1998, с. 82, 83].

А.В. Давыдова была первой из исследователей, наиболее детально осветившей оседлые традиции в культуре хунну. Очень сложным являлся вопрос происхождения оседлого населения хунну. Опираясь на свидетельства письменных источников о наличии в хуннской среде китайских перебежчиков и военнопленных и на результаты антропологических обмеров, А.В. Давыдова склонилась в пользу связи оседлости с китайской этнической средой [1985, с. 86].

Были высказаны и иные мнения. Г.П. Сосновский и А.П. Окладников считали собственно хуннов носителями оседлых традиций. Наличие оседлых поселений с земледельческо-ремесленным хозяйством является примечательной чертой хуннского общества. Оседлые поселения дают основание говорить о полукочевом укладе хунну Забайкалья [Сосновский, 1934; Окладников, 1976, с. 324-326]. В этом вопросе их поддержал С.В. Киселев. По его мнению, вряд ли китайские земледельцы или перебежчики, находившиеся на положении пленных, могли иметь право возводить укрепленные городища [1957, с. 92]. С.И. Руденко также склонялся в пользу собственной оседлости хунну со значительными заимствованиями из Китая. К заимствованиям он относил: судя по сошникам, плужное земледелие; употребление в пищу риса, притом при помощи костяных палочек; китайский тип полуземлянок; лучшая часть керамики; деревянные лаковые чашечки; часть бронзовых изделий и, конечно, шелковые ткани [1962, с. 114].

В эпоху средневековья в юго-восточной Сибири получили распространение бурхотуйская и курумчинская археологические культуры. В облике этих культур также имеются черты дальневосточного происхождения и их генезис связан с монголоязычными народами сяньби-шивейского круга (Дашибалов, 2000; 2005). В виде пережитков, особенно в языке и фольклоре, дальневосточные традиции сохранились и в культуре бурят (Дашибалов, 2004).

Таким образом, с глубокой древности на сложение культур Юго-Восточной Сибири оказывал влияние дальневосточный очаг культурного развития, определяемый нами как монголо-маньчжуро-корейский центр.

**Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-00390 а*

ЛИТЕРАТУРА

Бродянский Д.Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 46-50.

Васильев Ю.М. К вопросу об этнической характеристике населения Приамурья в XI–XII веках // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1983. — С. 141-153.

Викторова Л.Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. — XII в. н.э. // Уч. зап. / ЛГУ. Сер. востоковед. наук. — 1958. — Вып. 7. — С. 41-67.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 111 с.

Дашибалов Б.Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Вестник ДВО РАН. — 2000. — № 2. — С. 35-44.

Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. — 202 с.

Дашибалов Б.Б. О дальневосточных традициях в культуре бурят и монголов // Вестник ДВО РАН. — 2004. — № 2. — С. 55-59.

Дмитриева Л.В. Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. — Л.: Наука, 1984. — С. 130-177.

Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. — 1957. — № 2. — С. 91-101.

Клоусон Дж. Лексико-статистическая оценка алтайской теории // ВЯ. — 1969. — № 5. — С. 22-41.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. — Новосибирск: Наука, 1988. — 120 с.

Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 170-177.

Кычанов Е.И. Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 136-148.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. — СПб.: Петербург. Востоковедение, 1998. — 233 с.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1998. — 183 с.

Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 2003. — 664 с.

Окладников А.П. История и культура Бурятии. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976.- 459 с.

Рассадин В.И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. — Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1984. — С.55-80.

Рона-Таш А. Монголо-венгерские параллели и исторический фон монголо-тюркских связей // III Междунар. конгр. монголоведов. — Улан-Батор, 1979. — Т. III. — С. 245-252.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л.: Наука, 1962. — 205 с.

Сосновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. — 1934. — № 7, 8. — С. 150-156.

Стариков В.С. Современная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие: Автореф. дис. д-ра ист. наук. — Л., 1973. — 45 с.

Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. — Вып. 3: Мужуны. — М.: Наука, 1992. — 431 с.

Туров М.Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. — Иркутск: Изд-во «Амтера», 2008. — 228 с.

Шавкунов Э.В. Локализация гидронима Хэйшуй и этнической принадлежности «амурских чжурчженей» // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1986. — С. 51-62.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — СПб.: Наука, 1994. — 191 с.

Clauson B. Philology and archaeology // Antiquity. — 1973. — XLII. — P. 37-42.

Tamura J. The Legend of Origin of the Mongols and Problem concerning Their Migration // Acta Asiatika. — 1973. — № 24. — P. 1-19.

П.Б. Коновалов
Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ БУРЯТСКОГО НАРОДА

На заре возрождения бурятоведения новейшего времени основатель школы этнологии Иркутского госуниверситета профессор Б.Э.Петри в своей книге «Далекое прошлое бурятского края» писал: «Каждый народ имеет свои предания, где в красивых и образных словах повествует о первых насельниках своего края или о праотцах своего народа… Одним из красивых преданий, повествующих о первых бурятах, является легенда о Булагате и Эхирите, двух мальчиках, зачатых от небожителей и подвергшихся такой чудесной судьбе» [1922, с. 3]. Профессор Петри упомянул лишь об одном их предании, посвященном происхождению двух крупных племен бурятского народа, Но у бурят существует много легенд и преданий о племенах и родах — как по отдельности, так и по группам, составляющим некие общности. Есть и предания о происхождении и формировании всего народа в целом. О такой легенде, отражающей представления о своей этнической генеалогии, пойдет речь в настоящем сообщении. Вопреки скептическому замечанию ученого о том, что «наука изучает их как художественные образцы народного творчества,…но сама не может дать точного ответа на волнующий нас вопрос» (имеется в виду вопрос о происхождении, этногенезе. — П.К.), я попытаюсь все же найти историческую основу конкретно этой легендарной народной генеалогии.

Проблема этногенеза и этнической истории бурят всё ещё далека от удовлетворительного решения, в чём убеждаются все, кто обращаются к этой теме. Разумеется, родоплеменная номенклатура и этническая генеалогия использовались в изучении этногенеза всегда, без них нельзя обойтись. Однако вопросы их использования для указанных целей проработаны явно недостаточно. Не было ещё на эту тему специальной постановки вопроса, многого не сделано по этимологии племенных и родовых названий, но и в сделанном в этой части пока немало спорного, мало сделано по части соотнесения этнонимики с данными письменных и археологических источников.

Можно отметить в русле данной проблематики появление монографии молодого автора Б.З. Нанзатова «Этногенез западных бурят (VI-XIX вв.)» как попытку исследований в этом направлении. Поддерживая новый подход Нанзатова к этой теме на основе систематизации этнонимов, что вносит новую струю в исследование этногенеза бурятского народа, автор в настоящей статье предлагает свой предварительный опыт трактовки этнической генеалогии, обозрения ее историко-генетической ретроспективы.

Исследовательскую часть статьи составляют раскрытие историко-археологического фона периода второй половины I тыс. — первой половины II тыс. на обширной территории Предбайкалья и Забайкалья и прилегающих частей Северной Монголии, анализ данных письменных источников, отражающих этнополитическую историю того периода, в которую так или иначе были вписаны предки будущих бурят и из которой они вынесли свое генеалогическое сознание.

Легендарная народная генеалогия бурят. В 20-х годах X1X в. ориенталист О.М. Ковалевский записал у забайкальских бурят предание, по которому предок современных бурят и олетов монголо-туматский батур Баргу перекочевал откуда-то с юго-запада на южный берег Байкала и здесь поселился. Под старость Баргу-батур разделил свои владения между тремя сыновьями — Олидаем, Бурядаем и Хоридаем. Старшему сыну Олидаю он отдал свои западные владения, и тот стал родоначальником олюдов (т.е. олетов или ойратов, кочевавших в Монголии и Туркестане. Второй сын Бурядай получил все отцовские кочевья и сада. Младший сын Хоридай получил

в наследство горно-лесистые места, где он мог заниматься охотой и звероловством. От Бурядая произошли северобайкальские и баргузинские буряты, т.е. эхириты и булагаты, а от Хоридая — хоринцы [см.: Румянцев 1962, с. 164 со ссылкой на: Ковалевский О.М. О забайкальских бурятах. Казанский вестник 1929, ч. 27, кн.XI-XII, с. 160-164].

Вариант этой же легенды в записях М.Н.Хангалова, сделанных близко к концу того же века, гласит (излагаю не дословно): По преданиям кудинских бурят родоначальником бурят был Барга-батур, который жил около Тобольска и имел трех сыновей; старшего звали Илюдэр-тургэн, среднего — Гур-бурят, младшего — Хоредой-мэргэн. Впоследствии Барга-батур со своими двумя сыновьями Гур-бурятом и Хоридой-мэргэном из Тобольска двинулся на восток, а старшего сына оставил в Тобольске, сказав ему: «Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье — на старом месте». Илюдэр-тургэн там и остался. От него произошли нынешние калмыки (ушедшие в низовья Волги ойраты. — П.К.). Некоторые потомки Илюдэр-тургэна пришли потом и на восток, бурятские роды Балаганского ведомства — зунгарский и икинатский — считаются из племени калмыков, среди бурят их называют олётскими или сэгэнудами.

Барга-батур с двумя младшими сыновьями прибыл в тогдашнюю Иркутскую губернию и остановился в Тункинском ведомстве, там оставил своего среднего сына Гур-бурята сказав, ему: «Ты будешь царем этой местности! Твое счастье здесь». Гур-бурят остался в Тунке. От него произошли северо-байкальские буряты, принадлежащие к племенам эхирит и булагат, т.е. тункинские, китойские, аларские, балаганские, идинские, кудинские, капсальские, верхоленские, ольхонские и ленские буряты.

С младшим сыном Хоридой-мэргэном Барга-батур направился на север по р. Лене, в тогдашнюю Якутскую область, в каком месте остановился, предание не указывает, оставил его там, сказав те же слова. Сам он вернулся обратно в Иркутскую губернию. Умер, говорят одни, на о. Ольхоне, другие говорят — ниже г. Иркутска по Ангаре. Хоридой_мэргэн прожил в Якутии некоторое время, женился «на дочери неба», но вскоре вернулся, «переправился за Байкал и поселился там. «Потомками Хоридой-мэргэна считаются хоринские буряты на южной стороне Байкала и племена хангинцы и шараты — северной» [Хангалов, 1960, с. 107-109].

Такова легендарная родословная бурят, зафиксированная не только в западной, но и в восточной Бурятии, отражающая, как видим, не только бурятскую, но более широкую ойрато-бурятскую общность.

Письменно-историческая база данных. Возникает вопрос о времени и исторических событиях, к которым восходит это генетическое сознание народа. Важнейшее звено на пути выяснения этой проблемы мы можем найти, обратившись к общемонгольским историческим источникам. В целом ряде монгольских летописных сочинений, начиная с «Тайной истории монголов», и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина засвидетельствован факт пересечения ойрато-бурятского родословия с родословием царского рода монголов «Алтан уруг» Чингис-хана. Вот этот узловой момент (по «Сокровенному сказанию»): Добун-мэргэн, предок Тэмуджина в 12-м поколении, женился на Алан-гоа, дочери Хоридой-мэргэна. А женой Хоридой-мэргэна является Баргуджин-гоа — дочь Баргудай-мэргэна, владетеля земли «Хол Баргучжин-токум» [Сокровенное сказание, §§ 5-9].

Из завязавшегося «родственного узла» нас, прежде всего, интересует персона Баргудай-мэргэна из «Далекого Баргуджин-токума». Ясно, что Баргудай-мэргэн и Баргу-батур (глава бурятского родословия) это одно и то же. Но какую этническую общность сей персонаж олицетворяет собой и какова эпоха и территория ее существования? Исходя из указания числа поколений и продолжительности истории рода Чингис-хана (400 лет), и по выверенным расчетам, опирающимся на отдельные прямые и косвенные хронологические указания в летописях, выстроена относительная хронология всей родословной линии от Буртэ-чино — 758 г. до Тэмуджина — 1162 г.

Год рождения Добун-мэргэна приходится на 944 г., его сына Бодончара, рожденного от Алан-гоа, — 970 г. [Билэгт, 1995, с. 105].

Из этих дат мы сперва фиксируем эпоху X века, когда уже была хорошо известна земля Баргуджин-токум (владение Баргудай-мэргэна, деда Алан-гоа), с которой (с землей) царский род монголов заимел традиционные родственные связи по материнской линии. Предстоит выяснить, какова историческая основа возникновения этого историко-территориального понятия «Баргуджин- токум».

Далее обратимся к персоне Хоридой-мэргэна. В § 9 Сокровенного сказания говорится, что он выделился из Хори-Туматской земли в отдельный обог (т.е. род) и на пути перекочевки на новое место у горы Бурхан-халдун в верховьях р. Онона встретился с братьями Добун-мэргэн и Дува-сохор (старший из них). Встреча закончилась выдачей своей дочери замуж в царский род монголов. Кстати, надо заметить, что Хори-туматская земля являлась частью Баргуджин — Тукума.

Наконец, имеет отношение к нашей теме и Дува-сохор: что закодировано в этом персонаже. Источник прямо указывает, что он олицетворяет предка-основателя ойратского племени [Сокровенное сказание, § 11]: «У старшего брата Дува-сохора было четыре сына … После кончины Дува-сохора четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-мэргэна и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда — то и пошло четвероплемение Дорбен ирген» (т.е. Дурбэн ойрад. — П.К.).

Таким образом, в монгольских летописях зафиксированы: во-первых, генетическое родство царского рода монголов с ойратами, во-вторых, брачное родство (не генетическое) с хори-бурятами, в-третьих, брачное же родство хоринцев с баргутами. Все это указывает на сложный характер бурятской этнической генеалогии. X век, к которому восходит упоминание исторического ойконима Баргуджин-тукум и его владетеля Баргудай-мэргэна, олицетворяющего племя баргутов, является датой текущей (промежуточной стадией) истории баргутской общности на исторической арене.

Напрашивается необходимость спуститься по следам баргутов вглубь веков — в тюркский период истории Центральной Азии. В «Повествовании о Доме хойху» из китайской летописи Таншу, в главе 217, среди 15-ти основных крупных племен теле значится поколение (племя) байегу. Все телеские поколения считались подданными Дома тукюэ, и, как сказано, тукюэсцы «их силами геройствовали в пустынях севера» [Бичурин, с. 301-302]. Но временами составив коалиции некоторых сильных племен во главе с хойху, в числе которых всегда были байегу, то восставали, то снова покорялись. В «Повествовании о Доме тукюэ» говорится, в частности, что тукюэский каган Мочжо, воюя с коалицией 9-ти восставших родов, погиб в стычке «с толпой разбитых баегусцев» на р. Дулэ (р. Тола — примечание автора в сноске) [Там же, с. 213]. В конце концов, телесцы победили тукюэсцев и установили свой каганат Дома хойху (745-840 гг.).

Основные земли обитания главенствующего племени хойху находились «при реке Солин (Селенга — примечание автора)». Хойху имели 100 тыс. народа, 50 тыс. войска. Специально о байегу говорится, что они жили рассеянно по северной стороне Великой песчаной степи, занимали около тысячи ли пространства, на востоке кочевали в смежности с Мохэ. Имели до 60 тыс. кибиток, войска 10 тыс. человек. И еще: «Сия страна богата травами, производят хороших лошадей, превосходное железо. Есть речка, называемая Кангань… Страстно любили звериную ловлю, землепашеством мало занимались… Обычаи большей частью сходствовали с тйелескими, в разговоре была небольшая разница» [Там же, с. 301]. Такова характеристика страны байегу по китайским историческим летописям.

В этнологии Центральной Азии, Монголии и Бурятии издавна стало общим местом отождествлять этнонимы байегу танских хроник, байырку рунических камнеписных текстов

на мемориале древнетюркских каганов на р. Орхоне (VIII в. н.э.) и более поздний монгольский этноним баргут//баргуд.

Извлечем имеющиеся сведения из памятников древнетюркской письменности. На памятнике в честь Кюль-Тегина о его боевых походах пишется, в частности (малая надпись): «Налево (т.е. на север) я прошел с войском вплоть до страна Йир-Байырку…». В большой надписи написано: «…То войско мы там уничтожили. После этого великий Иркин племени Йэр-Байырку стал нам врагом; мы их (его?), рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун. Великий Иркин бежал с немногими только мужами». И еще небольшая деталь, относящаяся к теме в эпизоде из сцены битвы в войне с кыргызами: «… с их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку…» [Малов, 1951, с. 43-41].

Имеются разночтения в локализации мест обитания байырку того времени, но с нашей точки зрения, не будет ошибкой определить территорию расселения этой достаточно крупной племенной общности — примерно по северу Монголии и югу Забайкалья, от рр. Толы и низовья Селенги до Далай-нура и Аргуни. Позднее в связи с «киданьским натиском» ареал байырку/баргутов, был стеснён и сдвинут в район Прибайкалья, и уже с киданьского времени могла стать известной как земля/страна Баргуджин-Тукум (ставшая родиной матрилинейных предков Алтан уруг/Золотого рода Чингис-хана), о локализации которой большинство исследователей склоняется к мнению о Трансбайкальском местоположении, т.е. по обе стороны Байкала.

Об именах, составляющих бурятскую генеалогию. Таким образом, этноним баргут/баргуд и его носители были возведены во главу бурятской этнической генеалогии в форме эпонима Баргу-баатур//Барга-Баатар. Баргутская общность была обширной и многоплеменной. Рашид-ад-Дин в разделе о племенах: баргут, хори, тулас, тумат пишет, что они «близки друг с другом, их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища находятся на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум,.. в тех пределах сидело множество других племен: ойрат, булагачин, кэрэмучин,…и ойин-урянха было близко к этим границам» [Сборник летописей, Т. 1, кн. 1, с. 121].

Об этимологии названия баргут написано в литературе много разнотолков, и противоречий по существу вопроса не имеется. Сошлюсь для краткости лишь на работу Д.Д. Нимаева, где пишется, что тюркское байырку имеет примерно то же значение, что монгольское барга — грубый, примитивный. Видимо, так их называли вследствие того, что обитали в отдаленных горнотаежных районах — «бар тайгын (или барга дайдын) барга зон» [Нимаев, 2000, с. 79]. Добавим, что в словаре бурятского и монгольского языков «барга» имеет значение «грубый, некультурный», «барга зон» — чернь, черный люд. Можно согласиться с автором, что байырку/баргутскую общность мы вправе рассматривать как союз племен.

О происхождении имени «бурят» наиболее убедительной является версия, выдвинутая Ц.Б. Цыдендамбаевым [1972, с. 274-279], согласно которой это имя происходит от тюркоязычного слова буре/бури/боря — тотемического названия племени/рода волка (по бурятски и монгольски — соответственно шоно и чоно/чино). Род шоно, т.е. по-тюркски волк, широко распространен среди эхиритских бурят, ойратов Монголии и Синьцзяна и калмыков Поволжья, что указывает на былую ойрато-бурятскую общность. Кроме того, среди эхиритов есть род бура/буура, который, можно полагать, является родом, сохранившим тюркоязычное наименование.

Но самое интересное о роде шоно/чоно/чино состоит в том, что это тотемическое имя носит легендарный прародитель царского рода монголов Буртэ-Чино (в переводе Волк-Волк). Это указывает на то, что этноним бурят восходит к древнейшему тотемическому сознанию тюрко-монгольских этносов, уходящих в древнетюркскую и далее в хуннскую эпоху.

Происхождение племени хори и его имени, как известно, связывают с известными из орхонских рунических эпитафий племенами курыкан/уч курыкан (гулигань танских хроник) —

фури/кури из сочинений мусульманских арабоязычных источников Х1-ХІ1 вв (Гардизи, Марвази) — кури/куркан из «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина — кули из Юань-ши [Румянцев, 1962]. Основу этнонима хори составляет хор. Ю.Н. Рерих полагал, что хор — не что оное, как тибетская транскрипция китайского ху, коим обозначались племена иранского и тюрко-монгольского корней [1999, с. 89]. То же самое пишет В.П. Васильев и замечает, что название ху давалось преимущественно жителям к западу от Китая [Румянцев, 1962, с. 127, прим. 3]. Г.Н.Румянцев считает вероятным, что хор — это множ. число от хо- или ху-, но приводит несколько двусмысленное, на мой взгляд, замечание Миньчжула хутухты, что хор «испорчено» китайцами в ху [1962, с. 127]. Мне кажется, нельзя игнорировать возможность того, что ху — это иероглифическая передача монг. ху(н) «человек» или хун(уд) «люди». С этим термином скорее всего связаны такие этнонимы как хунну, дунху, хуньюй, хуньи эпохи хунну, в средние века — хунь (в тюркояз. траскрипции — кун). Этноним же хор вероятно происходит от ираноязычных тохаров-юэчжей, соседей цянов, си-жунов — будущих тибетцев, перенесших его на тюрко-монгольское население постхуннской эпохи. В конечном счете это имя осталось за монголоязычными этносами, в частности, у хоринского племени, как экзоэтноним.

За именем Оледай/Оледой — старшего сына Баргу батура/Барга-Баатара — стоит, как упоминалось выше, племена олеты или ойраты, родственные бурятам по линии общего теле-уйгурского, а в его рамках байырку-курыканского наследия, и расселявшееся в тот период от Прибайкалья по Южной Сибири и Западной Монголии, впоследствии ушедшее частью на запад в Поволжье, частью в Восточный Туркестан и Синьцзян (но подробности о них не входит в задачу данной работы).

Данные средневековой археологии этнической Бурятии. Памятники археологии представлены могильниками, поселениями, городищами, наскальными рисунками. Общая датировка памятников средневековья — от VI до XVI вв. Выявлены следующие археологические культуры:

- в Предбайкалье с переходом на восточное побережье Байкала (Верховья Ангары и Лены, Приольхонье, Ольхон, Баргузинская долина, низовье Селенги) — курумчинская культура (VI-XIV вв.);

- в западном Забайкалье — по долинам и притокам рр. Селенги, Уды, Хилка, Джиды — хойцегорская культура (VII-IX вв.) и саянтуйская культура (XI — XIV вв.);

- в восточном Забайкалье — по долинам рр. Хилка, Ингоды, Шилки, Онона — бурхатуйская культура (IV-IX вв.), дарасунская кульутра (VI-X вв.), раннемонгольская культура (XI-XIV вв.), ундугунская культура (XII-XV вв.);

Курумчинская культура этнически определяется как курыканская [Окладников, 1955], переходящая в раннемонгольскую [Дашибалов, 1995], хойцегорская культура — как теле-уйгурская [Сосновский, архив], трансформирующаяся также в раннемонгольскую, но можно ее называть байырку — баргутской [Коновалов, 1989]; саянтуйская культура — как раннемонгольская [Дебец, 1926; Сосновский, архив; Именохоев, 1989; Коновалов, 1989] или как кипчакская (тюрки — теле) [Дашибалов, 2002]; бурхатуйская культура определяется как сяньби-шивэйская; дарасунская культура — как байырку-баргутская [Ковычев, 1984, 1989]; ундугунская культура — как тунгусо-монгольская (конные тунгусы) [Там же].

Таким образом, культуры Предбайкалья и Западного Забайкалья этнически трудно дифференцируемы между тюркоязычными и монголоязычными этносами средневековья — теле-уйгурами, байырку-баргутами и курыканами-хори, а культуры Восточного Забайкалья также нелегко различимы между монголоязычными и тунгусоязычными этносами (шивэй-монголами и шивэй-мохэ-тунгусами) и тюрко-монголами (байырку-баргутами).

Взгляд в дальнюю ретроспективу этногенеза. Как известно, историография этногенеза бурят достаточно богатая. Были и есть разные теории и гипотезы, ориентированные на идеи автохтонизма и миграционизма. Но при любых вариантах концептуально-методологического решения проблемы этногенеза трактовка культуры бурят по типологической классификации народов

рассматривалась в рамках центральноазиатского нномадизма. Правда, в культурогенезе бурят выявляются древнейшие и очень далёкие западные культурные связи, уходящие в ближневосточную древнюю цивилизацию и мир индоиранских и индоевропейских кочевников-мигрантов. В обрядовом фольклоре бурят Д.С. Дугаровым выявлены яркие убедительные связи с индоевропейской мифологией, находящие свое подтверждение в археологических культурах Монголии и Забайкалья бронзового века [Дугаров, 1991].

Однако среди российских ученых ведётся целенаправленная разработка концепции дальневосточного (Маньчжурия, Приамурье, Корея) происхождения монголов вообще, в том числе и бурят [Кызласов, 1975; Кычанов, 1980; Шавкунов, 1987; Дашибалов, 2005]. Б.Б. Дашибаловым в археологии Бурятии разрабатываются связи с дальневосточными культурами, в фольклоре бурят выявляются интересные свидетельства некогда оседлой культуры, земледелия, знакомства с морской стихией и т.п., что вносит кардинально новое в существующее представление о бурятской культуре.

В такой ситуации исследователям необходимы, кроме накопления фактологии, методологические поиски решения проблемы этнокультурогенеза бурят, как впрочем, и всех монголоязычных народов. В этом плане мной была предложена концепция двух ветвей этногенеза монголов — хуннуская, связанная с Центральной Азией, и дунхусская, связанная с Маньчжурией и Приамурьем [Коновалов, 1999, с. 103-106; 2002, с. 60-66]. Такая концепция получила поддержку ряда ученых, в том числе лингвистов [Комиссаров, Варёнов. 2002, с. 154-156; Рассадин, 2005, с. 147].

Появление племенных группировок хунну и дунху было отмечено в китайской исторической хронике периода Чжаньго (403-221 гг. до н.э.), из которой можно заключить, что прежде северные варвары-кочевники именовались общим термином «ху», и только со временем произошло разделение их на две названные группировки. Наименованию хунну в китайских летописях был придан смысл «злой варвар, невольник», а дунху переводится как восточный варвар (потому что обитали к востоку от хунну) [Материалы…, 1984, с. 39]. К дунхуской группе относятся племена ухуань, сяньби, муюн, туфа, шивэй, кумоси, кидань туюхунь, жужань и др.

Хуннуская группировка образовалась, по нашей версии, основанной на анализе китайских летописных данных, в результате многовековых контактов ху с их западными и юго-западными соседями — жунами, ди, жун-ди, т.е. она изначально была смешанного состава. В дальнейшем история хуннуских этносов прошла через кочевые государственные образования Хунну, Сяньби, Жужань, Тюркский и Уйгурский каганаты, в которых шёл процесс тюрко-монгольского суперэтнического культурогенеза, сопровождаемый этнотрансформационными явлениями [Коновалов, 1999].

Судя по всему, с этой хуннской ветвью и связан в основе своей этногенез и этническая история бурят. Об этом говорят вышеизложенные письменно-исторические данные тюркского, уйгурского, киданьского и монгольского периодов, а также известные археологические данные, воссоздающие вкупе тот исторический процесс, по сути своей, суперэтнического характера, в рамках которого и складывалось генеалогическое сознание бурятского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Билэгт Л. К вопросу о достоверности родословной Чингис-хана // Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 1995. — Т. 15.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Т. 1.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. — Улан-Удэ, 1995.

Дашибалов Б.Б. На тюркско-монгольском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). — Улан-Удэ, 2005.

Дашибалов Б.Б. Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа Юго-Восточной Сибири // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. — Владивосток, 2002. — С. 262-271.

Дебец Г.Ф. Могильник железного века у с. Зарубино // Бурятиеведение. — 1926. — № 2.

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. — М., 1991.

Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С. 55-62.

Ковычев Е.В. История Забайкалья I — середины II тыс.н.э. — Иркутск, 1984.

Ковычев Е.В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С. 21-27.

Комиссаров С.А., Варенов А.В. Новые подходы к изучению этнической истории Центральной Азии (древность и средневековье) // Вестник НГУ. Сер.: история, филология. — 2002. — Том 1. выпуск 2: Востоковедение. — С. 154-156.

Коновалов П.Б. Две ветви монгольского этногенеза // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор 5-12 августа 2002): Докл. рос. делегации. — М., 2002. — С. 60-66.

Коновалов П.Б. Корреляция средневековых культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С. 5-21.

Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). — Улан-Удэ, 1999.

Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск, 1975. — (История и культура востока Азии).

Кычанов Е.И. Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1980. — (История и культура востока Азии.).

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. — М.; Л., 1951.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. — М., 1984.

Нанзатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI-XIX вв.). — Иркутск, 2005.

Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. — Улан-Удэ, 2000.

Окладников А.П. История Якутской АССР. — Л., 1955. — Т. 1.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Бурятского края. — Иркутск, 1922.

Рассадин В.И. К проблеме формирования монгольских языков // Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор 8-12 августа 2006 г.): Докл. рос. ученых. — М., 2006. — С. 322-330.

Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. — Самара, 1999.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1962.

Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А.Козина. — Улан-Удэ, 1990.

Сосновский Г.П. (Архив ЛОИА АН СССР, фонд 42).

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. — Улан-Удэ, 1960. — Т. 3

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. — Улан-Удэ, 1972.

Шавкунов Э.В. Еще раз об этимологии этнонима монгол // Древний и средневековой Восток. — М., 1987. — С. 165-171.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Л.В. Лбова
Новосибирск, Новосибирский государственный университет

ИННОВАЦИОННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛЕВАЯ ШКОЛА» (2006-2008 гг.)

Изменения в области развития гуманитарного знания в России в целом, изменения к требованиям качества подготовки специалистов в системе высшего профессионального образования в частности, диктуют необходимость подготовки специализированных кадров как в сфере археологии, так и других дисциплин, составляющих междисциплинарные связи современной науки. Актуальность этого вопроса в значительной степени вызвана активизацией хозяйственного строительства и реализацией трансконтинентальных проектов газопроводов, нефтепроводов, автодорог, сети гидроэлектростанций. Развитие законодательной базы в части охраны культурного наследия требует обеспечение спасательных и историко-культурных экспертных работ квалифицированными кадрами. Во избежание негативных культурно-экологических последствий активного развития сырьевой экономики в России контрагентом данного процесса должна выступать деятельность развитых и высококвалифицированных охранных сообществ. В этой ситуации значительное внимание уделяется подготовке специалистов в области охраны природы, тогда как подготовка специализированных кадров в области культурного наследия не предусмотрена действующим Перечнем специальностей высшего профессионального образования.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что одним из актуальных направлений интеграции гуманитарной науки и вузов в регионах России обозначена тема региональной безопасности. Проблематика исследований подразумевает изучение взаимодействия народов, культур, религий в таких крупных и значимых регионах, как Сибирь (исторический опыт, современное состояние и перспективы). Это также актуализирует проблему подготовки специалистов в области «академической» археологии, этнографии, социальной и культурной антропологии, и прикладных направлений — охраны памятников и музееведения, регионоведения.

Пути реализации усматриваются нами как в процедуре введения специальностей «Археология» в Перечень специальностей ВПО (стандарты третьего поколения), так и организации и открытии региональной магистратуры по специальности, организацией целевых наборов и возможной ранней специализации студентов на гуманитарных факультетах госуниверситетов.

Требование введения специальности в «Археология» в Перечень специальностей высшего профессионального образования диктуется не только обозначенными стратегическими интересами России, но и сложившейся научно-образовательной практикой российских вузов. На сегодняшний день подготовка специалистов в области археологии и этнографии во многих российских, в т.ч. в сибирских вузах осуществляется практически во всех государственных классических университетах, при этом можно говорить о сложившихся «школах», а также в педагогических и технических университетах. Несмотря на то, что каждый факультет (при наличии соответствующего

кадрового и материального потенциала) может строить более гибкие учебные планы с учетом региональной специфики, такое решение проблемы является суррогатным и не соответствует масштабу значимости подготовки специалистов в области археологии и этнографии.

Как нам представляется, современные факторы развития археологической науки требуют усиленного внимания к совершенствованию методических приемов полевых работ, повышения квалификации исследователей, организации более действенного и жесткого контроля над раскопочной практикой археологических экспедиций. Резкое увеличение объема и расширение географии археологических раскопок вызваны не только развитием самой археологической науки в России и усложнением стоящих перед ней исследовательских проблем, но и задачами подготовки квалифицированных кадров. Работа отделения археологии гуманитарного факультета НГУ не ограничивается только рамками учебных программ и производственных практик. С 2006 г. Институтом археологии и этнографии СО РАН и отделением археологии ГФ НГУ начат новый проект «Сибирская археологическая полевая школа».

Проект организации и проведения первой в Сибири полевой археологической школы направлен на поиск новых форм интеграции гуманитарной академической науки и высшего образования, повышение квалификации студентов старших курсов и аспирантов вузов, развитие коммуникационных связей в молодежном научном сообществе Сибири. Полевая школа является логическим продолжением традиций РАЭСК (российских археолого-этнографических студенческих конференций, проведение которых в течение последних 50 лет является мероприятием регулярным), ориентирована на обучение студентов и аспирантов новейшим технологиям и практическим навыкам полевых, экспериментальных и камеральных археологических исследований. Участники школы — аспиранты и студенты вузов и научных учреждений Сибири и Дальнего Востока (г. Владивосток, Благовещенск, Чита, Улан-Удэ, Красноярск, Кемерово, Барнаул, Новосибирск, Омск, Минск, Бишкек), научные сотрудники ИАЭТ СО РАН, преподаватели и сотрудники НГУ, МГУ, КГПУ, ИГУ. В качестве преподавателей приглашались ведущие сотрудники ряда научных институтов РАН.

Программа проведения полевой школы предполагали теоретические и практические курсы по шести основным направлениям (программам), которые за трехлетний цикл были реализованы следующим образом:

1. Современные методы и методики полевой археологии

2006 г. — лекция и практикум к.и.н. А.В. Постнова «Позиционирование археологических объектов в пространстве и новые технологии фиксации археологических памятников»; лекция и практикум к.и.н. А.Л. Заики «Новые методики изучения и фиксации петроглифов»; лекция и практикум к.и.н С.Г. Скобелева «Особенности методики поиска и раскопок памятников позднего средневековья и нового времени»;

2007 г. — лекция и практикум к.и.н. А.В. Постнова «Позиционирование археологических объектов в пространстве и новые технологии фиксации археологических памятников, часть 2», курс «Программа 3D MAX для фиксации артефактов»;

2008 г. — лекции д.и.н. М.В. Шунькова «Междисциплинарные исследования объектов палеолитического возраста (Денисова пещера, Карама)», д.и.н. А.П. Бородовского «Методика поиска петроглифов в горных районах Алтая».

2. Классификация и типология артефактов

2006 г. — лекция к.и.н. Е.В.Артемьева «Проблемы классификации артефактов каменного века в условиях водохранилища», практикум «Археологический рисунок: особенности рисунка дефлированных артефактов»;

2007 г. — лекция к.и.н. Л.Н. Мыльниковой «Современные методы исследования археологической керамики».

3. Методы естественных наук в археологических исследованиях

2006 г. — лекция проф. Аризонского университета США Кристи Тернера «Биоархеология»; практикум д.г.-м.н. В.П. Чеха «Стратиграфическая схема плейстоценовых отложений Куртакского района»;

2007 г. — лекция и практикум к.б.н. Г.А. Воробьевой «Картография для археологов. Работа с крупномасштабными топографическими картами и создание пояснительных записок для территории исследований», лекция д.б.н. С.В. Васильева «Методика полевых палеоантропологических исследований», лекция к.б.н. О.Ю. Наумовой «Методы отбора образцов для палеогенетический исследований», лекция и практикум проф. Р. Лозей (Канада) «Введение в зооархеологию», лекция д.б.н. В.А. Шенина «Методики полевых генетических исследований»;

2008 г. — лекции д.б.н. А.К. Агаджаняна «Эволюция жизни, современные концепции»; «Палеотериологические методы при изучении археологических объектов», д.б.н. С.В. Васильева «История антропологических учений», «Проблема взаимоотношений популяций неандертальцев и сапиенсов на антропологическом материале», к.б.н. С.Б. Баруцкой «Методика обработки антропологических коллекций».

4. Экспериментальная археология

2006 г. — лекция д.и.н. П.В. Волкова «Введение в экспериментальную археологию», практикум «Основы расщепления камня»;

2007 г. — лекция д.и.н. П.В. Волкова «Экспериментальная археология при планиграфических исследованиях», практикум «Способы организации костров», «Получение огня»; практикум к.и.н. Л.Н. Мыльниковой «Способы изготовления керамических сосудов»;

2008 г. — лекции д.и.н. П.В. Волкова «Планиграфические исследования» и практикумы «Основы расщепления камня»; «Способы охоты»; практикум к.и.н. Л.Н. Мыльниковой «Способы плетения сетей», лекция Л.С. Кобелевой «Техника орнамента керамики», практикум «Орнаментация керамических изделий»; лекция и практикум д.и.н. А.П. Бородовского «Косторезное производство в древности».

5. Геоархеология, реконструкция палеогеографических условий

2006 г. — лекция-экскурсия д.и.н. Н.И. Дроздова, д.г.-м.н. В.П. Чеха, к.и.н. Е.В. Артемьева «Археология, стратиграфия и палеогеография Куртакского геоархеологического района»;

2007 г. — лекция и практикум д.б.н. М.И. Дергачевой «Введение в археологическое почвоведение», лекция к.б.н. Г.А.Воробьевой «Геология Байкальской рифтовой зоны»,

2008 г. — лекция д.и.н. М.В. Шунькова «Четвертичная геология, стратиграфия и палеогеография в исследованиях палеолита на Алтае», д.б.н. А.К. Агаджаняна «Реконструкция природной среды на Алтае в плейстоцене-голоцене по данным микрофауны».

6. Охрана историко-культурного наследия

2006 г. — лекция-экскурсия к.и.н. А.И. Готлиба «Современные методы раскопок тагарских курганов. Проблемы музеефикации археологических объектов» на примере объекта Барсучий лог в Хакасии;

2007 г. — лекция д.и.н. Л.В. Лбовой «Историко-культурное наследие Сибири: проблемы изучения и сохранения», лекция М.Я. Скляревского «Правовое регулирование в области охраны археологического наследия», практикум Т.Ф. Пержаковой «Сметно-финансовые расчеты стоимости археологических работ в зонах новостроек»;

2008 г. — практикум Г.И. Марковского «Комплексное изучение и музеефикация пещерных объектов Алтая».

Немаловажным обстоятельством при выборе площадок для реализации проекта был опыт, накопленный Институтом археологии и этнографии СО РАН, Красноярским госпедуниверситетом им. Астафьева, Иркутским госуниверситетом в организации и проведении научных симпозиумов и конференций с экскурсионными турами.

Во время экскурсионных поездок участники школы знакомились с различными по хронологии и типологии объектами историко-культурного наследия (местонахождениями каменного века в стратифицированном и экспонированном состоянии, могильниками различных типов, петроглифами, каменоломнями, памятниками истории нового и новейшего времени). А также музейными археологическими и этнографическими коллекциями.

Выбор места проведения первой школы в 2006 г. — Красноярский край и Хакасия был не случаен и оправдан как историческими традициями развития археологии в России, огромным потенциалом историко-культурного наследия территорий, организацией первых археологических музеев в Сибири. Палеолитические комплексы были представлены объектами Куртакского археологического района (Куртак, Разлог, Каменный Лог, Каштанка, Бережково и др.) и памятников в районе Майнинской ГЭС (стоянки позднего палеолита Майнинская, Сизая, Голубая, Уй). Памятники неолита и бронзового века были представлены комплексами петроглифов в Шалаболино, афанасьевскими, окуневскими и курасукскими памятниками в могильных комплексах на горе Георгиевской у д. Тесь. Курганы железного века тагарской культуры продемонстрированы у залива Сарагаш, в местности Барсучий лог, Салбык с посещением раскопанных и нераскопанных курганов; таштыкские могильники осмотрены в районе Шалаболино. Большой интерес вызвали материалы и экскурсия на Саянский острог (18в.). Некоторые элементы этнографии русских и хакасов были представлены как музейными материалами в г. Абакане и с. Шушенское, так и наблюдением за использованием археологического памятника (Большой Салбыкский курган) в современной религиозной практике неошаманистов. Материалы и коллекции Хакасского и Минусинского краеведческих музеев, отражающие этапы историко-культурного развития Южной Сибири и представленные в музейных экспозициях, дополнили полевые впечатления.

Полевые экскурсии 2007 г., организованные в рамках международной конференции «Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология», посвященной 100-летию известного ученого, археолога и антрополога — М.М. Герасимова, позволили участникам полевой школы познакомиться с особенностями археологии Прибайкалья и Приангарья. Экскурсия по археологическим объектам долины р. Белой (по «герасимовским» местам) — Горелый Лес, Мальта, Мальтинка, Георгиевское, Сосновый Бор — показали многообразие геоархеологических ситуаций плейстоценовых объектов. Второй блок полевых экскурсий был направлен на демонстрацию своеобразия байкальской археологии: путешествие к истокам р. Ангары, экскурсия в местность Сахюртэ (комплекс памятников каменного века — эпохи средневековья, стоянки, могильники, петроглифы, мастерские), по побережью Куркутского залива Малого моряе оз. Байкал по археологическим объектам побережья Малого моря (многослойные объекты Улан-Хада, Берлога, Итэрхэй, средневековые укрепления Шибэтэ). Кроме того, участники посетили музей Байкала в с. Листвянка, архитектурно-этнографический музей под открытым небом «Тальцы», поработали с коллекциями Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН.

Экскурсионная программа 2008 г. была направлена на ознакомление с уникальными объектами археологического наследия на территории Алтая: объекты палеолита Денисова пещера, Карама, Усть-Каракол, пещера Усть-Канская и др.; объекты бронзового — раннего железного века — Каракол, петроглифы Мыюта. Бичигту-Бом и др.; уникальные памятники скифского времени — царские курганы Башадар, Туекта, Манжерок и др.

В целом, на материалах экскурсий участники усваивали не только конкретные знания об археологических эпохах и памятниках, но и приобретали навыки организации научного туризма, а так же адекватно смогли оценить ситуацию в области охраны памятников истории и культуры федерального значения.

В качестве учебно-методического обеспечения работы школы были изданы 23 учебно-методических пособия по современным методам поиска и исследования археологических объектов, экспериментальной археологии, охране культурного наследия (в т.ч. и путеводители к экскурсиям).

По итогам трехлетнего проекта была проведена конференция по результатам самостоятельных исследований участников (студентов и аспирантов) в которой приняли участие 30 докладчиков.

Иные показатели эффективности могут быть представлены в следующих показателях: к 2008г. 5 участников проекта защитили кандидатские диссертации, 4 человека поступили в аспирантуру, 6 человек защитили дипломы. Кроме вышеперечисленного была подготовлена и реализована программа зарубежных стажировки студентов и аспирантов НГУ и ИАЭТ СО РАН в Университете Бордо-1 (Франция) (2007, 2008) и Университете Вайоминг (США) (июль, 2008) в рамках совместных научно-образовательных программ по проблемам палеолитоведения, культурной и физической антропологии.

В целом методологическое, методическое и практическое наполнение программы всеми участниками проекта оценивается как положительный опыт, который следует тиражировать и развивать. Итоги и перспективы Сибирской археологической полевой школы рассматриваются нами как вариант развития интеграции академической науки и высшей школы, форма дополнительного профессионального образования, способ формирования нового научного сообщества.

Участники и организаторы школы выражают свою глубокую признательность руководству ИАЭТ СО РАН, ректорату Новосибирского госуниверситета, сотрудникам и преподавателям Красноярского государственного педагогического университета им. Астафьева и Иркутского государственного университета за инновационные учебные курсы и возможность развития творческих контактов, раскрытия потенциала молодых исследователей в благоприятных условиях. Особая благодарность академику В.И. Молодину — руководителю программы развития научного потенциал НГУ в 2006-2008 гг.

Г.В. Любимова
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

РАЗРАБОТКА СПЕЦКУРСА ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА для студентов гуманитарных специальностей*

Системный характер кризиса современного общества, основанного на идеологии потребления, выявил невозможность решения экологических проблем исключительно технико-технологическими средствами. Необходимым условием выживания человечества, своего рода «экологическим императивом XXI века», как считают эксперты, является формирование нового универсального экологического мышления, с которым связывают перспективное развитие как региональных, так и мировых сообществ [Римашевская, Галецкий, 2001, с. 60-62.]. Один из путей решения указанной задачи предполагает изучение и осмысление исторического опыта адаптации этнических и социальных общностей к меняющимся условиям среды обитания, а также анализ экологических парадигм, выработанных религиозно-философскими системами прошлого и настоящего, в рамках спецкурсов по этнической экологии отдельных регионов.

Современные государственные стандарты высшего профессионального образования предусматривают включение экологической проблематики в программы обучения студентов различных специальностей. Проблема, однако, состоит в том, что в сложившейся системе образования экологами за редким исключением повсеместно выступают специалисты-биологи. Вопросам социальной, а тем более, этнической или исторической экологии уделяется гораздо меньше внимания. И это несмотря на то, что экология в настоящее время перестает быть исключительно биологической дисциплиной, изучающей системы живых организмов в их отношении к окружающей среде, а трансформируется в универсальную науку о человеческом Доме, то есть, становится парадигмой научного знания в целом. Показателем растущего интереса к гуманитарным аспектам экологии можно считать появление таких новых научных направлений, как гуманитарная экология, сакральная экология, экологическая этика и пр. [см.: Борейко, Морохин, 2001; Огудин, 2003]. Все это говорит о назревшей на сегодняшний день необходимости разработки целенаправленных программ экологического образования и воспитания именно для студентов-гуманитариев.

Одной из важнейших предпосылок формирования нового экологического мышления является выявление региональных особенностей взаимодействия этнических и социальных общностей с окружающей средой. Учитывая специфические проблемы сибирского региона [Марков, 2001, с. 86], в том числе, стремительное сокращение невозобновимых природных ресурсов в зонах интенсивного промышленного освоения, являющихся зачастую территориями традиционного природопользования коренных малочисленных народов, необходимость подобных образовательных программ, разработанных на материалах Сибири, не вызывает сомнения.

Поставленная задача представляется тем более актуальной, что обретение целостного, холистичного мировосприятия, являющееся главной задачей новейших философских течений (таких, как «энвайроментализм», «глубинная экология», «экофеминизм» и др.), возможно не только, как считают многие современные философы, на путях обращения к учениям Востока; так, по словам И.В. Черниковой, критический анализ западного мировоззрения, породившего экологический кризис, привел к попыткам «связать современную экологическую науку с онтологиями Восточных учений» [Черникова, 2001, с. 41]. Ярким примером непосредственного переживания единства мира, ощущения глубокого тождества природы и человека может служить традиционное мировоззрение коренных народов Сибири [Любимова, 2004, с. 115].

Как показано в современных исследованиях, экологические традиции, аккумулировавшие исторический опыт успешной адаптации человеческих коллективов к природной среде, в прошлом всегда имели этническую окраску, поскольку формирование адекватных природному окружению способов жизнедеятельности исторически сопровождалось появлением таких признаков, которые сегодня принято называть этническими [Любимова, 2008, с. 344].

Устойчивость развития этнических общностей традиционного типа, экологическая направленность их жизнедеятельности, обеспечивались за счет создания систем равновесного природопользования. Отношения традиционных этнических общностей с окружающей средой строились на принципах диалога: природа при этом рассматривалась не столько как объект одностороннего воздействия, сколько как субъект двустороннего взаимодействия, его полноправный участник. Именно по этой причине религиозно-мифологические, языческие, по сути, воззрения были, как считается, «значительно экологичнее» других, более поздних религиозных систем [Косарев, 2003, с. 33-39].

В отличие от традиционного мировоззрения, основанного на идеях единства человека и окружающего мира, новое рационалистическое мировосприятие, возобладавшее в науке и философии, начиная с Нового времени, строилось на противопоставлении природы и человека. Иными словами, при переходе от традиционного общества к современному, как отмечали в свое время классики марксизма, природа перестает быть «самодовлеющей силой» и «объектом суеверного поклонения», а становится всего лишь «полезной для человека вещью». Движение современной цивилизации к глобальному экологическому кризису, считает Эл Гор, было обусловлено «старой философской ошибкой». С некоторых пор, пишет автор, «мы стали считать, что жизнь человека прямо не связана с жизнью природы». Пав «жертвой собственного технологического высокомерия», мы решили, что бестелесный разум способен манипулировать миром, как только ему вздумается [Гор, 1993, с. 160, 226 и др.].

Идея преобразования мира и подчинения человеком природы на долгое время стала определяющим вектором развития всего общества, что как нельзя лучше отразилось в лозунгах советской эпохи: «природа не храм, а мастерская», «мы не можем ждать милостей от природы» и пр. Идеология борьбы и покорения природы серьезно деформировала не только природную среду обитания, но и самого человека.

Тем не менее, с первыми признаками глобального экологического кризиса человечество столкнулось лишь на новейшем этапе своей истории, в середине XX века, когда разразившийся в масштабах всей планеты демографический взрыв послужил одним из катализаторов «идеи об ограниченности природных ресурсов и важности учета экологических факторов» [Козлов, 1983, с. 3; 1994, с. 46]. Крушение прежней научной парадигмы, допускавшей, что при любых масштабах человеческой деятельности ее влияние на природу будет носить локальный, ограниченный характер, всегда оставаясь «пренебрежительно малой величиной» [Марков, 1986, с. 6], сопровождалось шоковой стадией осознания ситуации, вызвавшей на Западе поток «алармистской литературы». Следующая волна инициатив проявилась в многочисленных предложениях по созданию альтернативных систем природопользования, в том числе, таких, как «биологическое земледелие», «пермакультура» и др. Спектр предлагаемых на сегодняшний день решений чрезвычайно широк — от предложений по реконструкции биосферы до призывов к индивидуальному совершенствованию на основе различных религиозно-философских учений. Более того, массовые движения в защиту окружающей среды (независимо от того, являются ли они светскими или религиозными), по оценкам специалистов, начинают играть в современном мире роль одного из значимых факторов глобализации в целом [Бергер, 2004, с. 12]. Основным постулатом новой экологической парадигмы становится при этом осознание и научное обоснование эволюционного единства человека и его природного окружения [Черникова, 2001, с. 36].

Закономерности смены мировоззренческих систем, определяющих принципы взаимоотношений Природы и Человека, хорошо прослеживаются на материалах сибирского региона [см.: Этноэкологическая история, 2005; Мордкович, 2007 и др.]. Структура предлагаемого спецкурса по этнической экологии Сибири для студентов-гуманитариев включает в себя несколько разделов.

В первом тематическом блоке рассматриваются вопросы, связанные с предпосылками возникновения этнической экологии как самостоятельной научной дисциплины, расположенной на стыке этнологии и социальной экологии, а также ее предмет и методы исследований. Особое внимание уделяется понятийно-категориальному аппарату данного научного направления. В этой связи отметим, что в последнее время наряду с такими устоявшимися терминами, как система жизнеобеспечения, опыт природопользования и пр., в научной литературе широко используются такие категории, как типы экологического сознания (ЭС) и модели экологического поведения (ЭП), позволяющие представить целостную картину экологической культуры всего этноса или отдельной его группы. Однако, содержание указанных категорий нередко трактуется исследователями по-разному.

Чаще всего модели ЭП рассматриваются в синхронном измерении, а именно — как некие локальные варианты освоения среды обитания, само наличие которых обусловлено существованием различных экологических ниш, представляющих собой совокупность природно-климатических условий и опорных биоресурсов, ограниченных территорией проживания коллектива. При этом подчеркивается, что значительная локальная вариативность, а также комплексный характер использования природных ресурсов составляют характерную особенность традиционных систем жизнеобеспечения и обеспечивают устойчивость хозяйственно-культурных типов в целом.

Помимо этого, плодотворным представляется диахронный подход, согласно которому любые модели ЭП расцениваются как отражение особых типов ЭС, каждый из которых отличается наличием общих мировоззренческих парадигм и поведенческих установок, определяющих характер отношения данного коллектива к природной среде. При этом бережное, позитивно-ценностное (экофильное) отношение к природе противопоставляется разрушительному, хищнически-потребительскому (экофобному), основанному на понимании природы как пассивного объекта переработки и утилизации. По этой причине все разделы спецкурса построены на изучении специально подобранных источников по истории, фольклору и этнографии русского и аборигенного населения Сибири, позволяющих выявить как экофильные, так и экофобные тенденции развития этноэкологических систем в прошлом и настоящем.

Второй тематический блок спецкурса посвящен характеристике экологических основ традиционного мировоззрения народов Сибири. В данном разделе рассматриваются экологические аспекты промысловой деятельности, а также традиционные экологические знания сибиряков в сфере земледелия и скотоводства, в том числе, промысловые, земледельческие и скотоводческие культы, нашедшие отражение в локальных вариантах сибирского народного календаря. Специальная тема посвящена нормам обычного права в сфере экологии, воплощающим в себе традиционные принципы «равновесного природопользования».

Вместе с тем, автор старается избегать односторонних оценок обществ ранних охотников, скотоводов и земледельцев как априорно «экологичных». На специальных примерах показывается, что не только производящий, но и присваивающий тип хозяйства не исключают экологических кризисов, а условия хронической нехватки средств к существованию, когда потребление биоресурсов носит характер «эпизодического (сезонного) интенсивного присвоения», могут породить «агрессивную модель экологического мировоззрения» [см.: Головнев, 1995, с. 44].

Третий тематический блок связан с проблемами модернизации традиционных обществ. В данном разделе рассматриваются современные теории модернизации, вопросы, связанные с противоречиями и парадоксами научно-технического прогресса, особенности культуры

коренных народов Сибири в условиях интенсивно промышленного освоения региона, а также современные стратегии устойчивого развития в целом.

Отдельное направление в рамках данного тематического блока посвящено изучению современных законодательных норм в сфере природопользования, а также региональных особенностей реализации Земельного, Лесного и Водного кодексов Российской Федерации на материалах Сибири.

Четвертый (заключительный) тематический блок посвящен экологической этике мировых религий, представленных на территории сибирского региона, а также вопросам экологии в новых религиозных движениях и культах, получивших распространение в Сибири. Следует отметить, что вопросы экологической этики или отношения человека к окружающей среде затрагивались практически во всех религиозных системах прошлого, хотя далеко не всегда они становились предметом самостоятельной рефлексии. Большое внимание экологической проблематике уделяется в религиях «Нового века». Таким образом, можно утверждать, что любое религиозное направление, в какую бы эпоху оно не возникло, обладает системой функций, одна из которых непосредственно отвечает за правила поведения человека с окружающей средой. Указанная сфера деятельности, регулирующая отношения людей с природным окружением как частью религиозной картины мира, получила название «экологической функции религии» [Огудин, 2001, с. 23-24]. В заключительном разделе спецкурса рассматриваются экологические доктрины некоторых неорелигиозных учений (в том числе, крупнейшего в современной России учения «Церкви Последнего Завета», адепты которого проживают на юге Красноярского края), а также перспективы развития современных экопоселений.

Адаптированный к основным этническим и эколого-культурным зонам Сибири спецкурс по этнической экологии сибирского региона будет способствовать повышению экологической культуры студентов, а также формированию активной жизненной позиции и ответственного отношения молодого поколения к себе и окружающему миру в целом.

**Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) Рособразования, при поддержке РГНФ, проект №08-01-00333а «Экологические аспекты хозяйственной деятельности и религиозно-обрядовых практик русского и аборигенного населения Сибири в XX — начале XXI вв.».*

ЛИТЕРАТУРА

Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Пер. с англ. — М.: Аспект Пресс, 2004. — С. 8-24.

Борейко В.Е., Морохин Н.В. Словарь по гуманитарной экологии. — Киев: КЭКЦ, 2001. — 96 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 606 с.

Гор Э. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух / Пер. с англ. — М.: ППП, 1993. — 432 с.

Козлов В.И. Исторические аспекты этносоциальной экологии (о проблемах экологического поведения) // ЭО. — 1994. — № 1. — С. 33-49.

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // ЭО. — 1983. — № 1. — С. 3-16.

Косарев М.Ф. Традиционная экологическая нравственность // Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. — М.: Слава; Форт-Профи, 2003. — Гл. 2: Природа и жизнь. — С. 33-39.

Любимова Г.В. К определению предметной области экологической культуры этноса // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2008. — № 20. — С. 344-353.

Любимова Г.В. Современное образование в Сибири: экологическая парадигма как фактор сохранения этнической традиции // Народонаселение Сибири в 3-ем тысячелетии: проблемы семьи, женщин, детства. — Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. — С. 114-116.

Марков Ю.Г. Социальная экология. Взаимодействие общества и природы. — Новосибирск, 1986.

Марков Ю.Г. Экологическая наука в стратегии развития сибирского региона // Гум. науки в Сибири. — 2001. — № 3. — С. 83-88.

Мордкович В.Г. Сибирь на перекрестье веков, земель и народов: Очерки этноэкологической истории региона. — Новосибирск: ИД «Сова», 2007. — 396 с.

Огудин В.Л. Сакральная экология. — Киев: КЭКЦ, 2003. — 152 с.

Огудин В.Л. Экологическая функция религии // ЭО. — 2001. — № 1. — С. 23-38.

Римашевская Н.М., Галецкий В.Ф. Демографическая глобализация и экологический императив // Глобальные проблемы демографического перехода и Россия. — М. — 2001. — Вып. 2. — С. 54-62.

Черникова И.В. Наука и философия о путях выхода из экологического кризиса // Вестник Том. гос. ун-та. Бюл. опер. науч. информации. — 2001. — № 2. — 48 с.

Этноэкологическая история Сибири: Учеб. пособие / Сост. Е.А. Пушкарева, Ю.В. Пушкарев. — Новосибирск: НГПУ, 2005. — 120 с.

Г.И.Медведев, М.Г.Туров
Иркутский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЙКАЛЬСКОЙ АЗИИ. К ИСТОРИИ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ. (ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Введение

Первые ростки научной этнологии, соединившей современные сведения и фольклорные ретросказания о народах Байкальской Азии — этнографию с палеонтологическими остатками жизни их далеких предков геологических времен Кайнозоя — археологией, надо отнести ко второй половине XIX века. Тогда в России было основано Российское географическое общество (РГО) — 1850 г. — делегировавшее к 1862 г. право быть первым научным учреждением в Северной Азии Восточно-Сибирскому Отделу Императорского Российского Географического Общества — ВСОИРГО. Волонтеры от различных отделов знания и государственных служб образовали в историографии этнографических и археологических изысканий Российской Азии научно-краеведческий вектор — этап, — который назван «всорговским».

Байкальские гидрографические и зоогеографические изыскания конца XIX века создали параллельный вектор «всорговскому» — академический общенаучный вектор. Он приобрел качество постоянного направления с организацией Байкальской Императорской Комиссии (1916 г.). Стабильность развития академическому этапу сообщили создание Байкальской экспедиции и Байкальской Лимнологической станции (1918-1925 гг.). В этом отделе начала XX века берет старт академическая этнография и археология в исполнении этих изысканий членом БИК Бернгардом Эдуардовичем Петри, вовлеченным в Байкальскую Комиссию одним из ее создателей В.Ч.Дорогостайским.

Формирование основных направлений вузовских исследований

Реально, научная археология и этнография в Северной Азии имеет годом рождения 1918 от времени открытия Иркутского государственного университета. Она целиком обязана инициативной деятельности Б.Э. Петри и его кружка «Народоведения». Научная школа Б.Э. Петри функционировала одновременно, в составе исторического факультета и Биолого-географического Научно-исследовательского института ИГУ, который к 1922 г. впервые на востоке России в реальной практике исследовательских отношений объединил все гуманитарные и естественные научные направления. Археологи составляли половину числа общей массы коллаборантов института. Можно сказать, что от рождения научная иркутская археологическая школа имела явные «интегративные тенденции».

К 1940 г. научная — вузовская — археология в Байкальской Сибири была частично рассредоточена миграцией молодых специалистов в столичные учреждения Москвы и Ленинграда, частично, — депортацией на север, частично, в старшем руководящем звене, — физически уничтожена. Годом рождения нового цикла формирования научной археологии в Байкальской Азии можно принять 1947 г. — от начала Забайкальской археологической экспедиции А.П. Окладникова (Ленинград) и реальных полевых изысканий группы доцента ИГУ И.В. Арембовского. Переход в ситуацию тематических научных изысканий в области геоархеологии можно датировать

1956 г. — годом начала работ Геолого-Палеонтологической экспедиции Института Геологии ВСФ АН под руководством Н.А. Флоренсова и Н.А. Логачева, включившего в программу работ археологические исследования отряда М.М.Герасимова. От этого момента до сегодняшнего дня — 50 лет — можно документировать поступательное развитие региональной научно-тематической археологии в Околобайкальском пространстве. Таким образом, тенденции научной интеграции Вузовских и Академических изысканий, заложенные в региональной археологии от рождения полвека назад, обрели статус постоянства и положительный результат подобной рабочей ассоциации очевиден.

В 1963 г. при ИГУ была создана первая в Сибири вузовская Лаборатория археологии и этнографии, в 1970 г. она была введена в Устав университета, в 1985 г. лаборатория была модифицирована в Научно-исследовательское подразделение при НИЧ ИГУ; в 1992 г. она послужила базовым подразделением для организации НИ Центра Гуманитарных программ, в 1993 г. в составе НИЦ была сформирована лаборатория археологии и палеоэкологии управляемая совместно Институтом археологии и этнографии СО РАН и Университетом. Сегодня — это интерьерный НИ Центр геоархеологических и этнологических изысканий и науковедения «Байкальский регион», имеющий общий штатный состав 32 единицы, постоянное экспедиционное формирование, обширную материальную базу научного оборудования, снаряжения, лабораторно-камеральных помещений, транспорта. Центр имеет прямое административно-хозяйственное, научно-исследовательское подчинение ректорату ИГУ и научно-тематическое финансирование, и координированное управление работами через лабораторию археологии и палеоэкологии с дирекцией Института археологии и этнографии СО РАН. Центр реализует научные результаты в вузовский учебный процесс через кафедру археологии, этнологии, истории Древнего мира, которая является его подразделением и одновременно размещенную в учебно-административной сетке исторического факультета ИГУ.

За сорок пять лет организационной работы лаборатория археологии и этнографии на общественных началах преобразовалась в Центр комплексных исследований вузовского и академического подчинения, исполняющий на территории Байкальской Сибири научные изыскания по нескольким долгосрочным программам Федерального масштаба, региональным периодическим грантам и местным текущим научно-практическим заданиям. Иркутский университет, в лице лабораторно-кафедрального центра, «подарил» комплекты археологов ИРГТУ, Педуниверситету, Красноярскому педуниверситету, университету и НИИ СО РАН Улан-Удэ, разместил своих специалистов в разные города от Предуральской России до Владивостока.

Оптимальный треугольник НИЦ «Байкальский регион» — вузовские научно-исследовательские лаборатории, вузовская научно-учебная кафедра, академическое исследовательское подразделение — основным географическим пространством изысканий имеет Байкальскую Сибирь. Она принята в авторском понимании и представлении от левобережья Енисея на западе — до истоков Витима на востоке, и от южного Прихубсугулья и верхней Селенги до верховий бассейна Вилюя и правобережья Патомской дуги р. Лены на севере. Эпицентр территории — в ближайшем околобайкальском рифтовом и платформенном пространствах. Здесь, по преимуществу, сосредоточены основные объекты приложений исследовательских усилий коллектива Центра.

Геоархеологическое направление

Современный тематический масштаб работы Центра охватывает все геологическое прошлое региона в верхнем Кайнозое от проблематичной границы неогена — антропогена (квартера) до археологии средневековых кочевых ассоциаций. Стандартом, имеющим тенденцию стать традицией, является изучение археологических ансамблей плейстоцена — раннего голоцена.

Реальные систематические изыскания производятся во временном поле второй половины верхнего плейстоцена — раннем голоцене (50 000 — 6 000 лет от н.дн.), на рубеже нашей эры в эпоху этно-археологических событий формирования матричных основ народов Северной Азии.

Работы ведутся в широком спектре взаимодействий межгосударственных, межведомственных, междисциплинарных связей с научно-исследовательскими подразделениями отечественных и зарубежных университетов, академических НИИ. В наиболее активном балансе в нынешних международных взаимодействиях — Южная Корея, Япония, Канада.

В федеральном, региональном и местном — иркутском — интерьерах рабочих взаимодействий, межведомственные и междисциплинарные отношения и деловые связи Центра можно определить состоянием перехода от статистических к органическим. Это определение равнозначно как для археологических, так и для прочих видов работ. Есть основания надеяться, что процесс научных интеграций имеет выраженную динамику развития.

Потребности в ускорении темпов совместных междисциплинарных исследований велики, поскольку развитие геоархеологических изысканий в географическом пространстве и геологическом погружении выставило на авансцену тематических решений блок многоаспектных проблем в области скульптурной геоморфологии, генетических типов отложений и геохроностратиграфии, климатостратиграфии, безопасных дистанционных методов поиска, геоархеологической картографической, топографической съемки территорий и площадей, и многое другое.

Некоторыми из основных успехов археологических изысканий последних лет можно назвать активное и результативное погружение геоархеологического поиска в недра среднего и нижнего плейстоцена, соединение результатов археологического изучения погребальных комплексов 11000-6000 тысячелетия с данными генетических исследований останков этого палеонаселения Прибайкалья. Последние обнаружили восходящие генетические связи с современными народами юга Сибири и ретроспективно, на уровне 25-30 тысячелетий — зону дивергенции генетических типов циркумполярных народов (чукчи, эскимосы и др.). Даже если ограничить результативность изысканий только этими позициями, перспектива развертывания интенсивных тематических изысканий обеспечена на много лет вперед.

Необходимым результатом научно-учебной работы НИ Центра — кафедры археологии, этнологии, истории Древнего мира надо полагать выход на стабильный уровень разработок, издания, внедрения научно-методической продукции и создания основы преобразования археологической факультетской учебной специализации в общевузовскую специальность.

Генеральным результатом многолетних изысканий следует считать создание фактической кадровой, методической, фондовой основы развертывания крупномасштабной региональной и, далее — федеральной геоархеологической съемки. Эта задача может быть приравнена к выработке нового государственного закона о статусе ископаемых палеотехнологических — культурных запасов, их оценки, правил изучения, охраны и использования.

Этнологическое направление

Как и археологические, так и этнологические исследования Иркутского университета, со всей очевидностью, восходят от «народоведения» школы Б.Э. Петри, основные задачи которого, на наш взгляд, состояли в попытках восстановления линий преемственности между палеокультурами древних — неолитических автохтонов Байкальской Сибири и их «потомками» — современными популяциями «бродячих» охотников-оленеводов и полуоседлых скотоводов.

Вне всякого сомнения, тематические этнологические изыскания Б.Э. Петри и его учеников (в первую очередь Г.Ф. Дебеца, А.П. Окладникова, П.Г. Полтораднева) закладывали фундаментальные источниковые и методические основания всем последующим исследованиям иркутских этнографов. Особое место в тематике исследований Кружка народоведения Б.Э. Петри, в особенности со второй половины 1920-х годов с началом работы регионального отделения «Комитета содействия народностям Севера», занимали проблемы этногенеза и культурогенеза народов алтайской языковой семьи, интеграции традиционалистских этнических общностей Сибири в социально-политическую и экономическую структуру России начала XX вв.

Современное этнологическое направление исследований Иркутского университета начало формироваться в начале 1970-х годов после продолжительного перерыва, вызванного упомянутыми выше драматическими событиями 1937 — 1950-х гг. В 1972 г. заведующий кафедрой всеобщей истории (С.В. Шостакович) и декан исторического факультета (П.Х. Гребнев) на свой страх и риск разрешили самостоятельные полевые этнографические работы студенту второго курса того же факультета М.Г.Турову.

На первых порах, несмотря на постановку разработки фундаментальной проблемы «хозяйство эвенков Средней Сибири: методы и формы освоения таежных угодий», исследования носили сугубо этнографический характер и были нацелены на сбор и первичную систематизацию сведений о сохранившихся базовых элементах традиционного природопользования и формах организации жизненного пространства. Вместе с тем, уже на этом этапе исследования постепенно обретают междисциплинарный характер, к анализу и интерпретации собранных этнографических данных активно привлекаются материалы смежных гуманитарных и естественных наук.

В решающей степени междисциплинарный характер исследований обеспечивался тем, что этнографическое направление формировалось в структуре возрожденной «Иркутской школы археологии». Сегодня можно уверенно констатировать, что формирующийся, странный для эпохи жесткой критики «историко-археологических реконструкций», мезальянс между этнографией, исследующей «живые этносы и культуры», и археологией, все больше склонявшейся к геоархеологии — в какой-то мере «вещеведению» и реконструкции древнейших технологий производства, оказался чрезвычайно продуктивным. Творческое и взаимно обогащающее коллаборанство, соединенное общей проблематикой коллектива штатных и заштатных сотрудников лаборатории, не замыкалось в узких рамках сугубо профессиональных интересов. Оно предполагало совместное участие в полевых работах на археологических и этнографических объектах, еженедельное совместное обсуждение полученных результатов авторских исследований, коллегиальность в отработке методов сбора материала, его первичной обработки и теоретического осмысления. Первостепенное значение в последнем имело обращение к аналитическим данным и теоретическим наработкам широкого спектра естественных и обществоведческих наук.

Очевидно, этим и рядом других обстоятельств объясняется то, что к началу 1980-х годов этнологическое направление исследований в ИГУ оказалось на передовых для того времени рубежах российской этнологии, активно работающей в практике изучения и теоретического осмысления места и перспектив развития экономики и культуры, интегрированных в структуру постиндустриальных государств традиционалистских обществ.

В 1974 году в штате кафедры всеобщей истории ИГУ и на условиях совместительства в структуре Лаборатории археологии и этнографии появляется первый штатный сотрудник. Его деятельность определялась задачами тематических исследований в области этнографии автохтонного охотничье-оленеводческого населения Сибири и Дальнего Востока, подготовкой и чтением лекционных курсов по общей, региональной этнографии и истории доклассовых обществ. В соответствии с этими задачами параллельно производится разработка программы и организация полевой учебной практики по этнографии, через которую за период 1977 — 1989 гг. прошло около 150 студентов исторического факультета.

Изначально задачи этнографической практики не преследовали целей подготовки кадров профессиональных научных работников. Руководство кафедры всеобщей истории (впоследствии — кафедры археологии и этнологии) полагало, что первичный набор знаний из общей этнографии, из теории этногенетической и этнической истории народов мира должен являться одним из фундаментальных элементов профессиональной подготовки «Историка» — всякого, не зависимо от будущей сферы практического применения полученных знаний, специалиста — гуманитария. В то же время, можно не без удовольствия отметить, что в числе прошедших через полевую этнографическую практику присутствуют имена трех профессиональных этнологов:

А.А. Сирина, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИЭиА РАН (г. Москва); С.Г. Ступин, к.и.н., заместитель начальника департамента культуры администрации Иркутской области и М.В. Хандагурова, соискатель кандидатской степени, старший преподаватель кафедры Археологии, этнологии, истории древнего мира ИГУ.

К середине 1980-х гг. этнологическое направление в Иркутском университете укрепляет и выводит на уровень постоянного сотрудничества сложившиеся ранее творческие связи «Иркутской школы» с рядом академических и вузовских научных центров России, ближнего и дальнего зарубежья. В «до перестроенный период» прочные связи поддерживаются с профильными академическими институтами Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Сотрудничество с этими центрами осуществлялось не только через работу в ежегодных республиканских и всесоюзных научных собраниях, но и через тематические публикации материалов текущих исследований в ряде академических изданий по проблемам этногенеза и этнокультурной истории Сибири и Дальнего Востока.

В конце 1980 — начале 1990-х годов формируются, действующие по сей день рабочие связи с исследователями Японии, Кореи, Венгрии, Китая, Дании и Великобритании. Так, в 1993-1995 гг. по теме «эвенки Средней Сибири: выживание в ретроспективе этнической истории» с участием проф. К. Иноуэ (Центр славяноведения, Университет Хоккайдо) осуществляются полевые исследования среди кочевого эвенкийского населения Катангского района Иркутской области. С 2003 по 2005 г. этнографическое подразделение кафедры организует в рамках Российско — Канадского Проекта исследования по социальной антропологии и этноархеологии современного коренного и древнего населения Байкальской Сибири.

Результаты научно-исследовательской работы этнографической группы НИЦ «Байкальский регион», накопленный банк данных по этнической истории коренного и русского старожилого населения позволяют выйти за рамки решения профессиональных задач, активно внедрять накопленные знания в практику реализации государственных проектов социального, экономического и этнокультурного развития населения Средней Сибири. Среди работ в этом направлении можно указать на участие в экспертизе проектов формирования Верхнеленского территориально-промышленого комплекса (1990 г.), строительства Туруханской ГЭС (1987 г.), освоения Верхнее-Чонского и Яractинского НГКМ (Катангский, Казачинско-Ленский и Киренский районы Иркутской области , 2005 — 2009 гг.).

Завершая обзор деятельности функционирующих в структуре ИрГУ НИЦ «Байкальский регион» геоархеологического и этнологического отделов, следует еще раз подчеркнуть их преемственную связь с «Кружком народоведения» Б.Э. Петри, неуклонное следование тому методу, стилю и, не побоимся этого слова, фундаментальности выдвигаемых к исследованию проблем, которые были свойственны родоначальникам «Иркутской школы». Может, действительно, есть основание верить, что тематический ген памяти — «mem» — есть саморегулирующийся кусочек ДНК культуры…

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ — Алтайский государственный университет

АМУ — Архив Марбургского университета

АО — Археологические открытия, М.

БГ НИИ — Биолого-географический научно-исследовательский институт при Иркутском государственном университете

БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии Наук

ВАУ — Вопросы археологии Урала

ВСОГО — Восточно-Сибирский отдел Географического общества СССР

ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГАЧО — Государственный архив Читинской области

ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской Академии наук

ЖС — Живая старина, Пг.

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИГУ — Иркутский государственный университет

ИЛАиП — Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии

ИРГО — Императорское Русское географическое общество

ИрГТУ — Иркутский государственный технический университет

ИРКИСВА — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении, СПб.; Пг.

ИЭА — Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НГУ — Новосибирский государственный университет

ОмГУ — Омский государственный университет

РАТ — Рабочий архив А.М. Тальгрена в археологическом отделе Музейного ведомства Финляндии

РОБХУ — Рукописный отдел библиотеки Хельсинкского университета

РА — Российская археология, М.

СА	— Советская археология, М.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук, Пг.
СЭ	— Советская этнография
ТГУ	— Томский государственный университет
ТомГУ	— Томский государственный университет
ЦСН	— Центр сохранения историко-культурного наследия
ЦЧО	— Центральная черноземная область
ЧГПУ	— Читинский государственный педагогический университет
ЧОКМ	— Читинский областной краеведческий музей
ЭО	— Этнографическое обозрение, М.
FUF	— Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
SKST	— Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, Helsinki
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja, Helsinki
SUSKJ	— Suomalais-ugrilaisen Seuran, Kansatieteellisiä julkaisuja — Sociéte Finno-Ougrienne, Travaux ethnographiques, Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ИРКУТСКАЯ ШКОЛА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

С.В.Алкин
ИССЛЕДОВАТЕЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ЕЛПИДИФОР ИННОКЕНТЬЕВИЧ ТИТОВ 10

А.С. Вдовин, С.В. Кузьминых
«ОБЕЩАЮ ВАМ ОТ ИМЕНИ СИБИРИ ПОЛНОЕ СОДЕЙСТВИЕ»:
(письма Б.Э. Петри А.М. Тальгрену)* 22

Е.В. Детлова, Н.П. Макаров
КРАСНОЯРСК — ИРКУТСК.
К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ Б.Э. ПЕТРИ И Г.К. МЕРГАРТА* 36

В.М. Дьяконов
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г.В. КСЕНОФОНТОВА:
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ
(по материалам архива Г.В. Ксенофонтова) 46

Г.Л. Иванов
БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ — НАХОДКИ Б.Э.ПЕТРИ
(ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОНДОВ ИРКУТСКОГО
ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ) 51

А.Д. Калихман, Т.П. Калихман
ПО ДЕЛАМ ИХ УЗНАЕТЕ ИХ 53

Л.Ю. Китова
ИРКУТСКАЯ ШКОЛА АРХЕОЛОГОВ:
Г.П. СОСНОВСКИЙ — УЧЕНИК Б.Э. ПЕТРИ 59

М.В. Константинов
ГУЛАГОВСКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ЕЛПИДИФОРА ТИТОВА 66

Е.О. Коршунов
ИССЛЕДОВАНИЯ Б.Э. ПЕТРИ НА ЮЖНОМ БАЙКАЛЕ 69

М.Ф. Матвеева, А.А. Сирина
ТРИ ПИСЬМА Б.Э. ПЕТРИ П.К. КОЗЛОВУ
(ИЗ АРХИВА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА) 79

Л.Р. Павлинская
БЕРНГАРД ЭДУАРДОВИЧ ПЕТРИ.
ЭКСПЕДИЦИИ В ВОСТОЧНЫЕ САЯНЫ* 83

Н.А. Савельев, А.С. Пержакова
ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ХОРОШИХ (1890-1977 гг.).
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.. 89

А.В. Харинский
ИССЛЕДОВАНИЯ Б.Э. ПЕТРИ ПЕЩЕР
У ГОРЫ ТАНХЫН В ПРИОЛЬХОНЬЕ 99

Д.Л. Шергин
КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА Б.Э. ПЕТРИ
ПО ФОНДАМ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 107

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Е.В. Акимова
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГОПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (1974-2008 гг.) 118

М.И. Гантимурова
ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
И КРАЕВОЙ МУЗЕЙ Г. ЧИТЫ В 1917-1922 ГОДАХ 129

О.В. Дьякова
БОХАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОГЕНЕЗА)* 133

В.С. Зубков
АРХЕОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА
ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ:
СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ 137

П.В. Мандрыка
ПРОБЛЕМА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ СТЕПНЫХ,
ЛЕСОСТЕПНЫХ И ТАЕЖНЫХ НАРОДОВ
ЕНИСЕЙСКОЙ ДОЛИНЫ ЭПОХИ МЕТАЛЛА
В СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920-1930-Х ГОДОВ. 144

А.Г. Марочкин
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА
В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ:
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫДЕЛЕНИЮ (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА). 147

С.П. Нестеров
ОЧЕРК ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯАМУРСКОЙ ОБЛАСТИ. 152

Е.В. Подзюбан
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТА В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ 158

А.Н. Толкацкий
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПАМЯТНИКОВ КАНСКОГО РАЙОНА 164

Л.Г. Ярославцева
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И СУДЬБА ПЕРВОГО БУРЯТСКОГО
АРХЕОЛОГАЭРДЭМТО РИНЧИНОВИЧА РЫГДЫЛОНА
(10.11.1906 — 24.04.1957). ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА 166

**АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ.
ЧЕЛОВЕК В ПАЛЕООБСТАНОВКАХ ВЕРХНЕГО КАЙНОЗОЯ**

Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, Е.Н. Кукса, А.Н. Мотузко
ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА САЖЕНЦЫ
В ЗОНЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА 174

Ю.Е. Антонова
ИНДУСТРИЯ МИКРОПЛАСТИН В НЕОЛИТЕ
ЮГА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ БИЛИ) 181

П.В. Афанасьев
«КОРРАДИРОВАНЫЕ», «ДЕФЛИРОВАННЫЕ»
ИСКОПАЕМЫЕ АРТЕФАКТЫИЗ ТВЕРДЫХ ГОРНЫХ ПОРОД —
ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ, ГЕОСТРАТИГРАФИИ ПЛЕЙСТОЦЕНА,
ПАЛЕОЛАНДШАФТОВ, ИХ ХРОНОМЕТРИИ 185

И.М. Бердников
ИЗУЧЕНИЕ ДЕКОРА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ
В АРХЕОЛОГИИ (ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ОПИСАНИЯ) 193

Н.Е.Бердникова, Г.А.Воробьева
ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ 200

В.М. Ветров
ПЕРСПЕКТИВЫ ОБНАРУЖЕНИЯ ПАМЯТНИКО
В ДОСАРТАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ВИТИМЕ 218

С.А. Дзюбас, И.В. Стерхова
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АНСАМБЛЯ «ГРИБОВА ГОРА» В ТАЙШЕТСКОМ РАЙОНЕ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ 223

Ю.А. Емельянова, Т.А. Абдулов
КЕРАМИКА СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКОГО ТИПА СО СТОЯНКИ ЛЫСАЯ СОПКА 226

А.М. Клементьев
ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ФОФАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА
КАК ИСТОЧНИК ПРОМЫСЛОВОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ 231

И.В. Ковтун
О ДАТИРОВКЕ АНТРОПОМОРФОВ В ГРИБОВИДНЫХ ГОЛОВНЫХ УБОРАХ 234

В.В. Краснощёков
МЕСТО СТОЯНКИ БАМОВСКАЯ В КРУГУ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОБЪЕКТОВ СЕ-
ВЕРА ВЕРХНЕЛЕНСКОГО РЕГИОНА 240

В.Е. Ларичев, Е.А. Липнина, Г.И. Медведев, С.А. Когай
АНГАРСКИЙ ПАЛЕОЛИТ:
У ИСТОКОВ «ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА»
РАННИХ HOMO SAPIENS ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
И НАЧАЛО ОБРЕТЕНИЯ ИМИ ПРОТОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ 246

Д.Н. Лохов
КЕРАМИКА УСТЬ-МИЛЬСКОГО ОБЛИКА ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИМ 263

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова
РАННЕГОЦЕНОВЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ
ХУЖИР-НУГЭ XV В ПРИОЛЬХОНЬЕ 269

С.Н. Пержаков
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
КИСТЕНЕВО-9 (ВЕРХНЯЯ ЛЕНА).
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ МОРФОТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ 280

А.И. Поселянин
ТИПОЛОГИЯ ПОМИНАЛЬНИКОВ ПОЗДНЕГО ЭТАПА
ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ 290

Г.И. Медведев, Е.О. Роговской, Е.А. Липнина, Д.Н. Лохов, С.П. Таракановский
СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ.
ВВЕДЕНИЕ В ПЛЕЙСТОЦЕНОВУЮ АРХЕОЛОГИЮ 296

Ю.Б. Сериков
О ВРЕМЕНИ И ХАРАКТЕРЕ ОСВОЕНИЯ ПЕЩЕР
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ УРАЛА 308

В.И. Ташак
БАРУН-АЛАН 1: ХРОНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА 314

А.В. Тетенькин
РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ВИТИМА
В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРУППЫ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ КОВРИЖКА I-IV 320

Н.В. Цыденова
КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТА — РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА
В ЯРЦАХ БАЙКАЛЬСКИХ 330

ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

О.А. Акулич, А.А. Сирина
ИРКУТСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В 1920-Е ГОДЫ: ЛЮДИ, ТРУДЫ, СУДЬБЫ 340

А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков
МАТЕРИАЛЫ ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ И МОНГОЛОВ,
СОБРАННЫЕ Й. РЕЕМАНОМ И А. ТЕСЛЕФФОМ В НАЧАЛЕ XIX в. 343

В.А. Данилейко
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ (по материалам КККМ) 349

Б.Б. Дашибалов
МОНГОЛО-МАНЬЧЖУРО-КОРЕЙСКИЙ
ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГЕНЕЗИС ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР
ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 356

П.Б. Коновалов
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ БУРЯТСКОГО НАРОДА 361

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

Л.В. Лбова
ИННОВАЦИОННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
«СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛЕВАЯ ШКОЛА»(2006-2008 гг.). 368

Г.В. Любимова
РАЗРАБОТКА СПЕЦКУРСА ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ
СИБИРСКОГО РЕГИОНА для студентов гуманитарных специальностей 373

Г.И.Медведев, М.Г.Туров
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЙКАЛЬСКОЙ АЗИИ.
К ИСТОРИИ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ.(ПОСЛЕСЛОВИЕ). 378

Список сокращений 383

ВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Иркутская школа 1918 — 1937 гг.

Всероссийский семинар,
посвященный 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри

Ответственный редактор — д.и.н., Г. И. Медведев

Корректор
Оригинал-макет А. А. Калинкин.
Подписано к печати
Формат 205х287мм.
Офсетная печать
Ус. печ.л. Уч.-изд л.
Тираж 300 экз.
Заказ

Издательство ООО «Амтера»
664075, Иркутск, ул. Байкальская, 249, оф. 203
Отпечатано: ООО «Амтера»
664075, Иркутск, ул. Байкальская, 249, оф. 203